

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН
ЦЕНТР ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

INSTITUTE OF WORLD HISTORY
CENTRE FOR INTELLECTUAL HISTORY
RUSSIAN SOCIETY OF INTELLECTUAL HISTORY

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

74

DIALOGUE WITH TIME

DIALOGUE WITH TIME

INTELLECTUAL HISTORY REVIEW

2021 Issue 74

EDITORIAL COUNCIL

Carlos Antonio AGUIRRE ROJAS
La Universidad Nacional
Autónoma de Mexico

Mikhail V. BIBIKOV
Institute of World History RAS

Vera P. BUDANOVA
Institute of World History RAS

Tamara A. BULYGINA
North-Caucasus Federal University

Wojciech WRZOSEK
Uniwersytet im. Adama Mickiewicza
w Poznaniu

Piama P. GAIDENKO
Institute of Philosophy RAS

Stefano GARZONIO
Università di Pisa, Italia

Galina I. ZVEREVA
Russian State University
for the Humanities

Valentina P. KORZUN
Omsk State University

German P. MYAGKOV
Kazan Federal University

Igor V. NARSKIJ
National Research
South Ural State University,
Cheljabinsk

Valery V. PETROFF
Institute of Philosophy RAS

Jefim I. PIVOVAR
Russian State University
for the Humanities

Jörn RÜSEN
Kulturwissenschaftliche Institut, Essen

Irina M. SAVELIEVA
Higher School of Economics
National Research University

Gyula SZVÁK
Eötvös Loránd University,
Budapest, Hungary

Andrej B. SOKOLOV
Yaroslavl State Pedagogical University
named after K. D. Ushinsky

Rolf TORSTENDAHL
Uppsala Universitet, Sweden

Victoria I. UKOLOVA
Moscow State Institute of International
Relations (University) MFA of Russia

Nina A. KHACHATURIAN
Lomonosov Moscow State University

Chen QINENG
The Institute of World History,
Chinese Academy of Social Sciences

Pavel P. SHKARENKO
Russian State University
for the Humanities

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

АЛЬМАНАХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

2021 Выпуск 74

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Карлос Антонио АГИРРЕ РОХАС
Национальный автономный
университет Мехико

М. В. БИБИКОВ
Институт всеобщей истории РАН

В. П. БУДАНОВА
Институт всеобщей истории РАН

Т. А. БУЛЫГИНА
Северо-Кавказский
федеральный университет

Войцех ВЖОСЕК
Университет им. Адама Мицкевича,
Познань, Польша

П. П. ГАЙДЕНКО
Институт философии РАН

Стефано ГАРДЗОНИО
Пизанский университет, Италия

Г. И. ЗВЕРЕВА
Российский государственный
гуманитарный университет

В. П. КОРЗУН
Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского

Г. П. МЯГКОВ
Казанский
федеральный университет

И. В. НАРСКИЙ
Национальный исследовательский
Южно-Уральский государственный
университет, Челябинск

В. В. ПЕТРОВ
Институт философии РАН

Е. И. ПИВОВАР
Российский государственный
гуманитарный университет

Йорн РЮЗЕН
Институт наук о культуре, Эссен, ФРГ

И. М. САВЕЛЬЕВА
Высшая школа экономики
Национальный исследовательский
университет

Дюла СВАК
Будапештский университет
имени Лоранда Этвеша

А. Б. СОКОЛОВ
Ярославский государственный
педагогический университет
им. К. Д. Ушинского

Рольф ТОШТЕНДАЛЬ
Уппсальский Университет, Швеция

В. И. УКОЛОВА
Московский государственный институт
международных отношений
(Университет) МИД России

Н. А. ХАЧАТУРЯН
Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова

Чен ЧИНУН
Институт мировой истории
Академии социальных наук, КНР

П. П. ШКАРЕНКОВ
Российский государственный
гуманитарный университет

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН
Лорина Петровна РЕПИНА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

АФАНАСЬЕВА А. Э., кандидат исторических наук, доцент
ВЕДЕШКИН М. А., кандидат исторических наук (отв. секретарь)
ВИШЛЕНКОВА Е. А., доктор исторических наук, профессор
ВОРОБЬЕВА О. В., кандидат исторических наук, доцент
ГОРЕЛОВ М. М., кандидат исторических наук
ИОНОВ И. Н., кандидат исторических наук
КИСЕЛЁВА М. С., доктор философских наук, профессор
КОРЧИНСКИЙ А. В., кандидат филологических наук, доцент
МАЛОВИЧКО С. И., доктор исторических наук, профессор
НЕДАШКОВСКАЯ Н. И., кандидат филологических наук, доцент
ПЕТРОВА М. С., доктор исторических наук, доцент (зам. гл. редактора)
РУМЯНЦЕВА М. Ф., кандидат исторических наук, доцент
СЕЛУНСКАЯ Н. А., кандидат исторических наук
СЕРЕГИНА А. Ю., доктор исторических наук
СТОГОВА А. В., кандидат исторических наук, доцент
ЭКШТУТ С. А., доктор философских наук

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ 74

М.: Аквилон, 2021. — 432 с.

Журнал «Диалог со временем» посвящен проблемам интеллектуальной истории, которая изучает исторические аспекты всех видов творческой деятельности человека, включая ее условия, формы и результаты.

DIALOGUE WITH TIME 74

Moscow: Aquilo-Press, 2021. — 432 p.

Journal “Dialogue with Time” is specially intended for consideration of the problems of intellectual history understood as a study of historical aspects of all kinds of human creative activity, including its conditions, forms and products.

ISSN 2073–7564

Эл. № ФС 77-53624

Подписной индекс в общероссийском каталоге «Роспечать» — **36030**

© Общество интеллектуальной истории, 2021
© Институт всеобщей истории, 2021
© Издательство «Аквилон», 2021
© Журнал «Диалог со временем», 2021
Репродуцирование (воспроизведение) данного издания или его части любым способом без письменного соглашения с издателем запрещается

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ

А.А. ЛУКАШЕВИЧ

ПРИНЦИП ДВОЙНОЙ ИСТОРИЗАЦИИ В ИСТОЧНИКОВЕДЕНИИ

В статье впервые вводится в научный оборот принцип двойной историзации и обосновывается его применение в источниковедении. «Повороты» в исторической науке открыли перед ней не только новые перспективы, но и поставили трудные вопросы об историческом факте, источнике, истине, роли историка в историческом познании. Мы предлагаем обратить внимание на то обстоятельство, что источник и историк связаны между собой и включены, в онтологическом и эпистемологическом аспектах, в объективный социокультурный процесс, проявляющийся в субъективной форме. В нем они «свершаются», т.е. претерпевают изменения на этапах своей «жизнедеятельности». Поскольку субъект и объект познания нестабильны, возникает вопрос о конкретности истины в истории. Это означает: для понимания источниковой информации необходимо установить момент пересечения «историй» источника и историка в определенном временном пространстве, т.е. применить принцип двойной историзации в источниковедении. Так создается контекст диалогового познавательного процесса не только в его структурно-функциональном измерении, но и генетическом. Возникает возможность нейтрализовать модернизацию содержания источника и подчинение ему историка. Таким образом, обоснование исторического вывода имеет перспективу в том случае, если оно опирается не только на источник, но и на систему «выработки» знания, включающую, кроме него, теоретико-методологические установки, принципы историка, экспертные оценки научного сообщества.

Ключевые слова: принцип двойной историзации, источниковедение, исторический источник, историческая истина, исторический факт, познавательная активность историка, историзм, ситуация диалога

В источниковедении принцип двойной историзации вводится впервые. Необходимость в этом возникла в связи с различными «поворотами» в исторической науке и пересмотром ее ключевых понятий – «исторический факт», «исторический источник», значение историка в познавательном процессе. Возникли трудные вопросы, главный из которых – возможна ли истина в историческом познании?

Историческая наука не может опираться исключительно на исторические источники, в известном смысле «созданные» историком. Они «могут в полной мере выполнить свою роль, только будучи «вмонтированными» в определенную систему доказательства исторических выводов, включающую, кроме них, конкретно-историческую концепцию, методы и критерии исследования, теоретико-методологическую основу, приемы проверки полученных результатов¹. В ее основе – сопряжение источника с историком, нуждающихся в историзации, поскольку сами историчны, проходят определенный «жизненный» путь. Введение принципа двойной историзации в источниковедение направлено на оптимизацию «механизма» разработки и обоснования исторического знания.

---

¹ Лукашевич 2015: 44.

В понимании исторического источника можно отметить два подхода. Для первого характерны включение в его определение таких признаков, как инвариантность (позволяющая многократно к нему обращаться, по аналогии с естественнонаучным экспериментом, причем его информация остается неизменной), суверенность (источник существует независимо от историка), доступность для непосредственного изучения. Другая точка зрения – «конструктивистская»: источник предстает в ней как теоретическое построение, основанное на эмпирическом материале, продукт познавательной деятельности историка. Источник динамичен, претерпевает структурные изменения, так как его творец-историк историчен, в познании следует своим культурным, научным, политическим ценностям. Оба подхода абсолютизируют отдельные черты источников: с одной стороны, стабильность, неизменность материальной формы, с другой – динамизм смыслов их информации. Отказаться от догматического понимания вещи и ее существования как некой константы, независимой от какой-либо системы координат, может помочь ее диахронический анализ, в котором раскрываются процессуальные характеристики фрагмента реальности². Преодоление крайностей целесообразно искать на пути исследования источника на всех этапах его существования, через призму диалектики устойчивости и изменчивости, вещи и процесса. Следование этой установке ведет к историзации не только субъекта исторического познания, но и его объекта – исторического источника.

Наша постановка проблемы отличается от принципа «двойной историзации», сформулированного П. Бурдьё: «...опасности пассивной релятивизации продуктов речи, претендующей на научность, могут быть ограничены и даже устранены, если мы подвергнем историзации, с одной стороны, познающего субъекта, а с другой – познаваемый объект»³. Как полагает Бурдьё, историзм в социальных науках чреват релятивизмом, а значит, нигилизмом, поскольку ставит под вопрос возможность достижения ими общезначимого знания. Каков же выход из тупика?

Релятивизм обусловлен тем, что социальные науки суть продукт «исторических существ». Если они подвергнут историзации (объективации) самих себя, то проблема может быть если не решена, то значительно ограничена. Необходима одновременная двойная историзация «аналитика» и его объекта – исследуемого «продукта (или производителя)».

Рефлексивная объективация означает по-новому расположить познающего субъекта в «поле производства» («форме жизни»), внутри которого он проводит свой анализ, а также по-новому разместить познаваемый объект в поле, «где он произвел свой продукт». Исследователь сможет осуществить объективизацию своего объекта в той мере, в какой сможет объективировать свою собственную позицию в пространстве, отличном от того, в котором расположен его объект. Тогда он сможет контролировать свое отношение к познаваемому и не приписывать ему

² Крюков 2011: 27–42.

³ Бурдьё 2019.

своих доэмпирических мнений. Чем глубже субъект погружается в историю своего существования, тем легче ему понять ту совокупность «универсумов», которые формируют его взгляды, представления, и увидеть «трансисторическую истину» в своем мышлении и в изучаемом объекте. По сути, речь идет об одном из вариантов историзации субъекта.

Как признался П. Бурдье, императив двойной историзации сложно применить на практике. Причем рефлексивность как средство преодоления «социального давления» также вызывает вопросы, но цель обращения к мыслям философа – показать своеобразие нашего подхода, сделать акцент на историзации именно источника как следствия признания, «реабилитации», активности историка.

«Родословную» источника можно представить, как развертывание его состояний: как вещь, фрагмент объективного мира, следствие взаимодействия человека и окружающей его среды, исторический источник – предмет, утративший свою социальную функцию, ради которой он был создан, и использующийся историком для получения ретроспективной информации и, в известном смысле, создания нового источника. «Жизненный» путь источника может быть охарактеризован с позиции противоречивого единства объекта и процесса: взятый сам по себе с точки зрения его внутренней структуры и как процесс, проявляющийся благодаря временному горизонту, в некотором прошлом или будущем, как становление и развитие. То есть он представляется объектом или процессом в зависимости от выбранной системы координат, поэтому ему свойственны признаки всех его состояний. В основе своей это взгляд на объект с позиции релятивистской модели реальности как развивающейся в пространстве и во времени, переживающей внутренние изменения.

В познавательном процессе источник предстает как тождество материального и идеального, единство «исторического материала» и его источниковедческой конструкции. Он не существует автономно, по своему своему происхождению и способу «бытования». Его нельзя противопоставлять историку, поскольку данное субъект-объектное отношение имеет общее историко-культурное основание, определяющее объективные свойства источника. Социальная обусловленность предшественника источника-предмета, превращает его в «чувственно-сверхчувственную» реальность. Он имеет двойственную природу: с одной стороны, как единичный, индивидуальный объект, обладает чувственно воспринимаемой формой, структурирован, а с другой – как звено общественных процессов связан с ними генетически и функционально, свидетельствует об их существовании. Социальная взаимосвязь не дана непосредственно, она «сверхчувственна», для ее постижения необходима идеализация. По мере того, как предмет начинает выполнять функции источника, последний наследует его «чувственно-сверхчувственные» характеристики. Как структурный элемент факта или события прошлого, источник выступает в своей предметно-чувственной форме, наблюдение за которой обеспечивает историка эмпирическими данными, необходимо не свя-

занными с его теоретико-методологическими установками. Здесь источник – безусловный исторический факт и носитель ретроспективной информации. Его реконструкция в пределах горизонтов прошлого и настоящего предполагает понимание истории как процесса становления и развития. Такой историзм требует уточнения: историю можно представить, как череду событийных трансформаций вплоть до нашего времени⁴.

«Бытование» источника есть постоянная смена его модусов. Но если он выпадает из исторического процесса, то превращается в физическую вещь. Изучение процессов реализации функции источников, в которых разворачиваются, формируются заключенные в них смыслы, позволяет обнаружить информацию, недоступную на эмпирическом уровне исследования. Кроме того, подтверждение ее достоверности, истинности, по-видимому, целесообразно проводить не только путем сопоставления полученной информации с источником, но и с источниковыми процессами – трансформациями. Для проведения подобной верификации необходима историзация источника. Применимо к исследовательской практике это означает, что источниковедческая историография не предисловие научной работы, а необходимый компонент всех ее этапов. Причем сама рефлексия над источником не должна ограничиваться анализом истории источника, а сопровождаться изучением условий его существования, причин актуализации в современности.

Сложность в понимании историзации источника заключена в том, что его трудно представить в динамичном состоянии. В эмпирическом исследовании источник предстает в чувственно воспринимаемой форме, как заверченный в прошлом продукт деятельности человека. Объективность его существования очевидна, но следует учесть присущий ему феномен смены материальной оболочки, на который обратила внимание О.М. Медушевская⁵. За время своего функционирования, источник постоянно, целенаправленно воспроизводится (реставрируется, копируется), поскольку целостность его материальной фактуры обеспечивает непрерывность передачи социальной информации. Изменчивым он становится тогда, когда, превращаясь из объекта познания в его предмет, рассматривается как звено социокультурных процессов. В результате его изучения историк получает не только новое знание, но и обновленный источник. Например, Р.В. Овчинников для изучения указов Е.И. Пугачева использовал 46 сохранившихся документов и 119 реконструированных⁶. Как полагает В.С. Библер, историк расширяет «историческую площадь» источника в процессе его реконструкции и конструкции⁷.

Признание познавательной активности историка стало предпосылкой суждения, согласно которому он является создателем своего эмпирического поля исследования – исторических источников. Дройзен,

⁴ Чеканцева 2019.

⁵ Данилевский, Кабанов, Медушевская, Румянцева 1998.

⁶ Овчинников 1980.

⁷ Библер 2019.

формулируя задачи исторической науки, писал: «Она должна не только повторить то, что уже у нас имеется как историческое предание, но и проникнуть глубже, она стремится, насколько это возможно, мысленно воскресить и понять все то, что еще можно найти из прошлого, как бы создать новые первоисточники». Как пояснил историк, «частично» это можно сделать, обратившись к ранее использовавшимся или непонятным «материалам, открывая новые, либо путем «методического разбора» «известной исторической традиции». Кроме того, рекомендованы труды выдающихся историков, которые хотя и нельзя отнести к первоисточникам, но в то же время, не являются вторичными, производными сочинениями. Благодаря глубокому пониманию истории, их автор лучше понимает исследованную эпоху, чем ее современники. Поэтому, заключил Дройзен, их книги, в некоторых отношениях, имеют более высокую ценность, чем первоисточники⁸. Примечательный вывод: если историк может «создавать» источники, тогда остается один шаг к другому утверждению, что это у него получается даже лучше, чем у людей прошлого. Отметим, в терминологии Дройзена понятие «источник» – это все, что позволяет взглянуть на исторические события глазами их современников. В самом общем смысле «источник – все материалы прошлого, имеющиеся в наличии и доступные для изучения»⁹.

Р. Коллингвуд, доказывая, что исторические факты не даны историку в готовом виде, а есть результат его творческих усилий, обращается к работе с источниками: «Из всех вещей, воспринимаемых им [историком] нет ни одной, которую бы он не смог в принципе использовать в качестве свидетельства для суждения по какому-нибудь вопросу при условии, что он задает правильный вопрос...»¹⁰. По сути, это «формула создания» источника. Сам же «правильный вопрос», производный из исторического знания, которым обладает историк: «Только наше историческое знание говорит нам, что эти забавные знаки на бумаге – греческие буквы, что слова, образуемые ими, обладают определенными значениями в аттическом диалекте... Если отвлечься от этого, то отрывок будет выглядеть всего лишь как определенное расположение черных знаков на белой бумаге, он вообще является не каким-либо историческим фактом, а чем-то существующим здесь и теперь и воспринимаемым историком». Для установления истинности суждений историка, полагает Коллингвуд, их необходимо сопоставить со свидетельствами. Именно анализ данного отношения есть «единственный путь решения вопроса об истинности его [историка] исторической картины»¹¹.

Предложенный способ верификации исторического знания вызывает вопросы. В самом деле, как прорваться к объективному прошлому, если исследователь оказался в замкнутом круге: свои субъективные

⁸ Дройзен 2004: 144-145.

⁹ Дройзен 2004: 84.

¹⁰ Коллингвуд 1980: 235.

¹¹ Коллингвуд 1980: 232, 235-236.

научные выводы он должен обосновать, используя им же «созданные» свидетельства? Более того, они «при решении любой конкретной проблемы, меняются с изменением исторического метода и при изменении компетентности историков»¹². Иными словами, источниковая база историка зависит от его профессионализма, который тоже не является неизменным. Как тогда преодолеть неизбежный в таком случае релятивизм исторического знания? Акцент на познавательной инициативе историка предопределяет ответ: оно «может расти только из исторического же знания»¹³. Но критерием истины будет «идея самой истории, идея воображаемой картины прошлого», – «врожденный» или «априорный» элемент структуры сознания человека обосновывающая саму себя»¹⁴.

Вопросы интерпретации понятия «источник» и близких к нему по смыслу его «конструирования» изначально связывались с проблемами критериев исторического познания, исторической истины, соотношения части-целого (источник как фрагмент источникового корпуса, созданного в определенную историческую эпоху). Если исходить из системного подхода, то следует учесть: анализ понятия, указывающего на отдельно взятый исторический источник, будет ограниченным. Наконец, предложение его интерпретации не дает ответы на вопрос, как историк в своем исследовании может прорваться к объективному прошлому, избежав релятивизма в своих выводах. Особенно, если утверждается не только изменчивость результатов исследования в связи с меняющимися методами, принципами интерпретации источников, но и констатацией того факта, что история – «поток, в который нельзя вступить дважды. . .»¹⁵.

Историк, возвращаясь к предмету своего исследования, обнаруживает, что изменилась сама научная проблема. Иными словами, в историческом процессе взаимосвязаны и меняются субъект познания и его объект – исторический источник. Процедуры «конструирования» и интерпретации последнего производятся историком одновременно. Марк Блок, как и Коллингвуд, был убежден в том, что в научном познании всегда «вначале – пылливый дух» исследователя, который должен составить вопросник, с которым следует обратиться к свидетельству, «чтобы он мог сразу же служить магнитом для опилок документа»¹⁶.

Метафорично высказанная идея «создания» или «сборки» источника основана на убеждении Блока в том, что разнообразие исторических свидетельств бесконечно, поскольку все, к чему имел отношение человек, может дать о нем сведения. Но для этого историку необходимо «заставить» их заговорить, опираясь на свой вопросник, направляющий исследование на всех этапах. Отсюда можно заключить: «сотворение» источника – процесс, начинающийся с первого вопроса к остатку про-

¹² Коллингвуд 1980: 236.

¹³ Коллингвуд 1980: 235.

¹⁴ Коллингвуд 1980:237.

¹⁵ Коллингвуд 1980: 236.

¹⁶ Блок 1986: 39.

шлого. Дальнейшая его судьба определяется местом и значением, которое он займет в историографии. Нет вопроса – нет источника¹⁷. Комментируя Коллингвуда, А. Про возвращается к положению, ставшему общим для представителей Школы Анналов (А. Марру, Л. Февра): «Боле того, без вопроса нет также и документа. Именно вопрос, который задает историк, позволяет возвести в ранг источников и документов те или иные следы, оставленные прошлым». Исходя из примата вопроса над документом, он заключает: «...нераздельное единство вопроса, документа и процедуры критики последнего объясняет тот факт, что обновление вопросника влечет за собой обновление и/или документальной базы»¹⁸, т.е. с развитием исторической мысли изменения претерпевают исторические источники, составляющие ее эмпирическую основу.

Некоторые итоги размышлений над вопросами превращения исторического наследия в исторические источники подвел Мишель Фуко:

«Однако в результате начавшейся не сегодня и, вероятно, все еще не завершившейся мутации история изменила свою точку зрения на документ: в качестве первоочередной задачи она ставит перед собой отнюдь не интерпретацию, не определение того, говорит ли он правду и какова его выразительная ценность, а обработку документов и рассмотрение его изнутри: история организует, разрезает, распределяет, упорядочивает документ, размещает его по уровням, устанавливает ряды, отделяет то, что относится к делу, от того, что к делу не относится, выделяет элементы, определяет единства, описывает связи. Таким образом, для истории документ – это уже не инертная материя, сквозь которую она пытается восстановить то, что делали или говорили люди, то, что уже миновало, оставив лишь призрачный след: в самой документальной ткани история стремится определить единства, совокупности, ряды, отношения»¹⁹.

Современная историческая наука, как ее определяет философ, – это то, «что преобразует документы в памятники, в которых расшифровываются оставленные людьми следы...»²⁰. Создание, обработка, использование «документов» рассматриваются им не просто как набор последовательных источниковедческих процедур, а как сущность исторической науки. Сам «документ» перестал быть «инертной материей».

Обосновывая необходимость понимания природы исторических источников как условия для вынесения вердикта о ложности или истинности содержащейся в них информации, А.Я. Гуревич отметил, что при такой постановке вопроса источник утрачивает свою «нейтральность» и потому его следует «переструктурировать»²¹. Что это означает? Как пояснил историк, необходимо различать памятник прошлого и исторический источник. Первый превращается в источник сведений о прошлом только тогда, когда становится предметом внимания историка, который выбирает нужные ему памятники, исходя из своих научных задач, и применяет к ним методы исследования, соответствующие их отличи-

¹⁷ Блок 1986: 38.

¹⁸ Про 2000: 83, 85.

¹⁹ Фуко 2004: 41–42.

²⁰ Фуко 2004: 43.

²¹ Гуревич 1993: 225.

тельными свойствам. Вне «этого отношения исторических источников не существует». В этом смысле историк «создает» исторический источник, «а не рабски следует его букве...»²², он мысленно «перестраивает» памятник для последующей его интерпретации²³. Эта «трансформация» исторического источника (если перефразировать: превращение объекта исследования в его предмет) определяется не только историографической проблематикой, но и его внутренней логикой структурирования, а также культурой, в контексте которой был создан²⁴. Пояснение важное, поскольку объясняет возможность объективации субъективного по своей форме предмета научного исследования – исторического источника. По мнению историка, «конструктивизм» – процедура не произвольная, а обусловленная всей историей «бытования» источника. При этом «объект» познания остается статичным, так как не создается, дан исследователю непосредственно в качестве «памятника», а «предмет» «трансформируется» и потому меняются его характеристики.

Из сказанного выше следует: историк ведет диалог с источником и его автором (создателем). Причем он не «навязывает» им свое представление о прошлом, но активно его разрабатывает. Так формируется «территория историка», особое «время-пространство», место встречи культур исследователя и той, продуктом которой является источник. Образуемое интеллектуальное пространство не принадлежит ни прошлому, ни настоящему. «Созданный» в его пределах источник оказывается в неопределенном положении – неясно, какой эпохе он адекватен. Источник – не произвольная конструкция, он «создается» или «перестраивается», по-новому интерпретируется историком в интересах познавательных задач – это положения, вызывающие вопросы, особенно если их соотнести с объективной исторической реальностью. Остается констатировать: в предложенной источниковедческой концепции источник – интерпретированный историком исторический памятник, неизменный в своей первозданной материальной форме, а умозрительная структура, смысловое содержание, меняются в процессе источниковедческого изучения.

Если источник в историческом познании должен быть «переструктурирован», то как тогда сохранить его целостность? А.Л. Юрганов полагает, что структурная перестройка изменит источниковое содержание, а значит – историк «изобретает» прошлое, его субъективизм не преодолевается. Что же касается вопросно-ответной системы реконструкции и конструкции прошлого, создания из его памятников исторических источников, то она уязвима, поскольку ответы источника возможны только в границах вопросов историка и таким образом, настоящее привносится в прошедшее. А.Л. Юганова не убедили усилия А.Я. Гуревича обосновать обусловленность предмета исследования его объектом, т.е. версию: источник – актуализированный исторический памятник. В дан-

²² Гуревич 2014: 415.

²³ Гуревич 2014: 226-228.

²⁴ Гуревич 2014: 225.

ной концепции, по его мнению, источник предстает в качестве «виртуального объекта», который необходимо «вернуть» в тот жизненный мир, где он существовал. Только в этом случае историческая наука обретет эмпирическую основу. Каким образом? Юрганов полагает, что историку нужно выйти за пределы «собственного мифа», своего пространства целепологания, посредством саморефлексии. Тогда он войдет на территорию мифа «чужого», из прошлого, при помощи анализа. Методами беспредпосылочной герменевтики можно будет исследовать источник, определенный как «интерсубъективная реальность», «сама данность прошлого, в которой запечатлелись фрагменты ушедшей жизни»²⁵.

В феноменологическом подходе к источнику последний представляется как непосредственная историческая «сама данность», фрагмент, дошедший до нас из прошлого, со своими «собственными», «исчерпанными» смыслами. Это не «конструкция» в историко-антропологическом понимании. Установление границы бесконечному процессу смыслообразования в изучении содержания источника имеет цель не допустить его преобразования, «перестройки» и, в конечном счете, исчезновения в качестве объективного основания исторического познания. Источник здесь реален и первичен, утверждается его примат над внеисточниковым знанием или «предмнением». Он является безусловной отправной точкой, от которой отталкивается историк в своем исследовании.

Насколько возможно беспредпосылочное обращение к источнику? Он характеризуется как объект «интерсубъективной реальности». Его можно понять как особую систему, следствие и условие взаимоотношений людей, стержнем которых является отношение «Я» и «Другой», предполагающее признание «чужой одушевленности». Это жизненный мир, сфера человеческого опыта, в котором источник существует, обновляются его свойства, функции, изменяются временные, пространственные границы обращения в социуме. Поэтому сложно представить его простой «данностью» с неизменными характеристиками. Основанием подобного «бытования» источника являются субъект-объектные отношения, за пределами которых он превращается в физическую вещь. Но источник не только чувственно-воспринимаемый предмет, он также звено объективных социальных отношений, проявляющихся в субъективной форме, связывающей в единый временной поток прошлое, настоящее, будущее. Вот это единство способов существования источника в причинных, функциональных связях и есть историческая реальность, которую изучает историк, пребывая в ней всем своим личностным бытием. Поэтому «предмнение» непреодолимо в познании научной методикой. Оно направляет и ограничивает интерпретации историка и потому является необходимой предструктурой его понимания прошлого²⁶.

В интерпретациях понятия «источник» как интерсубъективная реальность, с одной стороны, а с другой – «конструкт», созданный на

²⁵ Юрганов. Источниковедение культуры...

²⁶ Подробнее: Лукашевич 2005: 23-28.

«территории историка», можно обнаружить – субъект-объектная оппозиция в познавательном процессе не преодолена. Отсюда проистекают трудности в обосновании обеих точек зрения. Как ни привлекателен лозунг: «назад к источникам», непосредственно воспринимаемым, игнорируя априорные установки исследователя, остается неясным, как применить феноменологическое редуцирование: процедуру «беспредпосылочного» подхода к ним. Сам анализ источника, взятого «как таковой», предполагает разрыв социокультурных связей, объединяющих его происхождение с современным существованием. Насколько возможно тогда его целостное, историческое изучение?

Если постулировать первичность источника в качестве единственной исторической реальности и вторичности научных методов, то следует признать актуализацию эмпиризма в историческом познании. Между тем, даже данный уровень исследования необходимо связан с идеализацией в концептуальном контексте. Относительно попытки обосновать научную значимость «сконструированного» источника, то вопрос здесь не только в том, какой реальности он адекватен (среды его происхождения, историка или «территории историка»), но и в том, что, признав активность познающего субъекта, нужно быть готовым во встрече с ее попутчиком – проблемой релятивизма результатов источниковедческого исследования. Остается неясным, как ее преодолеть, либо ограничить.

Возможности снятия крайностей рассмотренных концепций следует искать, анализируя источник и исследующего его историка в действенном познавательном процессе. Исходить из положения не о противопоставлении их один другому, а о взаимодействии, развитии субъекта и объекта познания, т.е. из принципа двойной историзации. Источник и историк принадлежат общему для них историческому миру, который вошел в их жизнь в зависимости от степени, в какой они участвовали в ней. Это единое основание существования источника и историка заставляет изучать их проблематику как противоречивое целое. Субъективные причины «метаморфоз», или историзации исторических источников обостряют проблему релятивизма выводов исторических исследований (речь идет не о плюрализме мнений, а об их произвольности). Но что тогда можно сказать об объективных основаниях историзации?

Обратимся к очевидно изменчивым электронным документам. Они создаются в виртуальной среде и могут быть «бесплотным образом» и физической единицей, зависят от постоянных модернизаций программных и аппаратных средств, что приводит к определенному отрыву информации от ее материального носителя. Это «очень подвижные источники»²⁷. Но такой специфический динамизм присущ только электронным источникам. Рассмотрим теперь историзм делопроизводственной документации – наиболее востребованной историком.

В.П. Козлов пишет, что документ – материальный объект и интеллектуальный продукт, переживающий определенные периоды («жиз-

²⁷ Лукашевич 2015: 41–45.

ни») своих преобразований, изучаемый соответственно документоведением, архивоведением, археографией и документальным источниковедением. Он – производный продукт деятельности личности, общества, государства и сам обеспечивает их функционирование²⁸. Данное положение указывает на объективные предпосылки развития документа, документных систем. Единство и взаимосвязь всех этапов «жизнедеятельности» документа – одна целостная жизнь продукта человеческой деятельности. Следовательно, на стадии источниковедческого исследования историку полезно знать не только его первую «жизнь», ради которой он был создан, но и все последующие, поскольку каждая из них раскрывает новые информационные возможности документа. В то же время историк должен осознавать, какую именно страницу истории документа он читает, чтобы сделать о ней адекватное заключение. Так, историзация источника влияет на историзацию субъекта познания.

Условно, разделим шесть «жизней» документа на два периода. В первом (оперативное бытование документа) он создается для решения общественных и государственных задач, его информация находится в актуальном состоянии и дополняется, если нарушается его неприкосновенность. Его полезность заключается в удовлетворении поставленных целей взаимодействующих субъектов.

Во втором периоде документ находится в состоянии покоя, утратив практическую полезность, но может стать ценным как источник знания о прошлом. Существует как артефакт, сохраняющийся в архиве, помещенный в археографической публикации, и как исторический источник. В делопроизводстве он структурирован на основе формуляра. Для источниковедческих процедур важно учитывать, что единичный документ теряет свою «автономию» в «деле», в котором документы связаны между собой функционально. Его изолированное изучение может привести к ошибочным выводам. И наоборот, установление взаимосвязи документов в «деле», фонде, увеличивает их информационные возможности.

Отличие существования документа в архивной среде как физического объекта от его же состояния в качестве носителя информации заключается в том, что в первом случае он статичен, а во втором – динамичен, поскольку, как мы поняли, архивный документ содержит ретроспективную информацию, которую используют в научных исследованиях и для создания поисковых систем. Но в таком же динамичном состоянии находится информация исторических источников благодаря интеллектуальным усилиям историка. В археографических публикациях происходит объединение документов разного происхождения, времени, мест возникновения, что позволяет реконструировать документы. Документ обретает «новую жизнь», обогащается содержанием, смыслами.

Статья В.П. Козлова содержательна, мы использовали не все возможности, которые она открывает. Полагаем, что предложенная в ней

---

²⁸ Козлов 2019.

история «жизней» документа убедительно свидетельствует в пользу целесообразности историзации исторического источника с целью повышения его информативности. В своих рассуждениях о принципе двойной историзации в источниковедении мы исходим из понимания исторического источника как следствия и наследования субъект-объектного взаимодействия социокультурного и природно-климатических процессов, развивающихся в пространстве и времени²⁹.

Предложенная интерпретация понятия снимает противопоставление источника историку, указывая на их вовлеченность в общий социокультурный процесс в его онтологическом и эпистемологическом аспектах. Отмечена свойственная им изменчивость, обусловленная не только сменой социальных функций источников, но и познавательной активностью историка. Именно данные «метаморфозы» заставляют поставить вопрос о конкретности истины в источниковедении, поскольку изучаемый предмет и его исследователь не могут получить единственную, окончательную, оценку: они историчны. Следовательно, стремясь к истинному знанию об исторической информации, необходимо определить точку пересечения «историй» историка и источника. Для этого важно в начале исследования конкретизировать в ограниченном пространстве и времени их характеристики, связи, опосредования, иными словами, произвести двойную историзацию.

В содержание понятия «источник», как следствие субъект-объектных отношений, входит представление о единстве способов его препарирования историком и исторической материальной основы, носителя зафиксированной различными способами и средствами информации. Данная взаимосвязь раскрывает механизм превращения исторического памятника в источник, а значит, определяет направление его изучения, является условием адекватной интерпретации информации, добытой из источника, потенциально достоверной, так как сформировалась в объективном социальном процессе субъективными условиями его участников. И здесь вопрос о том, какой реальности принадлежит источник (той, где он возник, или историка), вытесняется проблемой его встречи с исследователем на определенном этапе их «жизнедеятельности». В этом акте, звене познавательного процесса, весь путь изменения источника осваивается историком с позиций своего культурного горизонта, сформировавшегося к тому времени. Обе «истории» находятся в актуальном состоянии, не сливаясь в единое целое: в противном случае, было бы невозможно историческое познание, предполагающее обратную связь.

В ситуации диалога проясняется тот угол зрения, под которым историк рассматривает источник, какая грань «жизни» источника ему открывается. Все это способствует нейтрализации попыток модернизации прошлого и подчинения историка источнику. Таким нам представляется еще одно следствие применения принципа двойной историзации.

---

²⁹ Лукашевич 2015: 43.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Библер В.С. Исторический факт, как фрагмент действительности. [Bibler V.S. Istoricheskiy fakt, kak fragment deystvitelnosti. URL: <http://www.culturedialogue.org/drupal/ru/node/5545>]
- Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М.: Наука, 1986. 254 с. [Blok M. Apologiya istorii, ili Remeslo istorika. M.: Nauka, 1986. 254 s.]
- Бурдьё П. За рационалистический историзм. [Burdyo P. Za ratsionalisticheskiy istorizm URL: <http://bourdieu.name/content/burde-za-racionalisticheskiy-istorizm>]
- Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». М.: Индрик, 1993. 327 с. [Gurevich A.Ya. Istoricheskiy sintez i Shkola «Annalov». M.: Indrik., 1993. 327 s.]
- Гуревич А.Я. Загадка Школы «Анналов»: «Революция во французской исторической науке», или Об интеллектуальной ситуации современного историка // Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2014. С. 407–418 [Gurevich A.Ya. Zagadka Shkoly «Annalov»: «Revolyutsiya vo frantsuzskoy istoricheskoy nauke», ili Ob intellektualnoy situatsii sovremennogo istorika. – V kn. Gurevich A.Ya. Istoricheskiy sintez i Shkola «Annalov» - Tsentr humanitarnykh initsiativ, Universitetskaya kniga, Moskva; Sankt-Peterburg, 2014. S. 407-418]
- Дройзен И.Г. Энциклопедия и методология истории // Дройзен И.Г. Историка. Лекции об энциклопедии и методологии истории. СПб.: Владимир Даль, 2004. 584 с. [Droyzen I.G. Entsiklopediya i metodologiya istorii //Droyzen I.G. Istorika. Leksii ob entsiklopedii i metodologii istorii. Spb.: Vladimir Dal; Fond «Universitet», 2004. 584 s.]
- Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учеб. пособие / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцев. М.: Российск. Гос. гуманит. ун, 1998. 702 с. [Istochnikovedenie: Teoriya. Istoriya. Metod. Istochniki rossiyskoy istorii: Ucheb.posobie /I.N. Danilevskiy, V.V. Kabanov, O.M. Medushevskaya, M.F. Rumyantseva. M.: Rossiysk. Gos. gumanit. un, 1998. 702 s.]
- Козлов В.П. Жизнь документа [Kozlov V.P. Zhizn dokumenta [Elektronnyy resurs] URL: <http://rodnaya-istoriya.ru/index.php/vspomogatelnie-i-specialnie-istoricheskie-nauki/istochnikovedenie/jizn-dokument.html>]
- Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. М.: Наука, 1980. 485 с. [Kollingvud R. Dzh. Ideya istorii // Kollingvud R.Dzh. Ideya istorii. Avtobiografiya, 1980. M.: Nauka. 485 s.]
- Крюков В.В. Диалектика вещи и процесса: релятивистская модель реальности // Идеи и идеалы, 2011. № 4(10). Т. 1. С. 27–42 [Kryukov V.V. Dialektika veschi i protsess: relyativistskaya model realnosti // Idei i idealy, 2011. № 4(10). Т. 1. С. 27–42] – URL: http://ideaidaily.nsuem.ru/wp-content/uploads/2013/01/V.V.Kryukov_410_2011_t_1.pdf
- Лукашевич А.А. Источниковедческие аспекты теории герменевтического опыта Х.-Г. Гадамера // Клио, 2005. № 4 (31). С. 23–28 [Lukashevich A.A. Istochnikovedcheskie aspekty teorii germenevticheskogo opyta H.-G. Gadamera // Klio, 2005. № 4 (31). S. 23-28]
- Лукашевич А.А. Феномен цифрового наследия как предпосылка переосмысления понятия «исторический источник» // Клио. СПб, 2015. № 10 (106). С. 41–45 [Lukashevich A.A. Fenomen tsifrovogo naslediya kak predposylka pereosmysleniya ponyatiya «istoricheskiy istochnik» // Klio. – Spb, 2015. № 10 (106). S. 41–45]
- Овчинников Р.В. Манифесты и указы Е.И. Пугачева (источниковедческое исследование). М.: Наука, 1980. 279 с. [Ovchinnikov R. V. Manifestyi i ukazy E.I. Pugacheva (istochnikovedcheskoe issledovanie). M.: Nauka, 1980. 279 s.]
- Про А. Двадцать уроков по истории. М.: ПГУ, 2000. 336 с. [Pro A. Dvadsat urokov po istorii. M.: Rossiysk. Gos. Gumanit. Un-t, 2000. 336 s.]
- Фуко М. Археология знания / Пер. с фр. М.Б. Раковой, А.Ю. Серебрянниковой; вступ. стр. А.С. Колесникова. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2004. 416 с. [Fuko Mishel. Arheologiya znaniya / Per. s fr. M.B. Rakovoy, A.Yu. Serebryannikovoy; vstup. str. A.S. Kolesnikova. Spb.: ITs «Gumanitarnaya Akademiya», 2004. 416 s.]
- Чеканцева З.А. Историчность и история в интеллектуальной культуре XXI века [Chekantseva Z.A. Istorichnost i istoriya v intellektualnoy kulture XXI veka. URL: <https://www.academia.edu/37887922/> / Z.A.Chekantseva.
- Юрганов А.Л. Источниковедение культуры в контексте развития исторической науки [Yurganov A.L. Istochnikovedenie kulturny v kontekste razvitiya istoricheskoy nauki. URL: http://www.avorhist.ru/publish/yurganov_istved1.html].
- Юрганов А.Л. Источниковедение культуры в контексте развития исторической науки [Yurganov A.L. Istochnikovedenie kulturny v kontekste razvitiya istoricheskoy nauki. URL: http://www.avorhist.ru/publish/yurganov_istved2.html]

Александр Анатольевич Лукашевич, кандидат исторических наук, доцент, Центрально-украинский национальный технический университет, feodosia56@yandex.ru

The principle of double historization in source studies

The principle of double historization is introduced into scholarship for the first time. The application of double historization to source studies has been substantiated. The “turns” in historical science opened new prospects as well as raised complex issues concerning historical facts, sources, truth, and the role of a historian in historical cognition. We pay attention to the fact that the source and the historian are interconnected and included, in the ontological and epistemological aspects, in the objective social and cultural process, manifested in a subjective form. The process includes their “accomplishments”, that is, undergoes changes at the stages of their “life”. Since the subject and the object of cognition are unstable, the question arises of the specificity of truth in history. This means that to understand the source information, it is necessary to identify the moment of intersection of the “stories” of the source and the historian in a certain time space. In other words, the principle of double historization in source studies should be applied. This creates the context of the dialogue-cognitive process, not only in its structural and functional dimension, but also in the genetic one. There is an opportunity to neutralize the modernization of the content of the source and the subordination of the historian to it. Thus, the justification of the historical conclusion has the prospect if it is based not only on the source, but also on system of “production” of knowledge, which includes theoretical and methodological principles, the principles of the historian, and expert assessments of the scientific community.

Keywords: *principle of double historization, source studies, historical source, historical truth, historical fact, cognitive activity of a historian, historicism, dialogue situation.*

Alexander A. Lukashovich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Central Ukrainian National Technical University, feodosia56@yandex.ru

ИДЕЯ, КОТОРАЯ СОЗДАЛА СОВРЕМЕННОСТЬ ТЕОРИЯ НАЦИОНАЛИЗМА ЛИИ ГРИНФЕЛД

Автор ставит целью дать критический анализ теории национализма Лии Гринфелд. Этот подход предполагает изучение национализма с позиций понимающей социологии, согласно нему мотивация индивида имеет определяющее значение для общественного развития. Содержание национальной идеологии и заложенная в ней система ценностей и приоритетов, как доказывает Гринфелд, ориентирует людей на проявление активности и достижение успеха в разных направлениях как, например, предпринимательство и торговля в случае Англии или духовная жизнь и культура для России, что объясняет многие особенности исторического развития этих стран.

Ключевые слова: национализм, национальная идентичность, национальная идея, национальная идеология, Лия Гринфелд

«Именно национализм порождает нации, а не наоборот», – эта знаменитая фраза Э. Геллнера стала аксиомой и одновременно квинтэссенцией современного подхода к исследованиям проблематики наций и национализма¹. В знаменитом утверждении британского социолога отразились два важнейших принципа господствующей сегодня структуралистско-модернистской исследовательской парадигмы, объединяющей таких мыслителей как Э. Хобсбаум, Б. Андерсон, М. Манн и многих других. Первый её принцип – структурализм – связывает возникновение национализма с процессом модернизации и такими глубинными социально-экономическими сдвигами в жизни Европы, как становление и развитие капитализма, империализма и централизованных бюрократических государств². Второй принцип – модернизм – продолжает первый и требует рассматривать нации и национализм как феномен исключительно современной эпохи, датируемый не ранее, чем указанные выше изменения породили первых националистов и национальные движения.

В контексте устоявшегося консенсуса привлекает внимание теория Лии Гринфелд – оригинальный взгляд на феномен национализма и его значение для современной истории, политики, экономики и даже психологии. В работе «Национализм: пять путей к современности»³ Гринфелд выдвинула революционный тезис: «исторически возникновение национализма предшествовало появлению остальных значимых компонентов модернизации» и «определило политическую организацию и культуру современности». «Именно национализм создал мир таким, какой он есть» – резюмировала Гринфелд⁴. Эти идеи получили развитие в её следующей монографии «Дух капитализма», где доказывалось, что национализм «это фактор, ответственный за ориентацию экономической ак-

---

¹ Геллнер 1991: 127.

² Hearn 2006: 71.

³ Greenfeld 1996.

⁴ Greenfeld 1992: 21.

тивности в направлении перманентного роста», и «национализм – определяющий компонент или организующий принцип современности»⁵. Выражаясь словами Геллнера, национализм породил не только нации, но капитализм, базовые категории сознания современного человека, и более того, запустил процесс модернизации и создал современный мир.

В России теория Л. Гринфелд до сих пор остается практически незамеченной, хотя, учитывая российское происхождение исследовательницы⁶ и наличие русскоязычного издания первой монографии⁷, можно было ожидать гораздо большего внимания к её работам со стороны российских коллег⁸. И это, не говоря уже о том, что в мировой науке труды Л. Гринфелд давно и прочно вошли в список классических работ по истории и социологии национализма⁹. Предлагаемая статья ставит целью привлечь внимание российских специалистов к теории национализма Лии Гринфелд и предложить критический анализ выдвинутых ею идей.

Отправная точка: национализм как организующий принцип современности

«Национализм – уникальная разновидность социальной картины мира», – эта аксиома чётко обозначает позицию Л. Гринфелд в системе координат социальных наук¹⁰. Определение национализма как способа мышления, определяющего картину мира современного человека, коренным образом отличает её от тех исследователей, которые сосредотачивают своё внимание на инструментальной функции национализма и процессе «изобретения» или «конструирования» наций¹¹. «Книга Геллнера “Нации и национализм” стала отправной точкой для меня, – так описала рождение своей теории Л. Гринфелд, – Но я исходила из общего эмпирического правила, что человечество воспринимает реальность иным, уникальным способом, нежели все остальные виды животных, символическим, то есть нематериальным, а не генетическим, то есть материальным, передавая таким образом выработанные способы жизнедеятельности через поколения»¹². Иными словами, отправная точка рассуждений Л. Гринфелд – это т.н. основной вопрос философии, и в этом фундаментальном споре её позиция предельно ясна – сознание определяет бытие. Отказавшись от экономоцентризма, характерного для многих других теорий национализма, Л. Гринфелд вооружилась теоретико-методологическими достижениями неокантианского идеализма. Исследовательский инструментарий её работ имеет много общего с интеллек-

⁵ Greenfeld 2001: 1,4

⁶ Гринфелд родилась в 1954 г. во Владивостоке, в 1967 г. переехала в Сочи, в 1972 г. в возрасте 18 лет мигрировала вместе с семьей в Израиль.

⁷ Гринфелд 2012.

⁸ Удивительный факт: русскоязычное издание монографии Гринфелд не получило ни одной рецензии.

⁹ McCrone 1998: 23–24.

¹⁰ Greenfeld 2001: 2.

¹¹ McCrone 1998: 11–13

¹² Greenfeld 2005: 323

туальной историей: по ходу рассуждений она часто анализирует сочинения интеллектуалов и политиков на предмет проявления национального мышления или национальных идей и доказывает влияние доминировавших концепций и понятий на социально-экономические процессы.

Поскольку национализм для Гринфелд – это особый способ организации картины мира человека, он нуждается в определенной структуре и рамках, которые бы оформили её внутреннее содержание, и эту функцию выполняет идея нации. При этом нация является сложносоставным концептом, включающим пять важных идей. Во-первых, секуляризм, выражающийся в том, что всё внимание людей сосредоточено на происходящем «в их мире, а не потустороннем». Во-вторых, гуманизм, провозглашающий людей и их нужды главной ценностью. Затем, идея всеобщего равенства, позволяющая каждому считать себя частью нации. И наконец, народный суверенитет – признание людей высшим источником власти над государством и самими собой. «Национальная идентичность в её специфическом современном смысле – это идентичность, которая возникает от ощущения принадлежности к “народу”, – доказывает Л. Гринфелд. – Каждый черпает из «народа», таким образом, принадлежность к высшей, элитарной сущности, и как результат, неоднородное народонаселение воспринимается как гомогенное, по сути»¹³.

Последняя и самая важная идея, которая лежит внутри концепта нации, главный ориентир в картине мира и смысловое ядро каждого конкретного национализма – это идеальный образ самих себя, национальный автопортрет, который люди используют как шаблон, проектируя его на реальность и выстраивая реальность в соответствии с ним. Гринфелд выделяет три типа таких шаблонов: индивидуалистический-гражданский, коллективистский-гражданский и коллективистский-этнический. В случае индивидуалистического типа нация воспринимается как союз индивидов, простая совокупность всех её членов, каждый из которых сохраняет субъектность. Коллективистский тип предполагает понимание нации как самостоятельной сущности с её собственными интересами, желаниями и потребностями, делающими её чем-то качественно большим, нежели просто совокупность индивидов.

Различие индивидуалистического и коллективистского типа имеет значение, поскольку восприятие нации как совокупности индивидов либо самостоятельного субъекта определяет принцип установки приоритетов в развитии. В первом случае, характерном для Англии и бывших колоний Британской империи: Канады, США, Австралии, Новой Зеландии – высшей целью традиционно считается развитие экономики на благо каждого индивида как базовой единицы нации¹⁴. И поскольку процветание является главным стремлением каждого индивида, то иных приоритетов у нации, в целом, просто не может быть. Во втором случае, как это, например, свойственно для России, достаток и процветание от-

¹³ Greenfeld 1992: 7.

¹⁴ Greenfeld 2001: 3.

дельно взятого человека могут считаться не столь важной целью, как военные амбиции, развитие особой духовности или что угодно ещё. В данном случае нация наделяется собственной субъектностью, а иногда даже и душой, а потому может «выбирать» приоритеты, которые на деле устанавливаются элитами по их собственному усмотрению¹⁵.

Разница между гражданским и этническим типом состоит в том, каким образом устанавливается членство в национальном сообществе: первый из них предполагает свободную инкорпорацию новых членов на основе совместной социальной и политической активности, второй объединяет все страны, в которых национальность передается «по крови», т.е. переходит от родителей и не требует активного участия индивида¹⁶. Таким образом, у Л. Гринфелд совсем иное понимание гражданского и этнического национализма, чем у многих других исследователей. В противоположность, например, Р. Брубейкеру¹⁷, она доказывает, что язык, религия, историческая память и другие культурные компоненты неизбежно имеют огромное значение для любого национализма, в частности, для французского в той же степени, что и немецкого. Однако принципиальная разница заключается в том, что овладение французской культурой ведёт к включению во французскую нацию, тогда как немцем или русским долгое время можно было только родиться¹⁸.

Проведенная Л. Гринфелд типологизация национализмов поставила новый вопрос о причинах столь заметного многообразия этого феномена. Иными словами, как объяснить, что национальный образ немцев и русских оказался таким разным, хотя в его создании использовались те же идеи. В рамках структуралистской парадигмы ответ на этот вопрос был дан Э. Геллнером и заключался в теории неравномерного развития, т.е. объяснялся неодинаковыми условиями модернизации в разных странах и регионах¹⁹. Однако такой подход противоречил бы главной идее Л. Гринфелд о том, что модернизация сама по себе являлась порождением национализма. Поэтому она создала собственную историческую теорию национализма, которой посвящена основная часть её монографий.

Английская аномия XVI в. и «дух капитализма»

Объясняя историческое многообразие национализма, Л. Гринфелд обращается к английской истории XV в., в частности, Войне Алой и Белой Роз. Выбор данного события может показаться довольно странным, поскольку сам по себе этот типично средневековый династийный конфликт, на первый взгляд, не имеет ничего общего с национализмом. Однако его последствия, доказывает Гринфелд, имели эпохальные послед-

¹⁵ Greenfeld 2018.

¹⁶ Greenfeld 1992: 12.

¹⁷ Brubaker 1992.

¹⁸ Интересно, что немногие исследователи обращали внимание на расхожую во многих странах, в т.ч. в России, идею, что национальная принадлежность передается «по крови», от отца и матери, и ни получение гражданства, ни освоение культурных норм не может этого заменить.

¹⁹ Геллнер 1991: 127.

ствия. Поскольку английская феодальная аристократия буквально истребила друг друга, новый король Генрих VII набирал новую аристократию из социальных низов (*common people*). Это стало беспрецедентным нарушением существовавшей веками социальной структуры. Традиционно, поясняет автор, средневековое общество было обществом сословий, основывалось на идее неравенства и вере в то, что божественная воля разделила людей на три сословия – военную аристократию, духовенство и простой народ; эти сословия фундаментально отличны друг от друга по ряду врожденных качеств, и люди не могут перемещаться из одного в другое подобно тому, как лошадь не может стать курицей²⁰. В нарушение этого правила английское общество XVI в. стало более эгалитарным и внутренне мобильным, чем ранее. Вместе с тем менялось и представление об Англии в целом, она всё больше воспринималась как единое сообщество, состоящее не из сословий, а равных индивидов.

Однако потрясение социальных норм не могло пройти бесследно. По мнению Гринфелд, главным результатом столь значительных перемен для английского общества стало состояние аномии – ситуация культурной неопределённости, рассогласованности социальных структур и институтов, культурного раскола между ожиданиями и действительностью и недостатка действующих норм и ценностей, которая дезориентировала индивидуумов²¹. Понятие аномии связывает теорию Л. Гринфелд с социологией Э. Дюркгейма, считавшего, что аномия разрушительна как для сознания каждого индивидуума, так и для общества в целом, а потому требует принятия новой системы социальных норм для восстановления единства культуры²². Согласно Гринфелд, таковая была найдена в идее нации, которая стала эффективным средством укрепления социальной солидарности, а затем заняла место монархии в качестве приоритетного объекта лояльности и источника легитимности²³.

На этом моменте стоит еще раз подчеркнуть, что с точки зрения Гринфелд, национализм был причиной, а не следствием упадка монархий и секуляризации политической культуры. Причиной тому само смысловое содержание идеи нации. В XV в., накануне Войны Роз, это понятие использовалось для обозначения определенной части элиты феодального общества – аббатов и епископов, членов местных церковных советов. В XVI и XVII вв. нацией стало называться все английское население, в т.ч. третье сословие, из которого была рекрутирована тюдоровская аристократия. Иными словами, между новой элитой и породившей её социальной средой установилось тождество. С этого момента среди английских интеллектуалов стала развиваться мысль, что, будучи элитой, английский народ имеет право на обладание определенной долей суверенитета, дабы использовать её для достижения «общего бла-

---

²⁰ Greenfeld 2018.

²¹ Greenfeld 2005: 332.

²² Дюркгейм 1996.

²³ Greenfeld 1992: 31–44.

га». И поскольку нация состоит из отдельных индивидов, то «общее благо – это наибольшее благо наибольшего числа людей»²⁴. Очевидно, что эта идея вступала в противоречие с теорией божественного права монархии и не могла долго с ним сосуществовать. Кульминацией соперничества двух теорий власти стала Английская революция XVII века, в результате которой национализм и связанные с ним идеи народного суверенитета, равенства и секуляризма безоговорочно победили²⁵. Задачей же государства стало обеспечение «общего блага», выраженного в экономических категориях.

Таким образом, вслед за политикой «националистический принцип» победил в экономике и торговле. С конца XVII в. купцы всё чаще назывались представителями нации за рубежом, а «национальное величие» устойчиво связывалось с успехами в мореплавании и торговле. Новая национальная логика работала в обоих направлениях: экономический рост страны в целом воспринимался индивидом как повод для личной гордости, одновременно ориентируя его на всё большую деловую активность, которая могла бы увеличить вклад в общее дело. «Мы величайшая торговая держава, – провозгласил Д. Дэфо в начале XVIII в., – ... слава и величие [Англии]... созданы торговлей... это единственный источник, из которого мы, *если брать нас как нацию*, обогащаемся и черпаем свои силы»²⁶. И как только национальная гордость и достоинство индивида оказались связаны с экономическим ростом страны, Англия оказалась вовлечена в бесконечную погоню за успехом, которую Гринфелд определяет не иначе, как «дух капитализма». Парадоксально, но первое время Англия соревновалась в этой гонке сама с собой, поскольку ни одна другая страна не считала экономический успех поводом для гордости или проявлением национальной доблести (*dignity*)²⁷.

Развивая свою теорию капитализма, Гринфелд вступает в дискуссию с одним из отцов-основателей современной социологии М. Вебером. Само название монографии «Дух капитализма» обращает внимание на тесную связь её работ с понимающей социологией. Во введении автор отдает должное проницательности Вебера и солидаризируется с его подходом к проблеме возникновения капитализма с точки зрения мотивации экономических акторов. Гринфелд принимает веберовское определение капитализма как «экономики, ориентированной на постоянный рост», а также активно использует его понятие «дух капитализма» в значении специфического типа современного мировоззрения, ориентирующего индивида на экономическую активность и поступательное пре-

²⁴ Greenfeld 2001: 57.

²⁵ Важно помнить, что секуляризм, с точки зрения Гринфелд, это черта современного мировоззрения, которая сосредотачивает внимание людей на происходящем «в их мире, а не потустороннем». Секуляризм не означает отказа от религии, а лишь помещает источник суверенитета в народные массы и ориентирует людей на достижение успеха в «этой жизни», а не в «жизни иной».

²⁶ Greenfeld 2001: 55.

²⁷ Ibid: 23-24.

умножение капитала. Тем не менее, она не считает протестантскую этику, равно как и кальвинистскую догматику, в особенности, идею «призвания», движущим мотивом капиталистической рациональности²⁸.

Дело в том, что Нидерланды, по мнению Гринфелд, не были родиной капитализма. Более того, на заре современности экономика этой страны вообще не была капиталистической, доказывает социолог, поскольку вслед за процветанием XVI и XVII вв. наступил упадок XVIII в., отбросивший Нидерланды на несколько столетий назад и буквально перечеркнувший все предыдущие успехи модернизации. Иными словами, Нидерланды не совершили тогда взлёт к самоподдерживающемуся росту и оставались страной с традиционной экономикой²⁹. Выражение «взлёт к самоподдерживающемуся росту» отсылает читателя к знаменитой статье У. Ростоу, в которой тот заложил основы теории стадий экономического роста³⁰. Американский экономист использовал это понятие для обозначения исторического момента, когда характерные для традиционного общества колебания экономики на одном уровне сменялись устойчивым ростом и позволяли говорить, таким образом, о переходе к капитализму. Что же касается Нидерландов, настаивает Л. Гринфелд, то средний уровень их экономики, если брать его в долгосрочной перспективе взлётов и падений XVI–XVIII вв., нисколько не изменился, а значит капитализм там установился гораздо позже и по иным причинам, чем считал М. Вебер. И это произошло после того, как первый в мире взлёт к самоподдерживающемуся росту произошел в Англии.

Цепная реакция заимствования и переосмысления национальной идеи

Наконец, значительная часть теории Гринфелд посвящена распространению «националистической лихорадки» из Англии по всему миру. Следующим «заразившимся» стала Франция. Здесь всё также началось с аномии – глубокого социального кризиса, поразившего французское дворянство в XVII–XVIII вв. Традиционно его идентичность и социальный статус были связаны со службой королю, но, к глубокому неудовольствию аристократии, французский абсолютизм всё меньше и меньше нуждался в её услугах, поступательно заменяя старую знать при дворе и на государственной службе выходцами из низов. Испытывая глубокую фрустрацию от осознания потери статуса и монополии на власть, французское дворянство нашло для себя нового суверена – нацию³¹.

Общий смысл новой идеи был импортирован из Англии. Французская знать с готовностью приняла её основные концептуальные компоненты: секуляризм, гуманизм, равенство, народный суверенитет (с энтузиазмом воплотив их во Французском Просвещении), но идея нации как сообщества индивидов, объединенного целью достижения процветания

²⁸ Greenfeld 2001: 13–15.

²⁹ Ibid: 59–104.

³⁰ Rostow 1956.

³¹ Greenfeld 1996.

и экономического роста, т.н. общего блага, противоречила изначальному замыслу аристократии вернуть утраченные социальные позиции, ибо сфера коммерции и торговли была не самой сильной её стороной. Поэтому, доказывает автор, создатели французской национальной идеи придали ей иную, коллективистскую форму, в рамках которой нация понималась как самостоятельная сущность с её собственными интересами и потребностями, которые могли не совпадать с «благом» отдельных людей³². Тем не менее, французская нация оставалась все же идеей, а не существом из плоти и крови, а потому не могла сама говорить о своих нуждах и желаниях. За неё это делали отныне дворяне и интеллектуалы, вернув себе таким образом статус элиты – лидеров нации³³.

Это, однако, не снимало проблему поиска источника национальной гордости, альтернативы английскому «общему благу». К несчастью для создателей французской национальной идеи, вторая половина XVII в. и затем весь XVIII век были не слишком удачными для Франции. Вследствие целого ряда дипломатических ошибок и военных поражений, она уступила своему извечному сопернику Великобритании лидерство в европейской политике, потеряла колониальные владения в Канаде и Индии, не говоря уже о подорванном престиже и разочарованных союзниках. Внутренняя политика также не давала повода для оптимизма. Регулярные финансовые кризисы, растущие долги казны и народное недовольство никак не позволяли говорить о достижении какого-либо «блага» в экономике или в чём угодно ещё. Как результат, французскую элиту поразило чувство национального разочарования (*resentment*) от неспособности составить достойную конкуренцию их английским учителям национализма. Иными словами, взяв на себя роль лидеров нации, они не справились с возложенной самими на себя ответственностью³⁴.

Понятие национального разочарования или ресентимента связывает теорию Л. Гринфелд с философией Ф. Ницше и его работой «К генеалогии морали». Хотя Ницше считал ресентимент, скорее, психологическим феноменом, вызванным стремлением людей перекладывать ответственность за свои неудачи на внешние причины или «врагов», его концепция крайне удачно подходит для описания того состояния растерянности, в которой оказались создатели французской национальной идеологии. Преодоление ресентимента, доказывал Ницше, происходит через развитие чувства враждебности к «врагу», обесценивание его достижений и значимых характеристик, как правило, тех, в которых сам субъект не добился успеха³⁵. Этот процесс завершается созданием альтернативной системы ценностей, которая позволяет субъекту избавиться от

³² Ibidem.

³³ По иронии судьбы французская знать вскоре утратила контроль над своим творением, а в годы Французской революции идея нации была обращена против её создателей, многие из которых попали в категорию «врагов народа» в том самом коллективистском понимании нации как субъекта.

³⁴ Greenfeld 1996.

³⁵ Ницше 2012.

ощущения ущербности и даже чувствовать превосходство над «врагом» в своей собственной системе моральных и идеологических координат.

С точки зрения подхода Ницше, отказ французских национальных идеологов от идеи «общего блага» был вполне закономерен, поскольку она ассоциировалась с успехами главного конкурента – Великобритании. Они создали собственную систему национальных приоритетов, поставив во главу угла, не экономические, а политические цели. Основными из них Гринфелд называет стремление к созданию справедливого общества и эффективного государства, которые бы обеспечили подлинное равенство и соблюдение прав и свобод человека, в чём, по убеждению французских интеллектуалов и политиков, Великобритания не преуспела по причине «глубокой ущербности» и несправедливости социальной системы³⁶. Так французская нация получила иной *raison d'être*, ориентирующий её созидательный потенциал в сферу законодательства, политических реформ и экспериментов, что определило её историю конца XVIII – XIX в. Тем не менее, хотя французские националисты и открыли собственный источник национальной гордости, они вовлекли Францию в ту же бесконечную гонку за успехом, требовавшую все новых и новых достижений, в которой уже давно участвовали их английские визави.

Не менее интересным представляется исторический анализ других моделей национализма – русского, немецкого, американского и японского – через ключевые характеристики соответствующих национальных идей. Так, русский национализм, считает Гринфелд, был одним из первых в мире и развивался параллельно с французским. Его появление она связывает с деятельностью Петра I, который заимствовал из Европы и, особенно из Англии, множество идей, в т.ч. идею нации, выраженную им на русском языке понятием «отечество»³⁷. Волевым решением Пётр потребовал от дворянства присягнуть на верность новому суверену, одновременно открыв возможность получения дворянского достоинства для выходцев из социальных низов. Эти и другие его реформы ввергли российскую аристократию в состояние жесточайшей аномии, единственно возможным выходом из него было подчиниться царю и освоить импортные идеи³⁸. Подобно Франции, национализм в России принял коллективистскую форму, поскольку «отечество» мыслилось как нечто большее, чем простая совокупность всех жителей России. Вместе с тем русская нация не могла быть гражданским сообществом хотя бы потому, что подавляющее большинство населения составляло бесправное крестьянство, которое не проявляло никакой политической активности и никак не могло претендовать даже на гипотетическое равенство с ари-

³⁶ Greenfeld 1992: 180.

³⁷ Ibid: 193.

³⁸ Гринфелд доказывает, что в случае с Россией огромное значение имела личность самого Петра I, который буквально принудил дворянство принять новые идеи, чем значительно усилил кризис традиционных ценностей, но вместе с тем и ускорил процесс развития национализма.

стократией. Буквально единственным, что объединяло верхи и низы российского общества, был факт рождения в одной стране, на одной земле, что обусловило этнический характер русского национализма, в котором принадлежность к нации определялась «по крови», т.е. национальностью отца и матери³⁹.

Как и французское дворянство, российские элиты оказались поражены чувством национального разочарования или ресентимента, как только осознали свою неспособность конкурировать с теми, от кого заимствовали саму идею нации. Ситуацию в российском случае усложняло еще и то, что в качестве значимого «другого» была выбрана не какая-то конкретная нация, как, например, англичане в процессе становления французского национализма, а вся Европа сразу, весь «Запад»⁴⁰. После смерти Петра I, «чья уникальная личность и действительно необыкновенные достижения породили безграничный оптимизм, стало абсолютно ясно, что России очень далеко до любой из европейских стран, с которыми она так храбро и восторженно была склонна себя сравнивать. Она совершенно не соответствовала ему же самой принятому стандарту», – доказывает Л. Гринфелд⁴¹. Проблема российского национализма заключалась в выборе слишком могущественного конкурента: Великобритания превосходила Россию в торговле, Франция – в политических институтах, Флоренция – в галантности манер, а все они вместе составляли «Запад», который российские элиты со времен Петра I мечтали догнать и перегнать на поле его же собственных достижений⁴².

Преодоление ресентимента в России происходило, соответственно, через переосмысление и обесценивание всего «западного», а также создание собственной системы национальных приоритетов – источника национальной гордости. И поскольку очевидное отличие России от «Запада» заключалось в наличии самобытной религии⁴³, то главным достоинством русской нации стала считаться её особая духовность – «русская душа», так возникла идея нравственного превосходства над бездуховным, меркантильным, заикленным на выгоде «Западом», каким его обычно видят русские националисты. Некоторые из них даже перестали считать Россию «западной» нацией, чтобы принадлежность к Западу не противоречила идее морального первенства над ним. В этой неопределенности между желанием добиться превосходства над «Западом» в начатой им гонке национальных достижений и стремлении идти своим собственным, «особым путем» Гринфелд видит историческую специфику

³⁹ Greenfeld 1990.

⁴⁰ Знакомство с «другим» происходило так быстро, что российские дворяне не успевали замечать различия внутри «Запада».

⁴¹ Greenfeld 1992: 228.

⁴² Хотя всё же была одна область, в которой Россия время от времени добивалась превосходства над всем «Западом» – это война. Поэтому военное дело, утверждает Гринфелд, превратилось в России в источник национальной гордости.

⁴³ И что очень важно, православие традиционно заявляло о собственном превосходстве над остальными ветвями христианства.

ку русского национализма: «Россия... никогда не потеряет надежды стать высшим западным государством... но будет продолжать строить свой собственный... Рим»⁴⁴.

Можно заметить, что для анализа исторических моделей развития национализма Гринфелд использует общую исследовательскую модель, делящую весь процесс на три этапа: ситуация аномии элит и заимствование идеи нации у знакомых с нею соседей, затем ощущение разочарования от собственной неспособности сравниться в национальном величии с источником заимствования и, наконец, переосмысление национальных приоритетов таким образом, чтобы добиться желанного превосходства. Как бы за кадром остаётся еще один этап – внедрение новых приоритетов в государственную политику и повседневную практику, что превратило современный мир в арену национальной конкуренции. В случае Германии, согласно Гринфелд, аномия поразила, в основном, интеллектуальную элиту, принадлежавшую к среднему классу, которая отчаянно желала сравняться по статусу с процветающей аристократией. Источником национальной идеологии и значимым «другим» была взята Франция. Не в силах повторить успехи французского республиканизма, демократии и государственного строительства, немецкие националисты испытали репрессии и нашли выход в заимствованной из романтизма идее особой чистоты немецкого духа и крови (в противоположность, как они считали «испорченным») от смешения с евреями (французам), что породило веру в буквально биологическое превосходство немецкой нации и воплотилось в политике ксенофобии, милитаризма и нацизма⁴⁵.

Особняком стоит случай американского национализма, определяемого Гринфелд как дочерний от английского с теми же ценностями индивидуализма и экономического роста. Однако американцы, добавили новую идею к образу своей нации – индивидуальную свободу, которая сделала американский капитализм еще более эффективным, освободив амбиции индивида от необходимости заботиться об общем благе и позволив ему думать исключительно о собственном успехе⁴⁶.

Критика и значимость

Теория Гринфелд привлекает междисциплинарностью и глобальным подходом. Она предлагает готовый методологический инструментарий для изучения широкого спектра конкретных кейсов из области национальной проблематики от экономики и социологии до международных отношений. Однако широта охвата является главной уязвимостью этой теории. Многие критики начинают с того, что ставят под сомнение репрезентативность имеющихся источников в контексте поставленных задач. Как было сказано выше, Гринфелд оперирует методологией истории идей и много внимания уделяет анализу текстов, созданных политиками, писателями, интеллектуалами и другими представите-

⁴⁴ Greenfeld 1992: 274.

⁴⁵ Ibid: 352-397.

⁴⁶ Greenfeld 2001: 438-473.

лями национальных элит, априорно предполагая, что такой же подход к пониманию нации существовал и у остальных социальных групп. Однако другие исследователи не согласны ставить знак равенства между взглядами элит и всего населения, требуя, как минимум, доказать возможность столь широких генерализаций⁴⁷. Критики также подчеркивают необходимость более глубокого изучения процесса распространения национальной идеи от создателей в массы и от центра к периферии, а также моделей её социальной передачи и воспроизводства⁴⁸. Иными словами, остаётся непонятным, как конкретно идея нации влияла на социальную реальность. А без этого теорию Гринфелд можно считать блестящим трудом по истории идеи нации, но не национализма.

Что же касается трактовки национализма как подлинного «духа капитализма», критики также отмечают нехватку эмпирического материала, который бы доказал влияние национальной идеи на экономическую активность индивидов и долговременные экономические процессы⁴⁹. Можно согласиться, что конкретные цифры и расчеты, а точнее их малочисленность – слабая сторона работ Гринфелд. Однако основная проблема её теории видится в том, что в эпоху господства структуралистского подхода к изучению национализма Гринфелд предложила радикально иной подход: национализм как система ценностей, как особая картина мира, как результат развития культуры, что сближает её с политической антропологией⁵⁰, но выглядит почти что экзотикой на фоне классических концепций Э. Геллнера, Э. Смита, Э. Хобсбаума, Б. Андерсона, М. Манна и их учеников, оперирующих совсем иной методологией. Идеи Гринфелд выходят за рамки сложившегося в данной исследовательской области консенсуса, а потому вызывает массу вопросов, связанных с верификацией. Это касается не только необходимости более глубокого изучения уже описанных случаев формирования и развития национальной идеологии, но апробации предложенной методологии на новых кейсах. В частности, внутренним противоречием теории представляется наличие «семейства» национализмов без ресентимента: английского и «дочерних» от него американского, канадского, австралийского и т.д. Различия между ними кажутся достаточно очевидными как и факт, что, например, в канадской национальной картине мира идея свободы не играет такой же важной роли, как в американской. Однако столь же очевидного объяснения для этого не наблюдается.

Тем не менее, предложенный Л. Гринфелд подход к изучению национализма имеет целый ряд преимуществ. Во-первых, он вновь актуализирует базовый принцип понимающей социологии, согласно которому мотивация индивида имеет определяющее значение для общественного развития. В частности, содержание национальной идеологии и за-

⁴⁷ Hechter 1993; Griffin 1994.

⁴⁸ Hanson 1995.

⁴⁹ Lohr 2003; Strikwerda 2003.

⁵⁰ Harrison 2003.

ложенная в ней система ценностей и приоритетов, как доказывает Гринфелд, ориентирует людей на проявление активности и достижение успеха в разных сферах, как, например, предпринимательство и торговля в случае Англии или духовная жизнь и культура для России, что, в конце концов, объясняет многие особенности исторического развития этих стран. Во-вторых, понимание современного мира как арены непрекращающейся национальной конкуренции, бесконечной гонки достижений, частью которой, но не единственным компонентом, является капитализм, даёт основу для анализа современной мировой политики, экономики и международных отношений. Называя национализм основой картины мира современного человека, Гринфелд дает ответ на знаменитый вопрос Б. Андерсона, почему «смерть за Родину... приобретает такое моральное величие, с которым не может сравниться смерть за Лейбористскую партию»⁵¹, ибо принадлежность к нации является сегодня наивысшей формой идентичности каждого индивида, а сама нация в этом глобальном соревновании воспринимается как одна большая команда, чьи достоинства и достижения проецируются на каждого её участника. Наконец, оригинальная концепция распространения «национальной лихорадки» по миру через аномию и ресентимент помогает понять всё многообразие национальных идеологий в мире, причем не только в Европе и Америке, но и в Азии и Африке, преодолеть столь характерную узость пространственно-временных горизонтов и европоцентризм.

Тем не менее, работы Л. Гринфелд пока ставят больше вопросов, чем дают ответов. Если следовать её же собственной логике, то каждый национализм имеет свою историю и специфику, что делает невозможным любые типологизации и обобщения. Даже близость идей, как это можно наблюдать на примере английского и канадского национализма или русского и белорусского, требует особого исследования и построения индивидуальной исторической модели для каждого случая «национальной лихорадки». Бесспорно, это задача столь же сложная, сколь и многообещающая, особенно с точки зрения интеллектуальной истории. А что особенно важно, теория Л. Гринфелд позволяет отойти в исследованиях феномена национализма от доминирования структуралистского подхода и реабилитирует значение истории идей в этой области знания.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М.: Канон-Пресс-Ц, 2001. [Anderson B. *Voobrazhaemye soobshchestva*. Moscow: Kanon-Press-TS., 2001]
- Геллнер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991. [Gellner E. *Nacii i nacionalizm*. Moscow: Progress, 1991]
- Гринфелд Л. Национализм. Пять путей к современности. М.: ПЕР СЭ, 2012. [Greenfeld L. *Natsionalizm. Piat' putei k sovremennosti*. Moscow: PER SE., 2012]
- Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996. [Durkheim E. *O razdelenii obshchestvennogo truda*. Moscow: Kanon., 1996]
- Ницше Ф. К генеалогии морали // Ницше Ф. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 5. М.: Культурная революция, 2012. С. 229-376. [Nietzsche F. *K genealogii morali* // Nitsche F. *Polnoe sobranie sochinenii: V 13 t. Vol. 5*. Moscow: Kul'turnaia revoliutsiia, 2012. С. 229-376.]

⁵¹ Андерсон 2001: 349.

- Brubaker R. Citizenship and Nationhood in France and Germany. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1992.
- Greenfeld L. The Formation of Russian National Identity – the role of status insecurity and resentment // *Comparative Studies in Society and History*, 1990, 32(3). P. 549-591.
- Greenfeld L. Nationalism: Five Roads to Modernity. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1992.
- Greenfeld L. Nationalism and Modernity // *Social Research*, 1996, 63 (1). P. 3-40.
- Greenfeld L. The Spirit of Capitalism. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2001.
- Greenfeld L. Nationalism and the Mind // *Nations and Nationalism*, 2005, № 11(3). P. 325-342.
- Greenfeld L. The World Nationalism Made // *American Affairs*, 2018, 2(4). P. 151-164.
- Griffin C. Liah Greenfeld, Nationalism: Five Roads to Modernity // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 1994, 533. P. 188-189.
- Hanson S. Liah Greenfeld, Nationalism: Five Roads to Modernity // *Theory and Society*, 1995, 24(6). P. 875-877.
- Harrison S. Cultural Difference as Denied Resemblance: Reconsidering Nationalism and Ethnicity» // *Comparative Studies in Society and History*, 2003, 45(2). P. 343-361.
- Hearn J. Rethinking Nationalism: A Critical Introduction. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2006.
- Hechter M. Nationalism Redux // *Contemporary Sociology*, 1993, 22(4). P. 502-505.
- Lohr E. Liah Greenfeld, The Spirit of Capitalism: Nationalism and Economic Growth // *Nations and Nationalism*, 2003, 9, pt. 2. P. 322-323.
- McCrone D. The Sociology of Nationalism: Tomorrow's Ancestors. L.; N.Y.: Routledge, 1998.
- Rostow W.W. The Take-Off into Self-Sustained Growth» // *Economic Journal*, 1956, Vol. 66, № 26. P. 25-48.
- Strikwerda C. Liah Greenfeld, The Spirit of Capitalism: Nationalism and Economic Growth // *The American Historical Review*, 2003, 108(1). P. 159-160.

Нохрин Иван Михайлович, кандидат исторических наук, доцент, кафедра политических наук и международных отношений, зам. декана по науке, историко-филологический факультет, Челябинский государственный университет, ivan-nokhrin@yandex.ru

The Idea that Created Modernity: Liah Greenfeld's theory of Nationalism

The article aims to give a critical analysis of the Leah Greenfeld's theory of nationalism. This approach involves a study of nationalism from the perspective of understanding sociology, according to which the motivation of the individual is crucial for social development. In particular, the content of the national ideology and the system of values and priorities laid down in it, as the researcher proves, directs people to be active and achieve success in different directions, such as entrepreneurship and trade in the case of England or spiritual life and culture for Russia, what explains many of the features of the historical development of these countries.

Keywords: *nationalism, national identity, national idea, national ideology, Leah Greenfeld Ivan Nokhrin, PhD in history, associate professor, Department of Political Sciences and International Relations, Deputy Dean for Research, Faculty of History and Philology, Chelyabinsk State University; ivan-nokhrin@yandex.ru*

КОММУНИКАТИВНАЯ ФУНКЦИЯ УТОПИИ

В статье рассмотрены существующие подходы к изучению утопий с точки зрения философии и социологии и обосновывается необходимость их изучения в контексте коммуникации, возникающей в социальной и культурной среде конкретной исторической эпохи. Наиболее перспективным направлением в историческом изучении утопии автор считает исследование ее роли в культуре времени, раскрытие того, что именно символизирует ее появление в комплексе взаимодействий в ходе коммуникации, развивающейся в определенную историческую эпоху.

Ключевые слова: историография, методология истории, утопия, утопизм, коммуникативное действие

Предлагаемая вниманию читателя статья является непосредственным продолжением ранее опубликованных размышлений о природе утопии¹. Их предметом стало содержание понятия «утопия». В актуальности обсуждения этой темы сомневаться не приходится. Еще Мартин Бубер справедливо отмечал, что «в век роста технологий и роста социальных противоречий, их влияние на утопию глубоко. Под влиянием тенденций к всеприсутствию техники, утопия тоже оказалась полностью проникнутой техникой: сознание человеческой воли, некогда бывшее ее основой, опять стали понимать технически, а общество, похожее на естественное, следует создавать на основе расчетов и путем конструирования»². Во-первых, Бубер отмечает преемственность в развитии утопии, которая меняет содержание и форму своего выражения на протяжении веков, при том что ее сущность остается неизменной. В конечном итоге это – воля человека к изменению жизни таким образом, чтобы привести ее в соответствие с «природой» общежития и «природой» человека. Другими словами, утопия – это существенный элемент культуры, присутствующий в ней в разные исторические эпохи. Во-вторых, вполне закономерен вопрос, в какой мере он сохраняется в настоящее время? Многочисленные исследования, в частности Карла Маннгейма, Ханны Арендт, не говоря уже о работах Роберта Нозика или Норберта Элиаса, свидетельствуют об актуальности его постановки в XX веке.

Ведь неслучайно то, что важнейшие исторические события недавнего прошлого исследователи охотно характеризуют в терминах: «тоталитарная утопия», «утопия либеральная» или «утопия консервативная». В отечественной науке (несомненно, под сильным влиянием неолиберальных концепций) «истоки тоталитаризма», а иными словами, «тоталитарных утопий», стали усматривать в произведениях мыслителей эпохи Нового времени. На то есть определенные основания, отчасти приведенные М. Бубером. Утопия возникает и развивается в Европе, начиная

---

¹ Занин 2009.

² Buber 1958: 9.

с эпохи Возрождения, но это не означает, что речь идет об одном и том же *tune* утопического сознания. Современная наука, не только историческая, а шире – гуманитаристика, оказывается в сложной ситуации. С одной стороны, утопия – феномен культуры определенного времени, а потому сегодня рассуждения об «истоках тоталитаризма в эпоху Нового времени» или отождествление утопии Томаса Мора с утопией Платона выглядят неубедительно³. С другой, коль скоро утопия – это все-таки феномен человеческого сознания и мышления, то *формы* ее выражения различны. Существует немало, если можно так выразиться, околоутопических взглядов, которые не являются в собственном смысле слова утопиями. В других работах нами отмечалось, что термином «утопия» стали обозначать иные представления об идеальном устройстве общества, например, видение устройства общества, отвечающее ценностным ориентирам индивида («общественный идеал»)⁴.

Думается, что именно потому, что термином «утопия» стали так или иначе обозначать любые представления о наилучшем или правильном устройстве общества, известный отечественный философ В.А. Лекторский ввел ограничительный критерий: «Общественный идеал становится утопией, когда он превращается в практическую цель»⁵. Однако же критерий этот вызывает определенные сомнения. Трудно себе представить утописта, будь то Томас Мор, Томмазо Кампанелла или Фрэнсис Бэкон, которые видели бы способ осуществить «на практике» предложенный ими идеал устройства общества, что называется в «чистом виде». Ведь утопия – это (в буквальном значении слова) «место, которого нет». Какая, в сущности, «практика» может быть в том месте, которое не существует? Бесспорно, неявным основанием подобных рассуждений об утопии является отсылка к «большевистскому эксперименту» или иным «тоталитарным утопиям», авторы которых мечтали о создании «обновленного» (*renewel*), как выразился Мартин Бубер, общества. Но в том то и дело, что авторы этих экспериментов, будь то социалисты-утописты или большевики, и не предполагали осуществление «на практике» идеала в «месте, которого нет». Совсем напротив, он казался вполне осуществимым в стране, являющейся «слабым звеном в цепи капиталистических стран», иными словами, «в месте, которое есть». И если допустить, что большевистский проект был утопией, то он явно отличался в этом существенном пункте от утопий века Классицизма или века Просвещения, которые с подачи Карла Поппера стали считать «предтечей закрытого общества» XX века. Не потому ли, что в теоретических построениях искателей «истоков тоталитаризма» и происхождения «закрытого общества» бросается в глаза анахронизм, они часто оказываются не востребованными историками, которые вынуждены выработать

³ Lacroix 2007.

⁴ Zanin 2012.

⁵ Идеал, утопия и критическая рефлексия 1994: 6. Близкое понимание различия между идеалом и утопией было характерно и для П.И. Новгородцева: Новгородцев 1919.

собственные методы изучения утопии с учетом культурных реалий определенного исторического времени?

Обратим внимание и на то, что критерий «осуществимости на практике» в той или иной мере принимается Карлом Маннгеймом в его классическом произведении, посвященном утопии. Он полагал, что ее возникновение тесным образом связано с «включением фантазий отдельного индивида в процесс формулирования политических целей отдельной [социальной – С.З.] группы»⁶. Разумеется, речь идет в первую очередь о социологическом исследовании, в котором главную роль играет «связь между различными интеллектуальными точками зрения и некоторыми формами социального опыта»⁷. Иными словами, утопические идеалы остаются утопическими до тех пор, пока они не превратились в целевые установки отдельных социальных групп, т.е. не стали идеологией. А вот «нереализованные» пожелания представителей этих групп, так и остаются мечтаниями «отстраненных от действительности» интеллигентов. С этой точки зрения напрашивается изучение связи между идеологией и утопией. Поль Рикёр отмечал в этой связи, что утопия – своего рода зеркало идеологии, коль скоро она содержит те же структурные элементы, что и последняя⁸. Таким образом, утопия порой *высказывает* то, о чем умалчивает идеология, отвечая тем самым на те запросы, на которые та не смогла или не пожелала ответить. Действительно, утопия удовлетворяет ожиданиям определенных слоев общества или, напротив, кажется им неуместной, «предвидением ада» (Реймон Труссон), порой порождая негативную реакцию в виде «антиутопии» или «дистопии»⁹. Можно сказать, что утопия, как и идеология, является выражением идейной борьбы в обществе, а потому как таковая может и должна стать предметом социологического исследования.

Но утопия, в особенности в Новое время, была по своей сути «мечтаниями», облеченными в более или менее удачную художественную форму, будь то музыка, живопись или литературное произведение. Эрнст Блох справедливо отмечал, что «утопия есть предвещающее озарение, несвязанная со знанием как таковым», она проявляет себя в музыке, живописи, литературе, «становясь проекцией того, к чему надо стремиться»¹⁰. Будучи не в состоянии выявить особенное *содержание* утопии, некоторые авторы, в частности, известный бельгийский литературовед Реймон Труссон, обратились – что вполне естественно – к литературной *форме* утопических произведений, указав на особенности этого особого, по их мнению, литературного *жанра*. «В рамках рассказа (а это исключает политические трактаты), содержится описание сообщества (это исключает робинзонады), организованного сообразно поли-

⁶ Mannheim 1957: 84.

⁷ Ibid: 47.

⁸ Ricoeur 1997: 355-374.

⁹ Braga 2008.

¹⁰ Bloch 1988: 72-73.

тическим, экономическим, этическим принципам, воссоздавая во всей сложности социальное существование (это исключает мир наизнанку, золотой век, Коканию или Аркадию). И она может быть представлена как идеал, который необходимо осуществить (позитивная утопия) или как предвидение ада (антиутопия). И она может находиться в реальном пространстве и времени или в воображаемом, а может быть описана в конце правдоподобного или неправдоподобного путешествия»¹¹.

Отметим прежде всего то, что критерии жанра (если согласиться с тем, что утопия, все-таки, литературный жанр), предложенные Труссоном, относятся именно к утопиям Нового времени. Но в том то и дело, что ее авторы не создавали новых литературных жанров, а воспользовались уже существующими. Рассказы о путешествиях в дальние страны – это сюжет, встречавшийся в литературе и до Томаса Мора. Он до такой степени стал «*lieu commun*», что Джонатан Свифт не без иронии обыграл его в своем известном сатирическом произведении. Используя критерии жанрового своеобразия выделенные Труссоном, «Путешествия Гулливера» можно отнести и к утопиям. Во всяком случае, описание пребывания в стране «гуингмов» включает в себе черты «дистопии».

В конце XX века, социологи, в частности, Норберт Элиас, указывали на необходимость сочетания литературоведческого и социологического анализов феномена утопии. «Литературоведческое исследование утопии обречено на долговременное бесплодие, если представители этой дисциплины не в состоянии в точности поставить вопрос о социогенезе конкретной утопии и, следовательно, о положении, занимаемом ее автором в ткани общественной жизни»¹². Ради справедливости стоит отметить, что, за исключением, пожалуй, небольшого очерка о Томасе Море, сам Элиас подобных исследований не проводил. В последние десятилетия появился ряд работ, к примеру работа Хенана Йорана, в которой отмечается, что утопия Томаса Мора – это, в значительной мере, отражение общения с гуманистами, в частности, с Пьером Жилем в Анвере. «Республика писателей, этот символ интеллектуальной автономии, членами которой были Мор и Эразм, подпитывала их гуманизм», но они обнаружили «трещину между их реальным существованием и социальными воззрениями», в результате они оказались неспособны «выработать связную политическую программу, и взяли изобретать утопии»¹³. Действительно, утопия является в первую очередь продуктом индивидуального творчества и вписана в контекст жизненного пути индивида, а ее содержание зависит от культурного и социального контекста эпохи, от философского мировоззрения ее авторов и в немалой степени от круга его общения. Но ведь утопия не только изображение «места, которого нет», т.е. художественный вымысел, возникший в определенной соци-

---

¹¹ Trousson 1999: 24.

¹² Elias 2014: 37.

¹³ Yorán 2010: 4, 11.

альной среде, но также стремление индивида к *преодолению* конкретной реальности, порыв, устремленный, так сказать, вовне пространства и времени. Она – вечная надежда человечества в целом, его стремление к конечному торжеству гуманистических идеалов. Конечно, «антиутопия», или «дистопия» похожа, по словам Реймона Труссона, на «предвидение ада». А между тем, ее роднит с утопией не столько то, что вторая отрицает то, что утверждает первая, сколько то, что антиутопия ведет дискуссию *на почве утопии*, а не на почве реального положения дел. И в этом отношении «дистопия» представляет собой такой же разрыв с реальностью, как и утопия.

Таким образом, существуют два подхода к изучению утопии. Философский, в центре которого находится феномен сознания человека, ищущего желаемое, то, чего нет или пока еще нет, но должно, по его мнению, быть. Вместе с тем, коль скоро она формируется в общественной жизни, являясь своеобразным откликом на нее, то утопия вписывается в социальный и культурный контекст, и потому становится предметом анализа социологов и культурологов. Другое дело, что идеи, к примеру – Томаса Мора, получили широкий резонанс вне круга высокообразованных гуманистов-поклонников античной культуры и литературы. Ведь утопия, особенно в ее художественной форме, существует не только сама по себе, но и «для другого», т.е. для читающей публики, а ее элементы вплетаются в ткань общественной жизни и культуры. И вряд ли конечное существование утопии следует списывать на счет «мечтаний интеллигентов». По нашему мнению, однажды оказавшись в пространстве социальной жизни, она обретает в ней смысл и значение, чаще всего отличные от тех, что ей изначально сообщали ее авторы.

Именно двоякий статус утопии объясняет различие подходов к ее изучению, а также примат анализа философского, проведенного в магистральной работе Э. Блоха «Принцип надежды» (*Das Prinzip Hoffnung*). Ведь в конечном итоге вне зависимости от того, заходит ли речь о бытовании утопических идей в обществе или же об утопических произведениях, он позволяет выявить общие черты утопического сознания. Поэтому сегодня, даже по прошествии полувека с момента публикации, положения, сформулированные им, стали отправным пунктом в дискуссиях специалистов, в т.ч. историков, коль скоро предметом его анализа оказались основные утопии эпохи Нового времени. Вместе с тем, не только социологический подход, но и подход философский налагает определенные ограничения на исследование утопий.

Рассмотрим некоторые характеристики утопии, предложенные Эрнстом Блохом. Он, в частности, полагал, что «меланхолия реализации» выявляет то, что в сути своей не реализовано в субъекте, подобно тому, как недостаточность застывшего идеала обнаруживает в ней элемент собственной критики. Таким образом, речь идет о том, чтобы все более и более освобождать элемент процесса реализации одновременно с эле-

ментом будущего общества»¹⁴. Таким образом, анализ Блоха сосредоточен на «растущем саморазмышлении исторического деятеля», который, встречая на своем пути «пустоту», ощущает «отсутствие исторического становления своего идеала» и даже его недостаточность. «Предваряющее сознание» надеется на то, что «становление превзойдет бытие» и, таким образом, оно возьмет своеобразный реванш над «нереализованным», ибо «поражение взыскующего желаемого блага предполагает возможность будущего успеха» во имя «Становления-иначе» и даже «Становления-лучше». Иными словами, в основе утопии всегда лежит антропологический финализм, вера человека в конечное торжество гуманистического идеала. Отметим, что дискурс Блоха имплицитно содержит отсылку к гегелевской диалектике отрицания отрицания.

Александр Сиоранеску склонен был усматривать в этих размышлениях Эрнста Блоха интерпретацию утопии в духе трансцендентности, т.е. в духе «преодоления реальности», которая, по его мнению, присутствует и в работах других авторов, в частности, в работах Рюйе, Бубера и Маннгейма¹⁵. Они-де не смогли в достаточной мере провести различие между «утопической литературой», то есть творческим воображением, и «утопической функцией» (утопическим сознанием), которому несвойственна трансцендентность, ибо «утопист верит, что будущее есть проекция мифа в прошлое или в будущее. Он верит также в то, что участь людей по всей видимости зависит от умственных комбинаций и актуализированных мифов, а не от ускользающих от него трансценденций»¹⁶. В какой-то мере у Блоха можно встретить рассуждения, оправдывающие критику Сиоранеску. К примеру, когда он замечает, что архетип утопического сознания возникает в момент, когда «исторический деятель оказывается перед очевидностью скорого Высшего блага (*Summum Bonum*), пока еще незнакомого, но которое превосходит все»¹⁷. Иными словами, ощущение «голода по тому, чего нет» и «неудовлетворенности становлением», стремление «исторического деятеля» к «Суверенному благу» означает только то, что он «во всяком случае замечает горький избыток или недостаток» реализации его идеала¹⁸. И он желает *освободиться* от этой «горечи», обретя «Высшее благо». Поэтому употребление термина «превосходит» не должно вводить в заблуждение: бесспорно, речь не идет о «трансцендентности». Более того, «воинствующий оптимизм исторического деятеля» возникает именно потому, что «изначальный импульс», «Альфа» (сознание того, что «в начале было дело») вызывает в нем чувство ожидания «окончательного пришествия Целого, властно заполняющего Ничто». Таким образом, «Целое есть ничто иное как идентичность человека, возвратившегося к самому себе вместе с его

¹⁴ Bloch 1976: 360.

¹⁵ Ruyer 1964, Mannheim 1956.

¹⁶ Cioranescu 1972: 53

¹⁷ Bloch 1976: 366.

¹⁸ *ibid*: 360.

миром, дарующим ему успех», поскольку его природа сама по себе «понимается как мир, полностью опосредованный человеком». Он живет в сознании «ускользающих мгновений жизни и мгновенных наслаждений», которые ему дает «пережитый миг» исполнения его желаний, миг, который он стремится остановить. Воистину, «Verweile doch! Du bist so schön!». Эта строфа Гёте служит лейтмотивом рассуждений Блоха: «Утопия вступает в дело лишь тогда, когда она принимает в соображение то настоящее, которого она желает достичь, конечное настоящее, являющееся выражением взыскуемого отсутствия расстояния [между желаемым и действительным – С.З.] и это настоящее сияет на горизонте всех утопий пока еще отдаленных»¹⁹. В этот момент «утопия перестает искать себя, она растворяется в содержании настоящего и переплетается с ним вместе с миром, утрачивающим отчуждение».

Хотя идеалы, по словам Блоха, и «отделены от мира», тем не менее они составляют его часть постольку, поскольку «исторический деятель становится существом, подобным утопии». На этом этапе анализа Эрнст Блох формулирует концепт утопии, который можно считать ответом на критические замечания Александра Сиоранеску «объектом интенции, которым является это наличествование [содержания Альфы], эта идентичность, ставшая явной, не находится в каком-либо Ставшем, но бесспорно заключен в интенции, направленной на это настоящее, интенции никогда еще не прерываемой, и он бесспорно заключен в ходе развития истории и мира. Никогда еще этот ход развития не погибал в Ничто, потерпев окончательный провал. Идентичность человека, возвратившегося к самому себе вместе с его миром, раскрывает себя в качестве предельного концепта утопии <...> и это – в точности конкретная утопия: однако же предмет надежды на то, что есть-паче-чаяния представляет собой область конечной цели, то, что способствует достижению всего, что можно действительно задействовать в борьбе за освобождение человечества. Целое в смысле идентификации есть паче-всего-того, что люди желают в глубине души. Итак, именно эта идентичность покоится в неясной основе всех грез наяву, всех чаяний и всех утопий, образует ткань из золота, на которой переплетаются все конкретные утопии [...] и эта основа ощущается во всяком доселе приобретенном опыте»²⁰.

Приведенный отрывок нуждается, бесспорно, в определенной экзегезе. Очевидно, что утопия «исторического деятеля» имманентна историческому процессу. Трудность возникает именно тогда, когда, обнаружив «Не есть» или «Пока еще не есть», то есть, в терминах Блоха «пустоту», которую предстоит заполнить представлением о «Высшем благе», «исторический деятель» убеждается в том, что «утопия» содержит в себе «сущность, пока еще фрагментарную во всех объектах», и потому она сама включена в процесс «гигантского опыта, приобретенного в хо-

¹⁹ Bloch 1976: 375.

²⁰ Ibid: 378-379.

де поиска примера... царства удовлетворения»²¹. Как возможно то, что утопия, этот «изначальный импульс», эта «интенция» не угасает *вопреки* социальному опыту, подчас противному ей, а подчас и «фрагментарному»? Нет никакого сомнения в том, что в произведениях Блоха утопия рассматривается в качестве одной из форм выражения гуманизма. Утопист не только имеет в виду высшую цель человеческого существования, но и сохраняет на каждом этапе своей жизни верность этому идеалу. Иными словами, искание утопии как конечной цели необходимо предполагает анализ собственного жизненного опыта. И с этой точки зрения утопия не просто абстрактное мечтание, – выдающийся немецкий философ это отчетливо показал, – она, в конечном итоге, становится «конкретной», являясь борьбой за сохранение его «Существа, подобно-го утопии». Но тогда она – ничто иное как опыт, приобретенный *в обществе*, в конкретной социальной среде. Ведь в противном случае утопист никогда бы не узнал того, «что же люди хотят в глубине души», а остался бы наедине «со своим миром, дарующим ему успех».

Настоящая проблема, с которой сталкивается Эрнст Блох, вытекает из использованной им методологии. Хотя он и заявлял о своей симпатии к марксизму, его анализ, по сути дела, опирается на феноменологию, коль скоро он стремился выявить в сознании человека все то, что является в собственном смысле слова утопическим. Но в нем присутствуют и элементы экзистенциализма в той мере, в какой он сближает «утопические представления» с экзистенциальными переживаниями. При этом он логично, как отмечали исследователи, отказывался от использования социологических методов в изучении утопии²². Отсюда, похоже, возникает своеобразное смещение акцентов в его работе, поскольку «исторический деятель» оказывается изолированным, если можно так выразиться, от исторического контекста. Но в этом случае утопия «*исторического* деятеля» не сможет стать «конкретной», а он сам будет не в состоянии понять то, чего же «люди в глубине души желают». Коротко говоря, опыт, приобретенный, является не эксклюзивным, а инклюзивным, т.е. опытом, полученным в социальной и культурной среде времени. В противном случае надежда на достижение «конечной цели» оказывается сходной с надеждой верующего на пришествие царствия божьего на земле, а «наличность содержания Альфы» превращается в откровение.

Именно поэтому исследователи, начиная с Мартина Бубера и заканчивая Норбертом Элиасом, особое внимание уделяют историческому контексту возникновения утопии. Как отмечал Бронислав Бачко в классической работе, посвященной утопии: «не существует утопии без тотализирующего и представляющего полный разрыв [с реальностью] представления об ином»²³. Но этот «разрыв», поиск «иного» и «отличного от», т.е. того, чему противостоит то, что воображает «исторический дея-

²¹ Ibid: 361.

²² Furter 1966: 6, 10.

²³ Baczko 1978: 30.

тель», есть переосмысленная реальность. Эта особенность утопии была очевидна уже авторам первых научных работ, посвященных ей, в частности, Жоржу Сорелю, который обратил внимание на то, что «утопия содержит в себе достаточные аналогии с реальностью»²⁴. А Жиль Делёз в одном из последних интервью заметил, что «у истоков пустынного острова – не создание как таковое, а воссоздание, не начало, а возобновление»²⁵. Проще сказать, утопия, то есть, «место, которого нет», является все же «местом», т.е. узнаваемой, но альтернативной *реальностью*.

С принципиально отличных от философских позиций Эрнста Блоха, Роберт Нозик уделяет особое внимание *мотивациям* носителя утопии, отвечая на вопрос, почему, если воспользоваться словами Эмиля Дюркгейма, утопист обладает «странной, на первый взгляд, способностью жить вне реальности»?²⁶ Нозик заменяет термин Блоха «исторический деятель» на «рационально поступающий житель», который стремится найти «мир, где он может получить нечто более ценное в его глазах, чем то, что он выплачивает устойчивой ассоциации, в наибольшей мере ценящей его присутствие в ней»²⁷. Слов нет, стремление жить лучше, получить оценку более высокую, чем та, что им получена в той или иной социальной группе, является одной из основных мотиваций к социальной мобильности, а в более узком смысле – к поиску «социальных лифтов». Как указывает Нозик, этот мир – «воображаемый», тот, в котором, что называется, «и мед слаще, и жизнь проще». «Среди миров, которые я воображаю, тот мир, который мне больше всего нравится, не будет в точности тот, что вы сами бы выбрали. Утопия должна быть, в относительно строгом смысле слова, наилучшей для всех, наилучшим для всех и из всех воображаемых миров»²⁸. Обратим, однако, внимание на то, что содержание понятия «утопия» предполагает дихотомию «реальное-воображаемое», несмотря на «рациональные» соображения, которыми руководствуется «житель», предвещающий возможную выгоду в мире альтернативном. Но сказанное не означает, что она недостижима. Как и в работе Блоха, она – реальность в том смысле, что является реальностью жизни человека, мотивирует его поступать так или иначе, а также глобально становится источником размышлений о жизни человека в мире, коль скоро она предполагает своеобразный мыслимый или воображаемый выход за пределы мира существующего. Именно поэтому вымышленный мир так похож на мир реальный: утопист желает исправить то, что есть. Сложность заключается в том, чтобы понять, каким образом утопические представления, разделяемые индивидуумом стали бы близкими и понятными окружающим членам общества. Как отмечалось ранее, философский анализ Блоха не предполагает постанов-

²⁴ Sorel 1909: 46.

²⁵ Deleuze 2002: 16.

²⁶ Durkheim 1985: 605.

²⁷ Nozick 1974: 373.

²⁸ Ibid: 364.

ки подобного вопроса. Ведь размышления об участии человечества, которым предается «исторический деятель», не могут оказаться чуждыми для людей, а тот факт, что его утопия конкретна, объясняется тем, что он становится «существом, подобным утопии». Но ведь утопия, будучи конкретной для него, все равно не станет столь же «конкретной» для других. Возможно, именно эта недосказанность в его работе побудила Роберта Нозика вплотную подойти к рассмотрению вопроса о том, каким образом утопия индивида завладевает сознанием других людей.

Отвечая на него, он в частности писал: «В нашем истинном мире, то что соответствует образцу возможных миров – это широкая, отличающаяся разнообразием гамма сообществ, в которые люди могут проникнуть, если их туда допустили, могут их покинуть, если того желают, преобразовать сообразно своим желаниям; это – такое общество, в котором можно попробовать утопический эксперимент, а различный образ проживаемой жизни или различные видения блага можно найти индивидуально или в группе. Детали и некоторые свойства подобной комбинации, которую мы назовем «канва» (Framework), возникнут внезапно, по мере нашего продвижения вперед. Существуют важные различия между моделью и ее проекцией на наш истинный мир»²⁹. В общем и целом, согласно Нозику, утопии являются мотивациями отдельных людей к действиям, а вариативный характер общественной жизни и представлений, с нею связанных, в конечном итоге и объединяет утопии отдельных лиц в единое целое. Они, если можно так выразиться, приземляются, вписываются в общественную жизнь, черпая из нее содержание. В результате, с одной стороны, можно и нужно говорить об утопическом сознании индивидов («рациональных жителей»), а с другой стороны, о социальном бытии утопии в качестве «канвы», проецируемой на социальную действительность, где она неизбежно проявляет себя в виде консенсуса, который Роберт Нозик очевидно подразумевает, когда приходит к следующему выводу: «утопию образуют утопии, разные и непохожие друг на друга сообщества, в которых люди ведут различный образ жизни к рамках различных институтов»³⁰.

Но важно заметить и то, что консенсус, согласно Дж. Ролзу, лежит в основе современной демократической культуры и, в частности, представлений о справедливости: «Консенсус санкционирует справедливость в различных религиозных, философских учениях и учениях о морали, непреходящий характер которого, как кажется, обеспечивается из поколения в поколение при более или менее справедливой конституционной демократии»³¹. Бесспорной заслугой Р. Нозика следует считать доказательство того, что механизм формирования утопических представлений похож на тот, который задействован в формировании иных социальных

---

²⁹ Ibid: 364.

³⁰ Ibid: 380.

³¹ Rawls 1993: 246.

представлений в целом. Но логично было бы поставить вопрос о том, каков механизм достижения этого предполагаемого консенсуса?

По нашему мнению, прав был Бронислав Бачко, когда подчеркивал, что распространение «утопизма» в обществе было бы невозможно, если бы «утопия являлась только образной и мыслимой, и не становилась понятной и *сообщаемой* (communicable) через дискурс, в котором осуществляется соединение и интеграция мыслей-образов и языка»³². Иными словами, утопия – это, в первую очередь, дискурсивная практика, и логично было бы предположить, что именно благодаря социальной коммуникации возможна интеграция людей, «которые ведут различный образ жизни к рамках различных институтов», возможно достичь искомого, если можно так выразиться, «консенсуса» различных утопий.

На этом этапе нашего анализа целесообразно обратиться к работе Юргена Хабермаса «Идеализация и коммуникация. Коммуникативное действие и использование разума», в которой основное внимание уделено роли «коммуникативного действия» в обществе. Это, в первую очередь, интегрирующая роль. «В случае регулятивного использования языка, собеседники опираются на признанный или принятый intersубъективный комплекс привычек, институтов и правил, которые упорядочивают отношения между лицами в коллективе таким образом, что те, кто в него входят, знают, какое поведение они могут ожидать от других», – отмечал Хабермас³³. Ведь в этом случае собеседники «абстрагируются от противоречий, индивидуальных отличий и ограничивающих контекстов». «От грани горизонта их собственных переживаемых миров, собеседники могут устремиться к тому, что находится за этой гранью, переустроить межличностные отношения и создать полностью инклюзивный мир, где все люди – братья»³⁴.

По нашему мнению, концепт коммуникации у Хабермаса позволяет интерпретировать рассуждения Нозика, который писал не об утопии как таковой (утопическом произведении), а о различных утопических представлениях, бытующих в обществе и разделяемых «рациональными жителями». Эти представления не обязательно отрефлексированы в художественных или философских произведениях. В этом отношении справедливо различие, установленное Сиоранеску: «Благодаря утопизму, в тот момент, когда утопия, кажется, устает, утописты в обществе и в истории приходят ей на смену с новым лиризмом, этой новой пока еще только зарождающейся моделью, которая между тем делает вид, будто поворачивается спиной к лиризму. Она обеспечивает выживание утопической литературы и, одновременно, ее будущий реванш»³⁵. Если признать, что и утопия, и утопизм наделены коммуникативной функцией, то становится понятным, каким образом утопия отдельного индивида

³² Baczkо 1978: 33.

³³ Habermas 2006: 49.

³⁴ Ibid: 32-52.

³⁵ Cioranescu 1972: 273.

может стать близкой другим людям, и почему в момент, когда утопическое произведение «устало», «утопизм» набирает силу, готовя почву для новых утопических произведений. Именно в силу самих особенностей механизма коммуникации, утопические представления в целом балансируют между эксклюзивностью творчества писателя-утописта и инклюзией утопического сознания в социальной и культурной среде.

Кроме того, немецкий социолог выделяет три основных характеристики коммуникации, которые, как нам представляется, имеют прямое отношение к изучению как утопизма, так и утопии. Во-первых, «коммуникация предполагает, что ее участники могут понять друг друга *за пределами различных миров, в которых они живут*, и это происходит потому, что, имея в виду общий объективно существующий мир, они руководствуются притязанием на правду, т.е. на безусловную валидность своих высказываний»³⁶. И не просто валидность в данном конкретном контексте, а на их валидность, «подтверждаемую постоянной в различных контекстах и перед публикой бесконечно более широкой и компетентной»³⁷. Действительно, утопия всегда притязает на обладание безусловной, если можно так выразиться, всечеловеческой истиной.

Во-вторых, согласно Хабермасу, «мир субъекта включает в себя весь опыт, который локутор может использовать для того, чтобы определенным образом выразиться, представляя себя. Это – опыт, высказанный от первого лица, когда он стремится выложить публике что-то от себя»³⁸. Сказанное касается в первую очередь утопии как художественного произведения в той мере, в какой автор рассчитывает на реакцию публики на него. Дискурс, развитый в нем, безусловно, должен включать в себя «весь опыт», который может быть интересен тем, к кому обращен, т.е. к потенциально заинтересованной читающей публике, ибо автор так или иначе надеется на то, что его произведение не только будет прочитано, но и станет предметом обсуждения в обществе. Утопия тем и привлекательна, что она «узнаваема», будучи тесно связана с «реальностью». Ведь она имплицитно отсылает к «опыту», который автор использует для того, чтобы выразить себя. Может быть, утопия потому и «близка к действительности», что автор включает в нее свой собственный социальный, а потому «сообщаемый» опыт. Добавим, что, пожалуй, правы те литературоведы, а в их числе и Реймон Труссон, которые обращают внимание на специфику композиции литературной утопии. Она часто является либо рассказом от первого лица, либо один из героев передает услышанный от «утописта» рассказ. В существующих исследованиях мало обращается внимания на то, что утопическое произведение часто предлагает образчик коммуникации, является попыткой предложить обществу некий ее образец, ссылаясь на этот опыт.

---

³⁶ Ibid: 33-34.

³⁷ Ibid: 59.

³⁸ Habermas 2006: 52.

В-третьих, по Хабермасу, коммуникация предполагает консенсус относительно «определенных практик» и «аксиологических ориентаций» ее участников. Никакая коммуникация невозможна, если ими «нельзя поделиться» (*Mitteilung*), т.е. если собеседники не выработали определенные «модели реакции», выраженные в символической форме³⁹. Поэтому она «отнодь не устраняет ни комплекса взаимодействий, опосредованных символами, ни принижает значения культурной традиции»⁴⁰. На анализе этой особенности «утопизма» мы подробно останавливаемся в недавно опубликованной работе, основным выводом в которой является то, что «необходимо изучать не связь утопического произведения с реальностью, а его связь с теми культурными изменениями, которые она фиксирует и одновременно производит в обществе»⁴¹. Разумеется, если рассматривать культуру как символическое пространство. То есть, встать на точку зрения Клиффорда Гирца.

В целом, как представляется, анализ коммуникативной функции утопии в историческом исследовании позволяет решить ряд важнейших проблем, которые остались за пределами внимания признанных авторитетов. Речь должна идти не столько об изучении литературной формы утопий, степени их распространения в обществе, о связи их содержания с теми идеями, которые обсуждаются в обществе или же о микроисторических этюдах, посвященных, к примеру, жизни автора и кругу его общения (примером может служить упомянутая ранее работа Хенана Йорана). Изучение утопических представлений во многом послужило мотивом критики, высказанной нами в адрес представителей «новой культурной истории» в ранее опубликованных работах. Наиболее перспективным направлением в историческом изучении утопии представляется выявление ее роли в культуре времени, ответ на вопрос о том, что символизирует ее появление «в комплексе взаимодействий» в ходе коммуникации, развивающейся в определенную историческую эпоху. Попытке ответить на него посвящены работы автора этих строк, опубликованные за последние десять лет в рамках проекта, который предлагает исследование представлений о наилучшем устройстве общества на трех уровнях: индивидуальном («общественный идеал»), межличностном («утопизм») и коллективном (разработка модели наилучшего устройства общества и государства в результате дискуссии в обществе). В последнем случае мы предлагаем скорректировать подход Александра Сиоранеску. Следует изучать не дихотомию «утопия-утопизм», а переход представлений о наилучшем устройстве общества и государства на коллективный уровень, то, каким образом они приобретают общественный резонанс и становятся запросом на смену существующей социальной и институциональной модели.

---

³⁹ Ibid: 76.

⁴⁰ Habermas 1991: 75.

⁴¹ Zанин 2018: 268.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Занин С.В. «Утопия» или «общественный идеал» // Диалог со временем. 2009. № 28. [Zanin S.V. «Utopia» ili «obshchestvennyj ideal» // Dialog so vremenem. 2009. № 28]
- Идеал, утопия и критическая рефлексия. М., 1994. [Ideal, utopia i krititsheskaja reflexja. M., 1994]
- Новгородцев П.И. Общественные идеалы древнего и нового мира. М., 1919 [Novgorodcev P.I. Obshtestvennyye ideally drevnego i novogo mira. M., 1919].
- Васцко В. Lumières de l'utopie, Paris, Payot et Rivages, 1980.
- Bloch E. The Utopian Function of Art and Literature. Cambridge, MIT Press, 1988.
- Bloch E. Le principe espérance, Paris, Gallimard, 1976, t. 1-3.
- Braga C. De l'utopie à contre-utopie aux XVIe-XIXe siècles, thèse, Un-té Jean Moulin Lyon-3, 2008.
- Buber M. Paths in Utopia. Translated by R. F. C. HULL. Boston: Beacon Press, 1958
- Cioranescu A. L'avenir du passé. Utopie et littérature, Paris, Gallimard, 1972.
- Deleuze G. « Causes et raisons des îles désertes » // Textes et entretiens. 1953–1974. Paris, Gallimard, 2002.
- Durkheim E. Formes élémentaires de la vie religieuse, Paris, PUF, 1985.
- Elias N. L'utopie, Paris, La Découverte, 2014.
- Furter P. « Utopie et marxisme selon Ernst Bloch », Archives de sociologie des religions, vol. 21, 1966.
- Habermas J. Connaissance et intérêt, Paris, Gallimard, 1991
- Habermas J. Idéalisation et communication. Agir communicationnel et usage de la raison. Paris, Fayard, 2006.
- Lacroix, J.-Y.. « Utopie » de Thomas More et la tradition platonicienne, Paris, Vrin, 2007.
- Mannheim C. Idéologie et utopie. Une introduction à la sociologie de la connaissance, Paris, Librairie Marcel Rivière et Cie, 1956.
- Nozick R. Anarchie, État et utopie, Paris, Presses universitaires de France, 1974.
- Rawls J. Justice et démocratie, Paris, Le Seuil (Essais), 1993.
- Ricoeur P. L'idéologie et l'utopie, Paris, Le Seuil, 1997.
- Ruyer R. L'animal, l'homme, la fonction symbolique, Paris, Gallimard, 1964.
- Sorel S. Réflexions sur la violence, Paris, 1909
- Trousson R. Voyages aux pays de nulle part. Histoire littéraire de la pensée utopique, Bruxelles, Éditions de l'Université de Bruxelles, 1999.
- Yoran H. Between Utopia and Dystopia. Erasmus, Thomas Moore, and the Humanist Republic of Letters, Lanham, Lexington Books, 2010.
- Zanin S. Société idéale et horizon d'utopie chez J.-J. Rousseau, Paris, Classiques Garnier, 2012.
- Zanin S. Utopisme et idées politiques (Visite de Pierre-Paul Joachim Henri Lemerrier de La Rivière à Saint-Petersbourg). Paris, Classiques Garnier, 2018

Занин Сергей Викторович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой Истории Отечества, медицины и социальных наук, Самарский государственный медицинский университет; zansamara@mail.ru

Communicative function of utopia

The article examines philosophical and sociological approaches to the study of utopias and substantiates the need to study these in the context of communication in the corresponding social and cultural environment of a particular historical era. The author considers the most promising direction in the historical study of utopia to be the study of its role in the culture of the time, the disclosure of what exactly symbolizes its appearance in a complex of interactions in the course of communication in the historical era.

Keywords: *historiography, methodology of history, utopia, utopianism, communicative action*

Sergey Zanin, Dr. Sc. (History), Professor, Head of the Department of history of Russia, medicine and social Sciences, Samara State Medical University; zansamara@mail.ru

А.А. ОНОСОВ

ИДЕЙНОЕ ГИПЕРПРОСТРАНСТВО РУССКОЙ КОСМОСОФИИ: В.Н. КАРАЗИН¹

Статья посвящена исследованию идейного содержания творческого наследия Василия Назаровича Каразина – просветителя, учёного, инженера, статистика, общественного и государственного деятеля. Прослеживается история генезиса и концептуального оформления установочных идей и представлений, обусловивших феномен отечественной философской мысли, который получил признание как «русский космизм». В рассматриваемых эпизодах исследовательской деятельности В.Н. Каразин, наметивший целевую интенцию и содержательное своеобразие философии космизма, предстает как предтеча Н.Ф. Федорова. Творческое наследие В.Н. Каразина задает интеллектуальное напряжение космософии в ее продолжающемся развитии.

Ключевые слова: В.Н. Каразин, Н.Ф. Федоров, русский космизм, космософия, природная регуляция, метеорология, общее дело.

...Сама природа Русской земли... в Каразине сознала, можно сказать, свои нужды, необходимое условие своего существования...
Н.Ф. Федоров

Имя Василия Назаровича Каразина, просветителя, учёного и инженера, статистика, общественного и государственного деятеля, было малоизвестно широкой публике – и при жизни, и в полтора столетия после его кончины. Лишь в последние десятилетия стали появляться работы, посвященные неуможимому «исследователю жизни», что называется, «от Бога»². Исключением из «правила умолчания» о Каразине является та высочайшая оценка идейного импульса этого активного преобразователя бытия, которая красной нитью проходит в творчестве «московского Сократа», Николая Федоровича Федорова – родоначальника русского космизма, философа общего дела. Он не просто признавал и аргументированно пропагандировал безудержную смелость научно-инженерных идей Каразина, но сама каразинская метеорологическая дерзость, воспринимавшаяся его современниками как научная «ересь», послужила Федорову одним из реакторов его космософских идей.

Можно предположить, что закладными камнями, на которых был возведен антропокультурный и космокультурный корпус общего дела Федорова, стали, во-первых, *смерть* и связанная с ней трагедия личности, чувство утраты – беспощадной и окончательной – своего ближнего. Это порождало «мировую скорбь о тленности всего, о всеобщей смертности»³, воспламеняло категорическое несогласие с вызывающе оче-

---

¹ Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ «Н.Ф. Федоров. Энциклопедия с онлайн-версией», грант № 18-011-00953а.

² Vasilij Karasin; Узбек 2002: Грачева 2012.

³ Федоров. Т. I: 93.

видной и оскорбительной для разумного нравственного существа неправдой «злой по отношению к человеку природы». Это протест против столь искаженной слепыми силами *онтологии*, близкий к бунту, но не разгульный, разрушительный нигилизм, а напротив, положительный конструктивизм и сосредоточенность, требовательный поиск исхода, *деонтологического* решения. И в этом напряженном поиске мысль Федорова встречается с неким намеком на решение, усмотренное в идейном арсенале Каразина: это «каразинский проект о регуляции метеорических явлений»⁴, дающий надежду на научно-технологическое преодоление трагедии. Поэтому второй – ключевой, деятельно ориентированный – параметр в системе трансцендентных *уравнений жизни* получил у Федорова определение, развитие и обобщение в *идее природной регуляции*, основанной на высказанном и детально проработанном Каразиным предложении регулярных метеорологических исследований. Возможно, это было своеобразным инсайтом, когда сосредоточенная мысль внезапно обретает нужное измерение, глубину и ясность; идейной вспышкой, в свете которой Федорову открылся совершенно непостижимый рельеф «новой земли», озарился облик «нового человека» и просияло «новое небо». Это было рождение надежды, просквозившей Федорова в идеях Каразина, надежды на разрешение вопроса, давно и мучительно изнурявшего чувство и ум своей трагической неразрешимостью. Это озарение, это *со-вѣсть* о возможности благого исхода, которая будоражит нравственно ориентированный ум деятельной *совестью* об умерших, воодушевляет на исполнение супраморалистического долга по отношению к ним. Вместо безысходности – трудный и долгий путь кардинального и бескомпромиссного преодоления разобщенности и розни, не только межличностной, но и межпоколенческой, между живыми и мертвыми. Не случайно, еще одной титанической фигурой в учении Федорова выступает Сергей Радонежский с его незатихающим призывом к преодолению всякой розни. В этой вспышке надежды распахнулся прежде запредельный горизонт возможных событий, зародилась та мировоззренческая платформа, которая, послужив *универсальной парадигмой*, постепенно стала обретать значение уже и *технологического*, инструментального *подхода* к решению «пасхальных вопросов»... Это, выражаясь по-федоровски, уже *имманентное* решение. Именно регуляция – сначала метеорологическая, а затем и тотально-всемирная, всеохватно-вселенская – тот фундамент, на котором Федоров стал возводить лестницу в «новое небо»: проект сознательного управления «метеорическими», «теллурическими» явлениями, космическими процессами, а в метаисторическом пределе – ходом вселенской эволюции.

Удивительно, что в широчайшем круге научных интересов Каразина многообразие его исследовательских замыслов и опытных предпочтений сходится в единый, кумулятивный заряд знаний, мировоззренчески окормленный интеграл. Каразин, конечно, не может быть наприя-

⁴ Там же. Т. II: 304.

мую причислен к идейным «отцам» русского космизма, но его дерзкие замыслы, неутомимая исследовательская инициатива и сама его жизнь послужили обогащению того культурного слоя, в котором, пробившись сквозь эмпирическую реальность, проросла космофилософия; его напряженным идейным потенциалом был воздвигнут тот высочайший пьедестал отечественной мысли, с которого Федорову, а затем и следующим поколениям космистов распахнулись горизонты нового бытия...

В.Н. Каразин – культурология идей (очерк творчества)

...Я полагал нас живущими в такое время, когда надобно скорее творить, чем подражать, и находящимися в таком положении, которое позволяет нам быть свободными от всяких предрассудков. Мне казалось, что в России все должно быть ново и своеобразно...

Человек... станет производить если не все, то по крайней мере великую часть тех чудес, которые до сих пор природа предоставляет себе одной. ....В.Н. Каразин

Творческое наследие В.Н. Каразина, представленное его идеями, научными статьями и инженерными разработками, рукописями, «письмами и бумагами», другими автографами и зафиксированными воспоминаниями его современников, очень многогранно и объемно. После смерти Каразина его архив оказался рассредоточенным в разных библиотеках и хранилищах. Значительная часть его рукописей и всей библиотеки⁵ погибла во время пожара в поместье Кручик в 1836 г.

Большая библиографическая работа по выявлению документов, их систематизации и публикации была начата лишь в конце XIX века. На сегодняшний день по обнаруженным источникам, новым публикациям, посвященным этому «человеку–феномену», можно достаточно уверенно «картографировать» обширное и многомерное пространство его научных интересов, опытов и начинаний.

«Метеороургия»

В числе революционных идей Каразина, «не оцененных современниками и слишком рано забытых потомками»⁶, особое место занимает его настоятельное предложение организации регулярных и повсеместно осуществляемых метеорологических наблюдений в России. В своем известном письме императору Александру I, положившем начало необычным отношениям царя и подданного, Каразин, рисуя перспективы государственного благоустройства России, пишет: «Империя... – необыкновенное государство. Ей нет подобной не только в нынешнем состоянии Европы и прочих частей света, но, может быть, и в летописях веков прошедших. Она заключает в недрах своих сто климатов...»⁷. Такое климатическое разнообразие вместе с другими природно-

⁵ Каразин имел «драгоценную библиотеку Российских и к России относящихся рукописей», насчитывавшую, предположительно, 5 тыс. томов, ее ядром было собрание «любопытнейших донныне нигде не напечатанных или сделавшихся уже очень редкими документов исторического и статистического содержания». – Соч. 1910: 590, 591.

⁶ Федоров. Т. III: 126.

⁷ Сочинения... 1910: 3.

географическими особенностями России закономерно требуют, по мысли Каразина, «попечительной руки правительства»⁸.

Почти 40 лет, начиная с 1804 г., Каразин в своем поместье вел регулярные метеорологические наблюдения, с 1817 г. публикуя обработанные результаты наблюдений в «Харьковских Известиях». Но для изучения законов метеорологических явлений и составления достоверных прогнозов погоды случайных и единичных наблюдений было недостаточно. Каразин понимает необходимость систематических исследований, способных преодолеть «разрозненность, малочисленность, неодновременность и неточность наблюдений...»⁹. Принцип такой постановки дела, впоследствии обобщенный Федоровым – опыты, производимые всеми, везде и всегда, – Каразин публично изложил в докладе¹⁰ Императорскому московскому обществу естествоиспытателей, посвященном организации метеорологии, «приведенной в правила», – как науки.

«Каразин указал *цель* метеорологии и выяснил её важное значение; он определил *содержание* этой науки, отметил явления, подлежащие её ведению, и наконец, указал *метод исследования* этих явлений, состоящий в собирании и обобщении возможно большого числа одновременных, постоянных и ведущихся по одинаковой программе наблюдений, производимых во всех странах земного шара»¹¹. «Будь эта мысль высказана в Европе, она на полстолетие ускорила бы создание... в мире сети метеорологических станций. У нас же эта мысль прошла незамеченною, была забыта и совершенно погибла для науки. Через пятьдесят лет после того, как Каразин впервые высказал публично указанную мысль, она была повторена астрономом Леверье и с восторгом принята ученым миром, послужив могучим толчком к развитию метеорологии и сообщению ей характера точной науки...»¹². Александр Гумбольдт, встречаясь с Каразиным в Москве, поддержал его метеорологическую инициативу и даже обещал свое содействие в ее продвижении в Европе¹³. «И как знать, не перешли ли идеи Каразина относительно научной постановки метеорологии чрез Гумбольдта в западную науку и не явилось ли знаменитое предложение Леверье об организации телеграфических передач наблюдений метеорологических станций, послужившее к сообщению метеорологии характера практической науки, отголоском идей Каразина?»¹⁴. В России же попытки основать метеорологию не получили признания, они были осмеяны за «научную гордыню», как намерение со-

⁸ Там же.

⁹ Там же: 402.

¹⁰ «Записка, читанная в Императорском Московском Обществе естествоиспытателей действительным членом оного, В.Н. Каразиним, 15-го марта 1810 года». — Сочинения... 1910: 401–404. В 1817 году она была повторно опубликована в «Сыне Отечества», а в 1839 г. — в «Харьковских губернских ведомостях».

¹¹ Абрамов 1891: 75.

¹² Там же: 72–73. Урбен Жан Жозеф Леверье (Urbain Jean Joseph Le Verrier) – французский математик, занимавшийся небесной механикой в Парижской обсерватории.

¹³ Сочинения... 1910: 404.

¹⁴ Абрамов 1891: 75.

здавать погоду. Даже спустя почти полвека, писал сын Василия Назаровича, Филадельф, Каразина подняли на смех в одной газетной статье «как проектера фабрикации атмосферы»¹⁵.

В философии же Федорова идея метеорорегуляции и подлинного метеотворчества¹⁶, исполняясь содержанием космического задания мировой регуляции, послужила одним из закладных камней всего корпуса общего дела. Предельно обобщая замысел каразинского проекта, Федоров в своем пасхальном вопросе «О науке, как она есть и какую должна быть...», предлагал «великий синтез»: наука должна основываться на наблюдениях, «производимых везде (повсюду), всегда и всеми, и на опыте, производимом в самой природе, на опыте как регуляции метеорических, вулканических, или плутонических, и космических явлений, а не на опытах, лишь в кабинетах и лабораториях производимых, на фабриках и заводах прилагаемых, – на опыте едином, производимом всеми живущими в совокупности, над всею землею как одним целым, как кладбищем множества поколений, постепенно возвращаемых к жизни и присоединяющихся к познающим и правящим для расширения регуляции от одной планеты, нашей земли, к другим, на всю солнечную систему, как целое, а затем и на другие системы, на всю вселенную»¹⁷.

Каразин в течение трех десятилетий стойчески продолжал хлопотать о создании в России, которая как никакая другая страна выражает природно-климатическое многообразие, сети метеорологических обсерваторий и об организации регулярных метеорологических наблюдений. «Бог редко просвещает нас сверхъестественно. Он рассеял по лицу земного шара свои орудия. Должно употреблять их»¹⁸. 13 апреля 1834 г. по высочайшему соизволению императора Николая I¹⁹ в Санкт-Петербурге при Корпусе главных инженеров все же была учреждена Нормальная магнитно-метеорологическая обсерватория²⁰. Это и есть фактическая дата появления регулярной – первой в мире – метеорологической службы. Однако ее работа не избавила метеонаблюдения от фрагментарности, нужна была разветвленная сеть таких станций. С этой целью осенью 1840 г., на излете жизни, Каразин неоднократно обращался к А.Х. Бенкендорфу с предложением устройства «метеоро-астрономических и ме-

¹⁵ Сочинения... 1910: 404.

¹⁶ Осмысляя потенциал метеорологических идей в контексте общего дела, Федоров видел в Каразине уже не только смелого исследователя–метеоро-лога, но и властного деятеля–метеоро-урга. – Федоров. Т. II: 260–264.

¹⁷ Федоров. Т. I: 397–398.

¹⁸ Сочинения... 1910: 153.

¹⁹ Указ «6984 а. – Апреля 13. Высочайше утвержденная докладная записка Главного управляющего Корпусом Горных Инженеров. – О учреждении магнитных и метеорологических наблюдений. – По уважению особой пользы, представляющей как для наук, так и для мореплавания от точного исследования земного магнетизма, учреждены были на счет казны в разных местах Империи магнитные и метеорологические Обсерватории и наблюдения. <...> Резолюция императора Николая I: “Согласен”». – Из истории...

²⁰ Судас, Оносов 2012: 4.

теороскопических обсерваторий...»²¹. Впоследствии деятельность Нормальной обсерватории привела к созданию на ее базе в 1849 г. Главной физической обсерватории²². С этого времени началось создание регулярной сети метеорологических и магнитных наблюдений, печатание и распространение материалов наблюдений, создание метеорологического приборостроения и системы поверки приборов²³.

И все же именно Каразин остается – по чести – основателем метеорологии как науки и как системы практических наблюдений и инструментальных измерений. В этой связи приходится с сожалением упомянуть факт, зафиксированный в истории российской метеослужбы: в ней упоминается, что А. Гумбольдт поддерживал предложения и практические усилия по созданию службы регулярных гидрометеорологических наблюдений, и... нет ни одной обмолвки о Каразине, познакомившем Гумбольдта с этими идеями! «Нет пророка в своем отечестве!»

«Горное электричество»

Еще одна «неожиданная» для того времени идея, которая «свидетельствует о чрезвычайно широком умственном кругозоре Каразина, крайней пылкости его ума и остроумной изобретательности»²⁴, заключалась в использовании атмосферного электричества. Эта мысль родилась в ходе поиска нового способа «производить селитру из газов посредством электрических искр, низведенных с верхних слоев атмосферы» и была изложена в письме графу Аракчееву от 9 апреля 1814 года: «Если опыт, как надеюсь я совершенно, утвердит мое предположение о низведении электричества с верхних слоев атмосферы, то будет приобретено новое орудие, которым человек доныне еще не владел»²⁵. Позже эти мысли были развиты в отчете филолтехнического общества за 1817 г., подготовленном Каразиным как его правителем и представленном императору. Александр I, заинтересовавшись вопросом, потребовал подробного «объяснения статьи». В ответ на это требование Каразин подготовил в 1818 г. записку «О возможности приложить электрическую силу верхних слоев атмосферы к потребностям человека»²⁶.

С помощью специального «электро-атмосферного снаряда», представлявшего, по техническому решению Каразина, поднятый в верхние слои воздушный шар, выполняющий роль громоотвода и, одновременно, токоъемника, предполагалось получать и использовать атмосферное электричество. Широкое применение таких снарядов позволило бы управлять «состоянием атмосферы, производить дождь и ведро по свое-

²¹ Сочинения... 1910: 855, 858.

²² 1 (13) апреля 1849 г. император Николай I утвердил «Положение для Главной физической обсерватории». — Из истории...

²³ История Федеральной службы...

²⁴ Абрамов 1891: 75–76.

²⁵ Сочинения... 1910: 712.

²⁶ Там же: 430–436. В деталях и лицах история этого вопроса была подробно раскрыта в статье «Каразин, как метеороург, а не метеоролог», очевидно, вдохновленной, а возможно и написанной Н.Ф. Федоровым. — См.: Федоров. Т. II: 260–264.

му произволу»²⁷, «сделать перемены, которые донныне тщетно были исканы химиками и за невозможные ими признаны»²⁸, усовершенствовать технологии и земледелие. «Сие важное изобретение... достойно нашего века и нынешней славы России. Жалеть буду, как патриот, если кто в чужих краях впадет на сию самую идею»²⁹. Увы, в самой России на идеи Каразина никто не «вспал»: проект получил отрицательное заключение из Академии, с которым согласился и ученый комитет министерства народного просвещения. Этим дело и кончилось. «Природа ежедневно нам обнаруживает, что простыми-то средствами и производятся ее чудеса. <...> Я столько лет бесполезно указываю на воздушное электричество. Но, увы, никто мне не верит»³⁰.

Каразин, синтезируя и совместно восполняя идеи метеорологических исследований и «добычи» атмосферного электричества, идет еще дальше и посягает уже на естественную обусловленность всей совокупности метеорологических явлений: он размышляет о перспективах, которые открываются в случае, «ежели бы заблагоразсуждено было соединить опыты над электрическою силою атмосферы с метеорологическими наблюдениями...»³¹. Это, по сути, уже продерзание того управления метеорологическими процессами, которое в учении Федорова отлилось в форму проекта всемирной регуляции. В таком предельном осмыслении «горное, *горнее* электричество» Каразина – не только электрическая сила верхних слоев атмосферы, но и новый тип причинно-следственной связи *дольнего* мира именно с *горним*: это дерзость, посягательство «по праву мысли» на управление тварным миром, сопричастность его бытию как сознающей инстанции. А значит и соучастие – *ургическое*, проективно-мыслящее и активно-деятельное – в миссии преобразования мира. Это связь имманентного мира, эмпирического бытия с трансцендентным и сверхэмпирическим. Это творческая явка человека в мир процессов и явлений, определяемых и управляемых Богом...

«Автоτροφность»

Фантастическая идея, которая и столетие спустя после ее формулировки Каразиным поражала своей дерзостью, а впоследствии возросла до федоровского образа *полноорганичного существа*, научного представления В.И. Вернадского об *автоτροφности человечества* и до космософского представления об универсальной форме сверхэмпирического человека и жизни во вселенной, – это идея Каразина о «свободном» получении питательных веществ. Не просто идея, а опытное исследование!

Тема химического превращения веществ была постоянно в фокусе научных интересов Каразина. В статье «О химических превращениях», опубликованной в «Харьковских губернских ведомостях» (1840), он

²⁷ Сочинения... 1910: 713.

²⁸ Там же: 712.

²⁹ Там же: 354.

³⁰ Там же: 506.

³¹ Там же: 435.

писал: «Кто знает, не примется ли химия, со временем, и за преобразование древесного вещества в питательное? И пылливый гений искусства не скажет ли подобно другому искусителю: “рцы хвастию и сему сему да будет тебе снеть?”³². По крайней мере, я с моей стороны, не вижу в том невозможности»³³. Для практического ответа на этот насущный вопрос Каразин вызывался провести химические опыты по превращению древесных веществ в питательные³⁴, и поскольку «всякое предприятие, вслед за мыслию о нем, требует денег»³⁵, он предлагал учредить акционерное общество для финансирования изучения химических процессов.

У Федорова эта исследовательская интуиция Каразина обрела более широкий смысл, восполнившись до обобщения о возможности «естественного тканетворения» и независимого «органосозидания» автономного существа путем непосредственного синтеза органических компонентов из неорганического вещества, солнечного света, космической энергии. Идейная «преемственность в развитии» очевидна. Опираясь на исследования Каразина и идя намного дальше, Федоров формулирует одно из фундаментальных положений общего дела – творческой природоподобной деятельности человека, которая соответствует задачам воплощения фундаментальных – витальных и поствитальных – ценностей: полного решения «продовольственного вопроса» и «санитарного вопроса», самостоятельного и гарантированного обеспечения жизни каждого человека и человечества в целом, телесного перевоплощения умерших.

«Священный милитаризм»

Одно из предложений Каразина, опередившее время и оставшееся незамеченным в атмосфере нарастающих военных конфликтов в Европе тех лет, выражало идею привлечения армии к активному социально-государственному обустройству России: «по примеру римлян... производить воинами общенародные работы, строить славные свои водоводы, свои дороги». В логической экстраполяции такая профессиональная ориентация вооруженных сил со временем неизбежно должна была бы расшириться до усмирения стихийных проявлений природы, т.е. выйти на магистраль общего дела в его федоровской постановке. Каразин предлагал соединить «воина с поселянином... союзом взаимной пользы, ощущение которой, братолюбие и подданническая обязанность будет одно и то же чувство под тремя различными только видами»³⁶.

Мотив общей пользы, «повенчанной» с братолюбием, – принципиальной важности коннотация, позже в потенцированном виде вошедшая

³² Перефразированный Каразиним фрагмент диалога Иисуса с дьяволом в пустыне: «рцы каменеви сему, да будет хлеб» – «вели этому камню сделаться хлебом» [Лк. 4:3].

³³ Сочинения... 1910: 482.

³⁴ Абрамов 1891: 77.

³⁵ Сочинения... 1910: 482.

³⁶ Там же: 14-15. В наши дни, в условиях участвовавшихся аномальных природно-климатических явлений и постоянно возникающих чрезвычайных ситуаций (таежные пожары, наводнения...) такая практика становится уже нормой.

в философскую аксиоматику Федорова. Аргументация проекта «общего дела», в конечном счете, строится именно на *общности его пользы и ценности для всех* без исключения, даже уже ушедших из жизни; учение Федорова есть «план дела 1) общего для всех без исключения, а вместе не чужого, а 2) своего собственного, родного для каждого дела...»³⁷. Это же «эмпирическое обобщение» делает и Каразин: «мы никогда лучше не действуем к общему благу, как когда оно есть вместе и наше собственное»³⁸. Нравственной пружиной общего дела, по Федорову, служит *братолюбие* и вытекающее из него признание нравственного долга воскрешения всех умерших. Именно такая предельная постановка вопроса выражает супраморализм федоровской космофилы.

Идея Каразина «употреблять по очереди часть мощных наших ратников... на государственные работы»³⁹, «дооснащенная» его же инженерной разработкой метеорических аппаратов, получила впоследствии развитие в учении Федорова в виде принципа «3-его милитаризма», утверждающего необходимость применения армии не для вражды и взаимного истребления государств и народов, а для усмирения стихии, противостояния силам природы (сегодня этот ряд должен быть пополнен техногенными катастрофами): «К счастью, в то время, когда слепая природа под страхом истребления требует соединения всех разумных сил, а разумные силы, вооруженные истребительнейшими орудиями, невольно приходят к вопросу о необходимости разоружения и вместе с тем к невозможности его – открывается способ из величайшего зла сделать величайшее благо»⁴⁰. Такая благодатная инверсия обернулась бы новой – сельской, священной – воинской повинностью. «Все, что применяется к военному делу, может быть испытываемо чрез войска же не только как средство полезное на войне, но и как средство регулирования, управления естественными явлениями»⁴¹. Именно в войсках, вооруженных «орудиями Каразина», Федоров проецировал ввести метеорологические наблюдения и начала природной регуляции. «Этим и началось бы обращение войска в естествоиспытательную силу...»⁴².

«Со-ревнователь просвещения»

«Если что-либо может обеспечить незыблемость безмерного её [России] пространства, то это только просвещение ее пародов. Если что-либо может сделать ее истинно-независимою от всякого внешнего давленья, – как бы громадно оно ни было – то это опять-таки только просвещение», писал В.Н. Каразин. В первые годы царствования Александра I он оказывается одним из наиболее деятельных участников реформ в сфере народного образования, и на основании этого факта Федоров называл

³⁷ Федоров. Т. IV: 469.

³⁸ Сочинения... 1910: 63.

³⁹ Там же: 14.

⁴⁰ Федоров. Т. II: 263.

⁴¹ Там же: 272.

⁴² Там же: 275.

Каразина «основателем светского просвещения» в России⁴³. Одним из наиболее масштабных начинаний и ярких свидетельств его подвижничества является основание Императорского Харьковского университета. По «колоссальному замыслу» Каразина Харьковский университет должен был стать образовательным центром не только для соседних губерний и всей Малороссии, но также для юго-западных славян и греков. При этом обучение должно быть открыто для людей всех званий и любых сословий, что, помимо прочего, служило бы их взаимному соединению. Другим принципом должно было стать объединение в одном учреждении разных специальных училищ. Таким образом, каразинский университет должен был не копировать европейские университеты, а «представлять собою соединение нескольких высших специальных школ» – отделений⁴⁴. Дополнительно, в тесном взаимодействии с университетом – под его патронажем и финансовым обеспечением – планировалась организация *училища сельского домоводства и школы ремесел и рукоделий*⁴⁵. Уже тогда каразинский проект «универсальной школы» был нацелен на решение того злободневного вопроса, который позже был сформулирован Федоровым как *IV насхальный вопрос*: «*О двух разумах (теоретическом и практическом) и о двух сословиях (словоие ученых – интеллигенция и неученых – народ)...*»⁴⁶. «*Все должны быть познающими и всё должно быть предметом знания*»⁴⁷. Кроме того, задуманная Каразиным структура универсального образовательного учреждения и самого образования должна была бы обеспечивать «*ту общность чувств, тот дух товарищества, который так упрочивает привязанность к общему месту воспитания и содействует любви к отечеству*»⁴⁸. Именно в такой синергетике, по убеждению Федорова, знание должно стать «священной, религиозною обязанностью всех»⁴⁹.

Не осуществленная во времена Каразина его интегративная идея о тесной связи науки и практики, теории и инженерии – т.е., по сути, федоровская идея «великого синтеза» знания и дела в ее раннем, интуитивном осознании – лишь во второй половине XIX века была развита до системы *практической подготовки инженеров*, успешно реализованной в стенах Императорского Московского технического училища (ИМТУ, позднее МВТУ, ныне Московский государственный технический университет – МГТУ) и вошедшей в историю образования как «*русский метод обучения*»⁵⁰. Эта система преподавания, методологическое ядро которой – сочетание фундаментальной теоретической подготовки с практическим обучением, была представлена на Всемирной *промышленной*

⁴³ Федоров. Т. II: 365.

⁴⁴ Абрамов 1891: 37.

⁴⁵ Сочинения... 1910: 527.

⁴⁶ Федоров. Т. I: 394.

⁴⁷ Там же. Т. II: 77.

⁴⁸ Цит. по: Абрамов 1891: 38.

⁴⁹ Федоров. Т. III: 142.

⁵⁰ См.: Яминский 2014; Цесельский...; Русская школа обучения...

выставке 1876 г. в США⁵¹ как особый экспонат и получила золотую медаль! Ранее, в 1873 г., за учебные пособия, нацеленные на формирование целостного подхода в познании, в единстве теории и практики, училище уже было награждено Медалью преуспеяния на Всемирной выставке, в Вене, а в 1878 г. в Париже завоевало еще одну золотую медаль⁵².

Неслучайно, МВТУ стало научно-образовательным учреждением, выпускники которого дали старт *практической космонавтике*. Этот исторический факт тоже обнаруживает одно из многочисленных, не всегда прослеживаемых подводных течений, которые рано или поздно выносят мысль и саму жизнь к необходимости осознанного, познавательно-деятельного участия в процессах космического масштаба и значимости, в явлениях «большого» Космоса. *Идея* космоса превращается в *дело* космоса. От его предчувствия и отражения – к *со-участию* в нем, *сотрудничеству* с ним и *со-творчеству*. От образовательных идей Каразина и задачи научно-практического синтеза Федорова через русский метод обучения – к пламени реактивного двигателя ракетоносителя, а значит, – к технологическому подтверждению и развитию *русского космизма*, его выходу на реальные космические траектории. В этой научно-практической связке и замысел Каразина о новом типе университета, и проект общего дела Федорова – необходимые разгонные ступени планетного космического тела, выводящие глобальное общество на новые онтологические орбиты. Это культура исторического вызревания нравственно обогащенной мысли, настойчиво ищущей исхода в дело. Корреляция этих явлений обнаруживает логическую стремнину, обусловившую становление русского космизма, воспринимаемого во всей полноте его смысла и содержания – теоретического и прагматического. *Идейный*, теоретический космизм вышел в *физический* космос, получив новые горизонты познания и инструменты развития.

«Исследование причин явлений»

Переходя беспрестанно от одного предмета к другому, я любил исследовать причины явлений, делать опыты, не имея в виду экономических результатов: они бы отвлекли меня от науки. ....В.Н. Каразин

Превратив свое имение в селе Кручик в исследовательскую лабораторию, Каразин развернул бессрочную и тематически безбрежную программу опытов и практических изысканий. Пожалуй, единственное, что объединяло все его творческие усилия, независимо от их конкрет-

⁵¹ Филадельфийская выставка, 10.05–10.11.1876 г. См.: 1876 Centennial...

⁵² Система получила признание в Австрии, Германии, Франции и Швеции, но именно в США русскую методiku обучения стали активно использовать в учебном процессе. Ее внедрение в Соединенных Штатах дало поразительные результаты: согласно выводам исследования Kauffman Foundation, эффект от MIT-выпускников (MIT – Massachusetts Institute of Technology – Массачусетский институт технологий/технологический университет), создавших свое дело, таков, что «их совместный “бизнес” занял бы 17-ю строчку в рейтинге экономик в мире!» (Русский метод...).

ных форм и содержания, направленности и научной глубины – это желание обнаружить тот практический эффект, который открывал бы возможность улучшения реальной жизни. Масштабная исследовательская, «гносеургическая» (в федоровском понимании)⁵³ деятельность Каразина, совершенно выбивавшаяся из «нормального» помещицкого порядка жизни, чрезвычайно активна, ее поле поражает широтой интересов-измерений: в своих инициативных изучениях он буквально следует правилу, позже сформулированному Федоровым: «...чтобы знание не отделялось от дела, ибо без последнего не может быть и первого»⁵⁴. Родовое имение Каразина превратилось в опытно-изыскательскую лабораторию. В силовое поле каразинских идей и исследовательских предприятий вовлекались близлежащие и отдаленные поместья, города и селения, люди разных сословий, учености и имущественного состояния. Одновременно, его деятельность служила неиссякаемым аккумулятором, даровавшим свою энергию оригинальной мысли и практической технологии для преобразования бытия: здесь и сейчас. «Неутомимая деятельность Каразина и глубокое, научное образование его были поразительны: он был астроном и химик, агроном, статистик... вносивший во всякий вопрос совершенно новый взгляд и совершенно верное требование»⁵⁵.

В.Н. Каразин – автор около 60 научных статей, опубликованных в европейских и российских журналах, в газете «Харьковские губернские ведомости». Ему принадлежат открытия в ряде областей науки и технологии. Он вел интенсивную переписку по разным вопросам⁵⁶, воспитывал «вкус к исследованию природы и к наукам»⁵⁷. «Человек неутомимый, с широкой энергией, свободный от узости “практических” людей, Каразин хватался за все, в чем видел общественную пользу...»⁵⁸. Он выписывал научные журналы, следил за состоянием научных знаний, выступал как просветитель, исследователь и пропагандист науки.

В своих научно-практических опытах и экспериментах, исследовательских предприятиях В.Н. Каразин «во многом опередил свое время...»⁵⁹. В Харькове Каразин создал и фактически руководил работой «Филотехнического общества» (идеей, сердцем и движителем которого он был), утвержденного Указом Императора 10 марта 1811 года и просуществовавшего почти 8 лет⁶⁰. Целью Филотехнического Общества

⁵³ Известна проективная идея Федорова о превращении гносеологии – «теории познания» в гносеургию – «дело знания» и, одновременно, «познание делом», т.е. «превращении знания во всеобщее дело». См.: Федоров. Т. IV: 78.

⁵⁴ Федоров. Т. II: 77.

⁵⁵ Герцен...: 56.

⁵⁶ «Переписка его была чудовищно-громадна, и доходила до 1200 писем в год. <...> С собственных писем Каразин постоянно сохранял копии, которые снимались немедленно же по написании – его грамотными слугами...». Абрамов 1891: 95.

⁵⁷ Сочинения... 1910: 397.

⁵⁸ Абрамов 1891: 80.

⁵⁹ Грачева 2008: 25.

⁶⁰ Каразин также являлся активным членом московского «Общества испытателей природы» и петербургского «Общества любителей словесности».

было заявлено развитие и распространение «всех ветвей досужства и домоводства в полуденном краю Российской Империи...»⁶¹.

В конце жизни Каразин выражал большое разочарование по поводу невнимания к его передовым идеям, которые спустя годы и даже десятилетия были приняты и реализованы в Европе. «Право скучно и писать, не только жить в этом мире» — сетовал он историку, публицисту и издателю Михаилу Петровичу Погодину⁶².

Опамятуя прошлое...

Память Каразина можно и должно чествовать не статуей, восстанавливающей лишь его наружность, а делом, являющимся осуществлением его плодотворной мысли. ....Н.Ф. Федоров

Таков беглый очерк «опыта жизни и культурологии идей В.Н. Каразина, выхвативший из документированной памяти о нем лишь отдельные страницы его сложной судьбы. *Опыт жизни* В.Н. Каразина — это *подвиг личности*, по образу Герцена, «горящим метеором пронесшейся по Зимнему дворцу...»⁶³, — личности, которая как молния озарила серое низкое небо унылой действительности. А *культурология идей* Каразина — это *подвиг его мысли*, пронизательной и смелой, мысли, которая почти неприметными — провиденциальными — толчками подготовила тектонический сдвиг в мировоззрении, получившем космологическое измерение. «Сейсмография» каразинских идей ощутима и в научно-философской мысли современности. И потому творческое наследие Каразина — это персонифицированная история отечественной мысли, философски ориентированной на проективное отношение к бытию.

В феврале 2023 года будет отмечаться 250-летие В.Н. Каразина. В свое время Н.Ф. Федоров размышлял о мероприятиях по случаю пятидесятилетия (1892) и столетия (1942) со дня смерти Каразина, сопригая эти события с датами кончины преп. Сергия Радонежского. В специальной статье, посвященной этим важным в истории России культурным вехам, «*Два юбилея — духовный юбилей преподобного Сергия и юбилей светский В.Н. Каразина как два начальных способа действия для осуществления сынами человеческими всеотеческого дела. Подготовка к этим юбилеям требует совокупных усилий со стороны духовных и светских*»⁶⁴, Н.Ф. Федоров самим подзаголовком исчерпывающего названия статьи указал на необходимость исторического осмысления и празднования этих юбилейных дат. В других своих статьях, также посвященных еще только предстоящему в те годы столетию со дня кончины Василия Назаровича, Федоров убеждал чествовать память Каразина реализацией его замыслов, осуществлением его инженерных проектов. В качестве подтверждения заслуг В.Н. Каразина, практического испу-

⁶¹ Сочинения... 1910: 189.

⁶² Сочинения... 1910: 914.

⁶³ Герцен...: 77.

⁶⁴ Федоров. Т. III: 127–143.

ления несправедливости по отношению к нему Н.Ф. Федоров предлагал «учреждение метеорологической станции имени Каразина в Москве...»⁶⁵, предпочтительно – на бельведере Румянцевского Музея (дома Пашкова, ныне входящего в комплекс зданий Российской государственной библиотеки).

Сегодня для признания актуального соприсутствия наследия Каразина в культуре России – той культуре, которая не только хранит осадочные слои *минувших* эпох и несет груз жизнотворчества *текущих* времен, но и той, которая устремлена в космические пределы *грядущего* бытия преобразованного человечества – можно воспользоваться другим поводом – четверть тысячелетия со дня его рождения! Достаточный уже срок, чтобы оценить масштаб личности. В оправдание же исторической неспешности – лишь афоризм самого Каразина: «Истинному добру всегда свойственно делаться медленно»⁶⁶. Освещение творчества этого современника активной отечественной мысли, безусловно, требует особых, приуроченных к его юбилею, мероприятий, – непременно осознаваемых в универсальном контексте философии русского космизма.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Абрамов Я.В. В.Н. Каразин – его жизнь и общественная деятельность. СПб.: Тип. т-ва «Обществ. польза», 1891. 96 с. [Abramov Ya.V. V.N. Karazin — ego zhizn' i obshchestvennaya deyatelnost'. SPb.: Tip. t-va «Obshchestv. pol'za», 1891. 96 s.]
- Герцен А.И. Император Александр I и В.Н. Каразин // Герцен А.И. Собр. соч. Т. 16. Статьи из «Колокола» и другие произведения 1862–1863 гг. С. 38–77 [Gertsen A.I. Imperator Aleksandr I i V.N. Karazin // Gertsen A.I. Sobranie sochinenii. T. 16. Stat'i iz «Kolokola» i drugie proizvedeniya 1862-1863 gg. S. 38–77].
- Грачева Ю.Е. Василий Назарович Каразин на государственной службе и в общественной жизни России I трети XIX века: автореф. дис. ... канд. истор. наук М., 2008. 26 с. [Gracheva Yu.E. Vasilii Nazarovich Karazin na gosudarstvennoi sluzhbe i v obshchestvennoi zhizni Rossii I tret'i XIX veka: avtoreferat dis. ... kand. istor. nauk M., 2008. 26 s.]
- Грачева Ю.Е. «Позвольте мне быть полезным!»: Василий Назарович Каразин на государственной службе и в общественной жизни России первой трети XIX в. Москва: Изд-во ПСТГУ, 2012. 183 с. [Gracheva Yu.E. «Pozvol'te mne byt' poleznym!»: Vasilii Nazarovich Karazin na gosudarstvennoi sluzhbe i v obshchestvennoi zhizni Rossii pervoi tret'i XIX v. M.: Izd-vo PSTGU, 2012. 183 s.]
- Из истории создания Гидрометеорологической службы России // Гидрометцентр России [Iz istorii sozdaniya Gidrometeorologicheskoi sluzhby Rossii // Gidromettsentr Rossii. URL: <https://meteoinfo.ru/news/1-2009-10-01-09-03-06/8983--13042014>].
- История Федеральной службы // Росгидромет [Istoriya Federal'noi sluzhby // Rosgidromet]. URL: <http://www.meteorf.ru/about/history/>.
- Русская школа обучения // Очерки истории Московского высшего технического училища, составленные на основе подлинных документов инженер-механиком И.Л. Волчкевичем [Russkaya shkola obucheniya // Ocherki istorii Moskovskogo vysshego tekhnicheskogo uchilishcha, sostavlennyye na osnove podlinnykh dokumentov inzhener-mekhanikom I.L. Volchkevichem. URL: <http://www.bmstu.ru/~vil/kniga/o9.htm>].
- Русский метод обучения // Дартстрэйд [Russkii metod obucheniya // Dartstreid]. URL: <http://dartstrade.ru/blog/4725.html>].
- Сочинения, письма и бумаги В.Н. Каразина, собранные и редактированные проф. Д.И. Багалеем. Харьков: Харьк. ун-т, 1910. 927 с. [Sochineniya, pis'ma i bumagi V.N. Karazina, sobrannyye i redaktirovannyye prof. D.I. Bagaleem. Khar'kov: Khar'k. un-t, 1910. 927 s.]

⁶⁵ Там же: 127.

⁶⁶ Сочинения... 1910: 157.

- Судас Л.Г., Оносов А.А. Социологический мониторинг: от методологии к функциональному комплексу. М.: МАКС Пресс, 2012. 256 с. [Sudas L.G., Onosov A.A. Sotsiologicheskii monitoring: ot metodologii k funktsional'nomu kompleksu. M.: MAKS Press, 2012. 256 s.]
- Узбек Е.А. Василий Каразин из рода Караджи. Харьков: Майдан, 2002. 131 с. [Uzbek E.A. Vasiliy Karazin iz roda Karadzhi. Khar'kov: Maidan, 2002. 131 s.]
- Федоров Н.Ф. Собрание сочинений: В 4 т. Т. I–II. М.: Прогресс, 1995. Т. III–IV. М.: Традиция, 1997–1999. Дополнения. Комментарии к Т. IV. М.: Традиция, 2000 [Fedorov N.F. Sbranie sochinenii: V 4 t. T. I–II. M.: Progress, 1995. T. III. M.: Traditsiya, 1997. T. IV. M.: Traditsiya, 1999. Dopolneniya. Kommentarii k T. IV. M.: Traditsiya, 2000].
- Цесельский И.О. О «русском методе» подготовки инженеров // Профессионалы.ru [Tsesel'skii I.O. O «russkom metode» podgotovki inzhenerov // Professionaly.ru. URL: <https://professionaly.ru/Soobschestva/obuchenie-professionalov/o-russkom-metode-podgotovki-inzhenerov/>]
- Яминский А.В. «Русский метод» в подготовке современной инженерной элиты // Наука и образование, № 2, 2014 [Yaminskii A.V. «Russkii metod» v podgotovke sovremennoi inzhenernoi elity // Nauka i obrazovanie, N 2. 2014. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/russkiy-metod-v-podgotovke-sovremennoy-inzhenernoy-elity>]
- Centennial Exhibition, Philadelphia // ExpoMuseum. URL: <http://expomuseum.com/1876/>.
- Vasiliy Karasin: zhivot i deynost: (po sluchai 200 g. ot osnovavaneto na Kharkovskiya nats. univ. “V.N. Karazin”). Sofiya: Akad. izd-vo «Marin Drinov», 2005. 378 s. [Vasiliy Karasin: zhivot i deynost: (po sluchai 200 g. ot osnovavaneto na Kharkovskiya nats. univ. “V.N. Karazin”). Sofiya: Akad. izd-vo «Marin Drinov», 2005. 378 s.]

Оносов Александр Аркадьевич, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник, философский факультет, МГУ им. М.В. Ломоносова; o.ksandr@yandex.ru

Ideological hyperspace of Russian cosmophy: V.N. Karazin

The article is devoted to the study of the ideological content of the writings by Vasily Nazarovich Karazin — an enlightener, researcher, scientist and engineer, statistician, public figure and statesman. The work traces fragments of the history of the genesis and conceptual design of guidance ideas and concepts that determined the phenomenon of Russian philosophical thought, known as “Russian cosmism”. In the episodes under consideration Karazin, who has outlined the target intention and contentual originality of the philosophy of cosmism, appears as the forerunner of N.F. Fedorov. The creative heritage of Karazin sets the intellectual straining of cosmic philosophy in its ongoing development.

Keywords: V.N. Karazin, N.F. Fedorov, Russian cosmism, cosmophy, natural regulation, meteorology, common cause

Alexander Onosov, PhD in Philosophy, Leading Researcher, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; o.ksandr@yandex.ru

А.Ю. Вязинкин

ПРОБЛЕМА СУВЕРЕННОЙ ЛИЧНОСТИ В ИДЕЙНОМ НАСЛЕДИИ Н.К. МИХАЙЛОВСКОГО*

Статья посвящена особенностям формирования идеи суверенной личности в творческом наследии русского публициста и мыслителя Н.К. Михайловского. Обсуждение этой темы было связано с переосмыслением теории освобождения личности и разработкой проблемы антропологического идеала. Автор показывает, что концепция суверенной личности лежала в основе философско-антропологических идей Михайловского, и особое достоинство его интерпретации этой проблемы заключалось в ее этическом характере и гуманистическом потенциале.

Ключевые слова: *Н.К. Михайловский, суверенная личность, русское народничество, теория освобождения личности, «борьба за индивидуальность», социальная философия, антропологический идеал*

В современной России, как и во всем мире, проблема суверенных прав личности приобретает все большую социальную остроту. В связи с этим весьма актуальным представляется обращение к интеллектуальному опыту русских мыслителей XIX в. Мы предпримем историко-философский анализ становления концепции суверенной личности в творчестве мыслителя-народника Н.К. Михайловского (1842–1904).

Для анализа его позиции в отношении концепции суверенной личности предлагаем три взаимосвязанных блока проблем: теория освобождения личности в трактовке мыслителя, теория борьбы за индивидуальность, поиск и определение русским народником антропологического идеала. Теория освобождения личности – неотъемлемая часть гуманистической традиции русской философии, ее ключевой компонент, без которого в отечественной мысли невозможно было возникновение философии свободы. Теория борьбы за индивидуальность, разработанная Михайловским, стала связующим звеном между проблемой освобождения человека и постановкой вопроса об антропологическом идеале. В контексте теории освобождения человека вопрос об антропологическом идеале становится идентичным проблеме суверенной личности.

Существенное влияние на мировоззрение молодого Михайловского оказал общественный деятель, биолог и социолог Н.Д. Ножин, выходец из нигилистической среды¹. Именно Ножин сформирует в Михайловском убеждение в необходимости соединения практической жизни с наукой. Михайловский называл своего друга «гениальным умом» и, вспоминая о нем в своих очерках «Вперемежку», писал: «Он мечтал о реформе общественных наук при помощи естествознания и выработал обширный план ее»². Ножин умер от тифа в возрасте 24-х лет, и Михай-

---

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-011-00465 «Проблема суверенной личности в философии русского народничества».

¹ Колосов 1924: 62.

² Михайловский 1896, Т. 4: 270.

ловский продолжил его дело. Приняв во внимание новейшие достижения естественных и социальных наук, а также методологию позитивизма, мыслитель осознал необходимость создания универсальной общественной науки. Для этого он более детально разработал предложенную П.Л. Лавровым концепцию субъективного метода в социологии.

Объективная социальная наука, современная Михайловскому, служила обществу, но не человеку. Мыслитель полагал, что объективного метода в социальных науках, объектом изучения которых является человеческая личность, существовать не может. Универсальная общественная наука должна была стать совокупностью всех общественных наук: «Или эта великая наука никогда не будет существовать, или предмет ее будут составлять законы взаимных отношений между различными формами общезития и отношений этих форм к человеческой личности»³. Проект универсальной общественной науки, по замыслу Михайловского, должен был стать научным обоснованием освобождения человека. Однако, к сожалению, этот проект не получил логического завершения.

Современные социальные науки понимают человека как социобиологическое существо. Поэтому на первый взгляд кажется странной позиция Михайловского, согласно которой, под социальным освобождением подразумевается освобождение человека одновременно от общественных целей и от принуждения к их достижению со стороны общества. Иначе говоря, социальное освобождение человека – это его освобождение от общественных, а значит, «чужих» для личности представлений о должном, об идеале. Критерии общественного прогресса не удовлетворяют персоналистической системе ценностей Михайловского: «общество прогрессирует, но поймите, что личность при этом регрессирует»⁴. Общественные идеалы рассматривались Михайловским как фантомы, ограничивающие личность в ее развитии, сужающие границы ее свободы. Весь ход истории, процесс исторического развития человеческой цивилизации он рассматривал как постепенное усложнение общественного устройства, внутренняя система многочисленных иерархий которого сформирована благодаря сложности в организации трудовой деятельности. Капиталистическая цивилизация представляла собой высокую «ступень», но низкий «тип» развития общественных отношений. Многовековое усовершенствование цивилизации, технические достижения, усложнение общественных отношений, по мысли Михайловского, отнюдь не способствовали развитию личности: «Присматриваясь к характеру цивилизации, легко увидеть, что человек улучшает свое положение в мире, но ни на волос не улучшается сам в смысле усовершенствования <...> Если же мы возьмем специально человеческие способности: разум, язык, силу воли, нравственное достоинство, то еще вопрос – прогрессируем ли мы в этом отношении»⁵.

³ Михайловский 1897, Т. 6: 299-300.

⁴ Михайловский 1906, Т. 1: 477.

⁵ Там же: 330-331.

По мнению Михайловского, в вопросе общественного развития следует руководствоваться критериями развития личности, индивидуальности. Персонализм мыслителя стал несомненным прорывом в отечественной философии. Михайловский утверждал, что «высшим предметом служения может быть не красота, не истина, не справедливость, а только человеческая личность, цельная и полная»⁶. Но это вовсе не легкомысленное философское убеждение. Следовать интересам личности, как в социальной науке, так и в общественной практике, требуют положения рациональности и чувство справедливости: «Нравственно, справедливо, разумно, полезно только то, что уменьшает разнородность общества, усиливая тем самым разнородность его отдельных членов»⁷. Нравственная сторона проблемы освобождения личности в социальной философии мыслителя является продолжением линии Герцена, утверждавшего, что «нельзя людей освобождать в наружной жизни больше, чем они освобождены внутри»⁸. Другими словами, в теории освобождения личности нравственное освобождение предшествует социальному. Обосновывая свой подход, Михайловский выдвинул этико-социологическую концепцию «двуединой правды»:

«Правда в этом огромном смысле слова всегда составляла цель моих исканий. Правда-истина, разлученная с правдой-справедливостью, правда теоретического неба, отрезанная от правды практической земли, всегда оскорбляла меня, а не только не удовлетворяла. И наоборот, благодарная житейская практика, самые высокие нравственные и общественные идеалы представлялись мне всегда обидно-бессильными, если они отворачивались от истины, от науки. Я никогда не мог поверить и теперь не верю, чтобы нельзя было найти такую точку зрения, с которой правда-истина и правда-справедливость являлись бы рука об руку, одна другую пополюя. Во всяком случае, выработка такой точки зрения есть высшая из задач, какие могут представиться человеческому уму, и нет усилий, которых жалко было бы потратить на нее»⁹.

«Двуединая правда», как гуманистическая предустановка мыслителя, стала фундаментом для уже упомянутого выше проекта универсальной общественной науки и для разработки субъективного метода.

В начале 1870-х Михайловский полностью отвергал революционный путь общественных преобразований и социального освобождения личности. Более того, народник надеялся на проведение «реформ сверху», по инициативе государства. Самодержавие даже рассматривалось им как потенциальный союзник в борьбе с развивающимся в России капитализмом. Но уже к концу десятилетия представления Михайловского о роли самодержавия в деле освобождения личности претерпели серьезные изменения. Народническая пропаганда и «хождение в народ» потерпели крах. А.И. Иванчин-Писарев, деятель революционного народничества вспоминал слова Михайловского, комментировавшего «хождение в народ» разночинной молодежи: «Бросьте ваше паломничество в дерев-

⁶ Михайловский 1897, Т. 5: 536.

⁷ Михайловский 1906, Т. 1: 166.

⁸ Герцен 1960: 590.

⁹ Михайловский 1906, Т. 1: V.

ню и займитесь организацией политической борьбы»¹⁰. Решая проблему освобождения личности, мыслитель пришел к выводу о несообразности теоретических тезисов и действительного положения вещей. В начале 1880-х гг. в письме русской писательнице Е.П. Летковой он констатировал, что «рабство» уже признано в обществе и нравственно, и социально неприемлемым, однако и этого оказывается недостаточно для освобождения личности: «рабство, как юридический институт, не существует. Но многие ли могут себе сказать, что они совсем уже не рабы?»¹¹. Недостающим элементом он признал политическую свободу.

С наибольшей прямотой и экспрессией Михайловский изложил свое видение содержания политической борьбы в «Политических письмах социалиста»: «Предрассудок политической борьбы вскормлен всей русской историей, приучившей нас жить не практикой настоящего, из которой самодержавие гонит всякую честную деятельность, а будущим, теорией и фантазией. <...> Конституционный режим есть вопрос завтрашнего дня в России. Этот завтрашний день не принесет разрешения социального вопроса. Но разве вы хотите завтра же сложить руки?»¹².

Одной из доминирующих практик русского народничества в деле политического освобождения стал индивидуальный террор. Оправдание террора – это, пожалуй, единственное темное пятно в почти безупречной интеллектуальной биографии Михайловского. Острое ощущение необходимости политического действия, перехвата инициативы в свои руки в начале 1880-х привело к сближению мыслителя с народовольцами. Толстовская нравственная установка на «непротывление злу насильем» была глубоко чужда Михайловскому, он писал: «зло существует и с ним надо бороться, иногда жестокими, даже террористическими средствами <...> бывают исторические моменты, когда даже благороднейшие люди <...> прибегают к жестоким средствам и должны вследствие этого в известной мере нравственно деградироваться»¹³. Таким образом, народовольческий террор понимался им как жестокое сопротивление «злу», воплощенному в лице государственной тирании и реакции. К сожалению, некоторые неонародники использовали авторитетное оправдание индивидуального террора Михайловским в своих политических целях, требующих «восстановить нарушенное право человеческого убеждения и человеческой совести, не останавливаясь, если этого нельзя избежать, перед средствами, присущими войне»¹⁴.

Справедливости ради, отметим, что мыслитель тяжело переживал столкновение внутренних моральных убеждений с политической практикой народовольческого террора. Так, народовец Н.С. Русанов вспоминал о встрече с мыслителем: «Михайловский заключил этот рассказ

¹⁰ Иванчин-Писарев 1929: 103.

¹¹ РГАЛИ. Ф. 280. Оп. 1. Д. 202. Л. 41.

¹² Михайловский 1906: 19-20.

¹³ Михайловский 1896, Т. 3: 433.

¹⁴ Чернов 1914: 38-39.

словами, что лично он не террорист, но вполне понимает террористов и приветствует начинающуюся среди революционеров тягу к образованию не только социалистической, но и политической партии»¹⁵. Михайловский признавал, что революционная жестокость, индивидуальный террор сопровождаются нравственной деградацией личности. И здесь мы вынуждены снова обратиться к нравственному аспекту теории освобождения человека в трактовке мыслителя, благодаря которому теория получает новое прочтение. Прежде всего, этицизм Михайловского не следует понимать как признание существования универсальных нравственных представлений. Нравственное чувство произрастает из самой жизни, в том числе из культурных и социально-экономических ее условий: «Если дикарь видит свой долг в принесении человеческих жертв, то неисполнение этой обязанности произведет в нем угрызения совести; такие же угрызения совести будет чувствовать вдова индуса, не взшедшая на костер вместе с его трупом; также угрызения совести будут мучить и аскета, соблаздившегося женскою красотою, и искреннего православного, оскоромившегося в великий пост, и утилитариста, свернувшего с пути наибольшего счастья наибольшего числа людей»¹⁶.

Нравственное освобождение человека в персоналистической трактовке подразумевает первенствующее значение личности. но, будучи теоретиком народничества, Михайловский не идеализировал крестьянина, он не предлагал взять на вооружение нравственную жизнь поземельной общины, а лишь призывал заимствовать некоторые «нравственные задатки», способствующие развитию личности, ее независимости, суверенности: «желательно получить совсем не нравственный элемент вообще, а именно те нравственные задатки, которые вытекают из его экономической независимости, из способностей самому удовлетворять свои человеческие потребности»¹⁷.

Теория освобождения человека в политическом, социально-экономическом и нравственном аспектах получила свое развитие в концепции «борьбы за индивидуальность» Михайловского. Ключевые положения теории борьбы за индивидуальность представлены мыслителем как переосмысление тектологических тезисов немецкого естествоиспытателя и философа Э. Геккеля. Тектология Геккеля содержала изложение закона организации живых существ, основанного на принципе иерархии «индивидуальностей». Русский мыслитель признавал существование нескольких видов «индивидуальностей», каждая из которых стремится к целостности, неделимости, монолитности. Он соглашался с тем, что существуют надындивидуальные «индивидуальности», такие как общество, государство. Высшие «индивидуальности» стараются подчинить низшие. Между личностью, стремящейся к целостности и неделимости, с одной стороны, и обществом, государством, стремящи-

¹⁵ Русанов 1931: 211.

¹⁶ Михайловский 1896, Т. 3: 146.

¹⁷ Там же: 776.

мися к тем же целям, с другой, идет борьба. Общество и государство требуют, чтобы человек пожертвовал своей индивидуальностью ради их фантомных идеалов, «идолов», но «личность никогда не должна быть принесена в жертву, она свята и неприкосновенна»¹⁸. Личность, если она желает совершенствоваться, должна отвергнуть навязанные правила борьбы, «чужие» идеалы и цели. Личное счастье человека – в умении организовать независимую жизнь, что позволяет личности стремиться к собственным, уникальным целям: «Человек всегда стремился, стремится и будет стремиться к счастью, искать наслаждения, ощущений приятных и бежать страдания»¹⁹. Таким образом, теория автономии личности была соединена с элементами эвдемонистической этики.

Схема совершенствования личности в теории борьбы за индивидуальность следующая. Развитие личности связано с расширением «формулы жизни», т.е. с интеллектуальной и психологической экспансией индивидуального «Я». Подразумеваются границы свободы несколько отличные от тех, что установлены в либеральной философии («законом равной свободы»). Михайловский не признавал социал-дарвинистский подход в социологии, считая его следствием порочной либеральной экономической теории: «Либеральная философия дарвинистов составляет королларий либеральной экономической доктрины»²⁰. То есть свобода человека – это не только «независимость от другого», не только свобода от экспансии Другого. Расширение «формулы жизни», границ интеллектуальной и психологической освоения действительности, достигается посредством «сочувственного опыта», нравственной пружины жизни. В конечном счете, считал Михайловский, борьба человека за индивидуальность ведет к достижению уникального личного счастья.

Михайловский вполне согласился с «основным психофизическим законом», сформулированным немецким психологом Г.Т. Фехнером, основоположником психофизиологии и психофизики: «ощущение растет, как логарифм вызывающего его впечатления, т.е. несравненно медленнее»²¹, из чего следует, что «человеческая алчность ненасытна». Как же достичь счастья, если желания безграничны и окончательно неисполнимы? Михайловский полагал, что способ преодоления «психофизического закона» должен быть основан именно на расширении «формулы жизни»: «Есть полная возможность избежать действия основного психофизического закона. <...> Нужны только разнообразие и известная равномерность ощущений и, следовательно, разносторонность жизненной деятельности, возможное, так сказать, расширение нашего я <...> конечный предел этому расширению во всякое данное время полагается границами человеческой природы, т.е. суммой сил и способностей человека»²². Раз-

¹⁸ Михайловский 1896, Т. 4: 452.

¹⁹ Михайловский 1906, Т. 1: 450.

²⁰ Михайловский 1896, Т. 3: 165.

²¹ Михайловский 1906, Т. 1: 459.

²² Там же: 472.

работка темы «сочувственного опыта», служащего источником расширения «формулы жизни» человека, была связана с нравственным императивом понимания, с «правдой-справедливостью». Нравственный опыт накапливается посредством разнообразных контактов личности с обществом. Михайловский, хотя и считал, что личность должна бороться с обществом за свою автономию, все же признавал, что на пути нравственного совершенствования без контактов с ним обойтись невозможно.

«Сочувственный опыт» в теории борьбы за индивидуальность – нечто большее, чем просто совокупность психологических актов сочувствия в привычном понимании. Этот опыт, накапливаемый в повседневной жизни, в общении или в сопереживании героям литературных, театральных, оперных произведений, помогает человеку не только встать на место другого, постичь его явные и скрытые эмоциональные и интеллектуальные переживания, но и расширить свои собственные жизненные горизонты. Человек переживает вместе с героями и другими людьми те состояния, которые не были пережиты им в личной жизни.

Идея «сочувственного опыта», как способа расширения «формулы жизни», возникла в творчестве Михайловского как логическое продолжение разработки субъективного метода познания социальной реальности. «Мыслящий субъект, – писал Михайловский, – только в том случае может дойти до истины, когда вполне сольется с мыслимым объектом и ни на минуту не разлучится с ним, т.е. войдет в его интересы, переживет его жизнь, переосмыслит его мысль, перечувствует его чувство, переживает его страдание, проплачет его слезами»²³.

В некотором смысле «сочувственный опыт» есть один из ключевых компонентов ментальности человека. «Наше психическое содержание дано опытом унаследованным, личным и сочувственным»²⁴, – писал Михайловский. Вместе с тем, понятие «сочувственный опыт» следует рассматривать не только в контексте психологии личности, но и как важнейший элемент общественной психологии, поскольку сам этот опыт накапливается в процессе общественной жизни. Каждый личный «сочувственный опыт» и общее функционирование социума оказывают друг на друга взаимообуславливающее влияние. «Психическое содержание» в понимании мыслителя в значительной мере созвучно термину «*outillage mental*» («*mental tools*») или «ментальная оснастка», введенному Л. Февром. «Каждая цивилизация имеет свое собственное ментальное оснащение. <...> Оно ценно для цивилизации, которая преуспевает в его развитии, ценно для своей эпохи»²⁵, – писал один из основателей «Анналов». А.Я. Гуревич перевел это понятие как «духовное оснащение» или «умственный инструментарий»: «культура предлагает общий умственный инструментарий, и уже от способностей и возможностей

²³ Там же: 72.

²⁴ Там же: 148.

²⁵ Febvre 1982: 150.

того или иного индивида зависит, в какой мере он им овладел»²⁶. Приняв термин «ментальная оснастка» за аналог понятия «психического содержания» у Михайловского, можно сделать вывод о том, что «сочувственный опыт» является одним из механизмов развития солидарных отношений в обществе людей единой культуры.

Итак, «сочувственный опыт», как парадигма «борьбы за индивидуальность», не только расширяет «формулу жизни» человека, совершенствует личность, но способен изменить агональный шаблон общественных отношений на солидарную модель развития, «может раздвинуть пределы индивидуального я, направить совокупные усилия кооперирующихся на борьбу с внешним миром, причем борьба между кооперирующимися, борьба внутри общества становится делом не только бесполезным, а и прямо невыгодным, вредным»²⁷. Таким образом, в основе социальной философии и антропологии Михайловского лежат гуманизм и идея солидарности. Опираясь на достижения философской мысли, он призывал «разбудить» в ограниченных натурах «контровский альтруизм, фейербаховский туизм, смитовскую симпатию»²⁸.

Особым случаем «сочувственного опыта», по Михайловскому, является любовь. Критически оценив концепции любви в естественных науках и философских учениях, в т.ч. у дарвинистов, И. Гете, А. Шопенгауэра, Михайловский писал: «Любовь – не надувательство природы, или бессознательного, или гения вида, преследующих какие-то свои цели. Она – и не неудобопонятное избирательное средство двух клеток. Она одно из выражений великого закона развития, сдерживаемого другими проявлениями того же закона»²⁹. Под «законом развития» он понимал всеобщую «борьбу за индивидуальность». Любви он придавал исключительное значение в своей теории: «половые отношения образуют первую форму борьбы за индивидуальность в человеческом обществе»³⁰. Под «первичностью» подразумевается не сознательное вступление личности в эту борьбу, а «встроенность» полового чувства в экзистенциальное существо человека, его имманентная природа.

Таким образом, «сочувственный опыт» и любовь составляют механизму «формулы жизни». Конечный результат – личное счастье.

Первая работа Михайловского, посвященная проблеме личного счастья, статья «Что такое счастье?», была опубликована в 1872 г. На ее страницах он вступил в полемику с основными положениями работы британского социолога Г. Спенсера «Социальная статика». Михайловский раскритиковал фаталистическое истолкование Спенсером счастья, как степени приспособленности личности к обстоятельствам жизни.

---

²⁶ Гуревич 1991: 520.

²⁷ Михайловский 1906, Т. 1: 180.

²⁸ Михайловский 1897, Т. 6: 47.

²⁹ Михайловский 1906, Т. 1: 528.

³⁰ Там же: 544.

Михайловский провел любопытную аналогию между нравственной стороной учения Спенсера и этикой стоиков: «и там, и тут верование в благое и премудрое устройство мира; и там, и тут воззрение на частные страдания, как на составную часть общего блага; и там, и тут презрение к расчету последствий наших действий; и там, и тут предписание “не оспаривать прав Юпитера”»; и там, и тут фатализм, для сопряжения которого с задачами этики, требуются утонченные диалектические ухищрения». Стоикам мыслитель предпочел эпикурейцев, поскольку в их учении о личном счастье была затронута проблема освобождения человека: «в эмансипации личности видели именно источник ее спокойствия»³¹. Вместе с тем, нельзя сказать, что Михайловский принимал этику эпикурейцев вполне, напротив, он считал ее «узкой», не подходящей к современным социальным условиям.

Полемически уничтожая теорию счастья Спенсера, позволяющую с фаталистических позиций оправдывать социальную несправедливость, нищету народных масс, Михайловский утверждал, что личное счастье не может быть универсальным. Абстрактное всеобщее счастье не должно и не может составлять цели для каждого человека. Счастье для всех, полагал мыслитель, это утопия, а, следовательно, и заблуждение. Все свои надежды он связывал с общественной наукой, которая «обязана сказать, что объективное счастье, состоящее в обладании известными материальными благами, отнюдь еще не гарантирует счастья субъективного, личного, т.е. известной суммы приятных ощущений»³³.

Всякий общественный идеал, провозглашающий своей целью всеобщее счастье, ослепляет личность иллюзией, старается заместить индивидуальные представления о счастье усредненным общественным представлением либо просто искусственным и ложным. Борец за индивидуальность в ответ провозглашает: «буду бороться с грозящей поглотить меня высшей индивидуальностью. Мне дела нет до ее совершенства, я сам хочу совершенствоваться. Пусть она стремится побороть меня, я буду стремиться побороть ее. Чья возьмет – увидим»³⁴. Это не только основное положение теории борьбы за индивидуальность, которая подразумевает социальную автономию, интеллектуальный нонконформизм, вольнодумство индивидуалистической природы, но и категорический императив неподчинения, своеобразный «символ веры» суверенной личности, едва не выходящий на экзистенциальный уровень.

Вместе с тем, теория борьбы за индивидуальность Михайловского не совпадала, ни по философскому обоснованию, ни по конечному идеалу с анархической концепцией суверенной личности немецкого философа М. Штирнера. В гуманистической традиции русской философии представления об автономии личности никогда не получали своего раз-

³¹ Михайловский 1896, Т. 3: 177, 179.

³³ Михайловский 1906, Т. 1: 459.

³⁴ Михайловский 1896, Т. 3: 423.

вития в направлении нравственного солипсизма. На антропологическое различие анархо-нигилистического эгоизма и идеи автономии личности указывал еще Герцен: «я проповедую вовсе не всеотрицающий индивидуализм (сатану христиан) – но автономию, автократию личности»³⁵.

Штирнер писал: «Всем принадлежит мир? Все – это я, ты и т.д. Но вы делаете из “всех” призрак, наделяете его святостью, и таким образом “все” становятся страшным деспотом, подавляющим единичных личностей»³⁶. Штирнер оставался в рамках фихтеанской философии, разделяющей реальность на «Я» и «не-Я». Все, что не является «Я», представляет собой фантом, иллюзию, которая деспотически ограничивает свободу «Я». Михайловский по поводу этой формулы немецкой метафизики, разделяющий мир на «Я» и «не-Я», писал: «более дерзкая идея не высказывалась человеческим языком, да ничего более дерзкого и придумать нельзя»³⁷. Нравственный солипсизм и эгоизм у Штирнера сочетались с утилитаризмом: «Когда мир становится мне поперек дороги – а он всюду преграждает мне путь, – тогда я уничтожаю его, чтобы утолить им голод своего эгоизма. Ты для меня – не что иное как моя пища, точно так же, как и я для тебя. Между нами существует только одно отношение: отношение пригодности, полезности, пользы»³⁸. Эта сугубо утилитарная, аморальная штирнерианская позиция была глубоко чужда мировоззрению Михайловского. Теория борьбы за индивидуальность возникла и была разработана им во многом как этически и антропологически обоснованная альтернатива «борьбе за существование» дарвинизма и «классовой борьбе» марксизма.

Критически восприняв марксистскую философию и методологию истории, в которой человек понимается всего лишь как элемент в реализации надличностной исторической закономерности, Михайловский остроумно и вполне обоснованно объяснил узость понимания истории через призму «классовой борьбы». Борьба происходит не только между классами, но и между племенами, нациями, внутри классов: «и в нашей, и в европейской литературе давно уже было указано, что рядом с борьбой классов, и часто совершенно извращая ее, существует борьба рас, племен, наций. Если, например, калифорнийские рабочие всячески гонят иммигрирующих китайцев, принадлежащих к тому же рабочему классу, или если французские рабочие недовольны конкуренцией более дешевых итальянских рабочих и т.п., то это, конечно, не классовая борьба. <...> Наконец, и внутри классов происходит борьба между соперничающими индивидуумами, часто становясь поперек дороги классовой борьбы. В целом из всего этого сплетается такая сложная сеть, в которой совсем уже не так часто можно усмотреть чистую, сознатель-

³⁵ Герцен 1961: 167-168.

³⁶ Штирнер 1994: 238.

³⁷ Михайловский 1906, Т. 1: 450.

³⁸ Штирнер 1994: 285.

ную классовую борьбу»³⁹. Михайловский утверждал, что «борьба за индивидуальность» гораздо шире марксистского представления о «классовой борьбе» как о движущей силе истории и более полно отражает социальную реальность. Но необходимо было обосновать и то, почему эта более широкая и полная репрезентация действительности заключается в «борьбе за индивидуальность», а не в «борьбе за существование».

«Мы условились принимать целую градацию индивидуальностей, – писал Михайловский, – в которой индивид в тесном смысле слова, человек, личность составляет только одно из звеньев, хотя самое для нас дорогое и даже единственное дорогое и близкое. Поэтому и борьба за существование может быть рассматриваема, как частный случай борьбы за индивидуальность, – тот именно случай, когда активным, борющимся и побеждающим началом является высшая общественная индивидуальность»⁴⁰. «Борьба за существование» понималась как частное проявление «борьбы за индивидуальность», как «печальная необходимость»⁴¹.

Михайловский показал – теория дарвинистов укладывается в теорию борьбы за индивидуальность, тогда как обратное невозможно. Конечно, критика им дарвинизма и марксизма выглядит убедительной, только если мы принимаем его базовый тезис о том, что личность является самоценным и даже единственно ценным феноменом, если мы принимаем социальную философию, в которой центральное место занимает человек. Тем не менее, невозможно построение какой бы то ни было теории без исходного тезиса. С точки зрения Михайловского, такое отношение к человеку в социальной науке и философии – дело будущего.

Мы полагаем, что теорию борьбы за индивидуальность Михайловского следует рассматривать как тонко разработанную стратегию самоосвобождения человека в опыте повседневной жизни. Разумеется, эту теорию можно назвать и «формулой прогресса», но не общества, а личности. Разработка темы «борьбы за индивидуальность» составила основу философско-антропологических идей Михайловского.

Проблема взаимоотношения человека и общества, рассмотренная через призму теории борьбы за индивидуальность, привела к необходимости определения антропологического идеала. Идеальный тип, совершенный борец за индивидуальность, это человек, стремящийся к своей целостности: «Благо человека есть его целостность, гармония отправления, то есть разнородность неделимых и общественная однородность»⁴². Целостная (интегральная) личность – основа антропологического идеала мыслителя, поскольку только она, психологически и нравственно неделимая, способна к полноценной борьбе за индивидуальность.

Михайловский решал эту проблему в контексте психологической теории «героя и толпы». Мыслитель утверждал, что личность представ-

³⁹ Михайловский 1905: 122.

⁴⁰ Михайловский 1906, Т. 1: 549.

⁴¹ Там же: 566.

⁴² Там же: 125.

ляет собой некоторое множество (устремления, инстинкты, желания), подчиненное целому (воля и разум). Воля и разум целостной личности управляют не только деятельностью человека, но и инстинктами, иррациональными порывами, аффектами. «В этой деспотической централизации, – писал Михайловский, – лежит залог здоровья, счастья, нравственной высоты личности. Наоборот, болезнь и нравственное падение объективно выражаются децентрализацией нашего я, распадением индивидуальности»⁴³. В толпе личность растрчивает свою индивидуальность, ослабевают ее воля, разум утрачивает свою силу. Подражательный психологический эффект уничтожает индивидуальность человека, внутреннюю целостность, человек оказывается во власти аффектов, «освобожденных от контроля центрального сознания и центральной воли»⁴⁴. Личность, сохраняющая свою целостность, способна на единство теоретической мысли, нравственного убеждения, разума и воли, на единство слова и дела. Это то, что Михайловский называл «миродействием», которое он ставил выше «мировоззрения». Таким образом, теория «героя и толпы» является связующим звеном между концепцией борьбы за индивидуальность и проблемой антропологического идеала в идейном наследии мыслителя.

Организация труда при сложной кооперации, считал Михайловский, суживает «формулу жизни». Следовательно, узкая специализация ограничивает пространство жизни человека, делает его самого «типовым», легко заменимым элементом общества. Кроме того, личность лишается возможности всестороннего развития, широкого размаха жизненного горизонта, отчуждается от средств производства, от продукта труда, утрачивает собственную целостность. Но борец за индивидуальность, человек высокого уровня нравственного развития и личной инициативы, стремится изменить сложившиеся обстоятельства. Личная инициатива, по Михайловскому, исходит от человека деятельной натуры, широкой «формулы жизни», от интеллектуала, имеющего твердые общественно-политические убеждения, неподвластного «всякой гнусности и пошлости, историческому фатализму, ослаблению чувства ответственности, ослаблению энергии деятельности и личной инициативы»⁴⁵.

В середине XIX столетия в России обнажились цивилизационные трещины, по которым традиция и культура разошлись. Традиция, как знание генеалогии порядка вещей, отступила под натиском того импульса культуры, который олицетворяли собой идеи социального и нравственного освобождения личности, воплотившиеся отчасти в «Великих реформах», в художественных и интеллектуальных исканиях нигилистов, революционеров, «новых людей», а также в повседневной жизни народа. «Порвалась цепь великая», – зафиксировал критическую точку самоопределения культуры народнический поэт Н.А. Некрасов.

⁴³ Михайловский 1896, Т. 2: 358.

⁴⁴ Там же: 360.

⁴⁵ Там же: 385.

Михайловский был в авангарде этой цивилизационной перемены. Однако для него это не означало, что традиция должна быть отвергнута. Напротив, он признавал, что требуется ее обновление. Михайловский полагал, что пришло время больших перемен, и перемены эти будут осуществлены усилиями личностей, «одаренных инстинктом правды»: традиция сохраняется предками, а «я – сам предок»⁴⁶.

В качестве идеального типа Михайловский предложил фигуру «профана». Любопытно герменевтическое прочтение философского контекста, в котором употребляется этот термин. С одной стороны, термин «профан» подразумевает невежду, дилетанта, не слишком привлекательный тип человека. С другой стороны, «профан» противопоставляется узким специалистам в науке, чья сугубая интеллектуальная специализация является одним из важнейших препятствий на пути всестороннего развития личности. На самом деле, здесь имеется еще один семантический слой. «Профан» – это тип человека, который на демократических основаниях выступает за равные возможности совершенствования личностей, против социального неравенства, иерархии, за открытость истины, за всеобщее просвещение. Еще Герцен писал о необходимости низведения истины из «сакрального» состояния в «профанное»: «Не будет миру свободы, пока все религиозное, политическое не превратится в человеческое, простое, подлежащее критике и отрицанию. Возмужалая логика ненавидит канонизированные истины, она их расстригает из ангельского чина в людской, она из священных таинств делает явные истины»⁴⁷. Современный итальянский философ Джорджо Агамбен в работе «Профанация» отсылает нас к высказыванию древнеримского правоведа Гая Требация Теста, смысл которого заключается в том, что профанация – это возвращение вещей и смыслов из пространства сакрального «в пользование и собственность людей»⁴⁸.

Антропологический идеал Михайловского вмещает в себя все человеческое, поэтому нет смысла рассматривать его с точки зрения метафизики, где всегда есть вероятность интеллектуальных спекуляций. Всякую истину, всякий идеал следует подчинить интересам личности. Он писал: «Сущность вещей – вечная тьма. Нет абсолютной истины, есть только истина для человека, и за пределами человеческой природы нет истины для человека»⁴⁹. Мыслитель выступил против идеи сверхчеловеческого: «для человека немислимо перерастить самого себя, стать выше человеческой точки зрения»⁵⁰. Идеальному типу «профана», как выразителю всего человеческого, достаточно своего уровня. Он, как совершенствующаяся и свободная личность, вполне самодостаточен. «Как про-

---

⁴⁶ Михайловский 1896, Т. 3: 685.

⁴⁷ Герцен 1955: 46.

⁴⁸ Агамбен 2014: 78.

⁴⁹ Михайловский 1906, Т. 1: 121.

⁵⁰ Михайловский 1896, Т. 3: 230.

фаны, – писал Михайловский, – мы носим в себе начало свободы, независимости, <...> задаток успешной борьбы за индивидуальность»⁵¹.

Фигура «профана» и является именно тем типом личности, что «одарен инстинктом правды». Нравственное освобождение личности, по Михайловскому, заключается не в нигилистическом отрицании ценностей вообще, не в грубом противопоставлении прежним ценностям контрценностей, не в откровенном либертинаже, а в требовании нравственного суда, в т.ч. над анахроничными аспектами традиции: «Мы, профаны, считаем своим священным правом, которого у нас отнять никто не может, право нравственного суда над собой и другими, право познания добра и зла, право называть мерзавца мерзавцем»⁵². «Профан», как идеальный тип, выражает, на наш взгляд, наивысшее философское достижение этической мысли Михайловского, касающееся неизбежности нравственного суждения: «нравственный суд... есть такой же факт, как и все другие – он есть в каждом данном случае неизбежное следствие неизбежных причин, он существует, потому что должен существовать, не может не существовать»⁵³.

Идеальное общество, по Михайловскому, невозможно без пестования идеального типа. Сначала совершенствование личности, затем совершенствование общества: «идеальный тип отказывается от роли, как почтовой лошади, так и фельдъегеря, и личный свой интерес укладывает ни в ту или другую наличную общественную систему, а в общественный идеал – в такой именно идеал, где личность свята и неприкосновенна»⁵⁴. Р.В. Иванов-Разумник отмечал, что фигура «профана» занимает особое место в мировоззрении Михайловского, это «идеальный, политропный тип, высокий и по типу и по степени развития, борющийся за свою индивидуальность во имя блага реальной личности»⁵⁵.

Нельзя не согласиться с утверждением историка В.В. Блохина о том, что социальный идеал Михайловского – «не какое-то завершенное состояние общества, а бесконечный процесс приближения к более гармоничному общественному устройству»⁵⁶. Это верно и для антропологического идеала мыслителя. Антропологический идеал – не конечный результат, а непрерывный процесс совершенствования личности, стремление ко все более «широкому панорамному рассмотрению реальности»⁵⁷. Вот почему теория борьбы за индивидуальность не только лежит в основе социальной философии Михайловского, но и предопределяет концепцию суверенной личности русского народника.

Понимая представления Михайловского о «ступенях» и «типах» общественного развития и не отказывая русскому народнику в своеоб-

⁵¹ Там же: 423-424.

⁵² Там же: 438.

⁵³ Михайловский 1897, Т. 6: 116.

⁵⁴ Михайловский 1896, Т. 4: 459.

⁵⁵ Иванов-Разумник 1997: 270.

⁵⁶ Блохин 2019: 61.

⁵⁷ Денильханова 2009: 91.

разной цельности мировоззрения, польский исследователь А. Валицкий назвал «гибридной» моделью общества⁵⁸ нетривиальный союз идеала свободной личности и предпочтения простых, соответствующих архаическим обществам, форм кооперации в социальной философии мыслителя. Это отчасти верно, хотя и следует отметить, что в социальной философии Михайловского интересы личности были предпочтительнее общинных. От будущего мыслитель ждал «торжество личного начала при посредстве начала общинного»⁵⁹.

В своих социально-философских и философско-антропологических исканиях Михайловский, уравновешенная интеллектуальная натура, следовал некоему «срединному пути». Широкое обоснование идеала суверенной личности в творчестве мыслителя включало в себя адаптацию теории освобождения личности к исторической ситуации второй половины XIX в., создание авторской теории борьбы за индивидуальность, как стратегии самоосвобождения личности, а также разработку антропологического идеала.

Этот «срединный путь» мыслителя, однако, был основан на декларативно неоспоримом идеале целостной и независимой личности. Центральная позиция социальной философии Н.К. Михайловского – суверенность личности – не исключает тесного контакта человека с обществом, напротив, она предполагает совершенствование личности за счет «сочувственного опыта» и расширения «формулы жизни». Это не предполагает использования «чужого» человеческого ресурса в своих интересах, не подразумевает доминирования одной индивидуальной воли над другими, а утверждает необходимость взаимовыгодного обмена жизненным опытом совершенствующихся личностей. Таким образом, власть человека, как неизбежный социально-экономический и экзистенциальный аспект жизни, осуществляется исключительно в границах своего «Я», не происходит саморастраты личности ни с одной из сторон, в чем и состоит, прежде всего, нравственное достоинство концепции суверенной личности в социальной философии Михайловского.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Российский государственный архив литературы и искусства. (РГАЛИ). Ф. 280. Оп. 1. Д. 202. Л. 41. [Rossiyskiy gosudarstvenniy arhiv literatury i iskusstva. (RGALI). F. 280. Op. 1. D. 202. L. 41.]
- Агамбен Д. Профанации. М.: Гилея, 2014. 112 с. [Agamben D. Profanatsii. M.: Gileya, 2014]
- Блохин В.В. Жандарм литературной республики. Н.К. Михайловский: жизнь, литература, политическая борьба. М.: Вест Мир, 2019. 256 с. [Blohin V.V. Zhandarm literaturnoy respubliky. N.K. Mihaylovskiy: zhizn, literatura, politicheskaya borba. M.: Ves Mir, 2019]
- Валицкий А. История русской мысли от просвещения до марксизма. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2013. 480 с. [Valitskiy A. Istoriya russkoy myisli ot prosvescheniya do marksizma. M.: «Kanon» ROOI «Reabilitatsiya», 2013. 480 s.]
- Герцен А.И. Собрание сочинений: в 30 т. М.: Наука, 1955. Т. 6. 551 с. [Herzen A.I. Sobranie sochineniy: v 30 t. M.: Nauka, 1955. T. 6. 551 s.]

⁵⁸ Валицкий 2013: 284.

⁵⁹ Михайловский 1896, Т. 4: 701.

- Герцен А.И. Собрание сочинений: в 30 т. М.: Наука, 1960. Т. 20. Кн. 2. 994 с. [Herzen A.I. Sbranie sochineniy: v 30 t. M.: Nauka, 1960. T. 20. Kn. 2. 994 s.]
- Герцен А.И. Собрание сочинений: в 30 т. М.: Наука, 1961. Т. 24. 579 с. [Herzen A.I. Sbranie sochineniy: v 30 t. M.: Nauka, 1961. T. 24. 579 s.]
- Гуревич А.Я. Уроки Люсьена Февра // Февр Л. Бои за историю. М.: Наука, 1991. С. 501-541. [Gurevich A.Ya. Uroki Lyusena Fevra // Fevr L. Boi za istoriyu. M.: Nauka, 1991. S. 501-541].
- Денильханова Р.Х. Борьба за индивидуальность. Проблема личности в публицистике Н. К. Михайловского. М.: Издатель Воробьев А.В., 2009. 148 с. [Denilhanova R.H. Borba za individualnost. Problema lichnosti v publitsistike N.K. Mihaylovskogo. M.: Izdatel Vorobeve A.V., 2009. 148 s.]
- Иванов-Разумник Р.В. История русской общественной мысли: В 3 т. М.: Республика; ТЕРРА, 1997. Т. 2. 400 с. [Ivanov-Razumnik R.V. Istoriya russkoy obschestvennoy myslis: V 3 t. M.: Respublika; TERRA, 1997. T. 2. 400 s.]
- Иванчин-Писарев А.И. Хождение в народ. Воспоминания. М.-Л., 1929. 451 с. [Ivanchin-Pisarev A.I. Hozhdenie v narod. Vospominaniya. M.-L., 1929. 451 s.]
- Колосов Е.Е. Н.К. Михайловский в деле Каракозова // Былое. 1924. № 23. С. 44-75. [Kolosov E.E. N.K. Mihaylovskiy v dele Karakozova // Byloie. 1924. № 23. S. 44-75.]
- Михайловский Н.К. Последние сочинения: в 2 т. СПб.: Русское богатство, 1905. Т. 1. 490 с. [Mihaylovskiy N.K. Poslednie sochineniya: v 2 t. SPb.: Russkoe bogatstvo, 1905. T. 1.]
- Михайловский Н.К. Революционные статьи. Берлин: Изд. Гуго Штейнца, 1906. 63 с. [Mihaylovskiy N.K. Revolyutsionnyye stati. Berlin: Izd. Gugo Shteyntsa, 1906. 63 s.]
- Михайловский Н.К. Сочинения: в 6 т. СПб.: Русское богатство, 1896–1897 [Mihaylovskiy N.K. Sochineniya: v 6 t. SPb.: Russkoe bogatstvo, 1896–1897]
- Михайловский Н.К. Сочинения: в 6 т. Изд. 4-е. СПб.: Русское богатство, 1906. Т. 1. VII с., 970 стб. [Mihaylovskiy N.K. Sochineniya: v 6 t. Izd. 4-e. SPb.: Russkoe bogatstvo, 1906. T. 1. VII s., 970 stb.]
- Русанов Н.С. На родине. М., 1931. 352 с. [Rusanov N. S. Na rodine. M., 1931. 352 s.]
- Чернов В.М. Н.К. Михайловский как этический мыслитель // Заветы. 1914. № 5. С. 1-46. [Chernov V.M. N.K. Mihaylovskiy kak eticheskij myslitel // Zavetyi. 1914. № 5. S. 1-46.]
- Штирнер М. Единственный и его собственность. Харьков: Основа, 1994. 560 с. [Shtirner M. Edinstvennyiy i ego sobstvennost. Harkov: Osnova, 1994. 560 s.]
- Febvre L. The Problem of Unbelief in the Sixteenth Century. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1982. 516 p.

Вязинкин Алексей Юрьевич, кандидат философских наук, старший преподаватель, кафедра истории и философии, Тамбовский государственный технический университет; vyazinkin@yandex.ru

The Problem of sovereign personality in ideological heritage of N.K. Mikhaylovsky

The article is devoted to the formation of the idea of sovereign individual in the writings of N.K. Mikhaylovsky, a Russian publicist and thinker. Discussion of this problem was connected with reconsideration by the thinker of the theory of emancipation of individual and development of a concept of an anthropological ideal. Author shows that the concept of the sovereign personality was the cornerstone of the philosophical and anthropological ideas of Mikhaylovsky. The special advantage of interpretation by the thinker of a problem of the sovereign individual consisted in its ethical character and humanistic potential.

Keywords: N.K. Mikhaylovsky, sovereign individual, Russian Populism, emancipation of individual theory, «struggle for individuality», social philosophy, anthropological ideal

Aleksei Viazinkin, Ph.D. in philosophy, Senior Lecturer, Department of History and Philosophy, Tambov State Technical University; vyazinkin@yandex.ru

А. М. СМОРЧКОВ

МИФОЛОГИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ В САКРАЛЬНОЙ ЛЕГИТИМАЦИИ РИМСКОЙ МАГИСТРАТСКОЙ ВЛАСТИ¹

В статье анализируются ритуалы при вступлении в должность высших римских магистратов, совершавшиеся вне Рима, а именно, на Альбанской горе и в Лавинии. Связующим звеном между ритуалами непосредственно в Риме и вне его являлось право ауспиций, которое было религиозной основой магистратской власти в Риме. Ритуалы вне Рима в начале административного года представляют собой движение и в мифологическом, и в реальном пространстве к сакральным истокам римского государства (из Рима через Альба Лонгу в Лавиний). Древний миф, став неотъемлемой частью римского самосознания, закреплялся в религиозно-политическом ритуале, в свою очередь обеспечив удивительную живучесть самих обрядов даже тогда, когда их политическое значение потеряло свою актуальность.

Ключевые слова: древний Рим, магистратура, легитимация власти, ауспиции, миф, Латинское празднество, Лавиний

Уникальность римской политической организации, прежде всего республиканской, не подлежит сомнению. Ведь впервые в истории было создано крупное территориальное государство, управляемое коллективной волей. Римский политический гений уже в начале своей государственности проявился в удачной адаптации чужого опыта при умелом и органичном сохранении принципиальных основ собственной идентичности. Конечно, при обращении к столь давним временам трудно, а зачастую невозможно верифицировать сведения античной традиции. Порой на помощь приходит археология, но ее данные не однозначны. Тем не менее, нарративная традиция в купе с археологией весьма близко соответствует тем фактам, которые мы знаем о процессах политогенеза в других ранних обществах. Специфической чертой сакрального оформления возникающей политической власти в Риме стала, на мой взгляд, сакрализация самой власти, а не ее носителей². Эта сущностная черта была унаследована и республиканской магистратурой, выразившись, прежде всего, в особой религиозно-политической значимости процедуры избрания новых руководителей и обретения ими власти.

Обращает на себя внимание, что ряд обязательных актов, совершаемых при вступлении в должность новоизбранных магистратов в Риме, осуществлялся вне Рима, на территории Лация. Особое значение для легитимации новой власти играл ритуал, происходивший на Альбанской горе практически в центре Лация, рядом с местом, где некогда находил-

---

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ «Дискурс государственной власти в древних обществах и рецепция его элементов в мировых и российских общественно-политических практиках» (№ 19-18-00549).

² Сморчков 2012: 87-89; 142.

ся город Альба Лонга, считавшийся метрополией Рима. Это современная гора Monte Cavo (высотой 950 м) примерно в 20 км к юго-востоку от Рима. Рядом находились еще два общелатинских священных центра – роща (Iucus) Ферентины, где проходили собрания латинов, и святилище и роща Дианы Лесной (Nemorensis) со знаменитым «священным царем»³. В начале своего должностного срока консулы, помимо прочих ритуалов, совершаемых в Риме, назначали день Латинских торжеств в честь Юпитера Лагиариса. Дата праздника была подвижной, т.е. оно относилось к *feriae conceptivae*⁴. Решение консулов подтверждал сенатус-консульт (Cic. Fam. VIII. 6. 3). Хотя о нем упомянул лишь Цицерон в частном письме по конкретному поводу, но такая практика была обычной, поскольку именно сенат принимал решение о необходимых священнодействиях и требуемых расходах. Консулы, помимо назначения дня Латинского праздника, осуществляли составлявшие его обряды⁵.

В наши задачи не входит полный анализ Латинского праздника на Альбанской горе и его эволюции, а потому ограничимся обзором основных элементов. Рассматриваемый культ уходит корнями в очень глубокую древность⁶. Начавшись с одного дня, праздник стал справляться четыре⁷ (*Dionys. AR. VI. 95. 3; Plut. Camil. 42*) при живом участии публики. Проходил он не только на Альбанской горе, но также в Риме и других городах. В Риме, в частности, устраивали скачки квадриг на Капитолии (*Plin. NH. XXVII. 45*). Возникнув еще до основания Рима, этот культ на определенном этапе стал важным элементом легитимации новоизбранной высшей власти именно в Риме и сохранил такое значение до самого конца Республики (*Dio Cass. XLVI. 33. 4*). Более того, меняясь и приспособливаясь, Латинский праздник отмечался вплоть до полной победы христианства в конце IV в.⁸ Другим примером ритуала, возникшего до основания Рима, но пережившего даже его условное «падение», являются Луперкалии 15 февраля. В их случае причина живучести заключалась в том, что этот праздник, чей характер и цели со временем эволюционировали, стал неотъемлемой частью годового круга народных празднеств независимо даже от его религиозного содержания (он отмечался и после официальной победы христианства), войдя в «плоть и кровь» повседневной жизни. Но и причины долгого бытования Латинского праздника, казалось бы, являвшегося органичной частью полити-

³ Об этих и других религиозных местах в окрестностях Альбы (с опорой на археологические и эпиграфические данные) см.: Stassi 2014: 7-24.

⁴ *Varro. LL. VI. 25; Macr. Sat. I. 16. 6.*

⁵ *Cic. Div. I. 18; Ad Q. fr. II. 4a. 2; Ad fam. VIII. 6. 3; Liv. V. 17. 2; 52. 8; XXI. 63. 5; 8; XXII. 1. 6; XXV. 12. 1-2; XXXVIII. 44. 8; XLI. 16. 1-3; 5; 7; XLII. 10. 15; 35. 3; XLIV. 17. 8; 19. 4; 21. 3; 22. 16; Dio Cass. XLVI. 33. 4; LIV. 29. 7.* Сводку данных о состоявшихся Латинских празднествах см.: Wernerus 1888: 57-63.

⁶ Подробный анализ см.: Simón 2011: 119-122.

⁷ Wernerus 1888: 22-24; Simón 2011: 117, n. 4. О сомнениях см.: Grandazzi 2008: 583-584; Smith 2012: 272-273.

⁸ Wernerus 1888: 62-63; Samter 1909. Sp. 2216; Simón 2011: 116; 131.

ческой практики, причем республиканской, также имеют религиозное объяснение, о чем пойдет речь далее.

Итак, рассматриваемый ритуал, проходивший довольно далеко от Рима, занимал важное место в религиозно-политической организации собственно Рима. Он уникален уже тем, что в процессии на Альбанскую гору принимали участие все римские должностные лица⁹, включая плебейских трибунов, которые обычно не покидали Рим (*Dionys.* VIII. 87. 6). На время отсутствия магистратов назначался специальный городской префект (*praefectus urbi feriarum Latinarum causa*)¹⁰. Таким образом, территориально политическая власть из Рима перемещалась в сакральный центр Лация, к некогда существовавшему городу Альба Лонга¹¹, который считался прародителем латинских городов. На горе найдены фрагменты составленных при Августе *fast feriarum Latinarum*¹², относящиеся к периоду от 451 г. до н.э. до 109 г. н.э. Внимание к фиксации должностных лиц, проводивших церемонию, опять же подчеркивает политическое значение этого религиозного ритуала.

Вместе с римскими магистратами в священнодействиях участвовали представители общин Лация¹³. Ритуалы демонстрируют ведущее положение Рима: латины возносили молитву за римский народ квиритов (*Liv.* XLI. 16. 1), а свою долю жертвенного мяса (очень важный элемент церемонии¹⁴) просили у римлян (*carnem petere*¹⁵). При всех сложностях верификации данных традиции вряд ли можно усомниться в стремлении Рима уже на ранних этапах утвердить свое религиозно-политическое первенство среди родственных латинов, союз с которыми явился одним из важных факторов римских успехов на первом этапе экспансии. В традиции отражена попытка создать такой центр непосредственно рядом с Римом: Сервию Туллию приписывалось учреждение общелатинского культа Дианы вокруг ее храма на Авентине¹⁶. С этим храмом связан один из элементов «римского мифа», т.е. одно из хрестоматийных знамений грядущего владычества Рима над всем кругом земель, причем в легендарной истории столкнулись римлянин и сабинянин¹⁷.

⁹ *Strabo.* V. 3. 2; *Dio Cass.* XXXIX. 30. 4.

¹⁰ CIL VI. № 1421 (118 г. н.э.); D. I. 2. 2. 33; *Strabo.* V. 3. 2; *Suet.* Claud. IV. 3; Ner. VII. 2; *Tac.* Ann. VI. 11; *Gell.* XIV. 8. 1; *Dio Cass.* XLI. 14. 4; XLIII. 48. 4; XLIX. 16. 2; 42. 1; LIII. 33. 3; LIV. 6. 6; 17. 2; SHA. IV. 4. 6. Список префектов см.: Wernerus 1888: 47-56.

¹¹ Подробный анализ см.: Grandazzi 2008. Ch. VIII. Les errances d'une ville fantôme ou la localisation d'Albe: 445-514.

¹² CIL. I. Ed. 2: 56-59.

¹³ *Varro.* LL. VI. 25; *Cic.* Planc. 23; *Liv.* XXXII. 1. 9; XXXVII. 3. 4; XLI. 16. 1-5; *Dionys.* IV. 49; VIII. 87. 6; *Strabo.* V. 3. 2; *Plin.* NH. III. 69; *Serv.* Ad Aen. I. 211. Ср.: De vir. ill. VIII. 2; *Macr.* Sat. I. 16. 16-17; Schol. Bob: 154-155 (Stangl).

¹⁴ *Dionys.* AR. IV. 49. 3; *Plin.* NH. III. 69; *Serv.* Ad Aen. I. 211. Нарушения этого ритуала служили одной из причин повторного проведения Латинского праздника: *Liv.* XXXII. 1. 9; XXXVII. 3. 4.

¹⁵ *Varro.* LL. VI. 25; *Cic.* Pro Planc. 23 (ad loc.: Schol. Bob: 154 (Stangl)).

¹⁶ Ср.: *Liv.* I. 45. 1-3; *Dionys.* AR. IV. 25. 3-6; 26. 1-5; De vir. ill. VII. 9.

¹⁷ Ср.: *Liv.* I. 45. 4-7; *Val. Max.* VII. 3. 1; *Plut.* QR. 4 (*Mor.* 264c-d); De vir. ill. VII. 10-14.

Святылище находилось за чертой померия, что хорошо соответствовало предназначенной ему роли явно в противовес общелатинскому культу Дианы Арицийской рядом с Альбанской горой. Эта попытка не дала прочных результатов в отличие от установления контроля Рима над культом Юпитера Латиариса при одном из Тарквиниев, что было закреплено, по всей видимости, после Первой римско-латинской войны в начале Республики. После выхода экспансии Рима за пределы Лация осуществление Латинского празднества, возможно, трансформировалось в идею более широкой гегемонии¹⁸.

В эпоху Республики Латинское празднество завершало серию обязательных актов, которые должны были исполнить консулы при вступлении в должность, и лишь после осуществления ритуала на Альбанской горе они могли отправиться в свою провинцию¹⁹. Наиболее подробный перечень таких актов, хотя неполный (не упомянут куриатный закон об империи), дает Ливий при описании возмущения сенаторов поспешным отъездом из Рима консула Гая Фламиния еще до начала своего должностного срока (*Liv.* XXI. 63. 5-11). В этом пассаже Ливий трижды в разных контекстах упоминает необходимость проведения Латинских празднеств (*Liv.* XXI. 63. 5; 8; XXII. 1. 6). Причем в кратком повторе претензий сенаторов к Г. Фламинию (*Liv.* XXII. 1. 6) Ливий оставил только три обязательных религиозно-политических акта, которыми пренебрег консул, и два из них относятся именно к Латинскому празднеству в целом (*Latinis feriis actis*) и к его ключевому обряду в частности (*sacrificio in monte perfecto*). К ним добавлены лишь обеты на Капитолии (*votis rite in Capitolio nuncupatis*). Несмотря на явно риторическую окраску этого пассажа²⁰ сам отбор показателен. В хронологически более близком событии неисполнение этой обязанности консулами 43 г. до н.э. Гаем Вибием и Авлом Пансой, спешившими на войну с Антонием, рассматривалось как причина их гибели (*Dio Cass.* XLVI. 33. 4-5, ср. XLVII. 40. 6), что можно отнести и к Гаю Фламинию. Причем Дион Кассий, отталкиваясь от конкретного рассказа, делает обобщающее утверждение о неблагоприятном для римлян исходе такого пренебрежения во всех случаях (*Dio Cass.* XLVI. 33. 4). Соответственно, при нарушениях ритуала или каких-либо знаменьях Латинские празднества повторялись²¹, как и любой религиозный ритуал, ради восстановления «мира с богами».

О значимости изучаемого обряда свидетельствует и уникальный случай, известный из капитолийских фаст, о назначении в 257 г. до н.э.

¹⁸ Simón 2011: 126 (n. 94); 131-132.

¹⁹ *Liv.* XXI. 63. 5; 8; XXII. 1. 6; XXV. 12. 1-2; XXXVIII. 44. 8; XLII. 35. 3; XLIII. 15. 3; XLIV. 19. 4; 22. 16; *Dio Cass.* XLVI. 33. 4.

²⁰ Есть сомнения по поводу достоверности приписывавшихся Г. Фламинию нарушений. В частности, Латинское празднество в том году состоялось, причем до гибели Г. Фламиния, что засвидетельствовано в фастах (*CIL.* I. 2ed: 57=VI. № 2012); Wepner 1888: 20, adn. 2. Впрочем, участвовал ли он сам в них, остается под вопросом.

²¹ *Cic.* Ad Q. fr. II. 4a. 2; *Liv.* V. 17. 2-3; XXXII. 1. 9; XXXVII. 3. 4; XL. 45. 2; XLI. 16. 1-5; 7; *Plut.* Camil. 4; *Dio Cass.* XXXIX. 30. 4.

диктатора специально для проведения Латинских празднеств (*Latinarum feriarum causa*: СІЛ. I. Ed. 2. P. 24). Это т.н. диктатура с «ограниченным правом» (*imminuto iure*), чьей задачей было исполнение важных религиозно-политических актов. Известны назначения диктаторов для учреждения праздника, проведения религиозных игр, для совершения ритуала «вбития гвоздя» и особенно часто для проведения выборов новых высших магистратов. Все это функции из консульской компетенции, которые по каким-то причинам не могли быть проведены обычным порядком. Что могло помешать консулам 257 г. до н.э. совершить необходимые жертвоприношения на Альбанской горе – совершенно не ясно, ибо год был довольно спокойный, несмотря на шедшую Первую Пуническую войну, а один из консулов (Гн. Корнелий Блазион), возможно, даже провел его в Риме²². Как бы то ни было, назначение диктатора для проведения Латинских празднеств свидетельствует об их особой религиозно-политической значимости, подобно другим случаям назначения диктаторов *imminuto iure*. Это единственное назначение находит параллель в первой диктатуре Цезаря (49 г. до н.э.). Тогда он в качестве диктатора провел Латинские празднества (*Caes. BC. III. 2. 1*), по-видимому, вместо консулов, бежавших вместе с Помпеем. Считается, что в 49 г. до н.э. имела место диктатура *comitiorum habendorum et feriarum Latinarum causa*, хотя официальная титулатура в фастах не сохранилась.

Назначение специального диктатора для Латинского празднества при наличии консулов указывает, что важен был сам факт осуществления этого ритуала, а не конкретный исполнитель – в полном соответствии с высказанной выше гипотезой о сакрализации в Риме власти, а не ее носителей. В пользу этого, казалось бы, говорит общепринятое в историографии мнение, что в исключительных случаях праздник мог осуществиться и один из консулов²³. Но все же следует признать, что однозначные свидетельства относятся только к четырем консульствам Августа, когда новые условия вполне могли допустить некоторые вольности в исполнении древнего культа. Свидетельство Ливия, на которое ссылаются исследователи, упоминает благодарственное празднование Латинского ритуала²⁴ в 169 г. до н.э. в честь одержанной победы, а не собственно обряд в начале консульского года (*Liv. XLV. 3. 2*). Впрочем, возможность проведения Латинских празднеств именно с такой целью (*Liv. XLV. 3. 2; Dio Cass. LV. 2. 5*) может служить дополнительным аргументом в пользу значимости ритуала, а не личности.

Важная роль Латинских празднеств в сакральной легитимации власти в Риме не вызывает сомнений. Но, на наш взгляд, их значение было гораздо шире. Ряд обстоятельств связывали Рим и Лаций, Капитолий и

²² Münzer 1900.

²³ Wernerus 1888: 30-31; Samter 1909; Grandazzi 2008: 577-578 (n. 221); 583; Simón 2011: 125.

²⁴ К тому же не все издатели признают здесь наличие указания на Латинское празднество. См.: Livy 1951: 254.

Альбанскую гору, Юпитера Капитолийского и Юпитера Латинского²⁵. И в первую очередь ауспиции²⁶, право на которые являлось религиозной основой магистратской власти в Риме. Капитолийский холм как самая высокая точка Рима занимал особое место в теории и практике ауспиций: важнейшие из них проходили именно здесь. На одной из его вершин (Arx) находился *auguraculum*²⁷ – место, специально предназначенное для авгурских гаданий, а напротив – еще один *auguraculum*, на отроге Квиринала под названием *Latiaris* (*Varro. LL. V. 52*). Такой же эпитет имели и почитавшийся на Альбанской горе Юпитер²⁸, и Латинский праздник²⁹, и, возможно, сама гора³⁰. Ось авгурских наблюдений при гадании протягивалась от Капитолия как раз к Альбанской горе³¹, самой высокой точке центрального Лация, объединяя две вершины (и двух Юпитеров, Капитолийского и Латинского) в единое сакральное целое³².

Еще один ритуал с ауспикальными коннотациями связывал две возвышенности, Капитолийскую и Альбанскую – церемония триумфа³³. Военачальник имел право осуществить триумф в силу своего империя, если одержал победу под собственными ауспициями, т.е. был верховным главнокомандующим. Обряд имел очень древние корни. Конечным пунктом триумфальной процессии в Риме был Капитолий. Но в 231 г. до н.э. консул Г. Папирий Масон, не получив согласия сената на триумф, провел его самостоятельно в силу полномочий своего империя на Альбанской горе³⁴, которая стала конечным пунктом его триумфальной процессии. Хотя такой триумф (альбанский) был менее торжественным и значимым (*Polyb. VI. 15. 7-8*) – хотя бы потому, что проходил не на глазах жителей Рима, – и просуществовал этот обычай относительно недолго (последний известный случай относится к 172 г. до н.э.³⁵), тем не менее, он вносился в триумфальные фасты (сохранились упоминания за 231, 197 и 172 гг. до н.э.). Такое признание дает основания для предположения о том, что первоначально триумфальное шествие направлялось

²⁵ О некоторых общих моментах см.: Wissowa 1912.

²⁶ Подробный анализ ауспикального значения Альбанской горы с рядом смелых гипотез см.: Grandazzi 2008: 608-613.

²⁷ *Fest.* 17L, s.v. *auguraculum*

²⁸ *Liv. XXI. 63. 8; Lucan. Phars. I. 198; Suet. Cal. XXII. 2; Dio Cass. LIX. 28. 5; Serv. auct. Ad Aen. XII. 135; CIL. XIV. № 2227 etc.*

²⁹ *Cic. Ad Q. fr. II. 4. 2; Dio Cass. XLVII. 40. 6; Macr. Sat. I. 16. 6.*

³⁰ *Cic. Pro Mil. 85.* Хотя эпитет в этой фразе может относиться к Юпитеру, а не к горе.

³¹ Grandazzi 2008: 599 (n. 314); 608-609 (n. 360); Pl. 20 (схема иллюстрирующая ориентацию на Альбанскую гору знаменитого мраморного плана Рима эпохи Северов *Forma Urbis*). См. также связанный с этим судебный казус: *Val. Max. VIII. 2. 1.*

³² Simón 2011: 127-128; Smith 2012: 276.

³³ Wissowa 1912. S. 125.

³⁴ *CIL. I. 2ed: 173* (с указанием, что это «первый» (*primus*) триумф на Альбанской горе); *Val. Max. III. 6. 5; Plin. NH. XV. 126.* Ср.: *Fest.* 131L, s.v. *murtea corona.*

³⁵ *CIL. I. 2ed: 175; Liv. XLII. 21. 6-7.* Другие альбанские триумфы: М. Клавдия Марцелла в 211 г. до н.э. (*Liv. XXVI. 21. 6; Val. Max. II. 8. 5; Plut. Marcel. 22; De vir. ill. XLV. 6*) и Кв. Минуция Руфа в 197 г. до н.э. (*CIL. I. 2ed: 174; Liv. XXXIII. 23. 3*). Обобщающее замечание: *Liv. XLV. 38. 4.*

на Альбанскую гору, позже послужив образцом для собственно римского триумфа³⁶. И опять же мы видим религиозную связь с политическими коннотациями, которая объединяет обе вершины в единое целое.

Для осуществления триумфа требовался особый тип ауспиций – «военные ауспиции» (*auspicia militiae*). Их получали магистраты с империей (т.е. полководцы) для ведения войны. И действовали эти ауспиции вне померия, в отличие от городских ауспиций (*auspicia urbana*), распространявшихся на территорию внутри него³⁷. Двуетность консульского права на ауспиции, на первый взгляд, соответствовавшая двуетной целостности авгурского наблюдения на Капитолии и Альбанской горе, породила привлекательную гипотезу, которую предложил А. Грандацци и поддержал Фр. Марко Симон. По их мнению, после осуществления городских ауспиций (*auspicia urbana*) на Капитолии, в результате чего инаугурировалась власть над Римской республикой, новый консул должен был совершить вторую ауспикацию на Альбанской горе, чтобы инаугурировать свой империй над *ager Latinus*, т.е. над территорией, которая долгое время символизировала внешний мир для Города³⁸.

При всей привлекательности этой гипотезы все же нельзя не признать, что право на империй и ауспиции консулы обретали непосредственно в Риме, а уже в силу этих полномочий осуществляли Латинское празднество. В своих исследованиях я пришел к выводу, что право на ауспиции появлялось в ходе двух ауспикальных процедур на электро-альных комициях (перед их началом и при объявлении победителей)³⁹. Но до момента вступления в должность новых магистратов их право на ауспиции находилось в «спящем» виде. Оно автоматически активировалось в день вступления в должность, но для полной легитимации власти требовалось совершить ряд действий – они заключались в практическом применении права на ауспиции. Начинался первый день должности с совершения традиционных ауспиций для получения одобрения богов действиям консулов в данный день⁴⁰. Прямо об этом сообщает только один греческий автор, но получение ауспиций перед каждым важным делом было обязательным правилом римской политической практики. Затем консулы с соответствующими молениями посещали храм Юпитера Капитолийского, где приносили в жертву быков во исполнение обета предыдущих магистратов⁴¹. Видимо, тогда же по печени принесенных в жертву быков они по отдельности гадали о своем консульстве⁴². Также

³⁶ Simón 2011: 118, n. 21.

³⁷ Varro. LL. V. 143; Messala ap. Gell. XIII. 14. 1.

³⁸ Grandazzi 2008: 610; Simón 2011: 125 (cf. 132). Фр. Марко Симон вынес эту идею даже в заглавие написанной им главы, посвященной Латинскому празднеству: «Feriae Latinae как религиозная легитимация консульского империя».

³⁹ Сморчков 2012: 63-106.

⁴⁰ Dionys. II. 6. 1-3. Ср.: Cic. Div. II. 74; Ovid. Ep. ex Ponto. IV. 4. 38.

⁴¹ Liv. XXI. 63. 7-8; Ovid. Fast. I. 79-84; Ep. ex Ponto. IV. 4. 29-32; 9. 5; 29-30; 49-50; App. BC. III. 50.

⁴² Liv. XLI. 14. 7; 15. 1-4. Ср.: Liv. XLII. 28. 7; 30. 8; Cic. De leg. agr. II. 93.

после совершения ауспий консулы собирали сенат на первое заседание и созывали куриатные комиции для проведения закона о своем империи⁴³. И только затем проводилось Латинское празднество, завершая серию актов, сопровождавших вступление консулов в должность.

Вариант гипотезы Грандацци-Симона – идея Хр.Дж. Смита о военном контексте Латинского празднества: оно выступало как параллель куриатному закону об империи, без которого магистрат не мог праздновать триумф⁴⁴. Видимо, речь идет о получении полномочий действовать вне померия. По мысли Смита, империй римских магистратов вследствие двух актов включал в себя власть над Римом (по куриатному закону), полномочия вне Города (в результате обрядов на Альбанской горе) и право на триумф. Однако куриатный закон являлся скорее актом политическим с религиозными коннотациями (без них немыслим в Риме никакой политической акт), а ритуал на Альбанской горе – религиозным с политическими коннотациями, это разные процедуры, как и их результаты, а потому их сопоставление не вполне оправдано. Уже упоминалось отсутствие куриатного закона в перечне «прегрешений» Гая Фламиния у Ливия, хотя этот закон он не проводил, так как до своей гибели в Риме так и не появился. Куриатный закон не провели консулы 54 г. и 49 г. до н.э., из-за чего впоследствии столкнулись с проблемами политического характера⁴⁵. Но нигде нет даже намека на нарушение тем самым «мира с богами», что имело место в случае нарушения процедуры Латинского празднества и, тем более, полного игнорирования этого ритуала. Что касается права на триумф, то неизвестно, насколько наличие куриатного закона было обязательным условием. Этот вывод скорее вытекает из общих логических соображений (вполне убедительных), но достоверно известно, что религиозной основой права на триумф являлись «военные» ауспии⁴⁶, о которых Смит вообще не упоминает, а эти ауспии магистраты получали внутри померия, очевидно, на Капитолии⁴⁷. Ведь при пересечении померия внутрь сакрального пространства города Рима магистраты теряли ауспии и империй⁴⁸, предоставленные для действий вне его, а значит, они теряли и основанное на этих полномочиях право на триумф⁴⁹. Таким образом, и для Альбанского триумфа религиозно-правовые основания магистрат обретал в Риме.

⁴³ Сморчков 2012: 47.

⁴⁴ Smith 2012: 276-278.

⁴⁵ Сморчков 2012: 41; 48; 95.

⁴⁶ Анализ см.: Сморчков 2014: 205-217.

⁴⁷ *Liv.* XXI. 63. 9: ...auspicato profectus in Capitolium ad vota nuncupanda, paludatus inde cum lictoribus in provinciam iret (ср. 7). Возможно, о том же говорится в цитате из сочинения автора I в. до н.э. Цинция: *Fest.* 276L, s. v. praetor.

⁴⁸ См. показательную историю 215 г. до н.э.: *Liv.* XXIV. 7. 10–9. 3 (особ. 9. 1-2, ср. 7. 11). См. также: D. I. 16. 16; *Cic.* Ad fam. I. 9. 25; Ad Att. VII. 7. 4; *Liv.* XXVI. 9. 10; 21. 5 (ср. 1); XLV. 35. 4; *Dio Cass.* XXXIX. 63. 4 (ср.: *ibid.* 65. 1; XL. 50. 2; XLI. 3. 3; 15. 2; 16. 1; LV. 8. 1-2).

⁴⁹ Самый известный пример относится к Цезарю: *Suet.* Caes. 18; *Plut.* Caes. 13; Cato Min. 31; *App.* BC. II. 8; *Dio Cass.* XXXVII. 54. 1-2.

На мой взгляд, ауспикальная связь Капитолия и Альбанской горы имела не бинарный характер, как предполагают гипотезы, согласно которым ритуалы дополняли друг друга, создавая сакральную основу магистратской власти в двух областях (внутренней и внешней). Связь этих обрядов – важных элементов магистратской инвеституры – была линейной, а линия состояла из трех элементов, объединенных теорий общественных ауспий. Третьим был еще один ритуал, также осуществляемый в Лации за пределами городской территории Рима в начале консульского срока: консулы (а также преторы и диктаторы) совершали священнодействия (*rem divinam faciunt*) Пенатам и Весте в городе Лавинии⁵⁰. Возможно, эти же магистраты осуществляли их и при сложении полномочий (*Serv. auct. Ad Aen. II. 296*), но здесь не исключена ошибка переписчика, поскольку информация весьма схожа, а сказуемые (*adeunt/abeunt*) отличаются лишь одной буквой⁵¹. В ритуалах в Лавинии участвовали также понтифики и фламины (*Serv. Ad Aen. I. 239; VIII. 664*).

По преданию, Лавиний был основан Энеем⁵². Здесь обнаружен героон IV в. до н.э., посвященный, согласно нарративной традиции, Энею (*Dionys. AR. I. 64. 1*). В нем находится могила VII в. до н.э., а рядом с Лавинием найдена надпись «*Lare Aenia d(ono)*» («в дар Лару Энею») ⁵³. В Лавинии Эней поместил троянские Пенаты, так что этот город стал религиозной метрополией Рима⁵⁴, его религиозным «сердцем». Впрочем, не только для Рима, но и для всего Лация, как следует из надписи эпохи императора Клавдия (*CIL. Vol. X. № 797: sacra principia populi Romani Quiritium nominisque Latini quai apud Laurentis*⁵⁵ *coluntur*). Религиозное значение Лавиния обуславливалось тем, что троянские Пенаты так и остались в нем: по легенде, две попытки перенести их в Альба Лонгу, основанную сыном Энея Асканием-Юлом, оказались неудачными, ибо Пенаты неизменно сами возвращались в Лавиний⁵⁶. Так что ритуалы в Лавинии и в Альба Лонге имели между собой некоторую легендарную связь, о которой упоминает Ливий в составленной им речи Камилла (*Liv. V. 52. 8*). Но, возможно, они были связаны и хронологически, т.е. их проводили друг за другом (сначала Латинский праздник)⁵⁷. Насколько строго обязательны были ритуалы в Лавинии – сказать слож-

⁵⁰ *Liv. V. 52. 8; Macr. Sat. III. 4. 11; Serv. Ad Aen. III. 12*. Ср. легендарное жертвоприношение Ромула и Тита Тация в Лавинии (*Liv. I. 14. 2; Dionys. AR. II. 52. 3; Plut. Rom. 23*) и неудачное жертвоприношение там же консула 137 г. до н.э. Г. Гостилия Манцина (*Liv. Per. 55; Val. Max. I. 6. 7; Obs. 24*).

⁵¹ Историографию и анализ вопроса см.: Pina Polo 2011: 105-106.

⁵² Краткий, но содержательный обзор религиозного значения и сакральных мест Лавиния см. опубликованную лекцию: Malavolta 2016.

⁵³ САН 2008: 60-61. О проблемах, связанных с прочтением надписи, см.: САН 2008: 61, n. 7; Malavolta 2016: 4. Фотографии надписи и героона: Malavolta 2016. Fig. 3; 20; 21.

⁵⁴ *Varro. LL. V. 144 (nam ibi dii Penates nostri); Plut. Coriol. 29*.

⁵⁵ Лаврент – другое название Лавиния: Philipp 1924. Sp. 1008-1009.

⁵⁶ *Dionys. AR. I. 67. 1-2; Val. Max. I. 8. 7; Aur. Vict. Or. gent. Rom. XVII. 2-3; Serv. auct. Ad Aen. III. 12*.

⁵⁷ Pina Polo 2011: 107.

но, в отличие от Альбанской церемонии, совершение которой не раз подчеркивалось как неперемное условие легитимации высшей власти. Ливий практически молчит по этому поводу, упомянув обряды в Лавинии лишь два раза и без указания на связь со вступлением в должность, в контексте рассказа о правлении легендарного Ромула и в сочиненной им речи Камилла в перечне религиозных устоев Рима (*Liv.* I. 14. 2; V. 52. 8). Впрочем, и важнейший элемент легитимации высшей власти – куритатный закон об империи – в сохранившейся части его труда упомянут лишь один раз, и то в связи с необычной ситуацией (дурное предзнаменование) при получении власти диктатором (*Liv.* IX. 38. 15; 39. 1). Так что вопрос о значимости Лавинийского празднества остается открытым.

При всех высказанных сомнениях предстает весьма интересная картина пространственного переноса права ауспиций, краеугольного в римской религиозно-политической организации. В традиции изначально местом их бытования являлся Лавиний, наследником которого стала Альба Лонга, а ей, в свою очередь, наследовал Рим. Ауспиции, получаемые магистратом в Риме, служили основой его действий и внутри (напрямую), и вне Рима (через получение в Риме же военных ауспиций), не нуждаясь в дополнительном подтверждении на внешней территории. Но это не отменяло важного значения происхождения ауспиций, их метрополии. В итоге Рим не замещал, а продолжал сакральную традицию, став в религиозно-политическом отношении «Третьим Лавинием». Другими словами, не было противопоставления «Рим–Лаций», а только единое пространство, внутри которого перемещался религиозно-политический центр. При таком взгляде италийская основа римской государственности выявляется в новом свете и гораздо полнее.

Таким образом, ритуалы вне Рима в начале административного года представляют собой движение и в мифологическом, и в реальном пространстве к сакральным истокам римского государства (из Рима через Альба Лонгу в Лавиний). Древний миф закреплялся в религиозно-политическом ритуале, обеспечивая его удивительную живучесть даже тогда, когда его политическое значение потеряло свою актуальность. Ведь эти обряды, восходящие к латинскому единству, продолжали соблюдаться и после ликвидации римско-латинского союза в 338 г. до н.э., и даже после краха Республики. Одним консерватизмом религиозно-политической сферы это не объяснишь, тем более что осуществление их занимало значительное время в рамках консульского года. Римляне умели находить формально удовлетворительное решение для тех религиозных обычаев, которые не вписывались в новые политические реалии. Но в данном случае Латинское празднество оказалось тесно связанным с мифологическим прошлым Рима, став неотъемлемой частью римского самосознания. Это прошлое оставалось неизменным при всех политических переменах и революциях, воплощаясь и обретая актуальность в ритуалах праздника и в маленькой общине, и в державе эпохи Республики, и в монархическом Риме.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Сморчков А.М. Религия и власть в Римской Республике: магистраты, жрецы, храмы. М.: РГГУ, 2012. 602 с. [Smorchkov A.M. *Religiya i vlast' v Rimskoy Respublike: magistraty, zhretsi, khramy*. М.: RGGU, 2012].
- Сморчков А.М. Ауспиции и триумф: казус П. Корнелия Сципиона (206 г. до н.э.) // *Lanterna nostra*. К юбилею профессора Ии Леонидовны Маяк. СПб.: Алетейя, 2014. С. 205-217. [Smorchkov A.M. *Auspitii i triumph: kazus P. Korneliya Stipiona* (206 g. do n.e.) // *Lanterna nostra*. К yubileyu Ii Leonidovny Mayak. SPb.: Aleteya, 2014. S. 205-217].
- САН (Cambridge Ancient History). Vol. 7. P. 2. Cambridge: C.U.P., 2008. 771 p.
- Grandazzi A. *Alba Longa, histoire d'une légende*. Recherches sur l'archéologie, la religion, les traditions de l'ancien Latium. 2 vol. Rome: École française de Rome, 2008. 988 p.
- Livy. LCL. Vol. XIII. Camb., Mass.: Harvard University Press, 1951. 425 p.
- Malavolta M. *Lavinium: la prima Roma*, 2016. 33 p.
- Münzer. *Cornelius* (№ 73) // RE. Halbbd. 9. Stuttgart: J.B. Metzlersche Verlagsbuchhandlung, 1900. Sp. 1271-1272.
- Philipp. *Lavinium* // RE. Halbbd. 23. Stuttgart: J.B. Metzlersche Verlagsbuchhandlung, 1924. Sp. 1007-1012.
- Pina Polo Fr. *Consuls as curators pacis deorum* // *Consuls and Res publica* / Ed. by H. Beck [et al.]. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. P. 97-115.
- Samter E. *Feriae Latinae* // RE. Bd 6. Stuttgart: J.B. Metzlersche Verlagsbuchhandlung, 1909. Sp. 2213-2216.
- Simón Fr. M. *The Feriae Latinae as religious legitimation of the consuls' imperium* // *Consuls and Res publica* / Ed. by H. Beck [et al.]. Cambridge: C.U.P., 2011. P. 116-132.
- Smith Chr. J. *The Feriae Latinae* // *Greek and Roman Festivals: Content, Meaning and Practice*. Ed.s J. R. Brandt and J. W. Iddeng. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 267-288.
- Stassi S. *La presenza del sacro nel territorio albano* // *Res sacrae*. Santuari e luoghi di culto nei colli albani. Atti del XXXI Corso di Archeologia e Storia Antica del Museo Civico Albano. Albano Laziale (Roma), 2014. P. 7-26.
- Wernerus Chr. *De feriis Latinis*. Leipzig: Coloniae typis J.P. Bachemii, 1888. 63 p.
- Wissowa G. *Religion und Kultus der Römer*. Aufl. 2. München: C.H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1912. 612 S.
- Сморчков Андрей Михайлович**, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории древнего мира, Институт восточных культур и античности РГГУ и ВШЭ; профессор кафедры всеобщей истории РАНХиГС, smorchkovtuber@yandex.ru

Mythological tradition and sacral legitimation of Roman magistrates' power

This article analyzes the rituals, which took place outside Rome, on the Alban Mount and at Lavinium, but were related to the inauguration of the higher Roman magistrates. Relationship between the rituals, that were carried out in Rome and outside the city, was based on the right of auspices, which was the religious foundation of magistrates' power in Rome. Rituals put into practice outside Rome at the beginning of the administrative year represent the motion both in mythological and real space, going back to the sacral origins of the Roman state (from Rome via Alba Longa to Lavinium). Thus, ancient myth, an integral part of the Roman identity, was fixed in the religious and political ritual, in its turn providing an amazing vitality of the rituals themselves even when their political significance had lost any relevance.

Keywords: ancient Rome, magistracy, legitimation of authority, auspices, myth, Latin festival, Lavinium

Andrei Smorchkov, Dr.Sc. (History), Associate Professor, Institute of Oriental and Classical Studies, Russian State University for the Humanities and Higher School of Economics; Associate Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, smorchkovtuber@yandex.ru

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ОБРАЗА СВЯТОЙ
ЖИТИЕ СВ. РАДЕГУНДЫ ХИЛЬДЕБЕРТА ЛАВАРДЕНСКОГО

В статье рассматривается агиографический образ св. Радегунды, созданный на рубеже XI–XII вв. епископом Хильдебертом Лаварденским на основе двух раннесредневековых житий, написанных поэтом и епископом Венанцием Фортунатом и монахиней Баудонивией за 500 лет до появления новой духовной биографии. Автор статьи выявляет социокультурный и духовный контекст написания нового жития, показывает особенности созданного Хильдебертом образа королевы-монахини. Переосмыслив духовные биографии Фортуната и Баудонивии, Хильдеберт сделал более актуальным для своего времени прежний образ Радегунды. Стремление святой королевы вести аскетичную монашескую жизнь соединяется с публичной, мирской и политической ролью на благо общества. Героиня нового жития сосредоточена не на своём личном спасении, а на общественной деятельности. Хильдеберт сделал Радегунду примером для знатных дам своего времени.

Ключевые слова: житие, святые, Радегунда, Хильдеберт Лаварденский, агиография, Венанций Фортунат, Баудонивия.

Королева-монахиня Радегунда (ок. 520–587) – одна из наиболее известных святых эпохи Меровингов. Основанный ею в начале 550-х гг. монастырь св. Креста¹ существует уже почти полторы тысячи лет. Радегунда была дочерью короля Тюрингии². После завоевания франками этой области она стала супругой короля Хлотаря I, сына знаменитого Хлодвига. Впоследствии она при поддержке супруга основала женский монастырь в Пуатье³, в котором провела почти 30 лет. Память о ней увековечили в нескольких сочинениях разного жанра ее выдающиеся современники – Григорий Турский и Венанций Фортунат, а также малоизвестная монахиня Баудонивия. После смерти Радегунды в 587 г. начал формироваться её местный культ, который впоследствии распространился далеко за пределами Пуатье⁴.

В течение двадцати лет после смерти королевы-монахини были созданы два жития, посвященные ей. Первое создал в 590-е гг. духовный наставник и друг Радегунды, поэт и будущий епископ Пуатье – Венанций Фортунат⁵. Приблизительно через 10-15 лет появился новый вариант духовной биографии Радегунды, написанный Баудонивией⁶, монахиней монастыря св. Креста. Эти два агиографических текста пред-

¹ Favreau 1994: 91.

² Григорий Турский 1987. III, 4, 62-63; III, 7: 64-65. (Здесь и далее при указании средневековых источников помимо года издания и страниц используемого издания, указывается номер тома и/или главы).

³ Первоначально это был женский монастырь св. Девы Марии в Пуатье. После получения Радегундой реликвии Животворящего Креста в 567 г. обитель была переименована в монастырь Св. Креста. (Baudonivia 1888. 27. Баудонивия 2018. 27: 223).

⁴ Бикеева 2019: 43-59; 2018: 159-176.

⁵ Venantius Fortunatus 1888: 364-376. Венанций Фортунат 2012: 188-204.

⁶ Baudonivia 1888: 377-395. Баудонивия 2017. 1-14: 306-328; 2018. 15-28: 207-225.

ставляют различные образы святой женщины несмотря на то, что написаны практически в одно время.

Венанций Фортунат, подчеркивая исключительность своей героини, ставит её в один ряд с раннехристианскими мучениками, подробно описывает практики добровольного «самоумерщвления» путем крайнего аскетизма своей героини. Фортунат сравнивает Радегунду и с одним из самых почитаемых епископов и святых св. Мартином⁷, который уже в то время был главным покровителем франкского королевства. Большое место автор посвятил описанию совершенных Радегундой чудес: способность лечить больных и слепых⁸, воскрешать из мертвых⁹, исцелять одержимых¹⁰, освобождать заключенных¹¹, усмирять природные силы¹² и др. Фортунат увековечил память о королеве-монахини, создав образ удалившейся от мира идеальной святой и мученицы.

Однако примерно через 10-15 лет, в начале VII в. появилось второе житие, написанное монахиней Баудонивией, которая, как и Фортунат, лично знала святую. Необходимость создания новой духовной биографии была обусловлена тяжелым положением, в котором оказался монастырь св. Креста после смерти влиятельной основательницы и восстановления монахинь в 589–590 гг., приведшего к разграблению монастыря и удару по его репутации¹³. Баудонивия с детства жила в конvente св. Креста и была заинтересована в восстановлении его престижа. Поэтому, она сосредоточена на описании внутримонастырской жизни при Радегунде. Баудонивия уделяет большое внимание и общественной деятельности основательницы конвента: в частности, искоренению язычества¹⁴, поиску и обретению реликвий¹⁵ и миротворческой деятельности на благо всего франкского королевства¹⁶. Даже при описании практик аскетизма, помощи бедным и больным, отказа своей героини от земных благ¹⁷ Баудонивия наделяет эти действия, прежде всего, общественной значимостью. Тем самым в её сочинении Радегунда предстает не только в образе идеальной святой, но и «праведного правителя».

Итак, уже в начале VII в. выявились основные черты средневекового культа св. Радегунды. В житии, написанном Фортунатом, подчеркивались ее чудотворная сила и способность к целительству. Центральным местом отправления культа стала ее гробница в церкви св. Радегун-

⁷ Образцом для Фортуната, очевидно, послужило Житие св. Мартина, созданное римским писателем Сульпицием Севером в конце IV в.

⁸ Venantius Fortunatus 1888. 20, 27, 29, 32, 34, 35, 38. Венанций Фортунат 2012. 20: 196-197; 27: 199-200; 29: 200; 32: 201; 34-35: 202; 38: 204.

⁹ Ibid. 34, 37. Там же. 34: 202; 37: 203.

¹⁰ Ibid. 28, 30, 33. Там же. 28: 200; 30: 200-201; 33: 201-202.

¹¹ Ibid. 38. Там же. 38: 204.

¹² Ibid. 31. Там же. 31: 201.

¹³ См. об этом: Бикеева 2009: 72-88; Bikeeva N. 2014: 72-90.

¹⁴ Vaudonivia 1888. 2. Баудонивия 2017. 2: 312.

¹⁵ Ibid. 16. Баудонивия 2018. 16: 209-213.

¹⁶ Ibid. 10. Баудонивия 2017. 10: 322-324.

¹⁷ Ibid. 8-10. Там же. 8-10: 318-324

ды¹⁸, рядом с которой совершались многочисленные чудеса исцеления. Баудонивия представила королеву-монахиню как духовного патрона монастыря св. Креста, г. Пуатье и всего франкского королевства. Значимые христианские реликвии¹⁹, хранившиеся в аббатстве св. Креста, стали в дальнейшем объектом многочисленных паломничеств. Хотя прямых свидетельств у нас нет, можно предположить, что впоследствии имело место соперничество между обителью св. Креста (где хранилась знаменитая христианская реликвия – фрагмент Животворящего Креста) и церковью св. Радегунды (местом погребения королевы-монахини).

С XI в. начинается новый этап в развитии культа святой. Это нашло отражение в серии мероприятий. На месте разрушенной во второй половине IX в. церкви св. Радегунды²⁰, в 1083 г. была построена новая²¹, где с тех пор находилась могила святой королевы. Кроме того, около 1100 г. в Пуатье была создана роскошная иллюстрированная рукопись, посвященная св. Радегунде²². Первоначально она содержала тексты двух первых житий святой, но до настоящего времени дошла только часть рукописи. Сохранился текст жития Фортуната и около десяти великолепных миниатюр, на которых показаны эпизоды из жизни Радегунды и чудеса, совершенные ею. Великолепие красок и орнамента убедительно свидетельствуют о почитании святой в этот период. Хотя подобные иллюстрированные рукописи, посвященные святым основателям монастырей, не являются редкостью в Средние века, этот манускрипт, несомненно, один из самых красивых и первый, посвященный женщине²³.

На рубеже XI–XII вв. было создано новое житие, посвященное Радегунде²⁴. Автором его стал церковный деятель, писатель и поэт Хильдеберт Лаварденский (1055–1133). Он происходил из небогатого семейства и получил образование в соборных школах, которые только начинали распространять знание за пределами монастырей. Французский историк Жак Деларен относит Хильдеберта к числу самых образованных, влиятельных и плодовитых в литературном отношении религиозных деятелей рубежа XI–XII вв.²⁵ В этот период духовного возрождения, вызванного кляунийскими реформами, многие живущие в миру прелаты считали своей прямой обязанностью в проповедях и в пись-

¹⁸ После смерти Радегунда была похоронена не в своём монастыре, а в церкви, находящейся вне городских стен Пуатье, так как в эпоху Меровингов по санитарным причинам сохранялась романская традиция захоронений за пределами городских стен. Эта церковь в дальнейшем была названа базиликой Св. Радегунды (Baudonivia 1888. 23. Баудонивия 2018. 23: 220–221).

¹⁹ Baudonivia. 1888. 15–16. Баудонивия 2018. 15–16: 207–213.

²⁰ Kleinmann 2001: 42–43.

²¹ Favreau 1994: 97.

²² По мнению исследователей, этот манускрипт – настоящая «жемчужина XI в.». Он хранится в публичной библиотеке г. Пуатье (См.: Carrasco 1990: 414).

²³ Carrasco 1990: 414–415.

²⁴ Hildebert de Lavardin 2005: 89–118.

²⁵ Деларен 2009: 26, 24.

менных сочинениях размышлять о природе человечества, чтобы указать ему дорогу к спасению. Также авторы этого времени пытаются определить место, отведённое в божественном замысле женщинам²⁶.

Хильдеберт стал епископом Ле Мана в 1106 г., а в 1125 г. – архиепископом Турским. Он часто бывал в Пуатье, расположенном недалеко от Тура. Хотя «слава его была не столь громкой, как известность его современников Ансельма Кентерберийского и Иво Шартрского, с которыми он часто общался»²⁷, он играл активную роль в политической и религиозной борьбе своего времени. При этом Хильдеберт был духовным пастырем знатных прихожанок²⁸. Он был знаток и любитель классической поэзии, пользовался большой известностью как автор различных сочинений: теологических трактатов, библейских комментариев, агиографических текстов, поэзии, проповедей, писем²⁹. Вероятно, поэтому к нему обратились с просьбой написать новую духовную биографию Радегунды³⁰. Хильдеберт был хорошо знаком с её двумя ранними житиями: «Я прибежал одновременно к записям и Фортуната, и монахини Баудонивии»³¹, пишет он в прологе, но он не просто механически соединил два более ранних текста житий св. Радегунды. Хильдеберт представил новую версию духовной биографии королевы-монахини, объединив и переосмыслив сведения, полученные у ее первых агиографов.

Хильдеберт, являясь, как и Фортунат, епископом, следует именно его житию. Он прямо указывает на это в прологе: «Я решил следовать Фортунату, житие которого, равно как и его епископское достоинство, представляет наибольший авторитет», а также отмечает, что он добавит «некоторые чудеса, которые не были описаны Фортунатом, но о которых сохранилась память... но лишь о самых достойных из них»³². И советует читателю, если тот захочет узнать о других чудесах, совершенных Радегундой, обратиться к сочинению Баудонивии³³.

Однако, если в житии Фортуната акцентируется отвержение Радегундой королевского статуса и королевских одеяний, то в тексте Хильдеберта, напротив, подчеркивается знатность Радегунды, тем самым со-

²⁶ Carrasco 1990: 433–434.

²⁷ Деларен 2009: 26.

²⁸ Например, Хильдеберт отправил как минимум семь наставительных писем Адели Блуасской (ум. 1137), дочери Вильгельма Завоевателя (Деларен 2009: 38).

²⁹ Harris 1995: 858–859.

³⁰ В прологе жития Радегунды Хильдеберт упоминает некоего Сеймара, благодаря проповедям которого он осмелился написать эту духовную биографию. Как пишет Хильдеберт: «Тебе (т.е. Сеймару – Н.Б.) решать судьбу моего сочинения, когда оно будет закончено. Оно не попадет в другие руки до того, как ты... удалишь то, что должно быть отринуту, или представишь публике то, что было тобой одобрено...» (Здесь и далее перевод жития св. Радегунды Хильдеберта Лаварденского выполнен Н.Ю. Бикеевой и Н.С. Назарьевой)

³¹ Hildebert de Lavardin 2005. Prologue: 89.

³² Ibid. Prologue: 89.

³³ Хотя, как можно увидеть далее из сочинения Хильдеберта, он все же заимствует информацию из текста Баудонивии.

дается образ благочестивой королевы. Хильдеберт указывает, что «её благородство не недавнее, но древнего происхождения». Живя до замужества на королевской вилле в Атье, Радегунда была окружена людьми «самых почтенных нравов и самых прославленных родов, под руководством которых она изучала грамоту»³⁴. Хильдеберт отмечает, что она была обучена началам свободных искусств. Фортунат и Баудонивия общаются только о знакомстве её с христианской литературой.

В отличие от авторов ранних житий Радегунды, Хильдеберт описывает ее внешность в расчете на интерес к этому своих читательниц. Ведь адресатами епископа были, прежде всего, знатные дамы. Поэтому Хильдеберт сделал Радегунду примером для высокородных аристократок, с которыми вёл переписку. Во второй главе жития св. Радегунды он пишет, что «она была приятна на вид»³⁵. При этом в его тексте часто встречаются нравоучительные ноты, предназначенные для знатных особ: «Она далека от изменчивого женского непостоянства, ей не свойственна искусственная красота. Никакой хитрости на лице, никакого тщеславия в её речи»³⁶. Подобного описания внешности и манер мы не встречаем ни у Фортуната, ни, тем более, у Баудонивии. В этом отчётливо проявляются пастырские функции тогдашнего епископа Ле Мана.

«Будучи королевой, в праздничные дни она носила одежды, вышитые золотом, и когда девушки из её свиты делали ей комплименты она сокрушалась, глубоко вздыхая, что недостойна таких одежд. Вскоре она избавилась от этих одежд и отдала их одной церкви, для её содержания и украшения. Кроме того, если ей дарили украшения из драгоценных камней, пурпурные одежды и дорогие сорочки, она отдавала всё на алтарь и на церковные украшения»³⁷.

Особенно много внимания Хильдеберт уделяет рассуждениям о важности сохранения девственности. Он наставляет своих знатных читательниц: «За детей платят высокую цену: их зачатие – угроза целомудрию, а их рождение – угроза для жизни»³⁸. Автор третьего жития св. Радегунды пишет о сохранении девственности своей героини до ее вступления в брак. Также Хильдеберт обращает внимание на её стремление избежать исполнения супружеских обязанностей в дальнейшем: «...Среди соблазнов мира и женской природы она испытывала непримиримую ненависть к тому, что угрожало целомудрию, тоскуя только о духовной красоте». Хильдеберт утверждает, что, даже «выйдя замуж за смертного короля, она не потеряла благодати небесного правителя»³⁹. Радегунда была «только с виду связана браком» с Хлотарем. При этом она «своим целомудрием смягчала нетерпеливое желание супруга»⁴⁰.

³⁴ Hildebert de Lavardin 2005. 2: 90.

³⁵ Ibidem.

³⁶ Ibid. 5: 91.

³⁷ Ibid. 17: 98.

³⁸ Цит. по: Деларен 2009: 36.

³⁹ Hildebert de Lavardin 2005. 44: 92. Эта тема получит в дальнейшем развитие в средневековой агиографии. – См.: Tilliet 1989: 381-406.

⁴⁰ Hildebert de Lavardin 2005. 7: 92.

Приведем ещё один интересный пассаж из текста Хильдеберта: «Она умела совмещать брак и целомудрие, и её дом был свободен от низости и распутства». Подобных акцентов мы не встречаем в двух ранних житиях. Складывается впечатление, что Хильдеберт описывает идеальную обстановку знатного и богатого дома, наставляя на путь истинный своих высокородных современниц: «Там не бывало собраний молодых людей и разговоров, вредящих добродетели. Слуги были воспитаны в чистоте нравов, скорее благодаря достойному образу, чем розгам»⁴¹.

Превосходство и ценность девственности были провозглашены под влиянием клонийской и григорианской реформ, а воздержание стало считаться похвальным не только для клириков, но и для мирян, особенно для женщин. Поэтому автора третьего жития гораздо больше, чем его раннесредневековых предшественников, волнует проблема потери девственности своей героиней⁴². Не случайно он вновь и вновь возвращается к этой теме в тексте жития св. Радегунды:

«Что же сказать о супружеской близости? Она всегда этому благоприствовала, чтобы быть приятной своему мужу, а не для того, чтобы удовлетворить желания чувств. Чтобы не допустить искушения своего мужа Сатаной, она исполняла супружеские обязанности, не отказываясь от них. Таким образом, если и случился грех по вине её мужа или по сладострастию объятий, она спешила немедленно его смыть, не только слезами, но и умерщвлением своей плоти»⁴³.

В своём сочинении Хильдеберт выступает апологетом Радегунды, всеми способами стараясь оправдать её:

«Также королева подчинилась супружескому долгу, сохраняя своё целомудрие, не умаляя свою добродетель, не отказывая своему мужу в своём расположении. Некоторые люди говорили, что король взял в жены скорее монахиню, чем светскую женщину. И сам король, который не выносил такой набожности, обвинял свою супругу в том, что она использовала религию как отговорку, добавляя, что такая строгость совершенно несовместима с браком, и что она должна быть нежной и приятной со своим мужем, как и муж со своей женой. Эти упреки не могли отговорить дочь Христа от её святого замысла. Она умиротворяла горечь короля своими нежными речами»⁴⁴.

Хильдеберт, следуя в данном случае тексту Венанция Фортуната⁴⁵, по-иному расставляет акценты, ставя перед собой задачу совместить образы смиренной и послушной супруги и целомудренной христианки.

⁴¹ Ibid. 10: 94.

⁴² Как указывает Деларен, в житиях св. Радегунды, написанных после Хильдеберта Лаварденского, «многие посредственные агиографы рассказывали, будто между Радегундой и Хлотарем... не было супружеских отношений» (Деларен 2009. С. 37).

⁴³ Ibid. 11: 94-95.

⁴⁴ Ibidem.

⁴⁵ «Ночью, когда ей приходилось ложиться в постель со своим коронованным мужем, она просила у него позволения выйти для отправления своих человеческих нужд, и покинув комнату, очень долго в уединенном месте склонялась ниц в молитвах, набросив власницу, лежала, пока холод не пробирал ее насквозь, и только душа ее оставалась согретой; умерщвляя плоть, не заботясь о теле, она в своих мыслях пребывала в Раю, считая свои страдания незначительными, лишь бы не умалить себя перед Христом. Вернувшись в комнату, она с трудом могла согреться у очага или в по-

В отличие от двух более ранних житий Радегунды, в сочинении Хильдеберта более акцентирован и тоpos заботы о бедных⁴⁶. Историки пишут о возрастании в конце XI в. активности знатных женщин в деле основания монастырей и пожертвований церквям и монастырям, а также бедным и больным⁴⁷. Так, например, наиболее активным и известным патроном графства Пуату была Агнесса, супруга Жоффруа Мартела, графа Анжу. Ею была основана церковь и дом для бедных в Пуатье⁴⁸. Исследователи отмечают возрастание благочестия мирян под влиянием клюнийской и григорианской реформ⁴⁹. Призыв к возвращению к евангельской чистоте ранней церкви, возродил идеалы добровольной бедности и аскетизма. Поэтому Хильдеберт подчеркивает подобные аспекты деятельности и в житии Радегунды. Всё, что она получала в качестве приданого и подарков от своего супруга, она полностью передавала на нужды бедняков. Другое свое имущество она передавала Церкви, оставляла лишь часть на собственные нужды, «принимая во внимание её королевское положение»⁵⁰. Хильдеберт, будучи епископом, отстаивает интересы церкви, в т.ч. материальные. Много внимания он уделяет теме даров и пожертвований влиятельных и знатных мирян на нужды церкви. Так, в тексте жития Радегунды он указывает, что она не только следовала наставлениям священников, но и «никто из них не был обременён поборами, никто не был угнетён злоупотреблениями со стороны королевской власти». Более того, «она считала себя виноватой, если Божьи посланники находились в нищете, в то время как она была богатой, будучи королевой»⁵¹. Хильдеберт подчеркивает щедрость Радегунды в отношении церквей и после её ухода в монастырь⁵².

В атмосфере григорианских реформ Хильдеберт создаёт образ Радегунды, которая выполняет многие епископские общественные заботы⁵³. Хотя святая королева не появляется на страницах жития в роли проповедника перед толпой мирян⁵⁴, она занимается благотворительностью, раздачей пищи бедным и больным. Эти традиционные образы женской заботы становятся новыми духовными ориентирами для благо-

---

стели. Поэтому говорили, что король взял себе в жены монахиню, а не королеву. Ее доброта вызывала у него сильное раздражение, но Радегунда отчасти успокаивала его, отчасти терпела, осторожно возражая супругу» (Venantius Fortunatus. 1888. 5; Венанций Фортунат. 2012. 5: 191).

⁴⁶ Хильдеберт пишет о милосердии королевы-монахини к бедным, больным, прокажённым: Hildebert de Lavardin 2005. 30-32: 106-108; 38: 110-111.

⁴⁷ См.: Мартен 2018: 100-114.

⁴⁸ Carrasco: 433.

⁴⁹ Хильдеберт стал епископом примерно четверть века спустя после понтификата Григория VII. Он занял свой пост в результате эпического путешествия Урбана II, в котором Папа проповедовал крестовый поход во Франции (Деларен 2009: 27).

⁵⁰ Hildebert de Lavardin 2005. 8: 93.

⁵¹ Ibidem.

⁵² Ibid. 19: 100.

⁵³ Ibid. 13: 71.

⁵⁴ Этот вид деятельности аббатов и епископов был невозможен в то время для женщин.

честивых знатных женщин. Наряду с популярными в христианской литературе представлениями о женщинах как соблазнительницах или сосудах греха, в XI–XII вв. появляются и распространяются новые положительные образы женской социальной активности на ниве благотворительности и заботы о бедных и немощных⁵⁵.

Во всех трёх житиях св. Радегунды её сравнивают с библейскими сестрами Лазаря из Вифании – Марфой и Марией⁵⁶. Первая была олицетворением деятельного поведения, вторая – созерцательного. Если Фортунат сравнивает Радегунду с деятельной Марфой⁵⁷, а Баудонивия скорее с Марией⁵⁸, то автор рубежа XI–XII вв., в соответствии с веяниями времени пытается объединить оба образа: «Было сложно понять, кого больше напоминало её поведение – Марфу или Марию»⁵⁹. Как и Фортунат, Хильдеберт описывает хозяйственную деятельность Радегунды⁶⁰. Но у него, как у Баудонивии, подчеркивается и сходство с созерцательной Марией⁶¹. Подобно Баудонивии, Хильдеберт не оставляет без внимания и миротворческую деятельность Радегунды⁶². Этот синтез активного и созерцательного идеалов сделал образ Радегунды особенно подходящим для данной эпохи. Примечательно, что исследователи отмечают возрастание в XI–XII вв. интереса к Марфе как воплощению духовного типа равного по ценности созерцательной преданности Марии⁶³.

Супруг Радегунды король Хлотарь представлен в первом её житии, написанном Венанцием Фортунатом, в основном в негативном свете. Однако уже во второй духовной биографии святой королевы Баудонивия сглаживает эти моменты, подчеркнув роль Хлотаря в финансировании основанного Радегундой конвента св. Креста в Пуатье⁶⁴. Хильдеберт, и в этом можно увидеть сходство с Баудонивией, также проявляет уважение к королевской власти, указав на помощь короля Хлотаря при основании монастыря св. Креста в Пуатье⁶⁵. Повествуя о жизни Радегунды после её ухода в монастырь, Хильдеберт практически пересказывает все аскетические практики, которые описал Фортунат⁶⁶. Как и раннесредневековые авторы житий св. Радегунды, Хильдеберт уделяет большое внимание описанию чудес, он пересказывает истории исцеле-

⁵⁵ Carrasco: 433.

⁵⁶ См.: Лк. 10, 38–42. В Средние века достаточно часто противопоставляли Марфу и Марию, действие и созерцание.

⁵⁷ Venantius Fortunatus 1888. 17; Венанций Фортунат. 2012. 17: 196.

⁵⁸ Baudonivia 1888. 10; Баудонивия. 2017. 10: 323.

⁵⁹ Hildebert de Lavardin 2005. 14: 97.

⁶⁰ Ibid. 34: 108–109; 36. 109–110.

⁶¹ Ibid. 35–37: 109–110.

⁶² Ibid. 40: 111–112.

⁶³ Carrasco: 433.

⁶⁴ Baudonivia 1888. 5; Баудонивия. 2017. 5: 315.

⁶⁵ Hildebert de Lavardin 2005. 22: 101–102.

⁶⁶ Ibid. 25–29: 103–106.

ния⁶⁷, возрождения мертвых⁶⁸, усмирения природных сил⁶⁹, перенесения дерева⁷⁰, изгнания демонов⁷¹, о неиссякаемом бочонке с вином⁷², верете-не и мыши⁷³ и т.д., которые были представлены в текстах Фортуната и Баудонивии. Трудно выделить, кому в описании чудес больше следует Хильдеберт. Он внимательно ознакомился и использовал в равной степени сюжеты обоих раннесредневековых житий. Так, автор третьего жития описывает видение Радегунды⁷⁴, о котором рассказывает Баудонивия⁷⁵. Фортунат об этом не писал. В отличие от Баудонивии⁷⁶, Хильдеберт, как и Фортунат, не описывает похорон Радегунды, только в последней главе упоминает о её смерти⁷⁷.

В целом, Хильдеберт, как он и указал в прологе, в основном следует тексту Фортуната, немного смягчив его описание аскетических практик Радегунды и не повторяя негативного отношения позднеантичного автора к королю Хлотарю. По сравнению с Фортунатом, автор третьего жития при описании схожих сюжетов акцентирует внимание не столько на смирении и отказе от земных благ своей героини, сколько на её щедрости в отношении церкви и бедных, т.е. Хильдебертом более подчеркивается общественная значимость деяний Радегунды. Из текста Баудонивии не взяты описание поиска и обретения значимых христианских реликвий⁷⁸, эпизод с искоренением язычества⁷⁹, и наказание служанки за то, что та осмелилась сесть в кресло Радегунды⁸⁰. Меньше внимания Хильдеберт уделяет и обучению монахинь чтению⁸¹, хотя в его житии Радегунда предстаёт грамотной и образованной дамой.

Хильдеберт не раскрыл причины написания нового жития святой. Основываясь на его содержании, можно сделать вывод, что целью соз-

⁶⁷ Ibid. 41-43: 112-113; 48-49: 115-116.

⁶⁸ Ibid. 44: 113-114.

⁶⁹ Ibid. 45: 114.

⁷⁰ Ibid. 46: 114-115.

⁷¹ Ibid. 47: 115.

⁷² Ibid. 51: 117.

⁷³ Ibid. 50: 117.

⁷⁴ Ibid. 52: 117-118.

⁷⁵ *Baudonivia* 1888. 20; *Баудонивия*. 2018. 20: 217-218.

⁷⁶ *Баудонивия* посвящает описанию похорон Радегунды и чудесам, происходящим у её гробницы, значительное место: *Baudonivia* 1888. 21-28; *Баудонивия*. 2018. 21-28: 218-224.

⁷⁷ *Hiltebert de Lavardin* 2005. 53: 118.

⁷⁸ Рассказы об этом составляют центральную и наиболее значимую часть текста *Баудонивии* (*Baudonivia* 1888. 14, 16; *Баудонивия*. 2017. 14: 326-328; *Баудонивия*. 2018. 16: 209-213).

⁷⁹ *Baudonivia* 1888. 5; *Баудонивия*. 2017. 2: 312.

⁸⁰ *Baudonivia* 1888. 5; *Баудонивия*. 2017. 12. 324-325. Вероятно, это противоречило главенствующему в христианской литературе XI–XII вв. образу кроткой и смиренной женщины.

⁸¹ Для *Баудонивии* было важно показать, какое внимание в монастыре св. Креста уделялось чтению и пониманию прочитанного (*Baudonivia* 1888. 8-9; *Баудонивия*. 2017. 8-9: 318-321).

дания данного агиографического сочинения было привлечение паломников в церковь св. Радегунды. В тексте третьего жития оказывается предпочтение именно этой обители и внимание обращено к гробнице святой королевы и чудесам, которые происходят на месте её захоронения. Одновременно Хильдеберт преуменьшает значение конвента св. Креста, главной теме второго жития, написанного Баудонивией. Хильдеберт, как и Венанций Фортунат, ни разу не упомянул о реликвии Животворящего Креста, которая была так важна для аббатства св. Креста. Вместо этого он подчеркивает королевский статус Радегунды, рассказывает о её жизни до ухода в монастырь в качестве супруги короля Хлотаря, ее аскезе и чудесах. В то время как Баудонивия и создатели миниатюр рукописи 1100 г. минимизировали описание самоистязаний и крайностей аскетизма Радегунды, Хильдеберт, подобно Фортунату, наоборот фокусирует внимание на этом. Для Хильдеберта это было способом объяснить, как Радегунда могла быть королевой и святой одновременно.

Таким образом, через 500 лет после смерти св. Радегунды наблюдается возрождение её популярности. Регион Западной Франции в период XI–XII вв. характеризуется исключительным религиозным рвением⁸². Стремление освободить церковные институты от светского контроля – общая тема григорианских реформ. Оно сопровождалось и возращением благочестия мирян, стремлением к возвращению к евангельской чистоте ранней церкви, возрождением идеалов добровольной бедности и аскетизма. И женщины приняли активное участие в этом духовном подъеме: в этот период возросло число женских монастырей в Западной Франции, количество монахинь в уже существующих конвентах также увеличилось⁸³. В основном монастыри пополнялись за счет аристократии, но представительницы низших классов также оказались подвержены общим веяниям духовного обновления⁸⁴.

Синтез активного и созерцательного идеалов, представленный в житии св. Радегунды Хильдеберта Лаварденского сделал образ ранне-средневековой королевы-монахини особенно подходящим для религиозного умонастроения эпохи. Стремление Радегунды проводить жизнь в молитвах, аскезе и благочестивых заботах соединяется с публичной, мирской и политической ролью, сохранявшейся у неё со времен супружества с королем Хлотарем. В отличие от раннехристианских мучеников, Радегунда в тексте Хильдеберта сосредоточена не на личном спасении, а на деятельности в пользу общества, и мирского, и монастырского.

Образы женского участия в общественной жизни трансформировались в новые формы: пиры становятся местом раздачи пищи бедным; приветствуются целомудрие и скромность, благочестивые жены заботятся о бедных и больных. Поэтому прославление добродетелей смирения, благотворительности и материнской заботы Радегунды встретило

⁸² Carrasco: 432-433.

⁸³ Lawrence 2014: 107-145; Skinner 1984: 87-113.

⁸⁴ Carrasco: 432.

отклик у современников. В агиографических текстах в XI-XII вв. зарождается представление о важных социальных функциях женщин.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Бикеева Н.Ю. Образы святой Радегунды в источниках эпохи Меровингов: письма, жития, история, поэзия // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2019. Т. 161, кн. 2-3. С. 43-59. [Bikeeva N.Yu. Obrazy svyatoy Radegundy v istochnikah epohi Merovingov: pis'ma, zhitiya, istoriya, poeziya // Uchen. zap. Kazan. un-ta. Ser. Gumanit. nauki. 2019/ T. 161, kn. 2-3. S. 43-59]
- Бикеева Н.Ю. «Скандал в благородном семействе»: конфликт в женском монастыре в Пуатье в 589-590 гг. // Адам и Ева. Альманах гендерной истории / Под ред. Л.П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2009. № 17. С. 72-88. [Bikeeva N. Yu. "Skandal v blagorodnom semeystve": konflikt v zhenskom monastyre v Puat'e v 589-590 // Adam i Eva. Al'manah gendernoy istorii / Pod red. L.P. Repinoy. M.: IVI RAN, 2009. N 17. S. 72-88]
- Бикеева Н.Ю. Формирование и развитие культа св. Радегунды // Европа святых. Социальные, политические и культурные аспекты святости в Средние века / Отв. ред. С.А. Яцук. СПб.: Алетея, 2018. С. 159-176. [Bikeeva N. Yu. Formirovaniye i razvitiye kul'ta sv. Radegundy // Evropa svyatyh. Social'nyye, politicheskyye i kul'turnyye aspekty svyatosti vSrednie veka / Otv. red. S.A. Yatsuk. SPb.: Aleteya, 2018, S. 159-176]
- Григорий Турский. История франков / Пер. и коммент. В.Д. Савуковой. М., 1987. 464 с. [Griгорий Turskiy. Istoriya frankov. / Per. i comment. V.D. Savukovoy. M., 1987. 464 s.]
- Деларен Ж. Глазами Церкви // История женщин на Западе: в 5 т. Т. II: Молчание Средних веков / под общ. ред. Ж. Дюби и М. Перро; под ред. К. Клапиш-Зубер. СПб.: Алетея, 2009. С. 24-50. [Delaren Zh. Glazami zerkvi // Istoriya zhenshin na Zapade: v 5 t. T. II. Molchaniye Srednih vekov / pod obsh. red. Zh. Dubi i M. Pero; pod red. K. Klapish-Zuber. SPb.: Aleteya, 2009. S. 24-50]
- Мартен Э. и др. Капетинги. История династии (987-1328) / Пер. с франц. Некрасова М.Ю., Карачинского А.Ю. СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2018. 688 с. [Marten E. etc. Kapetingi. Istiriya dinastii (987-1328) / Per. s franc. Nekrasova M.Yu., Karachinskogo A.Yu. SPb.: EVRAZIYA, 2018. 688 s.]
- Baudonivia*. De Vita Sanctae Radegundis // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores Rerum Merovingicarum / Ed. B. Krush. Hannover, 1888. Т. II, V. 2. S. 377-395. Перевод на русский язык: *Будонивия*. Житие святой Радегунды Гл. 1-14 / Пер. с лат., коммент. Н.Ю. Бикеевой // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. / Под ред. Л.П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2017. № 25. С. 306-328 [Baudoniviya. Zhitiye svyatoy Radegundy. Gl. 1-14 / Per. s lat., comment. N.Yu. Bikeevoy // Adam i Eva. Al'manah gendernoy istorii / Pod red. L.P. Repinoy. M.: IVI RAN, 2017. N 25. S. 305-395]; *Будонивия*. Житие святой Радегунды. Гл. 15-28 / Пер. с лат., коммент. Н.Ю. Бикеевой // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. / Под ред. Л.П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2018. № 26. С. 207-225. [Baudoniviya. Zhitiye svyatoy Radegundy. Gl. 15-28 / Per. s lat., comment. N.Yu. Bikeevoy // Adam i Eva. Al'manah gendernoy istorii / Pod red. L.P. Repinoy. M.: IVI RAN, 2018. N 26. S. 207-225]
- Bikeeva N. *Serente diabulo*: The Revolts of the Nuns at Poitiers and Tours in the Late 6th Century / Ecclesia et Violentia: Violence against the Church and Violence within the Church in the Middle Ages. Cambridge Scholars Publishing, 2014. P. 72-90.
- Carrasco M. E. Spirituality in Context: The Romanesque Illustrated Life of St. Radegund of Poitiers (Poitiers, Bibl. Mun., MS 250) // The Art Bulletin. Vol. 72, No. 3 (Sept., 1990). P. 414-435.
- Favreau R. Le culte de sainte Radegonde á Poitiers au Moyen Age // Les Religieuses dans le cloître et dans le monde des origines à nos jours: actes du deuxième colloque international du C.E.R.C.O.R., Poitiers, 29 septembre – 2 octobre 1988. Université de Saint-Etienne, 1994. Pp. 91-110.
- Harris E.K. Hildebert of Lavardin // Medieval France: An Encyclopedia / Ed. William W. Kibler, Grover A. Zinn/ Psychology Press, 1995. P. 858-859.
- Hildebert de Lavardin*. Vie de sainte Radegonde // Radegonde de la couronne au cloître. Association Gilbert de La Porrée. Poitiers (novembre 2005). P. 89-118.

- Kleinmann D. Radegonde, une sainte européenne. Vénération et lieux de veneration dans les pays germanophones. PSR editions, 2001. 270 p.
- Lawrence C.H. Medieval Monasticism: Forms of Religious Life in Western Europe in the Middle Ages. Routledge, 2014. 344p.
- Skinner M. Benedictine life for women in central France, 850–1100: a feminist revival // *Medieval Religious Women I: Distant Echoes* / Ed. J. A. Nichols and L.T. Shank. Kalamazoo, 1984. P. 87-113.
- Tilliette J.-Y. Les modèles de sainteté du IXe au XIe siècle, d'après le témoignage des récits hagiographiques en vers métriques / *Santi e demoni nell'alto medioevo occidentale (secoli V–XI)*, 2 vols. Settimane di studio del Centro italiano di studi sull'alto medioevo, 36; Spoleto, 1989. Pp. 381-406.
- Venantius Fortunatus. De Vita sanctae Radegundis.* // *Monumenta Germaniae Historica. Scriptores Rerum Merovingicarum* / Ed. B. Krush. Hannover, 1888. T. I, V. 2. S. 364-376. Перевод на русский язык: *Венанций Fortunат. Житие святой Радегунды* / Пер. с лат., коммент. Н.Ю. Бикеевой // *Адам и Ева: Альманах гендерной истории*. М.: ИВИ РАН, 2012. № 20. С. 188-204. [Venantciy Fortunat. Zhitiye svyatoj Radegundy / Per. s lat., comment. N.Yu. Bikeevoy // *Adam i Eva. Al'manah gendernoy istorii* / Pod red. L.P. Repinoy. M.: IVI RAN, 2012. N 20. S. 188-204].

Бикеева Наталья Юрьевна, кандидат исторических наук, доцент, кафедра всеобщей истории, Казанский федеральный университет; newbin@mail.ru

Rethinking an early medieval image of a saint: St. Radegund's Life by Hildebert of Lavardin

The article discusses a hagiographic image of St. Radegund, created at the turn of the 11th-12th cc. by the bishop Hildebert of Lavardin on the basis of two early medieval Lives. The former ones were written by the poet and bishop Venantius Fortunatus and the nun Baudonivia 500 years earlier than the new spiritual biography. The author of this article reveals the sociocultural and spiritual context for the writing a new Life, shows the image of the Queen-nun created by Hildebert. By combining and rethinking the spiritual biographies by Fortunatus and Baudonivia, Hildebert made the old image of Radegund more relevant for his time. The desire of the holy Queen to lead an ascetic monastic life is combined with a public, secular and political role for the benefit of society. The heroine of the new life is focused not on her personal salvation, but on social activities. Hildebert presented Radegund as an example for the noble ladies of his time.

Key words: Life, saints, Radegund, Hildebert of Lavardin, hagiography, Venantius Fortunatus, Baudonivia

Natalya Bikeyeva, PhD, Associate professor, Department of World History, Kazan Federal University; newbin@mail.ru

«ЛЕНИНСКИЙ МИФ» В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ И КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЕ КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Статья посвящена рассмотрению процесса сотворения, функционирования и распада локального «ленинского мифа», на десятилетия определившего традицию, историописание, коллективную память и саморепрезентацию Казанского университета, – мифа о начале в его стенах революционной биографии В.И. Ульянова-Ленина. Утратив ключевую позицию в современном официальном коммеморативном нарративе об университете и практиках саморепрезентации, «ленинский миф» остается частью исторической памяти и катакомбной университетской культуры, а его отдельные формализованные элементы используются и вытесняющим его официальным бюрократическим дискурсом и творимой им новой традицией.

Ключевые слова: историческая память, политический миф, университетская культура, Казанский университет, В.И. Ленин

В XX – начале XXI в. университеты в России пережили, по крайней мере, два крупных потрясения, связанных с радикальными преобразованиями общества. Первое было обусловлено революцией 1917 г. и последовавшей перестройкой всей системы высшей школы в соответствии с представлениями победившего большевистского режима о ее функциях и предназначении. Второе было частично связано с распространением на научно-образовательную систему страны негативной общей тенденции к менеджеризации университетов¹, принявшей на российской почве гипертрофированные формы и приведшей к формализации и бюрократизации научной и преподавательской работы в соответствии с политической задачей вхождения в топы мировых рейтингов². Болезненные процессы слома прежней структуры российских университетов, системы управления ими и взаимодействия с властями «извне» и «изнутри», организации учебного и научного процесса, процедур отбора студентов и преподавателей, хабитуса, кодекса поведения и взаимоотношений университетских людей сопровождались переструктурированием и качественной переоценкой исторической памяти об университете и памяти университетской корпорации о себе самой, частичным дезавуированием университетской традиции и ее переизобретением.

В статье рассматривается судьба рожденного в первые советские годы и на десятилетия определившего коллективную память и саморепрезентацию Казанского университета мифа о начале революционной биографии будущего основателя советского государства В.И. Ульянова-Ленина, как составной части «большого ленинского мифа»³. Мы опираемся на понимание мифа как элемента идеологии, как составной части политической мифологии – эмоционально окрашенного представления

---

¹ См., напр.: Readings 1996.

² См., напр.: Хагуров 2011; Колесникова 2012; Мальшева 2016; Балмасова 2016

³ О советском мифе о Ленине см.: Tumarkin 1983; Stites 1989; Ennker 1997 и др.

о политической действительности, замещающего реальное представление о ней и укореняющегося в массовом сознании, способствующего установлению определенных поведенческих стереотипов.

Университетская традиция, «изобретавшаяся» в Казанском императорском университете с момента его основания в 1804 г. на протяжении XIX в.⁴, в создании которой немалую роль сыграли празднества и юбилеи⁵, удивительным образом сочетала идеалы служения Истине, Науке и Просвещению, принципы автономии и корпоративности и – задачи служения государственным целям и воспитания чиновников для правительственного аппарата и других нужд государства. «Революционный» миф и традиция Казанского государственного университета, в значительной степени заместившие прежние, базировались на факте недолгого (менее семестра) обучения в его стенах Владимира Ульянова, прерванного после его участия в студенческой сходке.

Осенью 1887 г. 17-летний Володя Ульянов, окончив Симбирскую гимназию, поступил на юридический факультет Императорского Казанского университета. Ни получению им золотой медали по окончании гимназии, ни поступлению в университет не помешало то обстоятельство, что весной того же года его старший брат, студент Петербургского университета Александр Ульянов, был казнен за подготовку покушения на жизнь Александра III. Той осенью в высших учебных заведениях Москвы, Петербурга, Одессы, Харькова прошли открытые студенческие выступления против запретительных правил, ущемлявших свободы и права студентов на корпоративные действия. 4 декабря 1887 г. в Казанском университете также состоялась сходка более 350 студентов, вручивших ректору Н.А. Кремлеву петицию с требованиями демократизации университетского устава. Среди этих студентов был и первокурсник В. Ульянов, являвшийся рядовым участником, но отнюдь не инициатором или руководителем сходки. Он был арестован в числе 39 человек, и так же, как и они, написал прошение об отчислении из университета. Бунтарям было предложено на время покинуть город, и Ульянов выбрал на жительство имение его деда по матери, Александра Бланка – деревню Кокушкино неподалеку от Казани⁶. Спустя почти сорок лет эти события стали основой для создания мифа о Казанском университете как месте «первого шага в революцию» «вождя мирового пролетариата».

Ленин всегда был представлен в этом мифе не просто как выдающийся молодой революционер, но и как фигура канонического типа русского революционно настроенного, прогрессивно мыслящего студента. А Казанский университет представал, с одной стороны, как сакральное пространство – своеобразная «колыбель революции», а с другой, как место осуждения и отвержения студента-революционера имперской властью.

⁴ Об изобретении традиции см.: Хобсбаум 2000.

⁵ См.: Вишленкова, Сальникова 2004 и др.

⁶ См.: Литвин 2004; К дню рождения Ленина 2011.

Создание мифа

Университетская корпорация без восторга встретила смену власти в октябре 1917 г.: Совет университета 9 декабря 1917 г. поддержал резолюцию Харьковского университета, осудившего захват власти в стране «группой фанатиков и темных дельцов». В 1918 г., когда в ходе гражданской войны Казань около месяца находилась под властью Комитета членов Учредительного собрания (Комуч), Совет Казанского университета, его профессура публично поддержали Комуч и Народную Армию. С отступающей армией Комуча Казань покинули около сотни профессоров, преподавателей и сотрудников университета. В 1922 г. профессора Казанского университета открыто выступили с протестом против университетской политики советской власти. Руководители «казанской забастовки» – ректор А.А. Овчинников и профессора И.А. Стратонов и Г.Я. Трошин были высланы из страны на так называемых «философских пароходах» в составе большой группы российской интеллигенции⁷.

Эти события дали советской власти повод не сомневаться в настроениях профессуры и ее отношении к новому режиму. В условиях дефицита университетской политической лояльности, необходимости слома сопротивления старой профессуры и насаждения «советскости» новое руководство университета испытывало потребность в легитимации университета в качестве учебного заведения с революционными традициями. История университетского «ленинского мифа» начинается с 1924 г., когда в стране после смерти Ленина набирает обороты формирование его культа. Запрос на изобретение этого локального мифа удачно вписывался в общий тренд активно шедших тогда взаимосвязанных политико-идеологических процессов: посмертного конструирования биографии Ленина и его мемориализации; конструирования «советскости» как базовой характеристики нового человека; «коммунизации» и «орабочивания» всех профессиональных сообществ страны и соответствующей перестройки взаимоотношений между ними и внутри них.

«Позорное пятно» – факт исключения В. Ульянова из университета в результате сходки и саму сходку можно было обратить в важный символический ресурс. В декабре 1922 г. в Казанском университете отмечалось 35-летие сходки 1887 г. Студенты отправили Ленину письмо, в котором позиционировали его как «старого студента нашего университета», а себя – как продолжателей его дела социального переустройства мира. На собрании коллектива университета было предложено присвоить ему имя Ленина. В марте 1923 г. Ленин был избран почетным членом Ученого совета университета. Но тогда эти попытки остались без последствий. Смерть Ленина побудила возобновить их. В траурные январские дни 1924 г. руководство Казанского университета направило соболезнования по случаю смерти Ленина в Центральный Исполнительный комитет Советов Татарской республики (ТатЦИК). В этом документе подчеркивалась эксклюзивность скорби университета по его ис-

⁷ Султанбеков, Малышева 1996: 48-70.

ключенному студенту, особая тяжесть этой утраты для Казанского университета: поскольку «к ней примешивается еще сознание, горечь того позорного пятна, которое осталось на Казанском университете от руки царских опричников»⁸. 24 января 1924 г. правление, а 27 января 1924 г. Совет Казанского университета на открытом заседании приняли решение ходатайствовать перед правительством о присвоении ему имени вождя революции и основателя советского государства. После полуторагодового ожидания, 26 июня 1925 г. решением ЦИК СССР Казанскому университету оно было присвоено. Старая надпись на фронтоне главного здания «Императорский университет», в ожидании решения правительства затянута черной материей, 29 июня 1925 г. была заменена надписью: «Казанский государственный университет имени В.И. Ульянова-Ленина»⁹. Большие портреты Ленина были установлены в Актовом зале университета и в зале заседаний Правления.

Ключевой для «революционного мифа» момент – сходка и участие в ней Ленина как начало его революционной биографии, был уже в 1920-е гг. не бесспорен. Он нередко сознательно игнорировался столичными творцами советской исторической мифологии. Так, в инсценировке Пролеткульта, разосланной ко Дню памяти Ленина в 1926 г. в его провинциальные отделения, Ленина исключали из Казанского университета не за его личное участие в сходке, а как брата казненного революционера А.И. Ульянова¹⁰. Однако уже в 1920-гг. миф о начале революционной биографии Ленина в Казанском университете был активно поддержан мемуаристами. Так, бывший студент юридического факультета Казанского университета, историк В.В. Адоратский вскоре после смерти Ленина в 1924 г. вспомнил беседу с ним двадцатилетней давности. По словам Адоратского, Ленин вспомнил «один случай в связи со студенческими беспорядками, случившимися в конце 1887 г. В чем было дело и из-за чего произошла вся история, Владимир Ильич тогда уже не помнил». Зато Ленин рассказал о разговоре с арестовавшим его приставом, укорившем: «ну, что вы бунтуете, молодой человек, ведь стена!», на что юный Ульянов якобы ответил: «Стена, да гнилая – ткни и развалится!»¹¹. Факт «незначительности» не запомнившихся Ильичу «беспорядков» как-то оказался забыт, а фраза стала хрестоматийной. В 1933 г. был опубликован набросок автобиографии Ленина, написанный в мае 1917 г., в котором тот обрисовал начало своей революционной биографии так: «Весной 1887 г. мой старший брат Александр казнен Александром III за покушение (1 марта 1887 года) на его жизнь. В декабре 1887 г. я был первый раз арестован и исключен из Казанского университета за студенческие волнения; затем выслан из Казани»¹².

⁸ ГАРТ. Ф. Р-732. Оп. 1. Д. 514. Л. 12.

⁹ Литвин 2004.

¹⁰ РГАЛИ. Ф. 1230. Оп. 1. Д. 132. Л. 32.

¹¹ Адоратский 1924: 93–94.

¹² Ленин 1933: 57.

история – двухтомник профессора-историка Казанского университета М.К. Корбута «Казанский государственный университет имени В.И. Ульянова-Ленина за 125 лет» (1930) – акцентировала преимущества советской университетской культуры, возвращенной якобы на имманентно присущей университету революционной традиции, которую как нельзя лучше подтверждал «казанский период» в биографии Ленина: во второй том была включена отдельная глава, посвященная сходке 1887 г. и участию в ней В. Ульянова-Ленина¹⁵. Впоследствии, в 1954, 1977, 1979 гг., этот текст воспроизводился в университетских нарративах к каждой юбилейной дате¹⁶, а также в работах университетских лениноведов¹⁷.

Места памяти: символы и ритуалы

На протяжении советских десятилетий миф о Ленине и Казанском университете как месте начала его революционной деятельности являлся значимым символическим капиталом университета, прираставшим не только новыми научными и литературными нарративами, но и мемориальными объектами, в которых он материализовывался и музеефицировался. Революционный миф и традиция требовали особого пространства для ритуализации¹⁸.

Уже в 1920-е гг. была сделана попытка создать в центре Казани ленинскую мемориально-пропагандистскую зону, т.н. «Ленинский уголок», который должен был стать «живым рассадником идей и заветов В.И. Ленина» и «местом ритуального общения» студенчества с «вождем мирового пролетариата». Этот комплекс, помимо Казанского университета, должен был включить Ленинский сад с памятником Ленину, а также ряд улиц и кварталов городского центра, в которых предполагалось сосредоточить детские и образовательные учреждения¹⁹. Но проект остался реализованным лишь частично: 7 ноября 1924 г. здесь был установлен бюст вождя, замененный в 1925 г. на бронзовый памятник. А спустя 30 лет, в ноябре 1954 г., в канун 150-летнего юбилея Казанского университета, на разбитой перед главным университетским корпусом площади, не получившей официального названия, но прозванной за ее полуциркульную форму «сковородкой», был установлен выполненный в бронзе и граните памятник студенту Володе Ульянову работы скульптора В.Е. Цигалы, ставший стержнем всего университетского архитектурно-символического пространства. У памятника традиционно проходили значимые университетские мероприятия (праздничные митинги, возложение цветов в день рождения Ленина и др.). Но для студентов он оставался, прежде всего, деидеологизированным символом студенческого братства и свободы, тесно ассоциированным с образом самого Казанского университета и памятью о нем: как писал впоследствии один

¹⁵ Корбут 1930.

¹⁶ См. подробно: Вишленкова, Сальникова 2004.

¹⁷ Нафигов 1970; Бурнашева, Нафигов 1977 и др.

¹⁸ См.: Вишленкова, Мальшева, Сальникова 2007: 64–65.

¹⁹ См.: Мальшева 2005: 220–221; Сальникова 2017: 227.

из студентов, «памятник молодому Володе Ульянову... Для меня это – университет»²⁰. В том же, 1954 г., улица Чернышевского, на которой располагался главный корпус университета и памятник Ульянову-студенту, была переименована в улицу Ленина.

Однако одних памятников и новых топонимов для материализации и сигнификации мифа оказалось недостаточно. Вскоре после Великой Отечественной войны, в 1948 г., в Казанском университете открылась для посещения ленинская мемориальная аудитория. Первоначально экспозиция освещала весь поволжский период жизни Ленина, но в 1960 г., к его 90-летию, экспозиция была перестроена, и главное место в ней заняла презентация событий сходки 1887 г.

Своего апогея миф о вожде достиг в 1970-е гг., на которые пришлось сразу несколько важнейших памятных дат: 100-летний юбилей Ленина в 1970 г., юбилей 90-летия сходки в 1977 г. и 175-летний юбилей самого университета в 1979 г.

17 апреля 1970 г. в Казанском университете состоялось торжественное открытие Ленинской мемориальной зоны – музейного комплекса, где до мельчайших деталей был восстановлен интерьер университетских помещений 1880-х гг. – времени, когда Володя Ульянов был студентом: чугунная лестница, ведущая в Актный зал, где проходила сходка, сам зал, учебная аудитория № 7 юридического факультета, где учился будущий вождь. В этой сакральной зоне читалась первая лекция по обязательному для студентов всех факультетов курсу истории КПСС, в который особый акцент делался на роли и месте В.И. Ленина в Казанском университете, здесь вручались комсомольские билеты и проводились встречи с ветеранами, здесь чествовали лучших сотрудников и студентов. В апреле 1970 г. Евгений Евтушенко впервые прочитал в мемориальном Актном зале только что написанную им к юбилею Ленина поэму «Казанский университет», в которой, вслед за Маяковским, вновь обращался к студентам университета как наследникам и продолжателям дела великого вождя:

Семнадцатилетняя смелость
Завещана Лениным
вам,
Семнадцатилетняя зрелость
Завещана Лениным
вам.
И выбрав свой путь
на распутье,
Ступая в завещанный
след,
Семнадцатилетние, будьте,
Как Ленин семнадцати лет!²¹

²⁰ Из анкет...

²¹ Евтушенко 1971.

90-летний юбилей сходки праздновался с особым размахом. Среди проведенных мероприятий было и торжественное собрание, и праздничный концерт, и факельное шествие, и возложение венков к памятнику Володе Ульянову, и студенческий митинг под девизом «Идеям Ленина верны!», и посещение деревни Ленино-Кокучкино, и всесоюзная научно-теоретическая конференция, посвященная казанскому периоду жизни Ленина, и конкурс политической песни, и Ленинские чтения, и художественная выставка «Образ молодого Ленина в произведениях советских мастеров искусств». Участники торжеств приняли обращение к молодежи всей страны: «Жить, учиться и работать по-ленински!».

Именно в 1970-е гг. в Казанском университете происходит «затверждение» и формализация ритуального чествования и коммеморации вождя, маркировавших и структурировавших всю университетскую повседневность: первый студенческий день 1 сентября начинался с торжественной линейки первокурсников и митинга у памятника Володе Ульянову; затем в историческом Актовом зале им рассказывали о сходке и славных ленинских традициях; 16 декабря ежегодно проходила инсценировка сходки 1887 г.; к 22 апреля приурочивалась Ленинская неделя, включавшая в себя Ленинские уроки, итоговую общественно-политическую аттестацию студентов и Ленинский зачет, направленный на проверку уровня политической грамотности и политической активности студенчества. В апреле студенты и преподаватели университета участвовали в Ленинском коммунистическом субботнике, а в мае – в Ленинской легкоатлетической эстафете. Лучшие учащиеся, активно занимающиеся общественной работой, удостоивались Ленинской стипендии. Университетская многотиражная газета носила название «Ленинец». Имя Ленина и/или его визуальный образ воспроизводились на мемориальных досках, в скульптуре и портретах, барельефах и панно. Вождь зримо присутствовал на юбилейных значках и медалях, папках и планшетах, на печатавшихся к юбилейным датам обложках блокнотов, открытках и конвертах. Фронтон главного учебного корпуса университета в 1979 г. украсил (наряду с врученным ему в 1955 г. орденом Трудового Красного Знамени) орден Ленина.

Ленин, воплощенный в камне и бронзе, в золотых буквах на фасаде главного корпуса, в мемориальной «ленинской зоне» стал важнейшим «местом памяти» и по существу общепринятым символом Казанского университета, а образы университета и вождя фактически сплелись воедино. Миф о «ленинской идентичности» университета и унаследованная им «ленинская» традиция оказались одними из самых устойчивых и судьбоносных. Они регулярно переутверждались и закреплялись в ритуальных и символических практиках, в ходе юбилеев, конвертируясь не только в идеологические бонусы, но и в осязаемый материальный и экономический ресурс. Ленинский миф являл собой один из многих, но, возможно, и один из самых показательных примеров подчинения памя-

ти об университете в целом, и корпоративной университетской памяти – в частности, властным политико-идеологическим установкам.

Судьба мифа

В постсоветский период ленинский миф утрачивает свою актуальность. Его символический капитал больше не был востребован на государственном уровне и перестал конвертироваться в какие-либо преференции. В то же время в условиях дискредитации коммунистической идеологии он разрушался и «снизу». Стройная советская система школьного коммунистического воспитания, в которой образ Ленина играл ключевую роль, к исходу советского строя формализовалась, не выполняла свои мобилизационные функции, часто вызывая равнодушие и отторжение юношества последнего советского поколения. Образ Ленина уже не вызывал пietetа в новых генерациях студентов, захваченных пафосом демократизации и азартом создания новых политических движений и партий, а разочарование в советском строе и вскрывшаяся правда о массовых политических репрессиях обращались в 1990-х гг. в войну с памятью и памятниками.

Стабилизационная функция революционного мифа университета грозила трансформироваться в дестабилизационную: студенческий протест апеллировал к той самой традиции студенческой сходки, которая составляла ядро Ленинского мифа. Доместифицированный и музеефицированный миф о сходке неожиданно воплотился в живую практику. В феврале 1990 г. студенты Казанского университета – члены и сторонники различных политических движений и партий (Демократический союз, Конфедерация анархо-синдикалистов, «радикалы») инициировали проведение 1 марта 1990 г. студенческой сходки. Ее организаторы – преимущественно студенты-историки, выдвигали требования широкой университетской автономии, защиты прав и интересов студентов, дедидеологизации образования, свободы и равноправия всех общественных организаций в университете, создания Студенческого союза. Лозунги состоявшейся 1 марта сходки поддержали комитет комсомола и партком университета. В ходе подготовки сходки прозвучали и отдельные призывы убрать имя В.И. Ульянова-Ленина из названия и с фронтона университета, но организаторы сходки выступили 28 февраля 1990 г. в городской газете «Вечерняя Казань» с опровержением распространявшихся в городе слухов о ее «антиленинской» направленности. Однако 22 апреля 1990 г., в день рождения Ленина, один из членов организационного комитета сходки, студент исторического факультета, анархо-синдикалист Герман Алёткин возложил к памятнику Ленина на площади Свободы в центре Казани венки из колючей проволоки²².

Примечательно, что на памятник Ульянову-студенту в центре университетской площади в то бурное время никто не покушался. И даже почти два десятилетия спустя, когда в апрельские дни 2009 г. неизвест-

²² Алексеев 2017 (2016).

ные вандалы облили памятник черной краской, это вызвало огорчение и удивление: скульптурное изображение юного Ленина с течением времени «деполитизировалось», воспринималось новыми поколениями учащихся в качестве абстрактного памятника студенту и даже «лучшего друга студентов перед экзаменами» (по одной из студенческих примет, виртуальное «общение с Володей» на площади способствовало получению хорошей оценки)²³. Обратившиеся к тогдашнему ректору КГУ М.Х. Салахову с предложением устроить на месте памятника стоянку для личных автомобилей студенты юридического факультета услышали от него, по рассказам свидетелей, такой ответ: «Я скорее закрою юрфак, чем уберу Ленина со “Сковородки”». А когда в 2016 г. профессор А.Л. Литвин предложил, поскольку «сам университет уже именуется Приволжским и федеральным, а не носит имя Ленина», перенести этот памятник во внутренний двор университета, к библиотеке, а на его месте возвести «памятник самому университету»²⁴, это предложение не встретило понимания среди университетского сообщества.

Имя Ленина «уходило» из названия университета постепенно и не без борьбы. Вскоре после студенческой сходки 1990 г. и непосредственно после событий, вошедших в историю как «августовский путч» 1991 г., университетская газета «Ленинец» изменила свое название на «Казанский университет». 200-летие университета в 2004 г. стал поводом для еще одного шага: после проведенного к юбилею ремонта главного административно-учебного корпуса надпись на фронтоне «Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина» сократилась до «Казанский государственный университет». Однако на фасаде были сохранены советские ордена – Орден Трудового Красного Знамени и Орден Ленина. В официальном названии университета, на официальных бланках имя Ленина также сохранялось. Окончательно оно было изъято из названия лишь после опубликования 2 апреля 2010 г. распоряжения Правительства РФ о создании на базе Казанского университета, объединенного с несколькими другими казанскими вузами, Казанского (Приволжского) федерального университета. Мнения университетской корпорации по поводу изъятия имени Ленина разделились. Часть университетариев, даже не из числа поклонников идей и деяний вождя революции, полагала, что его имя стало частью истории университета и не следует от него отказываться, следуя политической конъюнктуре. Другие считали, что отказ от коммунистических устремлений и идеалов предполагает и отказ от имени Ленина. Прокоммунистически настроенные члены корпорации открыто призывали вернуть имя Ленина в название университета. Так, в 2009 г. студентка-коммунистка Екатерина Аверьянова инициировала письмо об этом в адрес Президента Д.А. Медведева²⁵. Плат-

²³ В Казани вандалы осквернили памятник Ленину 2009.

²⁴ Ленин и Казань 2016.

²⁵ См.: Аверьянова.

форма КПРФ «Народная инициатива» в 2015 г. запустила сбор подписей за возвращение имени Ленина Казанскому университету. Впрочем, университетская корпорация не проявила настойчивости в желании сохранить имя Ленина, о чем свидетельствовали результаты упомянутого голосования: была собрана всего 851 подпись, причем «за» – только 463 голоса, то есть лишь 2,32 % от необходимых для сохранения имени Ленина в названии университета²⁶. Зато эта настойчивость и заинтересованность в полной мере проявились, когда речь зашла о об угрозе названию «Казанский университет»: Указ Президента России Д.А. Медведева от 21 октября 2009 г. «О создании федеральных университетов в Северо-Западном, Приволжском, Уральском и Дальневосточном федеральных округах» предусматривал присвоение Казанскому университету названия Приволжского. Организованные студентами пикеты в поддержку прежнего названия университета заставили руководство университета встретиться с ними, чтобы успокоить их. Однако и студенты, и преподаватели, и тогдашнее руководство университета проявили необычайную активность в сохранении «бренда» Казанского университета. В октябре 2009 г. переговоры велись на самом высоком уровне: Президент Республики Татарстан вел переговоры и с Президентом России, и с Министром образования и науки, один за другим следовали визиты высоких чиновников в университет²⁷. В результате компромисса Казанскому университету удалось отстоять свое прежнее имя, дополненное обозначением региона: Казанский (Приволжский) федеральный университет. Он стал единственным из десяти федеральных университетов России, сохранившим основу исторического наименования.

Разное отношение корпорации к угрозе исчезновения имени Ленина из названия университета и к угрозе лишения его наименования, данного при основании, иллюстрирует справедливость предположения Э. Хобсбаума. Он, как известно, выделял три типа традиции: устанавливающие или символизирующие социальную связь в группе, корпорации (идентичность с «общиной»); вводящие институты, статусы и отношения, обусловленные властью, придающие традиции «законную» силу; социализирующие, т.е. запечатляющие в сознании систему ценностей и правил поведения (идентичность с «нацией»). Хобсбаум полагал, что именно первый тип традиции – коммуналистский, – был основным, из него вытекали два других типа²⁸. Действительно, коммуналистская традиция и чувство корпоративной идентичности оказались более устойчивыми, чем теснее и непосредственней связанные с властью и политической идеологией традиция и революционный миф, ритуалы и символы.

²⁶ Возвращение имени... 2015.

²⁷ Аркадий Дворкович и Мязгом Салахов... 2009; Ректор КГУ разъяснил студентам... 2009; Мязгом Салахов: «Бренд «Казанский университет»... 2009; Приволжский федеральный университет сохранит... 2009; Андрей Фурсенко: «ПФУ может называться... 2009.

²⁸ Хобсбаум 2000: 56-57.

Впрочем, в современных условиях перехода к менеджеральному типу университетов (демонстрирующих справедливость отнесения их Хобсбаумом к «учреждениям, номинально не изменившимся, но фактически превратившимся в нечто совсем другое по сравнению с тем, чем они были раньше»²⁹) и редуцирования университетской автономии, базовые коммуналистские традиции подверглись серьезным испытаниям и деформациям. Но ленинский миф, вытесняемый на периферию официального университетского мифа, продолжает существование в рамках «катакомбной» университетской корпоративной культуры и памяти, отстаивающей не столько его идеологическое, сколько историческое значение, включенность в традицию памяти университета о себе самом. Однако ныне он играет периферийную роль в катакомбной корпоративной культуре и памяти, центральное место в которой принадлежит элементам восходящего к XIX в. «просвещенческому» мифу и гумбольдианской идее культуuroобразующей миссии университета³⁰.

В официальном же университетском дискурсе и новой традиции оказались востребованы иные мифы, тяготевшие к имперскому прошлому. Если появление в университетском публичном пространстве портретов основателя Александра I вполне логично (звучали даже предложения о присвоении университету его имени), то переименование исторического Актового зала университета в «Императорский» зал выглядит весьма симптоматично³¹. С другой стороны, официальный миф и традиция, как и катакомбные, подпитываются элементами «просвещенческого» мифа и традиции, однако их использование в основном утилитарно-ритуально и ограничено присвоением и чествованием наиболее известных персоналий ученых и выпускников прошлого. Более того, ретроспективная легитимация (историчность) играет все меньшую роль в официальной самопрезентации университета. Все большее значение приобретает «перспективная» легитимация: позиционирование себя в качестве университета, превращающегося «из классического учебного заведения в университет нового поколения, университет 4.0, где заметно представлены предпринимательское, инновационное, научное и образовательное направления»³², и даже в качестве не университета, как такового, а «научно-образовательного промышленного холдинга»³³.

***

История участия и роль молодого Ленина в сходке – случайная и эпизодическая – с течением времени обрастала все новыми деталями и подробностями, обретала эпичность, ленинский миф стал сердцевиной изобретенной традиции Казанского университета советского времени. Ее дискурс поддерживали новые ритуалы и символы, постоянно вос-

²⁹ Там же: 52.

³⁰ Колесникова 2012: 64-65.

³¹ В Казанском университете зал... 2017.

³² См., например: Приветственное слово.

³³ КФУ – 10 лет. 2020.

производившиеся и кристаллизовавшиеся, к концу советского периода окутанные плотной аурой историчности.

В процессе демонтажа советской системы в России ленинский миф и базировавшаяся на нем традиция не сразу потеряли свою актуальность. На волне революционных и либеральных настроений в 1990-е г. затвердевший ленинский миф неожиданно обрел вторую жизнь, шагнув из тиши музейных залов на городские площади. Однако попытка его реанимации оказалась кратковременной и ограниченной. «Ленинский миф» как составляющая исторической памяти университета сегодня остается частью катакомбной университетской культуры. В конструируемой же современной официальной университетской традиции ретроспективная легитимация играет все меньшую роль, а его исторический background упрощенно воспринимается как набор брендовых имен и событий. В этих условиях востребованными новой традицией остаются лишь отдельные формализованные элементы прежнего мифа.

ИСТОЧНИКИ

- Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 1230. Оп. 1. Д. 132 [Rossijskij gosudarstvennyj arhiv literatury i iskusstva (RGALI). F. 1230. Op. 1. D. 132]
- Государственный архив Республики Татарстан (ГАРТ). Ф. Р-732. Оп. 1. Д. 514. [Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Tatarstan (GART). F. R-732. Op. 1. D. 514]
- Из анкет бывших студентов Казанского университета // Архив авторов. [Из anket byvshih studentov Kazanskogo universiteta // Arhiv avtorov].
- Аверьянова Е. Казанскому федеральному университету – имя В.И. Ленина! Официальный интернет-сайт ЦК КИРФ – KPRF.RU. Республика Татарстан [Aver'yanova E. Kazanskomu federal'nomu universitetu – imya V.I. Lenina! Oficial'nyj internet-sajt CK KPRF – KPRF.RU. Respublika Tatarstan. URL: https://kprf.ru/rus_soc/73685.html/print]
- Адоратский В. За 18 лет (Встречи с Владимиром Ильичем) // Пролетарская революция. 1924. № 3 (26). С. 92–106. [Adoratskij V. Za 18 let (Vstrechi s Vladimirom Il'ichem) // Proletarskaya revolyuciya. 1924. № 3 (26). S. 92–106]
- Андрей Фурсенко: «ПФУ может называться «Казанский государственный университет (федеральный)». 30 октября 2009 [Andrej Fursenko: «PFU mozhet nazyvatsya «Kazanskij gosudarstvennyj universitet (federal'nyj)». 30 oktyabrya 2009. URL: <https://www.tatar-inform.ru/news/science/30-10-2009/andrey-fursenko-pfu-mozhet-nazyvatsya-kazanskij-gosudarstvennyj-universitet-federalnyj-5011433>]
- Аркадий Дворкович и Мякзюм Салахов обсудили вопрос о сохранении бренда «КГУ». 23 октября 2009 [Arkadij Dvorkovich i Myakzyum Salahov obsudili vopros o sohranении brenda «KGU». 23 oktyabrya 2009. URL: <https://www.tatar-inform.ru/news/science/24-10-2009/arkadiy-dvorkovich-i-myakzyum-salahov-obsudili-vopros-o-sohranении-brenda-kgu-4985471>]
- В Казани вандалы осквернили памятник Ленину // Татар-информ. 2009. 29 апреля [V Kazani vandaly oskvernili pamyatnik Leninu // Tatar-inform. 2009. 29 aprelya. URL: <https://www.tatar-inform.ru/news/incident/29-04-2009/v-kazani-vandaly-oskvernili-pamyatnik-leninu-4994678>]
- В Казанском университете зал, где Ленин начал свой революционный путь, стал Императорским. 17 января 2017 [V Kazanskom universitete zal, gde Lenin nachal svoj revolyucionnyj put', stal Imperatorskim. 17 yanvarya 2017. URL: <https://realnoevremya.ru/articles/53499>]
- Возвращение имени Владимира Ильича Ульянова-Ленина Казанскому (Приволжскому) Федеральному университету. 23 июня 2015 [Vozvrashchenie imeni Vladimira Il'icha Ul'yanova-Lenina Kazanskomu (Privolzhskomu) Federal'nomu universitetu. 23 iyunya 2015. URL: <http://ni.kprf.ru/n/3911/>]
- Волин Б. Ленин в Казанском университете // Смена. 1947. Май. № 9 (479). С. 2–3. [Volin B. Lenin v Kazanskom universitete // Smena. 1947. Maj. № 9 (479). S. 2–3].
- Евтушенко Е. Казанский университет. Казань: Таткнигоиздат, 1971. 92 с. [Evtushenko E. Kazanskij universitet. Kazan': Tatknigoizdat, 1971. 92 s.].

- Корбут М.К. Казанский государственный университет имени В.И. Ульянова-Ленина за 125 лет. 1804/05 – 1929/30. В 2-х т. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1930. [Korbut M.K. Kazanskij gosudarstvennyj universitet imeni V.I. Ulyanova-Lenina za 125 let. 1804/05 – 1929/30. V 2-h t. Kazan': Izd-vo Kazan. un-ta, 1930].
- КФУ – 10 лет: от битвы за красивую аббревиатуру до разработки вакцины от коронавируса // Реальное время. 2020. 2 апреля [KFU – 10 let: ot bitvy za krasivuyu abbreviaturu do razrabotki vakciny ot koronavirusa // Real'noe vremya. 2020. 2 aprelya. URL: <https://realnoevremya.ru/articles/170519-kfu-10-let-ot-bitvy-za-krasivuyu-abbreviaturu-do-razrabotki-vakcinya: 02.04.2020>].
- Ленин В.И. Незаконченная автобиография [Май 1917 г.] // Ленинский сборник. XXI / Под ред. М.А. Савельева, В.Г. Сорина. М.: Партиздат, 1933. С. 56-57. [Lenin V.I. Nezakonchennaya avtobiografiya [Maj 1917 g.] // Leninskij sbornik. XXI / Pod red. M.A. Savel'eva, V.G. Sorina. M.: Partizdat, 1933. S. 56-57].
- Ленин и Казань: брат повешенного или вождь революции? // Бизнес-онлайн. 2016. 24 апреля. [Lenin i Kazan': brat poveshennogo ili vozhd' revolyucii? // Biznes-onlajn. 2016. 24 aprelya. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/308757>]
- Маяковский В.В. По городам Союза // Маяковский В.В. Собр. соч. в 12 т. М.: Правда, 1978. Т. 4. С. 166-169. [Mayakovskij V.V. Po gorodam Soyuza // Mayakovskij V.V. Sobr. soch. v 12 t. M.: Pravda, 1978. T. 4. S. 166-169].
- Мякзюм Салахов: «Бренд «Казанский университет» будет сохранен. 28 октября 2009. [Myakzyum Salahov: «Brend «Kazanskij universitet» budet sohranen. 28 oktyabrya 2009. URL: <https://www.tatar-inform.ru/news/science/28-10-2009/myakzyum-salahov-brend-kazanskij-universitet-budet-sohranen-5002147>]
- Приветственное слово. [Privetstvennoe slovo. URL: <https://rector.kpfu.ru/privetstvennoe-slovo>]
- Приволжский федеральный университет сохранит в своем названии слово «Казанский». 27 октября 2009 [Privolzhskij federal'nyj universitet sohranit v svoem nazvanii slovo «Kazanskij». 27 oktyabrya 2009. URL: <https://www.tatar-inform.ru/news/science/27-10-2009/privolzhskij-federalnyj-universitet-sohranit-v-svoem-nazvanii-slovo-kazanskij-4995530>]
- Ректор КГУ разъяснил студентам особенности создания ПФУ на базе вуза. 27 октября 2009 [Rektor KGU raz'yasnil studentam osobennosti sozdaniya PFU na baze vuza. 27 oktyabrya 2009. URL: <https://www.tatar-inform.ru/news/science/27-10-2009/rector-kgu-raz-yasnil-studentam-osobennosti-sozdaniya-pfu-na-baze-vuza-4997918>]

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Алексеев И.Е. Студенческая сходка 1 марта 1990 года в Казанском государственном университете // Проблемы истории и культуры Волго-Уральского региона и Евразии. Вып. 6. Казань, 2017 (2016). С. 53–57. [Alekseev I.E. Studencheskaia skhodka 1 marta 1990 goda v Kazanskom gosudarstvennom universitete // Problemy istorii i kul'tury Volgo-Ural'skogo regiona i Evrazii. Vyp. 6. Kazan', 2017 (2016). S. 53–57].
- Балмасова Т.А. «Третья миссия» университета – новый вектор развития? // Высшее образование в России. 2016. № 8–9 (204). С. 48–55 [Balmasova T.A. «Tret'ia missiia» universiteta – novyj faktor razvitiia? // Vysshee obrazovanie v Rossii. 2016. № 8–9 (204). S. 48–55].
- Бурнашева Ю.В. В.И. Ленин в Казанском университете. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1977. 38 с. [Burnasheva Yu.V., Nafigov R.I. V.I. Lenin v Kazanskom universitete. Kazan: Kazan. universitet, 1977. 38 s.].
- Вишленкова Е.А., Малышева С.Ю., Сальникова А.А. Университет как память и как знание // Диалог со временем. 2007. Вып. 18. С. 35–67 [Vishlenkova E.A., Malysheva S.Yu., Salnikova A.A. Universitet kak pamiat' i kak znanie // Dialog so vremenem. 2007. Vyp. 18. S. 35–67].
- Вишленкова Е.А., Сальникова А.А. Юбилейные истории Казанского университета // Отечественная история. 2004. № 5. С. 133–141 [Vishlenkova E.A., Salnikova A.A. Iubileinye istorii Kazanskogo universiteta // Otechestvennaia istoriia. 2004. № 5. S. 133–141].
- К дню рождения Ленина: мифы и легенды партийной истории // Аргументы и факты. Дагестан. 2011. 20 апреля. [K dnu rozhdeniia Lenina: mify i legendy partiinoi istorii // Argumenty i fakty. Dagestan. 2011. 20 aprelya].
- Колесникова Е.Ю. Идея университета и его миссия: классические и современные интерпретации // Южно-Российский форум. 2012. № 2 (5). С. 63–70. [Kolesnikova E.Yu. Ideia universaiteta i ego missiia: klassicheskie i sovremennye interpretatsii // Iuzhno-Rossij'skii forum. 2012. № 2 (5). S. 63–70].

- Литвин А.Л. Юбилей какого университета празднуется в Казани? // *Вечерняя Казань*. 2004. 2 ноября. № 181 (2911) [Litvin A.L. Iubilei kakogo universiteta prazduetsia v Kazani? // *Vecherniaia Kazan*. 2004. 2 noyabria. № 181 (2911)].
- Малышева С.Ю. «Между благочестивыми потомками времени и остервенелыми обитателями пространства»: гетеротопичность университета // *Диалог со временем*. 2016. Вып. 57. С. 161–168 [Malysheva S.Yu. “Mezhdu blagochestivymi potomkami vremeni i ostervenelymi obitateliami prostranstva”: geterotopichnost’ universiteta // *Dialog so vremenem*. 2016. Vyp. 57. S. 161–168].
- Малышева С.Ю. Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы, исторические мифы (1917–1927). Казань: Рутен, 2005. 400 с. [Malysheva S.Yu. *Sovetskaya prazdnichnaya kul'tura v provincii: prostranstvo, simvoly, istoricheskie mify (1917–1927)*. Kazan': Ruten, 2005. 400 s.
- Нафигов Р.И. Первый шаг в революцию. В.И. Ульянов и казанское студенчество 80-х гг. XIX в. Казань: Таткнигоиздат, 1970. 222 с. [Nafigov R.I. *Pervyi shag v revoliutsiiu. V.I. Ul'ianov i kazanskoe studenchestvo 80-kh gg. XIX v.* Kazan: Tatknigoizdat, 1970. 222 s.].
- Сальникова А.А. Конструирование «детского» пространства советского города в 1917–1927 гг. // *Диалог со временем*. 2017. Вып. 60. С. 222–237. [Salnikova A.A. *Konstruirovanie “detskogo” prostranstva sovetskogo goroda v 1917–1927 gg.* // *Dialog so vremenem*. 2017. Vyp. 60. S. 222–237].
- Султанбеков Б.Ф., Малышева С.Ю. Трагические судьбы. Казань: Таткнигоиздат, 1996. 285 с. [Sultanbekov B.F., Malysheva S.Yu. *Tragicheskie sud'by*. Kazan: Tatknigoizdat, 1996. 285 s.].
- Хагуров Т.А. Высшее образование: между служением и услугой // *Высшее образование в России*. 2011. № 4. С. 47–57. [Khagurov T.A. *Vysshee obrazovanie: mezhdu sluzheniem i uslugoi* // *Vysshee obrazovanie v Rossii*. 2011. № 4. S. 47–57].
- Хобсбаум Э. Изобретение традиций // *Вестник Евразии*. 2000. № 1. С. 47–62. [Hobsbaum Eric. *Izobretenie traditsii* // *Vestnik Evrazii*. 2000. № 1. S. 47–62].
- Ennker B. *Die Anfänge des Leninkults in der Sowjetunion*. Köln, Weimar, Wien: Boehlau, 1997. 379 s.
- Readings B. *The University in Ruins*. Cambridge: Harvard UP, 1996. 256 p.
- Stites R. *Revolutionary Dreams. Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution*. N.Y., Oxford: Oxford UP, 1989. 344 p.
- Tumarkin N. *Lenin Lives! The Lenin Cult in Soviet Russia*. Cambridge (Mass.), L.: Harvard UP, 1983. 315 p.

Малышева Светлана Юрьевна, доктор исторических наук, профессор, кафедра отечественной истории, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Svetlana.Malycheva@kpfu.ru

Сальникова Алла Аркадьевна, доктор исторических наук, профессор, кафедра отечественной истории, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Alla.Salnikova@kpfu.ru

“Lenin’s Myth” in the Historical Memory and Corporate Culture of Kazan University

The article is devoted to the analysis of the process of creation, functioning and disintegration of the local “Lenin’s myth”, which for decades determined the tradition, historical description, collective memory and self-representation of the Kazan University – the myth about the beginning of revolutionary biography of V.I. Ulyanov-Lenin within its walls. Having lost its key position in today’s official commemorative narrative about the university and the practices of self-representation, the “Lenin’s myth” remains a part of the historical memory and catacomb culture of the university, and its separate formalized elements are used by the official bureaucratic discourse and the new tradition it creates.

Keywords: historical memory, political myth, university culture, Kazan University, V.I. Lenin
Svetlana Malysheva, Dr.Sc. (History), Professor, Department of Russian History, Kazan Federal University; Svetlana.Malycheva@kpfu.ru

Alla Salnikova, Dr.Sc. (History), Professor, Professor of the Department of Russian History of Kazan Federal University; Alla.Salnikova@kpfu.ru

ИСТОРИЯ ЧЕРЕЗ ЛИЧНОСТЬ

К.А. БЕСПАЛОВА

«ВЫ КОММУНИЗМА В ГЛАЗА НЕ ВИДЕЛИ, А Я НЕ ТОЛЬКО ВИДЕЛ И ЖИЛ ДЕСЯТЬ ЛЕТ ПРИ НЕМ, НО Я ЕГО ЕЩЕ И СТРОИЛ!» МАРСЕЛЬ БОДИ О ПРЕБЫВАНИИ В РОССИИ¹

В статье рассматривается жизненный путь деятеля коммунистического движения Марселя Боди. Автор выявляет мотивы перехода французского солдата на сторону большевиков, наиболее подробно освящает его деятельность в России (1917–1927 гг.) и раскрывает причины, по которым он отошел от коммунизма. Сделан вывод о эволюции взглядов и разочаровании М. Боди в данной идеологии.

Ключевые слова: Гражданская война, Коммунистический интернационал, Русская революция, Французская коммунистическая группа Москвы.

В 100-летнюю годовщину создания Коминтерна заметно возрос интерес к тем историческим персонажам, с которыми была связана деятельность этой организации. Что заставляло этих людей становиться частью коммунистического движения, каковы были мотивы, двигавшие ими? Одним из видных деятелей Коминтерна был французский солдат Марсель Боди (1894–1984). Боди участвовал в Первой мировой войне, был сотрудником Французской военной миссии в России и почти на десять лет связал свою судьбу с большевиками. Непродолжительное время он был даже советским дипломатом! Вернувшись во Францию, он стал переводить и публиковать произведения русской литературы.

В историографии есть лишь пара статей о Марселе Боди, в которых сделан акцент на его юности, дипломатической службе в Норвегии² или его деятельности после возвращения во Францию³. О годах, проведенных в России он повествует сам в ряде автобиографических работ, умалчивая о своей жизни после возвращения⁴. Стремясь полнее осветить жизненный путь Боди, мы подробно остановимся на годах, проведенных в России. Цель статьи – выявить обстоятельства, вследствие которых французский солдат решил примкнуть к большевикам, и причины, по которым он в итоге отошел от коммунистического движения.

Главный источник для написания статьи – мемуары Боди, написанные им уже после возвращения во Францию⁵. Важную роль сыграли для нас архивные материалы, в работе над ними был выявлен ряд важ-

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФИ в рамках проекта № 19-39-90025.

² Виане 2014.

³ Brabant, Maitron, Manigaud 2008.

⁴ Мемуары М. Боди во Франции переиздавались несколько раз: «Un piano en boulevard de Carélie» (1981). Текст был переиздан под названием «Un ouvrier limousin au cœur de la révolution russe» (1986), Les Groupes communistes français de Russie 1918–1921, (1988), затем – «Au cœur de la Révolution: mes années de Russie 1917–1927» (2003).

⁵ Body 2003: 303.

ных деталей, не оказавшихся в поле зрения предшествовавших биографов. Так, в его деле во французском фонде РГАСПИ, имеется автобиография, написанная Боди до отъезда в Норвегию, где он попытался объяснить причины своего перехода на сторону большевиков⁶. Мы обратились и к личному фонду А. Коллонтай, поскольку она и Марсель Боди находились в тесных, в т.ч. любовных отношениях. В своих воспоминаниях А. Коллонтай подробно описывает их первую встречу и последующую совместную деятельность в Норвегии⁷. Используются также материалы «Дела французского коммуниста Жака Садуля» (архив Исторической службы Министерства обороны Франции), где сообщается о деятельности Садуля и Боди в составе Французской коммунистической группы в Москве и об их совместной миссии на Юге России⁸. Наконец, привлечены воспоминания журналиста К. Померанцева, лично знавшего Марселя Боди и описавшего его взгляды и особенности личности⁹.

Марсель Боди родился 23 октября 1894 г. в предместье Лиможа, небольшого провинциального городка. Отец работал мастером по керамике, а мать – швеей¹⁰. В 12 лет Марсель окончил начальную школу и по настоянию отца стал обучаться полиграфии в рабочей типографии родного города¹¹. Тяжелое материальное положение семьи не позволило продолжать обучение, и юноша восполнял это самообразованием¹², много времени уделял чтению; его любимыми авторами были Э. Золя, В. Гюго, А. Франс. Помимо французской художественной литературы юный Марсель зачитывался произведениями Льва Толстого, смерть которого потрясла юношу, и он буквально ловил любую информацию о писателе. Под влиянием русского писателя Марсель Боди полюбил Россию и решил учить русский, чтобы читать Л. Толстого в оригинале. Но в Лиможе никто по-русски не говорил, и тогда Боди, выписав из другого города учебник, начал самостоятельно изучать русский язык.

В 1907 г. он начал работать в типографии, а с 1911 г. стал членом Французского профсоюза наборщиков и участвовал в цеховых забастовках¹³, где дружное пение «Интернационала»¹⁴ внушало революционный настрой. С ранних лет Боди были не чужды идеи социализма. Видя, как мать и сестры были вынуждены шить по ночам¹⁵, он задумывался об улучшении положения простых рабочих Франции и в августе 1914 года вступил в ряды Социалистической федерации Лиможа¹⁶.

⁶ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 270. Д. 6333.

⁷ РГАСПИ. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1, Д. 72.

⁸ SHD/T. 7 NN 2013. «Дело французского коммуниста Жака Садуля».

⁹ Померанцев 1986.

¹⁰ Body 2003: 15.

¹¹ Ibid: 21.

¹² РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 270. Д. 6333. Л. 4.

¹³ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 270. Д. 6333. Л. 4.

¹⁴ Body 2003: 19.

¹⁵ Ibid: 16.

¹⁶ Brabant, Maitron, Manigaud 2008.

К началу мировой войны Боди не исполнилось и 20 лет. В 1916 г. он был мобилизован и зачислен в артиллерийский полк, где служил писарем¹⁷. Знание русского языка было замечено, и ему предложили отправиться в Россию с группой артиллерийских инструкторов в составе двух батарей, укомплектованных марсельцами и корсиканцами. Юноша, конечно, принял это предложение, но открывать страну своих грез станет лишь после Февральской революции, так как усиливающиеся революционные настроения заставляли французское правительство колебаться, и отъезд группы постоянно откладывался. Балтика находилась под контролем немцев, и группа была направлена морским путем через Англию в Мурманск, куда прибыла в феврале 1917 г., оттуда в Петроград, а затем в Москву, в школу Лефортовского кадетского корпуса, где два месяца находилась без дела в пустой школе¹⁸. В этом здании до ноября 1917 г. располагалось Алексеевское военное училище¹⁹, а в феврале 1918 г. будут открыты 1-е Советские Московские Пехотные командные курсы рабоче-крестьянской Красной армии²⁰. Боди находился там как раз в этот переходный период. Его обязанности сводились к обеспечению связи с оставшимся персоналом школы, что позволило ему попрактиковаться в русском языке, узнать русские обычаи и проникнуться национальным колоритом. Марсель Боди вспоминал, что к нему каждый день подходили русские, движимые любопытством, и спрашивали, что он думает о ситуации на фронте и о событиях в России в целом. Боди стал свидетелем Первомайской манифестации 1917 г., был впечатлен красными флагами, лозунгами «Да здравствует свобода», пением Марсельезы и Интернационала, атмосферой всеобщей радости и счастья, и принял участие в шествии. Но реальное положение дел, как он выяснил, было иным. От некоего французского промышленника (Боди не называет его имени), жившего около десяти лет в России, Боди узнал, что ситуация в стране крайне тяжелая и ухудшается с каждым днем: много смертей на поле брани, голод в тылу, всеобщее непонимание смысла идущей войны и острое желание мира²¹. В Москве Боди стал свидетелем Октябрьской революции. Благодаря французским эмигрантам он смог вникнуть в суть событий. Он видел, что на стороне восставших были в основном люди крестьянского происхождения.

Удивительно, но за почти год пребывания в России владевшему русским языком Боди руководство Французской военной миссии не поручало выполнения сколько-нибудь важной задачи. Его единственным заданием стала поездка в январе 1918 года в Мурманск с целью приема грузов для французских войск, которые были дислоцированы на румынском фронте. Задача заключалась в предотвращении разграбления поез-

¹⁷ РГАСПИ. Ф. 495. Оп 270. Д. 6333. Л. 4.

¹⁸ *Ibid.* 29-33.

¹⁹ Алексеевское военное училище // Русская императорская армия.

²⁰ Приказ Народного Комиссариата по военным делам № 333: 343-344.

²¹ Body 2003: 29-35.

да, перевозившего снаряжение. Однако вся эта операция провалилась, и этот канал снабжения французских войск сохранить не удалось²².

Наконец, в марте 1918 г., когда столицу перенесли из Петрограда в Москву, Боди был зачислен в состав Французской военной миссии, где подружился с лейтенантом Паскалем (Пьер Паскаль (1890–1983) – филолог-славист, писатель), капитаном Садулем (Жак Садуль (1881–1956) – французский адвокат, социалист, деятель коммунистического движения), капитаном Фопабиде²³. У сотрудников миссии в то время отсутствовала единая точка зрения на большевистское правительство. Посольство и ряд сотрудников миссии занимали враждебную позицию, что и привело к интервенции и высадке в Архангельске десанта англо-французских войск. В августе было совершено покушение на Ленина, что спровоцировало массовые аресты сотрудников миссии. Но тогда некоторые сотрудники уже стали проявлять симпатию к новой власти. В их числе был капитан Садуль, вокруг которого постепенно сформировалась небольшая пропагандистская группа, находившаяся на Малой Бронной²⁴. В нее были вхожи лейтенант Паскаль, солдат Пети и Марсель Боди. Во время выяснения чекистами причастности миссии к контрреволюционной деятельности она оказалась разделена на два лагеря: первый оставался в осаде в школе Св. Екатерины (нескольким офицерам во главе с су-лейтенантом Пюиссаном удалось укрыться и избежать арестов, после чего они вернулись в здание школы), а второй открыто симпатизировал большевикам. Из второго ядра миссии, превратившегося в «коммунистический пансион капитана Садуля»²⁵, была организована Французская коммунистическая группа в Москве, она состояла из солдат военной миссии, оказавшихся под влиянием революционной атмосферы и пропаганды²⁶, и других лиц, сочувствовавших идеям большевиков: революционерка Жанна Лябурб, писатель Анри Гильбо и швейцарская эмигрантка Сюзанна Жиро²⁷. На проводимых группой конференциях выступали Садуль и Лябурб²⁸. Группа выпустила, по меньшей мере, три газетных номера с обращениями к французскому пролетариату за подписью капитана Садуля²⁹, по-прежнему именовавшего себя сотрудником миссии, очевидно, для придания солидности новой организации. Бюро Французской коммунистической группы располагалось в особняке по адресу Обуховский, 3³⁰, где постоянно пребывали Садуль, Паскаль, Боди и Пти. Они издавали на французском языке еженедельник (из двух страниц) – газету «III Интернационал». Статьи гото-

²² Ibid: 56.

²³ Ibid: 60. Вероятно, он, будучи солдатом, выполнял поручения этих офицеров.

²⁴ SHD/T 7 NN 2013: 109.

²⁵ SHD/T 7 NN 2013: 367.

²⁶ Ibid: 379.

²⁷ Lejeune 1987: 384.

²⁸ SHD/T 7 NN 2013: 354.

²⁹ Ibid: 368.

³⁰ Pascal: 19.

вили Садуль и Боди, а Пти (товарищи по группе называли его «Боб») набирал тексты³¹. Каждый из бывших сотрудников миссии руководствовался своими мотивами при переходе на сторону большевиков. Боди объяснял свой уход из миссии он объяснял «*преступной деятельностью этой организации*», очевидно, имея в виду контрреволюционную деятельность, проводимую Парижем и Лондоном.

Боди стал сотрудником французской секции при отделе Советской пропаганды, возглавляемом К. Радеком, и служил в качестве переводчика-метранпажа³² (занимался версткой и набором различных агитационных текстов). Сам себя он именовал наборщиком и ответственным редактором коммунистического издательства³³. Оставшись в России жить в эмиграции и начав новый этап жизни, Боди лишился возможности вернуться во Францию³⁴ на долгий срок, поскольку для французского правительства он стал дезертиром. Что касается большевиков, то М. Боди был для них ценным сотрудником, поскольку неплохо говорил на русском языке (в отличие, например, от Ж. Садуля, который совершенно не владел русским) и мог выступать в качестве переводчика. Так, он принял участие в Первом конгрессе III Интернационала в марте 1919 г. где был переводчиком немногочисленной французской делегации³⁵, а также на VIII съезде РКП(б), сидя в непосредственной близости от большевистских вождей – между В.И. Лениным и Л.Д. Троцким³⁶.

Но публицистика и переводческая деятельность были не единственными задачами, стоявшими перед ним. Весной 1919 г. группа иностранцев во главе с Садулем была направлена с новой миссией на юг России. Поскольку английские и французские войска поддерживали там войска Белой армии, в Одессе и Киеве было создано Южное отделение Исполнительного комитета III Интернационала. На новое подразделение возлагалась миссия обеспечения связи с компартиями Балканского полуострова, стран Ближнего и Среднего Востока и пропаганды среди французских солдат, находившихся у берегов Черного моря³⁷. Для привлечения в свои ряды новых адептов Боди образовал французские коммунистические группы в Одессе и Киеве, от лица которых вел постоянную агитацию среди «романского населения»³⁸ (скорее всего, среди французских эмигрантов). Каждая группа издавала свою газету, например, в Киеве рупором организации стала «Драпо Руж»³⁹, где Боди публиковался под псевдонимом Ж. Лоран⁴⁰. Но уже в августе, убежав

³¹ Body: 71.

³² РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 270. Д. 6333. Л. 4.

³³ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 270. Д. 6333. Л. 2.

³⁴ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 270. Д. 6333. Л. 4.

³⁵ Виане: 76.

³⁶ Body: 89.

³⁷ SHD/T 7 NN 2013: 71.

³⁸ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 270. Д. 6333. Л. 4.

³⁹ Pascal: 30.

⁴⁰ Brabant, Maitron, Manigaud 2008.

из Одессы от войск Деникина, он нашел пристанище в Житомире, а затем перебрался в Петроград для создания там вместе с Виктором Сержем очередной коммунистической группы⁴¹. Эта группа тоже издавала газету под названием «Третий Интернационал»⁴².

Помимо того, вспоминал Боди, в Петрограде ему выпала честь играть роль «консула *in partibus*», т.е. неофициального консула без функций. Дело в том, что к середине 1919 г. от официального французского присутствия в России ничего не осталось (дипломатические отношения между Россией и Францией были разорваны, посол Ж. Нуланс выдворен из страны, а подразделения Французской военной миссии были вывезены из России в течение 1919 г.), и у граждан Франции, проживавших в Петрограде, не оказалось официального представителя, который бы мог решать их проблемы. Единственной организацией, которая могла бы каким-то представлять иностранцев, стала Французская коммунистическая группа, а ее организатор и глава Марсель Боди стал играть роль консула. Многие французы не желали возвращаться на родину, поэтому новоиспеченный «консул» включал их в состав группы, чтобы взять под опеку и дать возможность остаться в России⁴³.

Боди присутствовал на Втором конгрессе Коминтерна в Москве (19 июля – 7 августа 1920 г.) в качестве технического сотрудника. С января 1920 г. он являлся ответственным редактором «Коммунистического Интернационала» в Петрограде, и, очевидно, поэтому занимался подготовкой бюллетеней с выступлениями делегатов для конгресса. Через год на Третьем конгрессе вместе с Виктором Сержем он, уже будучи ответственным редактором французской секции Отдела печати⁴⁴, снова занимался подготовкой брошюр на французском и русском языках. Позже он и В. Серж были вызваны в Москву и присоединились к французской делегации⁴⁵. Здесь, в Москве, Боди присутствовал уже в качестве делегата и переводчика от ФКП⁴⁶.

В ходе Третьего конгресса произошел неожиданный поворот в карьере М. Боди. Ему предложили работу секретаря при Л.М. Михайлове, назначенном полпредом СССР в Норвегии. Боди охотно согласился, но с условием, чтобы его молодая жена Евгения Орановская (секретарь Чичерина, стенографистка Ленина) поехала с ним. Условие было принято, но существовала «некоторая формальность»: Боди было необходимо принять советское гражданство – на этот шаг он соглашается довольно просто⁴⁷, но в дальнейшем это создаст для него большую проблему.

---

⁴¹ Body 2003: 139.

⁴² Brabant, Maitron, Manigaud 2008.

⁴³ Body 2003: 141-142.

⁴⁴ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 270. Д. 6333. Л. 3-4.

⁴⁵ Body 2003: 189.

⁴⁶ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 270. Д. 6333. Л. 4.

⁴⁷ Body 2003: 204-205.

С ноября 1921 г. Боди находился при Полпредстве СССР в Норвегии в качестве секретаря⁴⁸. В его обязанности входило чтение французской и международной прессы, составление дипломатических нот, направляемых норвежскому правительству, и присутствие на приемах. В целом, ничего затруднительного, но спокойной жизни не получилось, так как советское правительство периодически стало менять полпредов. В июне 1922 года Л.М. Михайлова отозвали в Москву, поскольку сочли его слишком непреклонным переговорщиком. Новым полпредом стал Я. Суриц, который, по мнению ЦК, мог более искусно лавировать в ходе сложных переговоров⁴⁹. Боди становится его секретарем. Но менее чем через год полномочным представителем РСФСР назначают А. Коллонтай. Боди знаком с ней с 1919 г.⁵⁰, но именно в Норвегии между ними завяжутся близкие отношения. Коллонтай вспоминала его как *«живого, веселого блондина (хотя на фотографиях он явный брюнет) с милейшими умными голубыми глазами»*⁵¹. Она знала, что Боди состоял во Французской коммунистической группе, и ей его хвалила И. Арманд⁵². Коллонтай отмечала, что *«они подружились с первых дней с этим тонко чувствующим человеком»*⁵³: он *«самоучка»*, но у него *«голова политика, а за плечами школа Коминтерна»*. Беседа с ним показала Коллонтай, что в нем она найдет хорошего работника в общей работе в Норвегии⁵⁴, и этому тандему предстояло многое сделать.

С 1923 г. Марсель Яковлевич (как его называли в России) становится Первым секретарем Полпреда и первым секретарем Коммерческого представительства в Норвегии⁵⁵. Советско-норвежские торговые отношения набирали постепенно обороты. Советская сторона рассчитывала, что благодаря этому будет создана почва для признания СССР. На реализации именно этой цели и оказалась сосредоточена деятельность дуэта Коллонтай – Боди. Усилия увенчались успехом – в 1924 г. Норвегия признала СССР. В Москве же не придавали особого значения слаженной работе советских представителей и, сочтя взаимоотношения А. Коллонтай и М. Боди слишком близкими, в конце 1925 г. отозвали нашего героя. Однако возвращаться в Советскую Россию М. Боди не спешил и поехал через родной Лимож, надеясь на благосклонность нового левого правительства Франции. Тем более, что совсем недавно (в конце 1924 г.) в Париж вернулся его старый знакомый Ж. Садуль, который после нескольких месяцев судебных разбирательств все же был реабилитирован. М. Боди об этом, конечно же, слышал и теперь пытался прощупать почву для своего возвращения.

⁴⁸ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 270. Д. 6333. Л. 4.

⁴⁹ Body 2003: 209-210.

⁵⁰ Body 2015: 45-46.

⁵¹ РГАСПИ. Ф. 134. Оп. 3. Д. 72. Л. 3.

⁵² РГАСПИ. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1. Л. 47.

⁵³ РГАСПИ. Ф. 134. Оп. 3. Д. 72. Л. 5.

⁵⁴ РГАСПИ. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1. Л. 47-49.

⁵⁵ Brabant, Maitron, Manigaud 2008.

Назад в СССР Марсель Боди вернулся в апреле 1926 г. и был назначен официальным переводчиком трудов В.И. Ленина в исполнительном комитете Коминтерна. Но серьезные изменения, произведенные в партийном аппарате после смерти вождя, не устраивали М. Боди. Однако, решив окончательно вернуться во Францию, он получил отказ. Вместо возвращения на родину ему предложили отправиться в качестве советского дипломата в Японию или Китай⁵⁶. Боди отказался и долгих 7 месяцев добивался возможности покинуть Советский Союз. Лишь в феврале 1927 г. он, его супруга и дочь наконец-то получили разрешение на отъезд во Францию⁵⁷.

Покинув СССР, Боди все же не отрекся от коммунизма. Вернувшись в родной город, он вступил в местную секцию Компартии Франции, хотя явно был не согласен с политикой партии. В том же году его делегировали от Лиможа для участия в Национальной конференции ФКП, проходившей 26-28 июня. Там он отказался выступить против политики Л. Троцкого и Г. Зиновьева, хотя и подтвердил свое согласие осудить оппозиционеров. Он основывает свою газету «Союз революционных рабочих» и создает вокруг нее небольшой кружок. Но кружок был слишком небольшим, чтобы претендовать на оппозиционность по отношению к ФКП. В 1928 г. Боди отказывается участвовать в очередной Национальной конференции. В преддверии второго тура законодательных выборов в парламент 29 апреля 1928 г. Марсель Боди призывает голосовать за сбежавшего кандидата-социалиста, размещая на улицах Лиможа афиши «Я голосую за Дюбана»⁵⁸. Эта же афиша появилась и на страницах «Популер». Однопартийцы заявили, что Боди отвергает позицию партии, противостоящей буржуазии и социал-демократам⁵⁹, и исключили его из рядов ФКП за нарушение партийной дисциплины⁶⁰.

Порвав с Французской компартией, М. Боди, переехал в Париж и в свободное время занимался переводами трудов Л. Троцкого. Он сотрудничал с Институтом социальной истории в Амстердаме, по поручению которого перевел на французский язык все произведения М.А. Бакунина. Он стал также первым переводчиком на французский язык многих сочинений В.И. Ленина, Н.И. Бухарина, публиковался в газетах «Пролетарская революция», «Массы» и «Эмансипация». В период нависшей над Францией военной угрозы М. Боди участвует в антифашистских конференциях. В 1940 г. он переезжает в Лион, где устраивается на работу корректором в издании «Пари-Суар» и работает там до 1942 года. В 1946 г. он возвращается в Париж и начинает работать в «Либерасиен»⁶¹. В дальнейшем Боди сотрудничает с разными изданиями как автор

⁵⁶ Body 2003: 265.

⁵⁷ Ibid: 286.

⁵⁸ Brabant, Maitron, Manigaud 2008.

⁵⁹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 270. Д. 6889. Л. 40.

⁶⁰ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 270. Д. 6889. Л. 37.

⁶¹ Brabant, Maitron, Manigaud 2008.

или как издатель, издает серию материалов конференций и статей для «Пролетарской революции» по случаю пятидесятой годовщины Русской революции, наконец, сотрудничает с либерально настроенной газетой «Рефрактер», для которой готовит несколько пацифистских статей.

Журналист К. Померанцев, знавший М. Боди лично, вспоминал, что после исключения из ФКП он оставался беспартийным, принципиально ни за кого не голосовал, презируя все партии. Ко всему прочему он был абсолютным атеистом, на религиозные темы говорить не любил и было видно, что они ему чужды⁶². Мемуарист также заключил из бесед с М. Боди, что «с 1925 года Боди подозревали в “уклонах”, а затем он окончательно стал “*persona non grata*”. Ему пришлось чуть ли не пешком пройти часть Украины, укрываясь в незнакомых хатах, где его в любой момент могли выдать»⁶³. Дело в том, что Боди не был идейным большевиком, а был анархистом и пацифистом. Он не признавал какой бы то ни было диктатуры и в СССР отправился в надежде, что марксизм «установит мир во всем мире». Еще в молодые годы он стал зачитываться трудами М.А. Бакунина и одновременно отвергал К. Маркса, поскольку тот разорвал отношения с М.А. Бакуниным⁶⁴. И в восьмидесятипятилетнем возрасте, Марсель Боди продолжал эффектно выступать на конференциях, стоя на столе⁶⁵, а также спорил с французскими коммунистами, беспощадно сокрушая их своими аргументами: «*Вы все судите понаслышке, коммунизма в глаза не видели, а я не только видел и жил десять лет при нем, но я его еще и строил*»⁶⁶.

Итак, можно констатировать, что, отправившись в Россию, М. Боди стал свидетелем Революции и, будучи социалистом, принял ее с радостью. Наблюдая за политикой большевиков, он надеялся, что рано или поздно большевизм станет умеренным течением, приняв принципы демократии, разделив идею всеобщего равенства, и государственная машина сама по себе исчезнет за ненадобностью. Однако после смерти В.И. Ленина стало очевидно, что о подобном повороте в большевизме не приходится мечтать, и партия, как руководящая структура, будет только крепнуть с каждым годом. С этим последовательный противник сталинской модели Боди не смог смириться. Он вернулся обратно во Францию, очевидно, в надежде, что Французской коммунистической партии удастся сформировать более гармоничные отношения между государством и пролетариатом. Это и предопределило его деятельность вразрез с официальной политикой партии, и неизбежно заставило его смириться с неспособностью реализовать свои идеи на родине.

Многие европейские интеллектуалы 1920–1930-х гг. из числа тех, что приветствовал русскую революцию и перешел на сторону больше-

⁶² Померанцев. 1986: 146.

⁶³ Там же: 142.

⁶⁴ Там же: 145.

⁶⁵ Brabant, Maitron, Manigaud 2008.

⁶⁶ Померанцев 1986: 146.

виков в надежде, что им удастся создать общество нового типа, в конце концов, разочаровавшись в коммунистических идеях, отошли от них. Таковым был и М. Боди. Его взгляды за 10 лет пребывания в России заметно эволюционировали. Ему ближе стал, скорее, троцкизм с внутрипартийной дискуссией, критикой партийной диктатуры и государством без надстроек, где массы общаются напрямую с властью, чем большевизм сталинского типа. Именно такой, «демократический коммунизм» Марсель Боди и стремился «строить». Но он, как и многие другие, в конце концов осознал и, как полагаем, даже смирился с утопичностью реализации подобного проекта, по крайней мере, при его жизни.

ИСТОЧНИКИ

- Померанцев К. Сквозь смерть. Воспоминания. L.: Overseas publ. interchange, 1986. 193 с.
- Приказ Народного Комиссариата по военным делам № 333. Об открытии ускоренных курсов по подготовке командного состава рабоче-крестьянской красной армии // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР М. 1942. С. 343-344.
- РГАСПИ. Ф. 495. Оп 270. Д. 6333, 6889.
- РГАСПИ. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1, 72.
- Body M. Au cœur de la Révolution: mes années de Russie 1917–1927. P.: Max Chaleil, 2003. 303 p.
- Body M. Les Groupes communistes français de Russie (1918–1922). P.: Allia, 2015. P. 45-46.
- Pascal P. En communism. Mon journal de Russie. 1918–1921. L.: L'âge d'Homme, 1977. 226 p.
- Service historique de la Défense, Terre (SHD/T). 7 NN 2013. «Дело французского коммуниста Жака Садуль».

БИБЛИОГРАФИЯ/REFERENCES

- Алексеевское военное училище // Русская императорская армия. [Aleksееvskoe voennoe uchilishche // Russkaya imperatorskaya armiya. URL: <http://regiment.ru/reg/VI/C/3/1.htm>].
- Виане Б. Марсель Боди: типографский рабочий из Франции, ставший советским дипломатом // Новейшая история России. 2014. № 2. С. 73-85. [Viane B. Marsel' Bodi: tipografskij rabochij iz Francii, stavshij sovetskimi di-plomatom // Novejshaya istoriya Rossii. 2014. № 2. S. 73-85.].
- Brabant J.-M., Maitron J., Manigaud A. Body Marcel // Le dictionnaire biographique Maitron. 20 octobre 2008. URL: <http://maitron-en-ligne.univ-paris1.fr/spip.php?article17015>.
- Lejeune D. Les missions de la SFIO dans la Russie de 1917 // Revue Historique. 1987. Octobre-décembre. P. 373–386.
- Беспалова Ксения Андреевна, аспирантка, Уральский федеральный университет: v199162@mail.ru*

“You haven’t seen the communism in the yours eyes, and me, I not only seen and lived ten years at it, but I also build it!”⁶⁷

The article discusses life and career of Marcel Body, an activist of the communist movement. The author establishes the motives for the French soldier to take the side of the Bolsheviks, most thoroughly analyses his activities in Russia (1917-1927) and reveals the reasons which moved away him from the communism. The conclusion is drawn about the evolution of views and the disappointment of M. Body in this ideology.

Key words: The Civil War, Communist International, The Russian Revolution, The French Communist Group of Moscow

Ksenia Bespalova, postgraduate student, Ural Federal University, v199162@mail.ru

⁶⁷ The reported study was funded by RFBR, project number 19-39-90025 «The activity of the French communistic group in Moscow: a promotion of the ideas of the Bolshevism and evolution of views of its participants (1917 - the middle of the 1930th years)».

ФРАНСУА МОРИАК, РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И КОММУНИЗМ

В статье анализируется отношение Франсуа Мориака к русской революции 1917 года, коммунизму, советскому опыту строительства социализма. В центре исследования находится интеллектуальная и политическая биография Мориака в период между двумя мировыми войнами. Интеллектуальный путь известного католического писателя связан вначале с его участием в «Сийон» и симпатиями к «Аксьон франсэз», но также со знакомством с русской литературой, постижением событий в России, коммунизма, участием во встречах с русской религиозной эмиграцией (например, декады в Понтины). На протяжении 1920-х и 1930-х гг. Франсуа Мориак, оставаясь убежденным католиком, пережил эволюцию от позиции жесткого консерватора, отвергавшего любое сотрудничество с коммунизмом до писателя и публициста, осудившего террор во время гражданской войны в Испании, ставшего участником Сопrotивления и выступившего за сотрудничество с СССР в деле борьбы с фашизмом. Статья основана на материалах литературного творчества Франсуа Мориака, его статьях во французских газетах, мемуарах.

Ключевые слова: Франсуа Мориак, католицизм, русская революция, коммунизм

Русская революция и подъем коммунизма в период между двумя мировыми войнами оказали глубокое влияние на французскую политическую культуру. Они усугубили внутренние политические конфликты и потрясения предшествовавших десятилетий, связанные с «делом Дрейфуса» и подъемом «Аксьон франсэз» («Action française»). Война способствовала подъему движения антивоенного протеста и пацифизма, приливу революционной волны, а русская революция стала «проблеском надежды» после военных тягот и пробудила широкий энтузиазм. В первое время русская революция казалась западным интеллектуалам неким идеалом всеобщего счастья и справедливости, который может прийти на смену дискредитировавшему себя в мировой войне буржуазному обществу. Началась долгая история сотрудничества и борьбы западных интеллектуалов с коммунизмом, растянувшаяся почти на семьдесят лет, пробуждая энтузиазм и разочарование, вступление в ряды «попутчиков» коммунизма и разрывы с коммунистической партией, осмысления советского опыта и кризис веры¹.

Реакция на революцию в России и подъем коммунизма не могли пройти незамеченными в литературных католических кругах. В межвоенный период они были представлены несколькими крупными именами: Ф. Мориак, Ж. Бернанос, П. Клодель, Л. Блуа, П. Бурже, Ж.-К. Гюисманс, Ж. Руо, Ф. Жамм и другими, олицетворявшими «католическое возрождение» в литературе и искусстве, возникшее в последней трети XIX века. Обращение к проблемам утраты веры, отступлению от «истинного» христианства, человеческой греховности, воли и свободы вы-

---

¹ Winock 1999: 211-212.

бора, критика буржуазной цивилизации с позиции христианства и, наконец, фактически ставший обязательным каноном образ священника, обуеваемого страстями, легли в основу т.н. «католического романа»².

Одним из представителей «католического возрождения» и самых влиятельных католических писателей XX века стал Франсуа Мориак (1885–1970). Литературная биография и творчество писателя довольно хорошо изучено в нашей стране и за рубежом, продолжая привлекать внимание исследователей³. В статье нас интересует проблема политической ангажированности Мориака в межвоенный период, его отношение к русской революции, советскому опыту, коммунизму, крупным политическим событиям, связанным с участием или присутствием СССР. В момент революции в России Ф. Мориак уже был достаточно известным в литературных и интеллектуальных кругах. В этом плане его высказывания, статьи, заметки, некоторые романы являются важным компонентом репрезентации советского мира среди французских католиков.

Комплекс литературных и публицистических произведений Мориака обширен и охватывает разные периоды его жизни и творчества. В них, безусловно, присутствует дух эпохи, в т.ч. и «советская тема». Естественно, под влиянием разных обстоятельств менялось его отношение к советской истории, ее действующим лицам, событиям. Мы сознательно ограничиваемся межвоенным периодом, поскольку именно тогда была заложена основа поведения интеллектуалов-католиков в отношении коммунизма, которая затем найдет свое развитие в период Сопротивления и десятилетия сотрудничества и борьбы после Второй мировой войны. В этом плане фигура Мориака, как и Бернаноса, Маритена, Жильсона, Клоделя, может служить моделью поведения, реакции, осмысления, интерпретации.

Начало политической ангажированности Мориака исследователи, да и он сам, относят к детским годам, когда он узнал про «дело Дрейфуса». Проживая с родителями в Бордо, он, как многие молодые католики его поколения, в юности испытал увлечение идеями «Аксьон франсэз». Затем в 1905 г. под влиянием брата Жана примкнул к местному кружку «Сийон» (основанному левым католиком М. Санье), в котором он видел стремление «демократизировать» церковь, приспособить ее к социальным требованиям современности⁴. Но после увлечения католическим модернизмом последовало разочарование и разрыв в 1907 г. Эти события совпали с отъездом Мориака из Бордо и поступлением в Эколь де Шарт. В 1910 г. «Сийон» и вовсе был запрещен по требованию Ватикана, а Мориак к тому времени забросил учебу и решил заняться литературой. В юношеском возрасте он знакомится с русской литературой, ко-

² Calvet 1931; Guissard 1969.

³ Кирнозе 1970; Наркирьер 1983; Ландор 1996; Сеай 2001; Lacouture 1980; Baggé 2009; Le Gall 2017.

⁴ В начале 1960-х гг. Мориак сравнил Санье с «вечно живым старым архангелом». – Mauriac 1965: 243.

торая производит на него неизгладимое впечатление. К 1910 г. относится его встреча с М. Барресом, который хорошо отзывался о поэтическом сборнике Ф. Мориака «Сложенные руки»⁵.

Во время Первой мировой войны Мориак служил санитаром в одном из госпиталей Красного креста и на фронте, воочию насмотревшись на ужасы войны. Отсюда его отторжение войны, воинственных заявлений и речей, патриотического угара: «критическое чувство пробудилось во мне очень рано»⁶.

Первый политический опыт Ф. Мориака тех лет нашел отражение в его романе «Дитя под бременем цепей» (1913). В этом романе Мориак рассказывает о Жан-Поле Жоане, который приехал из провинции, чтобы «завоевать» Париж. Но город произвел на него гнетущее впечатление и усилил одиночество. Не найдя удовлетворения в католическом догматизме, Жан-Поль устремил свои помыслы к модернизму. Он подружился с Венсаном Иэроном, посвятившим себя делу христианской демократии и являвшимся членом организации «Любовь и вера» (отсылка к «Сийон»). Что интересно, возглавляет организацию Жером Серве, в котором угадываются черты Марка Санье. Как и его прототип, Серве видит свою задачу в том, чтобы совершить «великую революцию» в душе пролетариата. В программе и деятельности общества переплетаются религиозный и революционный идеалы. Собрания, на которых обсуждаются теологические вопросы, заканчиваются пением «Интернационала». Но в организации «Любовь и вера» к Жан-Поллю относится как к «буржуа и интеллектуалу». На очередном собрании Жорж Эли, рабочий-подмастерье, с которым он пытался завязать тесную дружбу, бросает ему в лицо: «Есть вещи, которых буржуа никогда не понять». Разочарованный, Жан-Поль приходит к выводу, что в такой организации ему делать больше нечего. В конце концов он обрел душевное спокойствие в любви и вере в бога⁷. Таким образом, в конфликте Жоане и Эли мы можем видеть разрыв между надеждами рабочего класса и доктринальными рассуждениями буржуа, мало знакомого с реальным положением простых людей, на что часто указывали критики.

В момент окончания войны и русской революции Ф. Мориак оказывается на распутье. Во имя веры он отвергал социализм: «Поскольку социалисты были заклятыми врагами Церкви, у нас не было нужды искать других причин, чтобы их осуждать», – заметит он в своих интимных воспоминаниях, описывая политические взгляды провинциальных кругов Бордо. Но он не был своим и среди консервативных правых. «Меня считали правым, – пишет он. – Как журналист я получил боевое крещение в «Голуа» («Gaulois»), потом в «Эко де Пари» («L'Echo de Paris»). Однако уже в ту пору мои романы начали внушать тревогу пра-

⁵ Наркирьер 1983: 15.

⁶ Мориак 1996: 59.

⁷ Mauriac 1967(b). См. также: Наркирьер 1983: 20-21; Barré 2009: 226-231.

вому крылу католиков, ибо лили воду не на его мельницу»⁸.

Как он воспринял события в России? Можно сказать, что с позиций думающего и размышляющего христианина. В 1920 г. он заметит: «Эти большевики – живые, думающие существа, с которыми хотелось бы поговорить, поспорить»⁹. Как многие католики, он с интересом наблюдал выход на политическую авансцену новой идеологии, часто получая информацию непосредственно от очевидцев революционных событий. В этом плане следует отметить влияние, которое на него оказала русская религиозная эмиграция, активно сотрудничавшая со многими французскими литературными и политическими газетами и журналами. Благодаря инициативе Н.А. Бердяева и других сформировались своего рода центры притяжения, коими стали встречи в Медоне и Кламаре, «Франко-русская студия» и собрания на улице Висконти в Париже под названием «Союз за истину» («Union pour la vérité»), известные как «декады» в Понтины, которые организовал Поль Дежарден с 1922 г. Последние были посвящены философии культуры и философии политики. Как пишет Л. Ливак, «к 1925 году беседы в Понтины имели необыкновенный результат, во время них Андре Жид спорил с Львом Шестовым, Поль Валери общался с Николаем Бердяевым, Франсуа Мориак обменивался мыслями с Борисом Зайцевым, Роже Мартен опрашивал Ивана Бунина, а у Бориса Шлёцера завязывалась дружба с Шарлем дю Бо»¹⁰.

В 1920-е гг. французские интеллектуалы сталкиваются с массивной культурной и политической пропагандой со стороны Советской России, направленной на формирование положительного образа русской революции и строя. Все это рождает жаркие дискуссии среди французских интеллектуалов (в т.ч. католиков) о реальности опыта советского социализма. Однако в эти годы Ф. Мориак почти не вовлечен в жаркие политические дискуссии, замыкаясь на литературном творчестве и религиозно-философском поиске. Не случайно именно в 1920–1930-е гг. он пишет ряд религиозных произведений: «Бог и Маммона» (1929), «Страдания и счастье христианина» (1931), «Жизнь Иисуса Христа» (1936), в которых отражены мотивы и причины его религиозности.

В сознании писателя рождается и укрепляется образ христианина, который хочет изменить мир и Церковь, не порывая с верой, оставаясь в лоне Церкви. Главное, вернуться к истинной, изначальной вере, изначальному пониманию и сути христианского учения. При этом он критично отзываясь и о тех, кто готов ради построения нового общества порвать с верой. «...Но эти терзания [верующих – Д.Ш.] из-за мимолетного образа, из-за ничтожнейшей мысли сочетались со странным безразличием, мало того, с непониманием, с нежеланием постичь самую суть евангельского учения, проповедующего отказ от богатства, презрение к деньгам, самоотвержение и любовь к неимущим, добровольную

⁸ Мориак 1986.

⁹ Цит. по: Lacouture 1980: 169.

¹⁰ Livak 2004: 110.

бедность – я уж не говорю о жажде справедливости, которая под именем социализма стала угрозой частной собственности, нажитому богатству и потому была объявлена абсолютным злом. ...на дне реторты не останется ни крупинцы христианства. Плотские страсти были под запретом, и на их месте расцветала страсть к наживе, которую буржуазное сознание перерядило в добродетель»¹¹, – писал Ф. Мориак. В конечном итоге, в его трактовке кризис веры сочетался с кризисом буржуазного общества. На этот религиозный кризис, вполне естественно, наложилась активная пропаганда идеалов справедливости и равенства со стороны левых.

Увлечение части католиков революционными идеалами переустройства общества ставило серьезную проблему. Мало было заявить о себе как стороннике социальной справедливости и критике буржуазного общества, необходимо было проявить себя в этом деле. В эпоху активной ангажированности интеллектуалов и острой политической борьбы это выглядело как само собой разумеющимся. Ангажированный писатель должен стать по ту или иную сторону баррикад. Такова была логика политической борьбы 1920–1930-х гг.

Для французских католиков эта проблема приобрела драматичное звучание. Официально французская католическая иерархия оставалась консервативной, во многом реакционной. У неё была своя четкая политическая стратегия, соотносящаяся с генеральной линией Ватикана. Любые отклонения от нее вызывали бурные споры и дискуссии, но заканчивались, как правило, наказанием или исключением «диссидентов». Так случилось с «Аксьон франсэз» Ш. Морраса, в деятельности которой Церковь принимала активное участие. Подобное же произошло с рядом католических газет и журналов, осмелившихся выражать иную точку зрения (например, с газетой «Сет» или органом «красных христиан» газетой «Терр нувель»). Мориак, который тоже имел не простые отношения с официальной иерархией, оказался перед трудным выбором, разрешить который он пытался через свое литературное творчество.

Размышляя о революции, вступая периодически в воображаемый диалог с революционерами, Ф. Мориак вместе с тем остается во власти мнения о дикой и разрушительной силе русской революции, о ее негативном влиянии на церковь и веру, причине возникновения инстинктивного страха в религиозной среде за будущее религии и разрушения устоявшихся традиций. На страницах некоторых его произведений разных лет мы находим отголоски этого «великого страха».

В романе «Судьбы» (1928) равновесие провинциальной буржуазной семьи Гарнаков рушится после приезда Робера Лагава из столицы к своей бабке (служанки у Гарнаков)¹². На фоне вспыхнувших страстей, нарушивших умеренную провинциальную жизнь, проступает фигура Пьера Гарнака, которого автор характеризует как социалиста, фанатика и ригориста. При этом Пьер-социалист у Мориака получается в итоге

¹¹ Мориак 1986.

¹² Mauriac 1995.

очень похожим на раскаявшегося и повернувшегося к Богу грешника, и заканчивает он свою богемную и «революционную» жизнь тем, что уходит в монастырь. В повести «Мартышка» (1951), описывающей провинциальную повседневность тех лет (время действия «Мартышки» относится к годам, последовавшим за Первой мировой войной), этот «страх» проступает при выборе нового школьного учителя. Диалог Гийу и его матери типичен для буржуазной католической семьи эпохи: «Скажите, мама, этот учитель красный? – Лусто говорит, просто ужас какой красный». Дилемма состоит в том, доверить или нет обучение сына учителю-коммунисту. Но если брать шире: можно ли вообще доверять людям, верящим в ценности русской революции и коммунизма, раз они уже прочно вошли в нашу политическую жизнь? В той же повести устами Робера Бордаса проводится констатация произошедших перемен: «Классовая борьба – это ведь не просто так, для учебников. Она вторгается в нашу повседневную жизнь, она должна направлять наши поступки». Однако в «Мартышке» «красный учитель», хотя и представлен фанатиком социалистических идей, все же обрисован с большой симпатией. В его доме много книг, царит атмосфера больших дел, которыми он живет. При контакте с ним Гийу преобразается, доверяет, внимает ему. Но в то же время Бодрас не видит души ребенка, поскольку ушел в идеологические абстракции, идеи классовой борьбы и т.п. Классовая борьба оказывается несочесимой с чувствами ребенка¹³.

В романе «Дорога в никуда» (1939), посвященном краху еще одной буржуазной семьи, Мориак выводит крайне важную для католиков альтернативу. На фоне крушения привычного мира и надежд существует выбор – «революция или бог». Но главный герой Пьер Костадо говорит, что из этого выбора «нам не вырваться». Для Мориака всякая революционная социальная система порочна, а сущность человека греховна. Устами Ландена он отмечает: «Зачем говорить о каких-то преобразованиях, о революции? Все это ни к чему не приведет, голод и жажда справедливости столкнутся с голодом и жаждой иного рода, с самыми гнусными вожделениями»¹⁴. Но как в одном сознании примирить веру и революцию? Как сделать так, чтобы социальная революция не сползла в «воинствующее безбожие»? «Иногда я представляю себе, – напишет он позднее, – какие мысли приходят в голову советскому юноше, когда он вспоминает вдруг церковь, куда бабушка водила его тайком, когда он был маленьким. А может быть он, став взрослым, зашел туда как-нибудь из любопытства и всматривался в горящие в полумраке свечи, вдыхал запах ладана, слушал пение так, как это делает этнограф, внимательно наблюдающий заклинания негритянского колдуна и ритуальные племенные танцы. Какую жалость, какое презрение должны были возбуждать в нем и тихий шепот молитв и жесты молящихся. Значит существуют еще бедняги, которые не знают, что никаких тайн больше нет?

¹³ Мориак 2002. Т. 3.

¹⁴ Мориак 2002. Т. 2.

Я не раз думал, что если бы этот, выдуманный мною, молодой марксист спросил меня, как лучше определить животное еще не совсем исчезнувшего, но, по его мнению, вымирающего вида, которое называется христианином, я бы ответил ему, что христианин – это в основном человек, который не принимает тайну, не соглашается принять ту тайну, которую как раз он-то, материалист, принял; и не только принял, но и признал ее запретной зоной, куда воспрещен доступ философам и ученым»¹⁵. Однако, несмотря на попытку постичь сущность коммунистической революции, Мориак остается глубоко верующим католиком, верным правой католической культуре.

В следующее десятилетие Ф. Мориак вступает уже вполне зрелым и известным писателем. В 1932 г. он становится председателем Общества писателей. В 1933 г. его избирают во Французскую Академию.

Первая половина 1930-х гг. отмечена подъемом правых во Франции, популярностью фашистских партий и движений, критикой республики и ее институтов. С течением времени этот «дух тридцатых годов» станет причиной разделения французского политического класса в отношении к Народному фронту, источником присоединения некоторых интеллектуалов к Виши и коллаборационизму. Антикоммунизм и антифашизм становятся главными аспектами политических обязательств на фоне усугубления внутренних проблем страны, раскола интеллектуального сообщества, «вступившего в зону исторической турбулентности»¹⁶.

В 1930–1935 гг. Мориак справа, консерватор и конформист. Он направляется в Рим в январе 1935 г., где встречается не только с папой Пием XI, но и с Б. Муссолини, харизматичный диктаторский режим которого впечатляет его («продолжатель дела императоров и пап») ¹⁷. Он хорошо отзывался о П. Лавале, который вел переговоры с Италией. Но когда Италия нападает на Эфиопию, он испытывает неловкость и неуверенность перед лицом критики этой агрессии и реакции международного сообщества¹⁸. 17 октября 1935 г., в разгар конфликта газета «Об» опубликовала манифест, подписанный, в частности, Ж. Маритеном, Ф. Мориаком, Ф. Жаммом, в котором утверждалось, что «душа и жизнь черного человека столь же священны, как душа и жизнь белого»¹⁹.

Ф. Мориак, при своей критичности, все же тогда встает на защиту буржуазии, не принимая нападков на нее левых интеллектуалов. В марте 1933 г. он иронично пишет в «Эко де Пари», обращаясь к ним: «Французская буржуазия была горнилом, в котором создавался гений нашего крестьянского и рабочего народа (...) Эти непокорные, Бодлер, Рембо, существовали лишь в зависимости от этой буржуазии, от которой они отрекались, но детьми которой они были... Эта революция, о которой

¹⁵ Мориак 1996: 22.

¹⁶ Ory, Sirinelli 2004: 143.

¹⁷ Mauriac 1935(a).

¹⁸ См.: Mauriac 1935(c).

¹⁹ Цит. по: Lacouture 1980: 314.

вы только и говорите, кто ее будет делать? Не вы, и вы это хорошо знаете. Среди тысяч случайных комбинаций наименее вероятной является присутствие нашего дорогого Жака Маритена во главе будущих народных комиссаров»²⁰.

1935–1936 гг. стали в политическом плане важными для Мориака. С одной стороны, он остается в стороне от демаршей и манифестаций левой интеллигенции и не участвует, например, в международном конгрессе писателей в защиту культуры, который прошел в Париже в июне 1935 г., равно как он не присоединяется к Комитету бдительности антифашистской интеллигенции, созданному в марте 1936 г. С другой стороны, он держится в стороне и от напора консервативных и фашистских движений, пик которых пришелся на события 6 февраля 1936 года.

Он продолжает активно защищать католические ценности, полемизируя, в частности, с А. Жидом, совершившим путешествие в СССР. Именно через полемику Ф. Мориака с А. Жидом можно проследить и его отношение к советскому опыту. По приезду А. Жид апологетично провозгласил: «Вот что может дать государство без религии, общество без семьи. Религия и семья являются двумя злейшими врагами прогресса»²¹. Ф. Мориак ему ответил: восхищающиеся советским строем и коммунизмом «утверждают, что их влечет к коммунизму то, что он символизирует прогресс, символ веры, который в их глазах не терпит обсуждения». И он по этому поводу иронизировал: «Итак, само собой мы не можем в этом сомневаться: 1) что человечество прогрессирует, и 2) что этот прогресс проявляется исключительно в большевизме». Но далее ирония заканчивается, и Мориак серьезным тоном возражает Жиду: «Религия и семья: внутренний прогресс нигде не найдет лучшей помощи... Бесполезно доказывать этому неофиту, что большевистская диктатура является одной из самых подавляющих, которые когда-либо испытывало человечество: какое значение для него имеют внешние принуждения? Единственное препятствие, которого он боится, этого морального закона, который вопреки нам самим укрепляют религия и семья, и который он считает наконец побежденным; не слишком дорогая победа!.. Внутренний прогресс, согласно Христу, материальный прогресс, согласно марксизму, мы снова возвращаемся к двум воздвигнутым зданиям, одному против другого до скончания века. Я верю в могущество того, кто кажется более слабым. Я думаю о солдатах Красной армии... во время сна упрямо крестьящихся...»²². Таким образом, им ставится вопрос о вечности веры и христианства и преходящем советском опыте, который основывается на принуждении.

Продолжая полемику с Жидом и намекая на его субъективные мо-

²⁰ Mauriac 1933.

²¹ Winock 1999: 277.

²² Mauriac 1932. Впоследствии он также напишет: «Один атеист говорил мне, что его больше всего поразили в Москве церкви, переполненные молящимися» // Мориак 1996: 58.

тивы, он пишет в газете «Сет» («Sept») статью «Писатель перед лицом Советов»: «Не социальная революция в России, а моральная революция, которая его главным образом прельщает. Он охотно признает, что чтение Маркса ему кажется обременительным. То, что его в сущности интересует в Москве, это упразднение религии и семьи, это создание новой этики, нового человека, мира, наконец, в котором, чтобы отличить добро от зла прибегают к критериям сильно отличающимся от христианских принципов, от имени которых Жид с детства чувствовал себя осуждаемым»²³.

Политическая борьба для Мориака соотносится с защитой христианских ценностей, с христианской надеждой на мир и справедливость. В этот момент проявляется черта его христианской ангажированности – придерживаться заветов Евангелия, но не жертвуя своими убеждениями ради интересов политической власти. Тем не менее, водоворот политических событий затягивает и его: провозглашение республики в Испании, приход к власти в Германии национал-социалистов, строительство социализма в СССР, победа во Франции на выборах Народного фронта.

В апреле 1936 г. лидер французской компартии М. Торез заявил, что коммунисты готовы протянуть руку католикам во имя солидарности перед угрозой фашизма²⁴. В мае Ф. Мориак пишет в «Фигаро» статью «Протянутая рука» как ответ католиков на призыв коммунистов к сотрудничеству, назвав призыв Тореза «электоральным маневром». Он отмечает, что «коммунизм не противостоит христианству по тому или иному пункту; они являются несводимыми один к другому; первый основывается на руинах второго. Марксизм может водвориться лишь в безбожном обществе. Борьба против Бога приняла в России официальный характер». Отсюда постановка вопроса, ставшая актуальной на долгие годы: имеют ли католики моральное право сотрудничать с противоестественным режимом, который разрушает человеческую личность и ее связь с Богом? «Имеем ли мы право сотрудничать с царством противника – противника, для которого существует необходимость разрушить в человеке его подобие Богу, чтобы воссоздать его в другом образе и с другим подобием?»²⁵ – задается вопросом Мориак. И добавляет: «Коммунизм, как и гитлеризм, ненавидит всякую духовную жизнь, которая ускользает из его трофеев». Логика Мориака была проста: марксистско-ленинская идеология разрушила христианскую Россию, доктрина Маркса упростила коммунистическую идею, а тоталитарный режим стал ее преступно эксплуатировать. Поскольку французские коммунисты – «партия Москвы», то они являются проводниками тоталитаризма во Франции, действуя теми же методами, что и их советские руководители. Следовательно, ни о каком сотрудничестве на данном этапе

---

²³ Mauriac 1935(b).

²⁴ Thorez 1936.

²⁵ Mauriac 1936(a).

речи быть не может.

Спустя много лет он по-прежнему будет указывать на антирелигиозную сущность советского строя: «Вне Церкви массы марксистов стремятся уничтожить все христианское, ибо больше всего в мире они его ненавидят и считают его своим основным врагом»²⁶. Но при этом он испытывает нечто вроде скрытой симпатии к простым заблудшим людям, отмечая в дневнике: «Ко мне приходили студенты-коммунисты. Испытываю большую симпатию. Они напомнили мне молодых викариев, которые у меня часто бывают: с ними я чувствую те же угрызения совести – мне не хочется их слушать и тревожить. В католическом государстве коммунизм – не последняя ересь»²⁷. В другом случае он отметит: «В церкви, как и в партии коммунистов, состоит множество мертвых душ. Но среди живых с обеих сторон существует тайная связь»²⁸.

Отвергая сотрудничество с коммунистами, Мориак держится настороженно и с правыми. Так, он не подписывает «Манифест в защиту Запада», который был инициирован А. Массисом и опубликован газетой «Тан» («Le Temps») 2 октября 1935 г. Но с лета 1936 г. под влиянием событий в Испании позиция Мориака эволюционирует. Хотя и здесь он колеблется²⁹. 2 августа 1936 г. он пишет в «Фигаро» статью «Ответ Торквемады», в которой оправдывает фалангистов, воевавших «за Христа и Короля», тогда как республиканцы воевали «за Сталина»: «Если бы мятежные войска защищали бы только привилегии, как у вас хватает смелости утверждать, они были бы давно побеждены. Во имя веры каждый испанец встает под свое знамя. Благородней умереть за Христа или Короля, нежели умирать за Сталина». Здесь же он пишет о перспективе идеологического соперничества католицизма и марксизма³⁰.

Но спустя несколько дней его позиция меняется. Если П. Клодель еще вдохновлен Франко, публикуя апологию под названием «Испанским мученикам» («Aux Martyrs Espagnols»), то Мориак разочарован. Он критикует Клоделя, который «открыл врата рая» только убитым в Испании франкистам, сочтя республиканцев недостойными его. «Начиная с 1936 года я открыто выступаю против Франко. Я становлюсь в Париже президентом Общества друзей басков, а позже возглавляю Аншлюс, оказывающий помощь беженцам из Австрии (почти сплошь евреям). Для меня, как и для Маритена, как и для Бернаноса, главное – уберечь церковь от пагубного компромисса. Я сотрудничаю в левых католических еженедельниках «Сет» и «Тан презан»³¹, – пишет он. Таким образом, гражданская война в Испании стала для него своего рода концом долгого политического этапа, начавшегося с вступления в «Сийон», и

²⁶ Мориак 1996: 58.

²⁷ Mauriac 1993. Т. III:5.

²⁸ Mauriac 1993. Т. II: 64.

²⁹ Winock 1999: 370.

³⁰ Mauriac 1936(b).

³¹ Мориак 1986.

отправной точкой, которая приведет его в ряды Сопротивления. Мориак воспринял войну в Испании как ключевое событие, инициировавшее его ангажированность, одновременно переломный момент и начало нового этапа: «Это было в эпоху гражданской войны в Испании... я встал на путь, с которого больше не сворачивал»³².

После того как стали известны ужасные факты зверств, творимых обеими противоборствующими сторонами (резни в Бадахосе, бомбардировки Герники и др.), Мориак, казалось бы, встал на «правильную» сторону: «Даже в ужасе гражданской войны человек знает, что он может отдать свою жизнь за то, что он считает правдой, за то, что он может защищать правду – свою правду – с оружием в руках. Но он также знает, что массовые казни побежденных, что истребление противника – то, что было законом до Христа, – представляет собой самый отвратительный триумф, какой сила тьмы имеет в этом мире»³³. Ф. Мориак в эти месяцы обращается к проблеме человеческого достоинства, которую он трактует через свой личный опыт, через свое прочтение Евангелия, Монтеня и Паскаля. По этой причине он не принимает и критикует расизм или держит дистанцию в отношении Народного фронта. Он хочет в этих бурных и неоднозначных событиях сохранить свою независимость («душа, которая не принадлежит никому»).

8 мая 1937 года в католической газете «Круа» («La Croix») увидел свет манифест в защиту народа басков³⁴. Ф. Мориак подписывает «Манифест за баскский народ» наряду с Ш. дю Бо, С. Фюме, Ж. Мадолем, Габриэлем Марселем, Ж. Маритеном, Э. Мунье, М. Мерло-Понти и др.³⁵ 28 мая 1937 г. он объясняет свою позицию в газете «Сет». Преступления совершаются с обеих сторон, но: «Нельзя допустить, чтобы однажды, когда баскский народ пробудится от своего кошмара, он смог бы засвидетельствовать, что только смертельные враги церкви пришли ему на помощь; нельзя также допустить, чтобы в его глазах священник, лицемер, которые проходят, не повернув головы, были католиками, ни заставить его верить в доброго самаритянина, на турбане которого он увидит серп и молот». Кто упрекнет басков? Отныне невозможно для него верить в справедливый конфликт, противопоставляющий христиан Антихристу, как испанские священники называли народный фронт³⁶.

В июне 1937 г. Мориак публикует статьи против насилия. Он обличает эксцессы национализма, прикрывающиеся христианскими лозунгами, и упрекает испанскую Церковь, которая пошла на сделку с совестью, вступив в союз с диктатором Франко, «безразличие братьев-католиков»³⁷. В июне 1938 г. он аргументирует в «Фигаро»: «То, что

³² Mauriac 1993. Т. III: 474.

³³ Mauriac 1936(c).

³⁴ Lacouture 1980: 326. Winock 1999: 373.

³⁵ Pour le peuple basque 1937.

³⁶ Winock 1999: 373.

³⁷ Mauriac 1937.

определяет нашу позицию, была претензия испанских генералов вести священную войну, крестовый поход, бьгть солдатами Христа. (...) Святотатства и преступления, совершенные вооруженной и яростной толпой на следующий день после подавленного военного мятежа, являются нестерпимым кошмаром. Скажем только, что убийства, совершенные маврами, которые прикалывают святое сердце к своим бурнусам, что систематические чистки, трупы женщин и детей, лежащие после немецких и итальянских летчиков, находящихся на службе главы католиков, который называет себя солдатом Христа, стали чем-то похожим на ужас...»³⁸. Мориак не может больше смешивать христианство и фашизм. Поэтому, когда придет известие об окончательной победе Франко он отметит, что «военные мятежники одержали верх лишь благодаря поддержке итальянского фашизма и германского расизма»³⁹. В Париже он делал все возможное для оказания помощи испанским беженцам. Вместе с Эдуардом Эррио, председателем Палаты депутатов, кардиналом Вердье, архиепископом парижским, он принимал деятельное участие в создании Международной лиги друзей басков и стал впоследствии ее председателем⁴⁰.

Разрыв с правыми вызвал ответную критику, но также сожаление и надежду на его возвращение обратно. Р. Бразийяк так и подпишет ему свою книгу о войне в Испании: «сбившемуся с пути Ф.М.». В статье под заглавием «Критический возраст г-на Мориака» (опубликована в листке «Je suis partout») едко говорилось: «Хотелось бы пожелать г-ну Мориаку мирного возвращения домой, приятного воскресного чтения, душевного покоя и посоветовать ему потихоньку ожидать старости»⁴¹.

Гражданская война в Испании во многом определила позицию Мориака в его отношении к СССР и коммунизму. Еще зимой 1939 г. он писал, что Франция «никогда не будет связана с Москвой против Берлина и Рима, а также с Берлином и Римом против Москвы. Всегда сражающаяся на виду, она ежеминутно одерживает победу, заставляя колебаться убийц, которые бродят вокруг свободных наций, дочерей Бога»⁴². Но разгром Франции, установление режима Виши изменили ситуацию. После короткого периода симпатий к Петену, Мориак безоговорочно стал на сторону Сопротивления, осознавая жертву, которую приносит русский народ на алтарь победы. Это дало ему повод написать, что советский народ, как и британский, никогда не будет для французов «чужим», что, не благодаря истории Советской России, а «благодаря Гоголю, Тургеневу, Толстому, Достоевскому, Чехову и Горькому открылось нам сердце Святой России». «Когда в эти мрачные зимы мы слушали по радио великолепный ансамбль русских солдат, мы прекрасно понимали,

³⁸ Mauriac 1938.

³⁹ Mauriac 1967(a): 96-97.

⁴⁰ Наркирьер 1983: 63-64.

⁴¹ Там же: 64.

⁴² Mauriac 1939.

что их пение пришло к нам из глубины веков». И далее: «Мы верим в вечную Россию, не зависящую от исторических явлений и не определяемую ими. Именно к ней обращаем мы взоры в этот славный момент ее истории, когда она ценою невыразимых страданий и героических подвигов приобрела право говорить с Европой во весь голос»⁴³.

Таким образом, к моменту начала Второй мировой войны политическая ангажированность Мориака выглядит сформировавшейся. «Для христианина нет другой дозволенной политики, кроме стремления к Царству Божию и правде Его. Но в то же время ему не дозволено равнодушное отношение к конфликтам, разделяющим его братьев. Он должен быть и выше борьбы, и, вместе с тем, в ее огне»,⁴⁴ – напишет он позднее, но эти слова вполне можно соотнести с его действиями в ту эпоху. Все это толкает его к весьма умеренному антикоммунизму (больше в вопросе противостояния веры и материализма, нежели в реальной политике, хотя он и не готов тогда к сотрудничеству с французскими коммунистами), побуждает к пересмотру своей позиции в годы войны в Испании (от веры в Франко и испанскую Церковь до осуждения репрессий и террора). С началом войны Ф. Мориак – одна из важных фигур католического Сопротивления с его симпатиями к делу генерала де Голля и той борьбе, которую ведет Советский Союз с фашизмом.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Андреев Л.Г. Чистилище Франсуа Мориака // Мориак Ф. Романы. М., 1972. С. 5-21 [Andreyev L.G. Chistilishche Fransua Moriaka // Moriak F. Romany. M., 1972. S. 5-21]
- Кирнозе З.И. Франсуа Мориак. М.: Высшая школа, 1970. 80 с. [Kirnoze Z.I. Fransua Moriak. M.: Vysshaya shkola, 1970. 80 s.]
- Ландор М. Тревожные вопросы Франсуа Мориака // Вопросы литературы. 1996. № 3. С. 206-218 [Landor M. Trevozhnyye voprosy Fransua Moriaka // Voprosy literatury. 1996. № 3. S. 206-218]
- Мориак Ф. Не покоряться ночи... Художественная публицистика. М.: Прогресс, 1986. – 429 с. [Moriak F. Ne pokoryat'sya nochi... Khudozhestvennaya publitsistika. M.: Progress, 1986. 429 s.]
- Мориак Ф. Во что я верю. Киев: ДЛ., 1996. 139 с. [Moriak F. Vo chto ya veruyu. Kiyev: D.L., 1996. 139 s.]
- Мориак Ф. Собрание сочинений в 3 т. М.: Терра – Книжный клуб, 2002. [Moriak F. Sbraniye sochineniy v 3 t. M.: Terra – Knizhnyy klub, 2002.]
- Наркирьер Ф. Франсуа Мориак. М.: Худож. лит., 1983. 230 с. [Narkir'yer F. Fransua Moriak. M.: Khudozh. lit., 1983. 230 s.]
- Сеай А. Мориак. Н. Новгород, 2001. 159 с. [Seay A. Moriak. N. Novgorod, 2001. 159 s.]
- Художественный мир Франсуа Мориака // Вестник Нижегородского лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. Вып. 9. Лингвистика и межкультурная коммуникация. Нижний Новгород, 2010. 170 с. [Khudozhestvennyy mir Fransua Moriaka // Vestnik Nizhegorodskogo lingvisticheskogo universiteta im. N.A. Dobrolyubova. Вып. 9. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. Nizhniy Novgorod, 2010. 170 s.]
- Barré J.-L. François Mauriac, biographie intime. 1885–1940. P.: Fayard, 2009. 646 p.
- Cabanis J. Mauriac, le roman et Dieu. P.: Gallimard, 1991. 132 p.
- Calvet J. Le Renouveau catholique dans la littérature contemporaine. P.: Lanore, 1927. 424 p.
- Le Communisme te les chrétiens. P.: Plon, 1937. 264 p.
- Le Gall A. Mauriac politique. P.: L'Harmattan, 2017. 476 p.
- Guissard L. Littérature et pensée chrétienne. P.: Casterman, 1969. 238 p.

⁴³ Mauriac 1944.

⁴⁴ Мориак 1996: 55-56.

- Lacouture J. François Mauriac. P.: Seuil, 1980. 635 p.
- Livak L. La studio franco-russe (1929–1931) // Revue des études slaves. 2004. T. 75. P. 109-123.
- Massenet V. François Mauriac. P.: Flammarion, 2000. 504 p.
- Mauriac F. Bloc-notes. P.: Seuil, 1993. T. I-V.
- Mauriac F. Mémoires politiques. P.: Grasset, 1967(a). 481 p.
- Mauriac F. Mémoires intérieurs. P.: Flammarion, 1959. 261 p.
- Mauriac F. Nouveaux mémoires intérieurs. P.: Flammarion, 1965. 261 p.
- Mauriac F. L'enfant chargé de chaînes; Commencements d'une vie; Bordeaux ou l'Adolescence; Orages; Blaise Pascal et sa sœur Jacqueline; L'affaire Favre-Bull. P.: Levallois-Perret, 1967(b). 412 p.
- Mauriac F. (Euvres autobiographiques. P.: Gallimard, 1990. 1392 p.
- Mauriac F. Destins. P.: Librairie générale française, 1995. 125 p.
- Mauriac F. Les esthètes fascinés // L'Echo de Paris. 1932. 10 sept.
- Mauriac F. Les jeunes bourgeois révolutionnaires // L'Echo de Paris. 1933. 25 mars.
- Mauriac F. Les beaux jours de Rome // Le Journal. 1935(a). 2 janv.
- Mauriac F. Un écrivain devant les Soviét // Sept. 1935(b). 22 mars.
- Mauriac F. Un dessin de Sennep // Le Figaro. 1935(c). 24 sept.
- Mauriac F. La main tendue // Le Figaro. 1936(a). 26 mai.
- Mauriac F. Réponse de Torquemada // Le Figaro. 1936(b). 2 août.
- Mauriac F. Badajoz // Le Figaro. 1936(c). 18 août.
- Mauriac F. Pour le peuple basque // Le Figaro. 1937. 17 juin.
- Mauriac F. Mise au point. À propos des massacres d'Espagne // Le Figaro. 1938. 30 juin
- Mauriac F. La France n'a qu'un visage // Temps présent. 1939. 25 févr.
- Mauriac F. La Russie inconnue // Le Figaro. 1944. 19-20 nov.
- Ory P., Sirinelli J.-F. Les intellectuels en France de l'affaire Dreyfus à nos jours. P.: Perrin, 2004. 435 p.
- Thorez M. Pour une France libre, forte et heureuse // L'Humanité. 1936. 18 avril.
- Winock M. Le siècle des intellectuels. P.: Seuil, 1999. 885 p.

Шмелёв Дмитрий Викторович, доктор исторических наук, профессор, кафедра всеобщей истории, Казанский федеральный университет; dmitryShmelev@mail.ru

François Mauriac, Russian revolution and communism

The article analyzes the attitude of François Mauriac to the Russian revolution of 1917, communism, and the Soviet experience of building socialism. At the center of the research is Mauriac's intellectual and political biography between two World Wars. The intellectual path of a famous Catholic writer was first associated with his participation in "Sillon" and his sympathies for "Action Française", but also with acquaintance with Russian literature, comprehension of events in Russia, communism, participation in meetings with Russian religious emigration (for example, decades in Pontigny). Throughout the 1920s and 1930s, François Mauriac, remaining a convinced Catholic, survived evolution from the position of a tough conservative who rejected any cooperation with communism to a writer and publicist who condemned the terror during the Spanish Civil War, who became a member of the Resistance and advocated for cooperation with the USSR in the fight against fascism. The article is based on the materials of the literary work of François Mauriac, his articles in French newspapers, memoirs.

Key words: France, François Mauriac, Catholicism, Russian Revolution, Communism

Dmitry Shmelev, Dr. Sc. (History), Professor, Department of General History, Kazan Federal University; dmitryShmelev@mail.ru

ИСИДОР БОРИСОВИЧ РУМЕР: СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ

В статье проведена реконструкция персональной истории одного из представителей культурной московской семьи Румеров – Исидора Борисовича Румера (1884–1938). Биография прослежена в актуальном контексте взаимоотношения российской интеллигенции и власти. Внимание концентрируется на особенностях репрессивной политики в отношении интеллигенции в довоенный период с акцентом на 1930-е гг. В это время происходили необратимые перемены в экономической, политической и культурной политике Советского государства. Они состояли в утверждении единой идеологии, командных методов управления учреждениями науки и культуры, в фактическом распоряжении властью всей собственностью. Несогласие сопровождалось массовыми репрессиями в отношении явных и мнимых противников. Среди них – представители отечественной интеллигенции, деятели культуры и науки, в своей массе не являвшиеся непримиримыми противниками советской власти. Их критический настрой, как правило, носил латентный характер, являлся проявлением ментальности интеллигентов-гуманистов. Они озвучивали свое мнение в свободном общении в кругу единомышленников. Исследование проведено с привлечением архивных материалов, публикаций по теме, осмысления феномена отечественной интеллигенции.

Ключевые слова: интеллигенция, культура, философия, репрессии, Исидор Борисович Румер, дело № 3238, фашизм, 1930-е годы

Цель статьи – реконструкция биографии И.Б. Румера, судьбы его окружения, что позволит дополнить представления о формах, причинах и последствиях репрессий власти против интеллигенции в 1930-е гг. Подобная историко-биографическая исследовательская программа выполняется рядом историков, социологов, культурологов независимо друг от друга, и она далека от завершения¹. Для достижения цели статьи необходимо представить исторический контекст, в котором сформировалась личность интеллигента И.Б. Румера, проследить подходы к содержанию понятия «интеллигенция», характеру ее взаимоотношений с властью в исследуемый период.

Биографический «поворот» в гуманитарных исследованиях – интерес к чувствам, эмоциям, стратегиям поведения, умонастроениям людей в переломные эпохи – актуализирует персональную историю «во всей уникальности и полноте», сочетает изучение индивидуального и социального, «пределов и возможностей индивида в данном культурно-историческом контексте»². «Поворот» характеризует аксиологический подход к объекту исследования – конкретному персонажу, его системе ценностей, которые были исторически сформированы и приняты им и его окружением, но оказались дискредитированными в определенный момент бытия. Анализ исторического контекста показал, что, провозгласив «культурную революцию» в 1930-е гг., власть нанесла несколько

---

¹ Акимова 2015, Колчинский Э.И. 2018, Крайнева 2019, Нешумова 2018, Северцева [электр. ресурс], Фельштинский, Чуйкина, Чернявский, 2013 и др.

² Репина 2004: 265–266.

ощутимых ударов по интеллигенции, одновременно нивелировав общественное мнение, сводя его к конформизму и лицемерию. Внутренние (борьба за власть) и внешние обстоятельства (международная обстановка) 1930-х гг. повлекли карательные меры НКВД против инакомыслия. Донесения «органов» свидетельствовали, что отклики из просвещенной среды расценивали обвинения интеллигенции как «блеф правителей» с целью «скрыть неумение коммунистов управлять страной». О мнимом вредительстве как дымовой завесе просчетов властей в экономике и социальной политике говорили и представители других слоев населения³.

Российская интеллигенция в годы «великого перелома» оказалась перед моральным и социальным выбором. Социальный выбор – служение обществу, трансформированный в служение конкретной форме власти – исключал ее открытый критицизм, ибо он угрожал самой жизни. Проявления морально-этического выбора – обеспокоенности проблемами общества, нравственной оценки советских реалий⁴ – носили латентный характер и обсуждались в разговорах «за чаем», аналогичных «общегуманитарному говорению» на кухнях 1970-х⁵. Страх за свою жизнь и жизни своих близких обусловил понижение нравственного уровня интеллигенции от морально-этического до социально-биологического. Не имея намерения или возможности покинуть страну, открыто высказывать протест, российская интеллигенция вынуждена была приспособиться к новым реалиям советского строя, принять участие в модернизации, проводившейся варварскими методами.

В теоретических работах, посвященных интеллигенции, прослеживается два подхода: признание ее реальной институцией, где можно различить оттенки интерпретаций; и ее трактовка как «мифологемы», которая завершила свое существование, но может возродиться «при определенных условиях»⁶. Автор придерживается первого направления.

Содержание соционима «интеллигенция» не определено, но можно зафиксировать несколько его интерпретаций. В работе о поколениях отечественной интеллигенции (ограничение ее национальными рамками как «русской» не вполне корректно), о демифологизации понятия «интеллигенция», А.В. Соколов построил модель феномена интеллигенции – «формулу». «Формула» содержит постоянные (образованность и креативность), и переменные параметры (этический выбор: альтруизм / эгоизм, толерантность/насилие в отношении к людям, благоговение / средство комфорта и развлечения в отношении к культуре). Получаем восемь вариантов модели этоса (интеллигент: гуманист, скептик, сноб, конформист; интеллектуал: квазигуманист, нигилист, деспот, и циник)⁷.

³ Сахаров 2008: 63–65.

⁴ Усманов 2011: 15.

⁵ Выражение принадлежит поэту и художнику Дмитрию Пригову (1940–2007) (см. <https://www.svoboda.org/a/24200667.html>).

⁶ Орлов 2001: 57.

⁷ Соколов 2009: 63–64.

Не все исследователи поддерживают А.В. Соколова, считая акцент на особенностях понятий «интеллигент» и «интеллектуал» неприемлемым: часто они отождествлены между собой, использованы в одном контексте⁸. Известен и другой подход: термин «интеллигент» рассматривается как отечественный феномен, имеющий корни в западном социониме «интеллектуал»⁹. Специфику русской (sic!) интеллигенции Б.А. Успенский видит в ее неперменной оппозиционности власти¹⁰, что спорно, исходя из концепции «большой сделки» В. Данем¹¹. Напротив, М.Л. Гаспаров акцентирует внимание на «духовном арсенале» отечественной интеллигенции, как ее важной отличительной черте¹². Для В. Страды «русская» интеллигенция – часть «сложного исторического явления – европейской интеллигенции нового времени», а приписываемая ей особая духовность для него – «напыщенная бессодержательная риторика»¹³.

Возвращаясь к «формуле» Соколова, заметим, что он не одинок. Деление интеллигенции на «рефлексирующую» (гуманитарную) и «деловую» (техническую, управленческую, военную) со ссылкой на историка-эмигранта Д. Кончаловского приводит Е.С. Элбакян¹⁴. Подход Соколова близок автору и применен к персональной истории И.Б. Румера, типизации его как интеллигента-гуманиста гуманитарного склада.

Изучение взаимоотношений отечественной власти и интеллигенции имеет солидную традицию в отечественной и зарубежной историографии академического¹⁵ и публицистического характера¹⁶. А.Ю. Карпова напомнила, что А. Грамши выделял традиционную (имевшую длительную историю), и органическую (социально активную в данный исторический момент) интеллигенцию. Он считал, что именно первую важно привлечь на свою сторону той социальной группе, которая борется за власть¹⁷. Большевики осуществили эту программу в отношении военно-технической интеллигенции, хотя и она не избежала преследований, которые стали предпосылкой превращения ее в «подневольный трудовой ресурс»¹⁸. Анализируя отношения между научно-технической интеллигенцией, обществом и властью в темпоральном и географическом разрезе, исследователи показали, как в реалиях периода до начала Второй мировой войны они стремительно трансформировались, был сформирован и организационно закреплён симбиоз государства и научного сообщества. По мнению авторов, государство стало единственным

⁸ Александрова 2017, Страда 1997, Фадеева 2012.

⁹ Рыклин 2009: 37, 48.

¹⁰ Успенский 1997: 11.

¹¹ Danham 1990: 4.

¹² Гаспаров 1999: 21.

¹³ Страда 1999: 30.

¹⁴ Элбакян 2003: 82.

¹⁵ Рыклин 2009, Соколов 2007, Хелльбек 2017, Элбакян 2003, Федотова, 2020 и др.

¹⁶ Солоневич [электронный ресурс].

¹⁷ Карпова 2015: 67.

¹⁸ Федотова 2020: 77.

заказчиком научных проектов, их материального обеспечения, выразителем модернизационных устремлений и использования интеллектуалов в целях модернизации¹⁹, что и подвело их, как и большинство материально простимулированных властью советских граждан, к уже упомянутой «большой сделке» послевоенного времени.

Тактики выживания, приспособления к новым условиям послереволюционного времени, профессиональную мобильность представителей дворянского сословия, оставшегося в России, изучила С.А. Чуйкина. Она отметила, что конвертация образовательных ресурсов и навыков в новой реальности, а также гибкость их использования, способствовали обретению новой идентичности т.н. «бывших»²⁰. Неоднозначность взаимоотношений советской власти и общества позволила Й. Хелльбеку сформулировать концепт «советской субъективности», когда внешняя лояльность советских граждан скрывала «личностное ядро», частную жизнь, приватность²¹. Таково окружение И. Румера, человека, который поддержал советскую власть, сам сознательно участвовал в ее установлении, но критически высказывался о произошедших с ней в конце 1920-х – начале 1930-х гг. метаморфозах, оставаясь внешне лояльным.

Источниковая база, на которую опирается исследование, определено неполна. Мы имеем лишь один автограф, принадлежащий И. Румеру: это его письмо брату Осипу 1916 г.²² Найдена пока единственная его статья 1914 г.²³ Известно, что при аресте была конфискована рукопись его диссертации «Система Спинозы как философия действительности»²⁴, но она, видимо, утрачена. Эти документы позволяют составить некоторое представление об умозрениях Румера, его отношении к философии как науке, которое он разделял с Г.Г. Шпетом.

Мы располагаем материалами следственного дела № 3238 по обвинению Румера Исидора Борисовича, Багатурова Михаила Николаевича²⁵, Сеглина Юлия Ивановича (20.02.–31.05.1935 г.)²⁶. Дело включает постановление о его выделении в самостоятельное, справки и ордера на арест, анкеты арестованных, постановления о предъявлении обвинения, протоколы допросов обвиняемых и протоколы очных ставок, постановления об окончании следствия, обвинительное заключение, заключение о реабилитации 1989 г. Все рукописные и машинописные документы

¹⁹ Наука и кризисы. 2003.

²⁰ Чуйкина 2006: 58–78.

²¹ Хелльбек 2017: 17.

²² Письмо. И. Румер – О. Румеру, 18.12.1916. Открытый архив СО РАН http://odasib.ru/OpenArchive/Portrait.cshtml?id=Xu_zoya_634993802406113281_7675

²³ Румер И.Б. «К вопросу о философии Густава Тейхмюллера». Вопросы философии и психологии. 1914. Кн. 124: 384–399 // Открытый архив СО РАН http://odasib.ru/openarchive/Portrait.cshtml?id=Xu1_zoya_635212335251406250_1472

²⁴ Протокол обыска от 19.02.1935. ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-76620. Л. 11.

²⁵ В материалах дела встречается двойное написание этой фамилии: Багатуров и Богатуров. Здесь используется написание Багатуров, согласно титульному листу.

²⁶ ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-76620.

дела составлены уполномоченными лицами, на страницах есть подписи обвиняемых. Достаточно информативна биография И.Б. Румера из протокола допроса от 25.02.1935 г.²⁷, записанная уполномоченным 4-го отделения СПО УГБ НКВД МО²⁸ С.Г. Павловским. Учитывая специфику документов следствия, можно, тем не менее, считать цитированные высказывания Румера его собственными, поскольку, в отличие от «подельников», он не отрицал их, и единственный из троих безоговорочно признал свою вину. То, что критические высказывания арестованных в адрес Советской власти трактовались следствием как контрреволюционные, демонстрирует его политический характер. Это подтверждается тем, что следствие вел Секретно-политический отдел УГБ НКВД.

Семейная история Румеров восстановлена нами по материалам архива Ю.Б. Румера, составившего сборник документов и воспоминаний, в т.ч. его самого, его детей, учеников, коллег и специалистов, с которыми он работал в самолетостроительных «шарагах»²⁹. Здесь сохранились письма М.Н. Багатурова лета 1935 г. в списке, составленном А.О. Румером, сыном Осипа Борисовича (1883–1954)³⁰.

В рассматриваемый период было проведено несколько направленных против интеллигенции кампаний. Здесь важно отметить два события. Первое – убийство С.М. Кирова 1 декабря 1934 г., которое Сталин использовал в борьбе против своих противников в партии и госаппарате. Репрессиям подверглись невинные люди («кировский поток»), среди которых было немало деятелей культуры³¹. Второе – дело «Немецкой фашистской организации в СССР» января-апреля 1935 г.³² В рамках этого дела за «систематическую контрреволюционную фашистскую агитацию» к уголовной ответственности привлекались граждане немецкой и других национальностей: преподаватели, учащиеся вузов и техникумов, литературные работники, переводчики – всего около 140 чел.³³ Антифашистская риторика в следственных делах интеллигенции, представляется, возникла раньше, чем она появилась в арсенале Московских процессов против партийной оппозиции 1936–1938 гг., когда директивные указания Коминтерна предписывали компартиям «показать массам троцкизм как агентуру фашизма»³⁴. Затронули данные события и семью купца 1 гильдии, а затем советского служащего Бориса Ефимовича Ру-

²⁷ Биография И.Б. Румера. ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-76620. Л. 23.

²⁸ СПО УГБ НКВД МО – Секретно-политический отдел Управления государственной безопасности Народного комиссариата внутренних дел по Московской области.

²⁹ Юрий Борисович Румер: Физика, XX век. 2013. Многие документы из архива Ю.Б. Румера выложены также в Открытом архиве СО РАН (<http://odasib.ru/>). Автор является координатором данного проекта.

³⁰ Там же: 508–509.

³¹ Роговин 1995.

³² Нешумова Т.Ф. «Когда вы мните ясно жить и тихо умереть» [электр. ресурс].

³³ Дело «Немецкой фашистской организации (НФО) в СССР» (1935) / Социальная история отечественной науки [электр. ресурс].

³⁴ Фельштинский, Чернявский: 52.

мера, у которого было четверо детей. Все они составляли цвет российской московской интеллигенции: Осип, Исидор, Елизавета и Юрий. Старший – Осип Борисович (1883–1954), литературный переводчик. Хорошо известны его переводы, но о нем самом есть лишь краткие сведения³⁵. Младший Юрий (1901–1985), физик-теоретик, был репрессирован в 1938 г. и осужден на 10 лет, реабилитирован в 1954 г.³⁶ Елизавета (1891–1986) в юности увлекалась системой Далькроза, была членом Московской ассоциации ритмистов при Государственной академии художественных наук, одна из создательниц Ритмического института вместе с Марией Александровной Румер, женой Осипа. После его закрытия более 20 лет служила в библиотеке Московской консерватории.

В 1894 г. Исидор и Осип Румеры поступили в Лазаревский институт восточных языков, прошли восьмилетний курс обучения. В 1902 г. Исидор поступил на естественное отделение МГУ, где проучился два года. Затем вместе с Осипом продолжил образование в Лейпциге, а вернувшись через год, в 1907 г. экстерном сдал экзамены по программе филологического факультета МГУ. До мобилизации в армию (Самогитский гренадерский полк) в 1914 г. и после демобилизации в 1917 г. преподавал древние и новые языки, занимался литературной работой³⁷.

В 1908 г. Исидор Борисович стал репетитором Л. Брик: «По окончании гимназии я собралась на курсы Герье³⁸, на математический факультет [...]. К Герье евреев не принимали без аттестата зрелости. Стала готовиться. Труднее всего история и латынь. Готовил меня Изя Румер – человек злой и очаровательный. Он считал последним человеком того, кто не говорит по латыни как по-русски, и презирал меня за необразованность»³⁹. Андрей Осипович Румер вспоминал, что «будучи филологом и философом, он хорошо разбирался в математике. Изучал труды Гаусса и Римана, и я помню, как они с братом Юрием исписывали ворох бумаги математическими формулами»⁴⁰.

Исидор Борисович принадлежал кругу рефлектирующего творческого кластера интеллигентов-гуманистов: философ Г.Г. Шпет, филолог Б.И. Ярхо, искусствовед А.Г. Габричевский и др. Он вобрал в себя гуманистический альтруизм пореформенного периода, дополненный креативностью и мифотворчеством Серебряного века, что и составило основу духовных коммуникативных практик данного сообщества. Единственное сохранившееся письмо Исидора характеризует его как восторженного человека и тонкого ценителя слова: «...Я очень часто бываю у

³⁵ Осип Румер [электр. ресурс].

³⁶ Крайнева. 2018: 143–179.

³⁷ Анкета арестованного И.Б. Румера. 25.02.1935 // ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-76620. Л. 14.

³⁸ Московские высшие женские курсы профессора В.И. Герье – высшее учебное заведение для женщин в России (1872–1918 гг.), затем – 2-й МГУ.

³⁹ Брик 2003: 23.

⁴⁰ Юрий Борисович Румер: Физика, XX век. 2013: 507.

Осюхи Брик ...и знаешь, в кого я влюбился? Ты, верно, думаешь, что в Лилю? Нет, хотя наконец-то я заметил, что она удивительно красива! А в ...Маяковского! Когда я о нем думаю, то называю его не иначе, как “мой нежный Володя Маяковский”. Его беспощадная и сокрушительная влюбленность в Лилю в соединении с “чудовищным” поэтическим талантом меня трогает настолько, что, когда недавно в одном доме, он читал свою изумительную “Войну и мир” и, окончив чтение, спросил меня: “понравилось ли мне?”, я отвел его в переднюю и – поцеловал. “Мой нежный Володя Маяковский!” – он не мог удержаться от слез и пробормotal: “Серьезно, я очень рад!.. серьезно!”»⁴¹.

Здесь же упоминается ряд философских работ. Узнав, что Осип вместе с В. Брюсовым претендует на перевод «Тимея» Платона – систематического очерка его космологии – Исидор пишет, что хотел бы сделать его сам, поскольку так мог бы поправить свое финансовое положение («я погрязаю в таком беспощадном безденежье, что завидую орудующему на бирже и вокруг банков...»⁴²). Данная работа Платона была тогда доступна на греческом, немецком и французском языках⁴³. Исидор сообщал, что закончил работу о Спире⁴⁴: «вышло длиннее, чем мы со Шпетом сговорились, и я боюсь, что он начнет ее сокращать...»⁴⁵. С 1918 по 1920 г. он – переводчик в иностранном отделе РОСТА⁴⁶.

Исидор Румер, как и его семья, сознательно сотрудничал с советской властью. Не последнюю роль сыграли национальность⁴⁷, материальные затруднения, возникшие в период Первой мировой войны и революций: отец, Б.Е. Румер был членом правления и директором распорядителем Московского товарищества резиновой мануфактуры. Только в конце 1920 г. он смог «конвертировать» свои управленческие навыки в качестве советского специалиста, служил в разных отделах ВСНХ и был близок правящей элите Советской России: Б.О. Богданов (ВСНХ), А.В. Луначарский (Наркомпрос), Г.В. Чичерин (НКВД), Л.Д. Троцкий, М.Н. Тухачевский (РККА, Академия Генштаба)⁴⁸. Осип и Юрий учи-

⁴¹ Письмо. И. Румер – О. Румеру. 18.12.1916 // Открытый архив СО РАН http://odasib.ru/openarchive/Portrait.cshtml?id=Xu_zoya_634993802406113281_7675.

⁴² Слово, завершающее фразу, тщательно вымарано: «жидку»? Если так, означает ли столь пренебрежительное высказывание отторжение И.Б. Румера от своих корней?

⁴³ Брюсов 1973: 275–494.

⁴⁴ Спир, нем Spig, Шпир Александр Африканович (1837–1890) – русский и немецкий философ, оказавший влияние на мировоззрение Ф. Ницше и Т. Лессинга, последний писал о логике Шпира докторскую диссертацию.

⁴⁵ Письмо. И. Румер – О. Румеру. 18.12.1916 // Открытый архив СО РАН http://odasib.ru/openarchive/Portrait.cshtml?id=Xu_zoya_634993802406113281_7675.

⁴⁶ Протокол допроса И.Б. Румера от 25.02.1935 // ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-76620. Л. 25.

⁴⁷ Значительную роль евреев в событиях начала XX века в России достаточно откровенно и убедительно показал Ю. Слезкин (Слезкин Ю. 2005).

⁴⁸ Крайнева 2019: 146.

лись на Восточном отделении Академии Генштаба РККА на вакансиях НКВД в 1921–1922 гг.⁴⁹

Биография Исидора 1920-х гг. тесно переплетена с деятельностью наркома по военным и морским делам Л.Д. Троцкого. С 1920 по 1922 г. он служил переводчиком радиоотдела поезда Троцкого⁵⁰. В 1918 г. был сформирован мобильный железнодорожный состав, который совершал рейсы по фронтам гражданской войны. Так Троцкий обеспечивал себе и Совнаркому во главе с Лениным представление об истинном положении вещей на фронтах, принимал неотложные решения, награждал и карал командиров, комиссаров и красноармейцев⁵¹. Р. Аргенбрайт, анализируя национальный состав поезда Троцкого, приводит высказывание одного из сотрудников, еврея-переводчика радиовещания, который называет себя «пролетарским интеллигентом», беспартийным, но с давней симпатией к социалистическим партиям⁵². Возможно, этот «пролетарский интеллигент» и есть И. Румер, который таким образом подчеркнул свое трудовое начало и сочувствие революции.

После завершения Гражданской войны Исидор остался на службе в секретариате Л.Д. Троцкого как переводчик и литературный редактор. В 1925 г. он поступил в Главконцеском⁵³. Троцкий, который был снят с поста наркома, возглавлял его с мая 1925 г. до начала июля 1927 г. В этот период он приступил к изданию своих трудов, которые выходили в 1924–1927 гг. Исидор Борисович занимался стилистической обработкой и составлением примечаний к трудам, за что не раз удостоивался благодарности автора⁵⁴. Общаясь с опальным политиком, Исидор не понаслышке знал ситуацию во власти. Архив Ю.Б. Румера сохранил стихи, написанные неким С. Головачевым:

С наркомом Реввоенсовета
В тиши зеленой полутьмы,
В шестиколонном кабинете
Не раз беседовали мы.
Казался голос незнакомым,
Когда он диктовал декрет.
Иль на звонок из Совнаркома
Бросал отрывистое «нет».

⁴⁹ Там же: 150.

⁵⁰ Фельштинский, Чернявский 2013: 58.

⁵¹ Юрий Борисович Румер: Физика, XX век. 2013: 191–200.

⁵² Argenbright 1998: 49.

⁵³ В 1923–1937 гг. ведомство при Правительстве СССР, которое занималось предоставлением концессий иностранным физическим и юридическим лицам для торговой и производственной деятельности.

⁵⁴ Троцкий 1991: 124, Троцкий Л.Д. [электр. ресурс]. Для систематизации и редактирования публицистического наследия Троцкого в Москве работал штат из нескольких сотрудников: Ленцнер Н.М. (Ленцнер Наум Михайлович (1902–1936) – один из редакторов Троцкого, расстрелян по обвинению в террористической деятельности), Ф.П. Вермель, Геллер, Познанский, И.М. Павлов, В. Зурабов, М. Любимов, А. Ошер, Я. Рензин. Судьба их практически неизвестна.

Но отойдя от аппарата
 И отпустив секретаря,
 Писал блестящий литератор
 Листки «Уроков Октября».
 В каллиграфические строки
 Его искусное перо
 Вносило тонкие намеки
 На промахи Политбюро.
 Теперь оставил эти стены
 Исполненный высоких дум.
 Но островом Святой Елены
 Войдет в историю Сухум⁵⁵.

Осенью 1927 г. издание трудов Троцкого прекратилось, секретариат был распущен. Исидор недолго служил в Профинтерне, в 1928 г. поступил переводчиком в Институт Маркса–Энгельса⁵⁶. Здесь он переводил сочинения венгерского философа Д. Лукача (1885–1971), переход которого в марксизм аттестовал как «превращение культурного человека в пещерного троглодита»⁵⁷.

Таким образом, И. Румер был ментально, материально и социально связан с новой властью. Но по мере роста его социально-экономической зависимости от власти, как видим, ментальная привязанность угасала. Он критиковал внутреннюю политику Советской власти, что послужило поводом для его ареста и обвинения. Его арестовали 20 февраля 1935 г. как «члена контрреволюционной группы», за «систематическую антисоветскую агитацию» (к/р, а/с), содержали в Бутырском изоляторе⁵⁸. Конкретным обвинением в «Следственном деле № 3238» стала «фашистская» агитация, а фигурантами – преподаватели, переводчики, издатели, философы, библиотекари, юристы, как и в «Деле немецко-фашистской контрреволюционной организации на территории СССР».

Документы свидетельствуют о том, как велись «дела» в системе НКВД. В начале 1935 г. была арестована группа переводчиков в составе И.С. Шевелева, В.А. Игельстрома, О.А. Аравской, М. Сафоновой и др. (сл. дело № 2146, обвинение по ст. 58 п. 10 УК – Пропаганда или агитация, содержащая призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений)⁵⁹. Следствие начиналось с выяснения круга общения обвиняемых, их взглядов и высказываний. Затем из выявленной группы лиц формировались новые группы и дела против них. Примерно тогда же арестовали переводчицу Н.В. Волькенау, ее дело выделено в самостоя-

⁵⁵ Юрий Борисович Румер: Физика, XX век: 355

⁵⁶ Протокол допроса И.Б. Румера от 25.02.1935 // ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-76620. Л. 25

⁵⁷ Протокол допроса Игельстрома В.А. от 05.02.1935 // Там же. Л. 57.

⁵⁸ Протокол обыска И.Б. Румера 20.02.1935 // Там же. Л. 11. Постановление об избрании меры пресечения и предъявления обвинения И.Б. Румера 02.03.1935 // Там же. Л. 17.

⁵⁹ Постановление о выделении дела Румера, Багатурова, Сеглина. Б/д // Там же. Л. 1.

тельное⁶⁰. Юристы М.Н. Багатуров и Ю.Н. Сеглин арестованы 1 апреля⁶¹. Затем, по воле уполномоченного 4-го отделения СПО УГБ НКВД МО С.Г. Павловского, Сеглин, Багатуров и Румер были объединены в «самостоятельную контрреволюционную группировку, где вели систематическую контрреволюционную фашистскую агитацию»⁶² – на основании показаний фигурантов дела № 2146, личного знакомства и дружеских отношений: Румер с Багатуровым вместе учились, с Сеглиным работали у Троцкого. Всего по трем делам было арестовано 11 чел.

В ходе следствия формировалось дело, назначался «лидер» группировки. Это мог быть человек социально или психологически уязвимый и доверчивый. Так, во главе «Немецкой фашистской организации в СССР» поставили профессора Московского педагогического института новых языков Е.А. Мейер (1894–1937)⁶³. Она обвинялась в пропаганде фашизма путем составления «фашизированного» Большого немецко-русского словаря и в создании немецко-фашистской организации на территории СССР, нескольких ее ячеек, шпионаже в пользу Германии. Е.А. Мейер «идеально подходила для этой роли. Немка по происхождению, дочь пастора, окончила Лейпцигский университет, преподавала в Институте новых языков, возглавляла группу составителей немецкого словаря в издательстве “Советская энциклопедия”»⁶⁴. Г.Г. Шпет был поставлен следствием во главе «национал-фашистской организации» в Государственной академии художественных наук, поскольку он был ее вице-президентом⁶⁵. По этому делу были также арестованы историк пластических искусств А.Г. Габричевский, филолог и поэт Д.С. Усов⁶⁶, филолог-медиевист Б.И. Ярхо, литературовед М.А. Петровский и др.

Связующим звеном между двумя «контрреволюционными группировками в основном из литературных работников, выходцев из социально-чуждой среды» (дела № 2146 и № 3238) был «назначен» В.А. Игельстром (переводчик Профинтерна, из дворян, бывший белый офицер)⁶⁷. О нем (называя его «Игельстром») М.Н. Багатуров писал О.Б. Румеру из ссылки в июне 1935 г.: «Гнусным человеком оказался этот Игельстром, которого я видел всего два раза. Я Исидору прямо заявил, что встречаться с ним не хочу, и ему советовал этого не делать. К чему он нужен был И-дору? Но вот, у Ис. была дурная черта – встречаться с людьми, к-рых он презирал... Все это как сон, нелепый, ненужный. Теперь, видишь ли, я оказался в “контрреволюц[ионной] группировке” с гражданином

⁶⁰ Постановление о выделении дела Волькену от 17.05.1935 // Там же. Л. 2

⁶¹ Справка на арест. 31.03.1935 // Там же. Л. 6–7.

⁶² Постановление о выделении дела Румера, Багатурова, Сеглина. Б/д. // Там же. Л. 1.

⁶³ Заклейменные властью [электр. ресурс].

⁶⁴ Северцева [электр. ресурс].

⁶⁵ Акимова 2015. [электр. ресурс].

⁶⁶ Нешумова Т.Ф. 2018. [электр. ресурс].

⁶⁷ Обвинительное заключение по следственному делу № 3238. 31.05. 1935 // ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-76620. Л. 117.

Игельстромом»⁶⁸. 18 апреля на допросе Исидор, напротив, говорил, что он был в хороших отношениях с Игельстромом⁶⁹. В деле № 3238 действительно многое основано на его показаниях: социальное происхождение и служба в Белой армии вызвали наиболее пристальное внимание следствия. По мнению Багатурова, вина Исидора в его злоключениях состоит в неразборчивых связях, а что касается его показаний, то «он был чрезвычайно огорчен своим “признанием”, этим актом, который может быть истолкован только как выражение его детского доверия к следователю и безразличием ко всему. М.б., это было последствием его утомления?»⁷⁰. Признания Исидора дали повод следствию «назначить» его лидером «к/р группы из среды а/с настроенного элемента»⁷¹.

Изобличающим фактом, по показаниям В.А. Игельстрома и затем собственному признанию, было отношение к коммунизму («зараза, грозящая заразить здоровый мировой организм»⁷²) и германскому фашизму. Не одобряя политику фашистов в отношении культуры (сжигание книг, не соответствующих идеологии национал-социализма), а также их антисемитизма, Румер находил объяснение немецкому национализму, видел в нем «здоровую реакцию нации, народа по отношению к опасности мировой революции (и коммунизма – *И.К.*), как простой перегиб палки»⁷³. Исидор не считал революцию движущей силой социального и экономического прогресса, а считая национализм здоровым эволюционным явлением, возможностью развивать национальную культуру, признавал, что «вел, не сочувствуя лично Гитлеру, – пропаганду фашизма!»⁷⁴

После убийства Кирова, по свидетельствам, Исидор говорил: «Настали страшные времена, убийство Кирова – это результат небывалого зажима»⁷⁵. Он считал, что таким образом Сталин устранял явных и мнимых конкурентов. Он и его единомышленники (подельники) рассматривали репрессии против Троцкого, Зиновьева и Каменева как проявление борьбы за власть, а не результат теоретико-политических разногласий⁷⁶. Румер отрицательно высказывался о массовых расстрелах по приговору закрытых судов после убийства Кирова. Он считал Сталина диктатором, окруженным подхалимами, политику его – противоречащей интересам масс и ведущей к гибели страны⁷⁷. Румер отрицательно относился к политике партии в деревне, которая вела, по его мнению, к разорению кре-

⁶⁸ Юрий Борисович Румер: Физика, XX век. 2013: 508.

⁶⁹ Протокол допроса И.Б. Румера от 18.04.1935 // ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-76620. Л. 27.

⁷⁰ Юрий Борисович Румер: Физика, XX век. 2013: 508.

⁷¹ Обвинительное заключение по следственному делу № 3238. 31.05. 1935 // ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-76620. Л. 122.

⁷² Там же. 20. Л. 118.

⁷³ Протокол допроса Игельстрома В.А. от 05.02.1935 // Там же. Л.57.

⁷⁴ Протокол допроса Румера И.Б. и Игельстрома В.А. от 10.05.1935 // Там же. Л. 79.

⁷⁵ Справка на арест. Б/д. // Там же. Л. 4.

⁷⁶ Протокол допроса Румера И.Б. от 23.05.1935// Там же. Л. 39.

⁷⁷ Обвинительное заключение по следственному делу № 3238 // Там же. Л. 120

стьян, к голоду, подобно тому, что разразился в Украине. Он сочувствовал рабочим, живущим впроголодь и несущим непосильную производственную нагрузку⁷⁸. Он считал, что культурное строительство может быть осуществлено только при свободе слова. На очных ставках он часто утверждал, что крамольные с точки зрения следствия мысли высказывал он, а друзья лишь соглашались с ним⁷⁹.

После завершения следствия приговор Особого совещания НКВД СССР от 2 июня 1935 г. предписывал заключить И.Б. Румера в исправительно-трудовой лагерь сроком на три года, считая с 20.02.1935 г.⁸⁰ Багатуров писал Осипу, что, пробыв 5–13 мая 1935 г. с Исидором в пересыльной камере, нашел, что «он удивительно бодр, весел, спокоен, и не было на нем никаких следов 4 мес. пребывания в тюрьме»⁸¹. 3 июня он сообщал из Тары: «...с Исидором произошло нечто невероятное. Он оказался младенцем, беспечным и наивным. “Лагерь” его нисколько не смущал, только мысль о Шуре⁸² волновала его... У праха отца он искал утешения в философии Шопенгауэра, и говорил, что не было в его жизни более “счастливого” мгновения – в умершем отце созерцать Абсолютное Начало. Неповинный ни в чем, наивно осудивший сам себя на три года в конц. лагере, он блаженно предавался умозрению и приходил в восторг от различных изящных идей, их анализа и синтеза. “Блажени чисти сердцем”»⁸³. Семья, видимо, плохо представляла себе положение Исидора. Есть вероятность, что данное письмо было скрыто Осипом, старшим из братьев. Юрий пытался выяснить судьбу Исидора, он обращался к Лиле Брик, знакомой с чекистами Я.С. Аграновым, З.И. Воловичем и др. Он рассчитывал на ее помощь в использовании этого канала информации. Но она отказала, сомневаясь в невиновности Исидора, что привело к многолетней размолвке. Отношения были восстановлены по инициативе Лили только в 1970-е гг.

Юрий Борисович, выступая на собрании актива Физического института АН СССР, проходившего 17 и 20 апреля 1937 г. по следам мартовского пленума ЦК ВКП(б), на котором Н.И. Бухарин и А.И. Рыков были исключены из партии и как «японо-немецкие агенты» арестованы НКВД, говорил: «Мой брат был арестован органами НКВД, и выслан в административном порядке на три года. Прошло 29 месяцев, ему осталось отбывать высылку еще семь месяцев»⁸⁴. Это его утверждение противоречит документу из дела, где говорится об ИТЛ, а также письму Багатурова («лагерь»). А.О. Румер писал об Исидоре: «По сведениям,

⁷⁸ Такое мнение бытовало широко, что подтверждается сводками органов госбезопасности 1920–1930-х гг. – Сахаров 2008.

⁷⁹ Протокол допроса Румера И.Б. и Сеглина Ю.И. от 23.05.1935 // ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-76620. Л. 103.

⁸⁰ Выписка из протокола ОСО при НКВД СССР от 02.06.1935 // Там же. Л. 129.

⁸¹ Юрий Борисович Румер: Физика, XX век. 2013: 508.

⁸² Румер Александра Петровна, жена Исидора.

⁸³ Юрий Борисович Румер: Физика, XX век. 2013: 509.

⁸⁴ Там же: 404.

дошедшим до его жены, умершей в конце 50-х годов, он погиб в лагере на Колыме в конце 1937 или начале 1938 г. Реабилитирован посмертно во второй половине 50-х гг.»⁸⁵. Ныне известно, что погиб он 17.07.1938 в Севвостлаге НКВД (Магадан)⁸⁶.

В архивно-следственном деле И.Б. Румера есть автограф свидетельских показаний Ф.А. Петровского (1890–1978) от 16.02.1957 г. Работавший на тот момент в Институте мировой литературы им. М. Горького Петровский сообщил, что подписанные им в мае 1935 г. показания, он не подтверждает. Те, что он написал, «были разорваны следователем», а вместо этого ему «были прочтены какие-то другие данные, которые я подписал, но бумагу, на которой это было написано, от меня закрыли». При этом «имели место неистовые крики, угрозы и принудительное ожидание в коридоре в течение нескольких часов»⁸⁷. Документ свидетельствует, что во второй половине 1950-х гг. началось разбирательство о правомерности осуждения И.Б. Румера, искали свидетелей (Н.А. Лукашева, Ф.П. Вермеля, В.А. Игельстрома, П.М. Майгура, Ю.И. Сеглина), но никто из них на тот момент в Москве не проживал. 7 мая 1957 года в пересмотре дела было отказано⁸⁸. Документ о реабилитации датирован 7 ноября 1989 г., она была проведена на основании ч. 1 ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16.01.1989 г. «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х и начала 50-х годов»⁸⁹.

Рассмотренные в данной статье события 1930-х гг. дополняют картину репрессий в отношении творческой интеллигенции. Они еще раз убедительно показали, что утверждение Советской власти и партийной диктатуры в Советской России/СССР сопровождалось массовыми репрессиями в отношении их явных и мнимых противников. Деятели культуры и науки по определению согласно следственному делу № 3238 имели «окраску контрреволюционного элемента», являлись выходцами из «социально-чуждой среды». К середине 1930-х гг. в условиях «укрепления представлений о советском патриотизме, “осажденной крепости”, в условиях лагерной экономики и крепостной коллективизации»⁹⁰, подавления институтов гражданского общества естественным образом в среде интеллигенции зрел внутренний, часто скрытый протест социальному устройству, которое входило в противоречие с ее ментальностью. В целом же репрессии против интеллигенции были неадекватны тому критицизму, который нельзя даже назвать протестным деянием. Тем не менее, в арсенале власти и ее карающих органов содержались

⁸⁵ Там же: 507.

⁸⁶ Извещение от 02.08.1938 // ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-76620. Л.132.

⁸⁷ Протокол допроса свидетеля Петровского Ф.А. от 16.02.1957 // ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-76620. Л.135.

⁸⁸ Заключение в отношении Румера И.Б. от 07.05.1957 // Там же. Л. 143.

⁸⁹ Заключение в отношении Румера И.Б. от. 07.11.1989 // Там же. Л. 150.

⁹⁰ Колчинский Э.И. 2018: 584.

методы дознания и обвинения для того, чтобы сломить даже самое невинное сопротивление, в частности обличение интеллигенции не только в симпатиях к фашизму, но и в шпионской деятельности в его интересах. Это затронуло немало выдающихся деятелей отечественной культуры. Их имена только в последние годы становятся достоянием общества, и эта работа еще далека от завершения.

И.Б. Румер получил прекрасное гуманитарное образование, он занимался преподавательской работой, писал статьи по философии, переводил. Он принял революцию, в годы Гражданской войны работал в поезде Троцкого как «пролетарский интеллигент», а по ее завершении вернулся к литературному труду, и не помышлял о политике. Его критические высказывания имели под собой реальные основания, о чем свидетельствуют документы самих карательных органов.

Просчеты в экономике, политике, идеологии требовали объяснений, и они были сконструированы властью в многочисленных «оппозициях», «уклонах», «чуждых элементах» и «вредителях» – синонимах образа внутреннего врага. Интеллигенция попала в число неугодных, ее нужно было запугать, уничтожить, сломить морально и физически. Императив выживания, как его ни назови – «конвертация» компетенций, «большая сделка» и пр. – стал неотъемлемым в ее бытии, как, впрочем, и у большинства населения Советской России.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Акимова М. Ученые ГАХН дома и на следствии. Доклад на семинаре «Москва. Места памяти» 1 апреля 2015 г. URL: <http://urokiistorii.ru/article/52560> [Akimova M. Uchenye GANH doma i na sledstviy. Doclad na seminarе «Moskva. Mesta pamyati» 1 aprelya 2015 g.]
- Александрова Ю. Рец. на кн. Вершинина А., Гурьиной М. (сост.) Великая русская революция глазами интеллектуалов. М.: Научный эксперт, 2015. 384 с. // Неприкосновенный запас. № 115. 2017. С. 288–301 [Aleksandrova YU. Rec. na kn. Verшинina A., Gur'yinoj M. (sost.) Velikaya russkaya revolyuciya glazami intellektualov. M.: Nauchnyj ekspert, 2015. 384 s. // Neprikosnovennyj zapas. № 115. 2017. S. 288–301].
- Брик Л. Пристрастные рассказы. Н. Новгород: Деком, 2003. 368 с. [Brik L. Pristrastnye rasskazy. N. Novgorod: Dekom, 2003. 368 s.]
- Брюсов В. Учители учителей. Древнейшие культуры человечества и их взаимоотношение // Собрание сочинений. В 7 т. М.: Худож. лит.-ра. 1973. Т. 7. С. 275–494 [Briusov V. Uchiteli uchitelei. Drevneishie kul'tury chelovechestva i ikh vzaimootnoshenie // Sobranie sochinenii. V 7 t. M.: Hudozh. lit.-ra. T. 7. S. 275–494]
- Гаспаров М.Л. Русская интеллигенция как отводок европейской культуры // Русская интеллигенция и западный интеллектуализм: история и типология. Материалы междунар. конференции. Неаполь, май 1997 / сост. Б.А. Успенский. М.: О.Г.И. 1999. С. 20–27 [Gasparov M.L. Russkaya intelligentsiya kak otvodok evropeiskoi kul'tury // Russkaya intelligentsiya i zapadnyj intellektualizm: istoriya i tipologiya. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii. Neapol', mai 1997 / sost. B.A. Uspenskii. M.: O.G.I. 1999. S. 20–27]
- Заклейменные властью. [Zacleimennye vlastiu. URL: http://pkk.memo.ru/letters_pdf/001381.pdf]
- Карпова А.Ю. Интеллигенция и власть (современное прочтение А. Грамши) // Власть. 2015. № 5. С. 64–72 [Karpova A. Iu. Intelligentsiya i vlast (sovremennoe prochtenie A. Gramshi) // Vlast'. 2015. № 5. S. 64–72]
- Колчинский Э.И. Пятьдесят лет спустя: размышления над книгами, изданными к 130-летию юбилею Н.И. Вавилова и накануне 70-летия со дня августовской сессии ВАСХНИЛ // ВИЕТ. 2018. № 3. С. 559–591 [Kolchinskii E.I. Piat' desiat let spustya: razmyshleniya nad knigami, izdannymi k 130-letnemu iubileyu N.I. Vavilova i nakanune 70-letiya so dnya avgustovskoi sessii VASKHNIL // VIET. 2018. № 3. S. 559–591]

- Крайнева И.А. Научное наследие лидеров физико-математических школ Сибирского отделения АН СССР (Ю.Б. Румер, А.А. Ляпунов, А.П. Ершов): дисс. ... докт. ист. наук. Томск, 2019. 557 с. [Krayneva I.A. Nauchnoe nasledie liderov fiziko-matematicheskikh shkhol Sibirskogo otdeleniya AN SSSR (Yu.B. Rumer, A.A. Lyapunov, A.P. Ershov): diss. ... dokt. ist. nauk. Tomsk, 2019. 557 s.]
- Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки / Ред.-сост. И.Э. Колчинский. СПб.: «Дмитрий Буланин». 2003. 1040 с. [Nauka i krizisy. Istoriko-sravnitelnye ocherki / Red.-sost. I.E. Kolchinskii. Spb.: «Dmitrii Bulanin» 2003. 1040 s.]
- Нешумова Т.Ф. «Когда вы мните ясно жить и тихо умереть» Следственное дело Д.С. Усова [Neshumova T.F. «Kogda vy mnite yasno zhit' i tihou умерet'» Sledstvennoe delo D.S. Usova. URL: <http://magazines.russ.ru/znania/2018/1/kogda-vy-mnite-yasno-zhit-i-tihou-umeret-sledstvennoe-delo-ds-us-pr.html>]
- Орлов С.Б. Интеллигенция как мифологический феномен. Историко-социологический анализ // Социс. 2001. № 11. С. 51–58 [Orlov S.B. Intelligentciya kak mifologicheskii fenomen. Istoriko-sotsiologicheskii analiz // Sotcis. 2001. № 11. S. 51–58]
- Осип Румер / Век перевода [Osip Rumer / Vek perevoda. URL: <http://www.vekperevoda.com/1855/ruimer.htm>]
- Репина Л.П. История исторического знания / Л.П. Репина, В.В. Зверева, М.Ю. Парамонова. М.: Дрофа, 2004. 288 с. [Repina L.P. Istoriya istoricheskogo znaniya / L.P. Repina, V.V. Zvereva, M.Yu. Paramonova. M.: Drofa, 2004. 288 s.]
- Роговин В.З. Кировский поток // Сталинский неонэп. М.: Тип-я №4, 1995. 382 с. [Rogovin V.Z. Kirovskii potok // Stalinskii neoner. M.: Tipografiya №4, 1995. 382 s.]
- Рыклин М.К. Коммунизм как религия: интеллектуаль и Октябрьская революция. М.: Новое литературное обозрение. 2009. 138 с. [Ryclin M. Kommunizm kak religina: intellektualy i Oktjabr'skaia revoliuciya. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. 2009. 138 s.]
- Сахаров А.Н. 1930: год «коренного перелома» и начала Большого террора // Вопросы истории. 2008. № 9. С. 40–69 [Saharov A.N. 1930: god «korenного pereloma» i nachala Bolshogo terrora // Voprosy istorii. 2008. № 9. S. 40–69]
- Северцева О.С. Комментарии к материалам следственных дел сотрудников ГАХН [Severtceva O.S. Kommentarii k materialam sledstvennykh del sotrudnikov GAXN]. URL: <https://vmits0364.it-services.ruhr-uni-bochum.de/gachn/files/Severceva%20Materialy.pdf>
- Слезкин Ю. Эра Меркурия: евреи в современном мире / пер. с англ. С. Ильина. М.: Новое литературное обозрение. 2005. 544 с. [Slezkin Yu. Era Merkuriya: evrei v sovremennom mire / per. s angl. S. Il'ina. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. 2005. 544 s.]
- Соколов А.В. Демифологизация русской интеллигенции // Нева. 2007. № 8. С. 164–189 [Sokolov A.V. Demifologizatsiya russkoi intelligencii // Neva. 2007. № 8. S. 164–189]
- Соколов А.В. Поколения русской интеллигенции. СПб.: Изд-во СПбГУП, 2009. 672 с. [Sokolov A.V. Pokoleniya russkoi intelligencii. SPb.: Izd-vo SPbGUP, 2009. 672 s.]
- Солоневич И.Л. Наши интеллигенции [Solonevich I.L. Nashi intelligencii // <http://www.isihazm.ru/?id=384&iid=495>]
- Социальная история отечественной науки [Sotcialnaya istoriya otechestvennoy nauki. URL: <http://old.ihst.ru/projects/sohist/material/dela/>]
- Страда В. // Русская интеллигенция и западный интеллектуализм: история и типология. С. 27–33 [Strada V. Intelligentciya kak zerkalo russkoi revoliucii // Russkaya intelligenciya i zapadnyi intellektualizm: istoriya i tipologiya. S. 27–33]
- Троцкий Л. Уроки Октября. Л.: Лениздат, 1991. 364 с. [Trotckii L. Uroki Oktjabrya. L.: Lenizdat, 1991. 364 s.]
- Троцкий Л.Д. Проблемы культуры. Культура старого мира. [Trotckii L.D. Problemy kul'tury. Kul'tura starogo mira. URL: <https://www.magister.msk.ru/library/trotsky/trotl449.htm>]
- Усманов С.М. Интеллигенция в социальных трансформациях процессов модернизации: особенности опыта Запада и Востока // Клио. 2011. № 5(56). С. 14–18. Usmanov S.M. Intelligentciya v sotcialnykh transformatsiyakh protsessov modernizatsii: osobennosti opyta Zapada i Vostoka // Clio. 2011. № 5(56). S. 14–18.
- Успенский Б.А. Русская интеллигенция как специфический феномен русской культуры // Русская интеллигенция и западный интеллектуализм: история и типология. С. 7–20 [Uspenskii B.A. Russkaya intelligenciya kak spetsificheskii fenomen russkoi kul'tury // Russkaya intelligenciya i zapadnyi intellektualizm: istoriya i tipologiya. S. 7–20]

- Фадеева Л.А. Дискуссия об интеллектуалах в контексте политической истории Запада. // Диалог со временем. 2012. № 41. С. 108–138 [Fadееva L.A. Diskussiya ob intellektualakh v kontekste politicheskoi istorii Zapada // Dialog so vremenem. 2012. № 41. S. 108–138]
- Федотова И.Н. К вопросу об использовании принудительного труда научно-технической интеллигенции в СССР в конце 1920-х–1930-е гг. // Интеллигенция и мир. 2020. № 1. С. 75–91 [Fedotova I.N. K voprosu ob ispol'zovanii prinuditel'nogo truda nauchno-tehnicheskoi intelligentsii v SSSR v kontse 1920-kh–1930-e gg. // Intelligentsiya i mir. 2020. № 1. S. 75–91]
- Фельштинский Ю.Г., Чернявский Г.И. Лев Троцкий. Книга четвертая. Враг № 1. 1929–1940 гг. М. : ЗАО Изд-во Центрополиграф, 2013. 544 с. [Fel'shtinskii Iu.G., Cherniavskii G.I. Lev Trotskii. Kniga chetvertaya. Vrag № 1. 1929–1940 gg. M. : ZAO Izd-vo Centropoligraf, 2013. 544 s.]
- Хельбекк Й. Революция от первого лица: дневники сталинской эпохи. М.: Новое литературное обозрение. 2017. 424 с. [Hellbeck J. Revolyutiya ot pervogo litca: dnevniki stalinskoi epohi. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. 2017. 424 s.]
- Чуйкина С.А. Дворянская память: «бывшие» в советском городе (Ленинград, 20-30-е годы). СПб: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге. 2006. 259 с. [Chuikina S.A. Dvoryanskaya pamiat': «byvshie» v sovetskom gorode (Leningrad, 20-30-e gody). SPb: Izd-vo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peteburge. 2006. 259 s.]
- Элбакян Е.С. Российская интеллигенция как социокультурный феномен // Общественные науки и современность. 2003. № 3. С. 82–95 [Elbakyan E.S. Rossiiskaya intelligentsiya kak sotciokulturnyi fenomen // Obshchestvennye nauki i sovremennost. 2003. № 3. S.82–95]
- Юрий Борисович Румер: Физика, XX век / Ред. А.Г. Марчук. Новосибирск: Изд-во «АРТА», 2013. 592 с. [Iurii Borisovich Rumer: Fizika, XX vek / Red. A.G. Marchuk. Novosibirsk: Izd-vo «ARTA», 2013. 592 s.]
- Argenbright R. Honor among communists: 'The glorious name of Trotsky's train'// Revolutionary Russia. 1998. Vol.11. № 1. P. 45–66.
- Danham Vera S. In Stalin's time: Middleclass values in Soviet Fiction. Duke University Press Books. 1990. 320 p.

Крайнева Ирина Александровна, доктор исторических наук, научный сотрудник, Институт систем информатики им. А.П. Ершова, Сибирское отделение РАН, Новосибирск; krayneva55@gmail.com

Isidor Borisovich Rumer: Pages of biography

The paper reconstructs the life of Isidor Borisovich Rumer (1884–1938), a member the Rumer family, then based in Moscow. His biography has been considered in the context of the relationship between the Russian intelligentsia and Soviet authorities. The focus is on the characteristics of the repressive policy pursued against intelligentsia in the pre-war period, especially in the 1930s. It was the time of irreversible change in the economic, political and cultural policy implemented by the Soviet Union. This involved imposing the sole ideology and command-and-control approaches to science and culture institutions, and the state becoming the only manager of all property. Dissent was suppressed by mass repression against the real and perceived opponents. Among them were representatives of national intelligentsia, artists, scientists and engineers, most of whom were not implacable opponents of the Soviet power. Their critical attitude was, as a rule, latent and reflected the mindset of intellectuals and humanists. They voiced their opinion only among the people sharing their ideas and views. The author has studied appropriate archives and publications and made an attempt to get insight into the phenomenon of national intelligentsia.

Keywords: *intellectuals, culture, philosophy, repression, Isidor Rumer, case № 3238, fascism, 1930s*

Irina Krayneva, Dr. Sc. (History), researcher, A.P. Ershov Institute of Informatics Systems, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, Novosibirsk; krayneva55@gmail.com

ИСТОРИЯ ИСТОРИОГРАФИИ

Д.Е. МАРТЫНОВ

ЧЖАН БИН-ЛИНЬ, ГУ ЦЗЕ-ГАН И “ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ” В КИТАЕ

Статья посвящена “историографической революции” первой трети XX в. в Китае. Для рассмотрения выбраны методологические системы двух мыслителей-радикалов, представлявших два поколения: Чжан Бин-линя (1869–1936) и Гу Цзе-гана (1893–1980). Оба получили традиционное конфуцианское образование, которое определило направление научного поиска, амбивалентное отношение к традиционной китайской культуре и историческому знанию. Мышление Чжан Бин-линя имело сильную политическую и националистическую обусловленность, в сочетании с восприятием новейших течений *Kulturgeschichte* через японские переводы и труды японских историков. Восприятие важных положений ранкеанского позитивизма, в частности, акцент на источниковедческую критику (*Quellenkritik*), хорошо коррелировало с неоконфуцианским “доказательным изучением” (*каоцжэн*). Признавая объективность времени и существование законов истории, Чжан Бин-линь отвергал моральные оценки традиционной конфуцианской историографии, он также впервые противопоставил мифологию и историческую истину. Гу Цзе-ган стремился к феноменологической реконструкции менталитета и восприятия истории на очередном этапе исторического развития. Но ему так и не удалось выйти за пределы прагматического использования сведений мифологии для доказательств правоты выдвинутых гипотез.

Ключевые слова: китайская историография, «историографическая революция», научный метод, Лян Ци-чао, Чжан Бин-линь, Гу Цзе-ган

Широко известное в Китае понятие “историографическая революция” (*шисюэ гэмин*, 史学革命)¹ имеет два основных значения. Во-первых, это комплекс исторических теорий и дискуссий, рассматриваемых как следствие «воздействия буржуазной исторической теории», последовавшего за агрессией империалистических держав в Китае. Ключевая фигура “историографической революции” – Лян Ци-чао (梁启超, 1873–1929), а важнейшим ее содержанием признается «прививка» эволюционистских взглядов и позитивистское стремление отыскать универсальные законы исторического развития². Насильственная «марксизация» китайской исторической науки во время идеологических кампаний 1950-х гг., особенно «борьбы с правыми элементами» (под лозунгом «Пусть расцветают сто цветов») и «Большого скачка», также именуется «историографической революцией»³. В статье мы коснёмся лишь некоторых аспектов историографической революции первой трети XX в., связанной с именами двух её ярчайших представителей, чьи методологические концепции противостояли друг другу.

¹ Лян Ци-чао использовал термин *шицзе гэмин* (史界革命).

² Мартынов 2019: 107–108. Далее приведён наш перевод вводного эссе трактата «Новое учение об истории» Лян Ци-чао. В западной историографии лучшим исследованием этих вопросов является монография: Tang Xiaobing 1996 (Р. 56–79, 206–220).

³ Гу Сюэ-фэн 2011.

Великий китайский просветитель Чжан Бин-линь (章炳麟), также именуемый Чжан Тай-янь (章太炎, 1869–1936) получил широкую известность как активный участник историографической революции и движения за новую культуру⁴. При этом система его взглядов не отличалась последовательностью, причудливо сочетала крайне правые и ультралевые элементы, и, по мнению Н.М. Калюжной, «носила синтетический характер»⁵. После Синьхайской революции Чжан Бин-линь демонстративно перешёл на позиции культурного консерватизма, писал нарочито архаизированным переусложненным языком. Несмотря на это, во время «Культурной революции» 1966–1976 гг. он считался выдающимся революционным деятелем. Для нужд хунвэйбинов выпускались переводы его статей на современный китайский язык⁶.

Историографическая революция была неотделима от пропаганды идеи прогресса. Чжан Бин-линь в этой сфере был последовательно оригинален: популяризируя теорию эволюции, он критиковал ее⁷. И если Н.М. Калюжная кратко резюмировала, что мыслитель «отверг одностороннюю эволюцию»⁸, то японский ученый Кондо Куниясу (近藤邦康) последовательно исследовал критику современности Чжан Бин-линем⁹. Во время пребывания в Японии Чжан Бин-линь познакомился с трудами японских философов – Иноуэ Энрё (井上円了, 1858–1919), Анэсаки Ма-сахару (姉崎正治, 1873–1949) и Като Хироюки (加藤弘之, 1836–1916), которые вели между собой дискуссию¹⁰. Оба стремились к синтезу европейской и буддийской философии: Иноуэ с позиций гегельянства, а Като – позитивизма О. Конта и Л. Ранке. «Прививка» эволюционизма привела мыслителей поколения Чжан Бин-линя к открытию, поистине шокирующему: произошла историзация собственной китайской традиции, что не могло не привести к релятивизму¹¹. В указанных условиях, китай-

⁴ *Синь взньхуа юньдун* (新文化运动). Базировалось, в основном, в Пекине и Шанхае. Формальным главой его были Цай Юань-пэй (ректор Пекинского ун-та), и основатели китайского марксизма Чэнь Ду-сю и Ли Да-чжао. Орган – журнал «Новая молодежь» (*Синь циньянь*). Основные лозунги движения сводились к замене конфуцианства сциентизмом, деспотии – демократией, а древнекитайского литературного языка – современным, основанным на разговорной норме. Это позволяло начать широкую просветительскую кампанию (апологетом её был Ху Ши). Движение породило классиков новой китайской литературы – Мао Дуня, Лао Шэ, Лу Синя, Дин Лин. Благодаря приглашениям лидеров движения, между 1917–1924 гг. в Китае побывали с курсами лекций Дж. Дьюи, Б. Рассел, Р. Тагор. С середины 1920-х движение раскололось по политическим причинам, значительная часть его членов вступила в ряды КПК.

⁵ Калюжная 1995: 280.

⁶ Калюжная 1995: 19.

⁷ Murthy 2011: 135.

⁸ Калюжная 1995: 258. Автор ссылается на статью «О национальной науке» (*Гоцзя лунь*, 国家论) по: Чжан 1985: 386.

⁹ Murthy 2011: 136.

¹⁰ Краткое изложение дискуссии см.: Murthy 2011: 148–150.

¹¹ Levenson 1965: 87. Вирен Мёрфи отмечал, что Левенсон работал с теорией репрезентации истории Чжан Бин-линя, а не его теорией истории (Murthy 2011: 142).

ские интеллектуалы в Японии эпохи Мэйдзи (明治, 1868–1912) воспринимали и концепции немецкой *Kulturgeschichte* в японском переводе.

Исследование роли японских интеллектуалов в становлении новой китайской историографии предложил Ван Ци-цзя (王晴佳, Q. Edward Wang)¹². Историческая наука в Японии эры Мэйдзи отличалась значительным своеобразием. В первый год правления Мэйдзи (1869) было создано специальное правительственное бюро по написанию истории государства (*кокусси*, 国史), которое ориентировалось на древнекитайские шаблоны. Более того, новая историография мыслилась как конфуцианская в своей основе – несущая моральный урок подданным, и даже написанная на древнекитайском литературном языке (*камбун*, 漢文)¹³. В результате смены политического курса императорская Япония стала ориентироваться на модель кайзеровской Германии, и первым профессором истории Токийского университета был назначен Людвиг Рисс¹⁴. Рисс привил первому поколению японских историков эпохи Мэйдзи ряд важных положений ранкеанского позитивизма, в частности, акцент на источниковедческую критику (*Quellenkritik*), что хорошо коррелировало с неоконфуцианским «доказательным изучением» (考證學, *каочжэнсюэ*, по-японски *косэгаку*). Это позволяло использовать историческую науку в актуальной политической борьбе и в целях идеологической обработки населения¹⁵. Примечательно, что первые сводные истории цивилизационного развития Японии и Китая предложил Оцуки Фумихико, известный японский учёный, получивший традиционное конфуцианское образование¹⁶. Написанная им «Краткая история Японии: исправленное издание» (更正日本小史, 1882) означала переворот в восприятии исторического письма на Дальнем Востоке: она была первым линейным нарративом, в котором вместо последовательной смены монархов за основу исторического процесса был взят цивилизационный прогресс нации. В том же 1882 г. Тагути Укити¹⁷ опубликовал «Краткую историю цивилизации

¹² Transforming History 2011: 104.

¹³ Transforming History 2011: 108–109.

¹⁴ Ludwig Riess (1861–1928). Происходил из еврейской семьи из Дойч-Кроны (ныне Валч, Польша). Учился у Л. фон Ранке в Берлинском университете, по контракту между ведомствами образования Германии и Японии, был назначен профессором Токийского университета, в котором работал в 1887–1902 гг. Впервые ввёл преподавание курсов историографии и методов исторического исследования, пропагандировал политический нейтралитет и объективность исторической науки. На базе университета основал Японское историческое общество (в 1889 г.) и первый специализированный «Исторический журнал» (歴史雜誌). После возвращения в Германию, главным образом, занимался медиевистикой и методологией исторической науки.

¹⁵ Levenson 1965: 87. Вирен Мёрфи отмечал, что Левенсон работал с теорией репрезентации истории Чжан Бин-линя, а не его теорией истории (Murthy 2011: 142).

¹⁶ 大槻文彦 (1847–1928) – в первую очередь известен как лингвист. В 1870-е гг. занимался составлением учебников и словарей по заказам Министерства образования. Автор известного словаря «Море слов» (1 изд. 1891 г.) и грамматик японского языка.

¹⁷ 田口卯吉 (1855–1905) – известен, главным образом, как политический деятель и экономист, «японский Адам Смит». В 1879 г. создал и издавал «Токийский эконо-

Японию» (日本開化小史, *Nippon kайка сёси*), а в следующем году аналогичную «Краткую историю цивилизации Китая» (支那開化小史, *Сина кайка сёси*). Однако Тагути в книге о Китае так и не сумел оторваться от традиционной династической периодизации, когда прогресс рассматривался внутри династических циклов. Пример вызвал подражания, в т.ч. профессионального синолога Нака Митиё (那珂通世, 1851–1908). Именно Нака в незаконченной им «Всеобщей истории Китая» (支那通史) попытался привязать события китайской истории к тройственной периодизации «древность – средневековье – новое время» (上世, 中世, 近世). Аналогичные труды публиковались в 1890-е гг.¹⁸ В 1903 г. цинское ведомство просвещения опубликовало список книг, пригодных для преподавания истории в реформированных учебных заведениях, причём 8 из 10 представленных текстов, были переводами с японского языка. Одной из этих книг была «Методология исторической науки» (史學研究法, *Сигаку кэнкю*) Цубои Кумасана¹⁹. Именно учебник Цубои был главным пособием и манифестом позитивизма для китайских историков.

Изначальным мотивом для критики эволюционизма со стороны Чжан Бин-линя послужило политическое несогласие с конфуцианскими реформаторами – Кан Ю-вэем, Тань Сы-туном и Янь Фу. Когда в 1902 г. в ответ «Новому учению об истории» Чжан Бин-линь огласил проспект своей «Общей истории Китая» (*Чжунго тунши люэли*, 中国通史略例), его «ответ» оказался сугубо традиционалистским. Откровенную политичность замысла философ и не думал скрывать:

«Ныне затеяв [написать] «Общую историю Китая», [я] желаю ограничиться 100 цзюанями, в которых переплаваю высшие истины мироздания. Дабы не увлечься низким и не гнаться за второстепенным, следует извлечь из прошлого эссенцию... <...> Историки Запада большое внимание уделяют периодизации, китайские – в основном библиографии и ценят дифференциацию и классификацию; они не проводят границы между эпохами должным образом, хотя и те, и другие занимаются систематизацией (经纬). В просветительских целях это приходится излагать в самых общих чертах, поскольку [ход времени] от древности к современности еще не завершился. Поэтому те [историки], которые занимаются периодизацией, годятся для школьного обучения, шлифовки и систематизации познаний, и всякий, кто имеет представление о систематике, может рассуждать о цивилизации и варварстве. Всякая вещь имеет начало и конец, и потому всё может быть сопоставлено со всем»²⁰.

мический журнал», один из основателей Токийской фондовой биржи. С 1894 г. – депутат японского парламента, сооснователь Прогрессивной партии.

¹⁸ Transforming History 2011: 112–114.

¹⁹ 坪井九馬三 (1859–1936) – японский историк. Начальное образование получил у дяди-монаха, окончил Токийский университет. В 1886–1891 гг. командирован по обмену в Европу (параллельно в Японию отправился Л. Рисс), преподавал в Берлинском, Пражском, Венском и Цюрихском университетах. С 1899 г. занимался исторической географией, преподавал её в Токийском ун-те. Активный пропагандист методологии исторической науки и западной истории в Японии.

²⁰ Цит. по опубликованном нами переводу (по изд. 1906 г., подготовленному автором лично). См.: Мартынов 2020: 241–242.

В. Мёрфи раскрыл буддийскую природу исторических взглядов Чжан Бин-линя, которые он интерпретировал в категориях йогачары (瑜伽派). На феноменальном – научном уровне, Чжан Бин-линь выстраивал событийные ряды в категории объективности²¹. В «Письме Те Чжэну» явно затронут вопрос «извлечения истины из фактов», что прямо коррелировало с дискуссиями Чжана и Кан Ю-вэя²². Чжан Бин-линь использовал буддийский категориальный аппарат для доказательства объективности времени и существования законов истории (их обеспечивают кармические «семена»). Однако он отвергал оценочные суждения, на которых была основана конфуцианская историография от момента ее зарождения, по той причине, что любая ценностная система носит исторически ограниченный характер и неизбежно изменяется. В одном эссе Чжан Бин-линь, не отрицая объективного характера направленного изменения, обрушил резкие выпады против тех, кто «критиковал прошлое на основе настоящего» и ссылался на концепцию воли А. Шопенгауэра, добавляя, что никаких объективных доказательств ее не существует²³.

Если отрешиться от изощренных теорий Чжан Бин-линя, то последовательное применение исторического метода на практике демонстрирует иную картину, которую ярко демонстрируют лекции «Курсов национальных наук», впервые основанных Чжаном ещё в 1920-е и активно пропагандируемых вплоть до кончины мыслителя. Несмотря на принципиальную обращённость в прошлое, очень многое связывало эти тексты и выражаемые ими идеи с последующими трудами Гу Цзе-гана. Как известно, Чжан Бин-линь стоял у истоков современной китайской лексикографии и был составителем первого систематического словаря этимологии иероглифов. В своих лекциях он подчеркивал, что названия сущностей в древности и современности не совпадают, поэтому предостерегал от использования комментариев и произвольных объяснений древних текстов. Ключом к национальной науке является набор древних канонов, не только конфуцианских, но и даосских. Чжан Бин-линь до крайности расширил понятие «канон» (*цзин*, 经), причислив к историческим и философским трактатам сохранившиеся астрономо-математические книги, и даже некоторые апокрифы²⁴, наподобие «Оставленных писаний Чжоу» (逸周书)²⁵. Историческую науку он связывал с географией и сравнивал значение одной для другой как «малую» и «великую» науку в канонведении. Без географии невозможно понимание военных

²¹ Murthy 2011: 150.

²² Исии Ган 2015: 1–4.

²³ Murthy 2011: 156–157.

²⁴ Калюжная 1995: 275.

²⁵ Чжан Бин-линь одним из первых оценил историографический потенциал этого текста, мало востребованного традиционной наукой, как и современной синологией. После начала публикации «Бамбуковых документов Цинхуа», его фрагменты были идентифицированы в подлинных текстах эпохи Чжаньго. – Theobald U. Yizhouhu 逸周書 // ChinaKnowledge.de – An Encyclopaedia on Chinese History, Literature and Art. URL: <http://www.chinaknowledge.de/Literature/Historiography/yizhouhu.html>

операций, описанных в древних текстах, и выяснение пределов империй Хань и Тан. В лекции, прочитанной в Пекинском университете, Чжан коснулся и вопросов исторического письма: «при записи рассказа [об историческом событии] не избежать личностного восприятия, ошибок при передаче событий, разговоров о мелочах, предубеждений»²⁶. В лекции, прочитанной в 1923 г. в Сучжоу, он выдвинул следующие тезисы о сущности «национальной науки»: 1) история в классических книгах – это не миф; 2) основополагающие документы в классических книгах и философские трактаты – это не религия²⁷; 3) история – это не беллетристика и не легенды²⁸. В другой лекции Чжан Бин-линь высоко оценил достижения цинского историографа Чжан Сюэ-чэна (章学诚, 1738–1801), выведшего формулу «Шесть канонов – это история»²⁹. Унаследовал он и панисториизм своего однофамильца, настаивая, что восприятие исторического в древности отличалось от современности. «Канон-цзин – это история древних людей, а современная история – это канон потомков». Канон сочетает две важнейшие функции – исторического материала и руководства по нравственному воспитанию. В эссе, посвящённом канону «Чунью», Чжан описывал гражданственную функцию истории как средства, осуществляющего связь времён, укрепляющего национальное самосознание, способствующего свободолобию и предопределяющего перспективу развития, не препятствующего «утрате родоначальника и поглощению иноземными племенами»³⁰.

По справедливому замечанию Ло Чжи-тяня, Чжану-националисту духовное порабощение казалось намного опаснее территориальных захватов: «прежде чем разрушить дом и сокрушить социальную структуру, сначала надо искоренить историю», а точнее, переписать её³¹. Чжан Бин-линь прямо заявлял, что между Китаем и Западом идёт война в сфере культуры, поэтому настаивал на сохранении культурного ядра нации, ключом к которой считал историю.

Выдающийся историк Гу Цзе-ган (顾颉刚, 1893–1980) также формировался в русле цинской каноноведческой традиции; будучи вундеркиндом, он с двух лет заучивал конфуцианские каноны, занимался тончайшими проблемами древней текстологии с дедом, когда его сверстники только начинали школьное образование. С новейшими течениями исторической мысли, Гу познакомился еще до поступления в Пекинский университет, где он некоторое время сотрудничал с Ху Ши, ярчайшим

²⁶ Калюжная 1995: 271.

²⁷ Под «религией» Чжан Бин-линь понимал авраамический монистический теизм вообще, считая христианство и ислам важными составляющими ограничения человеческой свободы.

²⁸ Калюжная 1995: 272.

²⁹ Существует точка зрения, что Чжан Сюэ-чэн всецело находился в неоконфуцианской парадигме и к предтечам историографической революции причислен быть не может (Wong 2003: 181).

³⁰ Калюжная 1995: 276-277.

³¹ Transforming History 2011: 66.

представителем «движения за новую культуру»³²; несколько ранее посещал лекции Чжан Бин-линя³³.

Гу Цзе-ган был блестящим историком-универсалом: он мог одинаково свободно работать во многих жанрах и направлениях³⁴, заложив основу многих исторических наук в Китае, в т.ч. исторической географии. Между 1926–1941 гг. под редакцией Гу Цзе-гана и его коллег вышло семь томов «Критики древней истории» (*Гу ши бянь*). Тексты, помещенные в первый том, имеют принципиальное значение для понимания и оценки методологии самого Гу Цзе-гана. Мы пользовались переизданием 1982 г., для которого уже тяжело больной ученый успел написать новое предисловие, подчеркнув, что главным завоеванием «Движения 4 мая» 1919 г. стало распространение критического мышления³⁵.

Биографы Гу Цзе-гана – дочери Гу Чао и Гу Хун – главным его достижением в создании новой методологии называли «теорию послойного формирования древней истории Китая» (层累地造成的中国古史)³⁶, которая в западных исследованиях именуется «теорией стратификации» (*stratification theory*)³⁷. Впервые теория была предложена Гу Цзе-ганом в 1923 г. в виде открытого письма, адресованного Цянь Сюань-туну (钱玄同, 1887–1938)³⁸. Теория отличается радикализмом и, несомненно, связана с традицией *Kulturgeschichte*, «национальной наукой» Чжан Бин-линя. Сам Гу Цзе-ган формулировал её в категориях «трёх последовательностей и четырёх пунктов» в таких формулировках³⁹:

³² 胡适 (1891–1962) – политический деятель, философ и организатор науки. Имя – «Наиболее приспособленный», получил как результат моды на переводы Янь Фу. В 1910 г. отправлен на обучение в США (Корнеллский и Колумбийский ун-ты), в 1914 г. его научным руководителем был Дж. Дьюи. С 1917 г. профессор Пекинского ун-та, где стал одним из главных идеологов «Движения за новую культуру» и «Литературной революции» (перехода с древнекитайского на разговорный язык и придание ему статуса литературного). В 1922 г. возглавил гуманитарный факультет. В 1926–1927 гг. жил на Западе, в США защитил докторскую диссертацию, продолжал работать в вузах Пекина. 1938–1942 гг. – посол Китая в США, далее работал в Библиотеке Конгресса и Гарвардском ун-те, в 1945 г. состоял в Учредительном комитете ООН. Один из авторов устава ЮНЕСКО и конституции Тайваня 1947 г. Параллельно в 1946–1948 гг. – ректор Пекинского ун-та. После 1949 г. жил в США и на Тайване, возглавлял Национальный исследовательский институт. Известен трудами по истории китайской философии, о классических китайских романах, и т.д.

³³ Гу Чао, Гу Хун 2014: 140–141.

³⁴ Полное собрание сочинений его составляет 62 тома, включая 12 томов дневников.

³⁵ Гу Цзе-ган 1982: 1.

³⁶ Гу Чао, Гу Хун 2014: 66. Собственно, формулировка: Гу Цзе-ган 1982: 60.

³⁷ Нон Tze-Ki 1996: 324. Хань Цзы-ци (韓子奇) – профессор Гонконгского университета, специалист в области интеллектуальной истории, особенно «И-цизна» и сунского неоконфуцианства.

³⁸ Нон Tze-Ki 1996: 324. Цянь Сюань-тун – видный деятель движения «4 мая», близкий друг Лу Синя, ученик Чжан Бин-линя. Его сын Цянь Сань-цян (钱三强, 1913–1992), физик-ядерщик, учился у П. Кюри, и сделался китайским аналогом С.П. Королёва и И.В. Курчатова, разработав национальные программы ядерных вооружений и ракетостроения в КНР.

³⁹ Гу Цзе-ган 1982: 60. См. также: Гу Чао, Гу Хун 2014: 66.

1. «Чем позже появляется мифологический персонаж в литературных текстах, тем к большей древности относится время его деятельности. В текстах эпохи Чжоу (1122–770 гг. до н.э. по традиционной хронологии), древнейшим из правителей считался Юй⁴⁰, в эпоху Чуньцзо (770–479 гг. до н.э.) появились образы Яо и Шуня⁴¹, в эпоху Чжаньго (403–221 гг. до н.э.) появляются упоминания о Хуан-ди⁴² и Шэнь-нунэ⁴³. В эпоху Цинь (221–209 гг. до н.э.) Жёлтый владыка вошёл в сонм «трёх августейших»⁴⁴, пока в Ханьскую эпоху (206 г. до н.э. – 220 г. н.э.) не появился миф о первочеловеке Пань-гу (盘古)».

2. «Поздним историческим эпохам соответствуют всё более и более мифологизированные герои». Для Конфуция (551–479 гг. до н.э.) Шунь был лишь образцом «правления недеянием», на основе собственного примера; у Мэн-цзы (372–289 гг. до н.э.) Шунь – совершенный мудрец и образец сыновней почтительности⁴⁵.

3. «Мы не в состоянии установить подлинности событий и персонажей глубокой древности, однако можем установить эпоху стабилизации тех или иных мифологических образов. [То же касается исторических событий]. До нас не дошли анналы династии Восточное Чжоу (770–256 гг. до н.э.), но, по крайней мере, мы располагаем источниками эпохи Чжаньго (403–221 гг. до н.э.), и представляем их восприятие Восточного Чжоу. Мы не располагаем подлинными анналами династий Ся и Шан⁴⁶, но, по меньшей мере, можем постичь, как историки Восточного Чжоу воспринимали *Дао* Ся и Шан»⁴⁷.

⁴⁰ Юй Великий (大禹) – культурный герой, историзированный конфуцианской традицией. Считается избавителем Поднебесной от всемирного потопа и великим устройтелем, разделившим её на 9 провинций-островов. Считается основателем первой императорской династии Ся (2205–1766 гг. до н.э. по традиционной хронологии).

⁴¹ Яо (堯, 2376–2255 гг. до н.э.) и Шунь (舜) – в конфуцианской мифологии идеальные правители, которые передавали власть в Поднебесной достойнейшему. Шунь, таким образом, воздал Великому Юю за его заслуги.

⁴² «Жёлтый владыка» (黃帝) в историзированной мифологии воцарился, якобы, в 2597 г. до н.э. В даосской религии он почитался как владыка Земли, автор множества медицинских текстов, а также первый бессмертный.

⁴³ «Божественный земледelec» (神農) – «изобретатель» земледелия и врачевания.

⁴⁴ «Трое августейших и пять владык» (三皇五帝) – древнейшие правители Китая и культурные герои, набор которых варьируется в источниках разных традиций. В историзированной мифологии помещались в III тыс. до н.э.

⁴⁵ Гу Цзе-ган 1982: 60.

⁴⁶ Друг и коллега Гу Цзегана – Фу Сы-нянь (傅斯年, 1896–1950) в 1930-е гг., основываясь на новейших археологических находках, заявил, что государства Ся, Шан и Чжоу были населены разными этносами и носителями разных культур, и не предшествовали одно другому, а сосуществовали одновременно на соседних территориях. С 1960-х гг. эту гипотезу пропагандировал в западной историографии китайско-американский исследователь Чжан Гуан-чжи (張光直, Kwang-chih Chang, 1931–2001). Историчность существования династии Ся окончательно не установлена, несмотря на политические установки правительства КНР и результаты «Хронологического проекта Ся – Шан – Чжоу» (Li Xueqin 2002: 331–332).

⁴⁷ Гу Цзе-ган 1982: 60.

Брайан Мэллони в данном контексте отметил, что в лексиконе Гу Цзе-гана, его старших и младших коллег, присутствовала некоторая непоследовательность терминологии, выражаемая во взаимозаменяемости терминов «легенда» и «миф». Первый – *чуаньшио* (傳説, дословно «слухи, пересуды») бытовал в литературе, по крайней мере, с Ханьской эпохи. Собственно миф – *иэньхуа* (神話, дословно «сказ о божественном»), был японским неологизмом, введенным Такаги Тосэ⁴⁸ и широко распространённым работами по фольклористике Янагита Кунио⁴⁹. На китайском языке данный термин стал активно использовать Лян Ци-чао в «Новом учении об истории» применительно к Древней Греции, а не Китаю или Японии. Идея существования в Древнем Китае развитой мифологии была подхвачена филологами и писателями, в т.ч. классиками первой величины, такими как Лу Синь и Мао Дунь, но до Гу Цзе-гана историки относились к ней настороженно. Впрочем, его собственную программу Мэллони называл «иконоборческой»⁵⁰. «Четыре пункта» (四项) программы Гу Цзе-гана сводились к следующему: 1. «Сломать концепцию (观念) единства происхождения [китайской] нации». 2. «Сломать концепцию географического единства [Китая]»⁵¹. 3. «Сломать концепцию гуманизма древности»:

«Люди древности не проводили границы между человеческим и божественным, поэтому все сообщения в древних источниках можно считать целиком мифологическими. Равным образом... почти до бесконечности смешивались понятия человеческого, божественного и животного. Хотя мифология не соответствует современным стандартам историописания, нельзя сказать, что анналы древности не содержат достоверной фактической информации. С конца эпохи Чуньцзо появилось множество мудрецов, раскрывших человеческую природу, в результате имевшиеся у них мифы о древних богах и духах предков были персонифицированы (人化)»⁵².

Помимо персонификации мифов, Гу Цзе-ган утверждал наличие в древней историографии сознательных фальсификаций, поэтому главная задача историка – реконструкция древних представлений об истории в системном виде. Для реконструкции фактологии мифология предоставляет больше достоверного материала, нежели древние политические интерпретации, которые все фальсифицированы в той или иной мере⁵³.

4. «Сломать концепцию Золотого века древности». Гу Цзе-ган напрямую связывал персонификацию и гуманизацию древней мифоло-

⁴⁸ 高木敏雄 (1876–1922) – японский филолог-германист, фольклорист.

⁴⁹ 柳田國男 (1875–1962) – японский политик и интеллектуал. Происходил из семьи конфуцианца, во время обучения в Токио находился под влиянием Мори Огая. Получив образование юриста, служил в Министерстве сельского хозяйства, читал лекции по аграрной политике в университете Васэда. Вершиной его карьеры была должность главы архивов Кабинета министров. Параллельно занимался литературой, в 1907 г. стоял у начала Ибсеновского кружка. В 1935 г. основал Общество исследования фольклора, заложив методологию фольклористических экспедиций.

⁵⁰ Transforming History 2011: 243.

⁵¹ Гу Цзе-ган 1982: 99–100.

⁵² Гу Цзе-ган 1982: 100.

⁵³ Гу Цзе-ган 1982: 100–101.

гии с общими для китайской культуры представлениями о древности как воплощённой социальной гармонии. Более того, концепция благого правления появилась не ранее эпохи Чуньцю и связывалась с утраченной властью династией Чжоу, которая использовала примеры глубокой (вымышленной) древности. Концепция же благих владык глубочайшей древности укоренилась в эпоху Чжаньго, когда велись бесконечные войны за обладание всей Поднебесной⁵⁴.

Первый директор Института китайской истории и филологии *Academia Sinica* Фу Сы-нянь (傅斯年, 1896–1950), констатировал, что историческая мысль в традиционном Китае отставала от филологии и канонovedения, и сравнивал роль Гу Цзе-гана для национальной историографии с Ньютоном для физики и Дарвином для наук о жизни. Даже президент Академии наук Китая Го Мо-жо (郭沫若, 1892–1978), который никогда не был солидарен с Гу Цзе-ганом ни в плане метода, ни в плане политических убеждений, высоко ценил радикализм выводов, представленных в «Критике древней истории»⁵⁵. Перечисленное никоим образом не означало негативизма в историческом мышлении Гу Цзе-гана, поэтому попытаемся интерпретировать основное содержание «теории послонного формирования» и раскрыть значение «четырёх пунктов» его программы для китайской историографической революции.

Хань Цзы-ци утверждал, что Гу Цзе-ган действовал всецело в русле идеологии движения «4 мая», стремясь «освободить будущее от оков прошлого»⁵⁶. Действительно, Гу Цзе-ган предельно далек от позитивистской программы «восстановления прошлого таким, каким оно было», поскольку сознавал, что историк изучает лишь превращённые формы представлений об исторической действительности. Изучение представлений позволяет в новых контекстах извлекать новые объяснения и понимание. При этом Гу Цзе-ган, в духе времени (а равно и под влиянием общения с американскими коллегами из Гарвард-Яньцзинского института) был в определенной степени затронут презентизмом, поскольку миссию историка понимал как объяснение, каким образом прошлое образует настоящее. Иными словами, вместо позитивистского изучения памятников той или иной эпохи и попыток определения, какой из них адекватнее представляет факты, Гу Цзе-ган обратился к феноменологии, стремясь реконструировать менталитет и восприятие истории на очередном этапе исторического развития, прямо заявив, что достоверная реконструкция истории Китая вообще неосуществима. Он проводил аналогии с археологией, и в этом смысле может считаться автором выражения «археология знания», хотя и в отличном от М. Фуко контексте.

Взгляд Гу Цзе-гана ближе, скорее, представлениям о разнице между действительностью и гештальтом у О. Шпенглера, хотя нет никаких свидетельств о знакомстве китайского историка с его трудами. Согласно

⁵⁴ Гу Цзе-ган 1982: 101–102.

⁵⁵ Гу Чао, Гу Хун 2014: 68.

⁵⁶ Hon Tze-Ki 1996: 324.

Гу Цзе-гану, каждая историческая эпоха создаёт собственный образ прошлого и характерный набор способов его репрезентации; причём так или иначе способ репрезентации опирается на предыдущий гештальт. Очень откровенно эти взгляды выражены в «Ответе г-ну Ли Ли-бо», напечатанному в конце первого выпуска «Критики древней истории». Собственно, единственным по-настоящему объективным способом познания древней истории Гу Цзе-ган именуется археологические раскопки, которые позволяют извлекать из недр культурных слоёв те или иные материальные объекты. Однако этот метод не позволяет главного: «проникнуть» в глубины человеческого сознания. Далее он проводит параллели между сюжетом драматургического произведения и историческим текстом: это нарративные структуры, а единственный способ исторической репрезентации – рассказ о прошлом. «Главное достоинство древней истории – не истина, а музыка»⁵⁷. Ткань исторического повествования составляют не факты, а метафоры, указывающие на восприятие истории древним современником событий, воспринимавшим их, не задаваясь теми вопросами, которые интересуют историка – современника Гу Цзе-гана⁵⁸. Безусловно, его интерес к буддизму (прямо декларированный в предисловии к первому тому *Гуши бянь*) должен был сказаться на формировании теории. Главным открытием Гу Цзе-гана, завещанным современникам и потомкам, было не пытаться отыскать единую абсолютную истину, но принять многогранность и сложность реальности, учиться рассматривать и интерпретировать её знаки.

В этой связи вернемся к вопросу о методологии Гу Цзе-гана. В автобиографии, которая была написана как предисловие к «Гу ши бянь», он именовал себя прагматиком. В его работе по «упорядочению национальной культуры» (整理國故) наиболее эффективным оказался «научный метод» (科學方法), т.е. сциентизм⁵⁹. Последовательным критиком «Гу ши бянь» являлся Лю И-чжэн, которого обыкновенно именовали консерватором⁶⁰. Тем не менее, Б. Мэллони считал, что Лю отличался от Гу Цзе-гана только используемой терминологией⁶¹. Не случайно, что статья Лю И-чжэна о филологическом анализе имён древнейших китайских правителей, была опубликована в составе «Гу ши бянь». Среди прочего, там содержалось пожелание для Гу Цзе-гана овладеть традици-

⁵⁷ Гу Цзе-ган 1982: 270-271, 272.

⁵⁸ Гу Цзе-ган 1982: 274–275.

⁵⁹ Гу Цзе-ган 1982: 69.

⁶⁰ 柳詒徵 (1880–1956) – один из «двух столпов Наньянского университета» (Лян Ци-чао – один из «великой четвёрки» университета Цинхуа). Получил традиционное образование, в 1902 г. по заказу Чжан Чжи-дуна составил первый учебник национальной истории на основе «Общей истории Китая» Нака Митиё (那珂通世, 1851–1908). Во ходе дискуссий 1920-х гг. выступал против Ху Ши и «литературной революции», защищал ценности традиционной исторической науки Китая. В 1932 г. опубликовал свой главный труд «История культуры Китая» (中國文化史), в котором впервые описал Китай как культурную, а не «расовую», общность.

⁶¹ Transforming History 2011: 245.

онным методом «доказательного изучения» на основе каноноведения, чтобы не допускать впредь «школярских ошибок»⁶². Со стороны сциентистов наиболее последовательным критиком методологии Гу Цзе-гана выступил Чжан Инь-линь⁶³. В частности, он заявил, что главным методологическим принципом Гу был «аргумент умолчания» (默證), который являлся далеко не универсальным. Примеры его использования на материале средневековых исторических сочинений приводили к откровенному абсурду⁶⁴. Примечательно, что Гу Цзе-ган никогда не отвечал критикам прямо, по каждому из контраргументов (которые чаще всего показывали невозможность доказательства), а стремился доказать обоснованность концепции в целом. Позитивистский исторический метод вообще не был приспособлен для решения вопросов о глубочайшей древности, о верификации и фальсификации гипотез о происхождении целых народов и культур. В этих условиях Чжан Инь-линь мог предложить только формулу «история неотличима от литературы» (文史不分), которая обрела совершенно другой смысл в результате постструктуралистского поворота. Сам Гу Цзе-ган так и не «вырвался» за пределы позитивистского противопоставления «факт – миф». Ценность мифологии, определялась прагматически – насколько те или иные факты соответствовали или не соответствовали выдвинутой гипотезе. Парадоксально, но цинская историческая методология *каоцжэн* учитывала взаимодополняющий и взаимосвязанный характер истории и литературы, переплетённость исторического и мифологического времени. Заслугой Гу Цзе-гана была «щедрость» к оппонентам, статьи которых он публиковал в корпусе «Гу ши бянь», отлично понимая, что даже противоречащие друг другу версии расширяют границы понимания.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Калюжная Н.М. Традиция и революция. Чжан Бинлинь (1869–1936) – китайский мыслитель и политический деятель Нового времени. М.: [Б.и.], 1995. 342 с. [Kalyuzhnaya N.M. Traditsiya i revolyutsiya. Zhang Binglin (1869–1936) – kitayskiy myslitel' i politicheskii deyatel' Novogo vremeni. Moscow, 1995. 342 pp.]
- Мартынов Д.Е., Мартынова Ю.А. «Новое учение об истории» Лян Ци-чао. Лян Ци-чао. Новое учение об истории. [Традиционная] история Китая. Перевод с китайского и примечания Д.Е. Мартынова // Вопросы философии. 2019. №5. С. 107–117. [Martynov D.Ye., Martynova Yu.A. "Novoye ucheniye ob istorii" Liang Qichao. Liang Qichao. Novoye ucheniye ob istorii. [Traditsionnaya] istoriya Kitaya. Perevod s kitayskogo i primechaniya D.Ye. Martynova // Voprosy filosofii. 2019. No 5. Pp. 107-117].
- Мартынов Д.Е. Чжан Бинлинь и китайская историография // Всеобщая история и историческая наука в XX – начале XXI века: сборник статей и сообщений. Т. 2 / сост. и отв. ред. Г.П. Мягков, Е.А. Чиглинец. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2020. С. 239–243. [Martynov D.Ye. Zhang Binglin i kitayskaya istoriografiya. In: Vseobshchaya istoriya i is-

⁶² Гу Цзе-ган 1982: 217–231.

⁶³ 張蔭麟 (1905–1942) – китайский интеллектуал (историк, филолог, историк философии, литературовед). В 17 лет опубликовал первое сочинение о Конфуции и Лао-цзы, где показал, что текстологические выкладки Лян Ци-чао были неверны. В 1929 г. окончил университет Цинхуа, и продолжил образование в Стэнфордском ун-те (США). В 1937 г. по заказу Фу Сы-няня написал «Очерк истории Китая».

⁶⁴ Transforming History 2011: 249–251.

- tricheskaya nauka v XX – nachale XXI veka: sbornik statey i soobshcheniy. T. 2 / sost. i otv. red. G.P. Myagkov, Ye.A. Chigliintsev. Kazan': Izd-vo Kazan. un-ta, 2020. P. 239–243]
- Гу Сюэ-фэн (谷学峰). 1958 нянь «Шисюэ гэмин» яньцзюэ (1958年“史学革命”研究, Исследование «историографической революции» 1958 г.) / Боши луньвэнь (博士论文, Ph.D. diss.); Шаньдун дасюэ (山东大学) 2011年[Gu Xuefeng. 1958 nian “shixue geming” yanjiu / Shandong daxue boshi lunwen, 2011. URL: <http://wap.cnki.net/lunwen-1011170427.html>].
- Гу Цзе-ган (顾颉刚). Гу ши бянь (古史辨, Критика древней истории). Т. 1. Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ, 1982. 286 с. [Gu Jiegang. Gushi bian. Shanghai guji chubanshe, 1982. Vol. 1. 286 pp.].
- Гу Чао (顾潮), Гу Хун (顾洪). Гу Цзе-ган пинчжуань (顾颉刚评传, Критическая биография Гу Цзе-гана). Наньчан: Байхуачжоу вэньи чубаньшэ, 2014. 160 с. [Gu Chao, Gu Hong. Gu Jiegang pingzhuàn. Nanchang: Baihuazhou wenyi chubanshe, 2014. 160 pp.].
- Исии Ган (石井刚). Ду «Да Те Чжэн» (讀《答鐵錚》), Читая «Письмо Те Чжэну» // Чжэньчжи дасюэ чжэсюэ. 2015. №11. С. 1–4. [Ishii Gan. Du “Da Te Zheng”. In: Zhengzhi Daxue zhexue. 2015. No.11. Pp. 1–4].
- Чжан Тай-янь цюаньцзи (章太炎全集, Полное собрание сочинений Чжан Тай-яня). Т. 4. Шанхай: Жэньминь чубаньшэ, 1985. 501 с. [Zhang Taiyan quanji. Di si ce. Shanghai: Renmin chubanshe, 1985. 501 pp.].
- Hon Tze-Ki. Ethnic and Cultural Pluralism: Gu Jiegang's Vision of a New China in His Studies of Ancient History // Modern China. 1996. Vol. 22, no. 3. Pp. 315–339.
- Levenson J. Confucian China and Its Modern Fate. Volume III: The Problem of Historical Significance. Berkeley, Los Angeles: University of California Press, 1965. 180 pp.
- Li Xueqin. The Xia-Shang-Zhou Chronology Project: Methodology and Results / Tr. by Sarah Allan // Journal of East Asian Archaeology. 2002. Vol. 4, no. 1. P. 321–333.
- Murthy V. The Political Philosophy of Zhang Taiyan: The Resistance of Consciousness. Leiden; Boston: Brill, 2011. 266 pp.
- Tang Xiaobing. Global Space and the Nationalist Discourse of Modernity: The Historical Thinking of Liang Qichao. Stanford: Stanford University Press, 1996. 289 pp.
- Transforming History: The Making of a Modern Academic Discipline in Twentieth-Century China / Ed. by B. Moloughney and P. Zarrow. Hong Kong: The Chinese U.P., 2011. 429 p.
- Wong Young-tsu. Discovery or Invention: Modern Interpretations of Zhang Xuecheng // Historiography East and West. 2003. Vol. 1, no. 2. P. 178–203.

Мартынов Дмитрий Евгеньевич, доктор исторических наук, профессор, кафедра алтаистики и китаеведения, Институт международных отношений, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Zhang Binglin, Gu Jiegang and the "Historiographic Revolution" in China

The article is devoted to the “historiographical revolution” of the 20th c. in China. Two methodological systems by radical thinkers representing two generations were chosen for analysis, that of Zhang Binglin (1869–1936) and Gu Jiegang (1893–1980). Both of them received traditional Confucian education, which determined the direction for research, an ambivalent attitude to traditional Chinese culture and historical knowledge. The thinking of Zhang Binglin had a strong political and nationalist conditionality, which was combined with the perception of the latest trends of the *Kulturgeschichte* through Japanese translations and works by Japanese historians. The perception of important provisions of Rankean positivism, in particular, the emphasis on source criticism (*Quellenkritik*), correlated with the neo-Confucian “evidential scholarship” (*kaozheng*). Recognizing the objectivity of time and existence of the laws of history, Zhang Binglin rejected moral assessments of traditional Confucian historiography. He was also the first to contrast mythology and historical truth, the analysis of which was carried out by Gu Jiegang. On the one hand, Gu Jiegang strove for a phenomenological reconstruction of mentality and perception of history at the next stage of historical development. On the other hand, he was never able to go beyond pragmatic use of mythological information to prove correctness of hypotheses put forward.

Keywords: Chinese historiography, “historiographic revolution”, scientific method, “theory of stratification”, Liang Qichao, Zhang Binglin, Gu Jiegang

Dmitry Martynov, Dr. Sc (History), professor in the Department of Altaic and Chinese studies Institute of International relations of Kazan (Volga region) Federal University.

ИЗ ИСТОРИИ БРИТАНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ЭЛЛИНИЗМА

Статья посвящена истории эллинистических исследований в Британии. Воспитанные в духе классической историографии и филологии, британские историки с трудом мирятся с идеей существования, пусть в далекой древности, и далеко на Востоке некой многосложной, синкретической цивилизации, сочетающей в себе элементы, традиционно воспринимаемые как чисто западные или чисто восточные. Начало крушения после Первой мировой войны колониальной системы и пошатнувшиеся позиции окцидентоцентричной мировоззренческой парадигмы на Западе и на Востоке, придало импульс эллинистическим исследованиям в Британии и США. Пройдя несколько уровней развития, историография эллинизма сегодня вышла на новый этап.

Ключевые слова: *эллинизм, эллинистические исследования в Великобритании и США, колониальная историография, постколониальный дискурс*

Эллинистические исследования были, по сути, первыми, хотя и не всегда осознанными, цивилизационными исследованиями, причем задолго до того, как термин «цивилизация» обрел тот смысл, который в него вкладывают современная культурология. Первым термин эллинизм ввел в оборот И.Г. Дройзен еще в 30-е гг. XIX в. С тех пор эллинистические исследования прошли несколько этапов от колониального до постколониального и деколониального дискурсов, от эпистемологии эпохи Просвещения и позитивистской веры в источник к постмодернизму и стиранию граней между фактом и мифом. На первоначальном этапе в доминировала идеологема «цивилизаторской миссии» греко-македонян, что было характерно для колониальной историографии вообще, с ее явным акцентом на преобразующую роль белого человека – воина, философа, администратора, предпринимателя в прежде якобы инертном и статичном туземном окружении. Сам эллинизм воспринимался как вторая, после греческой колонизации, вестернизация неевропейских миров. При этом, эллинистические и римские исследования стали своего рода инструментом колониальной политики, построенной на семиотизации античных персонажей и рецепции античной знаковой системы. Одновременно с этим в историографии Нового и Новейшего времени происходила экстраполяция современных реалий на античность. Имперскость и империализм древних превратились в один из важных элементов легитимации господства Запада над Востоком. Возможно, поэтому эллинистическая и римская история стали предметами исследования имперских национальных историографий Европы.

Вместе с тем, сами по себе исследования по истории эллинизма на Западе, да и в России, не всегда воспринимались однозначно. Еще в XVII–XVIII вв. сложился особый образ античной европейской цивилизации, воплощенной в республиканской Греции и республиканском Риме, который со временем перерос в мировую империю, сохранив, при этом, большую часть доблестей республиканского периода. Этот идеа-

лизированный и мифологизированный образ античного мира не претерпел особых изменений вплоть до наших дней. Создавшие мифологему античной европейской цивилизации историки и философы эпохи Просвещения видели в ней предтечу современной Европы. Не зря эта эпоха получила название классической. На Средиземноморскую Европу древности были экстраполированы многие характерные черты Европы Нового времени. Античные Греция и Рим стали объектами пристального изучения и подражания, и в некотором смысле поклонения практически всех образованных людей Европы и России. Европейцы считали себя наследниками политических и культурных традиций Античного мира.

Сформированные в эпоху Просвещения идеализированные стереотипы об античной классике, как чисто европейской цивилизации, отчасти помешали адекватному восприятию такого цивилизационного явления, как восточный эллинизм. Эллинистическая цивилизация – явление синкретическое, временами с явным преобладанием восточного начала, что делало ее малопривлекательной для поклонников незамутненной античной классики. В учебниках истории древнего мира эллинистические государства Азии и Африки, подобно своим предшественникам – Ахеменидской державе и др., рассматривались как своего рода декорации, на фоне которых разворачивалась блистательная история античного Запада. Сам же эллинизм рассматривался как явление упадка, поразившее западную цивилизацию под влиянием тлетворных восточных заимствований, что, в конце концов, должно было привести к гибели классической антики и падению Запада в пучину мрачного средневековья.

Вместе с тем, в работах даже крупных специалистов по истории эллинизма акценты традиционно делались на сугубо греческих элементах эллинистического общества – в политике, экономике и культуре стран Востока. При этом не учитывалась важная деталь: большинство эллинистических цивилизационных наработок, согласно исторической традиции, привнесены в Переднюю Азию и Северную Африку с Запада, на самом деле существовали здесь задолго до появления греко-македонских завоевателей. В современной науке это явление принято называть предэллинизмом, или как мы его называем, догреческим эллинизмом. Все больше исследователей склонны считать эти наработки греческими заимствованиями у более древних восточных цивилизаций.

При всех явных и неявных различиях европейские школы исследований эллинизма имеют много общего, и даже самые выдающиеся исследования по истории и культуре эллинизма Нового и отчасти Новейшего времени несут на себе отпечаток колониального дискурса и родовых пятен классической филологии и антиковедения.

Первые значимые исследования эллинистической истории и культуры на английском языке появились довольно поздно – в период между двумя мировыми войнами. У истоков англоязычной историографии эллинизма стоял выдающийся русский историк М.И. Ростовцев [1870, Киев – 1952, Нью-Хейвен (США)], который восторженно приветствовал

Февральскую революцию в России, но не принял большевистский переворот. Подобно многим русским интеллигентам он оказался политическим эмигрантом. В 1918 г. из революционного Петрограда Ростовцев перебрался в Британию, однако здешняя академическая элита, сочувственно отнесшаяся к собрату по науке, в то же время, отвергла его идеи, связанные с историей эллинизма и Рима. Британская консервативная профессура, воспитанная в традициях классического антиковедения не восприняла революционные идеи и методы Ростовцева, которые могли бы вызвать безусловное понимание в немецкой академической среде того времени, поскольку были ее порождением. Однако Германия была врагом России в Первой мировой, и Ростовцев, с первого дня войны, занял воинственную антинемецкую позицию, которая впоследствии, согласно Н.П. Анциферову: «много повредила ему. Эдуард Мейер, по слухам, завещал Ростовцеву свою кафедру, но немецкие ученые отказались утвердить на ней воинствующего врага пангерманизма»¹.

Не получивший признания в Британии 50-летний Ростовцев был вынужден из Кембриджа переехать в США, в Медисонский университет штата Висконсин. Спустя несколько лет он был приглашен в Йельский университет в Нью-Хейвене, где продолжил, начатые еще в России, исследования по эллинистической и римской истории. После Первой мировой войны американская классическая историография делала первые шаги и очень нуждалась в таких харизматичных лидерах, как М. Ростовцев². По сути, а Америке на Ростовцева «свалился» успех, которого он и не ожидал. Здесь русский ученый-эмигрант пережил небывалый творческий подъем³, здесь же он освоил английский, на котором писал всю оставшуюся жизнь. В Йеле для него были созданы самые комфортные условия для работы, чем он воспользовался в полной мере. Популярность М. Ростовцева в США раскрыла перед ним двери в британское академическое сообщество, в 1930-х его начинают приглашать в Кембридж, где он читает лекции по истории эллинизма и Рима, принимает участие в совместных научных проектах. Ростовцеву удалось в значительной степени смягчить свойственное британской академической науке скептическое отношение к эллинистическим исследованиям. Его вклад в формирование самостоятельной Кембриджской школы по изучению позднеимперской истории Рима, и, особенно истории эллинизма, неоценим. На закате жизни М. Ростовцев был удостоен самых высоких академических титулов во многих странах мира. Он по праву считается одним из патриархов эллинистической историографии.

По мнению исследователей творчества Ростовцева, выдающийся ученый достиг интеллектуальной зрелости именно в период эмиграции, поскольку решающее влияние на формирование его концепций оказали трагические события в России 1917–1918 гг., свидетелем и жертвой ко-

¹ Анциферов 1992: 162.

² Андро 1991: 170.

³ Бонгард-Левин 1997.

торых он являлся. Согласно их предположениям, Ростовцев изобразил крушение экономической системы античности и упадок античной цивилизации, сходные с падением Российской империи, тем самым крайне модернизировав древнюю историю человечества⁴.

Многие идеи и догадки Ростовцева получили сильный импульс благодаря начатым еще французскими и продолженным американскими археологами раскопкам в Дура Европос, к которым уже немолодой ученый присоединился с 1928 г.⁵ Благодаря, полученным еще в России археологическим навыкам, блестящему знанию эллинистических реалий и исторической интуиции, Ростовцев стал признанным лидером и руководителем археологических работ, вплоть до их окончания в 1937 г. В то время как в Советской России беглого «белоземлигрантского профессора» обливали идеологическими помоями, а бывшие коллеги старались о нем не вспоминать, на Западе, особенно в Америке и во Франции, его труды считались базовыми для понимания сути Римской и особенно эллинистической цивилизаций. Ростовцев панорамно показал эллинистический мир с Запада на Восток, расширил его временные и территориальные границы, показал автохтонность многих институтов, прежде считавшихся привнесенными на Восток греко-македонскими завоевателями. Он постоянно акцентировал вопрос о «двусторонности» греческой колонизации, как в городах-государствах Северного Причерноморья, так и в других эллинистических странах. Им были подняты стержневые вопросы историографии, сопоставимые с семью «проблемами Гильберта». Среди выдвинутых Ростовцевым «нерешенных проблем истории эллинизма» можно отметить вопросы о месте и роли государства в экономической жизни эллинистического и римского обществ; о противостоянии и взаимодействии полиса и территориальной державы, эллинистической монархии и Римского мирового государства; о типологии форм зависимости, на примере малоазийских лаой и колонов; о проблемах взаимоотношений античности с миром варварских племен; вопрос об эллинизме на Боспоре, упредившего эллинизм в Передней Азии; вопрос о взаимоотношении универсальной и локальной античной историографии; о формировании в русле историко-этнографической традиции нового жанра этнографической утопии (начиная с Геродота и Эфора) и т.п.

Для многих западных исследователей идеи Ростовцева оказались слишком смелыми. Особенно раздражали «академистов» желание представить римскую историю как органичное продолжение эллинистической цивилизации – один из этапов ее бытия, а также стремление продемонстрировать на эллинистическом Востоке и в имперском Риме элементы феодального, капиталистического и социалистического укладов, и неизбежные межвидовые противоречия между ними⁶. Хотя сами по себе эти идеи на Западе были не новы (Ростовцев, еще в молодости, по-

⁴ Momigliano 1966: 100.

⁵ Миллар 1996: 184-187; Мэтесон 1992: 130-139.

⁶ Ростовцев 1900; Rostovtzeff 1941.

заимствовал их у германских коллег), ему удалось весьма искусно применить их для понимания сути эллинистическо-римской цивилизации.

Концептуальные подходы Ростовцева оказали большое влияние на таких видных представителей Кембриджской школы антиковедения, как В. Тарн («Эллинистическая цивилизация», 1927), Ф. Уолбанк и, почему бы нет, на А. Тойнби. Кембриджская школа обычно опиралась на достижения английской экономической мысли XVIII–XIX вв., и занимала передовые позиции в мировой историографии. Для нее было характерно восприятие эллинистической цивилизации как единого целого, в то время, как Оксфордская школа отдавала предпочтение филологическим штудиям, переводам классических текстов и их комментариям. Подходы Кембриджской школы, особенно взгляды Ростовцева на эллинизм, разделяли Ф. Хайхельхайм⁷, В. Эренберг⁸ и А. Момильяно⁹ и другие известные исследователи эллинистической истории, хоть и не сразу новые подходы были поддержаны французскими исследователями¹⁰.

Синкретической сути эллинистической цивилизации посвятил свои труды и Арнольд Тойнби (1889-1975). В 12-томном «Постижении истории»¹¹ выдающийся британский историк разработал принципиально новую, действительно цивилизационную парадигму эллинизма. В основе этой парадигмы лежит циклическое восприятие исторического времени. В своих работах Тойнби представляет историю эллинизма как яркую и самодостаточную цивилизацию, а не блеклую тень античной Греции, отброшенную на Западную и Центральную Азию, чуть ли не по случайному стечению обстоятельств. Однако вскоре после Второй мировой, в связи со сменой политической конъюнктуры, идеи Тойнби на Западе начинают терять привлекательность. Цивилизационные методы Тойнби были объявлены неактуальными и слишком обобщающими. В европейской и американской историографии обнаружилось тенденции возврата к традициям исторического метода конца XIX – начала XX в. Тойнби подвергся атакам сразу с нескольких направлений. Самыми рьяными и последовательными критиками Тойнби стали представители профессуры Лондонской экономической школы (The London School of Economics and Political Science)¹² и представители школы Анналов, во главе с Люсьеном Февром, который назвал подходы Тойнби «комедийным оптимизмом», хотя, на наш взгляд, История, в понимании Тойнби – это скорее «оптимистическая трагедия». В 1950–1960 гг. в западной историографии и политической теории главным стал лозунг «забыть Тойнби»¹³. Однако корифеям политтеории не удалось избавиться от влияния выдающегося британского историка и все их «концепции» остались ре-

⁷ Heichelheim 1925; 1968.

⁸ Ehrenberg 1938; 1960.

⁹ Momigliano 1955-1992: 172.

¹⁰ Cloche 1961; Petit 1965; Бикерман 1985.

¹¹ Toynbee 1959: 108.

¹² Kedourie 1970; 1984.

¹³ Гапбар <http://www.berkovich-zametki.com/Nomer18 /Garbar2.htm>

минисценциями стержневых идей Тойнби, правда под другими названиями и с более узким временным охватом.

Стремление к отказу от теоретических обобщений не обошло и эллинистические исследования. В британской университетской среде эллинизм вновь стал рассматриваться как благотворное влияние эллинской цивилизации на восточные страны, со временем, однако, на местной почве подвергшееся трансмутации и определенной деградации. Особенно это относилось к отдаленным от Балканской Греции странам и регионам, а также к тем городам, где греческий элемент был представлен слабо, или вообще отсутствовал. Эллинизм рассматривался как декаданс, исторический откат, последовавший за кратковременным периодом блистательной античной классики. Приоритетными направлениями в послевоенной британской историографии стали римские исследования. Рим рассматривался как сугубо западный феномен, отличный от синкретического по своей сущности эллинизма. Отмечалось, что римская цивилизация легла в основу современной западной цивилизации, в то время как эллинистическая цивилизация дала импульс для зарождения византийской и других восточнохристианских цивилизаций.

Во второй половине XX в. эллинистические исследования в Англии изменили свою направленность. На смену большим панорамным полотнам, написанным смелыми, размашистыми мазками, пришли статьи и очерки, посвященные частным вопросам истории и особенно культуры эллинизма. Значительных успехов достигла археология, нумизматика, эпиграфика и др. вспомогательные научные дисциплины, обогатившие представления об эпохе эллинизма¹⁴. Историки по-прежнему делали акцент на военно-политической истории эллинизма, достаточно хорошо, в некоторых случаях исчерпывающе, исследованной предыдущими поколениями исследователей. Были отвергнуты концепты Ростовцева о синкретической сущности эллинистической и Римской цивилизаций. Прежде Хайхельхайм, Тарн, Робинсон, Момильяно и др. последователи Ростовцева считали, что в основе египетской экономики лежало плановое производство, что предполагает наличие элементов государственного капитализма в государстве Лагидов. Но теперь британская профессура не видела никаких закономерностей в существовании плановой экономики в эллинистическом Египте, утверждая, что она не играла значимой роли в экономической жизни страны. Существование плановой экономики объяснялось волюнтаристски внедренной Лагидами уравнительной налоговой системой, не имеющей местных корней¹⁵.

Кроме того, большинство исследователей видели в грехах цивилизованных западных колонизаторов, чуждых туземному населению, местным традициям и культуре, которое, в свою очередь, крайне негативно относилось к привнесенным с Запада эллинским ценностям. По их мнению, лишь компрадорские, близко стоящие к греко-македонским

¹⁴ Об этом см.: Гайфуллин 1991.

¹⁵ Crawford 1971.

колонистам местные элиты, оказались восприимчивы к эллинской культуре, перцептировав их внешнюю сторону, но не поняв и не приняв самой сути западной цивилизации, в то время как основная часть населения эллинистического Востока пассивно или активно противодействовала греко-македонским колонистам и сотрудничавшей с ними немногочисленной компрадорской элите. Это явление получило в историографии новейшего времени название «восточная реакция»¹⁶.

По мнению многих исследователей «восточная реакция» проявлялась не только на ментальном, но и на военно-политическом уровне, а подточенный «внутренним сопротивлением» эллинизм погиб во II в. до н.э. из-за «восточного контрудара», возглавленного Парфянским царством, который, вдобавок, совпал с римской экспансией. «Восточная реакция», по мнению многих европейских историков – это движение, развернувшееся в покоренных странах эллинистических империй – Иудее, Понте, Армении, Парфии, Бактрии, Северной Индии и др. – против глобального эллинизма (вскользь или напрямую это высказывали В. Тарн, А. Дж. Вудкок и др.¹⁷ Единственное исключение – одна из последних работ А. Тойнби)¹⁸. Однако большинство отрицали наличие предпосылок эллинизма в восточных обществах, получивших в исторической науке название «предэллинизм», и, формально соглашаясь с тезисом о синкретической сущности эллинизма, считали его феноменом эклектическим, рассматривая «западные» и «восточные» элементы на Востоке не как единое целое, а как взаимоисключающие и противоборствующие.

В основе такого видения лежала убежденность в неготовности восточных обществ к восприятию эллинских ценностей, которые были навязаны Александром Великим и его преемниками, остались им чужды и были отринуты после гибели эллинистических монархий, последней из которых, согласно распространённому мнению, было Египетское царство Лагидов. По сути, эллинизм представлялся не как закономерное явление в истории стран Передней и Центральной Азии, а как некая случайность, обусловленная, прежде всего, полководческим гением Александра Великого и боевыми качествами греко-македонской фаланги¹⁹. При этом, в работах западных историков Александр представляется как «культуртрегерская»²⁰ сверхличность, одновременно обуреваемая «демоническими» страстями и наделенная холодным сверхразумом, осознающая свою миссию, направленную на распространение эллинского духа и новых ценностей²¹. В трудах В. Тарна²² Александр, в духе совре-

¹⁶ Сопротивлению восточных народов посвящена монументальная работа: Eddy 1961.

¹⁷ Tarn 1951: 183; Woodcock 1966; Banerjee 1961; Narain 1957; Banerjee 1976; National Geographic Magazine 1981, 7; Holt 1989; Puri 2000; Vassiliades 2000; Seldeslachts 2003.

¹⁸ Toynbee 1961.

¹⁹ Wilcken 1931 (repr. München, 1990): VIII; Wilcken 1932, 1967, 1997.

²⁰ Уилер 1972.

²¹ См.: Brunt 1962: 141-155; 1965. 12: 205-215; Fox 1973; Adams, Borza (eds) 1982; Wepman 1986; O'Brien 1992. ch. 4.

²² Tarn 1933; Idem. 1948: Vol. 1; Vol. 2, 748 - 822; 112ff.

менного глобализма, представлен первым интернационалистом и поборником равенства и братства народов, опередившим свое время²³.

В большинстве работ Александр представлен как сверхчеловек, покоривший ойкумену и изменивший ход истории²⁴. В исторической литературе можно также встретить образ опьянённого славой деспота восточного типа, либо одаренного, рассудочного и циничного политика, идущего к своей цели, не считаясь с жертвами со стороны своих и чужих²⁵. Отличный от образов, созданных Гарном и др. британскими авторами исторический портрет Александра представлен в работе Дж. Хамилтона, где обсуждаются его отношения с приближенными, степень вовлеченности в заговор против Филиппа, негативное влияние походов Александра не только на Восток, но и на Македонию и Грецию. Была также создана галерея исторических портретов деятелей эпохи эллинизма, в первую очередь полководцев и правопреемников Александра²⁶, что стало продолжением уже давно сформировавшейся европейской историографической традиции²⁷. Особое внимание уделялось непростым взаимоотношениям Филиппа и Александра²⁸. В работах Г. Гриффита обсуждались вопросы армии, особенно тема наёмничества²⁹. Эта тема и в дальнейшем оставалась в центре внимания многих исследователей³⁰.

Возрос интерес к крупным эллинистическим городам³¹, таким как Александрия Египетская³², Антиохия на Оронте³³, Пергам³⁴ и др., а также к эллинистическим городам европейского Средиземноморья. Этой теме были посвящены работы Н. Дж. Л. Хаммонда³⁵. В отличие от своих сверстников Г. Гриффита и Ф. Уолбанка, он довольно поздно занялся академической деятельностью, поскольку в годы Второй мировой был призван и работал тайным агентом Secret Intelligence Service в Греции, Македонии и Албании. Только после отставки он вернулся в Кембридж

²³ Anson 2009, 981-992.

²⁴ См.: Griffith 1966; Green 1961, repr. 1990; Milns 1968. P. 20-25; Welles 1970.

²⁵ Carney 1981. 22: 149-160; Bosworth 1988; Bosworth 1996.

²⁶ Errington 1969; Badian 1975, 24: 147-170; Ellis 1976; Cawkwell 1978; Perlman (ed.) 1973; Garoufalias 1979; Grainger 1990; Lund 1992: 200-204; Gabbert 1997; Burstein 1982: 197-212; Pomeroy 1984; Heckel 1992; Carney 1994: 123-131; Billows 1989. 8: 173-206; 1990 (2nd ed. 1997 (pb.)); 1993. 96 P. 249-57.

²⁷ См.: Bevan 1902; repr. 1966; Bevan 1927; Ferguson 1911; Tarn 1913.

²⁸ Ashley 2004: 13-110; Fuller 1958; Brunt 1963. 83: 27-46; Milns 1966; 1976. 22: 87-136; Hauben 1972. 3: 55-65; Engels 1978; Bar-Kochva 1979; Head 1982; Sekunda 1994-1995; Sekunda 2002: 388-389; Gaebel 2002 (печ.: Glenn 2002; Hunt 2003); Chaniotis 2005 (печ.: Fonda 2005).

²⁹ Griffith 1935: VII.

³⁰ Parke 1933.

³¹ Larsen 1968; Hansen 1971; Badian 1980; Allen 1983; Berthold 1984; Gruen 1984; Cartledge/Spawforth 1989; Piper 1986; Errington 1990; Ginouves 1994.

³² Fraser 1972; Argyle 1974. 69: 348-350; Bowman 1986; Lewis 1986; Thompson 1988; Samuel 1989.

³³ Downey 1961; Grainger 1990; Grainger 1991.

³⁴ Hansen 1947; Magie 1950; Mc Shane 1964.

³⁵ Hammond 1980; Hammond 1981; Briant 1996; Hammond 1997.

и посвятил себя науке. Работы Хаммонда, в основном, были посвящены эллинистической истории Греции, Македонии и Эпиру (стран, где он провел молодые годы, полные лишений и угрозы для жизни)³⁶.

Последним крупным британским историком, занимавшимся вопросами эллинизма, был Фрэнк Уильям Уолбанк (1909–2008), которого А. Момильяно, причислил, наряду с А. Джонсом и Р. Саймом, к «большой тройке» современных ему англоязычных историков XX в.³⁷ Уолбанк принадлежал к Кембриджской школе и не чурался крупных обобщений. В своих работах он часто ссылался на труды Маркса, Ленина, Вебера, Тойнби, принимал участие в дискуссиях о судьбах античной и современной цивилизаций³⁸. Будучи истинным британцем, он, в то же время, был чужд национального чванства и ограниченности, присущей некоторым представителям английской колониальной историографии³⁹. Немалое влияние на него оказали идеи М. Ростовцева, которые отчетливо прослеживаются в работах, изданных в 1940–1950-х гг., особенно касающихся причин деградации городов классической Эллады⁴⁰.

Перу Уолбанка принадлежат крупные обобщающие работы по истории эллинизма. Эллинистическую цивилизацию он считал не смешением греческих городов и восточных государств и не мистическим проявлением греческого гения, а гармоничным сочетанием разных цивилизационных элементов, происхождение которых трудно проследить. Уолбанк утверждал, что, хотя римское завоевание оказало влияние на эллинистический Восток⁴¹, обратное влияние было куда значительней, оно изменило римскую цивилизацию и предопределило дальнейший ход римской истории. Консервативные силы, такие, как эллинофоб Катон Старший или тонкий знаток и ценитель греческой культуры, покровитель Полибия, Публий Корнелий Сципион Эмилиан, видели для Рима угрозу в тесном общении двух миров, сознавая, что эллинистическая ценности могут возыметь разрушительное воздействие на римские нравы и традиции, но, как утверждал Полибий, эти процессы более невозможно было остановить⁴². Согласно Уолбанку, Рим стал «не только губителем плодотворной греческой цивилизации, но и ее наследником», и благодаря Риму, значительная часть эллинистических ценностей проникла с Востока в Западную Европу⁴³, хотя главными наследниками эллинизма является Византия и восточнохристианский мир.

Критики творчества Ф. Уолбанка отмечали его стремление к объективному, осторожному характеристикам, и нежелание дать четкую фор-

³⁶ См.: Hammond 1967; 1972; 1988; 1996; Hammond, Griffith 1979.

³⁷ Momigliano 1984: 1.

³⁸ Кашеев 1981: 133–139

³⁹ Кашеев; Шофман 1984: 204–205.

⁴⁰ Walbank 1944: 10–20; Walbank 1946.

⁴¹ Особенно в военной и правовой сферах. – Walbank 1981, 1986, 1992: 227–246.

⁴² Walbank 1981, 1986, 1992: 247–248; Rawson 1985: 3–18; 1989: 422–476, 451–463; Petrochilos 1974.

⁴³ Ibid: 251.

мулировку эллинизма в целом, в том, что он недостаточно осветил взаимоотношение и усложнение греческой и туземной культур, несколько преувеличил степень изолированности правящей греко-македонской элиты⁴⁴, проявлял недостаточное внимание к достижениям эллинистического изобразительного искусства⁴⁵. Едва ли можно согласиться со всеми этими критическими замечаниями. Вклад Уолбанка в исследование эллинистической цивилизации неоценим. По мнению многих специалистов, неоспоримым достоинством его исследовательской манеры является умение соединять характерные для Кембриджской школы черты – высокопрофессиональную трактовку источника и описание исследуемой эпохи как части макроисторических процессов, умение делать широкие обобщения в сочетании с работой над мелкими деталями⁴⁶. Уолбанк известен, как комментатор трудов Полибия⁴⁷ и ряда других античных авторов. Большинство критиков творчества Ф. Уолбанка отмечали, что, несмотря на некоторые недостатки, его взгляды и подходы более всего соответствуют современным требованиям к античной историографии и источниковедению, и выгодно отличаются от дройзеновской телеологической парадигмы или «мессианской концепции» Тарна. Ф. Уолбанк не оставил инновационных и крупномасштабных работ, соотносимых с трудами А. Тойнби и М. Ростовцева, но его работы отличаются фундаментальностью и профессионализмом.

Долгое время бытовало мнение, что именно Уолбанку выпало на долю сказать последнее слово в англо-американской историографии эллинизма. Предполагалось, что его ученики и последователи удобно разместятся в том формате, который он очертил в своих многочисленных разноплановых работах, и будут развивать обозначенную им проблематику, но, как это иногда бывает, в англоязычных исследованиях произошел разворот практически в противоположном направлении. За последние три десятилетия в Европе, и особенно в Британии, появилась плеяда исследователей, разработавших новые подходы в изучении эллинистической цивилизации. Особый интерес представляет вышедший в 1987 г. сборник научных работ «Эллинизм на Востоке»⁴⁸, в котором интернациональная группа, состоящая из 6 единомышленников (в т.ч. двоих соредкторов) выступила с новыми, а в отдельных случаях – с хорошо забытыми идеями. Стержневой идеей книги стало утверждение о том, что для Селевкидского царства наследие Ассирии, Вавилонии и державы Ахеменидов имело несравнимо большее значение, чем было принято считать, и чтобы понять сущность эллинистических царств, их следует рассматривать преимущественно в контексте восточных цивилизаций. В своем очерке «Селевкидская Вавилония: тематическое ис-

⁴⁴ См.: Климов 1996: 55-56.

⁴⁵ Кашцев 2002: 3.

⁴⁶ Momigliano: 1.

⁴⁷ Walbank 1957, 1967, 1979, 1957–1979.

⁴⁸ Kuhrt; Sherwin-White 1987.

следование по установлению и развитию греческого правления»⁴⁹ доктор Сьюзен Шеруин-Уайт утверждает, что государство Селевкидов, было хотя и неоднородным, но отнюдь не слабым и рыхлым образованием. Она считает необоснованным мнение о том, что Селевкиды не доверяли местным, и не вовлекали их в систему госуправления, и тем более не назначали их на высшие должности. В подтверждение сказанного мы могли бы привести пример Антиоха III, который назначил правителями Великой и Малой Армении, Коммагены и Софены местных династов.

Крупный специалист по истории Востока, профессор колледжа Лондонского университета (UCL) Эмили Кюрт также рассматривает историю Селевкидского государства в едином феноменологическом контексте с историей Ассирийской, Вавилонской и Ахеменидской империй. Более того, она убеждена, что «Вавилонская (халдейская) история» Беросса была написана по заказу Антиоха I Сотера в качестве «идеологической поддержки династии Селевкидов, со стороны ценимой ими вавилонской традиции».

Жан-Франсуа Саллес приводит новые свидетельства того, что местное и пришлое население выработало систему отношений, делающее их сосуществование мирным и продуктивным. В своих последних исследованиях, на основе новейших археологических данных, Саллес показал, сколь прочными были связи между народами Средиземноморья и Индийского океана.

Фергюс Миллер в объемной статье «Проблема эллинистической Сирии» предостерегает от переоценки греческого влияния на Сирию и сопредельные эллинистические страны, так как источники не дают для этого достаточных оснований⁵⁰.

Мальком Колледж, рассматривая восточное влияние на эллинистическое искусство, показал, как под местным влиянием происходила трансформация греческого искусства и его поэтапное превращение в новое искусство, которое едва ли правомерно называть греческим.

Уолбанк охарактеризовал высказанные этими авторами идеи, как «ревизионистские, а в отдельных случаях агрессивно ревизионистские»⁵¹. Свое дальнейшее развитие новационные идеи получили в новых работах Шеруин-Уайт и Эмили Кюрт⁵².

Мы убеждены, что взгляды и подходы упомянутых авторов стали смелым шагом на пути расширения географических и хронологических рамок истории эллинизма. Они открывают новые горизонты для развития нового направления в этой сложной и фундаментальной области исследований не только в британской, но и в мировой историографии⁵³.

⁴⁹ Ibid: 1-31.

⁵⁰ Bousac, Salles (eds.) 2005; Salles 1995.

⁵¹ См.: Walbank 1987, 1988:108.

⁵² Kuhrt, Sherwin-White 1991:71-86; 1993; Kuhrt. & Sancisi-Weerdenburg 1994:283-310.

⁵³ Cribb / Herrmann 2007.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Андрo Ж. Влияние М.И. Ростовцева на развитие западноевропейской и североамериканской науки // Вестник древней истории. 1991. № 3 [Andro ZH. Vliyanie M.I. Rostovceva na razvitiye zapadnoevropejskoj i severoamerikanskoj nauki // Vestnik drevnej istorii. 1991. № 3]
- Анциферов Н.П. Из дум о былом: Воспоминания / вступ. ст., сост., примеч. и аннот. указ. имен А.И. Добкина. М.: Феникс: Культур. инициатива, 1992. 512 с.: 16 л. ил. [Anciferov N. P. Iz dum o bylom: Vospominaniya / vstup. st., sost., primech. i annot. ukaz. imen A.I. Dobkina. M.: Feniks: Kul'tur. iniciativa, 1992. 512 s.: 16 l. il.]
- Бикерман Э. Государство Селевкидов. М.: Наука, 1985. 264 с. [Bikerman E. Gosudarstvo Selevkidov. M.: Nauka, 1985. 264 s.]
- Бонгард-Левин Г.М. М.И. Ростовцев в Америке. Висконсин и Йель // Скифский роман. М., 1997 [Bongard-Levin G.M. M. I. Rostovcev v Amerike. Viskonsin i Jel' // Skifskij roman. M., 1997]
- Гайфуллин Л.Т. Эллинизм в американской историографии XX в. Автореф. дисс... канд. ист. наук. Казань, 1991 [Gajfullin L.T. Ellinizm v amerikanskoj istoriografii XX v. Avtoref. diss... kand. ist. nauk. Kazan', 1991]
- Гарбар Д. Арнольд Джозеф Тойнби и еврейская цивилизация. [Garbar D. Arnold Dzhozef Tojnbi i evrejskaja civilizacija. <http://www.berkovich-zametki.com/Nomer18/Garbar2.htm>].
- Кашеев В.И. К вопросу об идейно-теоретических позициях английского антиковеда Фрэнка Уолбанка // Вопросы отечественной, зарубежной истории, литературоведения и языкознания. Казань, 1981. Ч. 1. С. 133–139. [Kashcheev V.I. K voprosu ob idejno-teoreticheskikh pozitsiyah anglijskogo antikoveda Frenka Uolbanka // Voprosy otechestvennoj, zarubezhnoj istorii, lite-raturovedeniya i yazykoznaniiya. Kazan', 1981. CH. 1. S. 133–139]
- Кашеев В.И. Уолбанк и его концепция эллинистической культуры. // Историографический сборник. Саратов, 2002. Вып. 20 [Kashcheev V.I. Uolbank i ego koncepciya ellinisticheskoi kul'tury. // Istoriogra-ficheskiy sbornik. Saratov, 2002. Vyp. 20].
- Кашеев В.И. Шофман А.С. Фрэнк Уолбанк и его концепция эллинизма. // Вестник древней истории. 1984. № 2. С. 204–205. [Kashcheev V.I. SHofman A.S. Frenk Uolbank i ego koncepciya ellinizma. // Vestnik drevnej istorii. 1984. № 2. S. 204–205].
- Климов О.Ю. Эллинизм в исторических трудах Ф.У. Уолбанка // История науки в вузе и школе: Сб. научн. трудов. Мурманск, 1996. Вып. 1. [[Klimov O.YU. Ellinizm v istoricheskikh trudah F.U. Uolbanka // Istoriya nauki v vuze i shkole: Sb. nauchn. trudov. Murmansk, 1996. Vyp. 1] www.sgu.ru/files/nodes/9832/07.pdf].
- Миллар Ф. М.И. Ростовцев и его роль в руководстве раскопками в Дура-Европосе // Вестник древней истории. 1996. № 3. С. 184–187. [Millar F. M.I. Rostovcev i ego rol' v rukovodstve raskopkami v Dura-Evropose // Vestnik drevnej istorii. 1996. № 3. S. 184–187]
- Мэзгесон С.Б. М.И. Ростовцев и Дура-Европос // Вестник древней истории. 1992. № 4. С. 130–139. [Meteson S.B. M.I. Rostovcev i Dura-Evropos // Vestnik drevnej istorii. 1992. № 4. S. 130–139].
- Ростовцев М.И. Капитализм и народное хозяйство в древнем мире // Русская мысль, 1900, № 3. С. 195–217. [Rostovcev M.I. Kapitalizm i narodnoe hozyajstvo v drevnem mire // Russkaya mysl', 1900, № 3. S. 195–217].
- Adams W.L., Borza E.N. (eds). Philip II, Alexander the Great & the Macedonian Heritage. Washington, D.C.: University Press of America, 1982. xiii, 302 p.
- Allen R.E. The Attalid Kingdom: A Constitutional History. Oxford: O.U.P., 1983. XI, 251 p.
- Anson E. M. Alexander the Great in Current Scholarship // History Compass. 7.3, 2009, 981–992.
- Argyle A.W. The Ancient University of Alexandria // The Classical Journal, 69, 1974, P. 348–350.
- Ashley J.R. The Macedonian Empire: The Era of Warfare Under Philip II and Alexander the Great, 359–323 B.C. McFarland, 2004. 486 p.
- Badian E. Alexander the Great and the Loneliness of Power // Journal of the Australasian Univ. Language and Literature Assn. 17, 1962, 80–91.
- Badian E. Macedonia and Greece in Late Classical and Early Hellenistic Times. Studies in the History of Art 10. Washington, DC: National Gallery of Art, 1980.
- Banerjee G.N. Hellenism in ancient India. Delhi: Munshi Ram Manohar Lal. 1961. 206 p.
- Bar-Kochva B. The Seleucid Army: Organization and Tactics in the Great Campaigns. Cambridge: Cambridge University Press, 1979. xii + 305 p.
- Berthold R.M. Rhodes in the Hellenistic Age. Ithaca, N.Y.: Cornell U.P., 1984.

- Bevan E.R. *The House of Ptolemy // A History of Egypt under the Ptolemaic Dynasty*. L.: Methuen, 1927. Repr.: Chicago: Ares Press.
- Bevan E.R. *The House of Seleucus*. 2 vol. London: E. Arnold, 1902; repr. 1966.
- Billows R.A. 'Anatolian Dynasts. The Case of the Macedonian Eupolemos in Karia.' // *Classical Antiquity* 8, 1989. P. 173-206.
- Billows R.A. *Antigonos the One-Eyed and the Creation of the Hellenistic State*. Berkeley & Los Angeles: Univ. of California Press, 1990. 462 p. 2nd ed. 1997.
- Billows R.A. 'IG XII 9.212: A Macedonian Officer at Eretria.' // *International Journal for Papyrology and Ancient Epigraphy*. 96, 1993, P. 249-57.
- Bosworth A.B. *Alexander and the East: The Tragedy of Triumph*. Oxford: Clarendon Press, 1996.
- Bosworth A.B. *Conquest and Empire. Empire: the Reign of Alexander the Great*. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. Pp. xiii + 330.
- Boussac M-F., Salles J.-F. (eds.). *A Gateway from the Eastern Mediterranean to India: The Red Sea in Antiquity*. New Delhi: Manohar Publishers and Distributors, 2005.
- Boussac M-F. Athens, Aden, Arikamedu: Essays on the Interrelations Between India, Arabia, & the Eastern Mediterranean. Columbia: South Asia Books, 1995. 272 p.
- Bowman, A.K. *Egypt after the Pharaohs: 332 B.C.-A.D. 642*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1986.
- Briant P. *Alexander the Great: the Heroic Ideal*. London: Thames & Hudson, 1996. 175 p.
- Brunt P.A. *Alexander's Macedonian Cavalry* // *Journal of Hellenic Studies*, 83, 1963. P. 27-46.
- Brunt P.A. *Persian Accounts of Alexander's Campaigns* / *Classical Quarterly*. Vol. 12, 1962, P. 141-155.
- Brunt P.A. *The Aims of Alexander* // *Greece and Rome*. 12. 1965. P. 205-215.
- Burn A.R. *Alexander the Great and the Hellenistic World*. N.Y.: Collier Books, 1962. 221pp.
- Burstein S.M. "Arsinoe II Philadelphos: A Revisionist View" / W.L. Adams and E.N. Borza (eds.) *Philip II, Alexander the Great and the Macedonian Heritage*. Washington, 1982. P. 197-212.
- Carney E.D. *Arsinoe before she was Philadelphos* // *Ancient History Bulletin* 8, 1994. P. 123-131.
- Carney E.D. *The Death of Cleitus*. // *Greek, Roman and Byzantine Studies*. 22, 1981, P. 149-160.
- Cartledge P./ Spawforth A. *Hellenistic and Roman Sparta: A Tale of Two Cities*. London and New York: Routledge, 1989. 304 p.
- Cawkwell G.L. *Philip of Macedon*. London and Boston: Faber and Faber, 1978. 215 p.
- Chaniotis A. *War in the Hellenistic World. A Social and Cultural History*. Malden, MA: Blackwell, 2005. 308 p.
- Cloche P. *Histoire de la Macédoine jusqu'à l'avènement d'Alexander le Grand*. 2nd ed., Paris: Payot, 1961. 269 p.
- Crawford D.J. *Kerkeosiris: An Egyptian Village in the Ptolemaic Period*. New York and London: Cambridge University Press, 1971. Pp. xv, 238.
- Cribb J. & G. / Herrmann, eds. *After Alexander: Central Asia before Islam*. Oxford: Oxford University Press for the British Academy, 2007. 514 p.
- Downey G. *A History of Antioch in Syria from Seleucus to the Arab Conquest*. XX, 752 p. Princeton: Princeton University Press, 1961.
- Eddy S.K. *The King is Dead: Studies in Near Eastern Resistance to Hellenism 334-31 BC*. Lincoln: University of Nebraska Press, 1961. X, 1961. 390 p.
- Ehrenberg V. *Alexander and the Greeks*. Oxford: B. Blackwell, 1938. Pp. vii + 110.
- Ehrenberg V. *The Greek State*. Oxford, 1960 (*Der Staat der Griechen*. Bd 2. *Der hellenistische Staat*. Lpz., 1958).
- Ellis J.R. *Philip II and Macedonian Imperialism*. London: Thames and Hudson, 1976. 312 p.
- Engels D. *Alexander the Great and the logistics of the Macedonian army*. Berkeley/Los Angeles/London: University of California Press, 1978.
- Errington R.M. *A History of Macedonia*. Berkeley and Los Angeles: Univ. of California Press, 1990. 312 p.
- Errington R.M. *Philopoemen*. Oxford: Oxford University Press, 1969. 314 p.
- Ferguson W.S. *Hellenistic Athens. An Historical Essay*. London, 1911.
- Fonda M.P. Review. Chaniotis A. *War in the Hellenistic World. A Social and Cultural History*. Malden, MA: Blackwell, 2005. 308 p.
- Fox R.L. *Alexander the Great*. London: Penguin Books, 1973.
- Fraser P.M. *Ptolemaic Alexandria*. 3 vol. Oxford: Clarendon Press, 1972.
- Fuller J.F.C. *The generalship of Alexander the Great*. L.: Eyre & Spottiswoode, 1958. 319p.

- Gabbert J. Antigonos II Gonatas: A Political Biography. L. and New York: Routledge, 1997.
- Gaebel R.E. Cavalry Operations in the Ancient Greek World. Norman: Univ. of Oklahoma Press, 2002. XIV, 345 p.
- Garoufalios P. Pyrrhos of Epirus. London: Stacy International, 1979.
- Ginouvès R. (ed.) Macedonia: from Philip II to the Roman Conquest / Transl. by David Hardy. Princeton: Princeton University Press, 1994. 254 p.
- Glenn R.B. Gaebel R.E. Cavalry Operations in the Ancient Greek World. Norman: Univ. of Oklahoma Press, 2002. 345 p.
- Grainger J. Seleukos Nikator: Constructing a Hellenistic Kingdom. L.; N.Y.: Routledge, 1990. 268 p.
- Grainger J.D. Hellenistic Phoenicia. Oxford: Clarendon Press, 1991. 228 p.
- Grainger J.D. The Cities of Seleukid Syria. Oxford: Oxford University Press, 1990. 378 p.
- Green P. Alexander to Actium: The Historical Evolution of the Hellenistic Age. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1961, repr. 1990.
- Griffith G. T. The Mercenaries of the Hellenistic World. L.: C.U.P., 1935. 340 p.
- Griffith G.T. (ed.). Alexander the Great: The Main Problems. Cambridge: Heffer, N.Y.: Barnes & Noble, 1966. 382 p.
- Gruen E.S. The Hellenistic World and the Coming of Rome 2 vols. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1984.
- Hammond N. G.L., Griffith G.T. A History of Macedonia. Vol. 2: 550–336 B. C. Oxford, 1979.
- Hammond N.G.L. A History of Macedonia. Vol. 1: Historical Geography and Prehistory. Oxford: Clarendon Press, 1972.
- Hammond N.G.L. Alexander the Great. – 358 Pp. London: Chatto & Windus, 1980.
- Hammond N.G.L. Alexander the Great: King, Commander and Statesman. London: Chatto & Windus, 1981. Pp. x + 358.
- Hammond N.G.L. Epirus: The Geography, the Ancient Remains, the History and Topography of Epirus and Adjacent Areas. Oxford: Clarendon P., 1967. 847 p.
- Hammond N.G.L. The genius of Alexander the Great. London: Duckworth, 1997. 220 p.
- Hammond N.G.L. Walbank F.W. A History of Macedonia. Vol. 3: 336–167 B.C. Oxford, 1988.
- Hammond N.G.L. Alexander's Non-European Troops and Ptolemy I's Use of Such Troops // The Bulletin of the American Society of Papyrologists. Vol. 33, Issue: 1-4, 1996. P. 99-109.
- Hansen E.V. The Attalids of Pergamon. 2d ed., rev., expanded. Ithaca, Cornell U.P. 1971. 531 p.
- Hansen E., The Attalids of Pergamon, N.Y., 1947.
- Hauben H. The Command Structure in Alexander's Mediterranean Fleets // Ancient Society, 3, 1972. P. 55-65.
- Head D. Armies of the Macedonian and Punic Wars 359 BC to 146 BC. Sussex: Wargames Research Group. 1982. 192 p.
- Heckel W. The Marshals of Alexander's Empire. London: Routledge, 1992. Pp. xxvi + 416.
- Heichelheim F. An Ancient economic history from the Palaeolithic Age to the Migrations of of the Germanic, Slavic and Arabic Nations. 2 vols. Vol. I, xi, 542 p.; Vol. II, 245 p.; Vol. III, 361 p. Leyden: Sijthoff, 1968.
- Heichelheim F. Die auswärtige Bevölkerung im Ptolemäerreich (Alien Inhabitants of Ptolemaic Empire). – 109. Leipzig: Dieterich, 1925.
- Holt F.L. Alexander the Great and Bactria. Leiden: E. J. Brill, 1989.
- Hunt P. Greek Cavalry // The Classical Review / R. E. Gaebel. 53. 2003. 403–405.
- Kedourie E. The Chatham House Version: And Other Middle Eastern Studies. Brandeis University Press by University Press of New England, 1970; 1984. 488 p.
- Kierdorf W. Catos "Origines" und die Anfänge der römischen Geschichtsschreibung // Chiron. 1980. Bd. 10. S. 205–224.
- Kuhr A. & Sancisi-Weerdenburg H. (edd.). Achaemenid History 8. Leiden; Nederlands Instituut voor het Nabiele Oosten, 1994. 446 p.
- Kuhr A. The Ancient Near East : C. 3000-330 BC. Routledge history of the ancient world 1997.
- Kuhr A., Sherwin-White S. (Ed.) Hellenism in the East: The Interaction of Greek and non-Greek Civilizations from Syria to Central Asia after Alexander. London: Duckworth, 1987, 192p.
- Kuhr A., Sherwin-White S. Aspects of Seleucid Royal Ideology: The Cylinder of Antiochus I from Borsippa, // Journal of Hellenic Studies, 111 (1991), P. 71-86.
- Kuhr A., Sherwin-White S. From Samarkhand to Sardis: A New Approach to the Seleucid Empire. Berkeley; Los Angeles. University of California Press, 1993. . 261 p.

- Larsen J.A.O. Greek Federal States. Their Institutions and History. Oxford: Clarendon Press, 1968. xxviii + 537 p.
- Lewis N. Greeks in Ptolemaic Egypt. - 182pp. Oxford: Oxford University Press, 1986.
- Lund H.S. Lysimachus. A Study in Early Hellenistic Kingship. L.; N.Y.: Routledge, 1992. 287 p.
- Magie D. Roman rule in Asia Minor, v. I-2, Princeton, 1950.
- Mc Shane R.B., The foreign policy of the Attalids of Pergamum, Urbana, 1964.
- Milns R.D. Alexander's seventh phalanx battalion // Greek, Roman and Byzantine Studies VII, 1966.
- Milns R. D. The army of Alexander the Great' // Foundations Hardt 22, 1976. P. 87-136.
- Milns R.D. Alexander the Great. London: Robert Hale. 1968. 285 p.
- Momigliano A. D. M. I. Rostovtzeff // Studies in Historiography. L., 1966.
- Momigliano A. F.W. Walbank // Journal of Roman Studies. 1984. Vol. 74.
- Momigliano A. Genesi storica e funzione attuale del concetto di Ellenismo // Contributo alla storia degli studi classici. 9 t. en 12 vol., Rome, 1955-1992.
- Narain A.K. The coin types of the Indo-Greeks kings. Chicago, USA: Aris Publishing, 1976; National Geographic Magazine, Oct. 1981, 7.
- Narain A.K. The Indo-Greeks. Oxford: Clarendon Press, 1957, repr. 1962, 1967, 1980.
- O'Brien J.M. Alexander the Great: The Invisible Enemy, a Biography. L.; N.Y.: Routledge, 1992. 338 p.
- Parke H. W. Greek Mercenary Soldiers from the Earliest Times to the Battle of Ipsus. Oxford: Clarendon Press, 1933. Pp. VIII+243.
- Perlman S. (ed.). Philip and Athens. Cambridge: Heffer, and New York: Barnes and Noble, 1973.
- Petit P. La civilisation hellénistique. Paris: PUF, 1965. 103pp.
- Petrochilos N. Roman Attitudes to the Greeks. Athens, 1974.
- Piper L.J. Spartan Twilight. New York: New Rochelle, 1986. 256 p.
- Pomeroy S.B. Women in Hellenistic Egypt: From Alexander to Cleopatra. New York: Schocken Books, 1984. 243 p.
- Puri B.N. Buddhism in Central Asia. Delhi: Motilal Banarsidas, 2000.
- Rawson E. Intellectual Life in the Late Roman Republic. London: Duckworth, 1985.
- Rawson E. Roman Tradition and the Greek World // Cambridge Ancient History. 2nd ed. Cambridge, 1989. Vol. 8. P.422-476, 451-463.
- Robinson Ch. Alexander the Great. The meeting of the East and West in World Government and Brotherhood. New York: Dutton, 1947. 252 p.
- Rostovtzeff M. Social and economic history of the hellenistic world. Vol. 1-3. Cambridge, 1941.
- Samuel A.E. The Shifting Sands of History: Interpretations of Ptolemaic Egypt. Lanham: University Press of America, 1989. 85 p.
- Sekunda N. Hellenistic Infantry Reform in the 160's BC. // Reviews: Paul Beston. // The Classical Review (New Series) 52, 2002, 388-389.
- Sekunda N. Seleucid and Ptolemaic Reformed Armies 168-145. 2 vols. Stockport: Montvert Press, 1994-1995.
- Seldeslachts E. The end of the road for the Indo-Greeks? 2003. (Also available online): Iranica Antica, Vol XXXIX, 2004.
- Tarn W. W. The Greeks in Bactria and India. Cambridge: C.U.P., 1951. 561p. Repr. 1984.
- Tarn W.W. Alexander the Great and the Unity of Mankind. London: Humphrey Milford, 1933.
- Tarn W.W. Alexander the Great. Cambridge: C.U.P., 1948. Vol. 1. Narrative; Vol. II, Sources and Studies. Cambridge: C.U.P., 1948. (New ed., 2002) P.748-822; P.112 ff.
- Tarn W. W. Antigonos Gonatas. Oxford: Clarendon Press, 1913 (Later editions: Oxford University Press, 1969; Chicago: Argonaut, 1969).
- Thompson D.J. Memphis under the Ptolemies. Princeton: Princeton University Press, 1988.
- Toynbee A. Hellenism: The history of civilization. London: Oxford University Press, 1959.
- Toynbee A.J. Between Oxus and Jumna. L.: Oxford University Press, 1961. 211p.
- Vassiliades D. The Greeks in India. A Survey in Philosophical Understanding. New Delhi: Munshiram Manoharlal Publishers Pvt Limited, 2000.
- Walbank F.W. [Rev.:] Hellenism in the East: The Interaction of Greek and non-Greek Civilizations from Syria to Central Asia after Alexander / Ed. by A. Kuhrt and S. Sherwin-White. London, 1987. // Liverpool Classical Monthly, 1988. Vol. 13.7.

- Walbank F.W. A Historical Commentary on Polybius. Vol. 1 Commentary on books I-VI. 1957. XXVII, 774 p. Vol. 2 Commentary on books VII-XVIII. 1967. XVI, 682 p. Vol. 3 Commentary on books XIX-XL. 1979. XXI, 834 p. Oxford: Clarendon Press, 1957–1979.
- Walbank F.W. Decline of the Roman Empire in the West. L.: Cobbett Press, 1946. 97 p.
- Walbank F.W. The Causes of Greek Decline // Journal of Hellenic Studies. 1944. V. 64. P. 10–20.
- Walbank F.W. The Hellenistic World (Fontana History of the Ancient World). Harper Collins Publishers 1981, 1986, 1992.
- Welles C.B. Alexander and the Hellenistic World. Toronto: A.M. Hakkert LTD, 1970.
- Wepman D. Alexander the Great. Philadelphia: Chelsea House Publications, 1986. 128 p.
- Wilcken U. Alexander der Grosse. Leipzig: Quelle & Meyer, 1931 (repr. München, 1990). 315 S.
- Wilcken U. Alexander the Great (trans. G.C. Richards). W.W. Norton & Co. 1932, 1967, 1997.
- Woodcock G. The Greeks in India. London: Faber and Faber Ltd., 1966.

Маргарян Ерванд Грантович, доктор исторических наук, профессор, заведующий, кафедры всемирной истории и зарубежного регионоведения, Российско-Армянский (Славянский) университет; ведущий научный сотрудник, Институт истории НАНА; ervand.margaryan@rau.am

An episode in the history of British Studies of the Hellenism

The article is devoted to the history of Hellenistic studies in Britain. Brought up in the spirit of purist classical historiography and philology, British historians found it difficult to accept the idea of a polysyllabic, syncretic civilization, combining elements traditionally perceived as purely Western or purely Eastern, even in ancient times and far to the East. The beginning of the collapse of the colonial system after the WWI and the shaky position of the occidentocentric worldview paradigm in the West and in the East, gave impetus to the development of Hellenistic studies in Britain and the United States. Having passed several levels of development, the historiography of Hellenism has now reached a new stage.

Key words: Hellenism, Hellenistic studies in Britain and the USA, colonial historiography, postcolonial discourse

Yervand Margaryan, Dr. Sc. (History), Professor, Head of the Department of World History and Area Studies abroad, the Russian-Armenian University; ervand.margaryan@rau.am

Т.К. ХОЛМАТОВ

КЛАССИКАЛИЗАЦИЯ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ С.Б. ВЕСЕЛОВСКОГО¹

С опорой на три критерия научной классики, предложенные И.М. Савельевой и А.В. Полегаевым, в статье проанализированы факторы отнесения научных трудов историка С.Б. Веселовского (1876–1952) к классическим. На основе наукометрической базы данных Google Scholar (Академия Google) выявлена динамика и характер обращения исследователей к трудам С.Б. Веселовского. Рассмотрены причины становления его научных трудов в качестве классических: внутренние (научный дискурс исследователя) и внешние (обстоятельства публикации научного наследия с 1960-х гг.; актуализация работ в советской и постсоветской историографии). Отдельное внимание уделено восприятию научного наследия и личности С.Б. Веселовского в памяти историков советской эпохи.

Ключевые слова: С.Б. Веселовский, классика, классикализация, историография, генеалогия, рецепция, Google Scholar

---

Наука обретает реальный смысл, когда ее рассматривают не как отвлеченную данность, а как итог работы всех поколений – и нынешнего, и тех, кого уже нет. Никакое научное положение, ни одно наблюдение, ни одна идея не существуют сами по себе. Любая идея есть результат усилий, затраченных кем-то, и, пока вы не узнаете, кто был этот человек, в какой стране он трудился, что он считал истиной, а что заблуждением, пока вы не узнаете все это, вы не сможете по-настоящему понять тот или иной научный тезис или факт, ту или иную идею².

Айзек Азимов. Зачем нужна история науки?

«Много будет хлопот тем, кто после моей смерти будет издавать мои труды»³, – эти слова С.Б. Веселовский написал в заключительной части письма Н.В. Устюгову за несколько дней до своей смерти, предвосхищая те трудности, с которыми столкнутся его будущие издатели.

В сталинскую эпоху С.Б. Веселовского считали одним из крупнейших специалистов по истории допетровской России, посмертное издание его научного наследия только усилило интерес к изысканиям ученого. Его труды, впервые опубликованные в 1960–1990-е гг., были и остаются востребованы в историографии истории России XIV–XVI вв., а в постсоветскую эпоху стали привлекаться при подготовке студентов-историков. К XXI в. сложился образ его личности как идеального интеллектуала, оставшегося верным своим принципам, не предавшего идеалы истории как науки. Весомое влияние имеет научное наследие Веселовского на нынешнее состояние таких дисциплин, как генеалогия и ономастика, исследования по истории эпохи Ивана Грозного и землевладения в России допетровского периода. Таким образом, имеются основания рассматривать С.Б. Веселовского как классика исторической науки.

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-39-90015 «Интеллектуальная биография С.Б. Веселовского (1876–1952)».

² Азимов 1976: 50.

³ Переписка С.Б. Веселовского с отечественными историками 2001: 493.

Вопросы историка направлены от настоящего к прошлому: относя исследователя к классикам, следует рассматривать актуальность его труда/трудов, несмотря на давность его/их создания. Труды С.Б. Веселовского оказали принципиальное влияние на советскую и, следовательно, российскую историографию, и его результаты применяются преимущественно в исследованиях по истории России XIV–XVI вв.

Научных трудов о классических исследованиях в исторической науке, особенно по сравнению с социологией, крайне мало. Отмечу сборник «Классика и классики...», который можно рассматривать как комплекс исследований, посвященных изучению классиков и классики в социальных и гуманитарных науках⁴. Как показано в статье И.М. Савельевой классика в исторической науке может присутствовать в разных формах: среди работ как историков, так и представителей других дисциплин⁵. Во введении к сборнику, подготовленном И.М. Савельевой и А.В. Полетаевым, отмечено, что классикой в социальных и гуманитарных науках являются те работы, которые одновременно соответствуют трем критериям: «1) считаются/называются классическими в научном сообществе; 2) изучаются в процессе обучения, т.е. в классах; 3) в явном виде используются в исследованиях современных авторов»⁶. Далее я рассмотрю труды С.Б. Веселовского на соответствие этим критериям.

Как отметила И.М. Савельева, историки, несмотря на глубокое почтение к своим предшественникам, крайне редко используют по отношению к ним понятие «классика» и чаще привлекают более осторожные для обозначения научного вклада эпитеты «выдающийся», «фундаментальный» и т.д.⁷ Во многом данная проблема кроется в специфике самой истории, в которой, при условном делении исследований на практические/эмпирические и теоретико-методологические, крайне мало вторых. Например, в социологии классические исследования – это преимущественно теоретико-методологические работы, которые задали и продолжают задавать рамки для исследований. При новых условиях классика раскрывается по-новому, этим обеспечивая постоянное функционирование в науке. Труды С.Б. Веселовского привнесли методологическое новаторство в историографию в 1960–1980-е гг., когда многие из них были опубликованы. В историографии же XXI века они преимущественно рассматриваются как ценные практические исследования. Тем не менее упоминание о С.Б. Веселовском как о классике или о его работе в качестве классической присутствует в историографии⁸.

Необходимость привлечения научной работы в образовательном процессе для того, чтобы отнести ее к статусу «классики», не вызывает сомнений, особенно с учетом того, что она может рассматриваться для

⁴ Классика и классики в социальном и гуманитарном знании 2009.

⁵ Савельева 2009.

⁶ Классика и классики в социальном и гуманитарном знании 2009: 6.

⁷ Савельева 2009: 297.

⁸ Кулешов 2009: 267; Поляков 2013: 155; Литвина, Успенский 2018: 336.

студентов, с одной стороны, как образец (например, по структуре текста или с точки зрения теоретико-методологических построений), а с другой – как источник новых идей⁹. Изучить то, какую литературу рекомендуют осваивать студентам и аспирантам в образовательном процессе, можно, прежде всего, через программы учебных курсов¹⁰. Изучение же данного вопроса через учебные пособия представляется менее продуктивным в связи с тем, что они, во-первых, предлагают обобщенные сведения, в которых могут быть лишь отсылки к классике, во-вторых, все реже используются в современном образовательном процессе, особенно в социогуманитарной сфере. Включение же классических работ в список литературы программы предполагает их непосредственное изучение студентами/аспирантами. Конечно, далеко не все работы, включенные в программу, являются классическими. Вероятно, формируя список литературы к курсу (или вступительным испытаниям/аттестациям) преподаватели руководствуются двумя тактиками, не исключаящими друг друга. Это отбор исследовательской литературы, в которой отражено современное состояние конкретной научной области (поэтому в программу часто включаются новые исследования), и/или включение в список фундаментальных работ, заложивших основы научного направления или дисциплины. Ряд трудов С.Б. Веселовского включены в программы учебных курсов или аттестаций МГУ, ЮФУ (Аспирантура) и ИРИ РАН (Аспирантура)¹¹. Чаще всего, наличие большого количества ссылок и цитат может свидетельствовать об использовании трудов предшественников в более поздних исследованиях. Обратившись к двум приведенным графикам (рис. 1 и 2), можно увидеть, что работы Веселовского активно востребованы в историографии последних лет.

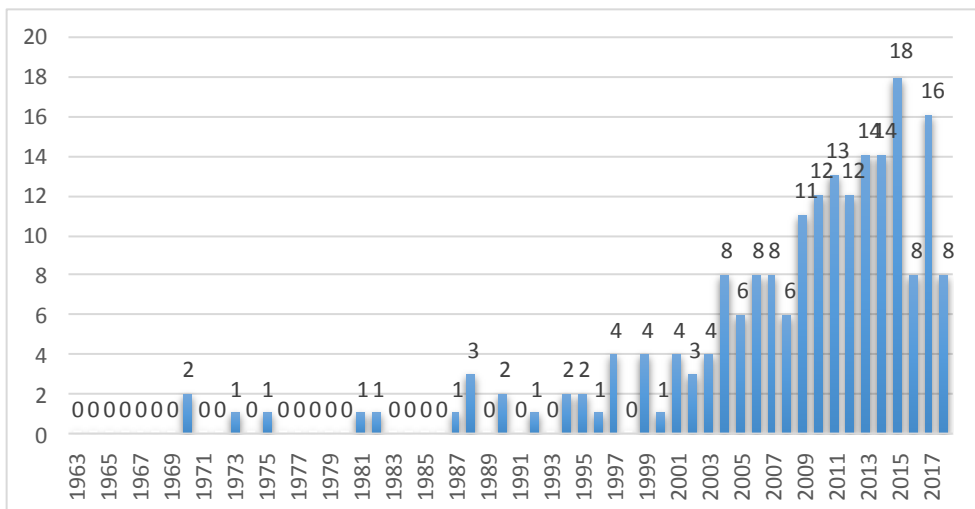
Согласно базе Google Scholar, общее число работ с ссылками на «Исследования по истории опричнины» (1963) и «Исследования по истории класса служилых земледельцев» (1969) С.Б. Веселовского – 225 и 290 соответственно (с периода публикации до 2018 г.), однако в нижеприведенном графике учтены в случае первой из упомянутых книг – 200 из них, а второй – 273 (не были учтены работы, в которых отсутствовали ссылки, цитаты и хоть какие-то конкретные упоминания об исследованиях Веселовского). С учетом ориентации исключительно на научную историографию, не были приняты в расчет «учебные» тексты: программы учебных дисциплин, а также работы учащихся средних и высших учебных заведений (в т.ч. квалификационные). Однако само по себе об-

⁹ Савельева 2013: 289.

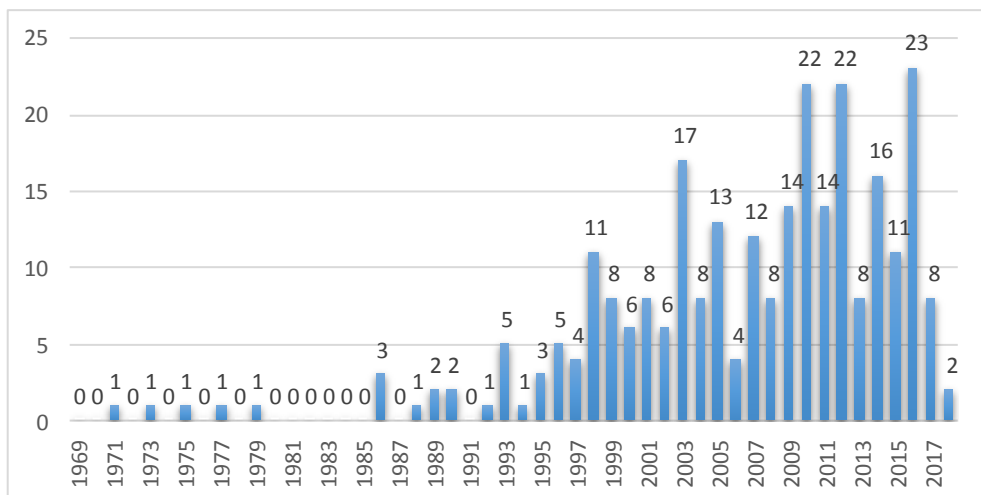
¹⁰ В этом вопросе могут пригодиться и материалы для подготовки лекций, аудио- и видеозаписи лекций/семинаров, а также конспекты студентов/слушателей.

¹¹ Программа вступительных испытаний для поступления в аспирантуру (МГУ, Москва, 2018); Программа для сдачи кандидатского минимума по специальности «Историография, источниковедение и методы исторического исследования» 07.00.09. (ИРИ РАН, Москва, 2019); Программа вступительного экзамена в аспирантуру по специальной дисциплине (ЮФУ, Ростов-на-Дону, 2018).

рашение в них к исследованиям С.Б. Веселовского свидетельствует об их востребованности в образовательном процессе.

**Рис. 1. Количество ссылок (по годам)
на «Исследования по истории oprichniny», 1963**

**Рис. 2. Количество ссылок (по годам)
на «Исследования по истории класса служилых землевладельцев», 1969**

Безусловно, графики показывают лишь приблизительные данные о цитатах и ссылках на наиболее влиятельные работы Веселовского (в базу Google Scholar не включен ряд работ, обнаруженных в ходе дан-

ного исследования, а также некоторые работы на английском языке)¹², тем не менее они могут свидетельствовать о высоком интересе к научному наследию историка в XXI в. Кроме того, согласно данным недавнего исследования, на платформе Web of Science труды Веселовского – одни из наиболее цитируемых (по крайней мере к 2013 г.) среди работ российских/советских историков, родившихся в 1876–1891 гг., и вместе с тем, чье акме как исследователей пришлось на советские годы: Б.Д. Греков – 286, Н.М. Дружинин – 240, С.Б. Веселовский – 184¹³.

По моему мнению, нередко цитаты и ссылки на выдающиеся работы выполняют «защитную» функцию: создавая низкокачественный текст, исследователь ссылается на авторитетный труд своего предшественника с целью оградить себя от критики. Другой причиной большого количества ссылок может быть привычный историкам историографический обзор/анализ работ предшественников. Поэтому полагаться исключительно на количественные показатели не следует, они дают весьма ограниченное представление о востребованности трудов без анализа характера ссылки/цитаты. Поэтому необходимо внести следующее уточнение: чтобы работа несомненно соответствовала третьему критерию, она должна способствовать формированию принципиально *нового научного знания* в последующей историографии. Например, определенные идеи, примеры/анalogии или методология в исследовании могут использоваться в качестве практики *рецепции*, как это было показано М.П. Вальц при анализе идей немецких ученых в работе «Методология истории» А.С. Лаппо-Данилевского¹⁴. В ее исследовании характер упоминания ученых разделен на *историографическую практику, направленную на прошлое, и рецепцию, – на будущее*. Типичные примеры историографической практики – обобщение достижений предшественника либо предоставление справочных сведений. Рецепция же действует по принципу «стоя на плечах гигантов» и способствует созданию нового знания. Согласно М.П. Вальц, *заимствование* может рассматриваться как одна из разновидностей рецепции ввиду того, что использование разработок предшественников может быть необходимо для создания собственных построений¹⁵. В приведенных ниже примерах заимствованы некоторые исследовательские заключения из работ Веселовского, послужившие формированию отдельных гипотез или интерпретаций.

Характер упоминания в историографии XXI в. выделенных работ С.Б. Веселовского весьма разнообразен, но чаще всего он касается типичной историографической практики. Реже цитируются фрагменты из упомянутых работ в качестве *заимствования*. Как, например, при рассмотрении М.М. Кромом вопроса о жертвах после старицкого мятежа:

¹² О преимуществах и недостатках базы Google Scholar для подсчета ссылок/цитат на научные исследования: Плешков 2018.

¹³ Ростовцев, Шишов 2013: 141.

¹⁴ Вальц 2015: 22-23.

¹⁵ Там же: 76.

«По весьма вероятному предположению С.Б. Веселовского, жертв среди Колычевых, возможно, было еще больше, так как в этом поколении родословные книги называют среди них слишком много бездетных (23 – на 41 человека)»¹⁶. Или в одном из фрагментов исследования Д.М. Володихина, где речь идет об опричном воеводе И.И. Бухарине-Наумове: «Для темы настоящего исследования важен один нетривиальный вывод Веселовского: хотя Бухарины и являлись отраслью “старого рода коломенских вотчинников”, т.е. “дворянской фамилией”, но выдвижение Ивана Ивановича на воеводский пост в 1569 г. “было исключительным назначением” <...> Но сам же Веселовский, пусть и без ссылки на источники, упоминает, что И.И. Бухарин-Наумов неоднократно бывал в походах, причем не только в качестве дьяка, но и в качестве воинского головы <...> Таким образом, опыт военного командования у него был, и он в таком случае не может рассматриваться в качестве человека, поставленного служить в той сфере деятельности, которая ему совершенно незнакома. С этой точки зрения представляется весьма важным оценить опыт командной деятельности Ивана Ивановича»¹⁷.

Определяющим фактором внимания историков к трудам С.Б. Веселовского стала поэтапная публикация его научного наследия, преимущественно в 1960–1970-е гг.¹⁸ В этот период, с одной стороны, наблюдался интерес к вспомогательным историческим дисциплинам в целом и генеалогии с ономастикой в частности, а с другой – в связи с возросшей степенью свободы научного творчества по сравнению со сталинской эпохой историки все чаще стали обращаться к темам, ранее не рекомендованным к изучению. Идеи С.Б. Веселовского существенно выделялись на фоне имевшейся тогда историографии. Нередко его труды привлекались в дискуссиях по истории опричнины. Как отметили авторы некролога Р.Г. Скрынникову, концепции опричнины, сформулированные С.Б. Веселовским, А.А. Зиминым и Р.Г. Скрынниковым, являются «классическим историографическим сюжетом, в котором отразились и методологические, и мировоззренческие позиции трех историков»¹⁹.

Как правило, распространение идей исследователя продолжается благодаря его ученикам. В случае же С.Б. Веселовского, в качестве агентов, помимо публикаторов его трудов, выступили такие историки как А.А. Зимин, В.Б. Кобрин и М.Е. Бычкова, которые продолжили наченные им изыскания, и в то же время распространяли влияние его научного наследия.

¹⁶ Кром 2010: 206.

¹⁷ Володихин 2011: 248.

¹⁸ Публикация научного наследия, безусловно, продолжилась и в 1980–1990-е гг., но все же именно в 1960–1970-е гг. вышли наиболее востребованные в историографии исследования историка: «Исследования по истории опричнины» (1963), «Исследования по истории класса служилых земледельцев» (1969), «Ономастикон» (1974), «Дьяки и подьячие XV–XVII вв.» (1975).

¹⁹ Памяти Руслана Григорьевича Скрынникова 2010: 203.

С конца 1990-х гг. стало появляться все больше источников личного происхождения, связанных с С.Б. Веселовским: его дневники, частная переписка с коллегами-историками, воспоминания. В совокупности они позволили основательнее изучить лабораторию исследователя, связать его научные изыскания с жизненными обстоятельствами и глубже понять его как личность, которая, исходя из стремления сохранить свой профессионализм, существенно отличалась на фоне многих современников и коллег по цеху. Такой образ С.Б. Веселовского стал усиливаться с 1990-х гг. во многом из-за книги «Кому ты опасен, историк?», в которой В.Б. Кобрин рассматривал старшего коллегу как исследователя, сумевшего сохранить «внутреннюю свободу» и «мужественную стойкость» в сталинскую эпоху²⁰. Схожий образ исследователя сохранился в памяти других историков: достаточно отметить мемуары А.А. Зимина, в которых личность С.Б. Веселовского была рассмотрена, одна из немногих, в положительном ключе²¹; воспоминания Л.В. Черепнина, где отражен его образ как кропотливого историка²²; высоко оценивал его научное наследие и М.Н. Тихомиров, записавший в дневнике 26 января 1952 г.: «С.Б. Веселовский в области изучения документов был по-своему новатор. Разрядные книги, синодики, копиянные книги он первый ввёл в оборот»²³. С большим пиететом к нему относился и А.Л. Станиславский, один из публикаторов его трудов. В интервью 1989 г., проведенном студентами I-го курса МГИАИ, А.Л. Станиславский высоко отзывался о нем: «Не поступив в аспирантуру, я пришел в Архив Академии наук. Там я занимался комплектованием и описанием личных фондов, а позднее публикацией трудов *крупнейшего историка нашего столетия С.Б. Веселовского* (курсив мой. – Т.Х.)»²⁴.

В историографии ХХI в. усилился интерес к личности С.Б. Веселовского. Он стал одним из наиболее привлекательных историков в исследованиях, посвященных истории советской исторической науки²⁵, что говорит об интересе не только к его трудам как конечному продукту, но и к процессу и обстоятельствам создания этого продукта, личным качествам и убеждениям их создателя.

В постсоветской историографии исследователи все чаще отмечают наличие фактических ошибок в трудах С.Б. Веселовского. Однако в историографии ХХI в. значимость его научного наследия определяется не точностью приведенных фактов²⁶, а тем, что, по мысли Ф. Анкерсмита, отличает наше отношение к выдающимся историкам прошлого: «Мы восхищаемся великими историками, вроде Ранке, Токвиля, Буркхардта,

²⁰ Кобрин 1992.

²¹ Судьбы творческого наследия отечественных историков... 2015: 147–156.

²² Черепнин 2015: 89–91.

²³ АРАН. Ф. 693. Оп. 6. Д. 3. Л. 7об.

²⁴ Станиславский, Простоловцова 1990: 56.

²⁵ Ввиду большого количества таких исследований, отмечу лишь некоторые из них: Тихонов 2012; Сидорова 2017; Дубровский 2018.

²⁶ Это, прежде всего, относится к трудам, опубликованным впервые посмертно.

Хейзинги, Мейнеке или Броделя, не из-за точности данных ими описаний и объяснений исторических событий, но из-за предложенных ими панорамных интерпретаций больших частей прошлого»²⁷. «Панорамные интерпретации» С.Б. Веселовского были связаны с историей родословия преимущественно допетровской эпохи. По подсчетам А.Л. Корзинина, в личном фонде С.Б. Веселовского в Архиве РАН по сей день хранятся генеалогические таблицы и поколенные росписи более 1,5 тыс. родов служивых людей Удельной Руси и Московского государства²⁸. Работы Веселовского, особенно в 1960–1980-е гг., способствовали усиленному интересу к генеалогическим исследованиям.

Особенность классических трудов заключается не только в тех смыслах, которые были заложены автором, но и в том, как они преподнесены. Как отметила И.М. Савельева: «...классические сочинения могут являть собой “образцы совершенства”, в которых важны не столько сами теории, методы или аналитические процедуры, сколько эстетика интеллектуального продукта. Существует ряд оснований для признания работы совершенной: литературный дар автора, способность увлечь блистательными прорывами в исследовании, элегантность теоретических построений»²⁹. Изданные посмертно научные труды С.Б. Веселовского стали «образцами совершенства» во многом благодаря дискурсу и стилю письма. Французские социологи Л. Тевено и Л. Болтански, сформировавшие концепт «мир репутации», отмечали специфические черты «сущест» этого мира. На мой взгляд, они вполне применимы и для характеристики классиков. Общим для «сущест» мира репутации» и классиков является то, что они, выражаясь словами французских социологов, *«выделяются, являются заметными, известными, признанными, прославленными»* (они “лишены банальности”). Их заметность зависит от того, насколько они *бросаются в глаза, привлекают к себе внимание, являются убедительными и говорящими сами за себя»*³⁰.

Формировавшийся с 1920-х гг. «советский язык» быстро проник во все сферы жизни СССР, включая науку. Этот язык имел, как правило, ритуальный характер и опирался на советские/коммунистические символы, особенно в официальном дискурсе. В исследовательской литературе это чаще всего выражалось в «штампах» – ссылках на классиков марксизма-ленинизма и употреблении терминологии, присущей советской идеологии. Труды С.Б. Веселовского написаны языком, лишенным идеологической нагрузки, в них отсутствуют подобные элементы «советского языка», что отличает их от львиной доли исторических работ советской эпохи. С.Б. Веселовский излагал мысли, исходя из научных принципов, сформированных у него еще в дореволюционные годы, уже тогда он проявлял себя как неуступчивый исследователь, стремившийся

²⁷ Анкерсмит 2009: 102.

²⁸ Корзинин 2014: 133.

²⁹ Савельева 2009: 326.

³⁰ Болтански, Тевено 2013: 282.

к истине, а в 1920–1950-е гг. он сохранил свой профессионализм. Его дискурс имел эмоциональные черты, что несвойственно научному стилю, но с другой стороны, он успешно балансировал эту специфику со строго выстроенным критическим анализом. Способ изложения исследовательского материала С.Б. Веселовским с опорой на широкую базу источников привлек внимание и более чем положительно был воспринят не только историками, но и учеными других специальностей.

В качестве наглядного примера приведу фрагмент из статьи филолога и литературного критика Л.И. Шинделя (лит. псевдоним – Л. Лазарев), в котором автор рассуждает о необходимости освоения навыков исторической науки для специалистов в области истории советской литературы: «Читая том “Горький и советские писатели”, думая о том, как следовало бы по-хозяйски использовать эти материалы, я вспоминал – как это ни обидно – не труды литературоведов, а только что вышедшую работу покойного академика С. Веселовского “Исследования по истории опричнины”, которая, ясно выделяясь и среди трудов историков, может, как мне кажется, служить блестящим образцом строго критической оценки и скрупулёзнейшего использования всех доступных исторических источников, умения извлечь из исторического документа или факта максимальный коэффициент полезного действия. Вот чему историку советской литературы надо учиться в первую очередь»³¹. Важную роль в сохранении стиля С.Б. Веселовского сыграли публикаторы его трудов, которые в основном корректировали орфографические ошибки и сформировали обстоятельный научно-справочный аппарат.

В работе И.М. Савельевой и А.В. Полетаева «Классическое наследие» приведено множество примеров того, как научные работы становятся классическими. В их исследовании выделяется категория классических трудов, которую можно отнести к «фундаментальным». Эти труды формируют основу того или иного направления в исследовании и их используют «как источник гипотез для проведения эмпирических исследований и разработки более узких историографических концепций»³². Они остаются актуальными до тех пор, пока научное направление или тематика все еще вызывает интерес со стороны научного сообщества. Труды С.Б. Веселовского по генеалогии в историографии начала XXI в. не оказывают столь весомого влияния, как в период посмертной публикации его трудов, в 1960–1990-е гг., и все же интерес к ним сохранился. Исследователи продолжают обращаться к научному творчеству С.Б. Веселовского в т.ч. из-за его влияния на труды последователей – А.А. Зимина, В.Б. Кобриня, М.Е. Бычковой и ряда других историков, чьи труды до сих пор не утратили научной значимости. Безусловно, исследователи не утратили интерес к эпохе и личности Ивана Грозного. По этой причине трудно обойти вниманием исследования С.Б. Веселовского по этой теме, отличавшиеся более строгой оценкой политики царя,

³¹ Шиндель 1964: 29. (Курсив мой. – Т.Х.).

³² Савельева, Полетаев 2010: 204.

чем большинство работ его современников. Отдельно следует отметить личность и профессионализм С.Б. Веселовского, вызывавшие и продолжающие вызывать симпатии в научном сообществе. В источниках личного происхождения историков и постсоветской историографии зафиксирован его образ как безупречного представителя своей профессии, – историка, который, несмотря на идеологическое давление в сталинский период, отстаивал идеалы истории как науки.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Азимов А. Зачем нужна история науки? // Химия и жизнь. 1976. № 10. С. 49–51 [Azimov A. Zachem nuzhna istoriya nauki? // Khimiya i zhizn. 1976. № 10. S. 49–51].
- Анкерсмит Ф.Р. История и тропология: взлет и падение метафоры / пер. с англ. М.А. Кукарцева, Е.Н. Коломоец, В.Е. Кашаев. М.: Канон+, 2009. 400 с. [Ankersmit F.R. Istoriya i tropologiya: vzlet i padeniye metafory / per. s angl. M.A. Kukartseva. E.N. Kolomoyets. V.E. Kashayev. M.: Kanon+, 2009. 400 s.].
- Архивы Российской академии наук (РАН). Ф. 693. Оп. 6. Д. 3 [Arkhivy Rossiyskoy akademii nauk (ARAN). F. 693. Op. 6. D. 3].
- Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости: очерки социологии градов / пер. с фр. О.В. Ковенева; науч. ред. перевода Н.Е. Коросов. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 576 с. [Boltanski L., Teverno L. Kritika i obosnovaniye spravedlivosti: ocherki sotsiologii gradov / per. s fr. O.V. Koveneva; nauch. red. perevoda N.E. Korosov. M.: Novoye literaturnoye obozreniye, 2013. 576 s.].
- Вальц М.П. Рецепция идей немецких ученых в работе А.С. Лаппо-Данилевского «Методология истории»: дис. ... канд. ист. наук. М., 2015. 265 с. [Valts M.P. Retseptsiya idey nemetskikh uchenykh v rabote A.S. Lappo-Danilevskogo «Metodologiya istorii»: dis. ... kand. ist. nauk. M., 2015. 265 s.].
- Володихин Д.М. Социальный состав русского воеводского корпуса при Иване IV. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2011. 296 с. [Volodikhin D.M. Sotsialnyy sostav russkogo vovodskogo korpusa pri Ivane IV. SPb.: Peterburgskoye Vostokovedeniye, 2011. 296 s.].
- Дубровский А.М. Историки в 1930-х гг.: судьбы и восприятие жизни. М.: ЦИОГНИС, 2018. 280 с. [Dubrovskiy A.M. Istorigi v 1930-kh gg.: sudby i vospriyatiye zhizni. M.: TsIOGNIS, 2018. 280 s.].
- Классика и классики в социальном и гуманитарном знании. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 536 с. [Klassika i klassiki v sotsialnom i gumanitarnom znanii. M.: Novoye literaturnoye obozreniye, 2009. 536 s.].
- Кобрин В.Б. Кому ты опасен, историк? М.: Московский рабочий, 1992. [Kobrin V.B. Komu ty opasen, istorik? M.: Moskovskiy rabochiy, 1992.].
- Корзинин А.Л. Материалы по истории феодального сословия России XIV–XVII вв. в архивных фондах С.Б. Веселовского // Вестник Санкт–Петербургского ун-та. Серия 2: История. 2014. Вып. 4. С. 133–142 [Korzinin A.L. Materialy po istorii feodalnogo sosloviya Rossii XIV–XVII vv. v arkhivnykh fondakh S.B. Veselovskogo // Vestnik Sankt–Peterburgskogo un-ta. Seriya 2: Istoriya. 2014. Vyp. 4. S. 133–142].
- Кром М.М. «Вдовствующее царство»: Политический кризис в России 30-40-х годов XVI века. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 888 с. [Krom M.M. «Vdovstvuyushcheye tsarstvo»: Politicheskiy krizis v Rossii 30-40-kh godov XVI veka. M.: Novoye literaturnoye obozreniye, 2010. 888 s.].
- Кулешов А.С. Аксаковы. История разбитых судеб. М.: Территория, 2009. 328 с. [Kuleshov A.S. Aksakovy. Istoriya razbitykh sudeb. M.: Territoriya, 2009. 328 s.].
- Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Русская христианская двуименность в филологической перспективе – из ономастического комментария к «Временнику» Ивана Тимофеева // Slavistica Revija. 2018. Т. 66. № 3. С. 333–354 [Litvina A.F., Uspenskiy F.B. Russkaya khristianskaya dvuimennost v filologicheskoy perspektive – iz onomasticheskogo komentariya k «Vremenniku» Ivana Timofeyeva // Slavistica Revija. 2018. T. 66. № 3. S. 333–354].
- Памяти Руслана Григорьевича Скрынникова // Российская история. 2010. № 1. С. 203–205 [Pamyati Ruslana Grigoryevicha Skrynnikova // Rossiyskaya istoriya. 2010. № 1. S. 203–205].

- Переписка С.Б. Веселовского с отечественными историками. М.: Древлехранилище, 2001. 528 с. [Perepiska S.B. Veselovskogo s otechestvennymi istorikami. M.: Drevlekhranilishche, 2001. 528 s.].
- Плешков А.А. Классикализация и рецензирование в современной аналитической теологии: случай неозетернализма // Новое литературное обозрение. 2018. № 150. С. 148–163 [Pleshkov A.A. Klassikalizatsiya i retsenzirovaniye v sovremennoy analiticheskoy teologii: sluchay neoeternalizma // Novoye literaturnoye obozreniye. 2018. № 150. S. 148–163].
- Поляков И.А. С.Б. Веселовский и его наследие в историографии и памяти общества // Клио. 2013. № 12. С. 153–157 [Polyakov I.A. S.B. Veselovskiy i ego naslediyе v istoriografii i pamyati obshchestva // Klio. 2013. № 12. S. 153–157].
- Программа вступительного экзамена в аспирантуру по специальной дисциплине (ЮФУ, Ростов-на-Дону, 2018) [Programma vstupitelnogo ekzamina v aspiranturu po spetsialnoy distsipline (YuFU, Rostov-na-Donu, 2018)] URL: <https://www.sfedu.ru>
- Программа вступительных испытаний для поступления в аспирантуру (МГУ, Москва, 2018). [Programma vstupitelnykh ispytaniy dlya postupleniya v aspiranturu (MGU, Moskva, 2018). URL: <http://www.hist.msu.ru/upload/iblock/648/>].
- Программа для сдачи кандидатского минимума по специальности «Историография, источниковедение и методы исторического исследования» 07.00.09. (ИРИ РАН, Москва, 2019). [Programma dlya sdachi kandidatskogo minimuma po spetsialnosti «Istoriografiya, istochnikovedeniye i metody istoricheskogo issledovaniya» 07.00.09. (IRI RAN, Moskva, 2019)]. URL: http://www.iriran.ru/sites/default/files/istoriogr_2019.pdf].
- Ростовцев Е.А., Шишов В.О. С.Н. Валк в научно-информационном пространстве в конце XX – начале XXI в. // Клио. 2013. № 10. С. 138–144 [Rostovtsev E.A., Shishov V.O. S.N. Valk v nauchno-informatsionnom prostranstve v kontse XX – nachale XXI v. // Klio. 2013. № 10. S. 138–144].
- Савельева И.М. Классика в историографии: формы присутствия // Классика и классики в социальном и гуманитарном знании. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 294–331 [Savelyeva I.M. Klassika v istoriografii: formy prisutstviya // Klassika i klassiki v sotsialnom i gumanitarnom znaniy. M.: Novoye literaturnoye obozreniye, 2009. S. 294–331].
- Савельева И.М. Классическое наследие в структуре университетской памяти // Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов. М.: Изд. дом ВШЭ, 2013. С. 285–300 [Savelyeva I.M. Klassicheskoye naslediyе v strukture universitetskoy pamyati // Sosloviye russkikh professorov. Sozdатели statusov i smyslov. M.: Izd. dom VShE, 2013. S. 285–300].
- Савельева И.М., Поletaев А.В. Классическое наследие. М.: ГУ-ВШЭ, 2010. 336 с. [Savelyeva I.M., Poletayev A.V. Klassicheskoye naslediyе. M.: GU-VShE, 2010. 336 s.].
- Сидорова Л.А. Советские историки. Духовный и научный облик. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 248 с. [Sidorova L.A. Sovetskiye istoriki. Dukhovnyy i nauchnyy oblik. M.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2017. 248 s.].
- Станиславский А.Л., Простоволосова Л.Н. История кафедр вспомогательных исторических дисциплин: учебное пособие. М.: МГИАИ, 1990. 71 с. [Stanislavskiy A.L., Prostovolosova L.N. Istoriya kafedry vspomogatelnykh istoricheskikh distsiplin: uchebnoye posobiye. M.: MGIAI, 1990. 71 s.].
- Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века. М.: Аквариус, 2015. 440 с. [Sudby tvorcheskogo naslediya otechestvennykh istorikov vtoroy poloviny XX veka. M.: Akvarius, 2015. 440 s.].
- Тихонов В.В. Московские историки первой половины XX века: научное творчество Ю.В. Готье, С.Б. Веселовского, А.И. Яковлева и С.В. Бахрушина. М.: ИРИ РАН, 2012. 390 с. [Tikhonov V.V. Moskovskiyе istoriki pervoy poloviny XX veka: nauchnoye tvorchestvo Yu.V. Gotye. S.B. Veselovskogo. A.I. Yakovleva i S.V. Bakhrushina. M.: IRI RAN, 2012. 390 s.].
- Черепнин Л.В. Моя жизнь. Воспоминания. Комментарии. Приложения. М.: Языки славянской культуры, 2015. Т.1. 400 с. [Cherepnin L.V. Moya zhizn. Vospominaniya. Kommentarii. Prilozheniya. M.: Yazyki slavyanskoy kultury, 2015. T.1. 400 s.].
- Шиндель Л.И. Ожившая история // Вопросы литературы. 1964. № 4. С. 11–31 [Shindel L.I. Ozhivshaya istoriya // Voprosy literatury. 1964. № 4. S. 11–31].

Холматов Темурмалик Комилдждонович, аспирант, НИУ «Высшая школа экономики»; стажер-исследователь, Институт гуманитарных историко-теоретических исследований им. А.В. Поletaева (ИГИТИ); timur.kholmatoff@yandex.ru

The Classicization of S.B. Veselovskiy's heritage³³

The author uses the three criteria of academic classics proposed by I.M. Savelyeva and A.V. Poletaev and analyzes the factors, which made it possible to define the works by a historian S.B. Veselovskiy (1876–1952) as classical ones. The scientometric database Google Scholar (Google Academy) reveals the dynamics and nature of the researchers' enquiries for the works by S.B. Veselovskiy. The reasons for the formation of his works as classical are considered: internal (academic discourse of the researcher) and external (circumstances of publication of his works since the 1960s; actualization of works in Soviet and post-Soviet historiography). Special attention is paid to the perception of academic heritage and personality of S.B. Veselovskiy in the memory of historians of the Soviet era.

Keywords: *S.B. Veselovskiy, classics, classicalization, historiography, genealogy, reception, Google Scholar.*

Temurmalik Kholmatov, Postgraduate Student, National Research University "Higher School of Economics" (Moscow), Research Assistant, Poletaev Institute for Theoretical Historical Studies in the Humanities (IGITI); timur.kholmatoff@yandex.ru

³³ Funding: The study was funded by RFBR, project number 20-39-90015 «Intellectual Biography of S.B. Veselovskiy (1876–1952)».

С. Ч. Лим

ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В УНИВЕРСИТЕТАХ ЯПОНИИ (1918–1932)

В статье рассматривается история (1918–1932 гг.) демократического движения в престижных императорских университетах Японии, известных лояльным отношением к государству в эпоху Мэйдзи, но впоследствии под впечатлением народных бунтов обратившихся к критике властей. Движение проявилось в двух взаимосвязанных формах – как просветительская деятельность либеральных профессоров и как студенческий протест. Кризисы послевоенных лет привели к резкому ухудшению положения выпускников вузов, и реакцию на это впервые в истории Японии можно охарактеризовать как студенческое движение не только за переустройство общества, но и за расширение университетской автономии и свободу научных исследований.

Ключевые слова: Япония, демократия, студенческое движение, Синдзинкай, Гакурэн

Демократическое движение в университетах Японии после Первой мировой войны включало два основных компонента – студенческий и академический (научно-педагогическая среда), связанных друг с другом: прогрессивно мыслящие профессора были инициаторами протестного движения, студенты поддерживали их и затем шли дальше, самостоятельно выбирая путь политической борьбы в поддержку обездоленных слоев населения и становясь радикальными ее участниками.

Как пишет Г. Смит, риторика президента США В. Вильсона о том, что мир спасен для демократии, оказала значительное влияние на интеллектуальные круги японского общества, другим идеологическим наследием стала «большевистская революция 1917 г.» – интеллектуалам она казалась угрожающей, но, в итоге, ее идеологические последствия повлияли на японский радикализм (и, как следствие, на студенческое движение) гораздо сильнее, чем упоение «демократией Вильсона»¹.

Все тяготы послевоенного экономического кризиса в Японии легли на народные массы, ответившие на это подъемом забастовочного движения. Рисовые бунты голодных крестьян и горожан 1918 г., вдохновленных известиями о победе русского пролетариата в 1917 г., побудили к активной борьбе против империалистического произвола все демократические силы общества, в т.ч. университетское сообщество². Активизировалось и социалистическое движение в Японии, и его инициаторами стали университетская интеллигенция и студенческая молодежь³.

---

¹ Smith 1972: 31.

² I kazaki 1985: 47.

³ Японская рабочая группа почти на 2/3 состояла из тех, кто в молодости участвовал в студенческих обществах. – Синдзинкай (新人会 – Общество новых людей) Токийского императорского университета или Кэнсэйцуся домэй (建設同盟 – Лига строителей) частного университета Васэда. Totten 1966: 140.

«Большевистская революция обратила внимание японских интеллектуалов на необходимость поиска новых подходов к решению проблем крестьян и рабочих в индустриальной экономике»⁴.

Социально-экономические последствия эволюции высшей школы Японии в послевоенный период

История университетского сообщества Японии начинается в 1896 г.⁵, когда правительство Мэйдзи приступило к созданию системы императорских университетов для выполнения двух основных задач: обучение студентов-специалистов и научные исследования с аспирантами. Это способствовало изменению смысла образования: от традиционного стремления учащихся к самосовершенствованию – к подготовке кадров для быстрейшего решения задачи модернизации страны.

Одним из первых получил новый статус императорского Токийский университет (сокр. 東大 – *Тодай*)⁶, что вплоть до конца 1920-х гг. давало его выпускникам гарантию блестящей карьеры⁷. Фактически до 1893 г. выпускник *Тодай* мог стать правительственным чиновником без сдачи государственного экзамена для гражданских служащих⁸.

Особое место в системе образования занимали немногочисленные элитные высшие (подготовительные) школы (*кото гакко*), в частности, Первая высшая школа (Токио), Третья высшая школа (Киото). Выпускники этих школ получали гарантированное право на поступление в императорские университеты (до конца 1920-х гг.).

Таблица 1. Система высшего образования в Японии (1918–1930-е годы)⁹

Уровень престижности	Высшее учебное заведение (1918–1930-е годы)	
Высший	Университеты (<i>дайгаку</i> 大学) – 3 года обучения	Императорские университеты (<i>тэйкоку дайгаку</i> 帝国大学) – поступали только выпускники элитных высших школ (среднее образование)
Средний		Частные университеты (<i>сирицу дайгаку</i> 私立大学) – могли поступать выпускники средних школ
Высший	Высшие школы (<i>кото гакко</i>) – 3 года обучения (подготовительная ступень для поступления в университеты)	
Низший	Профессиональные школы (<i>сэммон гакко</i>) – педагогические и технические, давали возможность поступления в университеты (кроме императорских)	

⁴ Marshall 1992: 81.

⁵ Токийский университет (основан в 1874 г.) в 1896 г. получил статус императорского.

⁶ Narita, Terasaki 1961: 31; Inaoka, Itoya 1961: 13–14.

⁷ Smith 1972: 17–18.

⁸ Ito 2002: 122–123. В 1894–1901 гг. такие люди составляли 60% высших чиновников страны, в 1901–1926 гг. – 92% вице-министров финансов, внутренних дел, юстиции, образования, железных дорог, коммуникаций, торговли и сельского хозяйства, иностранных дел. – Marshall 1992: 46.

⁹ Inaoka, Itoya 1961: 13–20; Marshall 1992: 81; Ito 2002: 106.

Указ о высшей школе в 1918 г. ввел новую систему специализации учебных программ. До этого существовало несколько направлений: право, литература, наука, инженерия, медицина. В новой системе специализация имела только два направления: естественное (естественные науки, инженерия и медицина) и гуманитарное (право и литература). К. Ито отмечает, что это был определенный шаг к демократизации образования, попытка решения эгалитарной задачи: объединить конкурентоспособных студентов-инженеров и медиков с менее востребованными студентами-естественниками, а юристов с литераторами. Правительство исходило из того, что специализация учащихся будет определяться в процессе обучения на основе их способностей и формирующихся интересов, а не из карьерных побуждений. Специализация, выбранная студентами еще в *кото гакко*, продолжалась и в университетах¹⁰.

Главным в содержании образования в *кото гакко* было интенсивное изучение языков. В целом языковой подготовке была посвящена половина учебных часов. Конечно, иностранные языки нужны были для последующего изучения западных технологий в университетах, а изучение традиционных японского и китайского языков опиралось на классические конфуцианские тексты. Все это требовало постоянной зубрежки, что отвлекало учащихся как от творческого осмысления окружающего мира, так и от собственно естественных наук. С другой стороны, языковое обучение традиционно было основано на переводах иностранных текстов, поэтому японские студенты хорошо *знали*¹¹ литературу и философию, особенно немецкую¹². Учащиеся *кото гакко* составляли неотъемлемую часть представителей студенческого движения в Японии.

Высочайший рескрипт об образовании, изданный в 1890 г. и действовавший до 1945 г., определял основу формирования общественного сознания, устанавливая в системе образования господство правительственной идеологии на базе догматов конфуцианства и абсолютизации власти монархов. Высшее образование было направлено на решение государственных, а не общественных задач, на подготовку *технических специалистов* (бюрократов) для будущего японской *нации*, но не для народных масс¹³. С другой стороны, как отмечает Т. Мацумото, на рубеже XIX–XX вв., когда страна достигла уровня индустриальной державы, а японская армия одержала первые победы в японо-китайской и особенно японо-русской войне, университетская молодежь постепенно перестала считать себя обязанной служить только государству и в 1920-е гг. стала увлекаться литературой и искусством в личных интересах¹⁴.

Говоря о реакции японских молодых интеллектуалов на государственный контроль содержания высшего образования и на традицион-

¹⁰ Ito 2002: 106–110.

¹¹ Скорее запоминали, чем осмысливали.

¹² Ito 2002: 107–108.

¹³ Smith 1972: 33–34.

¹⁴ Matsumoto 1979: vi–vii.

ные методы преподавания, К. Ито привел интересные данные о распространении теории квантовой механики среди студентов, которые не собирались связывать свою жизнь с точными науками. Такой интерес, а также популярность теории относительности Альберта Эйнштейна свидетельствуют о революционном, творческом научном мышлении, которое, в свою очередь, пробуждало и политическое, и социальное осознание роли человека в обществе и роли науки в изменении общества¹⁵.

С другой стороны, необходимость подготовки высококвалифицированных специалистов заставляла правящие круги давать университетам относительную свободу. Ректор Токийского университета имел статус министра и назначался министерством образования, а профессора числились на службе у императора. Они имели право выбирать ученый совет, представленный как элемент университетской автономии, но одновременно служащий удобным инструментом для государственного контроля за профессурой. Такая жесткая государственная опека вызывала критику со стороны интеллектуального сообщества страны, что заставило правительство в 1893 г. немного расширить права ученого совета. Постепенно растет и число императорских университетов: к 1940 г. их было уже девять – в провинциях Киото (1897 г.), Тохоку (1907), Кюсю (1911), Хоккайдо (1918), Осака (1931), Нагоя (1939), а также в японских колониях Кореи (Сеул, 1924) и Китая (Тайбэй, 1928)¹⁶.

В систему вузовского образования, кроме императорских университетов, стали входить и частные заведения. В первые годы эпохи Мэйдзи частное высшее образование было продолжением учебных заведений (*сидзюку* – 私塾), существовавших еще в эпоху Эдо. Самый известный частный университет Васэда появился в 1902 г. на основе Токийской частной профессиональной школы. Известная с 1875 г. частная религиозная школа в Киото стала университетом *Досися* (同志社大学)¹⁷. После массовой демонстрации студентов частных вузов у стен парламента в 1914 г. против элитарного положения императорских университетов правительство с 1918 г. переходит к сокращению привилегий Токийского императорского университета. Постепенно уравниваются права выпускников всех типов вузов при прохождении экзаменов для поступления на гражданскую службу, а также сокращается роль профессоров *Тодай* как государственных экзаменаторов будущих чиновников¹⁸.

В период недолговечного улучшения внутренней экономической конъюнктуры многие выпускники императорских университетов стали выбирать карьеру в частном бизнесе, так как он выглядел и престижным, и перспективным с точки зрения заработка, и был не столь жестко ре-

¹⁵ Ito 2002: 118.

¹⁶ Ikazaki 1985: 11, 16; Inaoka, Itoya 1961: 14-15.

¹⁷ Inaoka, Itoya 1961: 17-20.

¹⁸ Marshall 1992: 91–92. Если в ранний период представители академического круга *Тодай* играли значительную роль в определении государственной политики, то при усилении влияния бизнеса и парламентских партий потребовалось расширить интеллектуальную базу, чтобы она отвечала их интересам. – Ibid.: 93.

гламентирован по сравнению с порядком жизни государственных чиновников. Из 9443 выпускников Токийского императорского университета 1923 г. только 30% выбрали государственную службу (18,7% в администрации, 11,1% судьи или государственные адвокаты); 9,2% стали частными адвокатами, 32,4% устроились в частные банки и крупные фирмы, 28,6% занимали позиции в бизнесе¹⁹. Переизбыток специалистов и вытекающие отсюда проблемы трудоустройства заставили выпускников устраиваться в мелкие и средние частные фирмы – особенно это касалось выпускников новых промышленных и торговых факультетов. Выпускники императорских вузов были в лучшем положении – они шли в большой бизнес. Так, например, шанс на хорошую карьеру у юристов – выпускников этих университетов был в 10 раз выше²⁰.

В 1918 г. министр образования Т. Накахаси представил парламенту план создания и расширения высших учебных заведений. Это был самый амбициозный план японского государства в межвоенный период: через 6 лет было запланировано открыть 10 высших школ, 6 высших технических, 4 высших сельскохозяйственных, 7 высших коммерческих, 1 школу иностранных языков, 1 фармацевтическую школу и 4 новых факультета в императорских университетах. 5 медицинских и 1 коммерческий колледжи должны – преобразовать в университеты, а 6 факультетов императорских университетов – расширить. Росту числа университетов и студентов способствовал Указ об университете 1918 г., повышающий статус частных вузов, которые до этого назывались специализированными учебными заведениями, до статуса университетов (хотя и менее престижных фактически)²¹. Необходимость расширения университетского образования правительство объясняло тем, что увеличивалось число выпускников высших школ среднего образования (*кото гакко*), которые стремились поступить в университеты. Если в 1895 г. насчитывалось 1170 выпускников *кото гакко*, то в 1915 г. – 20 852 человека, а к 1925 г. прогнозировался рост до 30 тыс. чел.

Таблица 2. Рост численности высших учебных заведений (1908–1933 гг.)²²

Год	Высшие учебные заведения			Число студентов	Рост за 5 лет, %
	Университеты (<i>дайгаку</i>)	Профессиональные школы (<i>сэммон гакко</i>)	Высшие школы (<i>кото гакко</i>)		
1908	3	65	8	46 504	
1913	4	86	8	53 188	14
1918	5	96	8	65 180	23
1923	31	121	25	106 698	64
1928	40	153	31	165 885	55
1933	45	171	32	181 455	9

¹⁹ Windolf 1997: 166.

²⁰ Narita, Terasaki 1979: 56.

²¹ Ito 2002: 124.

²² Marshall 1992: 81.

С 1919 по 1929 г. количество студентов выросло в два раза. Это дало несколько важных результатов в 1920-х – начале 1930-х гг. Во-первых, не стремясь участвовать в бессмысленной конкуренции за более высокие оценки, студенты начинают посвящать свое время интересующим их проблемам. Вместо того чтобы посещать скучные лекции, начинают читать книги любимых авторов по точным наукам, философии, политическим и социальным наукам. Во-вторых, политика расширения вузов, рассчитанная на удовлетворение потребности развивающейся экономики Японии в грамотных специалистах, в условиях экономических депрессий 1920–1930-х гг. привела к серьезной проблеме безработицы среди выпускников университетов²³. Изменился и социальный состав студенчества – за счет увеличения числа выходцев из семей бюрократии и специалистов, представлявших новый средний слой японского общества. Они постепенно вытесняли молодежь из среды консервативных семей помещиков и предпринимателей. К 1929 г. мечты о блестящей карьере времен Мэйдзи полностью развеялись, поменялись и настроения студентов. Так, в провинциальном Тохокском императорском университете появляются мальчишки-марксисты (и истинные, и просто по названию); новая литературная молодежь, собравшаяся в различные группы вокруг журнала «Гротеск», или Общества изучения русской литературы, и т.д. Все они не имели ясных перспектив в жизни²⁴.

Морито Тацуо – бывший профессор Киотского университета, уволенный за статью о П.А. Кропоткине, говоря о месте университетов в «истории культуры», указывал, что университет стал ведущим институтом капиталистического и милитаристского правительства, хотя и успел сыграть славную роль в переходе Японии от феодального общества к капиталистическому (до тех пор, пока капитализм означал новый мир, новый идеал и новую культуру после феодализма). Одзусака Хидео определил план расширения как основную причину студенческих беспорядков: «Нынешняя система образования – система массового производства, и отношения учителя и ученика – не более чем обмен *знаний на зарплату*. Доверительных отношений между учителями и студентами можно ожидать только в исключительных обстоятельствах»²⁵.

Волнения студентов начались из-за ухудшения материального положения, особенно после тяжелого экономического кризиса 1929 г. Для многих из них становится проблемой обеспечить себя питанием и жильем, особенно в столице. Еще больше их беспокоила перспектива стать безработными после выхода из стен вузов: если в 1923 г. уровень трудоустройства выпускников составлял 81%, то в 1925 г. – 65%, в 1931 г. – 37%. Пройдя через 17 напряженных лет учебы (включая школьные годы), выпускник оставался без всяких перспектив на будущее, особенно безнадежным было положение бакалавров гуманитарных наук. Эконо-

²³ Ito 2002: 126–127.

²⁴ Narita, Terasaki 1979: 55–56.

²⁵ Ito 2002: 128–129.

мический и психологический стресс студентов достиг пика в начале 1930-х гг., что привело к волне беспрецедентных по масштабам бунтов – годы с 1928 и примерно до 1932 г. стали периодом постоянных студенческих волнений. Ранее студенческое движение не имело такого радикального характера, представляя собой больше движение за студенческое самоуправление²⁶. Студенты в 1920-е гг. создали «культуру мятежа», беспорядки в учебных заведениях, «персонализм» и марксизм²⁷.

Таким образом, в 1920–1930-е гг. существенно ухудшилось положение университетских выпускников в японском истеблишменте, что привело к организованной активности университетской молодежи – молодых преподавателей и студентов. Более или менее тесная взаимосвязь в их борьбе обеспечивалась двумя главными условиями, характерными для Японии в межвоенный период. Во-первых, если европейские университеты располагались в изолированных и спокойных городах, то японские императорские и частные университеты были сконцентрированы в крупнейших городских центрах (особенно в Токио), что неизбежно вело к взаимодействию учащейся молодежи и всех демократических сил страны в борьбе за прогрессивные реформы. В 1934 г. в двух основных мегаполисах сосредоточилось 3/4 студентов: 57% в районе Токио – Йокогама, 18% в районе Киото – Осака – Кобэ. В 1934 г. в Токийском императорском университете училось 8050 студентов, в Киотском императорском университете (*Kёдай* – 京大) – 5565 студентов, что вместе составляло 1/3 студенчества страны. Во-вторых, быстрая модернизация страны привела к росту числа университетов, колледжей, а значит, и числа студентов. К концу 1920-х гг. возникла проблема «интеллектуальных безработных» – особенно на фоне больших ожиданий молодежи при поступлении в вузы. Г. Смит объясняет появление студенческого радикализма разочарованием молодых людей, вызванным обманом ожиданий и утратой былого «элитизма» наиболее престижных университетов. Если раньше престиж вузов был обеспечен тем, что студенты там учатся, а профессора ищут истину, то к концу 1920-х гг. студенты осознали, что школы и университеты не что иное, как органы государственного контроля – такие же, как армия или полиция²⁸. На факультетах, за исключением нескольких красных профессоров (*сэкисоку кёдзю* – 赤色教授), все являются просто сторожевыми псами и обучают будущую высшую бюрократию, – таково мнение ученого-марксиста Омори Ёситаро. Таким образом, в период Мэйдзи (1868–1912) университеты, особенно императорские, были необходимым органом, подготавливавшим «ассистентов» в служении с четким соблюдением субординации и подчинением новому правительству и бизнес-сообществу, но уже в 1920-е гг. ситуация изменилась кардинально²⁹.

²⁶ Smith 1972: 214–215.

²⁷ Ito 2002: 131

²⁸ Smith 1972: 17–20.

²⁹ Marshall 1992: 89–90.

Положение университетской интеллигенции и ее роль в протестном движении в Японии в 1918–1932 годах

Правительство Мэйдзи, стремясь создать современное индустриальное общество, через систему высшего образования формировало новые группы национальной элиты: офицерский корпус армии западного образца, высшую гражданскую бюрократию, сообщество капиталистов и промышленных управленцев и парламентские партии, получившие некоторую часть власти и создавшие особый тип политических функционеров. С другой стороны, государство меньше контролировало процесс формирования академического сообщества – профессоров, философов, становящихся инициаторами борьбы за университетскую автономию и академическую свободу³⁰. При демократии Тайсё (1912–1926) профессора пользовались свободой выражения в прессе своих научных взглядов, которые затем широко обсуждались в стране³¹.

В эпоху Тайсё основными идеологами либерализма выступили профессора Токийского императорского университета: Ёсино Сакудзо с идеей «демократизма» (*мимпонсюги* – 民本主義), Минобэ Тацукичи – с «гражданской политикой» (*минсэйсюги* – 民政主義: император – орган государства, но правит в интересах всей нации), Онодзука Кихэйдзи – с «демократией народа» (*сюминсюги* – 衆民主義), Одзаки Юкио – с «принципом общественного мнения» (*коронсюги* – 公論主義, или *ёронсюги* – 輿論主義). Их основная идея касалась роли народа в государстве на основе Конституции Мэйдзи, реставрировавшей императорскую власть, с необходимостью ведения «человекоориентированной политики» (*минсюхонъи но сэйдзи* – 民衆本位の政治)³². Таким образом, можно согласиться с мнением В.В. Совастеева о «демократизме» С. Ёсино и его коллег: они отрицали демократию Запада, «которая несла в себе опасность вступить в противоречие с конституционным строем Мэйдзи, основанным на принципе суверенитета императора»³³.

В послевоенный период положение университетских «интеллектуалов» ухудшается. Число преподавателей императорских университетов увеличилось – в основном за счет научных сотрудников, доцентов и преподавателей, у которых было меньше шансов получить профессорские должности, которые обеспечивали бы им правовую защиту и более широкие социальные гарантии. Но, с другой стороны, отсутствие правовой безопасности давало им большую интеллектуальную свободу, независимость от своих консервативных наставников-профессоров³⁴.

Государственная опека императорских университетов привела к их академической рутинности, консерватизму, бюрократизму. В областях науки и техники идеи развивались относительно быстро, и появилась

³⁰ Ibid: 3–4.

³¹ Tenaga 1962: 38–39.

³² Inaoka, Itoya 1961: 30–31.

³³ Совастеев 2004: 42.

³⁴ Ито 2002: 130.

острая необходимость обеспечить в университетах рабочие места для молодых ученых. В императорских университетах, однако, должности продолжали занимать профессора с устаревшими взглядами, а для научной молодежи не было вакантных мест. Одним из способов решения этой проблемы стало создание новых вузов. Первым из них был Тохокский императорский университет (на северо-западе о. Хонсю), с основанием которого в 1917 г. решился вопрос создания инновационного вуза с молодыми профессорами. Позднее, в 1931 г., Осацкий университет получил статус императорского. Он тоже был ориентирован на развитие науки и техники, и в нем были собраны молодые талантливые ученые³⁵.

Обозначились два противоположных потока вестернизации интеллектуалов в Японии. Во-первых, философия киотской школы, представлявшей собой попытку сохранить и укрепить национальную идентичность в ответ на вынужденную вестернизацию. Во-вторых, японский марксизм, который частично был реакцией на социальные и экономические проблемы, вызванные поспешной модернизацией³⁶. Поэтому японские университеты, следуя традиционной конфуцианской идее о ведущей роли меритократии (образованных) в государстве, и в марксизме осознавали свое лидерство в преобразовании общества в интересах народных масс, в решении острых социальных проблем. «Марксизм предложил путь из уединенного частного мира в социальную деятельность»³⁷. Но справедливо и замечание Т. Мацумото о некритичном принятии западных культурных ценностей, что обусловило в будущем легкий переход значительной части японской интеллигенции от марксизма к японскому национализму (*японизму*) в 1930-е гг.³⁸

Усиление влияния социалистических идей в университетах, и конкретно в крупнейшем частном университете Васэда, который одним из первых выступил против милитаризации научных исследований, беспокоило правящие круги, которые начали пытаться ограничить университетскую автономию и контролировать научные исследования. Это вызвало сопротивление со стороны профессуры и студентов Васэда. Профессор Ояма Ацуо заявил, что свобода научных исследований должна касаться не только технических, но и социальных наук. Он считал, что нужно получить поддержку других вузов и рабочего класса³⁹.

С повышением статуса частных университетов после 1918 г. меняется и их роль в демократическом движении страны. К. Ито приводит мнение известного японского философа-марксиста Тосака Дзюн: если до этого времени выпускники частных университетов обеспечивали частный бизнес и являлись оппозицией власти, то теперь они стали поддерживать полуавторитарное правительство, в котором ведущие пози-

³⁵ Ito 2002: 277–278.

³⁶ Ibid: 372–373, 395.

³⁷ Matsumoto 1979: XIII.

³⁸ Ibid: VI.

³⁹ Iwakaki 1985: 54–55.

ции заняла буржуазия⁴⁰. С другой стороны, именно в стенах Токийского императорского университета появляется группа молодых профессорско-идеалистов – Ёсино Сакудзо, Фукуда Такудзо, Нитобэ Инадзо, Ояма Икуо, Такано Ивасабуру и другие, – ставших лидерами в движении за реформы в стране⁴¹. В декабре 1918 г. С. Ёсино организовал вместе со студентами университетов *Тодай* и Васэда просветительское *Общество рассвета* (*Рэймэйкай* – 黎明会), возглавившее демократическое движение за прогрессивное развитие страны, просвещение и благополучие народа с учетом национальной специфики (правительства должны действовать в интересах всего народа). *Рэймэйкай* старалось добиться своих целей путем публичной дискуссии, а не политических действий. Интересное определение дал членам общества П. Дуус: *книжные люди* (*bookish men*), считавшие, что все проблемы можно решить «пером и языком». *Общество рассвета* не имело связей ни с политическими партиями, ни с рабочими союзами и отличалось некоторым снобизмом. Главными формами его деятельности были серии лекций по текущим вопросам и их публикация в небольших изданиях⁴².

Более радикальные молодые профессора Оути Хэе, Каваи Эйджиро и Намбара Сигэру подчеркивали роль ученых в проведении социальных реформ, а не в стремлении получить высокие должности в государственной бюрократии. Либеральные профессора сумели привлечь на свою сторону и студенческие группы, что, в свою очередь, привело к политизации императорских университетов⁴³.

Сравнивая роль университетов разных типов в формировании интеллектуальной среды Японии (таблица 3), можно говорить о доминирующей роли Токийского императорского университета. Среди его выпускников были всемирно признанные писатели: Нацумэ Сосэки, Такидаки Дзюньитиро, Кикиути Кан, что способствовало усилению влияния университетского сообщества в демократическом движении страны.

Таблица 3. Высшее образование писателей и философов Японии (1902–1935)⁴⁴

Учебные заведения	писатели	философы
Токийский императорский университет	21 чел. (31%)	24 чел. (43%)
Киотский императорский университет	1 (1%)	2 (4%)
Университет Васэда (частный) в Токио	11 (16%)	5 (9%)
Университет Кэйо (частный) в Токио	6 (9%)	1 (2%)
Другие колледжи	7 (9%)	12 (20%)
Не получившие высшего образования	22 (32%)	12 (21%)
Всего	68 чел.	56 чел.

Марксизм, к 1920-м гг. ставший предметом увлечения большинства представителей университетской молодежи, привлек их внимание к

⁴⁰ Ito 2002: 127.

⁴¹ Marshall 1992: 93–94; Duus 1968: 114.

⁴² Inaoka, Itoya 1961: 42–43; Duus 1968: 114–115.

⁴³ Marshall 1992: 93–94.

⁴⁴ Ibid: 196–197.

серьезным социальным проблемам, пробудил острое чувство личной ответственности, напоминая им об обязательствах, которые они несут как представители элиты страны⁴⁵. В 1930-е гг. были переведены на японский язык философские работы Ф. Энгельса «Диалектика природы», В. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», что позволило японцам интерпретировать их основные положения в условиях своей страны. В круг интересов входила и история науки, поэтому переводились и советские работы, например, классическая статья Бориса Гессена о социальных корнях ньютоновской механики. В 1935 г. Тосака Дзюн опубликовал первую книгу о марксистской теории науки «Кагакурон» (*Теория науки – 科学論*)⁴⁶. Вольнодумство в университетах побуждало консервативные элементы в правящих кругах осуществлять жесткий контроль над ними, особенно в вопросах интеллектуальной свободы⁴⁷.

Таким образом, университетская профессура в Японии не была однородной: наряду с консервативными «интеллектуалами» были и либералы, старавшиеся втиснуть в «прогрессивные» рамки демократизма абсолютистское императорское правление с идеей согласия с мнением народных масс. Заметным было влияние более радикально настроенных преподавателей престижных императорских и частных университетов, которые пытались осмыслить идеи марксизма в условиях современной Японии. Последние оказали духовное влияние на формирование студенческого движения в межвоенный период, они же в большей степени подвергались репрессиям со стороны авторитарного государства.

Демократическое студенческое движение в 1918–1932 гг.

П. Дуус пишет, что в послевоенный период студенты императорских вузов стали меньше думать об учебных успехах, зная, что могут стать наемной интеллектуальной рабочей силой, образованным пролетариатом. Среди студентов все больше становилось выходцев из сельской местности и городского торгового сословия. Они были менее лояльны к правящим кругам и больше задумывались о социальных проблемах⁴⁸. Г. Тоттэн называет основные условия возникновения интереса студенчества к решению социальных проблем в этот период: христианский акцент на человеческое достоинство и заинтересованность в социальной работе; распространение демократии как результат «победы демократии» в войне; русская революция рабочих и крестьян; рисовые бунты в Японии в 1918 г.; ревизия в ведущих университетах, требующих большей свободы обучения, мысли, активности⁴⁹. Г. Тоттэн объясняет, что Токийский императорский университет был не просто престижным вузом, но и кузницей кадров для архиконсервативной высшей бюрократии страны, пополнявшей свои ряды выходцами из ведущих

⁴⁵ Мацумото 1979: 35.

⁴⁶ Ito 2002: 395–396.

⁴⁷ Marshall 1992: 81.

⁴⁸ Duus 1968: 118–119.

⁴⁹ Totten 1966: 140.

семей страны, а появление радикально настроенных студентов объясняется тем, что плата за обучение была низкой, а стандарты поступления – очень высокими, поэтому туда могли поступать способнейшие сыновья из бедных семей, которые на себе ощущали несправедливый контраст между богатством и бедностью. Как бы то ни было, именно благодаря выбору, а не в силу обстоятельств, студенты вступали в рабочее и крестьянское движение после Первой мировой войны. Они пожертвовали карьерой и, в некоторых случаях подвергаясь остракизму в своих семьях, посвящали себя участию в рабочем движении⁵⁰.

Студенты Токийского императорского университета, частных вузов Кэйо и Васэда первыми отозвались на события русской революции: 24 ноября 1917 г. они вместе с молодыми рабочими создали исследовательское Рабочее общество (*Рогакукай* – 労学会) в Токио и в сентябре 1918 г. – в Киотском университете. Многие участники рабочего движения Японии прошли через *Рогакукай*. В течение двух лет, например, в *Рогакукай* Киотского университета побывало около 3000 чел., и главным призывом к действию было «в народ»⁵¹.

Относительно периодизации демократического студенческого движения с 1918 по 1932 г. у исследователей нет больших расхождений.

С. Инаока и Т. Итоя выделяют четыре этапа активных выступлений студентов. На первом этапе (1918–1922) студенты престижных университетов стали выступать против политики государства и объединяться в студенческие демократические общества: *Общество новых людей* (*Синдзинкай* 新人会) в Токийском императорском университете в 1918 г. и *Гражданский альянс* (*Миндзин домэйкай* 民人同盟会) в частном университете Васэда в 1919 г. На втором этапе (1922–1926) происходит объединение студентов почти всех крупных университетов (в декабре 1922 г.) в *Федерацию студенческих обществ* (*Гакусэй рэнгокай* – *Гакурэн* – 学生連合会), на которую значительное влияние оказала Коммунистическая партия Японии (КПЯ), созданная в 1922 г. С этого времени начинается популяризация марксистско-ленинских идей о пролетариате и ставится задача практических действий в демократической борьбе. Третий этап (1927–1929) характеризуется влиянием Коммунистического интернационала и особенно его тезисов 1927 г. на организованное студенчество Японии. Одновременно усиливается и силовое давление на университетскую оппозицию со стороны японского правительства, которое все чаще проводило массовые аресты членов КПЯ, среди которых оказалось около 40% учащихся и выпускников высших школ и университетов. На четвертом этапе (1929–1932 гг.) в ответ на роспуск *Федерации студенческих обществ* (*Гакурэн*) создается студенческая группа в *Союзе коммунистической молодежи* при КПЯ для борьбы за освобождение пролетариата. В этот период начинается активная, большей частью подпольная деятельность студентов-коммунистов, выступавших за

⁵⁰ Ibid: 142.

⁵¹ ウ・ナロード (калька с русского языка). – Inaoka, Itoya 1961: 40–41, 53–54.

всеобщее избирательное право, против милитаризации кампусов и вовлечения страны в агрессивную политику японской военщины⁵².

Г. Смит в своей работе, посвященной истории *Общества новых людей* – *Синдзинкай*, определяет основные этапы студенческого движения в Японии на основе деятельности первой студенческой организации, которые почти совпадают с вышеуказанной периодизацией. Но он считает 1928 год началом периода формирования «студенческого движения», продолжавшегося до 1932 г. и ставшего «периодом хронических студенческих беспорядков» (*Гакусэй содо мансэй озидай* – 学生騒動慢性時代). Он аргументирует свое мнение тем, что до 1928 г. выступления студентов были большей частью локальными, без широкой поддержки; они больше занимались *теоретизированием* и игнорировали решение практических задач кампусов, и только с марта 1928 г. в ответ на угрозу полного подавления университетской автономии в программу действий студенческого движения были включены насущные задачи улучшения жизни студентов, защиты университетской автономии и свободы научных исследований. С этого времени, считает Смит, *Синдзинкай* не ограничивалась только просветительско-политическими целями. В период с 1931 по 1934 г. действия левых студентов в подполье и остававшихся в легальном положении инициаторов «школьных беспорядков» (*Гакко содо* – 学校騒動) были взаимосвязаны и дополняли друг друга. Но постепенно обе стороны стали снижать активность, и к 1934 г. феномен исчезает. Разрушение студенческой активности – как политической, так и неполитической, – можно рассматривать и в контексте возрождения националистической риторики и подъема японского «фашизма» в начале 1930-х гг., пишет Г. Смит⁵³.

Если говорить об истории возникновения студенческих обществ, то *Синдзинкай* организовали в Токийском императорском университете в конце 1918 г. несколько студентов из группы профессора Ёсино Сакудзо и выпускников, которые уже работали журналистами или чиновниками. Они стремились изменить «неразумное сегодняшнее привилегированное общество» и создать общество людей с новыми идеалами⁵⁴. *Миндзин домэй* (民人同盟 – *Гражданский альянс*) создали в феврале 1919 г. профессора крупнейшего частного университета Васэда вместе со студентами. Эти общества еще не имели идеологии или определенной системы взглядов, а только общие настроения, вызванные бурными событиями 1918 г. в стране. Как новые либералы, студенты потеряли надежду, что правящий класс изменит общество к лучшему⁵⁵.

В числе основателей *Синдзинкай* был Асо Хисаси, который начал интересоваться социалистическим движением еще в годы учебы в Третьей высшей школе (Киото), был знаком с судебным делом о государ-

⁵² Inaoka, Itoya 1961: 40–54.

⁵³ Smith 1972: 219.

⁵⁴ Inaoka, Itoya 1961: 40–54.

⁵⁵ Duus 1968: 119–121.

ственной измене социалиста и анархиста Котоку Сюсуй в 1911 г. Будучи студентом Токийского императорского университета, в 1914 г. он пригласил выпускников двух престижных высших школ (*кото гакко*) к участию в еженедельном дискуссионном клубе (позднее названном *Обществом среды*). Обсуждаемые участниками темы постепенно становились политическими. К окончанию университета, когда мир потрясли Февральская, а затем Октябрьская революции, Х. Асо посвятил этим событиям серию статей под общим названием «От Петра к Ленину», в которых он оспаривал господствовавшее в тот период мнение о недолговечности русской революции. Бурные публичные дебаты профессора Ёсино с членами ультранационалистического *Общества ронинов* (*Ронинкай* 浪人会) о демократии привлекали студентов почти как спортивные состязания. Это подтолкнуло Асо и других под руководством профессора С. Ёсино реорганизовать *Общество среды* в *Общество новых людей* (*Синдзинкай*) в ноябре 1918 г.⁵⁶

Под влиянием С. Ёсино и профессора университета Васэда Ояма Ацуо были конкретизированы задачи *Синдзинкай*: борьба против введения военной подготовки в высших учебных заведениях, за введение всеобщих избирательных прав, за университетскую автономию и свободу научных исследований. В марте *Синдзинкай* основал свой журнал «*Демократия*», публиковавший произведения Руссо, Толстого, Маркса, Кропоткина, Линкольна, Людвика Заменгофа, Розы Люксембург⁵⁷. *Синдзинкай* помогал рабочим организовываться, артикулировать свои требования и устраивать забастовки, требовавшие немало мужества из-за нападок ультранационалистов и угроз полицейского ареста⁵⁸.

В 1921 г. под влиянием *Общества пробуждения народа* (*Гёминкай* 暁民会) в университете Васэда была организована *Ассоциация по изучению культуры* (*Вадай бункакай* – 早大文化会) с 200 участниками⁵⁹.

Консервативные круги объединились в праворадикальном студенческом *Товариществе для содействия процветанию империи* (*Кококу досия* – 興国同志社), известное доноси на доцента Токийского университета Морито Тацуо, исследователя учения Кропоткина в 1919 г.⁶⁰

Высшей стадией студенческого движения можно считать создание в декабре 1922 г. *Федерации студенческих обществ* (*Гакусэй рэнгокай* – *Гакурэн* – 学生連合会 – 学連) и ее активную деятельность не только в университетских кампусах, но и в тесной связи с протестующим народом. В декабре 1922 г. в стенах Токийского императорского университета 200 студентов – представителей 20 токийских вузов учредили *Федерацию студенческих обществ* (*Гакурэн* 学連) на основе принципов марксизма (в сентябре 1924 г. она была преобразована в *Федерацию*

⁵⁶ Totten 1966: 141.

⁵⁷ Inaoka, Itoya 1961: 24, 44–45.

⁵⁸ Totten 1966: 143.

⁵⁹ Inaoka, Itoya 1961: 50–52.

⁶⁰ Ibid: 56–57.

студентов-исследователей общественных наук (*Гакусэй сякайка гакурэнгокай* – 学生社会科学連合会). Постепенно в боевую *Федерацию* марксистской направленности вошли *Синдзинкай* и другие студенческие общества 40 университетов страны с несколькими сотнями членов. Председателем *Федерации* был выбран Курода Хисао⁶¹.

К. Нарита и М. Тэрасаки пишут, что именно с создания *Федерации* студенческое движение становится радикальным: от демократизма эпохи Тайсё участники переходят к социализму и коммунизму, и движение носит уже политический характер⁶². К 1924 г. *Федерация* объединяла студенческие общества из 49 вузов Японии – 1500 человек⁶³.

В 1925 г. японское правительство приняло закон, запрещающий любые попытки изменить существующее положение в стране. В первую очередь он был применен в отношении студенческих групп по изучению социальных наук в Киотском университете. Последовали аресты активистов, работу которых соотносили с коммунистическим движением, а суд в Киото по их делу был направлен в первую очередь против соответствующей деятельности⁶⁴.

Правая пресса и правоэкстремистские лиги сразу же подняли шумиху вокруг деятельности *Федерации студенческих обществ*, инициировали полицейские расследования, обвиняли ее в связях с коммунистами⁶⁵. Деятельностью *Федерации* было обеспокоено и правительство, а в Парламенте проходили дебаты о постоянных манифестациях студентов и их поддержке рабочего движения. Подавление выступлений студентов, исключение их из школ и вузов только усилили активность. Многие бывшие студенты стали лидерами левого крыла профсоюзов и партии *Роното* (*劳農党* – Рабоче-крестьянская партия)⁶⁶.

15 марта 1928 г. по всей Японии правительство проводит массовые аресты членов КПЯ и их сторонников (около 1600 чел.), выступавших против агрессивных войн, монополистов-империалистов, крупных землевладельцев. Половину арестованных составили студенческие активисты, среди них было 300 учащихся, пытавшихся создать одну из ветвей японского отделения Коминтерна. Властями были запрещены *Синдзинкай* и *Сякай кагаку кэнкюкай* (*Общество изучения социальных наук* – 社会科学研究会) в императорских университетах Токио, Киото, Кюсю и Тохоку. Вслед за этим под прямым нажимом властей начались увольнение левых профессоров в ведущих университетах страны. Эти события привели к тому, что университетская автономия стала просто сохранять видимость, независимость вузов была практически ликвидирована⁶⁷.

⁶¹ Inaoka, Itoya 1961: 56–57.

⁶² Narita, Terasaki 1979: 56.

⁶³ Inaoka, Itoya 1961: 81.

⁶⁴ Steinhoff 2012: 58.

⁶⁵ Inaoka, Itoya 1961: 65–66, 72–74.

⁶⁶ Austice 1931: 695.

⁶⁷ Inaoka, Itoya 1961: 24–25; Ikazaki 1985: 62–65.

В ответ на репрессии с 1928 г. происходит рост числа студентов, вовлеченных в нелегальную деятельность, и так продолжается вплоть до 1932 г. За пять лет (с 1930 по 1934 г.) было арестовано более 6000 студентов «за активное участие в социальном движении»⁶⁸. Попытки властей обуздать студенческое движение вели только к активнейшему противодействию вплоть до экстремизма (причем при поддержке либеральной середины студенчества). Но власти воспользовались нарастающим разочарованием студенчества в протестах. Вынужденные уйти в глубокое подполье, студенты больше ориентировались на сиюминутные действия и лозунги, чем прибегали к глубокому теоретическому осмыслению создавшегося положения. Все это привело к формальному следованию директивам Коминтерна, утверждает Г. Смит⁶⁹.

Власти пытались применять и мягкие средства, например, уроки морали, которые проводили шовинистически настроенные офицеры, направленные во все школы. Или же в университете Васэда финансировали изучение восточной культуры и японских институтов власти, а профессоров обязывали в лекциях настраивать студентов против «вредного влияния радикальных идей марксизма»⁷⁰.

Студенческое движение, несмотря на все меры, продолжало существовать и доставляло сильное беспокойство властям. В начале 1930-х гг. государство провело тщательное расследование причин этого и немедленно перешло к жестким мерам воздействия. От учащихся стали методично требовать отказа от своих идеологических взглядов. Этот процесс получил название *тэнко* (転向 – признание своих прежних ошибок и переход на сторону власти). Жесточайшие репрессии повлекли за собой милитаризацию кампусов, студенты в большинстве своем вынуждены были молчать, а некоторые становились националистами⁷¹.

Таким образом, на японскую университетскую интеллигенцию – как преподавателей, так и студентов – значительное влияние оказывают марксистские идеи социального переустройства страны, в первую очередь борьба за права обездоленных слоев населения, рабочих и крестьян. Ухудшение социально-экономического положения выпускников японских университетов, связанное с кризисными явлениями в экономике страны, способствует тому, что с конца 1920-х гг. организованное студенчество страны от политической борьбы переходит к решению конкретных университетских задач – к защите университетской автономии и свободы научных исследований. Но в ходе активной подготовки японской военщины к империалистическим войнам жизнь в кампусах попадает под прямой полицейский контроль, и к 1932 г. представители радикально настроенного студенчества оказались или в тюрьмах, или в глубоком подполье, а часть влилась в националистическое движение.

⁶⁸ Smith 1972: 206.

⁶⁹ Smith 1972: 206–207.

⁷⁰ Austice 1931: 695–697.

⁷¹ Steinhoff 2012: 58.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Совастеев В.В. Либерализм в Японии // Россия и АТР, 2004, № 1. С. 28–45. [Sovasteyev V.V. Liberalizm v Yaponii [Liberalizm in Japan]. // Rossiya i ATR, 2004, № 1. P. 28–45].
- Austice E.N. Japan's "dangerous" students // Pacific Affairs. 1931. Vol. 4. No. 8. P. 695–699.
- Duus, Peter. Party rivalry and political in Taisho Japan. Cambr. (Mass.), Harvard U.P., 1968. 317 p.
- Ito Kenji. Making Sense of Ryōshiron (Quantum Theory): Introduction of Quantum Mechanics into Japan, 1920–1940. A thesis presented by Kenji Ito to the Department of the History of Science in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy in the subject of History of Science. Harvard University. Cambridge, Mass., October 2002. 477 p.
- Marshall, Byron K. Academic freedom and the Japanese imperial university, 1868–1939. California, Berkeley and Los Angeles, 1992. 235 p.
- Matsumoto, Tomone. From Marxism to Japanism: a study Kamei Katsuichiro (1907–1967). USA, The University of Arizona, 1979. 226 p.
- Smith, Henry De Witt. Japan's First Students Radicals. Cambr. (Mass.), Harvard U.P., 1972. 344 p.
- Steinhoff, Patricia G. Japan: Student Activism in an Emerging Democracy // Student Activism in Asia. Between Protest and Powerlessness / Eds. Meredith L. Weiss, Edward Aspinall. Univ of Minnesota Press; 1 ed. (August 2, 2012). 318 p. P. 57–78.
- Totten, George Oakley, III. The Social Democratic Movement in Prewar Japan. New Haven and London, Yale University Press. 1966. 455 p.
- Windolf, Paul. Expansion and Structural Change. Higher Education in Germany, the United States, and Japan, 1870–1990. Westview Press, 1997. 278 p.
- Ikazaki Akio. Daigaku no jiti no rekishi. [История университетской автономии] Tokyo, Shin nihon syppansya, 1895. 204 p.
- Inaoka Susumu, Itoya Toshio. Nihon gakusei undo. Sono rekishitekina yakuwari ga kandaeru [История студенческого движения]. Tokyo, Aoki shyoten, 1961. 269 p.
- Ienaga Saburo. Daigaku no jiyu no rekishi. [История университетской автономии]. Tokyo, Hanawa shobo, 1962. 265 p.
- Narita Katsuya, Terasaki Masao. Gakko no rekishi dai 4. Daigaku no rekishi. [История учебных заведений. История университетов]. Tokyo, Daichihokishuppan, 1979. 412 p.

Лим Софья Чулуновна, доктор исторических наук, PhD (Education – Hokkaido Univ.), доцент, профессор, Департамент истории и археологии, Дальневосточный федеральный университет, lim.sch@dvfu.ru

The democratic movement at universities of Japan (1918–1932)

The article examines the history of the democratic movement in the prestigious Imperial universities of Japan (1918 to 1932). In the Meiji era this universities were known for loyal attitude to the state, but popular revolt in the country forced them to criticize the policy of the authorities. The movement consists of two interrelated parts – educational activities of liberal professors, and student protest. The economic crises and depressions of the post-war period affected the sharp deterioration of the situation of University graduates, so for the first time in the history of Japan we can already talk about the “student movement”, which fought not only for the social reconstruction of society, but also for the expansion.

Keywords: Japan, university movement, democracy, student movement, Shinjinkai, Gakuren

Sofya Lim, Dr.Sc. (History), PhD (Education – Hokkaido Univ.), Professor, Department of History and Archeology, Far Eastern Federal University, lim.sch@dvfu.ru

И.В. Сидорчук

УТВЕРЖДЕНИЕ ПОЗДНЕСТАЛИНСКОЙ НАУКИ В ЛИТОВСКОЙ ССР (1945-1953)¹

В центре внимания статьи – история утверждения установок позднесталинской науки в Литовской ССР, включая практики выстраивания и отработки механизмов внедрения новых догм в образовательных и научных учреждениях, а также процесса адаптации полинационального академического сообщества под массивные пропагандистские кампании. Основу источниковой базы исследования составили материалы Центрального Комитета Коммунистической партии Литовской ССР (фонд 1771), хранящиеся в Особом архиве Литвы (*Lietuvos uratingajame archyve*).

Ключевые слова: *История науки, лженаука, сталинизм, Литва, лысенкоизм, И.П. Павлов, И.В. Мичурин, Павловская сессия*

Для истории науки и техники позднесталинский период (1945–1953) является во многом уникальным. Усиление борьбы на научном фронте привело не только к репрессиям против школ и научных направлений, но и небывалому успеху и торжеству учений, в настоящее время признанных не просто спорными, но лженаучными. Все это проходило на фоне послевоенных изменений в идеологическом курсе, начала «холодной войны» и борьбы за власть в партийном руководстве. Наступление на науку, являвшуюся в представлении И.В. Сталина одной из необходимых составляющих построения социализма², в сочетании с беспрецедентной ее этатизацией стало настоящей катастрофой для ряда научных дисциплин. Проводя параллель с искусством того времени, можно сказать, что это была наука в стиле социалистического реализма с характерными для него однозначностью и категоричностью оценок, наличием определенного пантеона героев и врагов, пропагандой советского патриотизма, декларацией реализма при фактическом утопизме.

Особенности и цели позднесталинской науки, равно как и результат внедрения ее установок в жизнь изучен достаточно полно. В наибольшей степени это относится к печально известному лысенкоизму, одержавшему очередную победу над своими противниками на августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 года и ставшему символом сталинской репрессивной политики в области науки и успеха антинаучного знания³. Лишь немногим по популярности он уступал марризму⁴, торжество которого закончилось в 1950 г. после дискуссии в «Правде» и публикации там работы И.В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». При этом отказ от «нового учения о языке» Н.Я. Марра для языкознания был явно

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 18-78-00085).

² Rogger 1981; Stites 1989: 145-149.

³ Joravsky 1970; Колчинский, Ермолаев 2018; Сойфер 2002 и мн. др.

⁴ Алпатов 2011; Алпатов 1993; Сидорчук 2017; Gretchko 2010; L'Hermitte 1987.

позитивен, что указывает на некорректность распространять на более обширный фактический материал «интерпретационную модель, основанную на обобщении одного дела Лысенко»⁵. Судьба каждой научной дисциплины или научного направления, попадавшего в объектив внимания власти, в послевоенные годы была уникальна. Существенного внимания в историографии удостоивается и Павловская сессия 1950 года и ее последствия для целого ряда наук, а особенно для физиологии, медицины и психиатрии⁶, а также Философская дискуссия 1947 года⁷.

Идеологические кампании в науке проходили параллельно с борьбой с космополитизмом и низкопоклонством перед Западом. Она подразумевала агрессивную пропаганду достижений русской науки и техники и утверждение тезиса о том, что именно Советский Союз стоит в авангарде мировых открытий, а буржуазия после войны «с новым усердием» пытается «продолжать перехватывать, присваивать наши научные открытия, отнимать у нас наш приоритет»⁸. Идея отстаивания национальных приоритетов зачастую заменялась грубым научным ревизионизмом. Сохранение технократических идеалов стало сочетаться с примитивизированными, подчас лженаучными, представлениями⁹.

Актуальность исследования науки в послевоенный период объясняется не только ее уникальным положением, но и наличием остро ощущаемой на настоящем этапе академическим сообществом опасности популяризации и торжества лженаучного знания¹⁰, что, в случае его поддержки представителями правящей элиты, способно нанести серьезный урон. В условиях сохранения решающей роли государства в развитии науки и техники реализация любой стратегии научного развития может окончиться крахом при выборе ошибочных ориентиров и поддержке проектов, не только способных отбросить науку назад, но и дискредитировать научное знание как таковое и маргинализировать профессию ученого, что и без того характерно для постклассической науки.

В центре внимания статьи – история утверждения установок позднесталинской науки в Литовской ССР, практики выстраивания и отработки механизмов внедрения новых научных догм в образовательных и научных учреждениях, процесс адаптации полинационального академического сообщества под массивные пропагандистские кампании. Данный регион интересен тем, что в нем, в отличие от РСФСР и большинства других советских республик, в наличии был лишь кратковременный опыт советизации после вхождения в состав СССР и до втор-

⁵ Кожевников 1997: 27.

⁶ Аршавский 1994; Brushlinsky 1997; «Павловская сессия»...

⁷ Плимак 1997; Кривоносов 1997.

⁸ Наука великого народа...: 1-2.

⁹ Фатеев 1999; Есаков 2008; Сталин и космополитизм...; Виргинский, Клат, Комшилова, Лист 1989.

¹⁰ Kolchinsky, Kutschera, Hossfeld, Levit 2017.

жения Германии. Ученое сообщество Литвы при помощи присланных Москвой коллег должно было признать «значение марксистско-ленинской теории для любой отрасли науки»¹¹ и в кратчайшие сроки подстроиться под те правила научной работы, по которым уже не одно десятилетие жила советская наука.

Идейно-воспитательная работа

Важной задачей советской власти в отношении научных кадров в первые послереволюционные годы было недопущение их оторванности от идеологических изменений, сохранения иллюзии возможности стороннего наблюдения и служения чистой науке. Подобную стратегию, целью которой было удержание определенной автономии и защиты своей работы от проникновения государства, выбирали в тот период многие российские ученые¹². Уже в 1930-х гг. практически любые возможности для этого были перекрыты, ученые больше не могли проводить исследования без учета политического контекста и игнорировать марксистско-ленинские установки. Аналогичный результат требовался и от тех, кто осуществлял советизацию науки в послевоенной Литве, что являлось частью процесса «встраивания» всего региона в советскую систему. Каждый член ученого сообщества Литовской ССР должен был быть не только молчаливым наблюдателем, но и активным участником перестройки науки на основе торжествовавших идеологических установок. В этом процессе особо важная роль отводилась кафедрам марксизма-ленинизма, партийным организациям, Отделу науки и вузов и Отделу агитации и пропаганды коммунистической партии республики.

Проблемой стала нехватка коммунистических кадров среди литовцев, что приводило к наличию высокого числа представителей других национальностей (русских, украинцев, евреев и др.) и создавало картину инородной власти в глазах коренного населения. Как замечает Е.Ю. Зубкова, «потребность в управленцах, поддерживающих новую власть на территории Прибалтики, была большей, чем определенный Москвой первоначальный “лимит” национальных кадров коммунистов из числа проживающих за пределами региона».¹³ Эта диспропорция нуждалась в срочной корректировке. Еще в 1941 г. при Вильнюсском Горкоме КП(б) Литвы был организован Вечерний университет марксизма-ленинизма, чья деятельность возобновилась в начале 1945 г. Если в 1946 г. им было выпущено только 44 человека, то в 1948 г. – 432¹⁴. На 1 мая 1949 г. из 1484 слушателей двух курсов был 201 научный работник и 135 учителей¹⁵. При этом повышенное внимание руководство уделяло числу литовцев среди слушателей. Учреждение заняло важное место в системе

¹¹ Отчет о научно-исследовательской работе...: 5.

¹² Долгова 2014: 191.

¹³ Зубкова 2008: 146-147.

¹⁴ Отчет о работе Вечернего Университета марксизма-ленинизма... L. 38.

¹⁵ Справка о работе Вечернего Университета марксизма-ленинизма... L. 22.

просвещения городской партийной организации. Перспективных молодых специалистов отправляли в Москву и Ленинград. В частности, была налажена практика посылки аспирантов республиканской Академии наук «в творческие командировки и научные центры» двух крупнейших городов страны¹⁶. В 1951 г. в аспирантуру вузов Москвы и Ленинграда поступило 13 выпускников Вильнюсского университета, в 1952 г. – 15¹⁷.

По словам Президента АН Литовской ССР Ю.Ю. Матулиса, «литовские ученые только при советской власти получили неограниченные возможности для творческого, вдохновенного труда. Перед наукой и культурой раскрылись новые, широкие горизонты. Наука освободилась от тисков реакции и от службы узким интересам кучки капиталистов и помещиков, перешла на службу литовского народа»¹⁸. На практике это означало абсолютную неприемлемость любой «аполитичности» в научной работе. Так, ряд преподавателей Каунасского университета критиковался за то, что они «аполитично преподают свои дисциплины, мало содействуют политическому воспитанию молодых советских кадров», «не стараются выявить приоритет русских и советских ученых»¹⁹. За «аполитичность и низкопоклонство перед буржуазной западной наукой» некоторые были сняты с работы²⁰.

Идейно-воспитательная работа в вузах включала создание научных студенческих кружков. Такой кружок действовал на кафедре философии Вильнюсского университета. Среди обсуждавшихся в 1949–1952 гг. тем – «Философские взгляды Добролюбова», «Учение Марра о происхождении языка», «Диалектический материализм и мичуринское биологическое учение», «Теория И.П. Павлова о высшей нервной деятельности и ее значение для марксистского философского материализма»²¹. На юридическом факультете университета в кружке политической экономии на слушали доклад «Реакционная наука Мальтуса и его современные последователи в США и друг[их] капит[алистических] странах»²². Для повышения партийной грамотности в университетах устраивали межкафедральные заседания, на которых обсуждали общетеоретические вопросы, в частности, «партийности науки», «марксистско-ленинского языкознания», борьбы материализма и идеализма²³.

Одна из самых распространенных форм пропаганды партийных установок – доклады и лекции, что было характерно и для идеологических кампаний в науке. Они являлись по возможности оперативными откликами на очередные изменения в научной жизни СССР и были при-

¹⁶ Справка о работе парторганизации Академии наук Литовской ССР [1952 г.]... Л. 2.

¹⁷ Справка о политико-воспитательной работе... Л. 22.

¹⁸ Матулис 1950: 20.

¹⁹ Годовой отчет... Л. 11.

²⁰ Там же. Л. 55.

²¹ Отчет о работе Вильнюсского государственного университета... Л. 54.

²² Научно-атеистическая работа... Л. 6-13.

²³ Отчет о работе Вильнюсского государственного университета... Л. 67.

званы разъяснить их партийным и научно-преподавательским кадрам. По итогам августовской сессии ВАСХНИЛ в Вечернем университете марксизма-ленинизма была прочитана лекция на тему «Творческий советский дарвинизм» (лекцию читал директор Института биологии академик Т.Л. Иванукас)²⁴. По разработанному в Литовской АН учебному плану семинара секретарей комсомольских организаций вузов на 1951 г. первая лекция была на тему «Значение трудов товарища Сталина “Марксизм и вопросы языкознания” для развития общественных наук»²⁵. В лектории выходного дня Каунасского университета в 1949/1950 уч. г. были прочитаны лекции: «И.П. Павлов – великий русский физиолог», «Великий план преобразования природы», «Путь человечества от предрассудков к науке», «Изобретатель радио А.С. Попов»²⁶. В целях повышения идейно-политического уровня на советах факультетов и на заседаниях кафедр того же университета «обсуждались отдельные научно-исследовательские работы, причем особое внимание уделялось идейно-политической направленности научно-исследовательской работы, развитию мичуринской биологической науки, советского патриотизма и борьбе с буржуазной лженаукой»²⁷. Для студентов Каунасского университета организовывались походы в кино, в т.ч. на картины «Академик Иван Павлов» и «Мичурин»²⁸, в которых ученые показаны пламенными патриотами и непримиримыми борцами с идеализмом.

Отдельные кампании удостоивались специальных научных конференций. После Павловской сессии Вильнюсский университет и Академия наук провели совместную конференцию, посвященную 100-летию И.П. Павлова.²⁹ В 1950/1951 учеб. году была организована конференция, посвященная труду И.В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания»³⁰. Актуальные вопросы противостояния на научном фронте рассматривались и в рамках атеистической пропаганды. Так, в Каунасском политехническом институте была проведена общеинститутская студенческая конференция, которую открывал общий доклад на тему «Борьба материализма против идеализма в современной науке», а среди остальных были «Борьба материализма и религии на основных этапах истории общества» и «Маразм современной буржуазной философии»³¹.

Наглядным средством пропаганды должны были стать выставки. Упомянутая выше конференция к 100-летию И.П. Павлова сопровождалась выставкой, посвященной жизни и деятельности ученого³². В биб-

²⁴ Справка о состоянии учебной работы и подготовке к экзаменам... L. 17-21.

²⁵ Учебный план семинара секретарей комсомольских организаций вузов... L. 11.

²⁶ Годовой отчет... L. 50.

²⁷ Там же. L. 63.

²⁸ Там же. L. 62.

²⁹ Отчет о работе Вильнюсского государственного университета... L. 114.

³⁰ Справка о работе Вильнюсского государственного университета... L. 29.

³¹ План антирелигиозной пропаганды... L. 105-106.

³² Отчет о работе Вильнюсского государственного университета... L. 114.

лиотеке Каунасского университета в 1949/1950 учебном году была организована выставка «Борьба двух направлений в биологии»³³.

Критика и самокритика

Политика власти в рамках осуществления научных кампаний подразумевала не только пропаганду и популяризацию признанных единственно верными теорий и учений, но и предельно внимательный контроль над тем, насколько ученое и преподавательское сообщество последовательно руководствуется ими в своей работе. В связи с этим навязывался один из уже хорошо знакомых ученым СССР «культурных ритуалов» – критика и самокритика³⁴, который являлся способом постановки литовской науки и образования на верные идеологические рельсы. Так, согласно партийной организации Каунасского медицинского института все существовавшие «недостатки по идейно-политическому воспитанию профессорско-преподавательского состава и студентов» имели место потому, что «в институте не развернута здоровая, принципиальная критика и самокритика»³⁵. В докладе о работе Академии наук Литовской ССР за 1952 г. утверждалось, что критика и самокритика должны стать повседневным методом творческой работы и подготовки кадров³⁶.

Неотъемлемой частью отчетов о работе научных и образовательных учреждений было перечисление недостатков и просчетов, требовавших исправлений. Любая информация о них тщательно фиксировалась и подвергалась критике. Это относилось и к учителям школ, и к преподавателям вузов, и к научным работникам. Весьма болезненно проходила перестройка преподавания биологических наук в школах республики в рамках выполнения постановления ЦК ВКП(б) от 20 сентября 1948 г. «Об улучшении преподавания биологических дисциплин»: «Многие учителя-биологи допускают объективизм и аполитичность в преподавании, не умеют использовать естественно-научный материал для формирования у учащихся научно-материалистического понимания мира»³⁷.

В Вильнюсском университете среди недостатков работы отмечалась нехватка учебников по общественным наукам, материализму, генетике с основами селекции, а также то, что долгое время не проводились занятия по дарвинизму³⁸. Острой критике подвергся доцент Наркунас, который полагал «павловское направление в медицине модным увлечением» и не верил «в его положительные результаты»³⁹. Преподаватели медицинского и фармацевтического факультетов Каунасского универ-

³³ Годовой отчет Каунасского государственного университета... L. 47.

³⁴ Кожевников 1997: 33.

³⁵ Справка о выполнении постановления бюро... L. 107.

³⁶ Доклад о работе Академии наук Литовской ССР [1952 г.]... L. 38.

³⁷ Справка о состоянии преподавания биологических наук в школах... L. 121. Одна из учительниц на вопрос ученика: «Где можно посмотреть помидоры, привитые на картофеле?», ответила: «Поезжайте в Мичуринск, бывший Козлов». – Там же. L. 120.

³⁸ Отчет о работе Вильнюсского государственного университета... L. 22.

³⁹ Справка о политико-воспитательной работе в Вильнюсском университете... L. 19.

ситета недостаточно руководствовались в своей работе «достижениями мичуринской передовой биологической науки»⁴⁰. В Литовской ветеринарной академии критике подвергся заведующий кафедрой анатомии А.А. Пабиянкас, который «не включил ни одного вопроса о павловской физиологии» в экзаменационные билеты⁴¹. Заведующую кафедрой патологической анатомии Каунасского медицинского института Я.И.Лашене критиковали за то, что «в своих лекциях не раскрывает учения Павлова, излагает материал в отрыве от его учения, хотя в лекциях часто упоминает имя Павлова»⁴².

Подлинной трагедией была судьба философа-эмигранта, профессора Вильнюсского университета В.Э. Сеземана, в 1950 г. арестованного и приговоренного к 15 годам лагерей. Его обвиняли в идеализме, попытках «логизировать науку», «оторвать логические категории от реального мира и факты политической жизни превратить в абстрактные категории логики». За год до ареста его также критиковали за то, что он ничего не сделал для очистки библиотеки кафедры и приобретения новой советской литературы: «Во всей библиотеке была лишь одна книга из произведений классиков марксизма-ленинизма, книга Ленина “Материализм и эмпириокритицизм”, и то на немецком языке, а из текущей партийно-политической литературы – ни одной, даже брошюры. Зато все шкафы были переполнены произведениями идеалистов-мракобесов, даже немецких, итальянских, польских и литовских фашистов»⁴³.

Требования изменялись и к учащимся, для которых стало обязательным глубокое знание основ учений лидеров и кумиров позднесталинской науки. В справке о работе Вильнюсского университета в 1951 и 1952 гг. констатировалось: «Усвоение и проникновение павловского и мичуринского учения все еще носит неглубокий характер. В большей части эта работа ограничивается пропагандой идеи Павлова, Мичурина, Лысенко. В особенности на Медицинском факультете студенты на практике очень слабо чувствуют применение павловского учения в лечебном деле, отмечают формализм, показную сторону отдельных случаев применения учения Павлова... В результате отдельные студенты медики, оканчивающие университет, не могли дать достаточных ответов о значении труда Лепешинской, Павлова»⁴⁴. От студентов также требовалось понимание связи научных учений с общественными явлениями, борьбой с «мракобесием» и «буржуазной идеологией»⁴⁵.

Критиковалась медленная перестройка научной работы и в Академии наук республики: «Научные работы большинства Институтов Ака-

⁴⁰ Годовой отчет Каунасского государственного университета... L. 99.

⁴¹ Справка о работе кафедры «Основ марксизма-ленинизма»... L. 20.

⁴² Справка о выполнении постановления бюро... L. 104-105.

⁴³ Отчет о работе Вильнюсского государственного университета... L. 53-54, 62.

⁴⁴ Справка о работе Вильнюсского государственного университета... L. 36.

⁴⁵ Там же. L. 22, 25.

демии носят узкопрактический характер. Недостаточно разрабатываются важные теоретические и комплексные народно-хозяйственные проблемы. Гуманитарные и другие институты медленно перестраивают свою работу в соответствии с гениальными трудами И.В. Сталина по вопросам языкознания и недостаточно борются за создание обобщающих трудов и учебных курсов по истории литовского народа, литовской литературе, слабо выполняют указания VI съезда КП(б) Литвы о марксистской разработке культурного наследия литовского народа, недостаточно разрабатываются вопросы мичуринской биологии и физиологического учения Павлова»⁴⁶.

Перестройка научной работы

Ученое сообщество республики было вынуждено оперативно перестраивать научную деятельность, руководствуясь партийными директивами и указаниями из Москвы. Это относилось ко всем составляющим работы: преподаванию, публикациям, выступлениям на конференциях, публицистике и т.д. С началом очередной кампании перестройка преподавания той или иной дисциплины обсуждалась на ученых советах научных учреждений⁴⁷. При этом далеко не всегда ученым удавалось ограничиться лишь ритуальными отсылками к И.П. Павлову, И.В. Мичурину или упоминанием во вступлении «гениального труда» И.В. Сталина по вопросам языкознания и побед советской науки. Практически любой вопрос должен был получать конкретный марксистско-ленинский анализ, а в работах проходить идейно-политическая научная линия.

Среди достижений в перестройке работы Вильнюсского университета его ректор И.Т. Бучас, в частности, отмечал: «В своих лекциях профессора и преподаватели подчеркивали реакционный характер буржуазной науки, гнилую буржуазную культуру, тем самым выявляя приоритет советской науки, ее связь с практикой и с интересами народа. <...> Разоблачалась преступная политика англо-американского империализма, реакционная идеология империалистических поджигателей войны, мракобесие современной буржуазной науки»⁴⁸. С целью более глубокого проникновения павловского и мичуринского учения он высказывал мысль о необходимости привлечения на кафедру естественных наук специалистов «для перестройки работы факультета на основе учений Павлова, Мичурина, Лысенко»⁴⁹. Преподавательский состав кафедры политэкономии того же университета обсудил на заседании приказ Министерства Высшего образования СССР от 5 ноября 1949 г. о преподавании биологических наук в высшей школе и мерах по его улучшению. После этого «преподаватели кафедры активно включились в разъяснение превосходства мичуринской биологии на лекциях и семинарских

⁴⁶ Справка о работе парторганизации Академии наук Литовской ССР... Л. 5-6.

⁴⁷ Отчет о работе Вильнюсского государственного университета... Л. 104.

⁴⁸ Там же. Л. 11, 34.

⁴⁹ Справка о работе Вильнюсского государственного университета... Л. 31.

занятиях по политэкономии, критикуя реакционную мальтузианскую теорию и показывая гигантские достижения советской биологической науки»⁵⁰. К достижениям Каунасского университета относилось то, что «учебный процесс по сравнению с прежними годами улучшился – профессоры и преподаватели все более осваивают методику преподавания – лекционный материал дается на базе требований практической жизни, выявляется приоритет русских и советских ученых, надлежащим образом оцениваются их заслуги во всех отраслях науки и техники»⁵¹.

Положительные характеристики ученых обязательно включали упоминание их заслуг в деле адаптации читаемых курсов и научных работ под задачи перестройки научной жизни. Например, преподаватель кафедры марксизма-ленинизма Каунасского медицинского института Новикова, по заключению заведующего кафедрой П. Казакова, допускала «неряшливость в отборе материала», но зато «лекции и на семинарских занятиях иллюстрировала важнейшими выводами из учения Павлова, Мичурина, <...> широко использовала работу И.В. Сталина “Марксизм и вопросы языкознания”»⁵². В аннотации к своему учебнику по физике для школы профессор К.М. Баршаускас в качестве несомненных достоинств отмечал: «В начале каждого раздела дается историческо-марксистское обозрение. Широко выявлены заслуги русских и советских ученых. До минимума сокращено число упоминаемых зарубежных физиков; выдвинуты передовики советской науки; ведется борьба против идеализма и религиозных суеверий»⁵³.

Стали появляться исследования, непосредственно связанные с тематикой кампаний в науке. Например, преподаватель кафедры философии Вильнюсского университета И.М. Закас уже в 1949 г. вел работу над кандидатской диссертацией на тему «Борьба материализма и идеализма в биологии в буржуазной Литве»⁵⁴. В 1955 г. он успешно защитил ее в Ленинградском университете под названием «Из истории борьбы материализма против религиозно-идеалистических взглядов в биологии в Литве (1919–1940 гг.)». Младший научный сотрудник Института сельского хозяйства Отделения естественно-математических и прикладных наук АН Литовской ССР И. Лукошевичус в работе «Кормовая база для развития животноводства Литовской ССР» произвел «анализ распределения земельных площадей республики по угодьям и возможностей их трансформации в свете внедрения травопольной системы земледелия академика Вильямса в условиях республики, учитывая состояние водного режима земельных угодий»⁵⁵. Руководство этого же института в от-

⁵⁰ Отчет о работе Вильнюсского государственного университета... Л. 46.

⁵¹ Годовой отчет Каунасского государственного университета... Л. 22-23.

⁵² Отчет о работе кафедры марксизма-ленинизма и политэкономии... Л. 2-13.

⁵³ Аннотация учебника «Физика» ...

⁵⁴ Отчет о работе Вильнюсского государственного университета... Л. 63.

⁵⁵ Отчет о научно-исследовательской работе Академии наук... Т. 2... Л. 73.

чете о работе за 1950 г. уверяло, что вся его научно-исследовательская работа «основывается на достижениях прогрессивной советской агробиологии, на учении Мичурина – Вильямса – Лысенко»⁵⁶. В Академии наук была создана редакционная комиссия по изданию избранных трудов И.П. Павлова на литовском языке, и к концу 1950 г. перевод уже был закончен⁵⁷. 29-30 сентября 1950 г. Академией наук Литовской ССР совместно с Вильнюсским и Каунасским университетами, Вильнюсским педагогическим институтом и Министерством здравоохранения Литовской ССР была организована научная сессия, посвященная проблемам физиологического учения академика И.П. Павлова. Сессия «единодушно одобрила постановления сессии Академии наук СССР и Академии медицинских наук СССР и приняла постановления – обязать все научно-исследовательские учреждения, институты и высшие учебные заведения республики подвергнуть основному пересмотру планы научно-исследовательских работ и учебные программы, согласовав их с требованиями учения И.П. Павлова»⁵⁸.

После развенчания учения Н.Я. Марра, когда период его доминирования в советской науке был назван И.В. Сталиным «аракчеевским режимом», потребовалась перестройка работы далеко не только в области языкознания. Руководство Академии наук Литовской ССР отмечало, что работа «Марксизм и вопросы языкознания» является «величайшим достижением советской науки», и что «труды товарища Сталина еще ярче выявили значение марксистско-ленинской теории для любой отрасли науки»⁵⁹. Институт литовского языка Отделения общественных наук 30 июня 1950 года организовал специальное совещание, на котором было «подчеркнуто огромное значение языковедческих трудов И.В. Сталина для расцвета советского языкознания, для развития литуанистики»⁶⁰. Также «в связи с изданием гениальных трудов товарища Сталина по языкознанию» пришлось пересмотреть вторую редакцию Словаря литовского литературного языка⁶¹.

Универсальной для всех наук была задача борьбы с «буржуазными пережитками», космополитизмом, «низкопоклонством перед Западом» и «мракобесием». Применительно к идее о «национальном приоритете» в науке это тесно связывалось с переоценкой роли русской науки для Литвы. Ю.Ю. Матулис, повторяя слова советских коллег, писал о том, что отныне «ученые Советской Литвы, опираясь на огромный опыт, накопленный в научно-исследовательской работе братских советских республик, приобщаясь к передовой русской культуре, вносят свой

⁵⁶ Там же. Л. 33.

⁵⁷ Отчет о научно-исследовательской работе Академии наук... Т. 1. Л. 28.

⁵⁸ Там же. Л. 27.

⁵⁹ Там же. Л. 5.

⁶⁰ Отчет о научно-исследовательской работе Академии наук... Т. 3. Л. 29.

⁶¹ Там же. Л. 17.

вклад в дальнейшее развитие науки» и «разоблачают идеологов буржуазной науки, выявляют их реакционные тенденции и пресекают путь низкопоклонству перед растленной культурой Запада и ее тлетворных идей». ⁶² Директор Института истории АН республики Ю.И. Жюгжда в статье «Великий русский народ», кроме слов благодарности в адрес «старшего брата», «руководящей силе всех народов нашей страны» и восхваления создателя «творческого советского дарвинизма» И.В. Мичурина, поднявшего биологическую науку на высшую ступень», отметил: «Нет такой отрасли науки, нет такой области исследований, где бы русская наука не сделала первых открытий и изобретений, или где бы она не выдвинулась на ведущее место в мире» ⁶³.

Отделение общественных наук Академии в отчете за 1950 г. сообщало, что «во всех работах разоблачались “теории” буржуазных националистов о мнимом прогрессе хозяйства в буржуазной Литве, показывался эксплуататорский, грабительский характер экономики буржуазной Литвы, превращение ее в полуколониальный придаток экономики западных империалистических держав, все возрастающую эксплуатацию и обнищание рабочих и крестьян». ⁶⁴ В исследованиях по истории Литвы подчеркивалась вековая дружба русского и литовского народов ⁶⁵.

О необходимости пропаганды советской культуры и критики буржуазной постоянно говорилось на партийных собраниях научных учреждений. Так, на собрании первичной партийной организации Вильнюсского университета 15 сентября 1947 г. первым вопросом на повестке дня стал «О повышении уровня идеологической культуры в Университете и задачах парторганизации в борьбе с буржуазной идеологией и низкопоклонством перед буржуазной культурой Запада». В прениях по докладу ректора начальник отдела военной подготовки генерал-майор В.А. Карвялис заявил, что война «показала превосходство сталинской стратегии над капиталистической стратегией», а «советская военная техника превосходит буржуазную технику». Собрание пришло к выводу, что советские ученые и учащаяся молодежь «упорно работают над осуществлением лозунга Великого Сталина “догнать и перегнать достижения науки за пределами нашей страны”», чем умножают «славу и могущество нашей Родины» ⁶⁶. При этом было констатировано: часть интеллигенции «проявляет низкопоклонство перед гниющей культурой буржуазных стран, замалчивает достижения советского строя» Низкопоклонство находит выражение в т.ч. в аполитичности, «отказе от перестройки всей работы на основе марксизма при признании марксизма на словах», «проведении достижений буржуазной науки и замалчивания

⁶² Матулис 1950: 21, 27.

⁶³ Жюгжда 1950: 15, 18-19.

⁶⁴ Отчет о научно-исследовательской работе Академии наук... Т. 3. Л. 89.

⁶⁵ План работ Академии наук Литвы в 1948 г.... Л. 92.

⁶⁶ Протокол собрания первичной партийной организации... Л. 39-40.

достижений передовой советской науки», «в игнорировании советской учебной и научной литературы»⁶⁷. В связи с чем необходимо «пропагандировать преимущество и достижение советского строя, достижения передовых русских ученых, достижения советской науки, разоблачая маразм и распыления продажной буржуазной науки и культуры»⁶⁸.

Партбюро столичного университета занималось обсуждением стенограмм лекций на кафедрах и ученых советах, и в отчете за 1948 г. обещало непримиримую борьбу за то, «чтобы все лекции были пронизаны идеями великого учения Ленина – Сталина, чтобы был дан решительный отпор всем фактам проявления либерализма и низкопоклонству перед буржуазной наукой и культурой, с широким и глубоким разъяснением превосходства Советской науки и культуры перед буржуазной наукой и культурой»⁶⁹. В 1952 г. университет отчитывался о продолжающейся успешной борьбе с «растленной буржуазной культурой»⁷⁰.

***

Форсированное идеологическое наступление на науку в послевоенной Литве осуществлялось путем использования целого комплекса методов. В первую очередь, научная деятельность стала изображаться невозможной вне идеологии и политики. Разумеется, аполитичность требовалось заменить не «буржуазным национализмом», а лишь подлинным марксизмом-ленинизмом и «советским патриотизмом». Его символами стали, кроме непосредственно И.В. Сталина, такие фигуры, как И.П. Павлов, Т.Д. Лысенко, И.В. Мичурин, В.Р. Вильямс, а также ряд выдающихся русских ученых досоветского периода. Пропаганда новых установок осуществлялась путем повышения квалификации сотрудников учебных и научных центров, организации конференций, лекций, кружков, выставок. Параллельно велся жесткий контроль над фактической имплементацией поддерживаемых властью научных теорий и учений в учебный и научный процесс, и в случае неудовлетворительных результатов отдельные ученые, научные коллективы и научные центры подвергались резкой критике и санкциям. Признанные единственно верными научные направления должны были становиться руководством для преподавателей и ученых, а уровень подготовки учащихся определялся, в том числе, и их пониманием основ учений корифеев советской науки. В результате подобной политики адаптация академических практик ученых Литовской ССР под «ритуалы», хорошо известные в СССР уже несколько десятилетий, прошла достаточно быстро. Каноны науки социалистического реализма стали понятны как продвигаемым их партийным органам, так и ученому сообществу.

---

⁶⁷ Там же. Л. 40.

⁶⁸ Там же. Л. 42.

⁶⁹ Доклад «О работе Партбюро...». Л. 116.

⁷⁰ Постановление партийного собрания... по докладу тов. Григониса... Л. 3.

Архивные материалы

- Аннотация учебника «Физика», I-II части, предназначенного для VIII-IX классов средней школы, проф. докт. Баршаускас Казиса Матасовича [1951-1952 г.] // LYA. F. 1771. Ap. 116. B. 11. L. 110.
- Годовой отчет Каунасского государственного университета за 1949-1950 учебный год // LYA. F. 1771. Ap. 81. B. 8. L. 1-126.
- Доклад «О работе Партбюро Вильнюсского государственного университета», 30 сентября 1948 г. // LYA. F. 7017. Ap. 1. B. 7. L. 105-117.
- Доклад о работе Академии наук Литовской ССР [1952 г.] // LYA. F. 1771. Ap. 116. B. 12. L. 33-52.
- Научно-атеистическая работа в Вильнюсском государственном университете в первом полугодии 1951-1952 учебного года // LYA. F. 1771. Ap. 116. B. 3. L. 6-13.
- О работе кафедры философии Вильнюсского государственного университета за 1-е полугодие 1951-1952 учебного года // LYA. F. 1771. Ap. 116. B. 2. L. 44-57.
- Отчет о научно-исследовательской работе Академии наук Литовской ССР за 1950 г. Т. 1 // LYA. F. 1771. Ap. 81. B. 11. L. 1-520.
- Отчет о научно-исследовательской работе Академии наук Литовской ССР за 1950 г. Т. 2 // LYA. F. 1771. Ap. 81. B. 12. L. 1-75.
- Отчет о научно-исследовательской работе Академии наук Литовской ССР за 1950 г. Т. 3 // LYA. F. 1771. Ap. 81. B. 13. L. 1-521.
- Отчет о работе Вечернего Университета Марксизма-Ленинизма при Вильнюсском Горкоме КП(б) Литвы за 1948-1949 учебный год // Lietuvos upatingasis archyvas (LYA). F. 1771. Ap. 61. B. 13. L. 38-47.
- Отчет о работе Вильнюсского государственного университета за 1949-1950 учебный год // LYA. F. 1771. Ap. 81. B. 7. L. 1-185.
- Отчет о работе кафедры марксизма-ленинизма и политэкономии Каунасского государственного медицинского института за 1950-1951 г. // LYA. F. 1771. Ap. 106. B. 3. L. 2-13.
- План антирелигиозной пропаганды Каунасского политехнического института на второй семестр 1951-1952 учебного года // LYA. F. 1771. Ap. 116. B. 11. L. 105-107.
- План работ Академии наук Литвы в 1948 г. // Lietuvos centriniam valstybės archyviui. F. R-1001. Ap. 2. B. 68a. L. 1-119.
- Постановление партийного собрания Вильнюсского государственного университета по докладу тов. Григониса «Об итогах VII-го съезда КП(б) Литвы» от 13/X-1952 года // LYA. F. 1771. Ap. 116. B. 3. L. 1-4.
- Протокол собрания первичной партийной организации Вильнюсского университета от 15 сентября 1947 г. // LYA. F. 7017. Ap. 1. B. 4. L. 39-42.
- Справка о выполнении постановления бюро Каунасского ГК КП Литвы от 15 апреля 1952 года «О работе партийной организации медицинского института по идейно-политическому воспитанию профессорско-преподавательского состава и студентов и сигналов печати газет “Тiesa” от 6 марта 1953 года и “Советская Литва”» от 27 февраля 1953 года // LYA. F. 1771. Ap. 137. B. 3. L. 99-110.
- Справка о политико-воспитательной работе в Вильнюсском государственном университете [1 декабря 1952 г.] // LYA. F. 1771. Ap. 116. B. 3. L. 14-25.
- Справка о работе Вильнюсского государственного университета в 1951 и 1952 году // LYA. F. 1771. Ap. 116. B. 2. L. 19-36.
- Справка о работе кафедры «Основ марксизма-ленинизма» и политической экономии Литовской Ветеринарной академии [1952 г.] // LYA. F. 1771. Ap. 116. B. 5. L. 18-21.
- Справка о работе парторганизации Академии наук Литовской ССР [1952 г.] // LYA. F. 1771. Ap. 116. B. 12. L. 1-32.
- Справка о состоянии преподавания биологических наук в школах и педагогических учебных заведениях республики // LYA. F. 1771. Ap. 61. B. 2. L. 120-123.
- Справка о состоянии учебной работы и подготовке к экзаменам в Вечернем университете марксизма-ленинизма при Вильнюсском ГК КП(б) Литвы на 1 мая 1949 г. // LYA. F. 1771. Ap. 61. B. 13. L. 17-21.
- Учебный план семинара секретарей комсомольских организаций вузов // LYA. F. 1771. Ap. 106. B. 2. L. 11.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Алпатов В.М. История одного мифа: Марр и марризм. Изд. 3-е.- М.: Едиториал УРСС, 2011. 288 с. [Alpatov V.M. Istoriya odnogo mifa: Marr i marrizm. Izd. 3-e. M.: Editorial URSS, 2011. 288 s.]
- Алпатов В.М. Марр, марризм и сталинизм // Философские исследования. 1993. № 4. С. 271-288. [Alpatov V.M. Marr, marrizm i stalinizm // Filosofskie issledovaniya. 1993. № 4. S. 271-288.]
- Аршавский И.А. О сессии «двух Академий» // Репрессированная наука. Выпуск 2. СПб.: Наука, 1994. С. 239-242. [Arshavskij I.A. O sessii «dvuh Akademij» // Repressirovannaya nauka. Vypusk 2. Spb.: Nauka, 1994. S. 239-242.]
- Виргинский В.С., Клат С.А., Комшилова Т.В., Лист Г.Н. Как творятся мифы в истории техники. (К истории вопроса о «велосипеде Артамонова») // Вопросы истории естествознания и техники. 1989. № 1. С. 150-157. [Virginskij V.S., Klat S.A., Komshilova T.V., List G.N. Kak tvoryatsya mify v istorii tekhniki. (K istorii voprosa o «velosipede Artamonova») // Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki. 1989. № 1. S. 150-157.]
- Долгова Е.А. Об одной «стратегии» социальной адаптации «старой профессуры» в 1920-е гг. // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2014. № 1(123). С. 188-193. [Dolgova E.A. Ob odnoj «strategii» social'noj adaptacii «staroj professury» v 1920-e gg. // Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istorija. Mezhdunarodnye otnosheniya. Zarubezhnoe regionovedenie. Vostokovedenie. 2014. № 1(123). S. 188-193.]
- Есаков В.Д. Сталинские суды чести: масштаб и последствия // Труды Института российской истории. Вып. 7 / Отв. ред. А.Н. Сахаров. М.: ИРИ РАН, 2008. С. 252-272. [Esakov V.D. Stalinskije sudy chesti: masshtab i posledstviya // Trudy Instituta rossijskoj istorii. Vyp. 7 / Otv. red. A.N. Saharov. M.: Institut rossijskoj istorii, 2008. S. 252-272.]
- Жюгжда Ю.И. Великий русский народ // Коммунист. Журнал ЦК КП(б) Литвы. 1950. № 5. С. 15-23. [Zhyugzhdha YU.I. Velikij russkij narod // Kommunist. ZHurnal CK KP(b) Litvy. 1950. № 5. S. 15-23.]
- Зубкова Е.Ю. Прибалтика и Кремль. 1940–1953. М.: РОССПЭН, 2008. 351 с. [Zubkova E.YU. Pribaltika i Krem'. 1940–1953. M.: ROSSPEN, 2008. 351 s.]
- Кожевников А.Б. Игры сталинской демократии и идеологические дискуссии в советской науке: 1947-1952 гг. // Вопросы истории естествознания и техники. 1997. № 4. С. 26-58. [Kozhevnikov A.B. Iгры stalinskoj demokratii i ideologicheskie diskussii v sovetskoj nauke: 1947-1952 gg. // Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki. 1997. № 4. S. 26-58.]
- Колчинский Э.И., Ермолаев А.И. Разгромный август 1948 г.: как власть боролась с биологией // Политическая концептология. 2018. № 3. С. 89-112. [Kolchinskij E.I., Ermolaev A.I. Razgromnyj avgust 1948 g.: kak vlast' borolas' s biologiej // Politicheskaya konceptologiya. 2018. № 3. S. 89-112.]
- Кривonosов Ю.И. Сражение на философском фронте (философская дискуссия 1947 года – пролог идеологического погрома науки) // Вопросы истории естествознания и техники. 1997. № 3. С. 63-86. [Krivonosov YU.I. Srazhenie na filosofskom fronte (filosofskaya diskussiya 1947 goda – prolog ideologicheskogo pogroma nauki) // Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki. 1997. № 3. S. 63-86.]
- Матулис Ю. К дальнейшему расвету науки // Коммунист. Журнал ЦК Кп(б) Литвы. 1950. № 5. С. 20-27. [Matulis YU. K dal'nejshemu rascvetu nauki // Kommunist. ZHurnal CK Kp(b) Litvy. 1950. № 5. S. 20-27.]
- Наука великого народа // Техника – молодежи. 1947. № 10. С. 1-2. [Nauka velikogo naroda // Tekhnika – molodezhi. 1947. № 10. S. 1-2.]
- «Павловская сессия» 1950 г. и судьбы советской физиологии. Круглый стол // Вопросы истории естествознания и техники. 1988. № 3. С. 129-141; № 4. С. 147-156; 1989. № 1. С. 94-108. [«Pavlovskaya sessiya» 1950 g. i sud'by sovetskoj fiziologii. Kruglyj stol // Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki. 1988. № 3. S. 129-141; № 4. S. 147-156; 1989. № 1. S. 94-108.]
- Плимак Е.Г. «Надо основательно прочистить мозги»: (К 50-летию философской дискуссии 1947 г.) // Вопросы философии. 1997. № 7. С. 10-20. [Plimak E.G. «Nado osnovatel'no prochistit' mozgi»: (K 50-letiyu filosofskoj diskussii 1947 g.) // Voprosy filosofii. 1997. № 7. S. 10-20.]
- Сидорчук И.В. Н.Я. Марр и марризм в западной историографии // Диалог со временем. 2017. № 58. С. 330-339. [Sidorchuk I.V. N.YA. Marr i marrizm v zapadnoj istoriografii // Dialog so vre-menem. 2017. № 58. S. 330-339.]

- Сойфер В.Н. Власть и наука. (Разгром коммунистами генетики в СССР). М.: ЧеРо, 2002. 1024 с. [Sofjer V.N. Vlast' i nauka. (Razгром kommunistami genetiki v SSSR). М.: СНеРо, 2002. 1024 s.]
- Сталин и космополитизм. Документы Агитпропа ЦК, 1945–1953 / Под общ. ред. акад. А.Н. Яковлева; Сост. Д.Г. Наджафов, З.С. Белоусова. М.: МФД; Материк, 2005. 765 с. [Stalin i kosmopolitizm. Dokumenty Agitpropa SK, 1945–1953 / Pod obshch. red. akad. A.N. YAkovleva; Sost. D.G. Nadzhafov, Z.S. Belousova. М.: МФД; Мате-рик, 2005. 765 s.]
- Фатеев А.В. Образ врага в советской пропаганде, 1945–1954 гг. М.: Институт российской истории, 1999. 261 с. [Fateev A.V. Obraz vraga v sovetsoj propagande, 1945–1954 gg. М.: Institut rossijskoj istorii, 1999. 261 s.]
- Brushlinsky A. The «Pavlovian» session of the two academies // European Psychologist. 1997. No. 2. P. 102–105.
- Gretchko V. Между утопией и ‘Realpolitik’: Марр, Сталин и вопрос о всемирном языке // Russian Linguistics. 2010. Vol. 34. № 2. P. 159–172.
- Joravsky D. The Lysenko Affair. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1970. 474 p.
- Kolchinsky E.I., Kutschera U., Hossfeld U., Levit G.S. Russia's new lysenkoism // Current Biology. 2017. Vol. 27. No. 19. P. R1042–R1047.
- L'Hermitte R. Marr, marrisme, marristes; science et perversion idéologique: une page de l'histoire de la linguistique soviétique. Institut d'études slaves. Paris. 1987. 102 p.
- Rogger H. Americanism and the Economic Development of Russia // Comparative Studies in Society and History. 1981. Vol. 23. No. 3. P. 382–420.
- Stites R. Revolutionary Dreams. Utopian vision and experimental life in the Russian Revolution. New York: Oxford University Press, 1989. P. 145–149.

Илья Викторович Сидорчук, кандидат исторических наук, доцент, кафедра проблем междисциплинарного синтеза в области социальных и гуманитарных наук, факультет свободных искусств и наук, Санкт-Петербургский государственный университет; i.sidorchuk@spbu.ru

The establishment of late Stalinist science in the Lithuanian SSR (1945–1953)

The article focuses on the history of the establishment of late “Stalinist science” in the Lithuanian SSR, including the analysis of the practices of the construction and the working out of mechanisms for the introduction of new scientific dogmas in educational and scientific life of the Republic, and the analysis of the process of adaptation of the multinational academic community to massive propaganda campaigns. The source base of the study is formed by the documents of the Central Committee of the Communist party of the Lithuanian SSR (Fund 1771), stored in the Lithuanian Special Archives (Lietuvos ypatingajame archyve).

Keywords: History of science, pseudoscience, Stalinism, Lithuania, Lysenkoism, Ivan Pavlov, Ivan Michurin, Pavlovian session

Ilya Sidorchuk, Ph.D. in History, associate professor, Department of Problems of Interdisciplinary Synthesis in the Field of Social Sciences and Humanities, Faculty of Liberal Arts and Sciences, St. Petersburg State University; i.sidorchuk@spbu.ru

ФОРМИРОВАНИЕ КАЗАНСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ И ЕЁ РОЛЬ В РАЗВИТИИ СИСТЕМЫ ОХРАНЫ ИСТОРИКО- КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ РОССИИ И ТАТАРСТАНА

В статье проанализированы исторические предпосылки становления Казанской археологической школы: процессы, происходившие в XVIII–XIX вв., IV Археологический съезд (1877), создание Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете (1878), появление государственной и общественной форм охраны культурного наследия. Окончательно сформировавшаяся в 1950-е гг. Казанская археологическая школа сыграла важную роль в развитии системы охраны культурного наследия Татарстана и РФ, что способствовало увеличению объема исследовательских и реставрационных работ, изданию многочисленных публикаций, в т.ч. «Свода памятников истории и культуры РТ», принятию законодательных и нормативных актов, реализации комплексных государственных программ, включению трёх объектов Татарстана в Список всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО, участию в других общероссийских и международных проектах.

Ключевые слова: археология, музеи-заповедники, Казанский университет, объекты ЮНЕСКО, «восходящий процесс»

Предпосылки становления Казанской археологической школы, которая сформировалась во второй половине XX в., связаны с подготовкой и проведением в г. Казани в 1877 г. IV Археологического съезда России. В изданной в рамках работы по проведению съезда известной монографии С.М. Шпилевского «Древние города и другие булгаро-татарские памятники в Казанской губернии» были проанализированы сведения об археологических памятниках периода средневековья и раскрыт огромный пласт культурного наследия Поволжско-Приуральского региона¹. В. Лялин сразу после съезда подчеркнул, что эта книга имеет «не только строго научное, но и политическое, государственное значение» и освещает «судьбы того загадочного тёмного края России, который ещё до начала русского государства жил исторической жизнью, имел свою довольно значительную для того времени самобытную культуру»².

Появление работ С.М. Шпилевского и других стало возможным благодаря накоплению фактического археологического материала, попыткам его анализа и обобщения, развитию методики изучения археологических памятников, государственному и частному коллекционированию XVIII–XIX вв., наиболее яркими примерами которых являются распоряжения Петра I (1722) – одного из первых указов об охране историко-археологических памятников в России, о реставрации Большого минарета в Болгарах, заложившего основы государственной формы

---

¹ Шпилевский 1877.

² Лялин 1877: 1. Позднее М.Г. Худяков оценивал работы российских археологов и казанских учёных и краеведов, написанные до революции с позиции исторического материализма и классовой борьбы, вводя элементы политической пропаганды советского времени, использовавшейся в 1930-е гг. – Худяков 1933: 65-69.

охраны памятников в Российской империи, и академические комплексные экспедиции XVIII в., связанные с именами Н.П. Рычкова, И.Г. Георги, И.И. Лепехина, П.С. Палласа и др. Интересная деталь, характеризующая подходы в формировании российской системы охраны памятников того времени: в период пребывания в Болгаре Пётр I распорядился сделать эстампы с болгарских и армянских эпитафий для Кунсткамеры и нанёс вблизи входа Большого минарета своё имя, о чём сообщает позже видевший этот текст художник Э. Турнерелли. Частное коллекционирование активно развивается в XIX в. в связи с деятельностью А.Ф. Лихачева, В.И. Заусайлова, Н.Ф. Высоцкого, Н.Ф. Толмачёва и др. В начале и середине XIX в. археологические памятники привлекают внимание краеведов, архитекторов и художников – П. Кондырева, А.К. Шмидта, Г.Г. и Н.Г. Чернецовых, А.А. Саврасова, И.И. Шишкина, М.С. Рыбушкина, Н.Н. Березина, П. Малова, Э. Турнерелли и др.

Третьей важной предпосылкой формирования школы стало проведение в Казани IV Археологического съезда России и создание в 1878 г. Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете (далее – ОАИЭ), открывшее новый этап в истории охраны памятников России, увязываемый с развитием общественной формы сохранения культурного наследия, деятельностью Московского археологического общества и более 130 обществ в городах России. ОАИЭ стало активно изучать археологические памятники, издавать известия, где публиковались материалы, приобретались коллекции, осуществлялась лекционная и музейная деятельность, что позволило расширить интерес к истории, прошлому народов Волго-Уралья и Сибири у городской и сельской интеллигенции. Циркуляры Министерства внутренних дел России определили необходимость передачи всех найденных на государственных землях древних предметов в Императорскую Археологическую Комиссию³, что позволило продолжить традицию, заложенную Петром I для сибирских курганов, о передаче археологических артефактов государству. ОАИЭ проводило их экспертизу, паспортизацию в виде рисунков и фототипий и давало информацию о месте последующего их хранения. ОАИЭ уделяло значительное внимание не только исследованию Болгарского городища, но и мерам по охране ряда архитектурно-археологических памятников – Белой, Греческой палаты, Соборной мечети, мавзолеев в районе Малого Минарета и др. Во многом по результатам работ, осуществленных членами ОАИЭ и краеведами, был составлен первый вариант Археологической карты Казанской губернии по системе сведений, принятой в Статистических комитетах губерний⁴.

Итак, XIX – начало XX в. стали важным периодом в соединении археологии и охраны памятников старины. Именно в Московском археологическом обществе и других общественных объединениях, в т.ч.

³ Циркулярное письмо 1882.

⁴ Износков 1885: 1; Объяснительная записка к археологической карте Казанской губернии... 1890.

ОАИЭ, произошло объединение потенциала учёных, краеведов, архитекторов, художников. IV Археологический съезд в Казани, огромная подготовительная работа при его организации, проведенная профессорами и преподавателями Казанского университета, составившими костяк ОАИЭ, привели к регулярному изучению археологических памятников и связанной с ними сферы охраны культурного наследия и музейного строительства. На съезде были подняты проблемы изучения восточных регионов России, историческая топография г. Казани, в целом, вопросы преподавания истории России, охраны археологических памятников, в том числе архитектурных объектов Болгара⁵. В 1880–1890-х гг. происходит подъем казанской университетской науки, в первую очередь окончательное становление казанской исторической школы⁶.

ОАИЭ и Общество естествоиспытателей при Казанском университете, в деятельности которого естественно-историческое направление «восточного края России и Сибири» заняло значительное место, сыграли важную роль в формировании коллекции музеев университета, организации научно-промышленной выставки, проведенной в Казани в 1890 г. и ставшей основанием открытия в 1895 г. городского музея⁷.

Революционные события 1917 г. стали точкой отсчета создания советской системы охраны культурного наследия – Казанского подотдела по делам музеев и охраны памятников искусства и старины (август 1919 г.), Академического центра Наркомпроса ТАССР (1921–1930), действовавшего до 1930 г. ОАИЭ, научного общества татароведения (1923–1929), Татарского бюро краеведения (1925–1928), Общества изучения Татарстана (1928–1930), Дома татарской культуры (1927–1930).

В 1920-х гг. казанские археологи открыли обширный слой потребителей результатов их изысканий⁸. В.А. Городцов писал: «Массы простого народа устремились в музеи древностей и с удивительным интересом рассматривают и изучают коллекции»⁹. Профессор Казанского университета Н.Н. Фирсов раскрывает новую тенденцию, «когда вопрос о самоопределении народностей и об автономии отдельных частей России из сферы государственной теории и политических программ перешёл в действительность, в более трудную и полную всяких неожиданностей, противоречий и трений сферу практической жизни. В самом деле, истинное право на всякую областную автономию политическую может дать лишь прошлое области, её история»¹⁰.

В 1920-е гг. ОАИЭ пришлось действовать в атмосфере идеологического притеснения, но в условиях военных действий, борьбы с голодом, религией, уничтожения культовых памятников, члены общества

⁵ Руденко 2014: 297-298.

⁶ Астафьев 2003: 50-61.

⁷ Руденко 2014: 288-289, 307-308.

⁸ Там же: 351.

⁹ Городцов 1925: 3.

¹⁰ Фирсов 1920: 3.

осуществляли деятельность, направленную на сохранение культурных ценностей, памятников Болгара и татарских этнографических памятников XIV–XVII вв., издание трудов, просветительскую и экскурсионную работу. Деятельность ОАИЭ при Казанском университете во многом способствовала преемственности в формировании казанской археологической школы и охраны памятников искусства и старины. В конце 1920-х гг. ведущую роль в формировании системы охраны культурного наследия на территории Татарской АССР стали играть члены Общества: Н.Ф. Калинин, В.В. Егоров, М.Г. Худяков, С.П. Вахидов, С.Х. Габяшев, П.И. Корнилов, Г.С. Губайдуллин, П.М. Дульский, Г.Г. Ибрагимов¹¹.

Одним из важных декретов советской власти было объявление культурного наследия достоянием всего народа. Вся работа по охране памятников по линии государства осуществлял созданный в 1919 г. – чуть позже, чем в Петрограде и Москве (1918) из-за событий Гражданской войны – Казанский подотдел по делам музеев и охраны памятников искусства и старины, а затем с 1921 г. – отдел охраны памятников старины, искусства и природы в составе Академического центра Наркомпроса ТАССР¹². Большую работу проводила также сеть краеведческих обществ, ОАИЭ при Казанском университете¹³.

Значительный объем археологических работ сосредотачивается в Казанском городском музее, где в 1919–1925 гг. работал М.Г. Худяков, в 1927–1936 гг., а затем с 1938 г. – Н.Ф. Калинин, с именем которого во многом связывается формирование казанской археологической школы. В музее также работали О.С. Хованская, А.М. Ефимова. Активную работу ведёт А.П. Смирнов, работавший в то время в Государственном историческом музее (Москва). Складывается паритетное сотрудничество двух археологов – А.П. Смирнова и Н.Ф. Калинина, в 1940–1950-е годы они готовят предложения по охране памятников в ТАССР¹⁴.

Н.Ф. Калинин, начав в 1941 г. преподавать в Казанском университете археологию, историю Татарстана до XIX в. и античного искусства и понимая необходимость подготовки собственных кадров, готовит в археологическом кружке молодых учёных-археологов и специалистов. А.П. Смирнов, организовавший в Болгарах систематические раскопки, привлекает к ним интересующихся археологией способных студентов из Казани и аспирантов – В.В. Седова, Г.А. Федорова-Давыдова, А.Х. Халикова, Н.Д. Аксенову¹⁵. Преемственность обеспечивается Н.Ф. Калининым через студенческий археологический кружок, археологический кабинет и учебный музей, раскопки в Болгарах, Гремячем Ключе, Рус-

¹¹ Руденко 2014: 352-357.

¹² Графеев, Валеев 2019: 151-158; Руденко 2014: 376-379; Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТАССР 1930.

¹³ Роль Общества археологии, истории и этнографии в исследовании и сохранении культурного наследия Волго-Уралья... 2014; Известия ОАИЭ 2014.

¹⁴ Руденко 2011: 96-99.

¹⁵ Руденко 2014: 381-383.

ско-Урматском селище, Тураевских курганах и коллекций из Крыма, Сарая и др.¹⁶ В археологическом кружке прошли школу А.Х. Халиков, Т.А. Хлебникова, В.Ф. Генинг, Е.П. Казаков, С.И. Валиуллина, А. Кочкина, автор данной статьи, И.Л. Измайлов, К.А. Руденко, К.Э. Истомин, А. Чижевский и многие другие, ставшие профессиональными учёными-археологами, специалистами в сфере охраны культурного наследия.

Н.Ф. Калинин работал с конца 1940-х гг. в Институте языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского филиала АН СССР, и постепенно развитие археологии переходит к этой академической структуре. В составе Института был создан сектор археологии и этнографии, с середины 1960-х гг. его возглавляет А.Х. Халиков и до начала 1990-х ведущим исследователем выступает он, его избирают членом-корреспондентом Академии наук Республики Татарстан. Все научно-образовательные учреждения Казани и Татарстана, в той или иной степени связанные с археологией, работали в рамках единой научной программы, разрабатываемой А.Х. Халиковым¹⁷. Ему через учеников удалось осуществить координацию разных структур: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, историко-филологический факультет (затем - исторический) Казанского государственного университета, историко-филологический факультет Казанского государственного педагогического института, Елабужский государственный педагогический институт, Государственный музей ТАССР, Болгарский и Билярский музеи-заповедники.

Создание нескольких археологических экспедиций (Первобытная, Раннеболгарская, Билярская, Болгарская, Иске-Казанская, Казанский Кремль), завершение работы над 6-томной Археологической картой ТАССР, работы по Своду памятников истории и культуры ТАССР, крупные общероссийские, союзные и международные проекты с учёными Болгарии, Венгрии, Финляндии, Чехословакии, Польши и др., работа учёных-археологов, подготовленных в Казани, Башкирии, Карелии, Институте археологии АН СССР, АН УССР, Марий Эл, Перми, Пензе и др., свидетельствовали об успехах казанской археологической школы. А.Х. Халиков активно сотрудничал с Министерством культуры ТАССР; он являлся заместителем председателя Татарстанским отделением ВООПИКЮ а во второй половине 1980-х гг. был избран председателем Татарстанского отделения Советского фонда культуры.

Во многом благодаря этим научным достижениям происходят институциональные изменения. В 1997 г. создается Национальный центр археологических исследований Института истории им. Ш. Марджани, который в 2014 г. реорганизуется в Институт археологии им. А.Х. Халикова АН Республики Татарстан, руководителем которого избирается член-корреспондент АН РТ А.Г. Ситдииков. В его деятельности хорошо сочетаются принципы казанской археологической школы и работы крупного специалиста в сфере сохранения культурного наследия.

¹⁶ Там же: 384-386, 391-392, 400-409.

¹⁷ Там же: 388-393.

Важные институциональные изменения происходят и в Казанском университете. В 2010 г. он реорганизован на базе нескольких вузов в Казанский федеральный университет и в его составе – Институт международных отношений, преемственно продолжающий традиции Казанской археологической школы и охраны культурного наследия. В составе Высшей школы исторических наук и всемирного культурного наследия Института международных отношений КФУ активно действует профессорско-преподавательский состав кафедр археологии, истории Татарстана, этнологии и всемирного культурного наследия. Руководителем Института является крупнейший специалист в сфере охраны культурного наследия РТ Р.Р. Хайрутдинов. В 2018 г. был создан Комитет по охране культурного наследия РТ (рук. И.Н. Гушин).

Распад Советского Союза, изменения в социально-экономической и культурной жизни страны в 1990-е гг. привели к значительному сокращению финансирования ремонтно-реставрационных и проектно-исследовательских работ на памятниках истории и культуры, в т.ч. полевых археологических исследований. Однако стали разворачиваться охранные работы на памятниках археологии в зоне крупных строек и большого объема реставрационных работ. Если в 1950-е гг. такие работы проводились в зоне Куйбышевского водохранилища, то в 1990-е гг. крупные охранные и исследовательские работы связаны с проектированием и строительством мостового перехода через р. Кама в районе Сорочьих гор. С 1993 г. начались масштабные работы на территории Казанского Кремля в связи с подготовкой и проведением в 2005 г. 1000-летия столицы Татарстана – Казани, а с конца 1990-х гг. – работы на Елабужском городище и проведение в 2007 г. 1000-летия г. Елабуги. Для этого были развернуты Новостроечная, Кремлевская экспедиции Главного управления госконтроля охраны и использования памятников истории и культуры Министерства культуры ТАССР, которые также начали огромную работу по составлению охранных зон памятников археологии для включения их в Земельный кадастр Республики Татарстан. Для этого проводились исследования археологических объектов по районам республики. С учетом более 5 тысяч памятников археологии на территории Татарстана эти работы продолжаются и в настоящее время уже с использованием современных технологий их привязки, и эта деятельность долговременна и весьма перспективна с точки зрения сохранения культурного археологического наследия. Был принят Закон РТ «Об охране и использовании культурных и исторических ценностей», целый ряд других законодательных и нормативных актов.

Комплексной формой охраны памятников археологии, истории и культуры стали создаваемые музеи-заповедники. Если до 1989 г. в республике существовал только один – Болгарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник, созданный в 1969 г., то за 20 лет число музеев-заповедников в Татарстане достигло 8. В 1989 г. был организован и начал активную деятельность Елабужский государственный

музей-заповедник¹⁸. В 1992 г. были созданы Билярский историко-археологический и природный, Иске-Казанский историко-культурный и природный музей-заповедники, в 1994 г. – Государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник «Казанский Кремль», в 2004 г. – Государственный историко-культурный музей-заповедник «Ленино-Кокушкино», в 2015 г. – Свияжский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, в 2017 г. – Чистопольский музей-заповедник. Музей-заповедники в Татарстане, созданные на базе крупнейших средневековых и сложившихся ансамблей и комплексов памятников городов и районов, определили новую тенденцию, которая характерна для ведущих историко-культурных и музейных центров Российской Федерации¹⁹. По количеству и качеству работы они выдвинулись на первые места и стали важным механизмом в деле комплексного изучения, сохранения, государственной охраны и популяризации культурного наследия Татарстана и России. Создание музея-заповедника в Казанском Кремле позволило поднять на иной организационный уровень исследовательские работы по охране культурного наследия. Был организован большой объем исследовательских и реставрационных работ на памятниках Казанского Кремля при подготовке к 1000-летию Казани, создано более десятка музеев на её территории, а в 2000 г. Казанский Кремль решением 24-й сессии Комитета Всемирного наследия ЮНЕСКО был включен в Список Всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО и стал первым памятником на территории Республики Татарстан, признанным мировым сообществом²⁰.

Наиболее значительные успехи в деле сохранения культурного наследия были достигнуты в начале XXI в., когда эта деятельность стала делом не только учёных, специалистов, государственных и общественных организаций, но и в целом народов Татарстана и России. В 2010–2020 гг. благодаря Республиканскому фонду возрождения памятников истории и культуры, созданному под патронажем первого Президента, Государственного советника РТ М.Ш. Шаймиева, и программам президента РТ Р.Н. Минниханова были реализованы государственные комплексные программы по Казани и историческим городам Татарстана, по сохранению и развитию Древнего Болгара и острова-града Свияжска. Болгарский историко-археологический комплекс, Успенский собор и монастырь острова-града Свияжска были включены в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО. Таким образом, в настоящее время на территории Республики Татарстан расположены 3 объекта мирового значения из 30 российских объектов всемирного наследия²¹.

Работа команды учёных и специалистов Татарстана при подготовке и продвижении научных номинаций по Болгару и Свияжску позво-

¹⁸ Валеев 2013: 20-23.

¹⁹ Мочалова 2003: 194-213.

²⁰ Валеев 2013: 18-23.

²¹ Валеев, Ситдииков, Хайрутдинов, Персова и др. 2016.

лила выйти на решение методологических и организационных вопросов, связанных с реализацией государствами-участниками Конвенции ЮНЕСКО «Об охране всемирного культурного и природного наследия» (1972 г.). В настоящее время эту самую известную конвенцию ЮНЕСКО ратифицировало более 190 стран мира и при включении в Список Всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО возникают проблемы научного и методологического характера, связанные с оценкой со стороны членов Комитета всемирного наследия ЮНЕСКО (а их 21 страна) и Комиссии Международного совета по охране памятников и достопримечательных мест (ИКОМОС) обоснованности выдающейся универсальной ценности (ВУЦ) предлагаемых к включению в Список историко-культурных объектов. А без доказательства обоснованности ВУЦ объектов, критериев их подлинности, целостности и наличия защиты и управления включить памятники в число объектов, признанных всем мировым сообществом, невозможно.

При оценке Болгара со стороны экспертов ИКОМОС было допущено много фактических ошибок по истории Татарстана и России, во многом связанных с европоцентристским подходом экспертов к интерпретации исторических событий на огромной территории Евразии. Так, в заключении ИКОМОС сообщалось, что Волжская Булгария образовалась в VII в., хотя речь идёт о государственном образовании Великая Булгария. Другой пример фактической ошибки связан с тем, что они трактовали поход войск московского князя Фёдора Пёстрого в 1431 г. на Болгары как распад Золотой Орды, в действительности же речь идёт о 1502 г., как времени прекращения существования этого государственного образования. Были и другие фактические ошибки, которые в процессе научно-методологического семинара, проведённого в Париже, в штаб-квартире ЮНЕСКО, специалисты ИКОМОС признали.

При обсуждении и оценке того или иного памятника, претендующего на статус объекта всемирного наследия, необходимо участие на заседании ИКОМОС учёных тех стран, которые готовили научные номинации и лучше знают свои объекты культурного наследия, их историю. В 2015 г. это предложение, выдвинутое экспертами многих стран-участниц Конвенции ЮНЕСКО «Об охране всемирного культурного и природного наследия», было принято, и учёные Татарстана (Р.М. Валеев, Р.Р. Хайрутдинов, А.Г. Сидиков, С.Г. Персова, А.Н. Силкин) выступили в 2016 г. на заседании международного ИКОМОС в Париже при обсуждении нового объекта культурного наследия – Успенского собора и монастыря острова-града Свяжска, выдвинутого Российской Федерацией, и квалифицированно ответили на все вопросы. Этот объект был включен в 2017 г. в Кракове в Список объектов всемирного наследия. Тем самым появилась возможность повысить объективность оценки и обоснования ВУЦ памятников мирового значения.

Другой важный результат – новый регламент при подготовке научных номинаций: их экспертиза получила название «восходящий

процесс» (upstream)²². Он был введён в 2015 г. в Бонне на 39-й сессии Комитета всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО, который включил его в оперативное Руководство по применению Конвенции «Об охране всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО», внося поправки в пп. 71 и 122. Этот новаторский процесс позволяет консультативным органам в лице ИКОМОС и Международного совета по охране природы (МСОП) и Секретариату ЮНЕСКО оказывать предварительную поддержку непосредственно государствам-участникам в форме советов, консультаций, привлечения экспертов из других стран и анализа до подготовки или представления номинаций. Основная цель «восходящего процесса» состоит в том, чтобы уменьшить проблемы, возникающие в процессе оценки номинаций.

Учёные Татарстана предложили использовать upstream при подготовке научной номинации по истории астрономических обсерваторий Казанского университета, что позволит включиться в планы ЮНЕСКО и приглашать их экспертов для участия в проводимых вузом международных семинарах по определению их выдающейся универсальной ценности, критериев подлинности, целостности, защиты и управления, а также определению возможных астрономических обсерваторий других стран для серийной номинации. Эта работа начата учёными Казанского университета, причём работа междисциплинарная: историков, физиков, астрономов, археологов, архитекторов, реставраторов, менеджеров²³. Она проводится в рамках Тематической инициативы ЮНЕСКО по всемирному наследию, направленной на сотрудничество между наукой и культурой в отношении признания памятников и объектов, связанных с астрономическими наблюдениями, рассеянных по всем географическим регионам, и не только научных, но и свидетельств традиционных знаний человеческого сообщества. Эта инициатива предлагает государствам-участникам возможность оценить важность этого конкретного наследия с точки зрения обогащения истории человечества, содействия культурному разнообразию и развития международных обменов и дает возможность не только идентифицировать сайты, связанные с астрономией, но и сохранить их память от прогрессивного ухудшения через запись в Списке всемирного наследия ЮНЕСКО наиболее представительных объектов, обладающих выдающейся универсальной ценностью.

Таким образом, исторические предпосылки складывания казанской археологической школы происходили в рамках формирующихся государственной и общественной форм охраны культурного наследия России и Татарстана. Роль учёных казанской археологической школы несомненна, поскольку они активно участвовали в деятельности государственных и общественных организаций охраны культурного наследия в Казани, ряд руководителей и специалистов формировались в её рамках, набирали исследовательский и организаторский опыт.

²² UNESCO Decision 43 COM 9A. 2019.

²³ Gafurov, Valeev, Nikitin, Sitdikov, Tayurskiy, Khairutdinov 2019.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Астафьев В.А. Формирование и эволюция казанской исторической школы во второй половине XIX–XXвв. (1860–1917 гг.) // Изучение и преподавание отечественной истории в Казанском университете. Казань: Изд-во Каз. ун-та, 2003. С. 50–61. [Astafiev V.A. Formirovaniye i evoluciya kazanskoy istoricheskoy shkoli vo vtoroy polovine XIX–XX (1860–1917) // Izucheniye i prepodavaniye otechestvennoy istorii v Kazanskom universitete. Kazan: Izd-vo Kaz. Un-ta, 2003. S. 50–61].
- Валеев Р.М. Выдающаяся универсальная ценность Казанского Кремля как объекта Всемирного культурного наследия // Вестник КазГУКИ. 2013. №1. С.18–23 [Valeev R.M. Vidayushayasya universalnaya cennost Kazanskogo Kremliya kak objekta Vsemirnogo kulturnogo naslediya // Vestnik KazGUKI. 2013. №1. S.18–23].
- Валеев Р.М. Роль Елабужского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника в сохранении облика исторического города // Вестник КазГУКИ. 2013. № 4. Ч. 2. С. 20–23 [Valeev R.M. Rol' Elabuzhskogo istoriko-arkhitekturnogo i khudogestvennogo museya-zapovednika v sohraneniі oblika istoricheskogo goroda // Vestnik KazGUKI. 2013. № 4. Ch. 2. S. 20–23].
- Валеев Р.М., Ситдигов А.Г., Хайрутдинов Р.Р., Персова С.Г. и др. Успенский собор острова-града Свияжска в мировом культурном наследии. Казань: Главлитизд, 2016. 351 с. [Valeev R.M., Sitdikov A.G. Khairutdinov R.R., Persova S.G. i dr. Uspenskiy sobor ostrova-grada Sviyagska v mirovom kulturnom nasledii. Kazan: Izd-vo Kazan.un-ta, 2016. 325 s.]
- Городцов В.А. Археологическая классификация. М., 1925. 401 с. [Gorodcov V.A. Arkheologicheskaya klassifikatsiya. M., 1925. 401 s.]
- Графеев Е.Н., Валеев Р. М. Охрана памятников истории и культуры в 1920 – сер. 1930 гг. // Историко-культурное наследие как потенциал развития туристско-рекреационной сферы. Материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции. 18–19 апреля 2019 г. Казань, 2019. Вып. 8. С. 151–158 [Grafeev E.N., Valeev R.M. Okhrana pamiatnikov istorii i kulturi v 1920 – ser. 1930 gg. // Istoriko-kulturnoye naslediyе kаk potentsial razvitiya turistsko-rekreacionnoy sfery. Materiali VIII Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. 18–19 aprelia 2019 g. Kazan, 2019. Vip. 8. S.151–158].
- Известия ОАИЭ. 2014. 91 (3 С). 156 с. [Izvestiya OAIЕ. 2014. 91(3 S). 156 s.]
- Износков И.А. Список населённых мест Казанского уезда, с кратким их описанием. Казань: Тип.Губерн.правл., 1885. 217 с. [Iznoskov I.A. Spisok naselennykh mest Kazanskogo uezda, s kratkim ih opisaniyem. Kazan: Tip. Gubern.prav.l., 1885. 217 s.]
- Лялин В.А. Обзорные сочинения С. М. Шпилевского «Древние города и другие болгарско-татарские памятники в Казанской губернии». СПб.: Типография Правительствующего Сената, 1879. 52 с. [Lialin V.A. Obzreniye sochineniya S.M. Shpilevskogo “Drevniye goroda i drugie bulgaro-tatarskiye pamiatniki v Kazanskoy gubernii”. SPb.: Tipografiya Pravitelstvuyushogo Senata, 1879. 52 s.]
- Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТАССР: Вып. IV. Казань, 1930. 104 с. [Materiali po okhrane, remontu i restavratsii pamiatnikov TASSR: Vip. IV. Kazan, 1930. 104 s.]
- Мочалова Ю.В. Крупнейшие исторические музеи столицы: прошлое, настоящее, будущее // Отечественная история. 2003. №3. с. 194–213 [Mochalova Yu.V. Krupneyshiyе istoricheskiye musei stolitsi: prochloye, nastoyashcheye, budushcheye // Otechestvennaya ostriya. 2003. № 3. s. 194–213].
- Объяснительная записка к археологической карте Казанской губернии, исполненной учениками VII кл. Казанского реального училища Завалишиным и Канонниковым по указаниям И.А. Износкова и под руководством преподавателя Х.Г. Пашковского. Казань: Тип. Импер. ун-та, 1890. 14с. [Ob'yasnitel'naya zapiska k arkheologicheskoy karte Kazanskoy gubernii, ispolnennoy uchenikami VII kl. Kazanskogo real'nogo uchlilshcha Zavalishinym i Kanonnikovym po ukazaniyam I.A. Iznoskova i pod rukovodstvom prepodavatelaya Kh.G. Pashkovskogo. Kazan: Tip. Imper. un-ta, 1890. 14 s.]
- Роль Общества археологии, истории и этнографии в исследовании и сохранении культурного наследия Волго-Уралья. Сб. тезисов конференции, посвященной 135-летию Общества Археологии, истории и этнографии при императорском Казанском университете. Казань: Изд-во «ЯЗ», 2014. 162 с. [Rol' Obshchestva arkheologii, istorii i etnografii v issledovanii i sokhraneniі kulturnogo naslediya Volgo-Uralia. Sbornik tezisov konferentsii, posvyashchennoy 135-letiyu Obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Imperatorskom Kazanskom universitete. Kazan: Izd-vo «YAZ», 2014. 162 s.]

- Руденко К.А. Казанские археологи во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг.: личности, научное творчество и модели поведения (к постановке проблемы) // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII – начала XX века. М.: ИВИ РАН, 2011. С 96-99 [Rudenko K.A. Kazanskiye arkhelogi vo vtoroy polovine 1940-kh – nachala 1950-kh gg.: lichnosti, nauchnoye tvorchestvo i modeli povedeniya (k postanovke problemy) // Istoriya i istoriki v prostranstve natsional'noy i mirovoy kul'tury XVIII – nachala XX veka. M.: IVI RAN, 2011. S 96-99].
- Руденко К.А. История археологического изучения Волжской Булгарии (X – начало XIII в.). Казань: РИЦ Школа, 2014. 767 с. [Rudenko K.A. Istoriya arkhelogicheskogo izucheniya Volzhskoy Bulgarii (X - nachalo XIII v.). Kazan: RITS Shkola, 2014. 767 s.]
- Фирсов Н.Н. Чтения по истории Среднего и Нижнего Поволжья. Вып. 1-2. Изд. 2. Казань: Госиздат, Казанское отделение, 1920. 136 с. [Firsov N.N. Chteniya po istorii Srednego i Nizhnego Povolzh'ya. Vip. 1-2. Izd. 2. Kazan: Gosizdat, Kazanskoeye otdeleniye, 1920. 136 s.]
- Худяков М.Г. Дореволюционная русская археология на службе эксплуататорских классов. Л.: ГАИМК, 1933. 160 с. [Khudyakov M.G. Dorevolyutsionnaya russkaya arkhelogiya na sluzhbe ekspluatatorskikh klassov. L.: GAIMK, 1933. 160 s.]
- Циркулярное письмо Министерства внутренних дел от 1882 г. «О предоставлении археологических находок местной полицейской власти для представления их в Императорскую Археологическую Комиссию через губернское начальство». М., 1882. [Tsirkulyarnoye pis'mo Ministerstva vnutrennikh del ot 1882 g. «O predostavlenii arkhelogicheskikh nakhodok mestnoy politseyskoy vlasti dlya predstavleniya ikh v Imperatorskuyu Arkhelogicheskuyu Komissiyu cherez gubernskoye nachal'stvo». M., 1882.]
- Шпилевский С.М. Древние города и другие булгарско-татарские памятники в Казанской губернии. Казань: Университетская типография, 1877. 585 с., XXVII с. [Shpilevskiy S.M. Drevniye goroda i drugiye bulgarsko-tatarskiye pamyatniki v Kazanskoey gubernii. Kazan: Universitetskaya tipografiya, 1877. 585 s., XXVII s.]
- Gafurov I.R., Valeev R.M., Nikitin S.I., Sitdikov A.G., Tayurskiy D.A., Khairutdinov R.R. Astronomical research and space heritage in Kazan University. Kazan, 2019. 168 p. UNESCO Decision 43 COM 9A (WHC/19/43.COM/9A.Rev. Paris, 2019. URL: <https://whc.unesco.org/en/decisions/7379/>)

Валеев Рафаэль Миргасимович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой Всемирного культурного наследия, зам. директора Института международных отношений, Казанский федеральный университет; valeev_rm@inbox.ru

Валеева-Хакимова Римма Рафаэлевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений, мировой политики и дипломатии, Казанский федеральный университет; kamilla_vr@inbox.ru

Formation of Kazan archaeological school and its role in the development of the system of historical and cultural heritage preservation of Russia and Tatarstan

The article examines historical background for the formation of Kazan archaeological school, and its role in the system of cultural heritage preservation in Tatarstan and the RF. These include the processes that took place in the 18-19th cc., the IV Archaeological Congress (1877), the creation of the Society of Archaeology, History and Ethnography at Kazan University (1878), the emergence of state and public forms of cultural heritage preservation. The formation of Kazan archaeological school occurred in the 1950s. It played an important role in the development of historical and cultural monuments' protection, led to an increase in the volume of research and restoration work, publication of a huge number of books, including the "Collection of Historical and Cultural Monuments of the Republic of Tatarstan", adoption of legislative and regulatory acts, implementation of comprehensive state programs, inclusion of three Tatarstan sites into the UNESCO World Cultural and Natural Heritage List, participation in other all-Russian and international projects.

Key words: *archaeology, museum-reserve, Kazan University, UNESCO sites, upstream*

Rafael Valeev, Dr. Sc. (History), Professor, Head of World Cultural Heritage Department, Deputy Director, International Relations Institute, Kazan Federal University; valeev_rm@inbox.ru

Rimma Valeeva, PhD in History, Senior Lecturer of International Relations, World Politics and Diplomacy Department, Kazan Federal University; kamilla_vr@mail.ru

С.В. КОНДРАТЬЕВ

ПРАВО, КОРОЛЕВСКАЯ ВЛАСТЬ, ВЕЛИКАЯ ХАРТИЯ ВОЛЬНОСТЕЙ И ПРАВОВАЯ РУТИНА В ЛЕКЦИЯХ РОБЕРТА СНЕГГА (1581)¹

Автор на основе трактата, изданного Робертом Снеггом, и записей одного из студентов реконструирует содержание лекций юриста, прочитанных в 1581 г. и посвященных статье 29 Великой хартии вольностей Генриха III (1225). Юрист считал, что разрушенное нормандским завоеванием древнее совершенное английское право, определяющее границы королевской власти, было восстановлено дарованной Генрихом III хартией. Однако студент не зафиксировал эти принципиальные моменты, оставив записи разбираемых казусов и передачи земельных держаний. Это говорит о том, что в 1580-х гг. хартия и ее 29 ст. носили рамочный характер и не имели того радикального смысла, который обретут в 1630-е гг.

Ключевые слова: Роберт Снегг, право, королевская власть, Великая хартия вольностей, подданные, чтения

Рецепция Великой хартии вольностей (ВХ) в предреволюционной Англии – тема в историографии не новая. Ее основные положения сводятся преимущественно к тому, что средневековая ВХ в XVI – начале XVII в. была возрождена, но с обновлённым и даже радикальным смыслом. Доказывается это, как правило, на материалах парламентских дебатов, правовых и публицистических текстов, судебных дел, вызвавших общественный резонанс². Вопрос о практическом использовании ВХ остается периферийным. О необходимости изучать не только новые смыслы ВХ, но и возможности ее практического использования недавно высказался Дж. Гарнетт³. Изданные Дж. Бейкером лекции Роберта Снегга, законспектированные одним из членов юридического подворья, предоставляют нам такой, хотя и косвенный, материал⁴.

Английское общее право накануне Нового времени воспринималось как вечное, совершенное, нерукотворное, уходящее корнями во времена, которые не остались в человеческой памяти. Оно восходит к законам древней Трои. Их принес в Британию легендарный потомок троянцев Брут, и они, следовательно, древнее и совершеннее римского права⁵. Согласно современной историографии, средневековая установка – чем древнее, тем истиннее – рефреном была обозначена и артикулирована юристами общего права Тюдоровской эпохи⁶. Неизбежные цезуры в пра-

---

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 19-011-00581 «Великая хартия вольностей в правовых трактатах, парламентских дебатах и судебной практике предреволюционной Англии».

² Thompson 1948; Baker 2017; Magna Carta 2018.

³ Garnett 2018: 51–53.

⁴ Lectura prima Magistri Roberti Snagge 1580.

⁵ Росоцк 1987: 30–32, 37, 40–41; Sommerville 2014: 84–90; Кондратьев 2015: 41–42.

⁶ Росоцк 1987: 30–55; Greenberg 2001: 6.

вовом континуитете Англии, вызванные вторжениями на остров, были, по мнению правоведов и антиквариев, недолгими, поскольку совершенство завоеванного права побуждало завоевателей к его восстановлению. После нормандского завоевания 1066 г. незапамятное общее право было якобы возрождено уже в 1101 г. коронационной присягой Генрихом I⁷.

Королевская власть – тема, постоянная обсуждаемая в юридических текстах, парламентских дебатах, а также в ходе судебных разбирательств, из которых следовало, что королевская прерогатива должна находиться в пределах, очерченных общим правом⁸.

VX, забытая в XIV и XV вв., стремительно возвращается в публичное пространство Англии в XVI в. Особенно это касается ее 29-й статьи (далее: 29 ст.) в редакции 1225 г., к которой обращаются, чтобы защитить личную свободу человека от произвольного ареста и собственности, а также обозначить пределы королевской прерогативы⁹.

Описанная типовая картина позволяет ретроспективно обозначить истоки современного видения свободы и зарождение либерализма, но совершенно не касается вопроса, использовалась ли VX и ее 29 ст. при решении рутинных и повседневных правовых проблем, которые в XVI – начале XVII в. имели или не имели отношение к верховной власти, и касались иных, чем король, субъектов права.

В 1654 г. в Лондоне был издан трактат «О древности и происхождении Суда лорд-канцлера и о власти лорд-канцлера Англии, являющейся частью чтеий сержанта Снегга о статье 28 Великой хартии вольностей, имевших место в зимнюю вакацию, в подворье Миддл-темпл, в 13 год правления королевы Елизаветы»¹⁰. Сам заголовок требует кратких пояснений. Во-первых, в нем сделан ряд опечаток. Указан 13 год, хотя событие произошло в 23 год правления Елизаветы, (1581). В предисловии автора сказано: «После того, как я провел в Миддл-темпле 20 и более лет в качестве младшего бенчера, пришло время прочесть мне

⁷ Greenberg 2001: 14, 43, 57, 65–66.

⁸ Sommerville: 96–100; Baker 2017: 144–147, 322–323; Кондратьев 2018(а): 194–195.

⁹ Baker 2017: 110, 249–250. 29 ст. VX Генриха III (1225) – это, с незначительными изменениями, хорошо известная 39 ст. VX Иоанна Безземельного (1215). Именно хартия 1225 г., признанная при Генрихе III в 1267 г. статутом (статут Мальборо), находилась в правовом обороте. Ее содержание: «Ни один свободный человек не будет арестован, или заключен в тюрьму, или лишен своего свободного владения, или вольностей, или вольных обычаев своих, не будет поставлен вне закона или изгнан, или каким-либо иным способом обездолен, и мы не пойдем на него, и не пошлем на него иначе, как по законному приговору пэров (равных ему) и по закону страны. Никому не будем продавать права и справедливости, никому не будем отказывать в них или замедлять их» (Nullus liber homo capiatur, vel imprisonetur, aut disseisietur de libero tenemento suo, vel libertatibus, vel liberis consuetudinibus suis, aut utlagetur, aut exuletur, aut aliquo modo destruat, nec super eum ibimus, nec super eum mittemus, nisi per legale iudicium parium suorum, vel per legem terrae. Nulli vendemus, nulli negabimus, aut differemus justitiam, vel rectum). См.: Great Charter of Henry III (tried reissue, 11th February, 1225) // Magna Carta... 1914: 504.

¹⁰ Snagg 1654.

курс, чтобы стать подмастерьем (apprentice) общего права»¹¹. Зачисление Р. Снегга в подворье произошло в 1560 г.¹² Во-вторых, автор трактата не имел статуса сержанта. В-третьих, публикатор перепутал Роберта Снегга с его братом Томасом, который, действительно, достиг пика адвокатской карьеры и стал сержантом¹³. В-четвертых, «чтение» было посвящено не 28, а 29 ст. ВХ, в чем нетрудно убедиться по воспроизведенным в тексте пересказам и цитатам из 29 ст.¹⁴ В-пятых, часть чтений была, вероятно, в 1587 г. переработана в трактат, который был предназначен Кристоферу Хаттону, назначенному тогда на должность канцлера¹⁵.

Наконец, требуется дать краткое пояснение самому чтению. Правовое образование англичане получали в юридических подворьях, находящихся в Лондоне. Среди имевших там место образовательных практик выделялись чтения, представляющие собой циклы лекций, длящиеся от двух до трех недель, посвященные одному из статутов. В ходе чтений лектору задавались вопросы и велись прения. Делавшие карьеру юристы читали в своей жизни на французском языке два цикла таких лекций, перерыв между которыми, пишет Эд. Кок, составлял 9–10 лет¹⁶.

В той части чтений, которые были опубликованы в 1654 г. в виде отдельного произведения, Р. Снегг начинает с происхождения английского права. Он образно пишет, что проделал «путешествие» по различным книгам и судебным отчетам, но ничего не нашел «определенного» о том, откуда и когда берет «начало» право Англии. Одни утверждают, что «его из Нормандии принес Завоеватель... другие, что его из Германии доставил народ, который назывался англ... и от него наша страна получила свое имя «Англия»». Но «великий в своих познаниях судья Литтлетон¹⁷... удовлетворил» автора заверением, что ни они, ни кто-либо еще не мог принести в Англию законы, поскольку Англия имеет неповторимую практику, позволяющую вдовцу удерживать земли умершей жены (tenant by the courtesy), аналог которой, по логике обоих юристов, при правовом заимствовании сохранился бы и в местах правового импорта¹⁸. Затем Генри Брактон¹⁹ убедил Снегга в том, что общее право восходит к древним обычаям острова²⁰. Почти дословно воспро-

¹¹ Ibid: 1–2. О сержантах и подмастерьях см.: Кондратьев 2018: 80–86.

¹² Baker 2017: 251.

¹³ Ibidem.

¹⁴ Snagg 1654: 11, 30–31, 81–82. Р. Снегг, как любой юрист того времени, пользовался ВХ в редакции Генриха III (1225), а не редакцией Иоанна Безземельного (1215).

¹⁵ Snagg 1654. Front Page: 1.

¹⁶ Coke 1826: XXXV.

¹⁷ Литтлетон, Томас (Littleton Thomas) (ок. 1407–1481) – английский юрист, судья суда Общих тяжб, автор знаменитого труда «О держаниях» (Tenores Novelli), который стал главным источником, регулирующим поземельные отношения.

¹⁸ Snagg 1654: 2–5.

¹⁹ Брактон, Генри (Bracton Henry) (ум. 1268) – английский юрист. Автор знаменитого труда «О законах и обычаях Англии» (De legibus at consuetudinibus Angliae), который является одним из главных источников английского общего права.

²⁰ Snagg 1654: 14–16, 30.

изводя широко известное в Англии XVI – начала XVII в. положение Брактона – «Закон создает короля; вследствие этого королю даруется закон, чтобы закон даровал ему, а именно, господство и власть; ибо там нет короля, где правит воля, но не закон»²¹, – юрист пишет, что право в Англии существовало до появления королей²². В итоге, заключает он: «Я вывожу из своего путешествия следующее заключение: наше право есть древний обычай нашей страны или нашей земли», находящийся за пределами памяти. Никто не может поведать о начале права и о том, когда страна превратилась в государство (общее благо) под управлением королей. Под воздействием «векового опыта» (by experience found in all Ages) сложилась форма правления, которая была «необходимой, подходящей и выгодной как государю, так и народу»²³.

Абсолютно в духе традиции Снегг пишет, что совершенное и самобытное («мать всего»²⁴) английское общее право было прервано нормандским завоеванием, после чего было много восстаний (insurrections) простого народа и знати, причина которых – потребность «восстановить свои древние законы и вольности». Люди показали, что они «готовы терпеть скорее боль и лишения, чем утрату своих законов и вольностей, чем проявлять покорность произвольному (will-government) правлению своих новых лордов, чем терпеть новые законы, которые принес Завоеватель, а также чем терпеть желания и прихоти королей, которые под предлогом своей прерогативы делали все и брали все, что пожелают»²⁵.

«Произвольное правление королей, возмущение знати и постоянные войны внутри королевства» продолжались, по Р. Снеггу, в отличие от его современников, не до восшествия на престол Генриха I, а до Генриха III, который на 9-м году правления (1225) «даровал под большой королевской печатью ВХ, и тем самым восстановил законы страны, вольности подданных и ограничения своих прерогатив». Однако возврат к древнему праву был недолгим, ибо король вскоре «нарушил ВХ, стал, как его предшественники, руководствоваться своеволием, отступил от права страны, которое он обещал восстановить и возродить». Последовала новая война между ним и его баронами, которая длилась 40 лет и закончилась принятием парламентом, собранным в 1267 г. в Малбридже, статута (статут Мальборо – С.К.), «ВХ была переиздана и тем самым древние законы и вольности были возрождены и восстановлены»²⁶. Иначе говоря, Снегг уточняет, что окончательное восстановление древ-

²¹ Для сравнения у Р. Снегга: “Lex autem facit Regem; attribuat igitur Rex Legi, quod Lex attribuit ei, id est, dominationem & potestatem; nam ubi dominatur voluntas, et non Lex, ibi non est Rex”. Ibid: 15, 44. У Генри Брактона: “Lex facit regem. Attribuat igitur rex legi, quod lex attribuit ei, videlicet dominationem et potestatem. Non est enim rex ubi dominatur voluntas et non lex”. Bracton 1878: 38.

²² Snagg 1654: 14–15.

²³ Ibid: 17, 18.

²⁴ “the Law of the Land, which is the Genus to all” – Ibid: 19.

²⁵ Ibid: 6–7, 18.

²⁶ Ibid: 9–10.

него и совершенного права связано не только с принятием ВХ, но сделано парламентом и произошло посредством принятия статута. «С тех пор, – продолжает он, – все короли и королевы во время коронаций торжественно присягали хранить их, и посему они свято соблюдались по сей день (хотя по забывчивости некоторых королей и небрежению их должностных лиц они (законы и вольности – *С.К.*), бывало, нарушались. Но теперь, по Божьему благословию, обильно излитому на право, оно в полной мере используется для великого утешения всех добрых подданных и бессмертной славы Ее величайшего величества»²⁷. Снегг специально подчеркивает, что окончательное восстановление и возрождение общего права произошло актом парламента. Он несколько раз отмечает, что всё, включая королевскую прерогативу, регулируется и определяется правом. «И парламент, и его акты, и прерогатива государя, и исключительные обычаи графств, городов, бургов и маноров – все они разновидности его (права – *С.К.*). Общий обычай королевства, он же – право страны, наделяет полномочиями парламент, ограничивает прерогативу, дозволяет и не дозволяет частные обычаи, а также дозволяет и не дозволяет всё, и определяет, согласуются они или нет с разумом»²⁸.

Сердцевиной (*sum*) всех положений ВХ, а значит, и всего общего права, Снегг провозглашает 29 ст. ВХ. Опираясь на положения 29 ст., он не только заявляет о незыблемости законов и вольностей страны, но также пишет о пределах, до которых только и может доходить королевская прерогатива²⁹. Снегг отмечает, что королевские прерогативы должны быть под правом, ограничиваться им и не причинять вред³⁰.

Здесь следует заметить, что дальше, в остальных частях трактата, речь о ВХ и 29 ст. не идет. 2/3 трактата посвящены полномочиям лорд-канцлера и его суду. Нельзя исключить того, что эти части были дописаны Р. Снеггом специально к назначению Кристофера Хаттона.

Но мы имеем возможность судить о содержании чтений Снегга по конспекту, оставленному безымянным студентом³¹. Весь цикл состоял из 6 лекций, в которых разбирались гипотетические судебные казусы. Первые три лекции законспектированы подробно, поэтому более информативны. Остальные три – фрагментарно. Перебираясь медленно от одной юридической формулы к другой, выясняешь, что студент, готовящийся к деятельности практикующего юриста, слушая лекцию и прения по применению 29 ст., не зафиксировал ни одного абстрактного принципа, гласящего о незыблемости вольностей и прав. Студента и, ве-

²⁷ “Fithence hath been by all kings and queens solemnly sworn at their coronations to be kept, and so hath been sacredly observed to this day (unless some forgetfulness in some kings, and ignorance in some officers, hath infringed the same). But now, by God’s blessing plentifully poured upon it, it is in full use, to the great comfort of all good subjects, and immortal fame of her most excellent majesty”. – *Ibidem*.

²⁸ *Ibid*: 19.

²⁹ *Ibid*: 11-12.

³⁰ *Ibid*: 9, 19.

³¹ *Lectura prima Magistri Roberti Snagge 1580: 256–264.*

роятно, лектора больше занимали не высокие мысли о свободе, а стремление показать нормы и практики перемещения, удержания и возвращения собственности. Темы «утрата свободы» и «лишения жизни» фиксируются предельно фрагментарно. Возможно, Снег об этом говорил, или даже на это упирал, но студент, вероятно, руководствуясь здравым смыслом, фиксировал то, в чем усматривал практическую пользу. В записях студента мы находим казуальное и повседневное право. Лектор приводит и вместе с присутствующими судьями разбирает кейсы. Судя по конспекту, главное внимание было уделено тому, что в 29 ст. называлось «disseisietur de libero tenemento» («лишен своего свободного владения»), а в лекциях именовалось, как правило, «disseisee» («лишать, захватывать, завладевать»). Под «владение» во второй половине XVI в. подпадали разные формы держания: «feoffement», «possession», «title», «deas».

1-я лекция была, как гласит конспект, посвящена уровням свободы: «кого можно называть свободным человеком во всех отношениях, а кого только в некоторых, кто свободен в отношении одних людей, но не других, кто свободен в отношении себя (lour corps), но не свободен в распоряжении своим владением (possessions)»³². В приведенном казусе, действительно, упоминается одна из форм вилланства (villeins regardant), которая обозначала несвободных, приписанных к манору. Статус виллана даже в классическое средневековье не был простым, и виллана невозможно характеризовать, как, например, раба или крепостного. «Виллан, – пишет современный исследователь, – был несвободным в отношении своего лорда, но свободным в отношении всех других». И будучи несвободным у своего лорда, мог иметь свободное держание у другого. Можно было держать землю лорда, имеющую статус вилланской, но не терять свободы. Вилланы получали вольные (manumission), а в XVI в. освобождение от вилланства стало государственной политикой³³.

Казус. В 1534 г. владелец и бенефициарий манора (cesti a que use³⁴), к которому приписан виллан, и некий Джон Стайл (John Style) за-

³² Ibid: 256.

³³ Baker 2019: 502, 504–506.

³⁴ “Cesti a que use” (cestui que use) – обозначение бенефициария, узуфруктуария («того, кто получал выгоду от другого»), получающего прибыль от передачи держания пользователю. К cestui que use прибегали, чтобы вывести держание из-под королевского фиска. По общему праву земля могла переходить от держателя (tenants-in-chief), или владельца земли (foeffor) только к наследнику. При вступлении в наследство выплачивался фэйн в казну, а в случае малолетства наследника над ней назначалась опека. Но чтобы не терять доходы владелец (foeffor) передавал ее feoffee в пользование (use), оставаясь либо сам получателем дохода с переданной земли, либо им становился его наследник. Получатель выгоды и был cestui que use. В случае смерти держателя земля не попадала прямому наследнику и оказывалась выведенной из-под королевского фиска. Корона теряла на нее права. Понятно, что здесь открывалось поле для злоупотреблений, поскольку общее право долго не признавало такой сложной формулы и просто превращало пользователя в держателя, а бенефициария (cestui que use) лишало правового статуса. Держатель, чтобы не возникало подобных коллизий, передавал землю в пользование (целевое назначение) часто не одному человеку,

ключили соглашение, что последний будет владеть манором с угодьями и выполнит в будущем определённые условия. Когда в 1536 г. был издан статут «О пользовании», Джон Стайл выразил волю, что тот, кто будет исполнять ее, должен в течение 4 лет продать манор с угодьями для уплаты его долгов. Исполнитель воли Стайла, в свою очередь, назначил исполнителя своей воли. Первый исполнитель умер. В 1538 г. второй исполнитель продал манор виллану, получил фэйн и объявил: обещание выполнено, пять лет прошло, Джон Стайл исполнил обязательство, а виллан становится полностью свободным³⁵.

В ходе прений главный интерес представлял вопрос: следует ли считать после издания статута «О пользовании» «промежуточные акты» (передачу воли от исполнителя к исполнителю – *C.K.*) ничтожными или нет? (*Si ore toutes mesne actes sont overthrown... ou nemié?*). По мнению судьи Перизэма (*Peryam*)³⁶, перемещение недвижимости регулируется актом Генриха VII от 1489 г., и соглашение может быть признано ничтожным, недвижимость возвращена в первоначальное состояние, а получивший её признан «захватчиком» (*disseisor*), если в течение 5 лет заявлена претензия (*claime*) или не выполнялись условия соглашения. Но исключается вольная виллана (*lenfranchisement*). Судья Перизэм привел, как пример, дело неких Брента и Полетта. Там держание было передано в пользование *feoffe* на срок жизни. Права на держание (*remainder*) оставались и у жены владельца. Было решено, что держатель должен платить фэйн, и прошло уже 5 лет, поэтому жена больше не связана соглашением. Аналогично, «если мой держатель перестает нести повинности, то я получаю приказ о возврате земли (*briefe de cessavit*) и возвращаю землю, ибо я больше не связан соглашением»³⁷, – сказал судья.

Таким образом, даже в этой лекции, где проблема свободы, казалось, была ясно обозначена, она осталась на периферии.

Во 2-й лекции ставился вопрос: какое изъятие свободного держания должно считаться по 29 ст. ВХ захватом (*disseisin*) и подпадает под

а группе соседей или юристов, каждый из которых перед смертью передавал ее кому-то далее. Поскольку суды общего права не разбирали такие дела, то защищать права подлинных владельцев взялись церковные суды (отлучая недобросовестных собственников от церкви) и Суд лорда-канцлера, на так называемом «праве справедливости». См.: Baker 2019: 269–272. В конце XV–начале XVI в. суды общего права и корона через законодательство стремились усовершенствовать практику пользования чужим имуществом, чтобы защитить права короны, держателей и владельцев. В итоге, в 1536 г. появился знаменитый статут «О пользовании» (*Statute of Use*), согласно которому бенефициарий после смерти держателя должен был оставаться не просто бенефициарием, но и признавался владельцем. Статут 1536 г. делал теперь пользователя (*feoffee*) просто каналом (*executing the use*) передачи держания, охраняя права наследника и фискальные права короны. См.: Baker 2019: 275–276.

³⁵ *Lectura prima Magistri Roberti Snagge* 1580: 256.

³⁶ Перизэм, Уильям (*Peryam, William*) (1534–1604) – известный юрист общего права, в 1581 г. был назначен судьей Суда общих тяжб. С 1593 по 1604 г. возглавлял палату Казначейства (*Chief baron of Exchequer*).

³⁷ *Lectura prima Magistri Roberti Snagge* 1580: 257–258.

ВХ, а какое не подпадает? Причем студент зафиксировал два казуса: один Р. Снег разобрал с утра, второй – после трапезы.

Утренний казус. Два иностранца. Один из них захватил два акра земли и передал один акр в держание (*enfeof*) другому. Король натурализовал обоих иностранцев и предоставил им право купить землю на 10 фунтов стерлингов. Тот, кто неправомерно был лишен земли, передал права на нее обоим (*le disseisee reles al ambideux*) – захватчику и держателю. Затем король пожаловал им, не обученным латыни, должность протонатария³⁸ Суда общих тяжб. Король захватил акры и должность. Но относительно одного акра, констатировала запись, это захват, а в отношении другого акра и должности – нет³⁹.

Из конспекта студента становится ясно, что в Англии существовала практика передачи недвижимости (*feoffment*) через фиктивный захват, которую якобы неправомерно лишенный ее передавал затем мнимому захватчику. Но только в отношении подданных, а не иностранцев. Конспект студента гласит, что иностранец не может обрести держание жены (*tenant per le curtesie*), так как право разрешает это подданному, но не иностранцу. Иностранец не может претендовать на вдовью часть наследства (*dower*) умершей жены. Но замужняя англичанка имеет на нее право, поэтому земля, полученная иностранцем до натурализации, переходит королю, несмотря на передачу земли неправомерно лишившимся ее. У иностранца остается только обретенное им после натурализации. Пожалование должности должно быть признано ничтожным, поскольку закон запрещает обладать ею, как и должностью судьи и епископа, лицам, не владеющим латынью. Лектор на этом заключил, что изъятие королем одного акра владения есть захват. А вот в случае с другим акром и должностью – не захват, поскольку королевское пожалование было отменено, и король, как владелец акра и должности, сохранил их. Более того, хотя сторона в результате фиктивного захвата не предпринимала никаких действий, по ВХ такая уступка все равно является захватом. Если король лишил кого-то земли, у кого нет на нее права (*title*), то по ВХ такое деяние не может считаться захватом (*disseisin*). Но если он (владелец земли – С.К.) имел на землю право (*title*), то это выглядит иначе. Хотя король и не может быть захватчиком⁴⁰.

Послеобеденный казус. Между 1483 и 1536 г. (до принятия статута «О пользовании») владелец и бенефициарий (*cesti a que use*) передал

³⁸ Протонатарий (*prothonotary*) – клерк, отвечающий в Суде общих тяжб за фиксацию судопроизводства и составление судебных документов, за рассылку приказов и приказное делопроизводство. См.: Baker 2019: 45.

³⁹ *Lectura prima Magistri Roberti Snagge 1580: 258.*

⁴⁰ “Donquest il conclude sur son [statute] que le seisir del roy in le acre le feoffor est disseisin lestatute coment que soit sans office <et per le roie> mes le seiser del lauter acre ey office est null disseisin intant que le graunt fuit void, et le title le roy bon. Mes coment que le party ousted ne puit aver action, uncore il entend son ouster un disseisin deins ceo statute. Et an le roie ousta ascun home que nad title ceo nest disseisin deins [ceo] estate. Mes sil ad title est, et uncore le roie nest disseisor”. – Ibid: 258–259.

землю мужу, жене и наследнику. Муж, согласно статуту 1541 г., передал свою часть земли в аренду (lease) на 21 год. Супруги развелись. Жена, согласно статуту 1541 г., передала свою часть земли на срок жизни. Муж умер. Жена умерла. Наследник остался несовершеннолетним. Земля перешла королю, аренда аннулировалась, держатель (tenant) лишался держания по решению Суда по делам опеки (Court of Wards). По ВХ, гласит конспект, это – не захват (disseisin). Снегт высказался по этому поводу в том духе, что аренду на годы мужа следует признать ничтожной, а аренду жены на срок жизни – имеющей силу, и если канцлер или главный барон Палаты казначейства захватят землю, не прибегая к процедурам своих судов, то это должно считаться, по ВХ, несправедливым изъятием и захватом. Но если землю изымет Суд по делам опеки, который создан для этого специальным статутом (1540), и даже если происходит ошибочное изъятие земли, то такое действие, тем не менее, допускается правом и не подпадает под ВХ⁴¹.

В 3-й лекции разбиралась формула: отказ или ущемление вольностей или обычаев есть захват вольностей и привилегий. Провозглашалось: тот, кто может совершить захват, может быть за это деяние заключен в тюрьму (quell denial ou disturbance de liberties et customes est un disseisin de libertiez et franchises, qui poient committer disseisin, et per queux ceo point ester committed).

Казус. Король, ради получения ренты, жалуется «на годы» манор на полном сокэдже, т.е. с правом творить суд и другими самыми большими привилегиями (socke et sacke appartenante sy largment come ascun auter ad enjou mesme) иностранцу. Тот, в свою очередь, натурализовавшись, исполняет обязательства, а затем сдает манор в аренду (lease) ради получения ренты «на годы» же, с правом отторжения земли в случае неплаты (reentrie pur non etc.). Затем он выплачивает фэйн за возврат земли и начинает процедуру возврата манора, используя свой же баронский, или манориальный суд. Соглашение оказывается нарушенным. Иностранец и держатель заявляют о своих правах. Издается приказ (quo warranto), требующий от одного из арендаторов (lessee) доказать свое право на аренду. Тот отказывается, ссылаясь на то, что тяжбы и подсудность держателей принадлежат королю, а не баронскому суду. Арендодатель, в свою очередь, заявляет о своих правах (вольностях, liberties – С.К.) и обращается в суд с иском (replevin). Но получает отказ. Случай подпадает под ВХ, поскольку, отмечается, имел место захват.

Относительно предложенного казуса высказались судьи Уильям Перизм, Томас Мид⁴² и Джеймс Диер⁴³. Однако в изложении студента, их пространственные дискуссии выглядят в основном, как сформулированные, но безответные вопросы. Сначала возникла небольшая дискуссия

⁴¹ Ibid: 249.

⁴² Мид, Томас (Meade, Thomas) (1510–1585) – судья Суда общих тяжб.

⁴³ Диер, Джеймс (Dyer, James) (1510–1582) – известный английский юрист. Главный судья Суда общих тяжб. Автор собрания судебных отчетов.

между Мидом и Снеггом о том, может ли вообще баронский суд рассматривать такое дело. Затем прошло обсуждение, для каких целей король превращает иностранцев или даже духовных лиц в королевских держателей (*fourmour le roie*); в ходе него, правда, прозвучало утверждение, что иностранцу держание дается, чтобы его потом натурализовать. Значительную часть времени судьи пытались выразить свою точку зрения по поводу того, какие перспективы открываются после выплаты файла, если при этом происходит отступление от условий договора, и того, может ли лицо, в чью пользу вынесено судебное решение (*conusee*), исполнять договор или получить все, что полагается по договору, до передачи недвижимости вместе с арендой (*attornment*). Однозначно и неожиданно (хотя конспект допускает любые пропуски) константно заявлено, что если иностранец-держатель манора «на годы» умирает, то к его жене, несмотря ни на что, переходят права держателя. Судья Диер добавил к этому некое рассуждение о приказе «*quo warranto*», усомнившись, что его можно использовать против арендатора. Затем стали выяснять, может ли арендодатель заявлять о своих правах (*repliven*), на что Мид ответил утвердительно, ибо в противном случае арендодатель утратит какие-то привилегии (*franchises*). Последний вопрос о том, может ли захвативший владение накладывать штраф за неиспользованную привилегию, остался, как и почти все вышеприведенные, без ответа⁴⁴.

В 4-й лекции Снегг задавался вопросом, какие категории арестов, захватов и заключений в тюрьму запрещает ВХ, а какие нет. Его интересовали и запреты относительно человека, места, времени, власти, и какие закон знает средства защиты (*remedy*) для тех, кто оказался в тюрьме.

Казус. В ассизном суде разбирается дело против А, В и С. В заявляет, что не совершал ничего незаконного. С, в свою очередь, говорит, что ему, вместе с женой и третьим лицом (*estrangle*), принадлежит держание. Ассизные судьи поддерживают неназванного истца, заявляя, что А получил держание (*lease*) на срок жизни и «нарушил условия аренды», В передал свои права истцу, нарушив договор. Все оказываются заключенными в тюрьму. А – на срок выплаты штрафа (*fine*). Заключение в тюрьму В, его жены и третьего лица – противоречит, отмечено в конспекте, ВХ. Тюремное заключение С на год и один день законно, и судьи, кроме того, могут взыскать штраф со всего его имущества.

Лектор на это сказал, что следует проводить различие между тем, кто отказывается выполнять условия держания, и тем, кто отказывается от своих прав на держание. Затем он по непонятной причине поведдал о различии между видами денежных наказаний – *amercement*, *fine* и *ransom*. Первое накладывается за невыполнение обязательств, второе – за плохое и небрежное исполнение, третье накладывается на солдат⁴⁵.

В 5-й лекции Снегг остановился на том, что в хартии именовалось «обездолен» (*destruatur*). *Казус.* Король пожаловал мэру и жителям го-

⁴⁴ *Lectura prima Magistri Roberti Snagge 1580: 260–261.*

⁴⁵ *Ibid: 262.*

родка Дейл (Dale), что отныне мэры и его преемники будут с теми же полномочиями, какие действуют в других местностях королевства, исполнять обязанности мировых и уголовных судей. Мэр утратил рассудок (*le maior devient de non sans memorie*). Король умер. Мэр обвинил безвинного Джона Стайла в тяжком преступлении (*felonie*) и повелел должностному лицу (*officer*) казнить того, что и было исполнено. Но это деяние следует считать только уничтожением одного (Стайла)⁴⁶, но не другого (мэра). Ибо, если уголовный судья в одном из графств Англии утратил рассудок и стал причиной казни, то не следует ли его на основе ВХ лишить должности, т.е. обездолжить?

Рассматривая казус, лектор вначале задался вопросом: должны ли полномочия мэра прекращаться со смертью короля или со смертью самого мэра? Снегг полагает, что не должны, поскольку в данном случае «не похоже», чтобы полномочия предоставлялись персонально, а не целой корпорации. Со смертью же короля прекращаются только персональные «особые» полномочия. Слабоумие (*imperfection de son ment*) не может лишать мэра должности или полномочий, поскольку они обладают не персональной, а корпоративной принадлежностью, а корпорация не может становиться немощной или недееспособной, впадшей в детство или безумие (*come popage ou non compros mentis*). И поведение должностного лица, выполнившего повеление мэра и произведшего казнь, было правильным, поскольку такой приговор предусмотрен правом. Но в том случае, когда полномочия судьи заканчиваются со смертью короля, такое действие стоящего под судьей должностного лица не может считаться правильным⁴⁷.

Последняя, 6-я, лекция была посвящена суду пэров и тому, каковы по этому суду, должно быть «законное решение», «законный приговор». Для Р. Снегга «*legale iudicium parium suorum*» 29 ст. ВХ означало, так, во всяком случае, зафиксировал студент, «законное решение суда пэров» (*triall per pares*). Это существенно отличало позицию юриста от многих его современников, которые фразу «*legale iudicium parium suorum*» 29 ст. ВХ читали, как «суд равных». Практически одновременно со Р. Снеггом У. Флитвуд писал о «законном приговоре лиц одного статуса» (*lawfull judgment of men his degree*)⁴⁸.

Казус. Якобы дочери герцога Норфолка, старшая, вышедшая замуж за короля Шотландии, и младшая, вышедшая за английского пэра, замыслили измену и были по законному приговору Суда Королевской скамьи в присутствии 12 равных приговорены к смерти. Это и есть суд пэров. В объяснениях говорилось, что суд над благородными должны проводить благородные, а король Шотландии в Англии всего лишь дворянин (*gentilman*). Статус благородных жен определяется статусом мужей⁴⁹.

⁴⁶ Ibid: 263.

⁴⁷ Ibidem.

⁴⁸ A Discourse 2012: 55.

⁴⁹ Lectura prima Magistri Roberti Snagge 1580: 263-264.

Подведем итоги. Трактат, который, если верить автору, вырос из его чтений, действительно, ставит проблему права, власти и ВХ. Роберт Снегг, в отличие от многих современников, не возводит происхождение английского общего права к троянцам и мифическому Бруту, просто ограничившись констатацией его древности, превосходства и незапамятности. Совершенно в духе традиции он пишет о том, что цезуры в существовании государственности и права вызывались вторжениями и завоеваниями, которые экзистенциально подтверждали совершенство английского общего права, поскольку его перфекционизм заставлял завоевателей восстанавливать право побежденных. Но здесь Снегг вновь отходит от традиции: он считает, что возрождение древнего права произошло не в начале XII в. при Генрихе I, а полтора века спустя – при Генрих III, когда сначала была дарована ВХ (1225), а потом парламент превратил ее в статут. Снегг однозначно заявляет: в Англии нет ничего ценнее древнего, возрожденного после лишений и борьбы, правового строя, который четко очерчивает пределы власти, манифестирует и защищает 29 ст. ВХ права подданных. Вместе с тем, как видно из студенческого конспекта чтений, высокие нормативные положения трактата, либо не декларировались в ходе лекций столь очевидно, либо воспринимались, как некое, может быть, привычное заклинание, ритуальность которого не требует дополнительной фиксации и не вызывает полемики. Это говорит о том, что ВХ и 29 ст. носили рамочный характер. К рамке привыкли, и студент фиксировал те нормы, практики, процедуры, которые, в отличие от рамки, будут востребованы повседневно в реальной адвокатской жизни.

Иначе говоря, в последней четверти XVI века ВХ и ее знаменитая 29 ст. не получили еще тот радикальный смысл, который обретут в последнее предреволюционное десятилетие. Люди двух разных поколений, которых отделяло друг от друга 50 лет, читали текст 29 ст. ВХ по-разному, и обозначить их реперные смыслы можно только в контексте не сопоставляемых по времени политических событий и разной политической риторики. В 1580-х гг. ВХ, вероятно, двигалась от периферии к ядру правового сознания, обретала новые референции, чтобы стать одной из центральных риторических фигур в конце 1620-х – 1630-е гг.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Кондратьев С.В. Антикваризм и юнионизм Джорджа Салтерна // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия: История, филология. 2015. Т. 14. № 8. С. 39–50 [Kondratiev S.V. Antikvarizm i yunionizm Dzhordzha Salterna // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija, filologija. 2015. T. 14. № 8. S. 39–50].
- Кондратьев С.В. Все могут короли, все могут короли?...» (Королевская власть и свобода подданных в парламентских дебатах и судебных тяжбах предреволюционной Англии). Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2018(a) [Kondratiev S.V. Vse mogut koroli, vse mogut koroli?...» (Korolevskaya vlast i svoboda poddannyh v parlamentskih debatah i sudebnyh tyazhbah predevolyucionnoj Anglii). Tyumen: Izdatelstvo Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta, 2018 (a)].
- Кондратьев С.В. Сержанты и подмастерья права в предреволюционной Англии // Вестник Томского гос. ун-та. История. 2018(b). № 55. С. 80–86 [Kondratiev S.V. Serzhanty i

- podmaster'ya prava v predrevolyucionnoj Anglii // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. 2018(b). № 55. S. 80–86].
- A Discourse upon the Commission of Bridewell // Oxford Francis Bacon. Vol. I: Early Writings 1584–96 /Ed. A. Stewart. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 51–60.
- Baker J. Reinvention of Magna Carta 1216–1616. Cambridge: C.U.P., 2017.
- Baker J. Introduction to English Legal History. Oxford: Oxford University Press, 2019.
- Bracton H. De Legibus Et Consuetudinibus Angliæ / Ed. by T. Twiss. Cambridge: C.U.P., 1878.
- Coke E. Reports / Ed. by J.H. Thomas. L.: Joseph Butterworth and son, 1826. Vol. II., Pt. 3.
- Great Charter of Henry III (tried reissue, 11th February, 1225) // Magna Carta. Commentary of Great Charter of King John. Glasgow, 1914. pp. 497–508.
- Garnett G. Sir Edward Coke's resurrection of Magna Carta // Magna Carta: History, Context and Influence / Ed. by L. Goldman. L.: University of London, School of Advanced Studies, Institute of Historical Research, 2018.
- Greenberg J. Radical Face of the Ancient Constitution: St Edward's 'Laws' in Early Modern Political Thought. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
- Lectura prima Magistri Roberti Snagge in quadragesima incepta 14 die Februarii 1580 anno 23 Eliz. sur lestatute de Magna Carta ca. 29, Nullus liber homo etc. // Selected Readings and Commentaries on Magna Carta 1400–1604 / ed. J. Baker. L.: Selden Society, 2015. Vol. 132. P. 256–264.
- Pocock G. A. Ancient Constitution and Feudal Law. A Study of English Historical Thought in the Seventeenth Century. A Reissue with a Retrospect. Cambridge: C.U.P., 1987.
- Snagg R. Antiquity & original of Court of Chancery and Authority of Lord chancellor of England being a branch of Serjeant Snagg's reading, upon the 28 chapter of Magna Charta, at the Middle Temple, in Lent, 13 Eliz. with his congratulatory epistle, (by way of preface) to the Lord Chancellor Hatton, in 29 Eliz. London: Printed for Henry Seile over against Saint Dunstons Church in Fleetstreet, 1654.
- Sommerville J.P. Royalists and Patriots, Politics and Ideology in England, 1603-1640. London: Routledge, 2014.
- Thompson, F. Magna Carta: Its Role in Making of the English constitution 1300–1629. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1948.

Кондратьев Сергей Витальевич, доктор исторических наук, профессор, кафедра новой истории и мировой политики, Тюменский государственный университет; skondratiev@utmn.ru

Law, royal power, Magna Carta and legal routine in the reading of Robert Snagg (1581)

The article describes the reading of the lawyer Robert Snagg, delivered in 1581 and devoted to chapter 29 of the Magna Carta of Henry III (1225). The content of reading is reconstructed on the basis of the treatise published later by the lawyer and records of one of students. It shows that the lawyer believed that the ancient perfect English law, defining the limits of Royal power, had been destroyed by the Norman Conquest and restored by the Magna Carta granted by Henry III. But the student had not fixed these fundamental moments, leaving records with the analyzed cases and records of transfer of land possessions. This says that in the 1580s the Magna Carta and its chapter 29 were of a framework nature and did not have the radical meaning that they would acquire in the 1630s.

Keywords: Robert Snagg, law, royal power, Magna Carta, subjects, readings

Sergey Kondratiev, Dr. Sc. (History), Professor at Department of Modern History and World Policy, Tyumen State University; skondratiev@utmn.ru

**КНИГИ КАК ПРЕДМЕТ «ПОКАЗАТЕЛЬНОГО
ПОТРЕБЛЕНИЯ»: ОПЫТ КОМПАРАТИВНОЙ ИСТОРИИ
(на примере библиотек Н.С. Мальцова и И. Физия)**

В статье представлен сравнительный анализ домашних библиотек, собранных двумя просвещенными представителями привилегированных слоев общества – Н.С. Мальцовым и И. Физием – в России начала XX в. и Нидерландах середины XVII в. В соответствии с подходом, сформулированным в рамках парадигмы «новой истории чтения» (Р. Дарттон, Р. Шартье), каталог частной библиотеки рассматривается как важный источник для изучения ментальности ее обладателя. Выявляются сходства между социокультурным статусом владельцев библиотек и мотивами, побуждавшими их собирать коллекции книг. Для объяснения этих мотивов используются концепты «показательного потребления» и «праздного класса», введенные Т. Вебленом.

***Ключевые слова:** социокультурная история, компаративная история, история досуга, история чтения, Н.С. Мальцов, Лейден, библиотека И. Физия*

«Обладание книгой и ее чтение как социокультурная практика, воплощенная в характерных для той или иной эпохи поступках, пространствах и привычках», – так очертил несколько десятилетий назад область своего интереса французский историк Роже Шартье¹. С именами Роже Шартье и американского историка Роберта Дарттона в первую очередь связывается развитие в зарубежной историографии новаторской парадигмы исторических исследований – «новой истории чтения».

Центральную роль в этой парадигме, порожденной «культурным», или «лингвистическим» поворотом в мировой историографии в 1980–1990 гг., вдохновленным постструктуралистской философией, играет акцент на репрезентациях, смысловых значениях тех или иных понятий и категорий². Особенно важным считается выявление разницы между значениями, которые вкладывают в то или иное историческое понятие историки, исследуя его столетия спустя, и значениями, которое вкладывались в такое понятие современниками в прошлом: то, как мы сегодня видим и объясняем причины и мотивы поступков исторических героев, может совершенно не совпадать с тем, чем руководствовались они сами. Подобный «историко-культурный», «историко-семантический» подход задал тренд на несколько десятилетий вперед и уже породил множество интересных исследований в области историко-культурных исследований как в мировой, так и в отечественной историографии³.

Ставшая неотъемлемой частью «культурного поворота» в историографии парадигма «новой истории чтения» сдвинула фокус с традиционно бывших в центре внимания историков культуры и историков книги авторов, их издателей и продавцов – на читателей книг и коллек-

¹ Chartier 1994: 3. См. также: Шартье 2006.

² Steinberg 1996: 348.

³ Репина 2011.

ционеров, с книги как таковой – на субъективную реакцию на книгу. Основные вопросы, которые начали ставить перед собой исследователи, работающие в парадигме «новой истории чтения», это – не «кто» и «зачем» писал и издавал книги, а «кто» их читал и собирал, и «где», «когда», и, главное, «зачем» осуществлялось это чтение и собирание. Как замечал в программной статье «Что такое история книги?» Р. Дарнтон, «лондонский купец XVII века существовал в принципиально иной ментальной вселенной, чем американский профессор XX века»⁴. Проще говоря, даже если в библиотеках представителей разных исторических эпох обнаружатся одинаковые книги, социальный и культурный смысл их наличия, собирания и чтения едва ли окажется схожим. В этом смысле понять, как и почему люди читали и собирали книги, означает – получить представление о менталитете героев прошлого и настоящего и, следовательно, приблизиться к пониманию социальных и культурных событий и контекстов той или иной исторической эпохи.

При таком подходе ценнейшим источником информации становится каталог частной библиотеки исторического персонажа: такой каталог является своего рода путеводителем по ментальности, интересам и взглядам составителя библиотеки. По словам Р. Дарнтонна, именно изучение частных библиотек способно увязать два краеугольных для «истории чтения» вопроса – «какие» и «кем» собираются книги, что, в свою очередь, позволяет подойти к ответу на третий вопрос – «зачем» это делается. При этом «каталог частной библиотеки будет характеризовать ее владельца, даже если он не читает всех книг, которые стоят у него на полке, и наоборот, читает множество книг, не приобретая их»⁵.

В отечественной литературе схожий взгляд, учитывавший «многообразие читательских практик и интерпретаций читаемого», видение чтения как «специфического социального института, основывающегося на сложном взаимодействии ролей внутри него (автор, читатель, издатель, книготорговец, критик, педагог и т.п.) и находящегося в постоянном взаимодействии с другими социальными институтами (государство, экономика, мораль, религия и т.п.)»⁶, высказывали в последние десятилетия А.И. Рейтблат, Л.Д. Гудков, Б.В. Дубин⁷. Тем не менее, в сугубо исторических исследованиях по истории России подход, сформулированный в рамках парадигмы «новой истории чтения» пока почти не применяется. Между тем, его потенциал очевиден – еще и потому, что именно в контексте «новой истории чтения» может и должен, учитывая обширную зарубежную историографическую практику, быть задействован и компаративный подход к изучению исторических явлений и процессов. «Эвристически компаративный подход служит идентификации проблем и тем, которые иначе не попали бы в поле зрения историков,

⁴ Darnton 1982: 79-80.

⁵ Darnton 1986: 153-177.

⁶ Рейтблат 2014.

⁷ См.: Гудков, Дубин, Страда 1998; Рейтблат 2009.

или обзор которых сопровождался бы известными трудностями, дескриптивно – помогает более выпукло увидеть конкретное явление или процесс, аналитически – оказывает неоценимую помощь историческому объяснению, а парадигматически – служит отстранению историка от своего предмета, своего рода концептуальной «депровинциализации» его взгляда», – указывает немецкий историк Юрген Кока⁸.

Добавим, что историческое сравнение может быть как синхронным, так и диахронным. Учитывая все вышесказанное, мы предлагаем опыт сравнения двух частных библиотек, созданных в Нидерландах и России во время модернизации их обществ – в середине XVII в. и начале XX в. соответственно. Будучи рассмотренным в оптике «новой истории чтения», менталитет их владельцев, а также социокультурные процессы в двух странах, разделенные двумя с лишним столетиями, обнаружат не только отличия, но и немалое сходство, что позволит предложить новые, нетривиальные исторические объяснения.

Начнем с российской частной библиотеки, которая, увы, дошла до наших дней фрагментарно, представляя собой, тем не менее, как нам видится, осколок весьма характерного и очень любопытного явления. Это библиотека Н.С. Мальцова (1848–1939), просвещенного наследника известной династии российских промышленников Мальцовых, которую он собирал в своем имении Симеиз на Южном берегу Крыма.

Несмотря на высокие звания генерал-майора, шталмейстера императорского двора и службу (до середины 1880-х гг.) в качестве чиновника кодификационного отдела Государственного совета, именно с деятельностью, точнее – с активным и просвещенным досугом Н.С. Мальцова на Южном берегу Крыма связаны, в первую очередь, следы, которые он оставил в истории России и ее культуры. В 1894 г. вместе со старшим братом И.С. Мальцовым, полковником лейб-гвардии Кавалергардского полка, штаб-офицером для поручений при Императорской главной квартире, Н.С. Мальцов вошел во владение симеизским имением отца, выдающегося русского промышленника С.И. Мальцова, скончавшегося 21 декабря 1893 г. в Санкт-Петербурге. Этому предшествовала многолетняя эпопея: сложная, растянувшаяся на несколько этапов история банкротства промышленной империи С.И. Мальцова, помещенного в конце жизни под опеку, его многолетняя финансовая тяжба с женой А.Н. Урусовой использовавшей против мужа административный ресурс – свою близкую дружбу с императрицей Марией Александровной⁹. В завещании С.И. Мальцов демонстративно не упомянул ни супругу, ни детей, распорядившись направить большинство средств на нужды Министерства народного просвещения. Однако родственники в судебном порядке предъявили права на крымское имение Симеиз, попросив считать его оставшимся без наследственных распоряжений, и добились своего: наследниками имения, оцененного почти в 200 тыс. руб-

⁸ Кока 1996: 197-209.

⁹ Захарова и др. 2014: 30.

лей, были объявлены супруга и шестеро детей С.И. Мальцова¹⁰. Было решено оставить его в общем владении И.С. и Н.С. Мальцовых.

Новые хозяева Симеиза уже к 1898 г. построили для себя по особняку в восточной (Н.С. Мальцов) и западной (И.С. Мальцов) частях имения (после национализации Советской властью эти дома стали корпусами разных санаториев и в сильно обветшавшем виде сохранились до наших дней), а с 1900 г. начали преобразование ландшафта и подготовку к продаже выделенных из бывшего отцовского имения земельных участков под дачное строительство. Продажа стартовала в 1902 г.: так родился ставший впоследствии широко известным дачный курорт Новый Симеиз, «мекка» технической и творческой интеллигенции на Южном берегу Крыма. В литературе до сих пор не дано четко документированного объяснения решения братьев Мальцовых о распродаже унаследованных земель. Как представляется, естественное желание братьев укрепить свое финансовое положение, не занимаясь, в отличие от отца, никаким серьезным торгово-промышленным делом (после банкротства империи С.И. Мальцова в 1888 г. они остались лишь владельцами имения в Симеизе, домов в Москве и, возможно, других объектов недвижимости, обслуживание которых само по себе требовало немалых ресурсов¹¹), легло на благоприятную почву: к началу XX в. Крым, в особенности его Южный берег, переживал туристический бум¹². Возможно, в решении распродать землю дачникам дополнительно сыграли роль и другие обстоятельства: к примеру, начавшаяся в Крыму эпидемия филлоксеры, нанесшая удар по доходам симеизских виноградарей Мальцовых, или успех курорта Гурзуф, устроенного к востоку от Ялты конкурентом С.И. Мальцова, железнодорожным магнатом А.И. Губониным.

Расчет оказался верным: в короткие сроки участки под дачи были раскуплены, обеспечив своим бывшим хозяевам безбедное существование. Тогда же Н.С. Мальцов, увлекавшийся астрономией, построил на своем участке земли вблизи шоссе Ялта – Севастополь башню для небольшого телескопа и домик для сторожа, заказал у фирмы «Цейсс» двухкамерный астрограф, чтобы фотографировать небо, начал строительство новой башни с пятиметровым куполом. Мальцовскую обсерваторию случайно увидел астроном А.П. Ганский, который прибыл в Крым с Г.А. Тиховым, впоследствии известным исследователем Марса, для наблюдений зодиакального света на горе Ай-Петри. По возвращению в Пулковку Ганский написал два письма в Симеиз, и Мальцов, довольный проявленным к его увлечению интересом, предложил свою обсерваторию в дар Пулковской обсерватории, продолжив бескорыстно поставлять ей инструменты, научную литературу и оборудование. По представлению, сделанному директором Пулковской обсерватории академиком О.А. Баклундом, за создание и техническое оснащение обсер-

¹⁰ ГАРК. Ф.333. Оп.1. Д.1: 67-71, 83, 90-91.

¹¹ Арсентьев, Макушев 2002: 158.

¹² Мальгин 2004: 114–116.

ватории в Симеизе Н.С. Мальцов был избран почетным членом Российской Академии наук.

В 1919 или 1920 г. Н.С. Мальцов эмигрировал из Крыма за границу, жил во Франции, но продолжал помогать уже советской Симеизской обсерватории, высылая деньги и новую научную литературу. Одна из вновь открытых малых планет была названа в его честь «Мальцовой». Не имея семьи, Н.С. Мальцов последние годы жизни провёл в Русском доме для престарелых эмигрантов в Ментоне на французской Ривьере. По легенде, часто упоминаемой в краеведческой литературе, в 1929 г. директор Симеизской обсерватории Неуймин обратился к Мальцову с просьбой написать автобиографию, на что тот ответил отказом: «Я не вижу в своей жизни ничего примечательного, кроме одного эпизода — принятия Пулковской обсерваторией моего дара. Это событие я считаю для себя огромной честью»¹³. Умер Н.С. Мальцов 30 августа 1939 г. и был погребён в Ментоне на русском кладбище (не сохранилось).

Если дом, выстроенный в Симеизе Н.С. Мальцовым, и его симеизская обсерватория дошли до наших дней в относительной целостности и сохранности, то его библиотека, насчитывавшей, по оценкам современников, до 20-ти тысяч томов по разным отраслям знаний, повезло меньше. После отъезда Н.С. Мальцова в эмиграцию и национализации его имени библиотека много раз делилась и меняла принадлежность различным советским учреждениям. Сегодня книги из библиотеки Н.С. Мальцова, узнаваемые по характерному экслибрису с гербом рода Мальцовых и ромбовидному ярлыку-наклейке для рукописного указания номера книги, находятся в библиотеках Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук, Алушкинского дворца-музея, Крымского республиканского краеведческого музея «Таврика», отдела редкой книги ялтинской Центральной городской библиотеки им. А.П. Чехова и других собраниях. История перемещения коллекции книг отчасти восстановлена в публикациях И.С. Ганжа и Е.Е. Филатовой¹⁴. Главным источником, дающем представление о библиотеке Мальцова во время его пребывания в Симеизе, на который ссылаются оба указанных исследователя, являются мемуары его племянника П.С. Урусова, изданные на английском языке в США и частично переведенные и опубликованные на русском языке крымским исследователем О.А. Литаш в 2001 г. Именно в них дана наиболее полная характеристика собрания книг, которую имеет смысл привести целиком:

«В ней было около 20000 книг, все превосходно переплетены (большинство переплетов из натуральной кожи) и в превосходном состоянии. Множество книг размещалось в большом библиотечном зале в шкафах с полками и ящиками, которые тянулись вдоль всех стен. Шкафы были обрамлены деревом, оббитым панелями, и закрыты решетками из кованого железа. Можно было провести несколько жизней за чтением этих книг, и при этом прочитать только часть библиотеки. Кроме книг, здесь имелось большое количество иностранных перио-

¹³ Неяченко 1984.

¹⁴ Ганжа 2018; Филатова 2017: 226-228.

дических журналов и газет, на которые подписывался мой дядя. Здесь были настоящие коллекции русской, французской, английской и немецкой литературы. В шкафах стояли сотни научных томов, относившихся главным образом к астрономии. За ними шли книги, которые доставляли мне наслаждение – книги по истории. Мой дядя обладал наилучшими произведениями разных эпох и стран и солидной коллекцией биографий и автобиографий. Так что я в течение двух лет мог сосредоточиться на систематическом чтении большого количества исторических книг. В качестве примера я возьму Францию XIX столетия. Я нашел здесь наилучшие источники, такие как “История консульства” Адольфа Тьера, “История первой империи” Вандаля, “Реставрация” Вьей-Кастеля, “Июльская монархия” Т. д’Анжа, “Либеральная империя” Эмиля Оливье и “История третьей республики” Габриэля Оното. Каждый из этих трудов содержал в себе множество томов. Я помню, что история Реставрации, которая занимала период всего лишь в 15 лет, состояла из 20 больших томов. Моим, так сказать, десертом были биографии или воспоминания, потому что я привнесил определенную дисциплину в порядок своего чтения. Каждый день я начинал с исторических книг, продолжал чтением биографий. Так я узнавал то, что было необходимо знать, а на биографиях я мог отдохнуть¹⁵.

После отъезда Н.С. Мальцова за границу все его имущество, включая библиотеку, было национализировано. В ходе национализации коллекция книг была разделена на части, и дошла до наших дней в виде небольших фрагментов. Так, в коллекции Алушкинского дворца-музея оказались 280 томов книг по различным дисциплинам, в основном по истории (более 100 единиц хранения), в отделе редкой книги ЦГБ им. А.П. Чехова в Ялте – в основном периодические издания, путеводители и мемуарная литература на французском и английском языках (более 300 единиц хранения). Не сохранилось и каталога библиотеки.

Между тем, вопросов, на которые этот каталог мог бы ответить, очертив «карту ментальности» своего владельца, немало. Какими были взгляды на жизнь, занятия и интересы Н.С. Мальцова? Отчего он рано оставил службу при дворе и чему посвятил с тех пор свои труды и дни на Южном берегу Крыма – неужели только досугу, любительским занятиям астрономией, виноделию и коллекционированию книг? Почему не создал ни семьи, ни мемуаров? Отчего не принял деятельного участия, в отличие от своего брата И.С. Мальцова, в обустройстве дачного курорта Новый Симеиз? Из воспоминаний П.С. Урусова мы знаем:

«... дядя Николай родился во время царствования Николая I, которого он помнил так же хорошо, как и Крымскую войну 1854 года. У него была отличная память, живой и острый ум; он проводил свою жизнь, путешествуя, охотясь, читая и учась. Он был особенно увлечен астрономией и подарил государству одну из лучших в России обсерваторий, которая была построена и великолепно оборудована благодаря его щедрости. В 1917 году мы имели обыкновение иногда подниматься сюда: обсерватория находилась в гористой местности. Мы брали с собой гостей и с помощью астронома смотрели на звезды через телескоп (...) Дядя имел много друзей самых разных занятий: среди них были ученые, врачи и даже крестьяне. Свою юность он провел среди придворного круга, а его мать была близкой подругой императрицы Марии Александровны. Он так любил свою независимость, что после смерти императора отошел от придворной жиз-

¹⁵ Литаш 2001: 50–71.

ни, за исключением круга общения великого князя Сергея, друга детства, с которым виделся в Москве каждый год. В 1917–1919 годах во время нашего длительного пребывания в Симеизе я постоянно изводил дядю, заставляя вспоминать подробности его жизни, жизни двора и Санкт-петербургского общества так много и часто, что у меня возникало чувство, будто я сам жил в те дни»¹⁶.

Эти слова наводят на размышления, но оставляют немало вопросов. Подсказать ответы на них может опыт исторического сравнения. Куда более счастливая, чем у собрания книг Н.С. Мальцова, судьба была уготована библиотеке, сформированной таким же, как он, просвещенным и, что немаловажно, досужим представителем привилегированного класса в другой стране двумя с половиной веками ранее. Речь идет о библиотеке жителя нидерландского города Лейдена Иоганнеса Физия (1622–1653), который собрал богатую коллекцию книг своего времени и более ранних эпох, выпущенных в разных европейских странах, посвященных таким разнообразным темам, как религия, астрономия, медицина, история, теология, география, искусство, право и ботаника. В своем завещании Физий, скончавшийся от быстро развившейся болезни в возрасте тридцати одного года, пожертвовал свою библиотеку для просвещения жителей Лейдена. Этот акт обеспечил коллекции благоприятную судьбу: в отличие от многих других частных библиотек XVII в., она не была разделена на части и продана с аукционов после смерти владельца, но сохранилась до наших дней в историческом здании, построенном специально для ее содержания согласно завещанию Физия на канале Рапенбург в центре Лейдена, по соседству с главным зданием Лейденского университета (сегодня библиотека Физия – часть отдела специальных коллекций библиотеки Лейденского университета).

Библиотека И. Физия каталогизирована и неплохо изучена, однако в последние годы стала предметом дискуссий в историографии. До недавнего времени большинство голландских историков и филологов, писавших об И. Физие и его библиотеке (первая работа, посвященная этой теме, была опубликована еще в начале XX века¹⁷), традиционно видели в нем прежде всего идеального героя эпохи гуманизма и просвещения, ученого-юриста, беззаветного служителя прогресса, создавшего институт распространения знания для будущих поколений¹⁸. И лишь в последнее десятилетие стали слышны голоса, предлагающие отказаться от объяснений, экстраполирующих идеологемы либеральной профессуры XX века на столетия назад, и взглянуть на мотивации Физия более реалистично, глазами человека его эпохи. При таком подходе становится ясно, что Физий – это не некий «новый Прометей», а, напротив, молодой повеса, наследник неплохого состояния, homo edens – человек потребляющий, богатый член нового «праздного класса» голландской республики «золотого века», для которого коллекционирование книг было

¹⁶ Литаш 2001: 55.

¹⁷ Block 1907.

¹⁸ Hoftijzer 2008.

такой же неотъемлемой частью его стремящегося соответствовать моде образа жизни, как траты на лошадей, элегантные костюмы и луковицы тюльпанов (не говоря уже о том, что он вовсе не был ученым, хотя и закончил, правда, с большим трудом, юридический факультет Лейденского университета). Так, голландский историк Э. Мауриц в своей недавней работе подсчитала: «Если суммировать все расходы на одежду, обувь и аксессуары, это составит примерно три четверти того, что Физий потратил на книги. С учетом этого знания основатель знаменитой библиотеки, в котором мы так хотим видеть просвещенного гуманиста, предстает в несколько ином свете (...) Его образ гораздо более красочен и сложен, чем кажется на первый взгляд»¹⁹.

Изыскания в библиотеке И. Физия, осуществленные Е.В. Дмитриевой при помощи автора настоящей статьи, подтверждают эту гипотезу²⁰. Сосредоточившись на книгах по ботанике – теме, исключительно модной в Европе в XVI–XVII вв.²¹, – и уделив пристальное внимание «книжной археологии», т.е. изучению физического состояния книг из коллекции, их переплетов и обложек, наличия пометок на полях, надписей и подчеркиваний на страницах, автор обнаружила в библиотеке Физия множество книг выдающихся авторов-ботаников, от Фукса и Брунфельса до Клузиуса и Баугина, многие – в первоизданиях. Однако ни одна из них не имела каких-либо признаков собственно чтения – паратекстуальных элементов (распространенных в то время), царапин, сложенных страниц и т.д. Возможно, как хороший коллекционер, Физий был чрезвычайно педантичен в обращении с ценными томами, однако автор предлагает другую версию: все эти книги были куплены прежде всего не для чтения и самообразования, а дабы соответствовать моде, повысить свой престиж в обществе и, что также немаловажно, в собственных глазах. Е.В. Дмитриева предполагает, что страсть Физия к коллекционированию модных и «статусных» книг по ботанике можно объяснить с помощью социологического концепта «показательного потребления». В своей книге «Теория праздного класса» (1899) и призванной осмыслить социокультурные изменения на рубеже XIX и XX вв., Т. Веблен предположил, что, когда стадия первоначального накопления капитала буржуазией и промышленниками успешно завершилась, представители этих классов захотели не только быть самыми богатыми среди себе подобных, но и перенять престижные привычки аристократов – «праздного класса»²². Отсюда – страсть к «показательному потреблению», осознанному нуворишам как основное занятие «праздного класса», направленное на демонстрацию личного статуса, богатства и престижа. Субъект, потреблявший «напоказ», следовал уже не общепринятой модели «экономического человека», чей интерес заключался в мак-

¹⁹ Mourits 2017.

²⁰ Dmitrieva 2018.

²¹ Egmond 2010.

²² Веблен 1984.

симизации прибыли для дальнейших инвестиций в бизнес, а, наоборот, тратил свои средства на изысканную роскошь. Позднее П. Бурдьё развил аргументацию Веблена, заявив, что если экономическая власть – это прежде всего способность дистанцироваться от экономической необходимости, то эта растущая дистанция будет проявляться в «показательном потреблении»: таким образом экономический капитал конвертируется в более символический социокультурный²³.

Предположение Е.В. Дмитриевой не лишено смысла. Хотя сама по себе теория Веблена была постулирована как объяснение социальных и культурных изменений рубежа XIX–XX вв., социокультурные модели «показательного потребления» характерны для любых обществ, проходящих через период модернизации, и были описаны в таких странах, как Англия, Италия, Польша в XVII вв., и, конечно же, в Нидерландах так называемого «золотого века» (конец XVI – первая половина XVII в.), где это явление достигло своего пика как раз во времена Иоганнеса Физия²⁴. Блестящий разбор «моральной экономики» (по выражению Э.П. Томпсона) нидерландского бюргерства дал в своей фундаментальной монографии «Смушение богатых» британский историк Симон Шама. По его мнению, отличительной особенностью ментальности резко разбогатевших в результате нидерландской буржуазной революции бюргеро-горожан было парадоксальное сочетание показательной тяги к тратам на роскошь и стремления поместить эти траты в рамки приличий, освященных кальвинистской моралью и духом просвещения²⁵.

В полном соответствии с этой логикой, молодой наследник капитала Физий мог действительно быть неравнодушным к покупкам «статусных» предметов роскоши, к которым он, однако, причислял в первую очередь не одежду и мебель, а книги известных ученых. Он жил в Лейдене, городе богатых и хорошо образованных иммигрантов из Южных (католических) Нидерландов и их потомков, рядом с молодым, стремившимся укрепить свой престиж университетом, ботаническим садом (располагавшимся, кстати, почти по соседству с домом Физия), где знаменитый ботаник Клузиус интродуцировал экзотические луковичы тюльпанов. В подростковом возрасте Физий стал свидетелем пресловутой «тюльпановой лихорадки» 1636–1637 гг. – безудержного роста котировок фьючерсов на тюльпаны. Сам голландский стиль садоводства того времени описывается исследователями как «чем пестрее и разнообразнее, тем лучше»²⁶. Собирая свою библиотеку, Физий воспроизвел схожую логику собирания разнообразных ценных, «статусных» предметов для завоевания престижа, прежде всего в своих собственных глазах.

Заслуживает особого внимания предположение Е.В. Дмитриевой, что само предсмертное желание Физия пожертвовать свою библиотеку

²³ Bourdieu 1979.

²⁴ Bogucka 1989; Burke, 1993; Stone, 1967.

²⁵ Schama 1987.

²⁶ Clifford 1966: 102.

жителям Лейдена, которое было столь поэтизировано либеральной профессурой во второй половине XX века как акт бескорыстного гуманизма, на самом деле можно рассмотреть и как высшую форму «демонстративного потребления», конечный акт борьбы Физия за престиж и уважение в глазах жителей Лейдена. Образованный и богатый молодой человек, Физий мог бы сделать карьеру юриста, но предпочел досуг и «показательное потребление» статусных товаров, от мебели, перчаток и меховых шапок до луковиц тюльпанов и книг. Умерев молодым, он оставил после себя не научные рукописи, а записные книжки, куда тщательно записывал траты на «шопинг». Но тогда как ковры и костюмы Физия давно превратились в пыль, его библиотека стоит на канале Рапенбург в Лейдене как живой памятник тщеславию – тому самому тщеславию, которое, в конце концов, действительно способствовало просвещению.

Не подобными ли тщеславными мотивами был, на самом деле, вызван и дар Н.С. Мальцова своей обсерватории Российской академии наук? Между нашими героями немало общего: оба были наследниками больших состояний и семейных предпринимательских традиций, оба жили в эпоху капиталистической модернизации, но не пожелали продолжить дело предков и приумножать семейные капиталы, а обратились вместо этого к их растрате, просвещенному досугу, любительскому занятию науками и коллекционированию книг и иных предметов роскоши.

Именно перечисленные занятия, по мнению Т. Веблена, и являются характерными признаками принадлежности к «праздному классу»:

«Праздность, являясь общепризнанным свидетельством обладания богатством, закрепляется в образе мысли людей как нечто, что само по себе обладает значительными достоинствами и существенно облагораживает. (...) Нематериальными свидетелями праздности являются квазинаучная или квазихудожественная деятельность, знания о мертвых языках и оккультных науках, различного рода семейном музицировании и самодеятельном искусстве, о том, как следует сегодня одеваться, обставлять жилье и какой иметь выезд, об играх и развлечениях, а также о любимых питомцах (...) Многие общественные деяния, официально бескорыстные по духу, выполняются прежде всего с целью поднятия репутации, в значительном числе такого рода учреждений завистническое побуждение является явно господствующим (...) это особенно справедливо в отношении крупных, демонстративных расходов – например, учреждения публичной библиотеки»²⁷.

Несомненно, «показательное потребление» является продуктом изменений в экономических, социальных и культурных структурах, которые происходят в течение длительного времени. Возможность Физия вести жизнь просвещенного модника и видного коллекционера книг была обеспечена богатством, накопленным его предками, богатыми ювелирами и купцами из Антверпена, эмигрировавшими в Амстердам. Основой достатка Н.С. Мальцова стали капиталы отца и унаследованное имение Симеиз на Южном берегу Крыма, которое он вместе с братом размежевал на участки и пустил в продажу под дачи. В своем эссе «Гол-

²⁷ Веблен 1984: 88-90, 317.

ландская цивилизация в семнадцатом веке» Йохан Хейзинга, характеризует состояние Нидерландов на излете т.н. «золотого века», пишет:

«Здоровая и простая форма благосостояния, охватывающего широкие слои населения, между тем, имела, в социальном плане, свои негативные стороны. (...) Стала ли Голландия страной рантье? (...) Без сомнения, в правящих и состоятельных классах оставались энергичные натуры, которые были при деле... но для среднего представителя правящего сословия занятия, помимо чинной говорильни погрязшего в рутине городского управления, ограничивались беседами с садовником, управляющим и нотариусом. Интеллектуальная деятельность, которая могла бы заполнить такое существование, переместилась... в оборудование кабинетов естественнонаучных коллекций, что стало почти необходимым для поддержания репутации. Все это вместе взятое, какую бы культурную пользу оно не приносило, без всякого сомнения поглощало немалую долю энергии нации»²⁸.

Первоначальное накопление капитала и последующий переход части буржуазии к иным ментальным моделям, ориентированным скорее на досуг и «показательное потребление» вместо безостановочного производства прибавочного продукта, заняли в Нидерландах почти сто лет. В России второй половины XIX – начала XX в., как показывает судьба династии Мальцовых, подобная смена социокультурных парадигм, характерных для эпохи модернизации, происходила в рамках всего двух поколений.

За свой дар Пулковской обсерватории Н.С. Мальцову было пожаловано звание почетного члена Российской академии наук. В отличие от библиотеки, симеизская обсерватория Мальцова, как и его особняк на берегу моря, сохранились и до сих пор в той или иной форме служат обществу. Однако едва ли кому-то придет в голову называть Н.С. Мальцова «самоотверженным гуманистом», действовавшим «во благо будущих поколений», как любят называть Физия некоторые голландские "историки книги". Подобные объяснения страсти незаурядных представителей «праздного класса» к наукам, самым исчерпывающим доказательством которого были их богатые коллекции книг по разным областям человеческого знания, чересчур схематичны и обусловлены идеологиями XX в. Как и Физий, Н.С. Мальцов собирал и читал книги, скорее всего, не ради реализации какой-либо идеалистической миссии, а для собственного удовольствия, которое, впрочем, имело множество измерений. Интеллектуальное самосовершенствование и тщеславная демонстрация своих достижений как коллекционера (прежде всего самому себе), «показательное потребление» книг и других модных вещей эпохи, будь то наряды, мебель или приборы для наблюдения за звездным небом, шли рука об руку – и в случае И. Физия, и в случае Н.С. Мальцова.

Эта совокупность мотиваций и факторов становится гораздо более понятной и объяснимой, если поместить библиотеки Мальцова и Физия в сравнительный контекст, найти общее в их «досуговой» ментальности и в чертах эпох, незаурядными представителями которых они стали. Тако-

²⁸ Хейзинга 2009: 135.

вы преимущества подхода к изучению истории частных библиотек, заявленного в рамках «новой история чтения», который, очевидно, преподнесет еще немало интересных догадок и объяснений.

БИБЛИОГРАФИЯ/REFERENCES

- Государственный архив Республики Крым. Ф.333. Оп.1. Д.1. С перепиской по вопросу об утверждении в праве наследников на имущество Бородина и Мальцева. [Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Krym. F.333. Op.1. D.1. S perepiskoj po voprosu ob utverzhenii v prave naslednikov na imushchestvo Borodina i Mal'ceva.].
- Арсентьев Н.М., Макушев А.А. Хрустальные короли России. Промышленное хозяйство и предпринимательская деятельность Мальцевых в XVIII–XIX вв. М.: Наука, 2002. 302 с. [Arsent'ev N. M., Makushev A. A. Hrustal'nye koroli Rossii. Promyshlennoe hozyajstvo i predprinimatel'skaya deyatel'nost' Mal'cevovyh v XVIII–XIX vv. M.: Nauka, 2002. 302 s.].
- Веблен Т.Б. Теория праздного класса: Пер. с англ. М.: Прогресс, 1984. 367 с. [Veblen T.B. Teoriya prazdnogo klassa: Per. s angl. M.: Progress, 1984. 367 s.].
- Ганжа И.С. "Можно было провести несколько жизней за чтением этих книг" // Старая Ялта. Историко-краеведческий альманах. № 58-59, 2018. С. 25-30. [Ganzha I.S. "Mozhno bylo provesti neskol'ko zhiznej za chteniem etih knig"// Staraya YAlta. Istoriko-kraevedcheskij al'manah. № 58-59, 2018. S. 25-30.].
- Гудков Л., Дубин В., Страда В. Литература и общество: введение в социологию литературы. М.: РГГУ: Ин-т европ. культур, 1998. 76 с. [Gudkov L., Dubin V., Strada V. Literatura i obshchestvo: vvedenie v sociologiyu literatury. M.: RGGU: In-t evrop. kul'tur, 1998. 76 s.].
- Захарова Л.И., Трифанков Ю.Т., Дзюбан В.В., Федькина Н.Г. С.И. Мальцов: социальная инициатива в промышленном регионе во второй половине XIX века (взгляд из современности). Брянск: Изд-во БГУ, 2014. 182 с. [Zaharova L.I., Trifankov YU.T., Dzyuban V.V., Fed'kina N.G. S.I.Mal'cov: soci-al'naya iniciativa v promyshlennom regione vo vtoroj polovine XIX veka (vzglyad iz sovremennosti). Bryansk: Izdatel'stvo BGU, 2014. 182 s.].
- Карагодин А.В., Петрова М.М. Сimeiз. Путеводитель по старым дачам. Проект Марии Петровой и Андрея Карагодина, [М., 2019]. URL: <https://simeiz.gardenacademia.com>. [Karagodin A.V., Petrova M.M. Simeiz. Putevoditel' po starym dacham. Proekt Marii Petrovoj i Andreeva Karagodina, [M., 2019]. URL: <https://simeiz.gardenacademia.com>].
- Литаш О. А. Князь Петр Урусов. Из воспоминаний исчезнувшего времени. Крымские страницы мемуаров (США, 1984) // Крымский альбом. Историко-краеведческий и литературно-художественный альманах. Феодосия: Изд. дом «Коктебель», 2001. Вып. 7. С. 55-70 [Litash O. A. Knyaz' Petr Urusov. Iz vospominanij ischeznuvshego vremeni. Krymskie stranicy memuarov (SSHA, 1984) // Krymskij al'bom. Istoriko-kraevedcheskij i literaturno-hudozhestvennyj al'manah. Feodosiya: Izd. dom «Koktebel'», 2001. Vyp. 7. S. 55-70.].
- Мальгин А.В. Русская Ривьера: курорты, туризм и отдых в Крыму в эпоху Империи: конец XVIII – нач. XX в. Симферополь: СОНАТ, 2004. 349 с. [Mal'gin A.V. Russkaya Riv'era: kurorty, turizm i otdyh v Krymu v epohu Impe-rii: konec XVIII – nach. XX v. Simferopol': SONAT, 2004. 349 s.].
- Неяченко И.И. Звезда в подарок. Симферополь: Таврия, 1984. 127 с. [Neyachenko I.I. Zvezda v podarok. Simferopol': Tavriya, 1984. 127 s.].
- Рейтблат А.И. От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М.: НЛЮ, 2009. 448 с. [Rejtblat A.I. Ot Bovy k Bal'montu i drugie raboty po istoricheskoi sociologii russkoj literatury. Moskva: Novoe lit. obozrenie, 2009. 448 s.].
- Рейтблат А.И. Писать поперек. Статьи по биографии, социологии и истории литературы. М.: НЛЮ, 2014. 415 с. [Rejtblat A.I. Pisat' poperek. Stat'i po biografike, sociologii i istorii literatury. stat'i po biografike, sociologii i istorii literatury. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. 415 s.].
- Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М: Кругъ, 2011. 560 с. [Repina L.P. Istoricheskaya nauka na rubezhe XX–XXI vv.: social'nye teorii i istoriograficheskaya praktika. M: Krug', 2011. 560 s.].
- Филатова Е.Е. Книги и экслибрисы Н. Мальцова в собрании Алушкинского дворца-музея // Музей в XXI веке: новые реалии, новые подходы, новые возможности. Воронцовы и русское дворянство: между Западом и Востоком. Мир усадебной культуры: сб. науч. тр. Симферополь: Н. Орианда, 2017. [Filatova E.E. Knigi i ekslibrisy N. Mal'cova v

- sobranii Alupkinskogo dvorca-muzeya // Muzej v XXI veke: novye realii, novye podhody, novye vozmozhnosti. Voroncovy i russkoe dvoryanstvo: mezhdz Zapadom i Vostokom. Mir usadebnoj kul'tury: sb. nauch. tr. Simferopol': N. Orianda, 2017.].
- Хейзинга Й. Культура Нидерландов в XVII веке; Эразм; Избранные письма; Рисунки. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2009. 677 с. [Hejzinga J. Kul'tura Niderlandov v XVII veke; Erazm; Izbrannye pis'ma; Risunki. Sankt-Peterburg: Izd-vo Ivana Limbaha, 2009. 677 s.]
- Шартье Р. Письменная культура и общество. М.: Новое изд-во, 2006. 270 с. [SHart'e R. Pis'mennaya kul'tura i obshchestvo. M.: Novoe izdatel'stvo, 2006. 270 s.]
- Bogucka M. 'Le bourgeois et les investissements culturels' // Guarducci A (ed.) Investimenti e civiltà urbana. Florence: Mondadori, 1989. P. 571-84.
- Burke P. Res et verba: conspicuous consumption in the Early Modern World // Brewer J. and Porter R. (eds.). Consumption and the World of Goods. London: Routledge, 1993. P. 148-62.
- Chartier R. The order of books: readers, authors and libraries in Europe between the fourteenth and the eighteenth centuries. Cambridge etc.: Polity Press, 1994.
- Clifford D. A History of Garden Design. New York: Praeger, 1966.
- Darnton R. First Steps toward a History of Reading// Australian Journal of French Studies. 1986. Vol. 23. P. 153-177.
- Darnton R. What is the history of books?// Daedalus. Vol. 111, 1982. P. 79-80.
- Dmitrieva E. Botanical books in the Bibliotheca Thysiana: exploration in the cultural history of reading. Leiden, 2018.
- Egmond F. The world of Carolus Clusius: Natural History in the Making, 1550–1610. London: Routledge, 2010.
- Hoftijzer P.G. Bibliotheca Thysiana 'Tot Publijcke Dienst der Studie'. Leiden: Brill, 2008.
- Kocka J. The Uses of Comparative History// Societies made up of history. Edsbruk: Akademityck AB, 1996. P.197-209.
- Mourits E. Wie was Johannes Thysius? // Anrooij W., Hofijzer P. Vijftien strekkende meter. Nieuwe onderzoeksmogelijkheden in het archief van de Bibliotheca Thysiana. Hilversum: Verloren, 2017.
- Schama S. The Embarrassment of Riches: an Interpretation of Dutch Culture in the Golden Age. London: Collins, 1987.
- Stone L. The Crisis of the Aristocracy, 1558 to 1641. Oxford: Oxford University Press, 1967.

Карагодин Андрей Васильевич, кандидат исторических наук, старший преподаватель, кафедра источниковедения, исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, avkaragodin@yandex.ru

Books as an object of “conspicuous consumption” an exercise in comparative history

The article is an attempt at a comparative study of the two private libraries collected by N.S. Maltsov and Johannes Thysius, two enlightened representatives of “elite” in the early 20th century Russia and in the mid-17th century Netherlands. In accordance with the approach formulated within the paradigm of the “new history of reading” (R. Darnton, R. Chartier), the catalogue of a private library is considered as an important source for studying the mentality of its owner. Similarities between the socio-cultural status of two library owners and the motives that moved them to collect collections of books are put under scrutiny. The concept of “conspicuous consumption”, introduced at the turn of the 19-20th century by T. Veblen, is used to explain these motives.

Keywords: comparative history, history of leisure, history of reading, N.S. Maltsov, history of the Netherlands, Leiden, Bibliotheca Thysiana

Andrey Karagodin, PhD (history), Senior lecturer, Faculty of History, Moscow Lomonosov State University, avkaragodin@yandex.ru

Л.А. СЫЧЕНКОВА

**У ИСТОКОВ ИКОНОГРАФИЧЕСКОГО МЕТОДА:
ХУДОЖЕСТВЕННОЕ И НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ
РОССИЙСКИХ ИСТОРИКОВ КУЛЬТУРЫ НАЧАЛА XX ВЕКА**

В статье рассматривается вклад российских историков начала XX в. В.К. Мальмберга, Д.В. Айналова, П.М. Бицилли в развитие иконографического и синтетического метода. Доказывается, что решающее значение в формировании интереса историков к проблемам искусства и культуры имели их художественные способности, обнаруженные еще в раннем детстве. В качестве аргументации этой версии привлекается малоизвестное иконографическое наследие историков. Еще в начале XX в. российские историки интуитивно двигались в направлении разработки новой синтетической методологии, обогащая иконографический метод, благодаря особому умению «разглядывать» произведения искусства, а также широкому пониманию процессов развития художественной культуры. Такой подход привел российских ученых к важным открытиям в области истории культуры Средневековья и Ренессанса.

Ключевые слова: В.К. Мальмберг, Д.В. Айналов, П.М. Бицилли, иконографическое наследие, синтетическая методология, культура Средневековья и Ренессанса

Предмет изучения – неожиданная сторона творчества российских историков искусства и культуры В.К. Мальмберга (1860–1921), Д.В. Айналова (1862–1939), П.М. Бицилли (1879–1853). Эти историки обладали разной степенью известности в российской науке, жили и работали в разных городах, а впоследствии и странах¹, но их объединял глубокий интерес к художественной культуре. Объяснение этому интересу следует искать в малоизвестной иконографической части наследия историков, которое оставалось без внимания биографистов и историографов.

Достаточно известный в кругу искусствоведов Владимир Константинович Мальмберг не имел систематического художественного образования. Однако анализ произведений искусства и памятников античной архитектуры в его работах, наталкивает на мысль о том, что ему были известны основы изобразительной техники. Действительно, у потомков семьи Мальмберга сохранились юношеские рисунки Владимира Константиновича, которые свидетельствует о его художественных способностях, и о том, что он постигал азы рисования под руководством профессионального художника. Рисунки Мальмберга – в основном пейзажи и женские портреты. Героями «портретов», вероятно, были воображаемые персонажи. Техника исполнения работ (линия, штриховка, композиция, передача анатомической формы головы) свидетельствуют о получении им навыков академического рисунка, в т.ч. гипсовых слепков. Можно предположить, что В. Мальмберг брал частные уроки рисования у опытного наставника либо в Москве, либо в Казани².

---

¹ В.К. Мальмберг учился в Казани, работал в Дерпте (Тарту) и в Москве. Д.В. Айналов начал научную карьеру в Казани, продолжил в Санкт-Петербурге. П.М. Бицилли работал в Одессе, затем в Скопье и Софии.

² Известно, что в 1873 г. семья переехала в Казань, когда Владимиру было 13 лет.

В связи с интересующей нас проблемой, представляет интерес одна малоизвестная публикация В. Мальмберга – доклад «Портреты Дюрера», сделанный на Всероссийском съезде художников 1912 г. в Москве. Историк собирался писать об особенностях всех портретов Дюрера³. Тема творчества Дюрера была неожиданной для Мальмберга, поэтому он считал нужным дать этому объяснение:

«Может быть, некоторые из присутствующих удивятся, что я как археолог и историк античного искусства, объявил доклад о художнике, стоявшем на рубеже Готики и Возрождения. Но мне как-то давно пришлось более подробно, чем это необходимо представителю кафедры по античному искусству, познакомиться с художественной деятельностью великого мастера. При этом мне удалось подметить некоторую особенность изображения в его автопортретах и портретах других лиц, в некоторых, связанных между собой рисунках и гравюрах»⁴.

Заметим, что в творчестве В. Мальмберга позднее появлялись темы, не связанные с античностью, но все-таки это были сюжеты из древней истории культуры: например, в 1915 г. он написал весьма ценную книгу о древнеегипетском художественном каноне⁵.

В начале XX в. к творчеству Дюрера российские историки искусства только приступали, как, впрочем, и к теме немецкого Ренессанса. Исключением на этом фоне стала докторская диссертация о Дюрере А.М. Миронова (1901)⁶. Но попытка защиты диссертации оказалась неудачной. Одним из рецензентов диссертации был В.К. Мальмберг⁷. Дискуссия о диссертации А. Миронова продолжалась несколько лет⁸.

Сегодня трудно судить, насколько объективны были оценки диссертации А. Миронова⁹. Сопоставив хронологическую последовательность обращения к творчеству Дюрера, можно обнаружить, что Мальмберг занялся изучением портретов Дюрера после знакомства с работой Миронова. Действительно, сведения из биографии Мальмберга, позволяют установить, что, выезжая в Европу в 1894–1913 гг., он сумел посетить Нюрнберг, Бонн, и Берлин. Возвращаясь из Рима с III Международного археологического конгресса, в октябре 1912 г. Мальмберг посетил Вену, где занимался в Музее истории искусств и изучал подлинные рисунки

³ Имея в виду портреты Императора Максимилиана, Епископа Альберта фон Бранденбург и Фридриха Мудрого, курфюрста Саксонского в рисунках и гравюрах.

⁴ Мальмберг 1914: 81.

⁵ Эта работа появилась после путешествия В.К. Мальмберга в Египет в 1909 г. В книге Мальмберг сделал открытие мирового уровня об особенностях художественного канона древних египтян. См.: Мальмберг: 1915.

⁶ Миронов 1901.

⁷ Мальмберг 1906. Ч. 13. № 4. Ч. 13. № 4: 2–22.

⁸ См.: Савин 2015: 339, 348–351.

⁹ Как стало недавно известно, А.М. Миронов в письме к профессору Н.Ф. Сумцову, выражал сомнение в объективности и компетентности своих рецензентов. Он справедливо называл своих рецензентов П.Н. Ардашева и В.К. Мальмберга представителями «кафедры истории искусств, которые сами никогда не шли дальше изучения одни – классического искусства, другие – византийского, будучи совершенно незнакомы со всеми последующими эпохами, но в то же время, считая себя непогрешимыми знатоками искусства всех эпох и всех народов». См.: Побожий 2013: 211–219.

Дюрера в Альбертине¹⁰. Содержание доклада Мальмберга «Портреты Дюрера» позволяет утверждать, что текст появился в результате кропотливого исследования не одного года. В докладе представлены личные наблюдения Мальмберга рисунков Дюрера разных лет с самого раннего, юношеского возраста из частных европейских собраний, а также музеев Германии и Австрии. Источником послужили ранее неизвестные рисунки Дюрера, обнаруженные только в 1900 и 1912 гг.

В Германии в начале XX в. возростал интерес к творчеству художников Северного Возрождения, в т.ч. и Дюрера. Появившаяся на волне роста национального самосознания в 1905 г. работа немецкого искусствоведа Г. Вёльфлина о Дюрере была известна В. Мальмбергу – он свободно цитировал ее в своем докладе. Немецкий язык был для Мальмберга родным, поэтому он легко устанавливал контакты с немецкими искусствоведами и музейщиками. Высокая степень доверия со стороны немецких коллег позволила ему познакомиться с недавно найденными рисунками Дюрера¹¹. Мальмберг обозначил конкретную цель исследования: «проникнуть <...> заглянуть в уголок его мастерской и обратить внимание на некоторые приемы его творчества»¹².

Что увидел В.К. Мальмберг в портретах немецкого мастера, и какими наблюдениями намеревался поделиться с публикой?

Изначально у Мальмберга была гипотеза о том, что Дюрер уделял столь пристальное внимание изображению рук на автопортретах, поскольку в «руках» заключалось послание художника потомкам. Дюрер, как известно, гордился красотой своих рук. Мальмберг начинал анализ с портрета Дюрера, изображающего его 14-летним мальчиком. Особенный интерес у искусствоведа вызывало то, с каким мастерством художник изобразил ...палец! Буквально как детектив, Мальмберг тщательно расследует приемы Дюрера, который передавал на нескольких автопортретах разного возраста свое зеркальное отображение, начиная с самых ранних детских рисунков-автопортретов.

«Детская ручка с выпянутым вперед указательным пальцем. При этой тщательно нарисованной руке. Невольно чувствуется то значение, которое придавал Дюрер в своих портретах этой части человеческого тела, и вспоминаются этюды отдельных рук, изучаемых Дюрером с большой тщательностью. Руки – это камень преткновения многих художников – Дюрером передаются с особой любовью и характерностью»¹³.

Мальмберг доказывал, что Дюрер специально акцентировал внимание зрителя на натруженном пальце, он так тщательно изображал указательный палец, поскольку это самый рабочий палец у гравера, именно он несёт основную нагрузку. Техника гравирования Дюрера – сухой иглой – была оригинальной и новаторской, впоследствии никому не удалось ее копировать. На эти детали гравюр Дюрера мог обратить внимание только

¹⁰ Горончаровский 2019. № 21: 147.

¹¹ Чечот 2016: 194–210.

¹² Мальмберг 1914.

¹³ Мальмберг 1914: 81–82.

искусствовед, не просто теоретически знакомый с технологией изготовления гравюры, но сам державший карандаш и штихель в своих руках. Идея другого предположения, выдвинутого Мальмбергом, состоит в том, что Дюрер вместо пары рук – правой и левой, практически всегда изображал одну левую руку в разных ракурсах.

«Эта черта была отмечена в данном рисунке, причем рука всегда постоянно называется правой. Но правая ли она на самом деле? Ведь мы имеем перед собой зеркальное изображение, а в зеркале левая сторона обращена в правую сторону и наоборот. Действительно, правой совершенно не видно, она представлена так, как будто покрыва рукавом; ею Дюрер рисовал и поэтому не мог изобразить с реальным сходством, зато левая как будто позирует. Он нарисовал с нее точный, если так можно выразиться, портрет»¹⁴.

Мальмберг упоминает о только что найденном в Эрлангенском университете наброске пером Дюрера.

«На этом рисунке Дюрер представлен юношей лет 12-ти (рисунок не помечен годом). ...Худошавое лицо с выразительностью прямо смотрящими на зрителя глазами, задумчиво. Это молодой Дюрер во время своего первого путешествия, как полагает Вёльфлин¹⁵. Опять-таки тщательно нарисованная рука, конечно, в данном случае левая. На первом портрете, написанном масляными красками, и посланный Дюрером невесте. Дюрером рукам отведено большое внимание. <...> Руку на первом плане с многозначным цветком "Manertreu"¹⁶, по аналогии с предыдущими замечаниями, надо, конечно, признать, опять левой: у другой руки особенно заметен характерный большой палец, с узким перехватом и ясно показанным складками между большим и указательным пальцем. Рука написана тщательно, но написана ли она наизусть. Или, если всмотреться тщательнее, то, по-моему, можно убедиться, что она не вполне связана с продолжением: рука от кисти до локтя уходит вглубь, в кисти этого незаметно – она как будто приставлена. И это, как мне кажется, что в данном случае опять позировала левая рука, но не в этом зеркальном изображении, а прямо с натуры: художник держал ее перед собой и вписал в готовый уже портрет. Стало быть, в этом портрете левая рука изображена дважды»¹⁷.

Профессор и гравёр В.В. Матэ¹⁸ на съезде художников подтвердил убедительность гипотезы В. Мальмберга:

«У гравера средний палец играет всегда выдающуюся роль. Сжатость же большого пальца является результатом твердости материала – металла, с которым приходится иметь дело граверу. Гравер постоянно пользуется не кистью, а иглой. Что же касается до перевода гравюры на ту или другую сторону, то Дюрер, вероятно, постоянно пользовался зеркалом, теперь же гравёры используют обратную фотографию»¹⁹.

Тема о Дюрере была продолжена в одной из статей Мальмберга, опубликованной уже после смерти ученого²⁰. Детали портретов Дюрера,

¹⁴ Мальмберг 1914: 82.

¹⁵ В.К. Мальмберг ссылается на работу Вёльффлина: 1905.

¹⁶ "Mannertreu" – голубые цветы зовутся в Германии "Mannertreu", буквально и означает "мужская верность".

¹⁷ Мальмберг 1914: 85.

¹⁸ Матэ Василий Васильевич (1856–1917), художник, рисовальщик, гравёр, академик.

¹⁹ Мальмберг 1914: 85.

²⁰ Мальберг 1922; Рецензия: Шмидт 1922.

на которые обращает внимание В. Мальмберг, могли заинтересовать человека, практически знакомого с техникой гравюры.

Другой пример тщательного изучения памятников представляет опыт историка-византиста Д.В. Айналова, который постепенно дрейфовал в область истории искусства, расширяя сферу своих научных интересов от Византии к древнерусскому искусству, итальянскому Возрождению. Много ценных замечаний, собранных из разных источников о художественных способностях Д. Айналова, буквально разбросаны в архивоведческом исследовании Н. Анферьевой. Так, в статье приводится важная оценка Н.П. Кондаковым «похвальных усилий» молодого ученого. Н.П. Кондаков отмечал, что Д. Айналов «должен был, не прибегая к лесам, и перемещаясь на узком карнизе над колоннадою громадного храма, срисовывать мозаики одну за другою, и, передвигаясь с места на место, мог исполнить даже в красках верные эскизы»²¹.

Интерес Д. Айналова к истории художественной культуры сформировался еще в его родном городе – Мариуполе. Тяга Д. Айналова к рисованию была замечена в семье, мир искусства был близок Айналову с раннего возраста. Дело в том, что среди его ближайших родственников оказались люди, имевшие художественное образование. Мужем старшей сестры Дмитрия Ефимии был преподаватель рисования, черчения и чистописания Иван Петрович Котов, он закончил Строгановское училище и преподавал в мариупольской Александровской мужской гимназии в 1877–1878 уч. г. Мужем второй сестры – Анны был Николай Иванович Завьялов, тоже выпускник Строгановского училища²². Безусловно, Дмитрий общался с мужьями сестер не только в гимназии, но и в домашней обстановке, и они, вероятно, помогали юноше осваивать приемы художественного ремесла. Это общение формировало его интерес к искусству, художественный вкус будущего византиста. Неслучайно, одной из первых публикаций Д. Айналова в Казани стала его статья, посвященная Казанской художественной школе²³.

Огромную роль сыграло и знакомство Д. Айналова с русским художником М.В. Нестеровым. Они познакомились в Италии, и стали вдвоем изучать памятники. Позднее М. Нестеров вспоминал: «Скоро мы сошлись с Айналовым. Живя рядом в пансионе Марии Розада, виделись ежедневно. Айналов много мне способствовал своими знаниями и советами. Спасибо ему! <...> Благодаря Айналову, я осмотрел те церкви, коих не было в списке, данном мне Праховым»²⁴. Нестеров в 1893 г. 22 июля

²¹ Анфертьева 1995: 264-267; 279.

²² Эти сведения были представлены в докладе исследовательницы М.Д. Пирго (Вдовиченко) из Мариуполя (Украина) на международной научной конференции, посвященной 130-летию открытия Музея искусств и древностей в Казанском университете 1-2 декабря 2017 г. Благодаря тщательным архивным изысканиям М.Д. Пирго была восстановлена родословная Д.В. Айналова, и стало известно о его ближайшем семейном окружении.

²³ Айналов 1896, № 24: 2 – 3.

²⁴ Нестеров 2006: 206.

пишет об Айналове из Рима: «Он мне много поясняет, и, словом, это знакомство в Риме для меня клад»²⁵. Через три дня он сообщает о совместной поездке в монастырь и катакомбы Санта-Аньессе». Айналов сообщает о прогулках с Нестеровым в письме к И.В. Помяловскому: «Это было так же приятно, как и полезно, художники смотрят на живопись иначе, чем историки искусства, и потому обмен мыслями был для меня особенно интересен»²⁶. Общение с М. Нестеровым стало для Д. Айналова продолжением художественного образования, «мастер-классами» по развитию особого «видения» и анализа картин, фресок, скульптур и т.д.

В записных книжках путешествий по Италии в 1891–1892 гг. Айналова сохранилось множество зарисовок памятников, пейзажей, которые требуют осмысления²⁷. Блокноты для зарисовок были постоянным инструментарием Д. Айналова, в которые он записывал не только необходимую информацию о памятнике, но делал наброски и эскизы отдельных элементов скульптур, картин, мозаик. Изобразительное наследие Айналова, сохранившееся в путевых блокнотах, раскрывает детали его творческой лаборатории. Из Италии Айналов кроме рукописей и фотографий привез с собой в блокнотах рисунки, которые можно разделить на несколько групп: 1) Рисунки памятников, отдельных частей карандашом и пером; 2. Зарисовки бытовых сценок на улицах европейских городов (акварели, рисунки); 3) Пейзажи и жанровые сценки из итальянской жизни. Сюжеты рисунков – отражение фиксации взгляда ученого на отдельных деталях картин и скульптур. Рисунки позволяют понять, что больше всего интересовало Айналова при изучении конкретного памятника.

Д. Айналов объяснял необходимость зарисовок часто отсутствием фотоаппарата и художника. Не каждый историк во время путешествий мог воспользоваться услугами профессионального художника, они сопровождали, как правило, только хорошо финансируемые государством экспедиции. Удачным примером сотрудничества историка и художника была работа Ф.И. Шмита с художником Н. Клуге²⁸ по изучению памятника Кахрэ-Джами в Константинополе. Итогом работы творческого тандема стал альбом рисунков и чертежей, который был издан с высочайшим полиграфическим качеством в Мюнхене (1906)²⁹ и получивший высокую оценку международного сообщества византинистов.

Качество исполнения рисунков в блокнотах Айналова свидетельствует о том, что он владел не только карандашом и пером, но и акварелью, знал приемы композиции и основы академического рисунка. Сюжеты его зарисовок свидетельствуют о том, что они делались для подготовки будущих исследований. Действительно, рисунки стали основой для

²⁵ Дурьлин 1965: 212.

²⁶ Анфертьева 1995: 266.

²⁷ СПб ФА РАН. Ф.737. Оп. 1. Д. 2, 5.

²⁸ С 1903 г. Николай Карлович Клуге – штатный художник РАИК. Принимал участие в исследованиях РАИК в 1900 экспедиция в Сирию.

²⁹ Приложение: Кахрие-Джами. Мюнхен, 1906.

многочисленных статей и курсов лекций Айналова. Рисунки в блокнотах и записных книжках – это лишь часть иконографического наследия Айналова. В архивах ученого, вероятно, можно обнаружить еще целый кладезь неисследованных изобразительных материалов.

В советское время Айналов, работая в Эрмитаже (1922–1929), использовал свою методику анализа памятников при атрибуции картин западноевропейских мастеров. На уровне развития технологии того времени он мог при анализе картин рассчитывать только на зоркость своего глаза и лупу. М. Алпатов отмечал, что методика, применяемая Айналовым при изучении произведений Леонардо да Винчи, «состоит в сопоставлении всех противоречивых материалов о художнике и сочетает в себе критическую зоркость, которую можно сравнивать только с текстологической критикой лингвистов, устанавливающих разночтения какого-либо литературного памятника»³⁰. Современные искусствоведы признают, что Д. Айналов «заложил основы стилистического анализа средневековых произведений искусства». Русский историк «обогастил методы иконографического анализа, <...> связал рассмотрение отдельных памятников с широким пониманием процессов развития художественной культуры»³¹. Пожалуй, эта характеристика – наиболее четкое определение методологических новаций Д. Айналова, которые были выработаны благодаря особому пониманию художественной техники.

Российский медиевист П.М. Бицилли, начинавший научную карьеру в Новороссийском университете, а затем эмигрировавший в Европу, также оставил интересное иконографическое наследие. Всего сохранилось 16 рисунков и эскизов Бицилли. «Будучи подростком, Петр Бицилли мечтал стать художником и брал уроки рисования, еще учась в Одессе. Позже его родители отправили его в Италию к известному профессору, чтобы оценить и подготовить молодого человека к этой области. Педагог обнаружил дальтонизм и объяснил, что с этим “дефектом” Бицилли не сможет стать “великим художником”»³². Наверное, Бицилли мог бы стать блестящим графиком. Его рисунки, как правило, датированы 1891 годом, т.е. были сделаны им в возрасте 12 лет. Некоторые рисунки даже имеют названия. Например, «Морской волк», «Двое кумушек», «Портрет молодой женщины», «Портрет мужчины», «Портрет женщины», «Галерея лиц разных сословий», «Портрет композитора Г. Спонтини»³³. Трудно судить о том, насколько рисунки сюжетно самостоятельны³⁴, но технически они были исполнены блестяще, на высоком профессиональном уровне, причем передана психология героев – людей поживших, с опытом, за плечами которых серьезные испытания, характер.

³⁰ Алпатов 1939: 6.

³¹ Этингhoff 1986: 55-56.

³² Петкова. URL: <https://liternet.bg/publish6/pbicilli/salimbene/risunki.htm>

³³ Спонтини Гаспаре Луиджи Пачифико (1774–1851) итальянский композитор, автор опер, кантат, месс.

³⁴ Портрет Г. Спонтини – явная копия с другого портрета.

Очень хотелось бы найти зарисовки П. Бицилли во время путешествий 1913–1914 гг. в Европу. Но таких рисунков пока не обнаружено, как и обязательных для ученых Императорских университетов России отчетов о заграничных командировках. Может быть, отчеты с рисунками были, но не сохранились. Родственники запомнили, что в зрелом возрасте (в конце 1930-х гг. в Софии) Бицилли рисовал для своей внучки Лизы.

Во многих исследованиях Бицилли можно обнаружить особое видение, понимание произведений искусства. Анализ произведений изобразительного искусства занимает значительное место в системе доказательств концепции средневековой и ренессансной культуры П. Бицилли. Российский историк рассматривал изобразительные источники (фрески, картины, миниатюры, памятники архитектуры) в синтезе с нарративными документами. В своих работах Бицилли подробно описывал сюжеты картин Амброджио Лоренцетти, Боттичелли, Джорджони, Джотто, Мазаччо, Рафаэля, Тициана, Фра Беато Анжелико. Наблюдая за формой, линией, цветом, композицией, П. Бицилли стремился понять, отраженные в картинах представления художников о мире и изобразительные способности его описания. Специально он изучал феномен художественной личности Леонардо да Винчи³⁵. Искусство для П. Бицилли, как и для Леонардо, «орган творческого познания Природы».

«Как нельзя более характерна для миропонимания Ренессанса исходная точка всех этих рассуждений Леонардо: живопись – единственный способ воспроизведения всех видимых порождений Природы. <...> Поэзия не дает такого удовлетворения, как живопись, ибо поэт лишь косвенным путем, с помощью слов, описывает формы, тогда как живописец воспроизводит сами эти формы. <...> Леонардо ставит живопись выше музыки: музыкальное произведение, как и поэтическое, развивается во времени, тогда как живопись в одном моменте созерцания открывает все, что может быть познано»³⁶.

Казалось бы, из-за своего природного дальтонизма П. Бицилли не мог анализировать колористическое решение картин. Однако при анализе произведений Леонардо Бицилли обращался к теории цвета, к проблемам создания цветового пятна³⁷. Он соглашался с критикой Леонардо средневековых живописцев, которые «закрепляли» цвета за вещами: «деревья зеленые, море синее, небо голубое»³⁸.

Бицилли констатировал: «Художническое видение мира в средние века соответствовало философскому мирозерцанию того времени»³⁹. Он отмечал особенности осмысления пространства в средневековых картинах и фресках, в которых трудно было найти композиционный центр: «Композиция чудесной символической фрески Амброджио Лоренцетти

³⁵ Мягков, Сыченкова 2019: 200-206.

³⁶ Бицилли 1996: 72-73.

³⁷ «Белый цвет не есть собственно цвет, а все цвета в потенции». Бицилли: 1996: 66.

³⁸ Всякий предмет окрашен «своей» краской, деревья везде одинаково зелены, нимбы святых сверкают одинаково добротной позолотой, лица выкрашены в «телесный» цвет». См. Бицилли: 1995: 16.

³⁹ Бицилли 1995: 90-91.

“Хорошее Управление” <...> причиняет прямо-таки страдание современному глазу. <...> Сколько планов, столько центров — и ни намек на общий центр!»⁴⁰. Тонко различал Бицилли и особенности передачи иллюзии движения на полотнах средневековых мастеров:

«На их картинах тянутся длинные процессии, рыцари скачут на своих конях, воины карабкаются на стены пугурмуемых городов, блаженные возносятся на небеса, в то время как черти волокут грешников в преисподнюю <...>. Но все это неподвижно и мертво. Поднятые в прыжке ноги коня, кажется, никогда не опускаются; ангел, слетевший с неба в келью Пречистой Девы, как будто пророс к полу; сцепившиеся в отчаянной схватке воины застыли в своих позах; руке, занесшей меч, не поразить врага. Как далеко это искусство от Ренессанса! “Ночь” Микеланджело спит тяжелым сном, но, сколько возможностей движения таится в ее неподвижности!»⁴¹.

Застылость в картинах, по мнению Бицилли, была связана с особым восприятием времени: «Взгляд средневекового человека не видит за данным мгновением ничего — ни прошедшего, из которого оно вытекло и всю тяжесть которого оно несет на себе, ни будущего, которым оно чревато»⁴².

Российского медиевиста интересовал главный вопрос, который он гениально сформулировал как научную проблему:

«Почему они так изображали мир? Почему они рисовали человека выше дома? «Неужто никто в то время не видел кричащих нелепостей в рисунке, перспективе на этих картинах, нелепостей, бьющих нам в глаза? Неужто не знали даже такой элементарной истины, что человек меньше дома? Если знали, то, как же они могли удовлетворяться этим искусством? <...> Как это примирить с высоким каллиграфическим совершенством миниатюрных заставок или с архитектурным совершенством исполнинских соборов? <...> Быть может, их изображение мира было вполне адекватно его восприятию? Как же они видели мир? И каким они его мыслили?»⁴³

Над этим вопросом он долго размышлял, прежде чем нашел разгадку в особенностях мышления средневекового человека — символизме, и ответу на него посвятил книгу «Элементы средневековой культуры» (1919).

Скромное иконографическое наследие В.К. Мальмберга, Д.В. Айналова, П.М. Бицилли, включающее юношеские учебные рисунки, и рабочие зарисовки во время путешествий, не имеет большой художественной ценности. Но эта часть наследия историков представляет значимость для историографов, изучающих этапы становления и развития личности, мотивы выбора проблематики, пытающихся проникнуть в их исследовательскую лабораторию.

Что же общего у трех историков — В.К. Мальмберга, Д.В. Айналова и П.М. Бицилли, обращавшихся к анализу произведений художественной культуры?

Можно утверждать, что их объединяют художественные способности, обнаруженные еще в детстве. Тяготение этих историков к проблемам искусства и культуры объясняется знакомством с раннего возраста

⁴⁰ Бицилли 1995: 90-91.

⁴¹ Бицилли 1995: 139-140.

⁴² Там же.

⁴³ Бицилли 1995: 7.

с техникой рисования и живописи⁴⁴. Элементы художественного образования, полученные в детстве, помогли сформировать у них особое видение произведений искусства. Зарисовки историков помогают понять, как сформированное в детстве эмоциональное осмысление окружающего мира историкам помогало в научных исследованиях. Взгляд историка искусства, знающего то, как сделано произведение искусства, какие приемы были использованы художником, совсем другой, нежели у историка искусства, знакомого с книжными описаниями произведений изобразительного искусства. Благодаря выработанному умению «разглядывать» произведения искусства с точки зрения техники, уровня решения художественных и стилистических проблем, сочетавшегося «с широким пониманием процессов развития художественной культуры» эти историки интуитивно шли по пути разработки новой синтетической методологии.

На заре становления культурологического знания в России историки В.К. Мальмберг, Д.В. Айналов, П.М. Бицилли применяли синтетические подходы к интерпретации произведений искусства, которые сочетали элементы иконографического подхода и культурно-исторического синтеза. Блестящее владение синтетическими методами анализа иконографических и нарративных источников было подкреплено в их исследованиях уникальным типом мышления, сочетавшего эмоциональное и рациональное осмысление мира. Такой подход позволял им «задавать» изобразительным источникам неожиданные и парадоксальные вопросы, ответы на которые привели к блестящим открытиям в области истории искусства и культуры. В. Мальмберг открыл художественный канон изображения тела в египетском рельефе, Д. Айналов сформулировал каноны византийской живописи, определил в ней элементы эллинистического влияния, П. Бицилли раскрыл особенности художественного мышления людей Средневековья и Ренессанса.

Синтетические методы, примененные В. Мальмбергом, Д. Айналовым, П. Бицилли к интерпретации произведений искусства, позволяють говорить о складывании в России особого типа гуманитариев: искусствоведов-художников и историков культуры.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Айналов Д.В. Художественная школа в Казани // Волжский вестник. Казань, 1896. № 24. С. 2-3 [Ajnalov D.V. Hudozhestvennaya shkola v Kazani // Volzhskij vestnik. Kazan, 1896. № 24. S. 2-3].
- Алпатов М. Предисловие // Айналов Д.В. Этюды о Леонардо да Винчи. Л.; М.: Искусство, 1939. С. 3-9 [Alpatov M. Predislovie // Ajnalov D. V. Etyudy o Leonardo da Vinchi. L.; M.: Iskusstvo, 1939. S. 3-9].

---

⁴⁴ Тема, заявленная нами, может быть расширена рассмотрением биографий других отечественных историков искусства и культуры XX века, в том числе и тех из них, кто получил заслуженное признание на поприще не только науки, но и художественного творчества. Конечно, среди таких отечественных историков и теоретиков искусства можно назвать таких, как Грабарь: 1871–1960, Бенуа: 1870–1960, Фармаковский 1873–1946, Нерадовский 1875–1962, Липгарт 1847–1932, Фаворский 1886–1964, Сычев 1883–1964, Кандинский 1888–1967, Малевич: 1879–1935.

- Анфертьева А.Н. Д.В. Айналов: жизнь, творчество, архив // Архивы русских византинистов в Санкт-Петербурге. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. С. 259-312 [Anfert'eva A.N. D.V. Ajnalov: zhizn', tvorchestvo, arhiv // Arhivy russkikh vizantinistov v Sankt-Peterburge. SPb.: Dmitriy Bulanin, 1995. S. 259-312].
- Бицилли П.М. Место Ренессанса в истории культуры. СПб.: Мифрил, 1996. 257 с. [Bicilli P.M. Mesto Rennessansa v istorii kul'tury. SPb.: Mifril, 1996. 257 s.]
- Бицилли П.М. Элементы средневековой культуры. СПб.: Мифрил, 1995. 242 с. [Bicilli P.M. Elementy srednevekovoj kul'tury. SPb.: Mifril, 1995. 242 s.]
- Горончаровский В.А. "Сын античной мудрости..." (В.К. Мальмберг) // Записки Института истории материальной культуры РАН. СПб.: ИИМК РАН, 2019. № 21. С. 140-152 [Goroncharovskij V.A. "Syn antichnoj mudrosti..." (V.K. Mal'mberg) // Zapiski Instituta istorii material'noj kul'tury RAN. SPb.: IIMK RAN, 2019. № 21. S. 140-152].
- Дурьилин С. Нестеров в жизни и творчестве. М.: Молодая гвардия, 1965. 528 с. [Duryilin S. Nesterov v zhizni i tvochestve. M.: Molodaya gvardiya, 1965. 528 s.]
- Мальмберг В.К. Отзыв о диссертации Ал.М. Миронова на степень доктора истории и теории изящных искусств «Альбрехт Дюрер, его жизнь и художественная деятельность. К характеристике эпохи возрождения в немецком искусстве». Москва, 1901 // Ученые записки Императорского Юрьевского университета. 1906. Ч. 13. № 4. С. 2-22 [Mal'mberg V.K. Otzyv o dissertacii Al.M. Mironova na stepen' doktora istorii i teorii izyashchnyh iskusstv «Al'brekht Dyurer, ego zhizn' i hudozhestvennaya deyatel'nost'. K harakteristike epohi vrozozhdeniya v nemeckom iskusstve». Moskva, 1901 // Uchenye zapiski Imperatorskogo Yu'r'evskogo universiteta. 1906. CH. 13. № 4. S. 2-22].
- Мальмберг В.К. Портреты Дюрера // Труды Всероссийского съезда художников: Дек. 1911 – янв. 1912. Т. 1. Пг, 1914. С. 81-89 [Mal'mberg V.K. Portrety Dyurera // Trudy Vserossijskogo s'ezda hudozhnikov: Dek. 1911 – yanv. 1912. T. 1. Pg, 1914. S. 81-89].
- Мальмберг В.К. Старый предрассудок: К вопросу об изображении человеческой фигуры в египетском рельефе. М.: Т-во скоропеч. А.А. Левенсон, 1915. 16 с. [Mal'mberg V.K. Staryj predrassudok: K voprosu ob izobrazhenii chelovecheskoj figury v egipetskom rel'efe. M.: T-vo skoropech. A.A. Levenson, 1915. 16 s.]
- Мальмберг В. По поводу карандашного рисунка портрета "Золотых дел мастера" в Венской Альбертине. Пг.: [б. и.], 1922. 8 с. [Mal'mberg V. Po povodu karandashnogo risunka portreta "Zolotyh del мастера" v Venskoj Al'bertine. Pg.: [b. i.], 1922. – 8 s.]
- Миронов А.М. Альбрехт Дюрер, его жизнь и художественная деятельность: к характеристике эпохи Возрождения в немецком искусстве. М.: Университетская типография, 1901. 423 с. [Mironov A.M. Al'brekht Dyurer, ego zhizn' i hudozhestvennaya deyatel'nost': k harakteristike epohi Vozrozhdeniya v nemeckom iskusstve. M.: Universitetskaya tipografiya, 1901. 423 s.]
- Мягков Г.П., Сыченкова Л.А. Русская медиевистическая культурология: опыт актуализации непризнанного наследия // Мир историка: историографический сборник / [редкол.: В.П. Корзун (отв. ред.), С.П. Бычков (отв. ред.), Н.Н. Алеврас и др.]. Вып. 12. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-т, 2019. С. 179-206 [Myagkov G.P., Sychenkova L.A. Russkaya medievishticheskaya kulturologiya: opyt aktualizacii nepriznannogo naslediya // Mir istorika: istoriograficheskij sbornik / [redkol.: V.P. Korzun (otv. red.), S.P. Bychkov (otv. red.), N.N. Alevras i dr.]. Vyp. 12. Omsk: Izd-vo Om. gos. un-t, 2019. S. 179-206].
- Нестеров М.В. О пережитом. 1862–1917 гг.: воспоминания / подгот. текста М.И. и Т.И. Титовых и др. М.: Молодая гвардия, 2006. 587 с. [Nesterov M.V. O perezhitom. 1862–1917 gg.: vospominaniya / podgot. teksta M.I. i T.I. Titovyh i dr. M.: Molodaya gvardiya, 2006. 587 s.]
- Петкова Г. Чертежи Питера Бицилла (Рисунки Петра Бицилли) [Petkova G. S Hertezhi Pitera Bicila (Risunki Petra Bicilli) // <https://litenet.bg/publish6/pbicilli/salimbene/risunki.htm>]
- Побожий С. С епископлярій Дмитрія Айналова і Алексея Миронова к Николаю Сумцова З листа О. Миронова М. Сумцову, Москва–Харків, 1908 р. // Софія Київська: Візантія. Русь. Україна. Вып. III: Сборник научных трудов, посвященная 150-летию со дня рождения Егора Кузьмича Редина (1863–1908). Від. ред. д. іст. наук, проф. Ю.А. Мицик; упоряд. Д.С. Гордієнко, В.В. Корнієнко. Києва, 2013. С. 211–219 [Pobozhij S. S epistoljarij Dmitriya Ajnalova i Alekseja Mironova k Nikolaju Sumcova Z lista O. Mironova – M. Sumcovu, Moskva–Harkiv, 1908 r. // Sofiya Kievskaya: Vizantiya. Rus'. Ukraina. Vyp. III: Sbornik nauchnyh trudov, posvyashchennaya 150-letiyu so dnya

- rozheniya Egora Kuz'micha Redina (1863–1908). Vid. red. d. ist. nauk, prof. YU.A. Micik; uporyad. D.S. Gordienko, V.V. Kornienko. Kiev, 2013. S. 211–219].
- Савин А.Н. Университетские дела: Дневник 1908–1917. М.; СПб., 2015. С. 339, 348-351 [Savin A.N. Universitetskie dela: Dnevnik 1908–1917. M.; SPb., 2015. S. 339, 348-351].
- Шмидт Д.А. Траут–Дюрер?: (Несколько слов по поводу статьи В.К. Мальмберга о портрете "Золотых дел мастера" в Альбертине): [Рецензия]. Пг: б. и., 1922. 8 с. [SHmidt D.A. Traut-Dyurer?: (Neskol'ko slov po povodu stat'i V.K. Mal'mberga o portrete "Zolotyh del мастера" v Al'bertine): [Recenziya]. Pg: b. i., 1922. 8 s.]
- Шмит Ф.И. Кахрие-Джами: История монастыря Хоры. Архитектура мечети. Мозаики нарфиков // Институт Российского Археологического института в Константинополе (РАИК). София: Държавна печатница, 1906. Т. 11; 306 с. Приложение: Альбом ил. Кахрие-Джами к Т. 11, ИРАИК: Рисунки и чертежи, исполненные худож. Н.К. Клуге. Мюнхен, 1906. 92 л. [SHmit F.I. Kahrie-Dzhami: Istoriya monastyrya Hory. Arhitektura mecheti. Mozaiki narfikov // Institut Rossijskogo Arheologicheskogo instituta v Konstantinopole (RAIK). Sofiya: D'rzhavna pechatnica, 1906. T. 11; 306 s. Prilozhenie: Al'bom il. Kahrie-Dzhami k T. 11, IRAIK: Risunki i chertezhi, ispolnennyye hudozh. N.K. Kluge. Myunhen, 1906. 92 l].
- Этингоф О.Е. Дмитрий Васильевич Айналов (1862–1939). 120 лет со дня рождения // Сто памятных дат. Художественный календарь на 1987 год. М.: Советский художник, 1986 [Etingof O.E. Dmitrij Vlas'evch Ajnalov (1862–1939). 120 let sr dnya rozhdeniya // Sto pamyatnyh dat. Hudozhestvennyj kalendar' na 1987 god. M.: Sovetskij hudozhnik, 1986].
- Wölflinn H. Die Kunst Albrecht Dörers. München: Bruckmann Verlag, 1905. 378 с.

Сыченкова Лидия Алексеевна – д-р ист. наук, доц., Казанский (Приволжский) федеральный университет; *l.sichenkova@yandex.ru*

On the origins of iconographic method: artistic and scientific heritage of Russian cultural historians of the early 20th century

The article considers the contribution of the early 20th century Russian historians V.K. Malmberg, D.V. Ainalov, P.M. Bicilli to the development of iconographic and synthetic method. It is proven that the crucial role in the formation of the historians' interest in art and culture had been played by their artistic abilities, discovered in the early childhood. As an argumentation of this version, the article draws on the little-known iconographic heritage of historians. Even at the beginning of the 20th century, Russian historians intuitively moved towards developing a new synthetic methodology to significantly enrich the iconographic method, thanks to a special ability to "look at" works of art, as well as a broad understanding of the processes of artistic culture development. This approach led Russian scholars to important discoveries in the field of Medieval and Renaissance cultural history.

Keywords: *V.K. Malmberg, D.V. Ainalov, P.M. Bicilli, iconographic heritage of historians, synthetic methodology, Medieval and Renaissance culture.*

Lydia A. Sychenkova, Dr. Sc. (History), Associate Professor, Kazan (Volga region) Federal University; l.sichenkova@yandex.ru

УНИФИКАЦИЯ НОРМ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОВЕДЕНИЯ В ПОЗДНЕВИКТОРИАНСКИЙ ПЕРИОД

Статья посвящена анализу проблемы становления единых норм публичного поведения в Великобритании в конце XIX века на материалах дидактического характера, а также источника личного происхождения. Выясняется, в чем выражался и как протекал процесс унификации этих норм и правил, а также с какими факторами он был вызван. Показано, что в викторианский период, при явном усилении среднего класса, общество было склонно заимствовать и использовать аристократические тактики и стратегии поведения. В этот период стирается четкая граница между культурой аристократии и культурой среднего класса.

Ключевые слова: *викторианство; аристократия, общественное поведение*

XIX век в Англии отмечен активными процессами индустриализации, бурным экономическим ростом, а также важными социальными изменениями, в том числе формированием среднего класса, который постепенно набирал все большее политическое и экономическое влияние. Именно с усилением этого многочисленного слоя населения связывают появление такого понятия, как “массовое сознание”. Подобный феномен предполагает не просто общие мыслительные установки, убеждения и повседневные практики, но и унификацию нравов, норм поведения, идеалов и представлений, свойственных подавляющей части населения.

Попытаемся выяснить, в чем выражалась унификация норм и правил общественного поведения в поздневикторианский период, какими факторами она была вызвана и каким образом этот процесс способствовал трансляции аристократических ценностей в общество.

Данное исследование опирается преимущественно на материалы дидактического характера (пособия по поведению), получившие широкое распространение в конце XIX в. и предназначенные для представителей среднего класса. Выбор временных рамок (последняя четверть XIX в.) объясняется тем, что именно в этот временной отрезок наиболее ярко проявились последствия изменений в социальной структуре, происходившие на протяжении всего XIX века. К этому периоду можно отнести и формирование такого явления, как общественное сознание, а также механизмов воздействия на него. Стоит оговориться, что данная периодизация, как, впрочем, и любая другая, остается условной. В ряде случаев наше исследование будет выходить как за нижние, так и за верхние хронологические рамки. В частности, многие процессы (например, формирование массового сознания) начались до обозначенного периода и завершились гораздо позже. При проведении исследования мы опирались на историко-антропологический подход и методы *исторической имагологии*, в центре внимания которой находятся вопросы конструиро-

вания и бытования образов, как в общественном, так и в индивидуальном сознании. В качестве специального метода при рассмотрении взаимовлияния «высокой» культуры аристократии и «низкой» культуры буржуазии используется *метод культурных трансферов*.

В викторианской системе ценностей, в вопросе определения респектабельности человека, особое место отводилось его приверженности определенному кодексу поведения – хорошим манерам, воспитанности, легкости в обращении и т.д. Представление об этой эпохе, как о времени джентльменов, прочно вошло в массовую культуру. Именно в последней четверти XIX в. джентльменский (а по большому счету аристократический) кодекс поведения распространился на разные классы общества и перестал быть достоянием узкой прослойки населения¹. Изначально (примерно с XV в.), под «джентльменом» подразумевался человек благородного рождения, чье высокое происхождение подкреплялось наличием генеалогического древа и герба². Джентльмен был, как правило, земельным собственником, что избавляло его от забот о хлебе насущном и позволяло предаваться более приятным и/или благородным занятиям – управлению государством, различного рода увеселениям.

Однако в XIX в. возникает идея о том, что каждый уважающий себя джентльмен должен уметь зарабатывать деньги, вести дела, крепко стоять на ногах. Все это – маркеры буржуазного сознания, сумевшие изменить изначально чисто аристократическое понятие. Обратим внимание на статью в журнале “Cornhill Magazine”, где последовательно разбирается понятие «джентльмен». Заявляется, что сложно определить точный перечень качеств, которыми должен обладать такой человек, но, несомненно, «когда мы говорим о джентльмене, мы не имеем в виду доброго или мудрого человека. Мы имеем в виду человека, приятного обществу...»³. То есть базовый концепт «джентльменства» продолжал оставаться проводником ценностей и идеалов аристократического сословия. Ведь установка «приятности для общества» по своей сути является чисто аристократической, так как необходимость вращаться в светских кругах возникала только у представителей высших сословий. Однако в поздневикторианский период понятие отрывается от своего первоначального значения и начинает ассоциироваться со всем, связанным с Англией и англичанами⁴. В этой связи нельзя не согласиться с исследователем А.А. Давиденко, который в своей статье «Понятие “джентльмен” в фокусе внимания британцев XIX века» подчеркивает, что «понятие *джентльмен* повторило историю функционирования многих социально-политических понятий... и

¹ Фадеева 1999: 158.

² Вайнштейн 2017: 169.

³ В оригинале: “Hence it follows that when we speak of a gentleman we do not mean either a good man or wisdom, but a man socially pleasant and we consider his goodness and wisdom, his moral and intellectual qualities as relevant to his claims to be considered a gentleman only in so far as they contribute to his social pleasantness...”// From “Gentlemen”, Cornhill Magazine, 1862: 330.

⁴ Фадеева 1990: 157.

претерпело демократизацию, которая выражается в расширении границ применения понятия и аудитории, использующей это понятие»⁵. Что же повлияло на этот процесс? Почему подобное смещение в использовании понятия «джентельмен» и перенос аристократических установок и норм на общество произошли именно в конце XIX века?

Прежде чем ответить на данный вопрос, обратим внимание на обратный процесс, протекавший в этот же период. С усложнением социальной иерархии возросло значение этикета, его нормы стали более запутанными, а контроль за их соблюдением со стороны общественного мнения строже⁶. Общество стало наделять своих членов такими чертами, как «репутация» и «респектабельность», которые во многом определяли успех человека на профессиональном поприще. Именно поэтому ориентированность на общественное мнение была чрезвычайно сильна. И не последнюю роль в этом деле играло следование установленным нормам и правилам публичного поведения. Отказ следовать им мог повлечь за собой исключение человека (а часто и его семьи) из социальной жизни. В разгар викторианской эпохи, шотландский промышленник и литературный деятель С. Смайлс, в своем сочинении «Характер», описывал эту ситуацию как «нравственное рабство» людей у того сословия, к которому они принадлежат⁷. Особенно тяжело приходилось пришельцам, которые желали влиться в аристократическое общество. Им было необходимо изучить и прилежно соблюдать все нормы поведения, свойственные данному сообществу, так как это был их единственный шанс стать «своими» при отсутствии генеалогической укорененности в нем.

Каково было отношение аристократического сословия к представителям торговой элиты? Одна из светских дам века королевы Виктории леди Дороти Невилл в своей книге-воспоминании «Под пятью царствованиями» упоминает о «завоевании Уэст-Энда» («the conquest of the West End») ⁸. Она характеризует категорию недавно разбогатевших людей как «неглупых и умственно развитых»⁹. Однако эти люди, лишённые высоких нравственных качеств и врожденных лоска и грации, не вписывались в высшее общество в традиционном смысле этого слова, то есть, как в «собрание избранных людей, отличающихся своим статусом, умом и остроумием»¹⁰, а не огромными состояниями. Она характеризует их как «класс богатых людей, которые, по счастливому стечению обстоятельств, оказались приглашены в дома, куда прежде им едва ли было позволено зайти даже в комнату прислуги»¹¹. Мы видим, что строгие правила этикета и множество формальностей светского общения являлись механизмами, которые закрывали доступ в высшие круги посторонним людям.

⁵ Давиденко: 290-291

⁶ Лихачев 2009: 146-156.

⁷ Смайлс 1997: 130-131

⁸ Nevill 1906: 140.

⁹ Ibid: 100.

¹⁰ Ibid:10.

¹¹ Ibid: 147.

Последние, желая слиться с аристократическим обществом и имея для этого финансовые возможности, не владели основой основ – языком, на котором разговаривали члены высшего сословия.

Часто прищельцы бездумно подражали представителям высшего сословия, их манеры и поведение становились неестественными и натянутыми. Подобное незнание кода поведения этой социальной группы в высшем обществе именовалось вульгарностью (“vulgar”). «Вульгарный человек все время совершал на разных уровнях одну ошибку: давал прямое сообщение там, где следовало дать косвенное», т.е. он упускал из вида мелкие детали, едва заметные намеки, которые были частью «символических игр обмена»¹², и вместо этого прибегал к любовым атакам.

Подобное внимание к деталям было тенденцией времени. Последняя четверть XIX в. – расцвет эпохи модерна, которая внесла коррективы в картину мира. С 1870-х гг. начинает утверждаться новая парадигма, в которой на первый план выходят мелкие знаковые детали¹³. В изменившейся культурной ситуации представление о чем бы то ни было (в т.ч. о положении людей в социальной иерархии), строилось на “замечании” незначительных штрихов. Теперь, встретив на улице модно одетого человека, нужно было иметь отточенный взгляд, дабы определить, кто перед тобой – сапожник или представитель благородных кровей. Французский журналист Орас Рэссон в своем «Кодексе туалета» писал: «Сегодня все классы общества носят похожие костюмы, и только манера их носить поможет установить видимые различия»¹⁴. Иными словами, в обществе эпохи модерна, в ситуации тотальной неопределенности появилась необходимость тонкой и изощренной системы опознавания “своих” по мелким знаковым деталям – костюму, стилю общения, жестам, манерам и т.д. Подобной знаковой системой владели немногие, но очень многие хотели научиться. А так как в таком деле самое важное – наличие желания и возможности, то вскоре рынок предоставил способ решения проблемы.

Начиная с 1830-х гг. на литературном рынке появились книги по этикету. Они представляли собой экспресс-курсы, дающие основную информацию о высшем английском обществе и правилах поведения в нем. О популярности таких книг можно судить по количеству их переизданий – каждая выдержала как минимум два, а в некоторых случаях это число доходило до двадцати трех¹⁵. Такой трудоемкий и затратный процесс, как издание книги, вряд ли был бы осуществлен только лишь по желанию авторов. Очевидно, что существовала категория людей, читавшая подобную литературу и действительно интересовавшаяся последними изменениями в этикете. А основной читательской аудиторией были представители третьего класса. При этом такие читатели особенно ценили “взгляд

¹² Вайнштейн. 2017: 182, 186.

¹³ Этот феномен с легкой руки Карло Гинзбурга получил название “уликовой парадигмы”. См.: Гинзбург 2004: 189-242.

¹⁴ Вайнштейн. 2017: 298.

¹⁵ Manners and Rules of Good Society. 1898.

изнутри”. По меньшей мере именно книга, где в авторстве гордо указывалось «написано членом аристократии» («by member of aristocracy»¹⁶) выдержала наибольшее число изданий. Нельзя утверждать, что автор этого сочинения действительно принадлежал к аристократическому сословию. Важнее то, что такая формулировка была вынесена в заголовок для привлечения аудитории. В тот период большой популярностью пользовались «модные» романы, повествующие простым смертным о прелестях жизни высшего общества – посещениях элитных закрытых клубов, участии в балах и приемах и т.д. Часто подобные сочинения выходили из-под пера анонимного автора, который, по утверждению издателей, принадлежал к высшим сословиям. Читателей словно приглашали включиться в игру «угадай, кто автор», основываясь на различных деталях и характерных штрихах¹⁷. Можно предположить, что диалог авторов пособий по поведению с читателями строился по такой же схеме.

Зачастую авторы не стеснялись заявить, для кого и с какой целью писали свои книги. Например, можно встретить высказывания о том, что эти сочинения будут полезны всем, кто ведет уединенную, замкнутую жизнь и потому не имеет возможности появляться в свете, или же для тех, кто совсем недавно стал вхож в сферы, в которых вращаются хорошо воспитанные люди¹⁸. При этом все сочинения (несмотря на некоторые различия) имеют одну цель – показать «что», «как» и «когда» следует делать в приличном обществе¹⁹. Необходимость подобного знания мотивируется тем, что, нарушая правила этикета, пусть даже самые пустячные, человек портит свою репутацию в глазах общества, выставляя напоказ тот факт, что он новичок в высшем свете и, следовательно, не является равней остальным его членам²⁰. То есть целевой аудиторией подобных «экс-пресс-курсов» были недостаточно образованные люди, вхожие в высшее общество, но не владеющие базовыми правилами поведения в нем, – явный намек на недавно сформировавшуюся элиту, еще не приспособившуюся к своему новому качеству. Потребителями этого продукта были представители всего среднего класса. Эти книги были своеобразным популярным чтивом, средством снятия социальной напряженности, позволявшим непросвещенным гражданам почувствовать себя сопричастными к жизни высшего сословия.

Нужно сказать, что после прочтения такой литературы и надлежащего исполнения всех указанных в ней пунктов, действительно можно было стать светским человеком. В пособиях очень подробно описывались все трудности, с которыми мог столкнуться человек, попавший в высшее общество. Например, в них можно было найти информацию не только о том, как должен вести себя истинный аристократ, но и о том,

¹⁶ Manners and Tone of Good Society. 1896.

¹⁷ Вайнштейн 2000, №1. URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/2000/3/vainst.html>

¹⁸ Manners and Rules of Good Society: 10-11.

¹⁹ Manners of Modern Society being a book of etiquette: 3.

²⁰ Manners and Tone of Good Society: 10.

какой образ жизни ему надлежит вести и как он должен выглядеть. Так, в пособиях по этикету можно встретить описание норм поведения в общественных местах – театре, опере²¹, пикниках в парках²², прогулках верхом²³ и т.д. Книги по этикету, освещая мероприятия, традиционно считавшиеся прерогативой аристократии, формировали определенное представление о стиле жизни британской элиты, который включал в себя посещение балов и театров, охоту, ежедневные конные прогулки и т.д., т.е. стиль жизни, которому были присущи роскошь и изысканность, недоступные большинству населения, завораживающий и подчеркивающий различие между ними и представителями «благородного» сословия.

Визуальному аспекту также придавалось большое значение. В одном из пособий по хорошим манерам напрямую заявляется, что в цивилизованном обществе, поговорка о том, что человека нельзя судить по внешнему виду, совершенно не имеет смысла. Более того, первое (и наиболее важное) впечатление о человеке, в девяти случаях из десяти, основывается именно на этом факторе²⁴. Так, из подобных книг можно узнать, что по утрам неплохо было бы облачиться в темный сюртук, белый или черный жилет и серые брюки, в городе всегда нужно носить высокую шляпу и перчатки, а шелковый носовой платок всегда должен находиться с левой стороны костюма²⁵. В такой литературе можно найти указание даже о довольно личных вещах – например, о методах ухода за волосами²⁶ или руками, а также о том, что следует предпринять, если вдруг разболелись зубы или голова²⁷.

Книги по этикету, содержащие подобные советы, формировали визуальный образ представителя высших сословий, давали представление о том, как он должен выглядеть, а также давали информацию о том, какими привычками должен обладать член высшего общества в частной жизни. При этом читатели не просто получали представление об облике типичного представителя высшего сословия, но и некое руководство к действию: что нужно делать, чтобы выглядеть как истинный аристократ. Эта ситуация также является знаком эпохи модерны, когда традиционные связи между означающим и означаемым в семантике внешности и костюма начали размываться²⁸. Детали, вроде правильного обозначения лисьего хвоста, цвета рубашки и брюк на утренней прогулке и были теми самыми “уликами”, по которым представители высшего сословия опознавали “своих”. В то же время сами они участвовали в трансфере аристократических норм поведения и ценностей в английское общество. По

²¹ *Modern Manners and Social Forms*: 280.

²² *Manners and Rules of Good Society*: 172.

²³ *Modern Manners and Social Forms*: 264.

²⁴ *Modern Etiquette in Public and Private*: 39.

²⁵ *Ibid*: 40-41.

²⁶ *Ibid*: 169-171.

²⁷ *Ibid*: 175-176.

²⁸ Вайнштейн: 296.

мнению британского исследователя Н. Аннана, «правящий класс требовал подчиниться их образу жизни, как идеалу». При этом он отмечает, что такая ситуация стала возможна только при полной лояльности подавляющей части населения к нормам и ценностям этого сословия²⁹. Чем объясняется подобная лояльность? Возможно, дело в такой сложно определяемой вещи, как национальный характер англичан. Уже современники викторианского периода отмечали «лордопоклонство» среди своих сограждан. Так, крупный общественный деятель М. Арнольд говорил, что в Англии, как нигде больше, средний класс целиком и полностью разделяет аристократические идеи, а Уильям Теккерей в своей «Книге снобов» напрямую заявлял, что «Книга пэров* стала второй Библией англичан»³⁰.

В этот период начинала зарождаться массовая культура, и социум был готов принять и использовать различные тактики и стратегии поведения. Таким образом, подобные учебные пособия участвовали в процессе конструирования определенного образа типичного представителя высшего сословия. Этот образ можно назвать визуальным, включающим в себя несколько характеристик: внешний облик (внешность, манера одеваться и т.д.), определенный стиль жизни (например, способы проведения досуга) и особый тип поведения в разных ситуациях (манеры, аристократический кодекс поведения и т.д.). Создаваемый образ аристократического сословия был довольно притягательным для большей части населения. Все в нем – от внешнего вида до манеры держать себя имело налет возвышенности и изящества, недоступных простым смертным. Распространение книг об этикете способствовало трансляции аристократических норм и ценностей в массы и, таким образом, способствовало унификации стандартов публичного поведения³¹.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Вайнштейн О.Б. Денди: мода, литература, стиль жизни. 4-е изд. М.: Новое литературное обозрение, 2017. [Vajnshtejn O.B. Dendi: moda, literatura, stil' zhizni. 4-e izd. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017].
- Вайнштейн О.Б. Поэтика дендизма: литература и мода // Иностранная литература, [Электронный ресурс]. 2000, №1. URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/2000/3/vainst.html> [Vajnshtejn O.B. Poehtika dendizma: literatura i moda// Inostrannaya literatura, 2000, №1. URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/2000/3/vainst.html>]
- Гинзбург К. Мифы-эмблемы-приметы: Морфология и история. Сборник статей. М.: Новое издательство, 2004. [Ginzburg K. Mify-ehmblemy-primety: Morfologiya i istoriya. Sbornik statej. M.: Novoe izdatel'stvo, 2004].
- Давиденко А.А. “Понятие “джентльмен” в фокусе внимания британцев XIX века” // Диалог со временем. С. 287-299. [Davidenko A.A. Ponyatie “dzhentl'men” v fokuse vnimaniya britantsev XIX veka // Dialog so vremenem. S. 287-299].
- Крючкова Н.Д. Образ жизни британской элиты в третьей четверти XIX века: Дис. к-та ист. наук. Ставрополь, 2004. [Kryuchkova N.D. Obraz zhizni britanskoj ehility v tret'ej chetverti XIX veka: Dis. k-ta ist. nauk. Stavropol', 2004].
- Лихачев Л.С. Этикет как культурная универсалия // Фундаментальные проблемы культурологии: сборник статей по материалам конгресса / Отв. ред. Д.Л. Спивак. М.: Новый

²⁹ Annan 1991: 84.

³⁰ Фадеева 1991:157.

³¹ Крючкова 2004: 102.

- хронограф: Эйдос. Т.6: культурное наследие: От прошлого к будущему. 2009. [Likhachev L.S. EНtiket kak kul'turnaya universal'iya/Fundamental'nye problemy kul'turologii: sbornik statej po materialam kongressa / Otv. red. D.L. Spivak. M.: Novyj khronograf: EНjdos. T.6: kul'turnoe nasledie: Ot proshlogo k budushhemu.2009].
- Смайль С. Характер. Т. 1. М.: Терра. 1997 [Smajls С. КНхарактер. Т. 1. М.: Terra. 1997].
- Фадеева Л.А. Образ викторианской эпохи в коллективной памяти англичан // Диалог со временем. 1999. № 1. [Fadeeva L.A. Obraz viktorsianskoj ehpokhi v kollektivnoj pamjati anglichan // Dialog so vremenem. 1999. № 1].
- Annan Noel. Our age. New York: Random House, 1991.
- “Gentlemen” //Cornhill Magazine. 1862. P. 330-335.
- Manners and Tone of Good Society. London: Frederick Warne and Co. 1896.
- Manners and Rules of Good society. London, Frederick Warne and Co., 1898.
- Modern Etiquette in Public and Private. London, Frederick Warne and Co., 1893.
- Manners of Modern Society being a book of etiquette. L. etc.: Cassell Petter and Galpin: 1875.
- Mrs. Humphry. Manner for Men. London, James Bowden, 1897.
- Nevill, Dorothy. Under Five Reigns. New York: The John Lane company, 1910.

Виляйкина Екатерина Юрьевна, аспирант, РАНХиГС при Президенте России, ekaterinavill2412@gmail.com

Unification of the norms of social behavior in the late Victorian period

The article is focused on the problem of establishment of the common social norms in England of the end of 19th century, and is based on the didactic materials and sources of private origin. The author establishes what was expressed and how the process of unification of these norms and rules took place, as well as what factors caused it. It is shown that in the Victorian period, with its rise of the middle class, society was inclined to borrow and use aristocratic tactics and strategies of behavior. During this period, a clear line between the culture of the aristocracy and the culture of the middle class was blurred

Keywords: aristocracy, Victorian period, social behavior, gentlemen

Ekaterina Viliakina, PhD student, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, ekaterinavill2412@gmail.com

ПОСЛЕВОЕННЫЙ СТАЛИНГРАД ГЛАЗАМИ ДЖОНА СТЕЙНБЕКА СОЦИАЛЬНАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ И ПЛАНЫ РАЗВИТИЯ

В статье впервые предпринята попытка комплексного анализа представлений Джона Стейнбека о послевоенной действительности Сталинграда, изложенных в книге «Русский дневник», и документальных данных о социально-экономическом развитии города второй половины 1940-х гг. На основе контент-анализа обоснованы выводы о специфике восприятия Стейнбеком советской повседневности и перспективах использования его книги в качестве источника изучения социальной истории.

Ключевые слова: Дж. Стейнбек, «Русский дневник», Сталинград, социальная политика, социально-экономическое развитие, история повседневности

На протяжении более 50 лет, прошедших со дня смерти Джона Стейнбека, не ослабевают споры о творческом наследии этого писателя, журналиста, публициста. В 2009 г. его имя вошло в список наиболее часто оспариваемых авторов Американской библиотечной ассоциации. На страницах *Steinbeck Review*, посвященного его творчеству, и в других изданиях, подчеркивается актуальность его произведений для общества начала XXI в. – порой более очевидная, чем для его современников. Несмотря на подчас противоположные суждения, в большинстве современных оценок Стейнбек предстает как автор книг, которые пережили их критиков¹ и, вероятно, будет широко цитироваться в будущем². Авторы многих публикаций последних лет подчеркивают, что актуальность работ Стейнбека возрастает по мере эскалации глобальных социальных проблем нашего времени, таких как расизм, ксенофобия, национализм³. Стейнбеку удалось по-новому взглянуть на природу и динамику социальных отношений XX века. По мнению В. Рэй, чтение его работ открывает новые перспективы для осмысления прошлого опыта⁴.

Зарубежные исследователи творчества Стейнбека всегда отводили «Русскому дневнику» значительное место в его наследии, наряду с романами «Гроздь гнева», «О мышьях и людях», «Зима тревоги нашей». Объективности автора давались противоречивые оценки – от обвинений в приукрашивании действительности, вызванной его левыми взглядами, до констатации его полной беспристрастности и отсутствия претенциозности⁵. В СССР «Русский дневник» был впервые опубликован в 1989 г. Отечественные исследователи уделяли ему внимание в первую очередь как литературно-публицистическому произведению. О.А. Полякова, Н.В. Кривцова, А.М. Малахова рассматривали литературные особенности «Дневника» как трэвелог-репортажа, журналистские средства и ме-

---

¹ Zirakzadeh 2019: 22-23.

² Andrew 2018: 56-61.

³ Pugh 2018: 122; Jain 2017.

⁴ Ray 2018: 191-195.

⁵ Шиллинглюу 2018: 24-25.

тоды, примененные Стейнбеком⁶. Политические обстоятельства написания книги, связанные с началом «холодной войны» подробно описаны Д. Куриловым⁷. Отдельные аспекты изображения Стейнбеком советской России в контексте дискурса о восприятии ее образа иностранцами отражены в работах Ю.И. Игрицкого, Е.А. Третьяченко⁸. В предисловии к изданию 2017 г. В. Познер, пожалуй, впервые характеризует книгу как шедевр, который является не только произведением литературы в самом высоком смысле этого слова, но и историческим документом⁹.

Обращаясь к аспектам восстановительных процессов Сталинграда в историографии следует отметить отсутствие в настоящее время попытки сравнительного анализа литературного документа, каким является «Русский дневник», с корпусом широкого круга исторических источников, в том числе архивных. Специального изучения темы Сталинграда в творчестве Стейнбека до настоящего времени не проводилось¹⁰.

Цель статьи – рассмотреть основные характеристики, данные послевоенному Сталинграду Дж. Стейнбеком в контексте документальных данных о социально-экономическом и культурном состоянии города во второй половине 1940-х гг. В центре внимания Стейнбека находились два аспекта послевоенного развития Сталинграда: реалии города, пережившего глобальную социальную катастрофу, и воплощение планов его возрождения. На основе компаративного анализа произведения Стейнбека и комплекса исторических документов можно предположить, что «Русский Дневник» не являлся продуктом идеологического заказа, его автор был чужд политической конъюнктуры, стремился к объективности, что в целом ему удалось и позволяет рассматривать книгу как источник изучения социальной истории послевоенного Сталинграда.

Основным критерием выбора источников послужило наличие документальных данных о социально-экономическом состоянии Сталинграда во второй половине 1940-х гг. и процессах восстановления инфраструктуры города. Были использованы документы высших органов государственного управления, имевшие отношение к организации восстановительных работ в Сталинграде; документы органов власти Сталинградской области и г. Сталинграда; данные газеты «Сталинградская правда»; фрагменты воспоминаний участников восстановления города.

Джон Стейнбек и военный фотокорреспондент Роберт Капа находились в Советском Союзе с конца июля по середину сентября 1947 г. За это время они побывали в Москве, Киеве, Сталинграде, Тбилиси, нескольких селах и колхозах Украины и Грузии. Из поездки Стейнбек привез несколько сотен страниц заметок, Капа – около 4 тыс. негативов.

⁶ Полякова 2019: 184-189; Кривцов 2017: 347-365.; Малахова 2018: 223-234.

⁷ Курилов 2018: 406-415.

⁸ Игрицкий 2007: 60-89.; Третьяченко 2010: 128-133. Книга Стейнбека используется и в плане изучения быта послевоенной Москвы. – Селитрина, Дашков 2019: 109-111.

⁹ Стейнбек 2017: 3.

¹⁰ См.: Кузьмина 2002: 15-122; Кузнецова 2003: 12-19; Орешкина 2008: 115-119; Сотников 2018: 196-205; Австрийсков 2014: 107-110; Олейникова 2017: 44-49.

Свое обращение к советской теме Стейнбек объяснял двумя обстоятельствами. Во-первых, о внутреннем положении в Советском Союзе часто писали люди, «которые в СССР не бывали и чьи источники информации были небезупречны»¹¹. Во-вторых, многие стороны частной жизни русских вообще не попадали в поле зрения журналистов и литераторов. Поэтому Стейнбек решил «рассказать о русских: как они выглядят, что носят, как работают, о чем говорят русские, работающие на земле, что они делают для восстановления разрушенной части своей страны»¹². Он поставил перед собой нелегкую, с учетом его репутации журналиста левого толка и условий начинавшейся «холодной войны», задачу – быть максимально объективным: «Мы должны постараться не критиковать и не хвалить, делать честные репортажи о том, что мы видели и слышали»¹³. При этом Стейнбек понимал, что его труд не удовлетворит ни левых, ни правых: «Первые скажут, что он антирусский, вторые – что он прорусский»¹⁴. Для «Русского дневника» он выбрал подход, противоположный тем, что использовали современные ему журналисты – «рассказать все, как было: день за днем, встречу за встречей, картину за картиной, без разделения на темы и предметы»¹⁵. Таким образом, можно заключить, что главной целью Стейнбека было описание социальной действительности послевоенной России, причем исключительно на основе собственных наблюдений.

Отправляясь в Сталинград, Стейнбек имел четкое представление о роли Сталинградской битвы, отличное от большинства суждений американских историков и политиков времен «холодной войны». Он подчеркивал, что в Сталинграде произошел один из решительных военных переломов. Когда закончилась битва, «даже самые твердолобые вояки в глубине души почувствовали, что война проиграна»¹⁶.

Первое впечатление Стейнбека о Сталинграде – дорога из аэропорта к городу, которую он назвал самой разбитой в стране. Стейнбек приехал в Сталинград после посещения Киева, поэтому имел возможность сравнить масштабы и характер разрушений в двух городах, пострадавших от бомбежек. И он отметил, что в разбомбленном городе некоторые стены и объекты остаются целыми. Сталинград – иной случай, он был уничтожен ракетным и артиллерийским огнем до основания. Вывод Стейнбека имеет документальные подтверждения. За период битвы на Сталинград было сброшено с воздуха, выпущено из орудий и минометов более 2900 тыс. бомб, снарядов, мин. Жилищный фонд был уничтожен более чем на 90%. По сведениям, приведенным в докладе председателя Сталинградского городского комитета обороны А.С. Чуянова о ходе жилищного и культурно-бытового строительства в г. Сталинграде от

¹¹ Стейнбек 2017: 34.

¹² Стейнбек 2017: 39.

¹³ Там же: 35.

¹⁴ Там же: 314.

¹⁵ Там же: 40.

¹⁶ Там же: 184.

29 мая 1944 г., в городе были полностью разрушены и выведены из строя водопровод, канализация, телефонная сеть, городское электрохозяйство¹⁷. Из 126 промышленных предприятий не сохранилось практически ни одного. Были полностью разрушены железнодорожный узел, 124 школы, 75 рабочих клубов и Домов культуры, 15 больниц¹⁸.

Приведем данные иного источника – фрагмент интервью, взятого волгоградскими журналистами в начале 1960-х гг. у бывших членов женской комсомольской бригады, приехавшей из Кирова восстанавливать город в апреле 1943 г.: «...Когда мы первый раз увидели город, то даже не поняли, что здесь восстанавливать. Дом за домом, квартал за кварталом превращены в сплошные развалины...Разбитые мосты, разорванные трамвайные пути, заваленные хламом улицы...»¹⁹.

Наряду с масштабностью разрушений, Стейнбека поразило то, что люди нашли возможность жить в практически не существующем городе. Руины не пустовали: «под завалами находились подвалы и щели, в которых жило множество людей»²⁰. Имеются документальные свидетельства о том, что приспособление под жилье малопригодных объектов широко практиковалось и даже поощрялось властями города. Сразу после завершения Сталинградской битвы в городе оставались всего 32181 чел.²¹ Но возвращение коренных жителей и приток рабочей силы для восстановления города шли быстрыми темпами. Учитывая это, Сталинградский горисполком издал специальную листовку для населения «Как оборудовать под жилье блиндаж и землянку», которая содержала практические рекомендации. Уже в первые месяцы после битвы было приспособлено под жилье и частично восстановлено около 100 тыс. кв. м.²²

Описывая в 1947 г. центр Сталинграда, лежащий в руинах, Стейнбек отнюдь не сгушал краски. Как сообщалось в отчете о работе Сталинградского городского комитета ВКП(б), опубликованном в январе 1948 г., в течение 1943–1947 гг. в жилищное и культурно-бытовое строительство города было вложено 1551 млн. руб., на которые было построено 822 тыс. кв. м жилья, что составляло лишь около половины разрушенного жилого фонда²³. Руины приспособлялись не только под жилые помещения, но и под школы. В отчете областного отдела народного образования о работе школ области за 1941/42 – 1944/45 учебные годы отмечалось, что в феврале-марте 1943 г. в Сталинграде возобновили работу 16 школ, в которых обучалось около 5000 детей. В качестве примера упоминались учителя средней школы № 50 Ворошиловского района Сталинграда, которые при помощи родителей учеников организовали

¹⁷ ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 18. Д. 2. Лл. 2-2об.

¹⁸ Волгоград: хроника истории 1988: 193-194.

¹⁹ Ершов 1966: 169-170.

²⁰ Стейнбек 2017: 185.

²¹ Поднятый из руин 1962: 137.

²² ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 14. Д. 1. Л. 341.

²³ Сталинградская правда 1948: 2.

обучение в полуразрушенном нижнем этаже здания медицинского института²⁴. В газете «Сталинградская правда» сообщалось, что заведующая начальной школой № 76 Краснооктябрьского района П.Е. Бурова приспособила для проведения занятий опустевший блиндаж, в котором начали обучение двадцать школьников, затем организовала работу учеников и их родителей по ремонту и приспособлению под школу уцелевшего подвала конторы завода «Лазурь»²⁵.

Еще одна деталь, подмеченная Стейнбеком: возведение нового жилья в городе начиналось с окраин, значительная его доля приходилась на индивидуальный сектор. Он удивился тому, что проектированием «крошечных частных домиков», наряду с многоквартирными домами, занимались централизованно, над проектами трудились городские архитекторы²⁶. Насколько эти утверждения верны? М.А. Водолагин, автор нескольких книг о Сталинграде, в годы войны военный комиссар Сталинградского корпуса народного ополчения, до 1949 г. – секретарь Сталинградского обкома ВКП(б), отмечает, что восстановительные работы велись в первую очередь в заводских (окраинных) районах Сталинграда. Центр, поскольку в нем не было промышленных объектов, длительное время оставался «громadным пустырем», восстановление тормозили постоянные коррективы генерального плана застройки города, касавшиеся, главным образом, его центральной части²⁷. Подтверждение находим в Справке отдела рабочей молодежи горкома ВЛКСМ об участии комсомольцев и молодежи в восстановлении города Сталинграда. В документе перечислены поселки, выстроенные в городе – Тракторозаводский, Баррикадный, Краснооктябрьский, уже из названий очевидно их местонахождение в районах промышленных предприятий²⁸.

Стейнбека удивил контроль местных властей в сфере индивидуального строительства, и это не случайно, ведь он не стремился вникать в сущность социальной политики советского государства, основанной на принципах патернализма. Ему было важнее увидеть и передать читателю картину повседневной жизни людей, переживших трагедию войны и постепенно возвращающихся к мирной жизни. Как известно, результативность патерналистской модели не может быть оценена однозначно. Патернализм, развивающийся на базе плановой экономики – это, с одной стороны, глобальный контроль, лишаящий человека экономической свободы, централизованная унифицированная система распределения социальных благ, а с другой – ответственность за выживание населения, которую государство не снимает с себя даже перед лицом глобальных экономических потрясений. Официальными документами подтверждается, что стимулирование индивидуального жилищного строи-

²⁴ ГАВО. Ф. 3423. Оп.7. Д.52. Л. 44-50.

²⁵ Дорога к знаниям 1946: 2.

²⁶ Стейнбек 2017: 200.

²⁷ Водолагин 1962: 102.

²⁸ ЦДНИВО.Ф.71.Оп.5. Д. 18. Л.152.

тельства стало объектом государственного внимания еще до завершения войны, причем в общесоюзном масштабе. 29 мая 1944 г. вышло постановление СНК СССР «О мероприятиях по восстановлению индивидуального жилого фонда в освобожденных районах и усилению индивидуального жилищного строительства в городах и поселках СССР». Застройщики могли воспользоваться льготами при приобретении стройматериалов, получить ссуду на сумму до 10 тыс. руб. сроком до 7 лет²⁹.

Наряду с повседневной жизнью города, Стейнбека очень интересовало его будущее – планы дальнейшего развития. Ему удалось побеседовать с командой архитекторов, работавших в тот период в Сталинграде, узнать о планах восстановления города, увидеть чертежи некоторых будущих зданий. Он отметил, что ни один из планов восстановления города пока не утвержден, и выделил то, что объединяет все планы – центр города предполагается застроить гигантскими монументами, колоннадами, обелисками. «Наши народы объединяет любовь к машинам и гигантомания», – не без иронии заметил Стейнбек³⁰.

Прав ли Стейнбек в своем суждении о проблемах планирования и приверженности к монументальным постройкам? Действительно, несмотря на то, что первые планы восстановления Сталинграда появились еще в конце февраля 1943 г., во второй половине 1940-х гг. вокруг них еще велись ожесточенные споры. В ряде проектов намечалось сделать основной упор на грандиозные по масштабу и стоимости проекты, которые определят облик города: памятник Победы в виде гранитной четырехъярусной башни высотой 60 метров, с 10-метровой бронзовой фигурой красноармейца наверху; здание облисполкома с башней высотой 40 метров; Дворец обороны из белого камня. Более прагматичные подходы предусматривали поиск форм, способных наряду с отображением героической истории города, служить развитию жилищного строительства и городской инфраструктуры. После знакомства с проектами председатель Президиума ВС СССР М.И. Калинин в письме к председателю комитета по делам архитектуры Совнаркома СССР высказал пожелание избегать вычурности и претенциозности, найти сочетание больших художественных ансамблей с продуманными жилыми постройками³¹.

Стейнбек придавал большое значение посещению СТЗ: «Здесь, на заводе, который защищали его рабочие, и где сейчас те же рабочие продолжали собирать трактора, можно было запечатлеть сам дух русской стойкости»³². События, происходившие на заводе, он назвал ужасной аллегорией, сочетанием результатов применения двух величайших талантов человечества: способности созидать и способности разрушать³³. Первое его впечатление при вхождении на территорию завода: вся земля

²⁹ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам 1968: 205.

³⁰ Стейнбек 2017: 199-200.

³¹ Ершов 1966: 180-181.

³² Стейнбек 2017: 199-200.

³³ Там же: 193, 195.

искорежена и истерзана, половина цехов лежит в руинах, от других остались только стены без крыш. Но главное, что поразило Стейнбека: люди не ждали, когда завод будет заново отстроен, одновременно работали на восстановлении и давали продукцию.

Стейнбек верно оценил масштабы ущерба, причиненного крупнейшему тракторному заводу СССР. Документально подтверждено, что в ходе боев Сталинградский тракторный завод был разрушен практически полностью. В тексте Решения о первоочередных задачах восстановления города, принятого депутатами Сталинградского областного Совета в феврале 1943 г., констатировалось: «Немецко-фашистские мерзавцы уничтожили Сталинградский тракторный завод – первенец первой пятилетки...»³⁴. Постановлением ГКО СССР сроком пуска в эксплуатацию всех заводов Сталинграда была указана вторая половина 1943 г., но уже в апреле 1943 г. небольшой коллектив рабочих и инженеров СТЗ собрал первую партию отремонтированных дизелей. В июне 1943 г. на фронт был отправлен первый танк из серии «Ответ Сталинграда». 17 июня 1944 г., в день 14-й годовщины пуска завода, был выпущен первый после осады города гусеничный трактор. Во время пребывания Стейнбека на заводе силами работников восстанавливался ремонтно-строительный цех. В первые послевоенные годы производство строительных материалов значительно отставало от потребностей региона, поэтому использовались остатки разрушенных построек. В сталинградской печати публиковались призывы полностью выбирать из руин ценные стройматериалы, включая труднодоступные цоколи и подвалы, а не брать только то, «что можно взять без труда»³⁵. При строительстве здания цеха из развалин было извлечено и уложено в новые стены 110 тыс. кирпичей³⁶.

Стейнбеку не удалось выяснить, сколько тракторов завод производил в день, но ему сообщили, что объем производства уступает довоенному лишь на 2%³⁷. Насколько была точна эта цифра, перепроверять которую Стейнбек не пытался? Действительно, в первые послевоенные годы СТЗ не справлялся с производственной программой. В 1946 г. государственный план был выполнен на 82,7%, в 1947 – на 69,8%³⁸. Но потом, согласно официальным отчетам, ситуация улучшилась. В Итогах выполнения пятилетнего плана 1946–1950 гг. по промышленности, капитальному строительству, культуре и здравоохранению сообщалось, что в 1949 г. довоенные показатели завода были уже превышены³⁹.

Стейнбека интересовали не столько производственные показатели, сколько социальные реалии жизни людей. Он сетовал, что фотографи-

³⁴ ГАВО.Ф.2125.Оп.1. Д.17. Л.42. Ущерб, причиненный СТЗ во время Сталинградской битвы, составил более 400 млн. руб. – ЦДНИВО. Ф.113.Оп.20. Д.73. Л.6.

³⁵ Притчин 1946: 2.

³⁶ Сталинградская правда 1947: 2.

³⁷ Стейнбек 2017: 194.

³⁸ ГАВО.Ф.6032.ОП.1. Д.1139. Л.54.

³⁹ Объем валовой продукции СТЗ составил 270,3 млн. руб. против 262,9 млн. руб., полученных в 1940 г. – ГАВО.Ф-Р 71. Оп.3. Д.118. Л.38,39.

ровать на территории завода запрещено и запечатлеть лица его работников не удалось. Но собрал подробные сведения о жилищных проблемах, размере заработной платы рабочих разной квалификации, ее соотношении с квартплатой и ценами на продукты. Стейнбек оценил жилищную проблему как одну из наиболее острых, что подтверждается данными ряда источников. По воспоминаниям современников, после окончания битвы на территории Тракторозаводского района, где до войны в основном проживали работники СТЗ, практически не осталось целых домов. В возведении жилья, наряду с профессиональными строителями, участвовали сами работники завода⁴⁰. Строящиеся квартиры показались Стейнбеку маленькими (кухня, одна-две спальни и гостиная), но довольно удобными. Квартплата «неправдоподобно мала, правда, если вам посчастливится получить квартиру»⁴¹. Насколько справедливо это, не лишнее иронии, замечание? Обратимся к статистическим показателям ввода жилья в описываемый период. В 1947 г. план жилищного строительства в Сталинграде был выполнен всего на 38,7%⁴². Естественно, рассчитывать на новоселье могли далеко не все нуждавшиеся.⁴³

Интересны замечания Стейнбека о ценах на продукты, простую еду, которая входит в рацион обычного рабочего, т.е. на хлеб, капусту, мясо и рыбу, уходит совсем немного денег, но деликатесы, консервы и импортные продукты обходятся очень дорого, а такие изыски, как шоколад, недоступны практически никому. Эта проблема подтверждается документально: показатели предприятий пищевой промышленности намного отставали от довоенных. Так, в 1949 г. сталинградский мясокомбинат выпустил продукции на 8,6 млн. руб. против 15,4 млн. руб. в 1940 г. и т.д.⁴⁴ Стейнбек и Капа на себе ощутили скудость сталинградского рациона. На завтрак в гостинице «Интурист» им ежедневно приносили салат из помидоров, соленых огурцов, арбуз и крем-соду⁴⁵.

«Это были не пустые и аллегорические фигуры. Это были простые люди, на которых напали и которые смогли себя защитить», – таков общий вывод Стейнбека о жителях разоренного города. Важно отметить, что в центре его внимания были не руководители и ответственные работники, с которыми он общался на официальных встречах, а простые сталинградцы⁴⁶. По ощущениям Стейнбека, трагедия, которую они перенесли, была лишена пафоса, но постоянно присутствовала в самом ходе будничной жизни. Во время вечерней прогулки в парке возле большой братской могилы Стейнбек обратил внимание на женщину с мальчиком лет пяти-шести, который стоял у ограды обелиска. На вопрос о

⁴⁰ Первенец советского тракторостроения: 1980: 195.

⁴¹ Стейнбек 2017: 203.

⁴² ЦДНИВО. Ф. 71. Оп. 6. Д. 74. Л. 7 об.

⁴³ В 1951 г. в неблагоустроенных помещениях проживало 600 семей работников завода. – Первенец советского тракторостроения: 1980: 195.

⁴⁴ См.: ГАВО.Ф-Р 71. Оп.3. Д.118. Л.38,39.

⁴⁵ Стейнбек 2017: 191.

⁴⁶ Там же: 202.

том, что он здесь делает, мальчик спокойно сказал: «Я к папке пришел. Я каждый вечер к нему прихожу»⁴⁷. Еще одна бытовая зарисовка – семья бухгалтера, который строит крохотный домик на окраине города. Он сам таскает доски, смешивает раствор, двое его детей играют рядом. Оторвавшись от работы, он приносит семейный альбом с фотографиями близких и открытками, который смог спасти и бережно хранит. В этом альбоме, – замечает Стейнбек, – то хорошее, что с ним было в жизни, все остальное отняла война⁴⁸.

Неуместность пафосности, которую порой стремились придать сталинградской эпопее, Стейнбек отметил во время осмотра коллекции подарков городу – копии средневекового меча, старинного щита, пергамента, исписанного высокопарными фразами. «Мир награждал Сталинград фальшивыми медальками, а ему было нужно несколько бульдозеров»⁴⁹. Стейнбек точен в этих описаниях. В 1944 г. в Сталинград был передан подарок английского короля Георга VI, украшенный торжественной надписью; щит поступил от императора Эфиопии. После окончания Сталинградской битвы лидеры многих государств обращались к героическому городу с речами благодарности и делали символические подарки. В 1944 г. «Сталинградская правда» цитировала слова де Голля, которые он произнес при вручении подарка (мемориальной доски): «Я передаю горячий привет от сражающегося французского народа героическому Сталинграду – символу наших общих побед над врагом»⁵⁰.

Умение выживать в немыслимых условиях и сохранять человеческое достоинство – черты социального портрета простых людей, которые Стейнбек увидел и описал. Он был удивлен тем, что люди жили в развалинах домов, но главное, что поразило, по его признанию, это картинка, наблюдаемая им ежедневно из окна гостиничного номера. Из груды обломков, служивших ей домом, появлялась чисто одетая девушка, на бегу проводившая по волосам расческой. Пробираясь через сорняки, она направлялась на работу. Женщины, «живя под землей, умудрялись опрятно выглядеть и сохранять гордость и женственность», – подчеркивал Стейнбек⁵¹.

Дж. Стейнбек не включил в свою книгу данные о количестве погибших мирных жителей Сталинграда, но сумел передать впечатление о невозможности потерь описанием потерявшей рассудок девочки-подростка, которая жила в развалинах в центре города: «В кошмаре сражений за город с ней что-то произошло, и она нашла покой в забвении». Фотокорреспондент Р. Капа сетовал, что при выезде из СССР часть его снимков, включая фото сталинградской девочки, были засвечены по цензурным соображениям. «Сколько же еще существует на свете по-

⁴⁷ Там же: 190-191.

⁴⁸ Там же: 208

⁴⁹ Там же: 203.

⁵⁰ Сталинградская правда 1944: 2.

⁵¹ Стейнбек 2017: 185.

добных созданий, жизнь которых в двадцатом веке стала невыносимой», – горько замечал Стейнбек⁵².

Комплексный анализ раздела «Русского дневника», посвященного Сталинграду, и ряда исторических источников, иллюстрирующих социально-экономическую ситуацию того периода, позволяет утверждать, что описание Стейнбеком жизни послевоенного Сталинграда не содержит сознательно искаженных фактов. Многие его суждения и выводы подтверждаются документальными сведениями. В их числе – масштабы разрушений и материального ущерба, причиненных городу; особенности восстановления крупнейшего промышленного предприятия, городской инфраструктуры; коллизии планирования будущего облика героического города. Избрав двумя основными сюжетами своего повествования о Сталинграде планы его дальнейшего развития и реалии повседневной жизни людей, Стейнбек не ставил задачу их противопоставления, не искал несоответствия социальной политики властей потребностям граждан. Общая концептуальная установка «Русского дневника» не предусматривала анализа взаимоотношений власти и общества в СССР, достоинств и недостатков патерналистской модели социальной политики. В то же время, очевидна специфика отражения Стейнбеком советских реалий послевоенного времени, что позволяет рассматривать его труд как ценный и оригинальный источник изучения повседневности, быта, а также черт социального портрета, духовного своеобразия, идентичности сталинградцев.

Взгляд Стейнбека чужд политической конъюнктуре и идеологическому заказу. Картина послевоенного Сталинграда была создана им исключительно на основе личных впечатлений и самостоятельно полученных сведений. Это сделало возможным описание таких сторон и нюансов социальной действительности, которые не нашли достаточного отражения в источниках того времени и поэтому представляют бесспорный интерес для современных исследователей социальной истории.

АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

Государственный архив Волгоградской области (ГАВО) Ф-Р 71. Оп.3. Д.118. Л.38,39; Ф.2125. Оп.1. Д.17. Л.42; Ф. 3423. Оп.7. Д.52. Л. 44-50; Ф.6032. Оп.1. Д.1139. Л.54.
Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО). Ф.71. Оп.5. Д.18. Л.152; Оп.6. Д.74. Л.7 об.; Ф.113. Оп.14. Д.1. Л.341; Оп.18. Д.2. Лл.2-2об.; Оп.20. Д.73. Л.6.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Австрийсков Е.В. Снабжение рабочих сталинградских предприятий промышленными товарами в первые послевоенные годы (1945–1946 гг.) // Известия Волгоградск. гос. пед. ун-та. 2014. № 8 (93). С. 107-110. [Avstriyskov Ye. V. Snabzheniye rabochikh stalingradskikh predpriyatiy promyshlennymi tovarami v pervyye poslevoynnyye gody (1945–1946 gg.) // Izvestiya Volgogradsk. gos. ped. un-ta. 2014. № 8 (93). S. 107-110].
- Водолагин М. Волжская твердыня. М.: Изд-во «Советская Россия», 1962. 192 с. [Vodolagin M. Volzhskaya tverdnyua. M.: Izd-vo «Sovetskaya Rossiya», 1962. 192 s.].
- Волгоград: хроника истории. 1589–1989 гг. Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1988. 416 с. [Volgograd: khronika istorii. 1589–1989 gg. Volgograd: Nizh.-Volzh. kn. izd-vo, 1988. 416 s.]

⁵² Там же: 186-187.

- Дорога к знаниям // Сталинградская правда. 1946. 6 февраля. [Doroga k znaniyam // Stalingradskaya pravda. 1946. 6 fevralya].
- Ершов В., Дроботов В., Ефимов В., Харин Ю. Город-герой Волгоград. Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1966. 264 с. [Yershov V., Drobotov V., Yefimov V., Kharin YU. Gorod-geroy Volgograd. – Volgograd: Nizh.-Volzh. kn. izd-vo, 1966. 264 s.].
- Игрицкий Ю.И. Истоки и развитие зарубежных представлений о России/СССР/России // Россия и современный мир. 2007. 4/57. С. 60-89 [Igritskiy YU.I. Istoki i razvitiye zarubezhnykh predstavleniy o Rossii/SSSR/Rossii // Rossiya i sovremennyy mir. 2007. 4/57. S. 60-89]
- Из отчета о работе Сталинградского городского комитета ВКП(б) // Сталинградская правда. 1948. 24 января. С.2. [Iz otcheta o rabote Stalingradskogo gorodskogo komiteta VKP(b) // Stalingradskaya pravda. 1948. 24 yanvarya. S.2].
- Кривцов Н.В. Трэвел-журналистика: специфика направления и его проблемы // Вопросы теории и практики журналистики. 2017. Т. 6. № 3. С. 347-365. [Krivtsov N.V. Trevel-zhurnalistika: spetsifika napravleniya i yego problemy // Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki. 2017. T. 6. № 3. S. 347-365].
- Кузнецова Н.В. Восстановление жилого фонда Сталинграда // Вестник Волгоградск. гос. ун-та. Сер. 4: История. Регионоведение. Международн. отношения. 2003. № 8. С. 12-19. [Kuznetsova N.V. Vosstanovlenie zhilogo fonda Stalingrada // Vestnik Volgogradsk. gos. un-ta. Ser. 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodn. otноsheniya. 2003. № 8. S. 12-19].
- Кузьмина Э.В. Восстановление Сталинграда. 1943–1950 / Под ред. М.М. Загорулько. Волгоград: ГУ «Издатель», 2002. 144 с. [Kuzmina E.V. Vosstanovlenie Stalingrada. 1943–1950 / Pod red. M.M. Zagorul'ko. Volgograd: GU «Izdatel'», 2002. 144 s.].
- Курилов Д.О. «Русский дневник» Дж. Стейнбека: особенности создания образа «русского» человека // Формирование образов России и русских в западных дискурсивных практиках XX–XXI вв. / Отв. ред. А.Э. Воронникова. 2018. С. 406-415 [Kurilov D.O. «Russkiy dnevnik» Dzh. Steynbeka: osobennosti sozdaniya obraza «russkogo» cheloveka // Formirovaniye obrazov Rossii i russkikh v zapadnykh diskursivnykh praktikakh XX–XXI vekov // Otv. red. A.E. Vorotnikova. 2018. S. 406-415].
- Малахова А.М. Развитие жанра «история» в современной медиакulturе // Век информации. 2018. № 1. С. 223-234. [Malakhova A.M. Razvitiye zhanra «istoriya» v sovremennoy mediakulture // Vek informatsii. 2018. № 1. S. 223-234].
- Олейникова Е.Г. Приоритеты социально-экономической политики центральных и региональных органов власти в период послевоенного восстановления Сталинграда // Научный вестник Волгоградского филиала РАНХиГС. Сер.: политология, социология. 2017. № 3. С. 44-49. [Oleynikova Ye.G. Prioritety sotsial'no-ekonomicheskoy politiki tsestral'nykh i regional'nykh organov vlasti v period poslevoynnogo vosstanovleniya Stalingrada // Nauchnyy vestnik Volgogradskogo filiala RANKhiGS. Ser.: politologiya, sotsiologiya. 2017. № 3. S. 44-49].
- Орешкина Т.Н. Восстановление культурно-просветительских учреждений Сталинграда и области в 1943-м – начале 1950-х гг. // Известия Волгоградск. гос. пед. университета. 2008. № 3 (27). С. 115-119. [Oreshkina T.N. Vosstanovleniye kul'turno-prosvetitel'skikh uchrezhdeniy Stalingrada i oblasti v 1943-m – nachale 1950-kh gg. // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2008. № 3 (27). S. 115-119].
- Первенец советского тракторостроения: Производственное объединение «Волгоградский тракторный завод им. Ф.И. Держинского» / Трушин И.А., Першин Н.И. и др. Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1980. 386 с. [Pervenets sovetskogo traktorostroyeniya: Proizvodstvennoye ob'yedineniye «Volgogradskiy traktornyiy zavod im. F.I.Dzerzhinskogo» / Trushin I.A., Pershin N.I. i dr. Volgograd: Nizh.-Volzh. kn. izd-vo, 1980. 386 s.].
- Поднятый из руин: сборник документов и материалов о восстановлении и развитии Волгограда (1943–1960 гг.). Волгоград: Волгоградское кн. изд-во, 1962. 371 с. [Podnyatyy iz ruin: sbornik dokumentov i materialov o vosstanovlenii i razvitiі Volgograda (1943–1960 gg.). Volgograd: Volgogradskoye kn. izd-vo, 1962. 371 s.].
- Полякова О.А., Поляков О.Ю. Особенности рецeпции и репрезентации «другого» в «Русском дневнике Дж. Стейнбека» // Филология и культура. 2019. № 2 (56). С. 184-189. [Polyakova O.A., Polyakov O.YU. Osobennosti retseptsii i reprezentatsii «drugogo» v «Russkom dnevnike Dzh. Steynbeka» // Filologiya i kultura. 2019. № 2 (56). S. 184-189].
- Притчин Г. Как гибнут миллионы кирпичей // Сталинградская правда. 1946. 12 марта. [Pritchinn G. Kak gibnut milliony kirpichey // Stalingradskaya pravda. 1946. 12 marta].

- Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: сборник документов за 50 лет / сост.: К. У. Черненко и М. С. Смиртюкова. Т.3. М.: Политиздат, 1968. 752 с. [Resheniya partii i pravitel'stva po khozyaystvennym voprosam: sbornik dokumentov za 50 let / sost.: K. U. Chernenko i M. S. Smirtyukova. T.3. – М.: Politizdat, 1968. – 752 s.]
- Селитрина Т.Л., Дашков С.Ю. Москва 1947 года в «Русском дневнике» Джона Стейнбека // Образы Москвы и Петербурга в зарубежной и русской литературе. Материалы Международной научной конференции XXXI Пуришевские чтения. 2019. С. 109-111. [Selitrina T.L., Dashkov S.YU. Moskva 1947 goda v «Russkom dnevnikе» Dzhona Steynbeka // Obrazy Moskvy i Peterburga v zarubezhnoy i russkoy literature. Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii XXXI Purishevskiyе chteniya. 2019. S. 109-111].
- Сотников М.Г. Восстановление и развитие материально-технической базы системы физической культуры и спорта Сталинградской области в 1943-1953 гг. // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2018. № 4 (127). С. 196-205 [Sotnikov M.G. Vosstanovleniye i razvitiye material'no-tekhnicheskoy bazy sistemy fizicheskoy kul'tury i sporta Stalingradskoy oblasti v 1943-1953 gg. // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2018. № 4 (127). S. 196-205].
- Сталинградская правда. 1944. С.1 декабря. [Stalingradskaya pravda 1944. S.1 dekabrya].
- Сталинградская правда. 1947. 26 августа. [Stalingradskaya pravda. 1947. 26 avgusta].
- Стейнбек Дж. Русский дневник / пер. с англ. Е. Кручины. М.: Изд-во «Э», 2018. 320 с. [Steynbek Dzh. Russkiy dnevnik / per. s angl. Ye. Kruchiny. М.: Izd-vo «E», 2018. 320 s.]
- Трегьяченко Е.А. Эволюция образа Советской России в произведениях американских журналистов и писателей 1945–1991 гг. // Вестник Нижегородского ун-та. Сер.: Социальные науки. 2010. № 2 (18). С. 128-133. [Tret'yachenko Ye.A. Evolyutsiya obraza Sovetskoy Rossii v proizvedeniyakh amerikanskikh zhurnalistov i pisateley 1945–1991 gg. // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta. Ser.: Sotsial'nyye nauki. 2010. № 2 (18). S. 128-133].
- Шиллинглю С. Предисловие // Стейнбек Дж. Русский дневник. М.: Изд-во «Э», 2018. 320 с. [Shillinglou S. Predisloviye // Steynbek Dzh. Russkiy dnevnik. М.: Izd-vo «E», 2018. 320 s.]
- Andrew A. A personal note: Contemporary American power dynamics and John Steinbeck's nonfiction // Steinbeck Review. 2018. 15(1). P. 56-61.
- Jain P. Leadership and Steinbeck's «non-teleological thinking»: A framework for embodying emergence in visioning // Emergence: Complexity and Organization. 2017. 19(3-4).
- Pugh S. Greatness at a distance: A commemorative survey of the work of John Steinbeck // Steinbeck Review. 2018. 15(2), P.122-135.
- Ray W. Steinbeck today // Steinbeck Review. 2018.15(2). P. 191-195.
- Zirakzadeh C.E. Steinbeck and America's liberal political tradition // Steinbeck Review. 2019. 16 (1). P. 1-23.

Елена Геннадьевна Олейникова, доктор исторических наук, профессор, Волгоградский институт управления, РАНХиГС при Президенте РФ; gattogatto@mail.ru

Stalingrad after the Second World War in the opinion of John Steinbeck: social reality and plans of development

The article is the first attempt at a comprehensive analysis of J. Steinbeck's ideas about the post-war reality of Stalingrad, set out in the book “Russian Diary”, and documentary data on the socio-economic development of the city in the second half of the 1940s. On the basis of content analysis, the author substantiates the conclusions about the specifics of Steinbeck's perception of Soviet everyday life and the prospects for using his book as a source for studying social history.

Keywords: J. Steinbeck, “Russian Diary”, Stalingrad, the economic and social development, social policy, social history, daily history

Elena G. Oleynikova, Dr. Sc., Professor. Volgograd Institute of Management – a branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, gattogatto@mail.ru

МОДЕЛИ РЕШЕНИЯ «ЯПОНСКОГО ВОПРОСА» В США В ПЕРИОД ЯПОНО-КИТАЙСКОГО КОНФЛИКТА¹

В статье рассматривается история и эволюция решений «японской угрозы» в США в 1937–1941 гг. в контексте развития «антияпонской идеи». Доказывается существование в США нескольких моделей формирования отношений с японской диаспорой. Показана роль этнических, антропологических, религиозных, исторических и социальных факторов в практике регулирования взаимодействия японо-американцев и властей США. Отдельно рассмотрено содержание доклада Кёртиса Мансона «Японцы на Западном побережье» и его принципиальное значение для понимания специфики «японского вопроса» федеральным правительством в 1940 – 1941 гг. Показаны различия подходов Мансона и ФБР в определении японской лояльности, а также в выводах и прогнозах относительно поведения японской диаспоры в случае войны.

Ключевые слова: японо-китайская война, общественное мнение США, этнические конфликты

Интернирование японцев в 1941 г. стало следствием не только государственной политики в отношении к «желтой опасности» на протяжении первой половины XX в., но и отношения спецслужб (в т.ч. ФБР), отношения отдельных СМИ и даже рядовых граждан. Происхождение моделей решения «японского вопроса» было тесно связано с процессом формирования в обществе США отношения к Востоку, азиатам, с процессом складывания «Я-концепции» американского общества. Кроме того, сам процесс обсуждения в разных сферах американского общества моделей решения японского вопроса показывает, как именно эволюционировала идея применения к японскому населению «чрезвычайных мер»; какие другие идеи и теории из области национальной безопасности, массового сознания, ксенофобии влияли на развитие данных моделей. Не менее важным моментом является продолжительность складывания в США «антияпонской идеи» со второй половины XIX века до Второй мировой войны. И как показывают материалы прессы США, документы Конгресса, ФБР, военно-морской разведки, Государственного департамента США – исследуемая идея не просто была в фокусе внимания представителей американской политической системы, федерального правительства, бизнеса и военных, а оказывала влияние на процесс принятия решений в напряженные годы, связанные с обострением японо-американских отношений.

В США данный процесс оценивается историками контрастно и даже полярно – либо как вынужденная государственная политика по обеспечению национальной безопасности, либо как репрессивная мера, нарушившая Конституцию США. Сегодня большой популярностью пользуются работы по истории создания лагерей для японцев, истории

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-39-70003.

повседневного быта в них, изучается самоидентификация японо-американцев, отношение американского общества к «лицу японской национальности»². Однако, представляется, что новые данные может дать анализ этой темы с точки зрения изучения политических практик США: 1) по определению (и изменению) лояльности диаспор; 2) по формированию, внутри гражданского общества, совершенно новой для США социальной и этнической иерархии с уникальной системой ценностей.

При таком подходе невозможно рассматривать «антияпонскую идею» в США в годы Второй мировой войны без учёта специфики регионов (в глобальном плане – особенностей данной практики на Восточном и Западном побережьях, в локальном плане – необходимо учитывать специфику формирования «японской проблемы» в каждом штате), а также необходимо понимание тесной взаимосвязи «японского вопроса» с «немецким» и «итальянским». Принципиальное значение указанных факторов прослеживается уже на начальном этапе попытки решения в США (до декабря 1941 г.) «японской проблемы».

Прежде всего, отметим, что японская проблема попала в поле зрения властей США чрезвычайно рано, задолго до событий в Пёрл-Харборе. Ещё в 1905–1906 гг. в Калифорнии началась практика ограничения прав японцев в области образования и заключения браков³. Процесс шёл в двух направлениях: «низовая дискриминация», вызванная ксенофобией американского общества и экономическими угрозами, связанными с деятельностью японских иммигрантов; и государственная дискриминация, опиравшаяся, во многом, на опыт «культурной интеграции» индейского населения⁴. А на это накладывался опыт взаимоотношений США и Японии в середине XIX в., когда первые контакты между американцами и японцами способствовали формированию образа «Другого» – в обоюдно негативном плане. Опыт Первой мировой войны по созданию концентрационных лагерей для немцев был лишь отчасти признан удовлетворительным для японцев, в силу антропологических и религиозных факторов, что снова заставляло американцев обратиться (существенно переработав) к практике XIX века в отношении индейцев.

Для понимания процесса перерастания ксенофобии в важный элемент государственной политики США, следует учитывать, что с развитием кризиса на Тихом океане (особенно в 1937–1941 гг.) начинают формироваться совершенно новые контуры «японского вопроса». Во-первых, не существовало единого управления или центра в США, занимающегося изучением японской угрозы. Различные аспекты данной деятельности находились в руках ФБР, Министерства юстиции и генерального прокурора, военно-морской разведки. Поэтому, в отчётах различных ведомств по-разному оценивалась и степень, и характер «японской опасности», а также, что особенно важно, рекомендации к практическим

² Levine 1995; Davis 1982; Hayashi 2004.

³ Leupp 2003: 215–217; Burton 2002: 5–11.

⁴ Davis 2006: 7.

действиям. Во-вторых, именно в этот период появляется большое число отчётов и аналитических записок о японской угрозе⁵. В-третьих, даже в период сильной напряжённости в японо-американских отношениях в разных штатах отношение к японцам было далеко не одинаковым.

В этот же период резко увеличивается число отчётов и аналитических записок о деятельности японцев в США, угрозе шпионажа, степени лояльности японской диаспоры, особенно в Калифорнии. Именно в этих документах «антияпонская идея» начала существовать как особый феномен в американском внутривнутриполитическом дискурсе. В федеральной власти быстро сформировалось два центра по мониторингу японской угрозы: Госдепартамент и ФБР⁶. Подходы и практика решения вопроса у ведомств отличались существенными особенностями.

Более того, каждый регион характеризовался не только разным отношением к японцам в обществе, но и принципиально различной политикой государства, что позволяет говорить о сложном механизме манипулирования и общественным мнением об «антияпонской идее», и социальным статусом японо-американцев, в зависимости от региона и штата. Традиционно Калифорния была главным местом апробирования государственной практики по отношению к японским иммигрантам. Именно здесь сталкивались сразу несколько моделей решения «японского вопроса»: федеральная, местная и общественная.

Наглядным примером их пересечения является доклад Кёртиса Мансона «Японцы на Западном побережье». Показательна история создания этого документа: из-за обострения японо-американских отношений после 1937 г., президент Ф. Рузвельт предложил известному журналисту Дж. Картеру провести неофициальный сбор информации о японских иммигрантах⁷. Тот, в свою очередь, обратился к бизнесмену Кёртису Мансону выступить в роли специального представителя федеральной власти для исследования лояльности японского населения в Калифорнии, а также в близлежащих штатах⁸. Мансон подошёл к делу очень основательно, проведя по неделе в 11-ом, 12-ом и 13-ом военно-морских округах США (охватывают штаты Калифорния, Вашингтон, Орегон) и опросил не только представителей разведки, флота и армии, агентов ФБР, но и рабочих, фермеров, бизнесменов, студентов, религиозных деятелей⁹. Завершённый доклад Мансона ляжет на стол к самым высоким чинам в Вашингтоне: государственному секретарю К. Халу, военному министру Г. Стимсону, военно-морскому министру Ф. Ноксу, генеральному прокурору Ф. Биддлу, а позже попадёт и к президенту Руз-

⁵ National Archives and Records Administration. Record Group 319. File: Series 2669. October 1940, Japanese Alien Situation.

⁶ Ibid. Record Group 65.2 General Records of the FBI. FBI Case Report, Agents of Foreign Principals.

⁷ Robinson 2013: 110.

⁸ Sundquist 1988: 532–533.

⁹ University of Washington Libraries microfilm A7378, Reel 17, Box 17, Frames 0034-0039, Items 19481.

вельту¹⁰. Следовательно, выводы и рекомендации аналитика рассматривались людьми, от которых зависело принятие конкретной модели взаимодействия федеральной власти и японо-американцев, в случае войны.

Чрезвычайно интересна структура доклада Мансона. Выводы о лояльности японской диаспоры предваряет довольно обширный этнографический раздел. Это сближает отчёт с рапортами американских военных и государственных деятелей XIX в. об индейцах, где анализ антропологических и этнографических данных часто присутствовал¹¹. Сам Мансон объясняет необходимость такого солидного этнографического обзора, во-первых, тем, что многие не знают, что представляют собой японцы в религиозном и семейном плане; во-вторых, такое знание, по его мнению, нужно не для исследовательских задач, а исключительно для политических. Таким образом, для чиновников Госдепартамента и президента подчёркивалась практическая направленность антропологии и этнографии, для выработки более совершенной модели управления японской диаспорой, а главное – для формирования конкретного набора политических мер по нейтрализации японской угрозы в случае кризиса. И далеко не случайно, что объектом пристального этнографического внимания федеральных властей США в конце 1930-х становятся японцы, так как в отношении немцев уже имелась выработанная в годы Первой мировой войны практика оптимального управления диаспорой. Но именно образ жизни японцев, их «подноготная», как писал Мансон, делали трудно применимыми к ним меры 1917–1918 гг.

Поэтому, Мансон не создаёт в докладе образ японца как врага или потенциального саботажника, а предлагает набор моделей оптимального взаимодействия федеральной власти с японскими иммигрантами. И базисом всех моделей являются этнографические, социальные и исторические наблюдения. Начинает Мансон данное описание с доказательства близости японцев к остальным азиатским народам по религии, образу жизни, среде проживания, антропологическим признакам. Даже синтоизм Мансон объясняет просто: «С древности и по настоящее время все японцы почитают императора как потомка богини Солнца»¹². Видно, что автор отчёта привёл рассуждения об антропологии японцев с целью доказать их единство, общность, а следующий абзац своего текста посвятил религии, которая напрямую поднимает вопрос о лояльности.

Метод формирования стереотипа японца оказался очень несложным: все японцы одинаковые; все поклоняются императору; император с точки зрения религии – высший авторитет. Но в этот привычный уже к 1941 г. для американцев стереотип Мансон влетает социальный эле-

¹⁰ Bartlit 2005: 143.

¹¹ Report of the General of the Army. Report of the Secretary of War. 1872. Washington, 1872; U.S. House. 42nd Congress, 2nd Session. "Annual Report of the Board of Indian Commissioners, 1871," Report of the Secretary of the Interior, 1871 (H.Exe.Doc.1). Washington, 15 November 1871. (Serial Set 1505).

¹² University of Washington Libraries microfilm A7378, Reel 17, Box 17, Frames 0034-0039, Items 19481.

мент: синтоизм и буддизм определили «феодалный тип общества», где высшее положение занимает даймё («барон», как уточняет Мансон), ему подчинялись самураи-«рыцари» и простой народ «хинин»¹³.

Это не простой экскурс в историю социальных отношений в Японии, с его помощью Мансон показывает принципиальные, на его взгляд, отличия американского общества от японского, выходя через данные отличия на проблему лояльности. Согласно отчёту, японское общество получается не просто консервативным, но неизменным за многие сотни лет. Весьма характерно, что социальные отношения как в современной ему Японии, так и в японской диаспоре в США Мансон описывает терминами «клан», «племенной вождь», «феодалное государство».

Таким образом, наблюдается радикальное отличие от образа Японии в США в начале XX в., когда на волне широкой симпатии в обществе, американские газеты именовали японцев «янки Востока», цивилизованное государство и т.д. К концу 1930-х гг. такие характеристики уже давно не вспоминали. В эти годы шло становление новой государственной практики – создание образа дикой, варварской Японии. И Мансон в своей характеристике общества через «кланы» был далеко не одинок. Так, на страницах «New York Times Magazine» Нью Байс писал, что и в 1940 г. ведущая роль в японской армии принадлежит кланам, что самураи – по-прежнему основа вооруженных сил Страны Восходящего Солнца¹⁴. В «New York Times» регулярно появлялись статьи о самурайском духе в современной Японии¹⁵. Следовательно, Мансон лишь охарактеризовал общую тенденцию в общественно-политической жизни США, когда в межвоенный период Японии и японцы эволюционировали в американском общественном мнении из цивилизованной, передовой страны в средневековую, феодальную державу (Мансон прямо пишет для чиновников Госдепартамента США – «влияние феодализма продолжается до сих пор»)¹⁶. А ведущую роль в этом процессе изменения стереотипов сыграл этнографический, антропологический и социальный факторы. И через эти же факторы чиновниками в Вашингтоне анализировались аспекты, связанные с лояльностью.

Социально-исторический, религиозный и этнографический экскурсы позволили Мансону сделать вывод о практически непоколебимой, врождённой лояльности японцев к своему императору, но решение, очевидное для автора отчёта, коренным образом отличается от мнения аналитиков ФБР (особенно в Сан-Франциско), которые видели прямую угрозу во всей японской диаспоре¹⁷. Мансон же указывает чиновникам на существенное различие в японцах-иммигрантах: они были оторваны

¹³ Ibidem.

¹⁴ New York Times Magazine. 1940. July 28: 78.

¹⁵ New York Times. 1939. December 24: 41.

¹⁶ University of Washington Libraries microfilm A7378, Reel 17, Box 17, Frames 0034-0039, Items 19481.

¹⁷ National Archives and Records Administration. Record Group 65.2 General Records of the FBI. FBI Report on Japanese Organizations.

от «кланов», «феодализма» и традиционных религий, следовательно, и лояльность к императору у них должна была поменяться.

Мансон задаётся очень актуальным для федеральной власти вопросом: как определять степень лояльности у различных групп внутри диаспоры, от чего она зависит? А если уровень лояльности у иммигрантов разный, то задача властей использовать данные различия (в случае кризисной ситуации) для управления и манипулирования японо-американцами. Первым подобным отличием он называет японцев-христиан, которые «понимают США лучше любой другой группы в диаспоре, и на них меньше воздействует феодализм»¹⁸.

Здесь мы видим два принципиально разных подхода федеральной власти США к проблеме японской лояльности: ФБР предлагает определять степень доверия к японцам по этническому признаку, а Госдепартамент – по религиозному. Отсюда вытекает и два практически взаимоисключающих решения: ФБР и отчасти военное министерство США выступают за изоляцию этнических японцев в случае конфликта¹⁹; Госдепартамент проявляет большую гибкость, считая, что только избирательный подход к разным элементам японской диаспоры способен ликвидировать опасность, а главное – не породить новые угрозы, тотальный недоверием японцам. Эта разница в подходах выливается в процесс параллельной разработки на федеральном уровне двух моделей взаимодействия Вашингтона с японо-американцами.

ФБР, военное министерство и военно-морская разведка сосредоточились на выявлении связей между японской диаспорой и разными организациями внутри нее²⁰. Только в Калифорнии ФБР выявило 11 крупных организаций японцев, ориентированных на прямую финансовую помощь армии и флоту Японии (сумма взносов в месяц варьировалась по данным агентов от 1 до 2000 долларов)²¹. По отчётам ФБР Японская ассоциация в Америке и японские торговые палаты, через свои отделения в Сан-Франциско, Сиэтле, Портленде, Чикаго, Нью-Йорке Лос-Анджелесе, включили в пропаганду практически всех членов японского сообщества США. Это снова работало на подтверждение главного тезиса ФБР – все японо-американцы нелояльны, потому что они японцы.

Мансон не обошёл вниманием вопрос об организациях, заявив, что в США их, согласно данным военно-морской разведки, 1563. Но вместо характеристики их деятельности и прогнозов (как это сделано в отчётах ФБР), он о них пишет: «Не буду загромождать ими свой отчёт»²². Нали-

¹⁸ University of Washington Libraries microfilm A7378, Reel 17, Box 17, Frames 0034-0039, Items 19481.

¹⁹ National Archives and Records Administration. Record Group 165. File 1055.

²⁰ National Archives and Records Administration. Record Group 59. Box 5897. Japanese Intelli-genceand Propaganda in the United States During 1941.

²¹ Internment Archives. File No. 100-4657. July 3, 1941. FBI Report on Heimusha Kai and other organizations

²² University of Washington Libraries microfilm A7378, Reel 17, Box 17, Frames 0034-0039, Items 19481.

цо совершенно иная модель отношения не только Мансона, но и Госдепартамента и Белого Дома (куда в первую очередь предназначался отчёт) к японским организациям. Федеральные чиновники явно не видят практического применения подходу ФБР, основанному на выявлении и описании организаций. Действительно, главную проблему, с точки зрения Мансона, это не решало – не давало ответов на вопросы: как выявить нелояльных японцев, как отделить их от лояльных, какого характера должна быть политика в отношении лояльной части?

Поэтому Мансон делит японо-американцев не на общества, а на поколения иммигрантов, выделяя традиционные три поколения²³: иссеи (первое поколение иммигрантов), нисеи (второе поколение), сансеи (третье поколение) и одну специфическую группу – кибеи. В этом разделении, по мнению Мансона, ключ понимания и решения «японского вопроса», так как люди, представляющие данные поколения, совершенно по-разному относятся к Японии, США, у них не просто различные, а порой противоположные взгляды на систему образования, религию, лояльность. Автор отчёта кратко, но очень ёмко характеризует каждую группу. Первое поколение (иссеи), по его мнению, в плане культуры – японцы. Это для Мансона решающий показатель, из которого он делает вывод: «возможно, лояльны Японии, но лояльны романтически»²⁴.

Видно, что здесь аналитик Госдепартамента обращается к начальной идее своего отчёта – определять степень лояльности через этнографический фактор. Однако проведённые Мансоном опросы в Калифорнии заставляют его если не усомниться в важном выводе, то, по крайней мере, его скорректировать. Термин «романтическая лояльность» во многом уникален: он не встречается в отчётах ФБР или военно-морской разведки. Скорее всего, Мансон использует этот термин для доказательства (или хотя бы для демонстрации перед Госдепартаментом и Белым Домом) принципиально важного тезиса: при определении лояльности следует учитывать не только внешние (или антропологические и этнографические) факторы (одежда, образ жизни, язык, религия, не говоря уже о расовой принадлежности), но и социальные. «Иссеи создали здесь свой дом. Они здесь воспитали детей. Свои богатства они накопили тяжким трудом здесь. Многие из них стремятся стать гражданами США, если им это будет позволено»²⁵.

Таким образом, благодаря жизни и работе в США у первого поколения японских иммигрантов настоящей лояльности к Японии не осталось – лишь «романтический налёт». Для Госдепартамента это очень любопытное заключение – отчёт показывает, что сам образ жизни в США (даже без образования, которого иссеи были лишены) способен коренным образом менять лояльность потенциально опасных этниче-

²³ McLellan 1999: 59.

²⁴ University of Washington Libraries microfilm A7378, Reel 17, Box 17, Frames 0034-0039, Items 19481.

²⁵ Ibidem.

ских групп. Кроме того, на позицию Госдепартамента влиял и опыт позитивного взаимодействия иссеев и федерального правительства в годы Первой мировой войны.

Вторую группу в японской диаспоре (нисеи) Мансон характеризует как людей, в возрасте от 1 года до 30, получивших «целостное образование в США». В их лояльности американский аналитик полностью уверен, «несмотря на годы унижений и дискриминации, они стремятся быть американцами»²⁶. Опираясь на данные своих опросов, Мансон показывает высоким чинам в Вашингтоне, что реальной угрозы со стороны нисеев нет. Он косвенно критикует политику 1908–1924 гг. по ущемлению прав японского населения, особенно в Калифорнии. И снова автор отчёта делает упор на фактор социализации «чужого населения», а не на этнический фактор, как «силовики».

Мансон (для более убедительного доказательства выгоды практического подхода к японским иммигрантам) отходит от традиционного разделения диаспоры на поколения и выделяет среди нисеев особую категорию – кибей. Данный термин был новым – он начал оформляться в политическом языке США одновременно с исследованиями Мансона²⁷. Это японцы, родившиеся в США, но получившие образование в Японии и затем вернувшиеся в США. К 1940 г. такая практика среди японо-американцев получила достаточно широкое распространение – кибеев было около 11 тыс. чел.²⁸ На кибеев ФБР и военно-морская разведка смотрели с особым подозрением, видя период обучения в Японии как наиболее вероятное время для вербовки кибеев в качестве будущих шпионов и диверсантов. Но Мансон считает, что и здесь федеральные власти должны продемонстрировать более гибкий подход, снова исходя из социального фактора – он рекомендует разделять кибеев на две группы: тех, кто получил образование в Японии в возрасте от 6 до 17 лет, и тех, кто уже имел базовое американское образование²⁹.

Эту мысль он выделяет в отчёте даже текстуально – прописными буквами. Именно от этого и зависит их лояльность по отношению к США³⁰. Отсюда следует чрезвычайно оригинальный главный вывод Мансона: кибей лояльнее, чем нисеи и иссеи, потому что столкнулись с японской действительностью, испытали полное презрение к себе на родине и «вернулись в США с дополнительной лояльностью»³¹. Рекомендация аналитика для властей в Вашингтоне: «Честно говоря, каждый нисей нуждается в поездке в Японию, чтобы сделать из него лояльного

²⁶ University of Washington Libraries. microfilm A7378, Reel 17, Box 17, Frames 0034-0039, Items 19481.

²⁷ Wendy 2002: 5-7.

²⁸ Doi 1991: 153–163.

²⁹ University of Washington Libraries. microfilm A7378, Reel 17, Box 17, Frames 0034-0039, Items 19481.

³⁰ Hane 1990: 569–575.

³¹ University of Washington Libraries. microfilm A7378, Reel 17, Box 17, Frames 0034-0039, Items 19481.

американца»³². Здесь Мансон предлагает, безусловно, одну из самых оригинальных практик по «переделыванию японцев», которая, как и вся его концепция, базируется на образовании. Такое предложение радикально отличалось не только от подходов военных и ФБР к японской угрозе, но и от моделей решения «немецкого и итальянского вопроса».

Вашингтонский аналитик понимал, что его предложения выглядят практически фантастическими, поэтому, завершая обзор поколений японо-американцев, ещё раз акцентировал внимание высоких чинов: «Модель диаспоры, созданная в секретных документах военно-морского ведомства, рисует зловещую картину, но только на бумаге. Мы же предлагаем модель, построенную не в духе Хеллоуина»³³. Мансон решается на открытое высмеивание аналитической работы разведки ВМС, прежде всего, исходя из материалов наблюдений и опросов, которые он провёл в 11-ом, 12-ом и 13-ом военно-морских округах США, а также необходимости, причём актуальной необходимости, в создании новой практики взаимодействия Вашингтона и японо-американцев. Речь шла об апробации действительно нового определения лояльности, новых подходов в регулировании этнических конфликтов, наконец, новой практики социального манипулирования. Фактически Мансон предлагал апробировать на федеральном уровне применительно к японцам совершенно новую социальную иерархию, где главный критерий – образование.

Написанные примерно в это же время отчёты других ведомств США предлагают оставаться на старых позициях по всем этим вопросам. Так, в докладе полковника К. Майсона (глава военной разведки) от 12 февраля 1941 г. доказывается (со ссылкой полковника на «надёжный источник»), что японская разведка в США работает в тесной взаимосвязи с немецкой и итальянской разведкой, поэтому все иностранные организации (к которым полковник советует добавить и все коммунистические, негритянские, антисемитские, рабочие организации) должны быть поставлены под жёсткий контроль³⁴. В тот же период директор военно-морской разведки капитан Дж. Джеймс доносил, что японцы в плане разведки будут сотрудничать с итальянцами и немцами, а в случае войны переместятся в Мексику, где создадут новую разведсеть³⁵.

Мансон подобные прогнозы считает маловероятными, указывая по поводу данной и других угроз, что «да, существуют в США японцы, способные стать живыми бомбами. Но их мало»³⁶. 98% японцев в США, по мнению аналитика, лояльны США, и Мансон предлагает Вашингто-

---

³² University of Washington Libraries. microfilm A7378, Reel 17, Box 17, Frames 0034-0039, Items 19481.

³³ Ibidem.

³⁴ National Archives and Records Administration. RG 165. Classified Material for 1941. Reorganization of Japanese Intelligence Service in the United States.

³⁵ National Archives and Records Administration. RG 457. Box 286.

³⁶ University of Washington Libraries. microfilm A7378, Reel 17, Box 17, Frames 0034-0039, Items 19481.

ну второй комплекс практических мер по сохранению данной лояльности: «Нисеи стремятся показать лояльность. Они не являются японцами по культуре. Надо поощрять организации японцев, пока Токио не прибрало их к своим рукам. Небольшой жест по их защите и принятию ликвидирует последнюю романтическую жажду по старой Японии»³⁷.

Видно, что докладчик советует Вашингтону отойти от политики давления на японские объединения (за которую выступало ФБР и военно-морская разведка) и продемонстрировать японо-американцам своё доверие – это и будет лучшей гарантией недопущения саботажа и шпионажа. Важно подчеркнуть, что Мансон обосновал практику отношения к японо-американцам, полностью противоречащую не только позиции властей, но и общественному мнению: в предвоенный период в «New York Times» регулярно появлялись статьи о задержании в Калифорнии и на Гавайях десятков японских шпионов³⁸. Особенно активно на эту (и смежные с ней) тему писала в 1940–1941 гг. «Los Angeles Times».

Предлагаемая Мансоном практика была новой для ФБР и разведки, но уже апробировалась местными властями в Калифорнии, а именно мэрами Лос-Анджелеса 1933–1941 гг. Фрэнком Шоу и Флетчером Броуном. Ещё в 1934 г. была учреждена «Неделя нисеев» как поликультурный фестиваль с парадами, танцами и выбором «Королевы нисеев»³⁹. Но данный праздник был запланирован властями только для второго поколения японских иммигрантов. Поэтому скорее разделял иссеи и нисеев, а пресса всячески подчёркивала разницу для мэрии между поколениями японской диаспоры⁴⁰.

Принципиально новый характер предложений Мансона был именно в создании практики по ликвидации данных различий, чтобы добиться лояльности не одной группы в диаспоре, а всего сообщества в целом. Понимая, на сколько велика роль негативного общественного мнения по отношению к японцам, Мансон разбирает в конце отчёта три наиболее обсуждаемых в прессе угрозы со стороны диаспоры: саботаж, шпионаж, пропаганда – в целях, как пояснил сам докладчик «ответить на главный вопрос - что эти люди будут делать в случае войны между США и Японией»? После лояльности – это один из самых обсуждаемых вопросов как на федеральном, так и на местном уровне⁴¹. И снова вывод Мансона идёт вразрез с многолетними представлениями американцев: «Японской угрозы на побережье нет. Никакого вооружённого восстания японцев здесь не будет»⁴². Аналитик не исключает отдельных случаев террора, ,

³⁷ Ibidem.

³⁸ New York Times. 1941. July 31: 3.

³⁹ Los Angeles's Little Tokyo. Los Angeles, 2010: 41; Roxworthy 2008: 131.

⁴⁰ Los Angeles Times. 1940. August 6: 8.

⁴¹ Charles E. Young Research Library. Collection of Material about Japanese American Internment, 1929-1956. Series 1: War Relocation Authority (WRA), 1942-1945. Box 1. Quarterly report. 1942 March 18-June 30.

⁴² University of Washington Libraries. microfilm A7378, Reel 17, Box 17, Frames 0034-0039, Items 19481.

но с той же степенью вероятности, что и у других наций. Такими громкими заявлениями докладчик стремится показать, что диагностика японской опасности по национальному признаку, ошибочна и не решает проблемы. Только социальный подход, с учётом особенностей иссеев, ниссеев и кибеев, по мнению Мансона, может дать результаты в анализе и ликвидации японской угрозы.

В итоге, и военные, и ФБР никаких (за исключением традиционных иссеев и ниссеев) особых групп среди японо-американцев не выделяли, а главное – строили выводы и давали практические рекомендации без учёта специфики данных групп. Мансон же один из первых создал принципиально новый подход в отношении к японской диаспоре и попытался ввести его в практическую сферу.

В 1940–1941 гг. в Вашингтон регулярно поступали доклады, в которых доказывалась необходимость формирования отношений с диаспорой как по модели Мансона, так и по модели «силовики». Генеральному прокурору Ф. Биддлу и президенту Рузвельту в преддверии конфликта надлежало выбрать либо радикальный вариант «нейтрализации японской угрозы», либо гибкий социальный подход. Однако нападение на Пёрл Харбор создаст уникальную ситуацию в общественном мнении США, при которой никакая гибкая практика в отношении японо-американцев будет невозможна, а «антияпонская идея» становится одним из ключевых элементов по мобилизации общества на войну. Поэтому уже с 7 декабря 1941 года начнётся реализация модели ФБР по ликвидации японской опасности – по этническому признаку, путём интенирования всех японцев.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Bartlit N. *Silent Voices of World War II*. New York, 2005. 352 p.
- Burton J. *Confinement and Ethnicity: An Overview of World War II Japanese American Relocation Sites*. Seattle, 2002. 472 p.
- Charles E. Young Research Library. *Collection of Material about Japanese American Internment, 1929-1956. Series 1: War Relocation Authority (WRA), 1942-1945. Box 1. Quarterly report. 1942 March 18-June 30.*
- Davis D.S. *Behind barbed wire: The imprisonment of Japanese Americans during World War II*. New York, 1982. 281 p.
- Davis T. *Race relations in America*. Westport, 2006. 301 p.
- Doi M. A Transformation of Ritual: The Nisei 60th Birthday // *Journal of Cross-Cultural Gerontology*. 1991. №. 2. P. 153–163.
- Hane M. *Wartime Internment* // *The Journal of American History*. 1990. № 77. P. 569 – 575.
- Hayashi M. *Democratizing the enemy: The Japanese internment*. NJ., 2004. 328 p.
- Internment Archives. File No. 100-4657. July 3, 1941. FBI Report on Heimusha Kai and other organizations.
- Leupp G. *Interracial Intimacy in Japan: Western Men and Japanese Women*. N.Y., 2003. 384 p.
- Levine E. *A fence away from freedom: Japanese Americans and World War II*. N.Y., 1995. 422 p.
- Los Angeles Times. 1940. August 6.
- Los Angeles's Little Tokyo. Los Angeles, 2010.
- McLellan J. *Many Petals of the Lotus: Five Asian Buddhist Communities in Toronto*. Toronto 1999. 432 p.
- National Archives and Records Administration. Record Group 59. Box 5897. *Japanese Intelligence and Propaganda in the United States During 1941*.

- National Archives and Records Administration. Record Group 65.2 General Records of the FBI. FBI Case Report, Agents of Foreign Principals.
- National Archives and Records Administration. Record Group 65.2 General Records of the FBI. FBI Report on Japanese Organizations.
- National Archives and Records Administration. Record Group 165. File 1055.
- National Archives and Records Administration. RG 165. Classified Material for 1941. Reorganization of Japanese Intelligence Service in the United States.
- National Archives and Records Administration. Record Group 319. File: Series 2669. October 1940, Japanese Alien Situation.
- National Archives and Records Administration. RG 457. Box 286.
- New York Times. 1939. December 24. P. 41.
- New York Times Magazine. 1940. July 28. P. 78.
- New York Times. 1941. July 31. P. 3.
- Report of the General of the Army. Report of the Secretary of War. 1872. Washington, 1872.
- Robinson G. A Tragedy of Democracy: Japanese Confinement in North America. New York, 2013. 280 p.
- Roxworthy E. The Spectacle of Japanese American Trauma: Racial Performativity and World War II. Honolulu, 2008. 302 p.
- Sundquist E. The Japanese-American Internment: A Reappraisal // The American Scholar. 1988. Vol. 57, No. 4. P. 532 – 553.
- University of Washington Libraries microfilm A7378, Reel 17, Box 17, Frames 0034-0039, Items 19481.
- Wendy L. Japanese American Internment During World War II. Greenwood, 2002. 204 p.

Буранок Сергей Олегович, доктор исторических наук, профессор, кафедра всеобщей истории, права и методики обучения, ГГСПУ; witch-king-1@mail.ru

Solutions to the “Japanese question” in the USA during the Japanese-Chinese conflict

The article discusses the history and evolution of the attitudes of the “Japanese threat” in the United States in 1937 - 1941. It is shown that several models for the relations with the Japanese diaspora existed in the USA. The role of ethnic, anthropological, religious, historical and social factors in the practice of regulating the interaction of Japanese-Americans and US authorities is shown. The content of the report “Japanese on the West Coast” by Curtis Manson and its fundamental importance for understanding of the specifics of the “Japanese question” by the federal government in 1940 - 1941 are considered separately. The author discusses differences between the approaches by Manson and the FBI in determining Japanese loyalty, as well as in conclusions and forecasts regarding the behavior of the Japanese diaspora in case of war.

Keywords: Sino-Japanese war, US public opinion, ethnic conflicts

Sergey Buranok, Dr. Sc., assistant professor, Department of World History, Law and Education; witch-king-1@mail.ru

НА ПУТИ К ПОНИМАНИЮ: ФОРМИРОВАНИЕ В ЦРУ
ВОСПРИЯТИЯ ПРОЦЕССА ДЕКОЛОНИЗАЦИИ
В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ¹

Процесс распада колониальных империй после Второй мировой войны и совпавшая по времени Холодная война требовали от США выработки концептуальных решений в отношениях с новыми независимыми государствами и европейскими союзниками. В этих условиях особенно важно понимание разведкой происходящих в мире процессов. Анализ одного из первых больших докладов американской разведки показал, что в ЦРУ постепенно выработывалось понимание необходимости отказа от либеральной риторики Ф. Рузвельта и представление о возможности для США заместить собой слабеющие колониальные державы, пока это не сделал Советский Союз.

Ключевые слова: колониализм, спецслужбы, разведка, ЦРУ, колониальные империи, Вторая мировая война.

Мир после 1945 г. необратимо изменился. Затянувшаяся на семь лет Вторая мировая война повлияла на всю мировую политику и экономику. В ходе противостояния на первый план стали выходить две державы, активно претендовавшие на лидерство в послевоенном мире – Соединённые Штаты Америки и Советский союз. Оба государства имели огромные перспективы в послевоенном мире. США как наименее пострадавшие в ходе этой войны активно использовали мощь своей экономики для утверждения геополитического влияния, СССР рекордными темпами восстанавливал свою промышленность и сельское хозяйство, а также активно продвигал интересы в Восточной Европе².

С 1943 г. можно отсчитывать постепенное охлаждение союзнических отношений и рост недоверия между партнёрами по коалиции³. Накопившиеся противоречия ярко проявляются уже в 1945 г., что связано с амбициями обоих «центров силы» и со сменой правительств в Великобритании и США. Приход Гарри Трумэна в Белый дом и Клементы Эттли на Даунинг стрит быстро продемонстрировал отход новых администраций Вашингтона и Лондона не только от продвигавшейся Франклином Рузвельтом идеи о трёх «мировых полициях», но и от идеи сохранения баланса сил в международных отношениях. США, в целом поддерживаемые Великобританией, чётко обозначили стремление к геополитическому лидерству. Последовавшие знаменитая «Фултонская речь» Уинстона Черчилля и ряд международных кризисов окончательно оформили переход к противостоянию двух сверхдержав и оформившихся вокруг них военно-политических блоков⁴.

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-39-70003.

² «Холодная война» 1995; История холодной войны 2001; Кальвокорреси 2016; Лундестад 2002; Холодная война. 1945-1963 гг. 2003; Согрин 2015; McNeese 2009.

³ Холодная война. 1945-1963 гг. 2003; Позняков 2015.

⁴ Поргов 1989; Leffler 1994; The Cold War...; Levering 2016; Major, Mitter 2004; Saull 2001.

С началом «Холодной войны» перед Соединёнными Штатами встал целый ряд новых проблем, решение которых требовало нетривиальных подходов. Глобальное противостояние пресловутой «красной угрозе», ареной которого стали государства, находящиеся в колониальной зависимости от крупных европейских держав, требовало нового инструментария и новых методов, которые не были хорошо изучены США по ряду объективных причин, начиная с долгого господства идеи изоляционизма и заканчивая большим интересом к европейским проблемам на первых этапах, что показал план Маршалла, хотя проблемы в Азии и Африке возникли практически одновременно с европейскими⁵.

В поисках решений по вопросу деколонизации стоит обратиться внимание на формирование понимания этого процесса в ЦРУ. Молодая американская разведка прошла долгий путь, методом проб и ошибок вырабатывая своё понимание новых геополитических условий и парадигмы международных отношений⁶.

Прежде чем говорить о формировании взглядов американской разведки на процесс деколонизации в Азии, следует обратить внимание на историю этого ведомства, что позволит лучше понять, насколько квалифицированным было мнение ЦРУ на происходящие процессы. Предшественником ЦРУ являлось Управление стратегических служб, созданное 13 июня 1942 г. Это была первая объединённая разведывательная служба США. Она была сравнительно компактной и в основном занималась сбором тактической информации и диверсиями в годы Второй мировой войны, но в условиях послевоенного мира и развития нового глобального конфликта УСС явно не было способно, несмотря на накопленный за годы войны аналитический потенциал, стать службой охватывающей весь мир и собирать разную информацию⁷. Кроме того, у президента Трумэна не сложились личные отношения с руководителем УСС У. Донованом, поскольку последний крайне скептически относился к президенту, открыто выражая сомнения в его компетентности в вопросах использования разведывательной информации. Первоначально агентов-аналитиков забрал себе Госдепартамент, а действующие разведчики оказались в подчинении министерства обороны, впрочем, очень быстро такая система показала свою негодность, и уже в 1946 г. была создана Центральная разведывательная группа (ЦРГ), в которой сохранялось условное разделение «аналитиков» и «оперативников», но теперь они должны были плотно взаимодействовать между собой. Впрочем, создание ЦРГ изначально было вынужденной мерой направленной на выигрыш времени для подготовки проекта новой спецслужбы, качественно превосходящей и УСС, и, естественно, ЦРГ. Итогом работы стало создание в 1947 г. Центрального разведывательного управления (ЦРУ)⁸.

⁵ Hogan 1989: 12.

⁶ Blum 2003: 65.

⁷ The Central Intelligence Agency 1984: 53-57.

⁸ Ibidem.

На основании изложенного можно сделать вывод, что в 1948 г. ЦРУ представляло из себя слабую структуру, которая пережила мощные «бюрократические потрясения» и утратила часть своего интеллектуального потенциала по причине кадровых проблем (многие агенты, особенно из аналитических подразделений, в ходе указанных процессов просто уволились из разведки) и утраты части накопленных ранее знаний из-за постоянного реформирования ведомства. Вместе с тем столь непрочное положение в системе органов власти США заставляло работников этого ведомства искать нестандартные пути развития для американской разведки, чтобы показать свою уникальность и незаменимость.

Одним из ранних документов, подготовленных ЦРУ, стал большой аналитический доклад 1948 г. о влиянии распада колониальной системы на безопасность США: 17 страниц машинописного текста, охватывающего разные вопросы, связанные с происходящими в колониях событиями. Один из его главных выводов – движение за независимость более не является исключительно проблемой внутренней безопасности ряда европейских стран, отныне это арена глобального политического противостояния Востока и Запада, т.е. на самых ранних этапах Холодной войны аналитики оценили глобальное значение колоний в новой парадигме международных отношений, которая формировалась под знаком противостояния США и СССР. Анализируя этот документ, ставший, по сути, системообразующим в концепции разведывательного ведомства США, следует обратить внимание на его структуру. На первой странице документа указано, для каких ведомств он предназначен. Здесь виден широчайший охват. Доклад предназначался для администрации президента, совета по национальной безопасности, Госдепартамента, Министерства обороны, штабов армии, флота и военно-воздушных сил, координационных комиссий и Департамента атомной энергетики. То есть в ЦРУ прекрасно понимали всю важность стремящихся к независимости колоний в новых геополитических условиях и необходимость выработки концептуальных решений по назревшему вопросу о том, как США следует реагировать на процесс деколонизации и его последствия. Это понимание отразилось на структуре доклада. Основной текст предваряет резюме, где в сжатой форме перечислены наиболее существенные положения и выводы документа. Понимая, насколько широк круг читателей, которым направлен доклад, аналитики ЦРУ решили упростить знакомство с документом, коротко изложив в резюме всё самое важное⁹.

Основной текст доклада делится на шесть частей: 1) «Развитие освободительного движения в колониях»; 2) «Современный статус освободительного движения»; 3) «Колониальный вопрос в мировой политике»; 4) «Неизбежное будущее колониального вопроса»; 5) «Критическое положение «Новой силы» в бывшем колониальном мире»; 6) «Значение для безопасности США».

⁹ CIA. ORE 25-48. The Break-Up. 3 September 1948: 1-3.

Основополагающие выводы резюме и доклада в целом постулируют распад колониальной системы как неизбежный процесс, в ходе которого ради безопасности Америки в свете нарастающей опасности «красной угрозы» должна произойти замена колониальных империй американским военным присутствием. Этот вывод вполне согласовывался с общественным мнением США, в котором на тот момент проявилась тенденция к стремлению заместить Великобританию в мировой торговле и политике. Основным выразителем этой идеи был журналист и публицист Уолтер Липпман, часто в своих статьях заочно полемицировавший с выразителем более либеральных подходов С. Уэллсом. Учитывая, что в докладе никак не обозначены источники, можно предположить, что выводы аналитики американской разведки согласовывались с американским общественным мнением, а точнее с одним из его сегментов, выразителем которого был Уолтер Липпман.

Документ был создан в «Отделе рапортов и оценок» (Office of Reports and Estimates [ORE]), сформированном в 1946 г. для «проведения разведывательных исследований и выпуска ежедневных аналитических отчетов, а также написания долгосрочных оценок национальной разведки для политиков»¹⁰. С 1946 по 1950 гг. Отделом руководил Лудуэлл Монтегю. В исследовании, посвященном деятельности директора ЦРУ Уолтера Беделла Смита, Монтегю утверждает, что на ранних этапах (1946–1950 гг.) одной из главных проблем в работе аналитики ЦРУ была большая нагрузка при отсутствии достаточного числа сотрудников. Исследование Монтегю касается, главным образом, создания при Смите мощной аналитической службы в недрах ЦРУ за счет объединения воедино нескольких подразделений, занимавшихся аналитической работой, улучшения подготовки агентов, координации работы собственно разведчиков и аналитиков. Именно при Смите, по мнению Монтегю, были заложены основы превращения ЦРУ в мощную разведывательную и аналитическую организацию времен Аллена Даллеса¹¹.

Кроме того, как показывает сводный отчет о тематике документов, созданных в отделе за 1948 г., аналитиков ЦРУ куда больше занимали такие темы как: промышленный и военный потенциал СССР, действия СССР в Германии и Восточной Европе, ситуация в Корее, Греции и Иране¹². Можно сделать вывод, что распад колониальной системы, несмотря на растущую важность этого вопроса в международных отношениях, в 1948 г. ещё не был приоритетным в американской разведке. В своей книге Монтегю пишет: «Работая сразу по многим направлениям, аналитики, подчас не имеющие специальных знаний в узких темах, вынуждены были базировать свои выводы на самых разных источниках: доступной литературе, нерегулярных сводках агентов, прессе»¹³.

¹⁰ The Central Intelligence Agency 1984: 84–86.

¹¹ Montague, Berkowitz 1971.

¹² CIA. Listing of Declassified National Intelligence Estimates. 19 March 2007.

¹³ Montague, Berkowitz 1971: 20, 48, 137.

Как в ЦРУ видели причины начавшегося распада колониальной системы? Среди основных факторов, способствовавших деколонизации, аналитики разведки выделяют следующие: экономическое, социальное и политическое развитие зависимых территорий, в связи как с активным заимствованием достижений метрополий, так и с ходом исторического процесса в колониях; недалёковидная политика метрополий и колониальных администраций, направленная на максимальное выкачивание ресурсов; длительная враждебность и угнетение коренных народов колоний, что привело к бунту против «белого превосходства»; проникновение в колонии идей европейского национализма и, соответственно, построения национальных государств; возвышение Японии, успешно показавшей себя сначала в Русско-японской войне, а затем в действиях против европейских держав в Азии во Второй мировой войне, что способствовало разрушению мифа о непобедимости армий белых людей¹⁴.

Особый интерес к факторам экономического характера во многом является наследием Франклина Рузвельта, проводившего свою политику в тесной связи с экономикой. Помимо этого, большинство из названных в докладе причин в той или иной степени были заявлены в американской прессе. Это подтверждает, что общественное мнение послужило важным источником формирования доклада. Здесь вновь видно совпадение взглядов аналитиков ЦРУ и Уолтера Липпмана: они идут от экономики к политике. Однако ЦРУ не рассматривает тезис Липпмана о том, что если США не вмешаются, то возможно коренное изменение ролей в отношении колоний и метрополий. Не берутся в расчёт и его идеи о вредности поддержки Великобритании со стороны США в долгосрочной перспективе. Однако в дальнейшем делается большой упор на схожую с тезисами Липпмана идею о замене Соединёнными Штатами Великобритании в мировой торговле¹⁵.

Кардинальным отличием является упоминание Японии и очень необычный взгляд на её место в процессе распада колониальной системы. Эта причина никогда не была отражена в СМИ США и в очень малой степени фигурировала в донесениях резидентур. Наиболее вероятно, что её появление в докладе связано с военными корнями новорожденного ЦРУ. Противостояние с Японией в Тихоокеанской войне несколько лет было главной темой американского генштаба, на всестороннюю разработку которой направлялись значительные интеллектуальные ресурсы. Учитывая кадровый состав и стремление нового разведывательного ведомства работать в тесном контакте с армейскими структурами, неудивительно, что эта причина появилась в отчёте¹⁶.

При этом особое внимание в документе концентрируется, разумеется, вокруг Великобритании (Индия, Пакистан и Бирма), Нидерландов (Индонезия) и Франции (Индокитай). ЦРУ обращает внимание на ре-

¹⁴ CIA. ORE 25-48. The Break-Up. 3 September 1948: 5.

¹⁵ The Washington Post. 1945.03.20: 3.

¹⁶ Blum 2003: 80.

гионы, являющиеся стратегически важными для укрепления позиций США в «третьем мире». Индонезия и Индокитай обозначены, как страны, «находящиеся на финальной стадии перед полной независимостью». Констатируется, что США «оказались перед дилеммой в выборе стороны, поскольку колониальные империи не пожелают расставаться со всеми выгодами от колоний»¹⁷. Таким образом, постулируется одно из основных противоречий в отношениях США с метрополиями – выстраивание союзнических отношений при декларируемой поддержке национальных движений в колониях. А внимание к Индонезии и Индокитаю является указанием на то, откуда США логичнее всего начинать укрепление своего положения в новых государствах.

Интересно, что, перечисляя причины распада колониальных империй, специалисты ЦРУ не упоминают Атлантическую хартию, положения которой идеально вписывались в текущие процессы в качестве своеобразной юридической основы деколонизации. Более того, ничего не сказано о вильсонизме. Доктрина «либерального интернационализма», сформулированная президентом Вудро Вильсоном, оставила определённый след в политической теории после Первой мировой войны, значительно повлияла на всю внешнюю политику США и с определёнными коррективами активно использовалась Франклином Рузвельтом¹⁸.

Поскольку авторы доклада опирались лишь на одну из позиций в общественном мнении, неудивительно, что ни хартия, на вильсонские «пункты» никак не отражены в документах. Часто совпадая в выводах с суждениями Липпмана, американская разведка полностью игнорирует не подходящие ей взгляды. Например, с 1945 г. в американском обществе и СМИ вновь начали развиваться идеи изоляционизма. Кроме близкого ЦРУ Липпмана достаточно влиятельными были позиции не менее маститых журналистов Артура Сульцбергера, Эрнеста Линдли и др. Между тем, во многом базируя свой доклад на тиражируемых журналистами идеях, аналитики разведки отбирали наиболее подходящие для их построений позиции и отбрасывали идеи, противоположные их собственным взглядам и целям¹⁹. Дело в том, что в своей полемике американские журналисты и публицисты сосредоточивались на мышлении в русле современной им «Realpolitik». В данном случае имеется в виду американское понимание одной из традиционных теорий международных отношений. Основы такого подхода сложились в рамках «политики большой дубинки» президента Теодора Рузвельта. В дальнейшем политический реализм в США развивается и превращается в полноценное и самостоятельное направление внешнеполитической мысли²⁰.

Концепция вильсонизма и «Атлантическая хартия» – чисто американские детища, рожденные при непосредственном участии первых лиц

¹⁷ CIA. ORE 25-48. The Break-Up. 3 September 1948: 13-14.

¹⁸ Согрин 2015: 210-253.

¹⁹ Юнгблуд 1998.

²⁰ Согрин 2015: 210-253; Nobel: 61 - 86.

государства и Госдепартамента, то есть США сами породили часть идей, подстегнувших движения за независимость по всему миру. В связи с этим возникает вопрос, почему ЦРУ посчитало эти факторы несущественными для своего доклада и даже не упомянуло о них?

В тексте документа содержится сноска, раскрывающая понимание сотрудниками разведки значения термина «колониальный»: «в самом широком смысле это означает отношения между силами метрополий и их зависимыми и полузависимыми зонами, неважно как они называются, колонии, мандаты, протектораты или договорные отношения». Наличие такой сноски указывает, что в ЦРУ понимали важность верной методологии, однако ещё очень плохо разбирались в понятиях, с которыми предстояло работать, в характере отношений разных типов зависимых территорий с метрополией. Поэтому в начале определения и звучит фраза «в самом широком смысле». Отсюда и постоянное использование терминов «колониальные силы», «колониальные империи» и «европейские колониальные страны». Судя по контексту, под «колониальными империями» понимается совокупность метрополий и колониальных администраций. Более широкое обозначение «колониальные силы», очевидно, указывает не только на метрополии и их представительство на местах, но и на движения за независимость. Под «европейскими колониальными странами» имелись в виду непосредственно метрополии²¹.

Анализ текста доклада позволяет понять точку зрения, изложенную в резюме. Почти половина документа в той или иной форме посвящена анализу ресурсов и экономики колоний. Делается вывод, что многие из них, при условии разумного использования своей ресурсной базы и взвешенном подходе к экономике, способны серьёзно подорвать позиции США в мировой торговле. Важным выводом является и положение о наивности веры в свободу выбора блока для бывших колоний. Аналитики ЦРУ твёрдо уверены, что если не США, то СССР непременно подчинит своему влиянию эти страны. По сути, в очередной раз прямо заявляется о необходимости для Америки заменить собой слабеющие метрополии, чтобы не допустить попадания ресурсов стран Азии и Африки в руки СССР и расширения его сферы влияния. Уверенность в том, что либо США, либо СССР подчинит своему влиянию бывшие колонии, очень близка одному из тезисов «Длинной телеграммы» Кеннана.

Колониальная политика европейских держав в документе много раз противопоставляется политике США на Филиппинах, зависимой от США территории, лишь в 1946 г. получившей полную независимость. Именно в филиппинском опыте в ЦРУ видят идеал отношений, близких к колониальным, но построенных на иных принципах, хотя и поддерживаемых во многом именно силой²².

Обращает на себя внимание и интерес к расовому и религиозному

²¹ CIA. ORE 25-48. The Break-Up. 3 September 1948: 1-3.

²² CIA. ORE 25-48. The Break-Up. 3 September 1948: 5-6.

контексту борьбы за независимость колоний. В американском общественном мнении этот вопрос был сравнительно мало изучен, особый же интерес ЦРУ можно связать с рядом факторов: это и попытка взглянуть на отношения Европы и колоний через призму собственных расовых проблем, и настороженность к особой опасности этого фактора как источника радикализма в бывших колониях, и главное – переход от политологических и экономических подходов к антропологическим для лучшего управления и выстраивания отношений с новыми странами. Этот шаг продиктован стремлением ЦРУ подчеркнуть свой интеллектуальный потенциал, на который и сделали ставку руководители службы. В рамках нового подхода в соответствующей части доклада предпринята попытка (пока довольно поверхностно) проанализировать коренные отличия в мировоззрении местного населения и представителей метрополии. В различиях в понимании мира, в религиозных верованиях и традициях авторы доклада усматривают ещё одну важную причину стремления колоний высвободиться из-под влияния европейских империй²³.

Интересен и ещё один пункт доклада – «Советская эксплуатация колониального вопроса», в котором американские разведчики пытаются оценить подходы СССР к колониальному вопросу и успехи, достигнутые на этом пути. Прежде всего, отмечается, что Советский союз достиг больших успехов в деле решения колониального вопроса и США необходимо как можно скорее активизировать свои усилия на этом направлении. ЦРУ видит причины успехов СССР, во-первых, в активной поддержке национальных движений через агитаторов, пропаганду, местные коммунистические партии; во-вторых, в умелом использовании колониальных проблем на международной арене для внесения раскола в стан западных союзников путём постоянного обсуждения в ООН и аффилированных с ним структурах вопросов о колониях, т.е., постоянно поднимая болезненные и неудобные для многих европейских держав вопросы, СССР провоцирует их разногласия друг с другом, США и колониальными администрациями, при этом создавая себе в глазах лидеров движений за независимость и многих стран образ защитника справедливости. Здесь вновь необходимо отметить сходство с тезисами из записок Кеннана и Роберта. Вероятно, аналитики ЦРУ если и не работали с записками дипломатов, то, по крайней мере, знакомились с ними. К тому же не стоит забывать, что СССР уже успел продемонстрировать описанный в записках стиль поведения, например, играя на противоречиях между США и Великобританией в ближневосточном вопросе. Успехи такого подхода аналитики ЦРУ видели в укоренившемся в СССР «ещё с 1918 г. умении использовать “депрессивные зоны” в своих целях» и называли в качестве конкретного инструмента подобной работы Коминтерн и более позднюю «Всемирную федерацию профсоюзов»²⁴.

Далее авторы доклада возвращаются, более развернуто, к экономи-

²³ Ibid: 8-9.

²⁴ CIA. ORE 25-48. The Break-Up. 3 September 1948: 9-10.

ке, делая прогнозы на краткосрочную и долгосрочную перспективы. Общим знаменателем здесь является вывод о том, что экономическое восстановление и будущее преуспевание колоний – жизненно важный фактор для выстраивания США политики в этих регионах, потому что экономическая стабильность в бывших колониях будет полезна и для отношений на новых принципах с Европой, но особенно она будет выгодна для Вашингтона как «архитектора» и покровителя успехов новых независимых стран. Таким образом, Белый дом сможет добиться для себя преференций в области торговли со странами Ближнего и Дальнего Востока, лишит СССР возможности использовать бедственное положение этих стран для проведения своих идей и влияния и укрепить своё доминирование в этих регионах²⁵.

Если же стремления США не увенчаются успехом, ЦРУ видит реальную возможность создания глубокого антагонизма между Америкой и бывшими колониями, поскольку они окажутся открыты влиянию и идеям Советского Союза, поддерживаемым также экономической помощью этого государства, но предоставляемой в таких объёмах и такими способами, чтобы не допустить подлинного восстановления и укрепления экономик бывших колоний, то есть сохранить высокий уровень социальной напряжённости, направляемой на США и позволяющей сохранить зависимость стран Востока и Африки от СССР²⁶.

На основании анализа отчёта можно сделать некоторые выводы.

Во-первых, США, по мнению ЦРУ, вполне могли ограниченно использовать опыт колониальных империй, но идеалом аналитики видели отношения на новых принципах и собственный опыт управления Филиппинами как зависимой территорией после Испано-американской войны (1898 г.).

Во-вторых, через весь доклад красной нитью проходит мысль о необходимости пристального внимания к экономическому развитию колоний и метрополий, что можно связать не только с влиянием журналистов и обозревателей, но и с особенностями восприятия международных процессов в американском разведсообществе как таковыми.

В-третьих, в докладе подспудно присутствует также мысль о необходимости забыть либеральную риторику Франклина Рузвельта и идеи о самоопределении – по мнению аналитиков, речь шла о необходимости для всех стран выбирать между двумя постепенно оформлявшимися глобальными военно-политическими блоками. Одна из фраз доклада прямо указывает на это: «США больше не в состоянии поддерживать status quo». Кроме того, ЦРУ отмечает, что в процессе складывания этих блоков и «набора членов» СССР играет более хитро, «нечестно» в сравнении со США. Поэтому идеи о самоуправлении для новых независимых государств также стоит оставить, поскольку они легко могут по-

²⁵ Ibid: 3, 10-11.

²⁶ Ibid: 3, 10-11.

пасть под влияние СССР.

В-четвёртых, ЦРУ в целом интересуется колониализмом и его распадом как глобальным явлением мировой политики, которое может серьёзно повлиять на общую расстановку сил. Изучение каких-то отдельных проблем в данном случае было направлено на получение целостной стратегической картины и её практическое использование в противостоянии с Советским Союзом.

Стоит также заметить, что перед США стоял ряд проблем прикладного характера в отношениях с колониями. Например, США имели программы, вторичной целью которых было противодействие восстаниям в странах Латинской Америки. В рамках существовавшего в спецслужбах понимания системы внутренней безопасности, в качестве примера можно привести одну из ранних программ ФБР – COMRAP (англ. абб. Comintern Apparatus, аппарат Коминтерна). Разработанная в 1943–1944 гг., эта программа была нацелена на противодействие Коминтерну внутри США, а ее целью являлось «недопущение коренных изменений или свержения правительств латиноамериканских стран»²⁷. У профильных ведомств далеко не сразу появилось понимание отличий латиноамериканского случая от ситуации в бывших колониях. Отсутствовало понимание того, как Советский Союз конкретно планирует строить свои отношения с национальными движениями в европейских колониях²⁸.

Рассмотренный в рамках статьи документ стал первой робкой попыткой вписать происходящие в мире процессы, в первую очередь, распад колоний и движения за независимость в Юго-Восточной Азии и других регионах, в новую парадигму международных отношений, продиктованную в первую очередь разгорающейся Холодной войной, в которой предстояло работать «новорожденному» ЦРУ. На примере рассмотренных выводов из доклада «Распад колониальных империй и его последствия для безопасности США» можно увидеть как, ещё довольно неуверенно, главное ведомство американской разведки развивало свой интеллектуальный потенциал и подход к различным проблемам, выделяя различные контексты и группы причин, предлагая на этой основе уникальные подходы к решению существующих трудностей и углубляя общее понимание властями США ситуации в мире.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Кальвокоресси П. Мировая политика после 1945 года. М.: Международные отношения, 2016. 888 с. [Kal'vokoressi P. Mirovaja politika posle 1945 goda. V 2 t. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2016. 888 s.].
- Лундестад Г. Восток, запад, север, юг. Основные направления международной политики после 1945 года. М.: Весь Мир, 2002. 272 с. [Lundestad G. Vostok, zapad, sever, jug. Osnovnye napravlenija mezhdunarodnoj politiki posle 1945 goda. M.: Ves' Mir, 2002. 272 s.].
- Позняков В.В. Советская разведка в Америке 1919–1941 гг. М.: Международные отношения. 2015. 584 с. [Poznjakov V.V. Sovetskaja razvedka v Amerike 1919–1941 gg. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya. 2015. 584 s.].

²⁷ NARA. RG. 65. Hoover to San Francisco FBI. 22 November 1944.

²⁸ Mack 226.

- Рогов С.М. Советский Союз и США: поиск баланса интересов. М.: Наука 1989. 344 с. [Rogov S.M. Sovetskij Sojuz i SShA: poisk balansa interesov. M.: Nauka 1989. 344 s.].
- «Холодная война»: новые подходы, новые документы / Отв. ред. М.М. Наринский, И.В. Гайдук, М.Л. Коробочкин. М.: ИВИ РАН, 1995. 400 с. [«Holodnaja vojna»: novye podhody, novye dokumenty. Otv. red. M.M. Narinskij, I.V. Gajduk, M.L. Korobochkin. M.: RAN, In-t vseobshhej istorii, 1995. 400 s.].
- Холодная война. 1945-1963 гг. Историческая ретроспектива. Отв. ред. Н.И. Егорова, А.О. Чубарьян. М.: Олма-Пресс, 2003. 640 с. [Holodnaja vojna. 1945-1963 gg. Istoricheskaja retrospektiva / Otv. red. N.I. Egorova, A.O. Chubar'jan. M., Olma-Press, 2003. 640 s.].
- Юнгблюд В.Т. Внешнеполитическая мысль США 1939-1945 гг. Киров: Б.и., 1998. 359 с. [Jungbljud V.T. Vneshnepoliticheskaja mysl' SShA 1939-1945 gg. Киров: B.i., 1998. 359 s.].
- Blum W. Killing Hope: U.S. Military and CIA Interventions since World War II. L.: Common Courage Press, 2003. 500 p.
- The Central Intelligence Agency: History and Documents / Ed. by W.M. Leary N.Y.: University Alabama Press, 1984. 200 p.
- Central Intelligence Agency (далее – CIA). Listing of Declassified National Intelligence Estimates on the Soviet Union and International Communism, 1946-1984. Table of Contents: 1948. 19 March, 2007.
- CIA. ORE 25-48. The Break-Up of the Colonial Empires and it's Implications for US Security. 3 September 1948.
- The Cold War: A History in Documents and Eyewitness Accounts / Ed. by J.M. Hanhimäki. L.: Oxford University Press, 2003. 712 p.
- Hogan M.J. Marshall Plan: America, Britain and reconstruction of Western Europe, 1947–1952. N.Y.: Cambridge University Press, 1989. 500 p.
- Leffler M.P., Painter D.S. Origins of the Cold War: An International History. L., 1994. 368 p.
- Levering R.B. The Cold War: A Post-Cold War History. N.Y.: Wiley-Blackwell, 2016. 288 p.
- Mack A. Counterinsurgency in the Third World: Theory and Practice // British Journal of International Studies, Vol. 1, No. 3 (Oct., 1975). P. 226-253.
- Major P., Mitter R. Across the Blocs: Cold War Cultural and Social History. L., 2004. 188 p.
- McNeese T. The Cold War and Postwar America 1946-1963. N.Y.: Chelsea House, 2009. 136 p.
- Montague L.L., Berkowitz B.D. General Walter Bedell Smith as director of Central Intelligence: October 1950-February 1953. University Park: Pennsylvania State Un-ty Press, 1971. 340 p.
- National Archives and Records Administration (NARA). RG. 65. Federal Bureau of Investigation, FBI Comintern Apparatus (COMRAP) files, serial 3474. Hoover to San Francisco FBI. 22 November 1944.
- Nobel J.W. Morgenthau's Struggle with Power: The Theory of Power Politics and the Cold War // Review of International Studies. 21(1). January 1995. P. 61 - 86.
- Saull R. Rethinking Theory and History in the Cold War: The State, Military Power and Social Revolution. Portland: Routledge, 2001. 258 p.
- The Washington Post. 1945.03.20. P. 3.

Левин Ярослав Александрович, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник, Самарский государственный социально-педагогический университет: varoslavlevin1992@mail.ru

On the Way to Understanding: the Formation of the Perception of Decolonization of South-East Asia in the CI

The complex process of the collapse of colonial empires after World War II and the coincidental Cold War required the United States of America to develop conceptual solutions regarding relations with newly independent states and European allies. Under these conditions, the understanding of exploration of the processes taking place in the world is especially interesting. An analysis of one of the first large American intelligence reports showed that the CIA was gradually developing an understanding of the need to abandon F. Roosevelt's liberal rhetoric and the idea of the possibility for the United States to replace the weakening colonial powers until the Soviet Union did.

Keywords: colonialism, intelligence agencies, investigation, CIA, colonial empires, WWII
Yaroslav Levin, PhD., junior researcher, Department of World History, Law and methodic of Education, Samara State University of Social Sciences and Education

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ

И.И. БОЛДЫРЕВА

АНГЛОСАКСОНСКОЕ ЖЕНСКОЕ МОНАШЕСТВО В VII–VIII ВВ.

Статья посвящена англосаксонскому женскому монашеству VII–VIII вв. Анализируется проблема гендерной сегрегации в двойных монастырях. Показано, что монахини-аристократки поддерживали связь с широким кругом светских и духовных лиц посредством личных и эпистолярных контактов. Статус женщины в ранней англосаксонской церкви был высок. Вместе с тем принадлежность аббатис к высшей аристократии не защищала их от королевской опалы, конфликтов и хозяйственно-административных проблем, связанных с имущественными делами монастырей.

Ключевые слова: *англосаксонская церковь, женское монашество, «Церковная история» Беда Достопочтенного, переписка Уинфреда-Бонифация, агиография*

В период «темных веков», отделяющих позднюю Античность от классического Средневековья, монахини наряду с королевами и жёнами знатных сеньоров составляли категорию женщин, которым в силу своего статуса и уровня образованности было легче, чем простым мирянкам, оставить след в исторических свидетельствах. По подсчётам Н.Ю. Гвоздецкой, в «Церковной истории народа англос» Беда Достопочтенный упоминает более сорока женщин¹ Главным образом, это – монахини и представительницы правящих династий. Являясь одной из немногих форм самовыражения представительницы слабого пола в патриархальной среде, женское монашество развивалось параллельно мужскому, хотя в известной степени и в его тени². В условиях возросшего интереса к исторической антропологии и социокультурным исследованиям, открывающим новые грани осмысления человеческого прошлого, изучение жизни средневековых инокинь становится одним из активно разрабатываемых направлений медиевистики³.

История женского монашества в раннесредневековой Англии тесно связана с вопросом о роли аристократок в становлении англосаксонской церкви, а также в политической и культурной жизни страны. Несмотря на то, что монашество традиционно ассоциируется с уединением и аскезой, исторические источники подтверждают, что, принимая монашеские обеты, эти женщины не были полностью оторваны от общения с внешним миром, родственниками и единомышленниками. Настоятельницы двойных монастырей были вовлечены в густую сеть социальных контактов, находясь в постоянном взаимодействии с сестрами своей

---

¹ См.: Гвоздецкая 2008: 24.

² Усков 2001: 263.

³ Среди основных работ, посвященных раннесредневековому женскому монашеству: Wemple 1981; Schulenburg 1998; Crown and Veil... 2008. В отечественной историографии: Бикеева 2009; Бикеева 2010; Гвоздецкая 2008; Прогунова 2015.

обитатели, клириками, паломниками, представителями светской и духовной властей. Изучение англосаксонского женского монашества в широком контексте его социокультурных связей, являющееся целью настоящего исследования, опирается, прежде всего, на методы социокультурной истории и исторической антропологии, для которой характерен интерес к межличностному и межгрупповому общению, преимущественное внимание к истории повседневности в различных её проявлениях. Возможность применения такого подхода обеспечивает достаточно репрезентативная источниковая база. Письменные свидетельства о жизни английских монахинь VII – начала VIII в. фрагментарны, но разнообразны. Они содержатся в «Церковной истории» Беды Достопочтенного, агиографических сочинениях, корреспонденции, актовом материале⁴.

Монашеская традиция проникает на Британские острова в период поздней Античности. По отдельным оценкам, здесь к V в. христианство достаточно прочно утвердилось среди городского населения и романо-бриттской знати⁵. Процесс распространения монастырей на территории Англии приобретает активный характер после начала христианизации англосаксов⁶. О первых английских монахинях известно из третьей книги «Церковной истории» Беды. В середине VII в. англосаксонские монастыри были немногочисленны (*necdum multis*), и знать отправляла своих дочерей готовиться к небесному браку на континент. Представительницы правящих домов Кента и Восточной Англии проходили послушание в двойных монастырях Бри, Кале, Андели⁷, распространившаяся в соседней Галлии молва о благочестии англосаксонских принцесс достигала Британских островов, вдохновляя аристократов стремиться к духовному совершенству. Свидетельством мощного влияния франкской традиции на становление женского монашества в Британии является биография преподобной Хильды (ум. 680) – знаменитой игуменьи Уитби⁸.

Влияние Мерovingской Галлии проявлялось не только в росте интереса к женскому иночеству, но и в формах организации монашеского быта. По примеру франков у англосаксов в VII–VIII вв. получили распространение двойные монастыри, на территории которых располагались сразу две общины, мужская и женская, подчиненные аббатисе. Ан-

⁴ Bede's Ecclesiastical History... 1969; Felix's Life of Saint Guthlac 1985; The Life of Bishop Wilfred... 1985; The Life of Saint Leoba... 1954; Two Lives of Saint Cuthbert 1985; The electronic Sawyer; Die Briefe des heiligen Bonifatius und Lullus 1916.

⁵ О христианстве в ранней Британии см.: Суприянович 1993; Godfrey 1962 P. 9–33.

⁶ Начало христианизации англосаксонских государств приходится на понтификат Григория I Великого (590–604). Первым англосаксонским правителем, принявшим новую религию, стал король Кента Этельберт (ум. 616 г.). (Bede's Ecclesiastical History... I, 25–26: 72–78). О христианизации англосаксов также см.: Зверева 2002.

⁷ Bede's Ecclesiastical History... 1969. III, 8: 236–239.

⁸ Внучатая племянница Эдвина Нортумбрийского (616–633) Хильда вступила в иноческую жизнь в конце 640-х гг. До этого она год прожила при восточно-английском дворе в намерении перебраться к франкам и поступить в Кальский монастырь, где была монахиней её вдовевшая сестра. – Ibid. IV, 23 (21): 404–415.

глосаксонские игуменьи, как правило, принадлежали к высшей знати и состояли в родстве с королевскими династиями. Благодаря их связям в придворных кругах и среди местной владетельной элиты двойные монастыри аккумулировали значительные материальные ресурсы, выступали крупными центрами христианской культуры и учёности.

Порядки и степень монашеского аскетизма в двойных обителях различались. Единого устава не существовало, и основательницы обустроивали иноческую жизнь, ориентируясь на уже имевшийся опыт и советы духовных лиц. Известно, что устав монастыря Баркинг был составлен братом первой настоятельницы епископом Лондона Эрконвальдом⁹. Преподобная Хильда Уитбийская ввела в своем монастыре правило, которое получила от епископа Айдана и других учёных мужей (*doctus viris*)¹⁰. Не исключено, что в целом ряде монастырей использовались правила св. Бенедикта Нурсийского или св. Колумбана, получившие распространение в Ирландии и на континенте.

О внутренней жизни женских обителей Беда рассказывает достаточно скудно. Освещая особенности отношений между насельницами двойных монастырей, «Церковная история» не выходит за рамки традиционных агиографических топосов. Здесь образ настоятельницы – это образ любящей и заботливой матери. Беда раскрывает его на примере преподобных Хильды и Этельбурги, заслуживших любовь окружающих ещё в земной жизни. Благодаря материнской доброте и благочестию Хильда являет достойный пример всем, кто живет в её монастыре. Она ревностно побуждает подчинённых изучать Священное Писание и, находясь на смертном одре, созывает к себе монахинь, завещая им хранить евангельский мир¹¹. В отличие от св. Этельтриты Илийской, представленной в «Церковной истории» как аббатиса-аскет, Хильду и Этельбургу Беда изобразил талантливыми руководительницами, умело выстраивающими отношения со своей общиной. Духовная дружба между Этельбургой Баркингской и сестрами её обители преодолевает рамки естественного времени и земного пространства. Престарелой Тортгите, которая жила в Баркинге на протяжении многих лет, аббатиса является спустя три года после своей кончины и предсказывает скорое освобождение от уз плоти. Это, равно как и другие чудеса Этельбурги, свидетельницами которых становятся её преданные сподвижницы, Беда заимствовал из не дошедшего до нас жития, упоминаемого им как *liber* или *libellus*¹².

Идеализированное изображение быта монашеской общины вписывалось в общую концепцию «Церковной истории», которая, по замыслу Беды, должна была воспитывать христианские добродетели, показывая примеры благочестия и святой жизни. Другие источники дают основа-

⁹ Ibid. IV, 6: 354–357.

¹⁰ Ibid. IV, 23 (21): 406–409.

¹¹ Ibid. IV, 23 (21): 410–412.

¹² Об Этельтрите Илийской см.: Ibid. IV, 19 (17): 390–397. Об Этельбурге и её монастыре см.: Ibid. IV, 7–11: 356–364.

ния предполагать, что отношения между насельницами были менее идеалистичны. Около 720 г. в письме к англосаксонскому монаху-миссионеру Уинфреду-Бонифацию настоятельница одной из кентских обителей Эангита затрагивает сразу несколько ракурсов сложных межличностных отношений в своем монастыре. Судя по тому, что она пишет, контингент англосаксонских двойных монастырей отличался большой разнородностью, создававшей благоприятную почву для возникновения конфликтов. В обители Эангиты жили «жёны и мужи разного возраста, различных характеров и нравов» (*promiscui sexus et aetatis et multorum mentibus et diversis moribus*). Свои обязанности по отношению к ним Эангита воспринимала как служение ближнему, осознавая, что ей придётся дать ответ перед Богом не только за поступки, но и за тайные помыслы вверенных ей людей, поэтому большое беспокойство ей доставляли раздоры, которые «сеет враг всего доброго, поражая сердца всех людей горькой злобой, но более всего сердца монашествующих»¹³.

«Житие святой Лиобы» Рудольфа Фульдского (написано в 30-е гг. IX в.), сохранило подробности необычного конфликта, разгоревшегося в монастыре Уимборн, где воспитывалась св. Лиоба. Здесь в первой половине VIII в. при аббатисе Тетте жила одна монахиня, помогавшая настоятельнице следить за дисциплиной. Инокини невзлюбили ее за жесткий нрав и после ее смерти ходили на ее могилу, чтобы выплеснуть накопившуюся злобу. Рассказывая о мести злопамятных сестер, Рудольф погружает читателей в атмосферу сложных человеческих чувств и эмоций, не свойственных агиографическому жанру. Вспоминая незаслуженные обиды и унижения, они посылали покойной проклятия и топтали ногами её надгробие. Среди недовольных, в основном, были молодые девы, мало сведущие в духовной жизни. Вероятно, с ними начальница вела себя наиболее сурово. Этот казус Рудольф придаёт огласке с единственной целью – проиллюстрировать мудрость и благочестие настоятельницы Тетты, которая примирила монахинь своим советом и молитвой¹⁴.

Наряду с особенностями отношений внутри общины значимым аспектом повседневной действительности двойных монастырей являлись проблемы гендерной сегрегации. Несмотря на то, что на территории такого монастыря существовали женская и мужская половины, а общение между насельниками и насельницами было ограничено, монастыри регулярно посещали светские и духовные лица. У Беды мы находим немало примеров бытовых контактов между монахинями, братией и мирянами. Контакты происходили при разных обстоятельствах: встрече гостей и паломников, совместном присутствии на религиозных торжествах, выполнении поручений аббатисы. Так, Этельхильда, настоятельница одной из обителей провинции Линдсей, однажды ночью была вынужде-

¹³ «*quas seminat omnium bonorum invisor, qui rancida corda virorum inficit malitia et inter omnes homines spargit, maxime per monasticos*» (Die Briefe des heiligen Bonifatius und Lullus 1916. № 14: 23).

¹⁴ The Life of Saint Leoba... 1954: 208-209.

на в сопровождении своей служанки зайти в мужское помещение и оказать помощь гостю, страждущему от нечистого духа¹⁵. Этельтриту, игуменью Или, лечил врач по имени Кинетрид¹⁶. Прибыв со своим дьяконом в женскую обитель Уоттон, святитель Иоанн Эборакский исцелил дочь местной аббатисы монахиню Квенбургу. Исцеление произошло на глазах у дьякона, который говорил с ней, находясь у её постели¹⁷.

Если верить «Житию святой Лиобы», в монастыре Уимборн на землях западных саксов, нравы были значительно строже. Аббатиса Тетта тщательно следила, чтобы монахини не вступали в общение с лицами противоположного пола, не только с мирянами, но и с клириками. Монастырь представлял собой два отдельно стоящих комплекса, обнесенных высокими стенами. На женскую территорию могли попасть лишь священники, служившие мессу, по окончании которой без промедления удалялись. Исключение не делали даже для епископа. Женщинам также запрещалось заходить на братскую половину. Даже аббатиса не нарушала эти правила, общаясь с внешним миром через оконце¹⁸. Историки по-разному относятся к этому свидетельству. Одни считают его вполне достоверным¹⁹. По мнению других, картина эта строгих нравов создана Рудольфом в назидательных целях и в соответствии с представлениями его времени о нормах организации монастырского быта²⁰. Ещё до того, как Рудольф составил это житие, на Втором Никейском соборе (787) во избежание соблазна основание двойных монастырей запрещалось²¹. Отношение к двойным монастырям ним даже в период их наивысшего расцвета не было однозначным. В пенитенциалиях архиепископа Кентерберри Теодора (669–690) упоминается о недопустимости близких контактов между монахами и монахинями, с недвусмысленным намеком, что такая форма монашеской организации имеет существенный изъян²².

Проблема гендерной сегрегации в иноческой среде находит отражение и в повествовании Беды о двойном монастыре Колдингем, основанном сестрой короля Нортумбрии Освью (642–670). По его словам, местные инокини-аристократки уделяли чрезмерное внимание своему внешнему виду и не прерывали общение с «мирскими мужами». Накануне пожара, разрушившего обитель дотла (679), одному из монахов было видение, в котором обличались леность, суесловие и другие процветавшие здесь пороки: «Даже девы, посвященные Господу, забыли уважение к своему сану и при любом удобном случае ткнут себе узорчатые одежды; не заботясь о своем целомудрии, облачаются в них подобно не-

¹⁵ Bede's Ecclesiastical History... 1969. III, 9: 248.

¹⁶ Ibid. IV, 19 (17): 394–395.

¹⁷ Ibid. V, 3: 460–462.

¹⁸ The Life of Saint Leoba... 1954: 207.

¹⁹ См., например: Blair 1990: 146.

²⁰ См.: Hollis 1992: 272.

²¹ Правила Святого Вселенского 7 Собора, Никейского, 20.

²² «Non licet viris feninas habere monachas neque feminis viros; tamen nos non destruamus illud quod consuetudo est in hac terra» (Penitentiale Theodori 1871. II, 6:8: 195).

вестам или водят дружбу с мужами извне»²³. Рассказ о гибели Колдингема акцентирует внимание на образе жизни знатных монастырских насельниц, которым было сложно отказаться от привычек, приобретенных в миру и обусловленных социальным статусом. Узорчатые одежды, упоминаемые Бедой, символизировали для него не столько материальные излишества, сколько мирское общество. Обличая монахинь, он использует перевернутую брачную символику, уподобляя невест Христовых невестам земным. Симптоматично, что проблема роскоши в монастырях поднимается и современником Беды Альдхельмом в трактате «О девственности» (*De virginitate*), адресованном монахиням Баркинга²⁴. Даже после принятия монашеских обетов и поступления женщины в монастырь община помнила о её происхождении и материальном положении. Интересной иллюстрацией того, как проявлял себя мирской статус монахини, является эпизод из «Жития епископа Уилфреда», в котором говорится об исцелении некой *paupercula sanctimonialis*²⁵. Эта женщина, не названная агиографом по имени, вероятно, была простолудинкой или испытывала материальные сложности, когда жила в миру.

Открытость для мира англосаксонских женских и двойных монастырей была обусловлена целым комплексом факторов: тесными связями настоятельниц с правящими домами, сложностью управления обителью без поддержки могущественных покровителей, а также тем, что многие англосаксонские аристократки уходили в монастырь, уже имея опыт семейной жизни. Настоятельница монастырей Хартлпул и Уитби Хильда, родственница короля Эдвина Нортумбрийского, вступила в монашество в возрасте 33-х лет. Вполне вероятно, что она, как и ее сестра монахиня Хересвида, жившая в Кале, была вдовой. Преемница Хильды аббатиса Эanfледа приняла монашество после смерти мужа – короля Нортумбрии Освью²⁶. Первая настоятельница Илийской обители св. Этельтрита родилась в семье правителя восточных англов и дважды вступала в брак²⁷. Монастырь Уимборн был основан родственницей правителя западных саксов Кутбургой. Англосаксонская хроника сообщает, что Кутбурга была замужем за королем Нортумбрии Альдфридом (685–705), но супруги разлучились еще при жизни²⁸. Женские и двойные монастыри были аристократическими семейными институтами. Должность аббатисы часто передавалась родственнице прежней игуменьи. После смерти св. Этельтрита Илийский монастырь перешёл под руководство её вдов-

²³«...virginis quoque Deo dicatae, contemta reverential suae professionis, quotiescumque vacant, textendis subtilioribus indumentis operam dant, quibus aut se ipsas ad vicem sponsorum in periculum sui status adornant, aut externorum sibi viorum amicitiam comparant» (Bede's Ecclesiastical History... 1969. IV, 25: 424–426).

²⁴ Aldhelm. The Prose Works 1979: 127–128.

²⁵ The Life of Bishop Wilfred... 1985: 144.

²⁶ Bede's Ecclesiastical History... 1969. IV, 23: 406; 26: 428–430.

²⁷ Преподобная Этельтрита якобы сохранила девственность (Ibid. IV, 19: 390–392).

²⁸ The Anglo-Saxon Chronicle 1996: 42–43.

ствующей сестры Сеаксбурги. Святая Милдред унаследовала монастырь на острове Танет, основанный её матерью Эорменхильдой²⁹.

Родственные связи настоятельниц с правящими династиями обеспечивали монастырям королевское покровительство, щедрые пожалования земель и привилегий. Сохранилось несколько десятков грамот, содержащих королевские пожалования женским монашеским общинам. Среди них наиболее многочисленны грамоты кентских правителей минстеру на острове Танет в период настоятельства Эббы и св. Милдред³⁰.

Источники сообщают о личных контактах аббатис с королевскими особами. Визиты королей и королев в монастыри, которые возглавляли их родственницы, не были чем-то необычным и совершались ради совета или просто ради дружеского общения. По словам Беды, в сложных обстоятельствах за советом к Хильде Уитбийской обращались простолюдины и короли³¹. Некоторые детали встреч настоятельниц и правителей находим в агиографических и эпистолярных памятниках. Так, «Житие епископа Уилфреда» рассказывает о посещении королевской четой Нортумбрии монастыря Колдингем, его настоятельницей была тётка правителя Эбба. Судя по тому, что пишет агиограф, этот визит не имел какой-либо особой цели. Путешествуя с многочисленной свитой по своим владениям и проводя время в увеселениях и пирах, король и его жена Ирминбурга «по одному случаю» (*tempore quodam*) останавливаются в Колдингеме. Здесь ночью королеву поражает страшный недуг. Настоятельница, провидев причину несчастья, спешит сообщить королю, что случившееся – попущение Божье. Болезнь отступит, и королева останется жива, если король прикажет выпустить святителя из темницы. Экгфрид исполняет просьбу тётки, и его жена выздоравливает³². Разговор между игуменьей и королём выдержан в русле беседы мудрой матери с сыном. Для передачи слов игуменьи Эддий использует императив и прямую речь³³. Совет Эббы, касающийся духовных вещей, не лишён политического звучания. Агиограф изображает Эббу влиятельной защитницей и почитательницей своего святого, который успел нажить себе многочисленных врагов как в светских, так и в церковных кругах.

Не исключено, что политические вопросы были затронуты в ходе беседы кентского короля Этельберта II (725–762) с его родственницей аббатисой Бугтой, однако в центре внимания оказался другой её аспект. О беседе сообщает сам Этельберт в письме (ок. 750) к проповедовавшему в Германии англосаксонскому миссионеру Уинфреду-Бонифацию.

²⁹ Bede's Ecclesiastical History... 1969. IV, 19(17): 392–393; Of St Mildrið // Leechdoms, Wortcunning, and Starcraft... 1966: 423–431.

³⁰ См. электронный каталог П. Соёера с полнотекстовыми версиями документов: The electronic Sawyer. №10, 11, 13, 14, 15, 17, 18, 26.

³¹ Bede's Ecclesiastical History... 1969. IV, 23: 408.

³² The Life of Bishop Wilfred... 1985. XXXIX: 78–79.

³³ «Et nunc, fili mi, secundum consilium matris tuae fac, disrumpe vincula eius et sanctas reliquias...» (Ibid.).

Разговор, состоявшийся по инициативе аббатисы, был посвящён её недавнему паломничеству к римским святыням. В сознании короля Бутга, с которой Бонифаций был лично знаком, выступает связующим звеном между ним и святым мужем. Ещё будучи в Риме, где Бутга виделась со своим духовным наставником и другом, он обещал ей молиться за короля. И в этом письме король напоминает ему о данном обещании³⁴.

Политическая активность и контакты аббатис с правителями и церковными иерархами не сводились к кулуарным беседам. В 664 г. Хильда принимала в своем монастыре знаменитый синод Уитби, на котором присутствовал король Нортумбрии Освью³⁵. Преемница Хильды Эльфледа была не менее почитаема. Эддий называет её утешительницей и лучшей советчицей всей провинции³⁶. Пользуясь своим положением королевской сестры, она вместе с аббатисой Этельбургой присутствовала у смертного одра короля Альдфрида и была среди тех немногих лиц, кто слышал его последнюю волю касательно судьбы епископа Уилфреда. На Ниддском синоде благодаря ее вмешательству опальный святитель был оправдан³⁷. В 699 г. на синоде, состоявшемся в Кенте, присутствовали сразу четыре аббатисы, названные в грамоте по имени³⁸.

Грамоты VIII в. характеризуют социальную активность англосаксонских монахинь с несколько неожиданной стороны. Монахини предстают как участницы сделок с землёй и земельных споров. В 744 г. некая *ancilla Christi* Лулла продала десять гайд земли Гластонберийскому аббатству.³⁹ Около 736 г. аббатиса Хротвару затеяла тяжбу со своей замужней матерью из-за земельных владений в Глостершире.⁴⁰ В 798 г. на синоде в Клофешо было достигнуто соглашение между архиепископом Кентербери Этельхердом и аббатисой Кюнитридой, положившее конец длительному спору о статусе монастыря Кукхэм в Беркшире⁴¹. Эти казусы позволяют по-новому взглянуть на положение настоятельниц-аристократок. Они не просто демонстрируют активность аббатис, связанную с имущественными делами их институций, но подтверждают, что, во-первых, для представительниц нобилитета руководство монастырём не было лишено сложностей, а во-вторых, на поддержку церковных иерархов и семьи они могли рассчитывать далеко не всегда.

³⁴ Die Briefe des heiligen Bonifatius und Lullus 1916. № 105: 229–231.

³⁵ Bede's Ecclesiastical History... III, 25: 298–299; The Life of Bishop Wilfred. X: 20–21.

³⁶ «semper totius provinciae consolatrix optimaque consiliatrix» (The Life of Bishop Wilfred... 1985. LX: 128–129).

³⁷ Ibid. LIX–LX: 126–133.

³⁸ Дочь Сеаксбурги Кентской Ирминхильда, вдова короля Экгфрида Ирминбурга, настоятельница Танета Эбба и Ниринда, о которой других сведений не сохранилось. (The electronic Sawyer № 20).

³⁹ The electronic Sawyer № 1410.

⁴⁰ Ibid. № 1429. Пер. на англ.: English historical documents 1955. № 68: 454–455. Об этой тяжбе также см.: Золотарёв 2017; Lees, Overing 2001: 68. По мнению Золотарёва А.Ю., этот казус подтверждает, что имущественные права женщины и возможность их судебной защиты были весьма широки уже на заре англосаксонской эпохи.

⁴¹ The electronic Sawyer № 1258; English historical documents 1955. № 79: 468–470.

Имущественные интересы монастырских начальниц могли приходить в столкновение с интересами епископов и родственников. На примере тяжбы Хротвару мы видим, что речь идёт о семейном монастыре. Земли в Глостершире, на которые они с матерью претендовали, были королевским пожалованием тётке Хротвару Будж и бабке Дунне. Чтобы получить поддержку церкви, Хротвару обязалась передать после своей кончины спорный минстер Вустерской кафедре. Как отмечают К. Лис и Дж. Оверинг, тяжба Хротвару приоткрывает ещё одну сторону участия церкви в делах находившихся в частном владении монастырей: это вмешательство могло стать для аббатис единственной возможностью оградить своё имущество от притязаний родни⁴². Иную роль церковь играет в деле о монастыре Кукхэм, в котором аббатиса и архиепископ Этельхерд являются соперничающими сторонами, а паритет достигнутого соглашения оказывается для Кюнтриды, по меньшей мере, условным. Чтобы сохранить за собой Кукхэм, она передавала архиепископу весьма обширные земельные владения общей площадью 110 гайд⁴³. Таким образом, Кюнтрида, которую иногда ассоциируют с могущественной женой Оффы Мерсийского (757–796)⁴⁴, в своём новом статусе королевской вдовы и игуменьи была вынуждена идти на существенные уступки.

Принадлежность к высшим слоям общества далеко не всегда гарантировала процветание настоятельницам и их общинам. Многие зависело от текущей политической ситуации и отношений внутри правящего клана, что иллюстрирует переписка Уинфреда-Бонифация с аббатисой Эангитой и её дочерью аббатисой Буггой. Обе женщины принадлежали к побочной ветви кентского королевского дома. В силу не до конца понятных причин их род находился в немилости, что не замедлило сказаться на статусе настоятельницы и её общины. Управление монастырём без поддержки могущественных покровителей и родственников было сопряжено со значительными сложностями. В письме, составленном ок. 720 г., Эангита, лишённая политической и материальной поддержки, сетует на происки завистников и недоброжелателей, скудный урожай, притеснения со стороны светских и духовных лиц, высокие налоги и крайнюю нужду в самом необходимом. Друзей и близких, которые могли бы ее защитить, не осталось: «У нас нет ни сына, ни брата, ни отца, ни дяди, – с горечью пишет она, – лишь единственная дочь, которую смерть лишила всех дорогих ей людей, кроме одной сестры, старой матери, и племянника, человека несчастливой по причине его безрассудства, а также из-за той неприязни, которую испытывает наш король к людям его рода»⁴⁵. Перечисленные Эангитой степени родства свиде-

⁴² Lees, Overing 2001: 68.

⁴³ The electronic Sawyer № 1258.

⁴⁴ См. примечания Д. Уайтлок: English historical documents 1955: 468.

⁴⁵ «Non habemus filium, neque fratrem, patrem aut patruum, nisi tantum unicum filiam penitus destitutam omnibus caris in hoc saeculo, preter unam tantum sororem eius et matrem valde vetulam et filium fratris earum, et illum valde infelicem propter ipsius men-

тельствуют, что в патриархальном англосаксонском социуме важное значение имела поддержка мужской родни. Несмотря на участие знатных монахинь в общественных делах, фигурой, связанной со сферой публичности, в сознании Эангиты выступает мужчина. По признанию Эангиты, принимая те или иные решения, они с дочерью не были уверены, что поступают правильно. Очень важны для них были моральная поддержка, ценный совет и доверительное общение: «Мы вынуждены искать верного друга, такого, кому смогли бы доверять более чем самим себе, кто бы понял нашу боль, переживания и нужду и проявил сочувствие, утешил и поддержал своим словом»⁴⁶. В поисках родственной души мать и дочь обращают свои взоры к Уинфреду-Бонифацию.

Переписка Уинфреда-Бонифация и его миссионеров с англосаксонскими монахинями представлена более чем двумя десятками посланий и заслуживает стать предметом отдельного исследования.⁴⁷ В рамках статьи мы лишь кратко коснемся некоторых её аспектов. Главным образом, это письма личного или дружеско-делового характера, которые оказываются информативными относительно внутреннего мира корреспондентов, сети их контактов, а также ряда бытовых реалий жизни женских монастырей. Основным мотивом ряда посланий выступает стремление принявших монашество женщин преодолеть дефицит доверительного общения, поделиться переживаниями, получить совет. Подобно аббатисе Эангите, монахиня Экбурга в письме, отправленном Бонифацию ок. 716–718 гг., оплакивает смерть своего брата, с которым, по всей видимости, была очень близка. Серьёзным испытанием для неё становится разлука с сестрой, уехавшей в Рим и оставшейся там затворницей⁴⁸.

Из переписки известно, что ещё в VIII в. англосаксонские монахини совершали паломничества к римским святыням. Аббатиса Эангита писала Бонифацию о своем желании посетить Рим по примеру многочисленных друзей и знакомых⁴⁹. Очевидно, она умерла, так и не исполнив свою давнюю мечту. Паломничество в Рим её дочери аббатисы Бутги, унаследовавшей монастырь матери, было подготовлено в ходе длительной переписки. Послание Уинфреда-Бонифация к Бутге (не позднее 738 г.) посвящено предстоящему путешествию. Оказывается, о намерениях своей духовной дочери Бонифаций сообщил их соотечественнице монахине Витбурге, которая уже много лет жила у гробницы апостола Петра. В переписке с Бонифацием Витбурга обещала помощь, однако советовала Бутге повременить из-за участвовавших набегов сарацин⁵⁰.

tis et quia rex noster eius gentem multum exosam habet» (Die Briefe des heiligen Bonifatius und Lullus 1916. № 14: 22–23).

⁴⁶ «nobis necessarium fuit, ut quereremus amicum fidelem et talem, in quem confidamus melius quam in nosmet ipsos, qui dolores nostros et miserias et paupertates suas deputaret et compatiens nobis fuisset et consolaret nos et sustentaret eloquiis suis» (Ibid: 24).

⁴⁷ См., напр.: Болдырева 2017; Fell 1990.

⁴⁸ Die Briefe des heiligen Bonifatius und Lullus 1916. № 13: 19.

⁴⁹ Ibid. № 14: 25.

⁵⁰ Ibid. № 27: 47–49.

Посредством переписки англосаксонские настоятельницы поддерживали связь не только с соотечественниками, уехавшими на континент, но и с франкскими конвентами. Одно из самых ранних женских писем, сохранившихся от англосаксонской эпохи, было составлено около 700 г. настоятельницей двойного Уитбийского монастыря Эльфледой. Она писала пфальцельской аббатисе Адоле, прося взять под свою опеку знакомую игуменью, направлявшуюся в Рим. Эльфледа очень тепло отзывалась о своей протеже, с которой её связывала многолетняя дружба⁵¹.

Паломничество в Средние века было сопряжено с многочисленными сложностями. Оказавшиеся на чужбине монахини, лишённые связей и материальных средств, нередко вступали на путь неблагочестивой жизни. В письме к архиепископу Кентерберии Кутберту (ок. 747) Бонифаций упоминает английских матрон и инокинь (*mulieribus et velatis feminis*), которые, не достигнув Святого Града, пополняли ряды куртизанок в Галлии и Ломбардии. Чтобы не подвергать благочестивых женщин опасности духовного падения, Бонифаций просил Кутберта запретить частые паломничества соотечественницам⁵².

Судя по письму Эангиты, написанному несколькими десятилетиями ранее, уже тогда отношение англосаксонской церкви к паломнической практике не было безусловно одобрительным⁵³. Тем не менее, это не всегда останавливало монахинь, которые в числе других пилигримов устремлялись в Рим. Видимо, Уинфред-Бонифаций считал Бугту более опытной в духовном отношении, оставляя право выбора за ней: «Желаю, чтобы ты знала, дражайшая сестра, что в деле, о котором ты писала, испрашивая совета у меня недостойного, не дерзаю взять на себя ответственность с тем, чтобы воспрепятствовать твоему паломничеству или опрометчиво склонить тебя к нему. Лишь скажу, что я об этом думаю»⁵⁴. Содержание и тон послания демонстрируют, что Бонифаций воспринимает Бугту как равную, давая разумные практические советы. Переписка англосаксонских монахинь со св. Уинфредом-Бонифацием и его миссионерами свидетельствует о высокой степени взаимного уважения и доверия между корреспондентами, подтверждает существование дружеских контактов в монашеской среде вне зависимости от пола.

Общаться с внешним миром при помощи переписки могли лишь те монахини, которые владели латинской грамотой. Женщины, обменивавшиеся письмами с Бонифацием, принадлежали к аристократическим кругам. Многие из них были аббатисами. Помимо эпистолярных материалов о личных контактах англосаксонских аббатис с братьями по вере

⁵¹ Ibid. № 8: 3–4.

⁵² Ibid. № 78: 169.

⁵³ «Sed quia scimus, quod multi sunt, qui hanc voluntatem vituperant, et hunc amorem derogant» (Ibid. № 14: 25).

⁵⁴ «Notum sit tibi, soror carissima, de illo consilio, quo me indignum per litteras interrogasti, quod ego tibi inter peregrinum nec interdicere per me nec audenter suadere presumo. Sed, quod visum est, dicam» (Ibid. № 27: 48).

сообщают агиографические сочинения и исторический нарратив начала VIII в. В «Церковной истории» Беды Достопочтенного говорится, что преподобную Хильду Уитбийскую часто навещал епископ Айдан и другие люди веры⁵⁵. Этельтрита, первая настоятельница Илийской обители, была дружна с епископом Уилфредом⁵⁶. Оба «Жития» св. отшельника Кутберта упоминают посещение им монастыря Колдингем по просьбе настоятельницы Эббы. Беда подчёркивает, что Кутберт не мог отказать любезной просьбе служительницы Господа⁵⁷. В монастыре «славнейшей рабы Христовой» (*nobilissima famula Christi*) аббатисы Верки, святой Кутберт совершает евангельское чудо. Прибыв сюда в качестве гостя, он по примеру Спасителя претворяет воду в вино⁵⁸.

Аббатисы, почитательницы аскетов, снискавших еще при жизни репутацию святых, нередко дарили им подарки. Подарками с англосаксонскими монахинями обменивался Уинфред-Бонифаций⁵⁹. Аббатиса Верка преподнесла св. Кутберту холст, который он ради любви к ней (*pro amore dilectae Deo feminae... Uercae*) берёт для своего погребения⁶⁰. Погребальные принадлежности считались подходящим подарком для отшельников. Аббатиса Экбурга через монахов своей обители отослала Гутлаку Кроулендскому свинцовый гроб и льняную материю. Испытывая особое благоговение перед святым, она заклinalа его именем Господа принять эти дары⁶¹. Святые мужи относились к аббатисам дружелюбно. Эльфледе Уитбийской Кутберт, прослышавший чудотворцем, передал льняной пояс, при помощи которого настоятельница и одна из её монахинь получили исцеление⁶². «Жития» св. Кутберта сообщают о его двух беседах с аббатисой Эльфледой: первая состоялась на острове Кокет, вторая – в одном из поместий Уитбийского монастыря, куда Кутберт прибыл, чтобы освятить построенную церковь⁶³. Из описания этих бесед следует, что игуменья воспринимала Кутберта не только как духовного отца, но как прозорливца, посвященного в тайны, сокрытые от глаз простого человека. Спрашивая его о том, как долго осталось жить её брату, правителю Нортумбрии, и кто станет наследником бездетного короля, Эльфледа проявляет интерес к политическим и семейным делам нортумбрийского королевского дома, частью которого являлась сама. Её желание знать будущее и мирское отношение к духовным дарам святого вызывает некоторое неодобрение его биографа Беды, упрекающего Эль-

⁵⁵ Bede's Ecclesiastical History... 1969. IV, 21 (23): 406–409.

⁵⁶ Ibid. 19 (17): 392–393.

⁵⁷ Vita Sancti Cuthberti Auctore Anonymae, II, 3 // Two Lives of Saint Cuthbert: 80–81; Vita Sancti Cuthberti Auctore Beda, X // Ibid: 188–189.

⁵⁸ Vita Sancti Cuthberti Auctore Beda, XXXV // Ibid: 264–267.

⁵⁹ См.: Болдырева 2017: 217–218.

⁶⁰ Vita Sancti Cuthberti Auctore Beda, XXXVII // Two Lives of Saint Cuthbert: 272–273.

⁶¹ Felix's Life of Saint Guthlac 1985. XLVIII, L: 146–149; 154–157.

⁶² Vita Sancti Cuthberti Auctore Beda, XXIII // Two Lives of Saint Cuthbert: 230–233.

⁶³ Vita Sancti Cuthberti Auctore Anonymae, III, 6; IV, 10 // Ibid: 102–105, 126–127; Vita Sancti Cuthberti Auctore Beda, XXIV, XXXIV // Ibid: 234–237, 262–263.

фледу в женской настойчивости (*audacia feminea*). Этот эпизод, включенный в житие для того, чтобы проиллюстрировать пророческий дар Кутберта, передает чувства аббатисы, которая не просто стремится быть в курсе политических событий, но сохраняет эмоциональную связь со своей семьей. Когда из слов св. Кутберта она понимает, что король скоро умрёт, то как любящая сестра не может сдержать рыданий⁶⁴.

Тема родственных отношений в монашеской среде своеобразно раскрывается в «Житии» отшельника преподобного Гутлака Кроулэндского (сер. VIII в.). Одной из центральных фигур этого сочинения является сестра подвижника – монахиня Пега. При жизни Гутлак, строгий аскет, отказывался от встреч с ней. Тем не менее, духовная связь между сестрой и братом сохранялась. Гутлак как любящий брат, по его собственным словам, надеялся соединиться с сестрой в вечности. Находясь на смертном одре, он поручает своему послушнику Беккелу доставить её на свой остров, чтобы она смогла его похоронить. С Пегой Гутлака связывает не только родство по крови, но более крепкое духовное родство. Её он посвящает в свои божественные откровения. Рассказывая Беккелу о своем общении с небожителями, он запрещает говорить об этом кому-либо, кроме Пеги и анахорета Экберта. Очень эмоционально агиограф пишет о реакции Пеги на известие о смерти брата: «Она рухнула вниз и когда она лежала на земле, то вся ушла в забытьё от великой тяжести своей скорби. Её язык молчал, губы были немые, и она утратила всю жизнь и силу, как будто бы умерла. Спустя какое-то время она встала, словно пробудившись от сна, и, тяжело вздыхая, из самой глубины своего сердца воздала хвалу суду Всевышнего»⁶⁵.

Давая оценку образу монахини Пеги в «Житии святого Гутлака», С. Холлис отмечает его аллегорические параллели со страдающей Богоматерью и Церковью-Экклесией, объединенной в мистический союз с Христом, которому уподобляется Гутлак⁶⁶. На фоне биографий настоятельниц крупных монастырей, нашедших отражение в источниках, разнообразных по характеру и содержанию, образ Пеги интересен тем, что приоткрывает социокультурный опыт инокини-аристократки, жившей как отшельница вне монастырских стен. О традициях англосаксонского женского отшельничества нам практически ничего не известно. Факты, приведённые о Пеге в «Житии...», также не отличаются изобилием. Из «Жития...» следует, что они с Гутлаком принадлежали к боковой ветви мерсийского королевского рода. Пега здесь названа святой Христовой девой (*Sancta Christi virgo*). Она – одна из немногих англосаксонских преподобных жен, чей день поминовения указан в «Древне-

⁶⁴ Vita Sancti Cuthberti Auctore Beda, XXIV // Ibid: 234–237.

⁶⁵ «velut in praecipitium delapsa, se solo premens, inmensi maeroris molestia medullitus emarcuit, lingua siluit, labrum obmutuit, omnique vivali vigore velut exanimus evanuit. Post vero interventum temporis, ceu somno expergefata, imis de pectoris fibris longa suspiria trahens, arbitrio omnipotentis grates egit» (Felix's Life of Saint Guthlac: 154–161).

⁶⁶ Hollis 1992: 292–295.

английском мартирологе»⁶⁷. Пега становится отшельницей, вероятно, ещё до смерти брата. Феликс не уточняет, где она жила ранее, и не ассоциирует её с какой-либо обителью. После ухода святого Гутлака в мир иной она поселяется на его безлюдном острове, чтобы продолжить духовные подвиги брата. Одновременно Пега не изолирует себя от человеческого общества и контактирует с клириками и мирянами, проявляя себя почитательницей и заботливой хранительницей памяти о святом Гутлаке. По инициативе Пеги спустя год после кончины отшельника его нетленное тело переносят в новую гробницу. Монахиня Пега лично переоблачает его мощи. Оставаясь у гробницы брата, она принимает паломников, стекающихся к мощам за исцелением, и сама оказывает помощь страждущим, являясь сопричастницей его чудотворений⁶⁸.

Образ Пеги, созданный её младшим современником монахом Феликсом, иллюстрирует пример толерантного отношения англосаксонской церкви к социальной активности представительниц духовного сословия в своей среде и является ещё одним свидетельством высокого статуса женщины в ранней англосаксонской церкви, который не был характерен для монахинь последующих столетий. Из более поздних источников мы узнаем, что после смерти брата Пега совершает паломничество в Рим⁶⁹. Эти сведения представляются вполне правдоподобными, учитывая неоднократные упоминания о монахинях-паломницах англосаксонскими епископальными текстами VIII века.

***

Таким образом, до начала скандинавских вторжений англосаксонское женское монашество переживает период своего расцвета, неразрывно связанный с историей двойных монастырей, во главе которых стояли представительницы высшей знати. Порядки и степень гендерной сегрегации в двойных обителях различались. Аристократки, поступая в киновию, не всегда прерывали связь с миром и не спешили отказываться от атрибутов своего прежнего положения и достатка. Такие монастыри, как Уимборн, где любое общение с лицами противоположного пола запрещалось, являлись, скорее, исключением, нежели правилом.

Социальные контакты, участницами которых выступали монахини в первые века после крещения Англии, можно проследить, главным образом, на примере аббатис, фигурирующих в исторических источниках значительно чаще простых инокинь. Аббатисы поддерживали отношения с широким кругом духовных и светских лиц посредством личных и епископальных контактов. Они пользовались авторитетом и уважением в светской и церковной среде, стремились быть в курсе государственных дел, принимали участие в церковных синодах и благодаря своему родству с королевскими домами имели возможность влиять на принятие

⁶⁷ An Old English Martyrology 1900: 16–17.

⁶⁸ Felix's Life of Saint Guthlac 1985: 160–163, 168–171.

⁶⁹ Notes // Felix's Life of Saint Guthlac 1985: 192–193.

политических решений. Источники VIII в. изображают знатных англосаксонских монахинь собеседницами правителей и святых. Общаясь со святыми мужами, монахини проявляли себя их почитательницами, свидетельницами их пророческого дара и чудотворений. По отношению к королям и мирянам аббатисы представлены в роли наставниц. Такое восприятие *feminae religiosae*, характерное для житийной литературы англосаксов, вписывается в систему их традиционных представлений, нашедших отражение в героическом эпосе, где женщина-аристократка изображена авторитетной советчицей⁷⁰.

Вместе с тем грамоты и эпистолярные источники приоткрывают ряд проблем, с которыми приходилось сталкиваться монастырским начальникам. Земельные споры с их участием, с одной стороны, иллюстрируют публичную активность настоятельниц, связанную с хозяйственными делами монастырей, вокруг которых концентрировались значительные финансовые ресурсы. С другой стороны, они свидетельствуют о столкновении их имущественных интересов с интересами родственников и епископов.

Родственные связи настоятельниц с королевскими домами не всегда гарантировали благоденствие и материальное процветание их общинам. Влияние оказывали отношения внутри правящего клана в каждый конкретный момент. Отсутствие поддержки могущественных покровителей осложняло взаимодействие обители с внешним миром. Ещё одной проблемой могли стать конфликты, которые периодически возникали внутри монастыря. Важную роль в жизни представительниц знати, принявших монашеские обеты, продолжали играть узы родства. В патриархальном обществе особенно значимой была поддержка мужской родни. Кроме того, эпистолярные и агиографические тексты свидетельствуют о тесной эмоциональной связи монахинь с близкими родственниками. Потеря близких, недостаток доверительного общения были среди основных причин, побуждавших инокинь-аристократок поддерживать дружескую переписку с англосаксонскими миссионерами в Европе.

С началом скандинавских вторжений в конце VIII века монастыри Англии переживают упадок. Эпоха двойных обителей уходит в прошлое. Об англосаксонском женском монашестве IX – первой половины X в. сохранились весьма скудные сведения. В годы бенедиктинской реформы, начатой при поддержке короля Эдгара Миротлюбивого (959–975), ряд женских монастырей возрождаются. Однако в новых исторических условиях женское монашество утрачивает свое прежнее влияние.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Бикеева Н.Ю. Женский монастырь и его обитатели в системе межкультурных взаимодействий Франкского королевства второй половины VI в. // Ученые записки Казанского гос. ун-та. Сер. С.Гуманитарные науки. 2009. Т. 151. № 2-1. С. 115–123 [Bikeeva N.YU. ZHenskij monastyr' i ego obitateli v sisteme mezhkul'turnyh vzaimodejstvij Franskogo

⁷⁰ См.: Болдырева 2014: 151–152.

- korolevstva vtoroj poloviny VI v. // Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya. S.Gumanitarnye nauki. 2009. T. 151. № 2-1. S. 115–123].
- Бикеева Н.Ю. Женские монастыри в городском пространстве Франкского королевства VI в. // Город в Античности и Средневековье. Доклады международной научной конференции, посвященной 100-летию г. Ярославля / В.В. Дементьева (отв. ред.). Ч. I. Ярославль, 2010. С. 67–71 [Bikeeva N.YU. Zhenskije monastiri v gorodskom prostranstve Frankского korolevstva VI v. // Gorod v Antichnosti i Srednevekov'e. Doklady mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 100-letiyu g. YAroslavlya / V.V. Dement'eva (otv. red.). Ch. I. YAroslavl', 2010. S. 67–71].
- Болдырева И.И. Англосаксонское женское монашество VIII века в свете переписки миссии святого Уинфреда Бонифация // Проблемы истории, филологии, культуры. 2017. № 4. С. 211–222 [Boldyreva I.I. Anglosaksonskoe zhenskoe monashestvo VIII veka v svete perepiski missii svyatogo Uinfreda Bonifaciya // Problemy istorii, filologii, kul'tury. 2017. № 4. S. 211–222].
- Болдырева И.И. Гендерные стереотипы в англосаксонской культуре и социальных практиках (VII–XI вв.) // Адам & Ева. Альманах гендерной истории. М.: ИВИ РАН, 2014. № 22. С. 147–167 [Boldyreva I.I. Gendernye stereotipy v anglosaksonskoj kul'ture i social'nyh praktikah (VII–XI vv.) // Adam & Eva. Al'manah gendernoj istorii. M.: IVI RAN, 2014. № 22. S. 147–167].
- Гвоздецкая Н.Ю. Женщины в «Церковной истории народа англоv» Беды Достопочтенного // Cursor Mundi. Человек Античности, Средневековья и Возрождения: научный альманах, посвященный проблемам исторической антропологии. Вып. 1. Иванов: Ивановский гос. ун-т, 2008. С. 24–44 [Gvozdeckaya N.YU. Zhenshchiny v «Cerkovnoj istorii naroda anglov» Bedy Dostopochtennogo // Cursor Mundi. Chelovek Antichnosti, Srednevekov'ya i Vozrozhdeniya: nauchnyj al'manah, posvyashchennyj problemam istoricheskoj antropologii. Вып. 1. Ivanovo: Ivanovskij gosudarstvennyj universitet, 2008. S. 24–44].
- Зверева В.В. Христианизация Британии в сочинениях Беды Достопочтенного // Средние века. Вып. 63. М., 2002. С. 218–240 [Zvereva V. V. Hristianizaciya Britanii v sochineniyah Bedy Dostopochtennogo // Srednie veka. Вып. 63. М., 2002. S. 218–240].
- Золотарёв А.Ю. Земельные тяжбы и обладание земельным имуществом в раннесредневековой Англии // ЭНОЖ «История». 2017. № 8 (62). С. 7 [Zolotaryov A.YU. Zemel'nye tyazhby i obladanie zemel'nym imushchestvom v rannesrednevekovoj Anglii // Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal Istoriya. 2017. № 8 (62). S. 7].
- Правила Святого Вселенского 7 Собора. Никейского [Pravila Svyatogo Vselenskogo 7 Sobora, Nikejskogo // <http://simvol-veri.ru/xp/pravila-svyatogo-vselenskogo-7-sobora-nikejskogo.html>]
- Прогунова Ю.М. Леоба: учёная монахиня, аббатиса // Научные ведомости БелГУ. Сер. История. Политология. Экономика. Информатика. 2015. № 1. С. 62–67 [Progunova YU.M. Leoba: uchyonaya monahinya, abbatisa // Nauchnye vedomosti BelGU. Ser. Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika. 2015. № 1. S. 62–67].
- Суприянович А.Г. Христианство в Римской Британии // Античный вестник. Омск, 1993. Вып. 1. С. 139–142 [Supriyanovich A.G. Hristianstvo v Rimskoj Britanii // Antichnyj vestnik. Омск, 1993. Вып. 1. S. 139–142].
- Усков Н.Ф. Христианство и монашество в Западной Европе раннего средневековья. СПб.: Алетейя, 2001. 506 с. [Uskov N.F. Hristianstvo i monashestvo v Zapadnoj Evrope rannego srednevekov'ya. SPb.: Aletejya, 2001. 506 s.].
- Aldhelm. The Prose Works / trans. by M. Lapidge, M. Herren. Cambr.: D.S. Brewer, 1979. 210 p.
- An Old English Martyrology / ed. G. Herzfeld. L.: Trubner & Co, 1900. 243 p.
- Bede's Ecclesiastical History of the English People / ed. and trans. B. Colgrave, R.A.B. Mynors. Oxford: Clarendon Press, 1969. 618 p.
- Blair P. H. The World of Bede. 2nd ed-n. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. 356 p.
- Blair P. H. Whitby as a Centre of Learning in the Seventh Century // Learning and Literature in Anglo-Saxon England / eds. M. Lapidge, H. Gneuss. Cambridge: C.U.P., 1985. P. 3–32.
- Crown and Veil: Female Monasticism from the Fifth to the Fifteenth Centuries / eds. Jeffrey F. Hamburger, S. Marti. New York: Columbia University Press, 2008. 318 p.
- Die Briefe des heiligen Bonifatius und Lullus / ed. M. Tangl // Monumenta Germaniae Historica. Epistolae Selectae. T. I. Berlin, 1916. P. 1–289.
- English historical documents / ed. by D. Whitelock. Vol. 1. L.: Eyre & Spottiswood, 1955. 863 p.

- Eckenstein L. Woman under monasticism. Chapters on Saint-Lore and Convent Life between A.D. 500 and A.D. 1500. Cambridge: Cambridge University Press, 1895. 496 p.
- Felix's Life of Saint Guthlac / ed. B. Colgrave. Cambridge: C.U.P., 1985. 205 p.
- Fell C. E. Some implications of the Boniface Correspondence // *New Readings on Women in Old English Literature* / eds. H. Damico, A.H. Olsen. Bloomington, 1990. P. 29–43.
- Godfrey J. Church in Anglo-Saxon England. Cambridge: Cambridge University Press, 1962.
- Hollis S. Anglo-Saxon Women and the Church. Woodbridge: The Boydell Press, 1992. 323 p.
- Leechdoms, Wortcunning, and Starcraft being a collection of documents / ed. O. Cockayne. Vol. 3. L.: Longmans, Green, 1866. 454 p.
- Lees C.A., Overing G.R. Double Agents: Women and Clerical Culture in Anglo-Saxon England. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2001. 244 p.
- Penitentiale Theodori // *Councils and Ecclesiastical Documents Relating to Great Britain and Ireland* / eds. A.W. Haddan, W. Stubbs. Vol. 3. Oxford: Clarendon Press, 1871. P. 173–204.
- Schulenburg J. T. Forgetful of Their Sex: Female Sanctity and Society, ca. 500–1100. Chicago: University of Chicago Press, 1998. 587 p.
- The Anglo-Saxon Chronicle / ed. & trans. M. Swanton. New York: Routledge, 1996. 364 p.
- The electronic Sawyer. Online catalogue of Anglo-Saxon charters [Official site] URL: <http://www.esawyer.org.uk>
- The Life of Bishop Wilfred by Eddius Stephanus / ed. and trans. B. Colgrave. Cambridge: C.U.P., 1985. 192 p.
- The Life of Saint Leoba by Rudolf, Monk of Fulda // *The Anglo-Saxon Missionaries in Germany* / trans. C.H. Talbot. New York: Sheed and Ward, 1954. P. 204–226.
- Two Lives of Saint Cuthbert / ed. and trans. B. Colgrave. Cambridge: C.U.P., 1985. 375 p.
- Wemple S. Women in Frankish Society: Marriage and the Cloister, 500 to 900. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1981. 368 p.

Болдырева Ирина Ивановна, кандидат исторических наук, доцент, Воронежский государственный медицинский университет им. Н.Н. Бурденко; boldyrevairi@mail.ru

Anglo-Saxon Monastic Women in the 7-8th Centuries

The paper deals with Anglo-Saxon female monasticism in the 7-8th centuries in the wide scope of its social interaction. It analyzes the degree of gender segregation in Anglo-Saxon double monasteries, sisters' relations within and outside of coenobium. It is shown that aristocratic nuns kept in touch with a wide variety of secular and ecclesiastical persons through face-to-face and epistolary contacts. Woman's position in the early Anglo-Saxon church was very favourable. However, abbesses' connections with the higher circles of society did not avert their conflicts with relatives and bishops, as well as administrative and economic problems, associated with monastic property matters.

Keywords: Anglo-Saxon Church, double monasteries, female monasticism, Bede's Ecclesiastical History, Boniface correspondence, Anglo-Saxon hagiography

Irina Boldyreva, Ph. D. in History, Associate Professor, Voronezh State Medical University Named after N.N. Burdenko; boldyrevairi@mail.ru

ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ ЕКАТЕРИНЫ II В ОПИСАНИЯХ БРИТАНСКИХ ПОСЛОВ

В статье анализируются высказывания британских послов при дворе Екатерины II о частной жизни императрицы. Опираясь на секретную переписку дипломатов с госсекретарем Великобритании, а также их мемуары, автор приходит к выводам о том, что наибольшее внимание они уделяли ее взаимоотношениям с сыном, великим князем Павлом Петровичем и с фаворитами, особенно теми из них, кто пользовался заметным влиянием на императрицу (граф Григорий Орлов и князь Григорий Потемкин). Особая склонность фаворитов к английским порядкам (англофилия) позволяла дипломатам использовать их в качестве носителей секретной информации и для оказания влияния на принятие решений императрицы в вопросах внешней политики в интересах Великобритании. Свидетельства послов не всегда отличались объективностью, тем не менее, приведенные ими факты позволяют составить более полное представление как о политике, проводимой Екатериной II, так и о ее личной жизни.

Ключевые слова: *Россия, Великобритания, XVIII век, Екатерина II, великий князь Павел Петрович, послы, фавориты, Григорий Орлов, Григорий Потемкин.*

Жизнь и деятельность великих монархов всегда вызывала интерес историков. Если говорить о российских правителях XVIII в., то наибольшего внимания в историографии заслужили Петр I и Екатерина II, им посвящено множество изданий в нашей стране и за рубежом, и, кажется, трудно написать о них что-то новое. Между тем историческая имагология, изучающая восприятие народами друг друга, позволяет расширить предмет исследования, к примеру, обратившись к представлениям иностранцев о российских монархах¹. В данной статье речь пойдет об оценках частной жизни императрицы Екатерины II британскими послами.

Официальная, дипломатическая деятельность послов, как правило, сочеталась с неофициальной, разведывательной, что подтверждали их донесения госсекретарю в Лондон, а также и записи в дневниках. Король Георг III, направляя в Россию одного из своих послов, графа Бэкингэмшира, наставлял: «Не забудьте постоянно сообщать нам подробности о ходе домашних дел при дворе... о состоянии доходов императрицы, о количестве войска и флота, о политике императрицы... внутренних партиях и волнениях, могущих обнаружиться в государстве». По возвращении на родину король ожидал от посла «подробного и полного письменного отчета» обо всем, что тот заметит при дворе императрицы². Больше всего послов интересовала сама Екатерина II, поэтому практически каждый из них считал своим долгом сообщать руководству не только о ее политике, но и о личной жизни.

Одним из первых дипломатов о Екатерине, еще в бытность ее великой княгиней, написал посол Чарльз Уильямс, прибывший в Россию

¹ В свое время мы затрагивали указанную тему: Лабутина 2017: 149-165.

² Дипломатическая переписка 1873: 20, 22.

летом 1755 г. Екатерина выделила Уильямса на праздновании именин великого князя Петра Федоровича, и между ними завязался разговор, «столь же приятный, сколь и веселый»³. Сэр Уильямс, отличавшийся «пылким воображением и пленительным красноречием», сумел произвести на Екатерину Алексеевну большое впечатление. В свою очередь, ее привлекательная внешность, живой ум, рассудительность, умение вести беседы на разные темы, а также явно выраженное расположение к Англии не оставили равнодушным англичанина. На одном из приемов Уильямс осмелился высказать Екатерине, намекая на ее унижительное положение при дворе Елизаветы Петровны, что «кротость есть достоинство жертв» и призвал молодую княгиню разорвать «узы принужденности», чтобы «жить по своей воле»⁴. А затем он представил Екатерине своего секретаря – молодого поляка графа Станислава Понятовского.

Будущий король Польши был очарован великой княгиней. «Ей было 25 лет, – описывал Понятовский одну из первых встреч с ней. – Черные волосы, восхитительная белизна кожи, большие синие глаза навывкате, много говорившие, очень длинные черные ресницы, острый носик, рот, зовущий к поцелую, руки и плечи совершенной формы, средний рост... походка на редкость легкая и в то же время исполненная величайшего благородства, приятный тембр голоса, смех столь же веселый, сколь и нрав ее... Она много знала, умела приветить, но и нащупать слабое место собеседника. Уже тогда, завоевывая всеобщую любовь, она торила себе дорогу к трону». Красивый поляк также пленил великую княгиню, и вскоре между ними возникла любовная связь «Мы находили необычайное удовольствие в этих свиданиях украдкой, – писала позднее в своих «Записках» Екатерина. – Не проходило недели, чтобы не было одной, двух или трех встреч, то у одних, то у других»⁵. Роман развивался бурно, чему активно способствовал Чарльз Уильямс, «тысячью различных способов» помогаая Понятовскому связываться с Екатериной.

Чем объяснялся интерес посла в поддержании любовной связи великой княгини с Понятовским? Дело в том, что в ту пору здоровье императрицы Елизаветы Петровны заметно ухудшилось, и европейские монархи были озабочены тем, кто наследует российский престол в случае ее кончины. «Особое внимание, – писал А.Г. Брикнер, – обращалось за границу на вопросы престолонаследия; иностранные дипломаты при русском дворе иногда старались содействовать их решению. Отсутствии закона о престолонаследии, недостаток в учреждениях государственного права давали полный простор подобному вмешательству»⁶. Неудивительно, что правительство Великобритании проявляло заинтересованность в том, чтобы после кончины Елизаветы Петровны на троне оказалась Екатерина, а не склонный к прусским порядкам великий

³ Елисева 2010: 258.

⁴ Екатерина II без ретуши 2009: 56.

⁵ Цит. по: Елисева 2010: 298.

⁶ Брикнер 1998: 12.

князь Петр Федорович. Поэтому Уильямс, совместно с великой княгиней, проработал план ее действий после смерти императрицы. По сути, это был план государственного переворота⁷.

В начале августа 1756 г. правительство Речи Посполитой отозвало Понятовского на родину, и влюбленным пришлось расстаться. Опечаленная Екатерина бросается к послу. Она просит Уильямса выслать Понятовскому тысячу червонцев, а также прислать его портрет, полагая, что это немного отвлечет ее «от неприятной перспективы пяти месяцев отсутствия» любимого. В ответ Уильямс советует великой княгине «всеми силами подвинуть возвращение Понятовского в качестве министра», добиваясь в том протекции от канцлера: «Действуйте твердо и мягко!» Екатерина тотчас направляет канцлеру А.П. Бестужеву послание, требуя немедленного возвращения графа⁸. Наконец, Понятовский прибывает в Петербург. У Екатерины появилась реальная возможность встречаться с ним, хотя и тайно, но уже без посредничества Уильямса. Необходимость в постоянной переписке с ним отпала.

Став императрицей, Екатерина с неохотой вспоминала о переписке с британским послом. Продажа информации за деньги, подготовка государственного переворота в интересах иностранной державы⁹, наконец, любовная связь с иностранным подданным – словом все, что нашло отражение в переписке, она старалась поскорее забыть. Не случайно в последних мемуарах знакомство с послом и Понятовским императрица описывала бегло, а о своей роли в событиях, связанных с ними, вообще ни словом не обмолвилась. Как отмечала М.А. Крючкова, 1756 год оказался самым «провальным» в мемуарах Екатерины. Полный вариант мемуаров скорее замалчивает события, чем сообщает о них: «Описание этого года – наглядный пример, как Екатерина-мемуаристка умела молчать и сколько всего она могла оставить за кадром своих “Записок”»¹⁰.

В марте 1758 г. на смену Уильямсу из Англии прибыл посланник Роберт Кейт. В первых своих депешах в Лондон он сообщал об аресте и отставке канцлера А.П. Бестужева и придворных, приближенных к великой княгине. Кейт полагал, что арест Бестужева и усиление позиций французов при императорском дворе были связаны с появлением посла Франции в России. По его мнению, французы «полностью подчинили своей воле великого князя, чтобы впоследствии оттолкнуть от него великую княгиню, которая оказывала на супруга большое влияние». Свообразным «инструментом» в осуществлении их замыслов выступил некто Брокдорф, принимавший вместе с великим князем активное участие в попойках и дебошах, на которые великая княгиня неоднократно жаловалась императрице. «К сожалению, ее жалобы не были услышаны, а ее недруги позаботились о том, чтобы с помощью фальшивых домыслов

⁷ Подробнее см.: Лабутина 2019: 24-26.

⁸ Переписка 1909: 37, 108, 129, 161.

⁹ Подробнее см.: Лабутина 2019: 33-46.

¹⁰ Крючкова 2009: 221.

скомпрометировать великую княгиню в глазах императрицы, поэтому она чувствует себя очень неуютно при дворе», – отмечал Кейт¹¹. Описываемые им события давали яркое представление об унижительном положении Екатерины при Елизавете Петровне, поэтому свершившийся в 1762 г. дворцовый переворот его не удивил. С одной стороны, освещая события тех дней, посланник утверждал, что они были похожи на «внезапную революцию», которая вспыхнула и совершилась «не более как в два часа времени, причем не было пролито ни капли крови», а с другой, подчеркивал, что все происшедшее «замышлялось давно»¹². Действительно, замысел и конкретный план переворота разрабатывался великой княгиней совместно с Чарльзом Уильямсом еще летом 1756 г.

Осенью 1762 г. ко двору Екатерины прибыл посол граф Джон Бэкингэмшир. В своих официальных донесениях он не раз обращался к характеристике императрицы. На его взгляд, Екатерина II «по способностям, познаниям и деятельности стоит неизмеримо выше всех ее окружающих»¹³. Дипломат обратил внимание на особое расположение Екатерины II «перед всеми прочими державами» к Англии, и приводил высказывания императрицы о том, что «Англия всегда будет занимать первое место в ее дружбе»¹⁴. В своих мемуарах Бэкингэмшир признавался, что поначалу не представлял, как непросто будет описать характер и поведение Екатерины II, и лишь только получив возможность часто видеть ее в часы досуга, «когда покров сдержанности и церемонности был отброшен», он решился это сделать. Внешность императрицы разочаровала посла. «Ее лицо и фигура явно изменились к худшему со времени ее восшествия на престол, легко обнаружить следы того, что когда-то она была в высшей степени привлекательной особой, но теперь она – уже не предмет для обожания». Дипломат одобрительно отзывался о политике Екатерины после того, как она «посадила себя на трон». Ее деятельность, по его мнению, была направлена на то, чтобы «сделать своих подданных счастливыми дома и уважаемыми за границей». Для этой цели императрица решила поощрять искусства, науки, торговлю; создать для молодых дворян обоих полов «либеральную систему образования»; расширить преимуществва для людей низших слоев; увеличить государственный доход; контролировать «тиранические действия духовенства»; добиться спокойствия в обществе, а также уважения и добропорядочности, «которые преобладают в других европейских народах»¹⁵.

Однако «столь светлую картину», на взгляд Бэкингэмшира, «затемняют» тщеславие, самомнение, жадность и «вкус к мелочным удовольствиям», присущие императрице. Посол полагал, что она совершает две серьезные ошибки: «низость», с которой принимает «грубое невни-

¹¹ Memoires 2011: 30.

¹² Ibid: 53.

¹³ Дипломатическая переписка 1873: 52-53.

¹⁴ Там же: 69, 99, 62.

¹⁵ Там же: 124.

мание Орловых», и недостаточную привязанность к великому князю. Отмечая негативные черты в характере Екатерины (склонность к политическим интригам, «буйное воображение», нежелание прислушиваться к дружеским советам), дипломат отдавал должное ее смелости и решительности. «Я видел ее на военном смотре, – вспоминал Бэкингэмшир, – когда батальоны, отступая, стреляли. Она стояла близко к тому углу, где они должны были развернуться, ... и матрос, находившийся от нее не более чем в двадцати шагах, был смертельно ранен... В этот момент я разговаривал с ней, и я не заметил в ней иного чувства, кроме жалости к этому несчастному». Решительность Екатерины проявилась и при «низложении ее мужа»: «она должна была или устранить его, или подвергнуться заточению, которое... давно уже задумалось над ней»¹⁶.

Освещая состояние дел при дворе, Бэкингэмшир обратил внимание на то, что среди придворных назревало недовольство усилением позиций ее фаворита графа Григория Орлова: «Императрица ежедневно оказывает Орлову новые знаки своего расположения, предпочтение ее к нему так решительно, что им оскорбляются многие лица, считающие за собой по своему сану, положению и способностям более прав на милости императрицы»¹⁷. В донесении госсекретарю Бэкингэмшир сообщал: «Усиливающаяся милость к Орлову вызывает неудовольствие, которое... может иметь самые гибельные последствия... власть его неограниченна; в последнее время в обращении его появилось такое высокомерие, которое лица, помнящие начало его карьеры, переносят с худо скрытым негодованием. Забывая всякую почтительность и уважение к государыне, он относится к ней с видом человека, сознающего всю силу своего влияния и решившегося употребить его»¹⁸.

В своих мемуарах посол представил характеристику фаворита. Он находил Григория Орлова «не очень воспитанным» и способным рассуждать исключительно на общие темы. Во время одной из бесед Орлов заявил, что, на его взгляд, искусства, науки и «производство изящных вещей вредны для великой и могущественной страны, поскольку они расслабляют ум и тело людей», и что поддерживать необходимо только сельское хозяйство и производство предметов, которые «можно вывозить в необработанном виде». Подобные высказывания графа удивили дипломата, но он счел, что поскольку «воспитанием» и обучением Григория Орлова занимается сама императрица, вероятно, что она «хотела бы оставить его таким, каким ... нашла его, удовлетворившись его рвением... к ее интересам и преданностью к ее особе, что она считает совершенно достаточным, чтобы оправдать свое предпочтение»¹⁹. Не забыл посол упомянуть и о симпатиях Орлова к Англии. «Он любит англичан, считая их откровенным и мужественным народом», – подчерки-

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же: 89.

¹⁸ Там же: 177-178.

¹⁹ Секретные материалы 1999: 118.

вал Бэкингэмшир, добавляя при этом, что свои познания об этой стране граф получил из услышанных им рассказов о цирке Браутона, представления которого любило посещать его семейство. В последнее время, продолжал посол, Орлов «принял ужасно надутый и глубокомысленный вид, что придало ему натянутость и угрюмость, вовсе не свойственные его характеру. Он небрежно одевается, курит, часто ездит на охоту и не так неуступчив встречным красавицам, как следовало бы... из благодарности». Ошибочно считают, что императрица равнодушна к его мимолетным увлечениям, полагал дипломат²⁰.

Любовная привязанность Екатерины к Григорию Орлову длилась не один год. Неудивительно, что посол Чарльз Кэткарт, прибывший в Россию в феврале 1768 г., тоже обращался к его характеристике в своих донесениях в Лондон. Однако его оценки фаворита разительно отличались от тех, которые давал его предшественник. Григорий Орлов, отмечал Кэткарт, «одарен всеми преимуществами привлекательной наружности и манер, которые весьма почтительны по отношению к императрице, а с другими исполнены достоинства и вежливости». Посол считал Орлова «кротким, человеколюбивым и всем доступным». Особенно импонировало Кэткарту в Орлове его стремление к самообразованию. Поскольку прежде он получил лишь «незначительное образование», но от природы был одарен «богатыми способностями», то в последние годы много и успешно трудился «с целью себя образовать». Дипломат не скрывал своего восхищения Орловым: «Я никогда не знавал человека с лучшими намерениями, большей правдивостью и откровенностью, более скромным понятием о собственных достоинствах и более здравым, хотя и не глубоким пониманием»²¹.

Из разговора во время бала, на котором императрица уделила внимание послу, Кэткарт узнал о ее распорядке дня. Начиная с пяти утра, Екатерина II ежедневно занимается делами, предпочитая лично руководить «всяким делом, вникая в малейшие его подробности». Предметом ее разговора, продолжал посол, всегда служат «различные улучшения» относительно дел в империи, о чем она рассуждает «не только не напыщенно, но даже без всякой примеси важности или серьезности»²². Кэткарт подметил, что «императрица обладает необыкновенной способностью нравиться», чем пользуется «с видимым удовольствием»²³.

Характеристике императрицы и ее ближайшего окружения большое внимание уделил посол Роберт Ганнинг, в 1772 г. сменивший Кэткарта. Его первые впечатления о Екатерине II были нелицеприятными. В послании госсекретарю он утверждал: императрица далеко не популярна в своей стране и даже не стремится к этому; «она нисколько не любит своего народа и не приобрела его любви». Екатериной II, полагал

²⁰ Там же: 118-119.

²¹ Дипломатическая переписка 1876: 15-16.

²² Там же: 356-357.

²³ Там же: 364.

он, движет исключительно «безграничное желание славы», достижение которой служит для нее целью, «гораздо выше истинного блага страны, ею управляемой». Дипломат обратил внимание на непопулярность в обществе «любимца» императрицы – Григория Орлова. Екатерина пыталась его привлечь к управлению государством. Для этой цели она ввела его в Совет, хотя, по мнению Ганнинга, он и подает свое мнение в качестве его члена, но «все им высказываемое предварительно внушается ему императрицей». Екатерина «желала и намеревалась образовать» своего фаворита, чтобы занять его делами и даже доверить ему министерство иностранных дел. Однако «совершенное отсутствие в нем трудолюбия» заставило ее отказаться от этой идеи.

Ганнинг не раз касался темы фаворитов императрицы. Так в сентябре 1772 г. он отметил в своей депеше, что произошло «возвышение нового любимца», камер-юнкера А.С. Васильчикова. Посол полагал, что его приближение к императрице может вызвать «некоторые перемены», поскольку Екатерина должна «положить конец милости его предшественника», хотя его личные качества не позволяли ему возвыситься до значения, принадлежавшего графу Орлову²⁴. Ганнинг считал, что поскольку Григорий Орлов и его брат заслужили милость императрицы, так как она «обязана им своей короной», их преданность интересам Англии можно было бы использовать в своих целях. Назначение же преемника, сменившего Орлова, послужит, на взгляд посла, «едва ли не сильнейшим заявлением слабости и пятном в характере Ее Императорского Величества и ослабит высокое мнение, распространенное о ней столь повсеместно и в значительной степени заслуженное ею»²⁵.

В 1774 г. на смену Васильчикову пришел новый «любимец» – генерал Г.А. Потемкин. Об этом, как охарактеризовал его дипломат, «новом зрелище», заслуживающем более внимания, чем все другие события, происходившие с самого начала царствования Екатерины II, Ганнинг сообщал следующее. Васильчиков, любимец, «способности которого были слишком ограничены для приобретения влияния в делах и доверия своей государыни, теперь заменен человеком, обладающим всеми задатками, для того чтобы овладеть и тем, и другим в высочайшей степени... Обстоятельство это всех не только удивило, но даже поразило»²⁶. Касаясь послужного списка генерала Григория Потемкина, Ганнинг сообщал, что тот прибыл ко двору из армии, где находился во все время продолжения Русско-турецкой войны, и где, как слышал посол, «его терпеть не могли». «Во время революции (дворцовый переворот 1762 г. – Т.Л.) он являлся сержантом гвардии, но, будучи креатурой Орловых и принимая деятельное участие в этом деле», был повышен в звание камер-юнкера и, благодаря своему назначению, получил возможность часто встречаться с императрицей. Неудивительно, что поведение

²⁴ Там же: 314-315.

²⁵ Там же: 327-328.

²⁶ Там же: 405-406.

Потемкина «возбудило ревность» его покровителя, графа Орлова, который изыскал предлог для того, чтобы отправить его в Швецию. По возвращении он жил уединенно вплоть до Русско-турецкой войны. Вскоре после начала войны он получил чин генерал-майора. Ганнинг описал внешность нового «любимца» императрицы. Потемкин, отмечал он, «громадного роста, непропорционального сложения и в наружности его нет ничего привлекательного». «Судя по тому, что я о нем слышал, он, кажется, знаток человеческой природы и обладает большей проницательностью, чем вообще выпадает на долю его соотечественников при такой же, как у них, ловкости для ведения интриг и гибкости, необходимой в его положении». Ганнинг отметил религиозность фаворита: «хотя распущенность его нравов известна, тем не менее, он единственное лицо, имеющее сношения с духовенством». С этими качествами, заключал дипломат, генерал может подняться до той высоты, «к какой стремится его безграничное честолюбие»²⁷. Ганнинг обратил внимание на укрепление позиций Потемкина при дворе: «Хотя нигде любимцы не возвышаются так внезапно, как в этом государстве, однако, даже здесь еще не было примера столь быстрого усиления власти, какого достигает настоящий любимец»²⁸. О значительном влиянии Потемкина на императрицу не только в выборе фаворитов, но и в государственных делах сообщал в Лондон и посол Джеймс Гаррис в мае 1779 г. «Князь Потемкин управляет ею (императрицей – Т.Л.) самым неограниченным образом; изучив до тонкости ее слабости, желания и страсти, он пользуется ими, направляя их согласно со своими целями»²⁹.

Многих дипломатов при дворе Екатерины II приводила в недоумение расточительность императрицы, которая распространялась не только на всевозможные празднества при дворе. Самой значительной статьей в ее расходах, на взгляд послов, являлись траты на фаворитов. Так, Гаррис обращал внимание на «великолепные прощальные подарки» «любимцам» императрицы. «Со времени моего приезда сюда, – писал он госсекретарю, – на это ежегодно тратилось не меньше миллиона рублей, кроме огромных пенсий князей Орлова и Потемкина»³⁰.

Мимо внимательного взгляда Гарриса, не прошла череда любовников Екатерины, которые менялись за время его присутствия при дворе с 1777 по 1783 гг.³¹ О каждом из них Гаррис сообщал в Лондон. Возможно, делалось это не только с целью скомпрометировать императрицу в глазах общественного мнения и правящих кругов Великобритании, но и чтобы привлечь кого-нибудь из фаворитов в качестве информатора. Первым из них был С.Г. Зорич. Он появился при дворе в 1777 г. в каче-

²⁷ Там же: 405-407.

²⁸ Там же: 412-413.

²⁹ Лорд Мальмсбюри 1874, № 7: 152-153.

³⁰ Лорд Мальмсбюри 1874, № 11: 841.

³¹ Подробнее о фаворитах Екатерины II см.: Гельбиг 1999; Евгеньева 1989; Екатерины II и её фавориты 2004.

стве адъютанта князя Потемкина и был назначен командиром личной охраны императрицы. Гусар, не имеющий образования, задержался в ее покоех недолго: осенью 1779 г. после ссоры с Потемкиным он был выслан из Петербурга. Преемником Зорича стал И.Н. Римский-Корсаков. Зорич в качестве отступного получил прибавку к пенсии, «огромную сумму наличных денег», а также 7 тыс. крестьян в дополнение к именьям. Что же касается Римского-Корсакова, то уличенный в интимных отношениях с графиней Брюс, он очень быстро лишился доверия императрицы и был отправлен «для поправки здоровья» на воды.

В дипломатической переписке Гарриса больше всего информации сохранилось об А.Д. Ланском, которого императрице рекомендовал все тот же Потемкин. Ланской, писал дипломат, родом из Смоленской губернии, служил в кавалергардах, и со времени пребывания в Петергофе постоянно обращал на себя внимание императрицы. Гаррис подчеркивал, что поначалу Потемкин противился его возведению в статус официального фаворита, но после того, как Екатерина даровала ему самому на день рождения 900 тыс. рублей, «землею и деньгами», он согласился на назначение Ланского. Новый фаворит, продолжал дипломат, «молод, красив и, как говорят, чрезвычайно уживчив». Гаррис не сомневался, что назначение Ланского еще больше «усилит власть Потемкина»³².

Императрица привязалась к Ланскому, и когда тот серьезно заболел, сильно переживала, даже забросила все государственные дела. Однако в письме госсекретарю от 7 мая 1781 г. Гаррис сообщал: «Я слышал, что новый любимец, Мордвинов, давно уже исполнявший обязанности этого звания, через несколько дней будет возведен во все почести, с ним соединенные, и что Ланской, пользующийся пока этим титулом, уже передает ему свои комнаты во всех дворцах». Гаррис обращал внимание на реакцию окружения императрицы на это событие: «Двор представляет картину смятения и невнимательности, особенно потому, что Ланской вел себя так безукоризненно, что не подал ни малейшего повода к тому, чтобы его отставить. Он не ревнив, не непостоянен, не дерзок и жалуется на немилость, приближение которой предвидит, таким трагическим образом, что государыня и ее доверенные лица равно озадачены насчет того, как от него отделаться без жестокости»³³. Как всегда, подчеркивал Гаррис, выгодами от перемены фаворитов воспользуется князь Потемкин, чтобы получить для себя не менее 700 тыс. рублей.

Однако прогнозам Гарриса о скорой отставке Ланского не суждено было сбыться. В депеше от 8 марта 1782 г. посол вновь пишет о сложностях, которые возникали с решением участи Ланского, который вел себя «с совершенной угодливостью и осторожностью, так что нет возможности его в чем-либо обвинить. Он... остается верным своему безразлично-спокойному характеру». Подобные качества фаворита, а также то, что

³² Лорд Мальмсбюри 1874, № 7: 179.

³³ Лорд Мальмсбюри 1874, № 11: 777-778.

он никогда не вмешивался в политические интриги, предпочитая заниматься изучением иностранных языков и философии, позволили ему удержаться в милости у Екатерины вплоть до своей кончины. Ланской скончался от горячки 15 июня 1784 г. Ходили слухи, что он был отравлен, либо злоупотребил лекарством, повышающим потенцию – афродизиаком. Екатерина тяжело переживала кончину своего «любимца».

Особое внимание дипломаты уделяли тем фаворитам Екатерины, кто мог оказать влияние на императрицу – Григорию Орлову и Григорию Потемкину. Когда Кэткорт заметил, что Орлов пользуется расположением императрицы, он решил с ним сблизиться, полагая, что граф, как и императрица, являлся «горячим сторонником Англии», хотя называл себя «русским патриотом». «Граф Орлов при всяком удобном случае оказывает мне совершенно особую и радушную внимательность, – информировал Кэткорт госсекретаря, – так что я уверен в нем по поводу всех вопросов, какие мне случится с ним обсуждать»³⁴. Посол не ошибся. Григорий Орлов и в самом деле был к нему расположен и даже оказал Кэткарту содействие в организации приема императрицы в доме британского посла. Кэткорт заметил также, что вниманием Орлова пытаются воспользоваться многие приближенные к императрице лица. Отставка Григория Орлова явилась, по признанию Кэткарта, «большой потерей» для англичан. «Он и брат его [Алексей Орлов] ...искренно преданы Англии. <...> он по занимаемому им положению мог... принести нам большую пользу, и достойно сожаления, что в течение последних четырех лет при его посредстве не было сделано более»³⁵.

Посол Ганнинг тоже не сомневался, что Григорий Орлов и его брат Алексей расположены к интересам английского королевства. Ганнинг получил от Григория Орлова несколько писем, «закрывающих сильнейшие уверения в почтении его и его брата к Его Величеству, в преданности их интересам Великобритании и в желании их оказать нам все зависящие от них услуги»³⁶. Неудивительно, что, когда Орлов приехал в апреле 1773 г. в Петербург и появился во дворце, где был «чрезвычайно отличен императрицей», и она предложила ему возглавить «начальство над армией», англичане отнеслись к этому событию с воодушевлением. Однако их надеждам не суждено было сбыться: Орлов отказался принять на себя руководство армией, и потому, заключал Ганнинг с долей цинизма, он вряд ли сможет быть полезен англичанам³⁷.

А вскоре Григорий Орлов серьезно заболел: лишился рассудка. Его болезнь повергла императрицу в «глубокое горе». 4 ноября 1782 г. Гаррис сообщал в Лондон: «Кажется, никогда в продолжение всей ее жизни, чувства ее не были так сильно и тяжело потрясены, как этим грустным событием, поразившим ее первого любимца, человека, который по-

³⁴ Дипломатическая переписка 1876: 45, 133.

³⁵ Там же: 164, 327.

³⁶ Там же: 342.

³⁷ Там же: 352-353.

стоянно оставался предметом ее главной привязанности, если не страсти». Екатерина обращается с ним с «самым нежным участием»: запрещает жестокие методы лечения, противится заключению его в закрытое лечебное заведение, позволяет ему посещать двор и принимает его «во всякий час» даже, если занята важными делами. «Его настроение, его дикие и бессвязные речи всякий раз огорчают ее до слез и расстраивают до такой степени, что во весь остальной день она неспособна ни к удовольствиям, ни к занятиям». Гаррис подметил, что Орлов нередко говорит ей «самые неприятные вещи». Однажды он воскликнул, что «раскаяние и угрызения совести довели его до сумасшествия и что участие, некогда принятое им в черном деле (по-видимому, убийстве Петра III – Т.Л.), навлекло на него наказание Божие»³⁸.

Князя Потемкина Джеймс Гаррис неоднократно называл «своим другом», либо «приятелем»³⁹. Определяющим в дружеском расположении к князю, судя по всему, посол считал его симпатии к Англии. В депеше в Лондон в августе 1780 г. он писал: «Я, имев случай окончательно изучить его [Потемкина] характер, дошел до убеждения, что... он действительно ...расположен быть нашим другом»⁴⁰. Гаррис не сомневался, что Потемкин стремился делать все «в пользу» англичан и желал убедить посла, что «старался об наших выгодах с большим влиянием и силой»⁴¹. Он встречался с князем довольно часто, нередко в его доме, в любое время суток, если того требовали их общие дела. «Когда все удалились, мы с ним [Потемкиным] имели весьма продолжительный и интересный разговор, – сообщал Гаррис в Лондон. – Он ...говорил о характере императрицы, о настоящем состоянии империи и о личном своем положении... доказывая... самое полное доверие к ...умению сохранять тайну»⁴². Не исключено, что князь Потемкин делился с британским послом информацией, явно не предназначенной для иностранца. Потемкин позволял Гаррису знакомиться с перепиской императрицы с главами других государств⁴³. Но самое главное, он мог оказывать влияние на Екатерину II. Гаррис подчеркивал, что выбор фаворитов для императрицы, как правило, производил сам князь. Естественно, что это были лица, преданные ему лично. Когда же не удавалось провести своего протеже, то Потемкин всячески противился выбору предполагаемого «любимца». Для этой цели, отмечал Гаррис, он употреблял «все средства, подсказанные ему его хитростью и влиянием его на императрицу»⁴⁴. Гаррис сообщал в Лондон: «Князь Потемкин управляет ею самым неограниченным образом; изучив до тонкости ее слабости, желания и страсти, он

³⁸ Лорд Мальмсбюри 1874, № 11: 869-870.

³⁹ Там же: 773, 778., 782.

⁴⁰ Лорд Мальмсбюри 1874, № 8: 399.

⁴¹ Там же: 382.

⁴² Там же: 407.

⁴³ Лорд Мальмсбюри 1874, № 11: 753.

⁴⁴ Лорд Мальмсбюри 1874, № 6: 1501.

пользуется ими ...согласно со своими целями». Кроме этого «сильного влияния», продолжал посол, он «держит ее в постоянном страхе» из-за опасений великого князя и утверждает, что только он «может вовремя открыть злоумышление с этой стороны и защитить ее от него».

Описывая частную жизнь Екатерины II, дипломаты уделяли особое внимание также ее отношениям с сыном, великим князем Павлом Петровичем⁴⁵. Будущий наследник российского престола представлял далеко не праздный интерес для правящих кругов Великобритании, и потому послы внимательно наблюдали за поведением великого князя, а также его окружением, в особенности теми, кто оказывали на него влияние.

В то время, когда в Россию прибыл граф Бэкингэмшир, цесаревичу исполнилось чуть больше 10 лет, в этом возрасте он не мог играть заметную роль при дворе. Возможно, поэтому Бэкингэмшир в своих мемуарах написал о нем немного, отметив, что великий князь «хорош фигурой и элегантно танцует», «живо все воспринимает» и отличается хорошей памятью. Дипломат отметил также, что великий князь, хотя и не выказывает особого прилежания, тем не менее «имеет лучшие познания, чем обычно имеют принцы в его возрасте». Поскольку его учителя «способны и усердны», а императрица «не дает ему особой поблажки», то он сможет достичь значительных успехов, заключал посол⁴⁶.

Ганнинг уделил больше внимания характеристике великого князя⁴⁷. Первое знакомство позволило послу составить представление о его характере и наклонностях. «Беспечность и необдуманность, как кажется, не составляют его недостатков, но критические обстоятельства, его окружающие, до того развили в нем природную скрытность, – докладывал Ганнинг в Лондон, – что он, по-видимому, ничем не интересуется и не обращает внимания ни на что, кроме пустых забав». Посол подметил перемены в отношении Екатерины II к сыну после того, как тот достиг совершеннолетия. «В последнее время он встречает со стороны императрицы внимание, с которым она не привыкла относиться к нему, что доказывает, что ее опасения усиливаются». Ганнинг полагал, что Павел Петрович надеялся, что ему наконец-то будет предоставлена «некоторая независимость и составлен двор», однако этого не произошло⁴⁸.

Недоброжелатели императрицы, считавшие, что к Павел Петрович должен занять трон на законных основаниях, стали проявлять к нему симпатии. Иностранцы внимательно следили за развитием событий. Французский просветитель Д. Дидро, гостивший в ту пору при дворе императрицы, рассыпаясь в комплиментах Екатерине, не забывал и о великом князе. «Лесть его относительно великого князя была так же сильна, – писал Ганнинг, – но к чести этого молодого принца он оказал ей не менее презрения, чем отвращения к его пресловутым и зловердным

⁴⁵ Подробнее об этом см.: Лабутина 2019: 394–407.

⁴⁶ Дипломатическая переписка 1873: 123.

⁴⁷ Подробнее о великом князе Павле Петровиче см.: Терещук 2011; Песков 2017.

⁴⁸ Дипломатическая переписка 1876: 300.

принципам философии». 5 января 1773 г. в секретном послании в Лондон Ганнинг отмечал: французские эмиссары «намекали несколькими лицам», что интересы России требуют вступления на престол великого князя. Посол утверждал: императрица полагает, будто новые министры Франции и Испании едут в Россию «с надеждой на возможность революции», но Ганнинг считал, что Екатерина нашла способ повлиять на сына, дав согласие на его брак. Посол предлагал своему руководству занять более активную позицию по отношению к великому князю: «Не следует ли заранее оказать внимание этому молодому принцу, который склонен к лести и может быть расположен в нашу пользу, по крайней мере, в настоящую минуту знаками отличия и внимания и бездельными подарками, как например английские экипажи, лошади и т.д.»⁴⁹.

Ганнинг подметил, что большое влияние на великого князя оказывала его супруга Наталья Алексеевна. Императрица как-то заявила, что обязана великой княгине за то, что «ей возвращен ее сын» и что она докажет ей свою признательность за такую услугу. И, действительно, подтверждал Ганнинг, Екатерина II «никогда не пропускает случая приласкать эту принцессу, которая, обладая даже меньшим умом, чем великий князь... приобрела над ним сильное влияние». Посол пришел к выводу: ее общество «составляет единственное отдохновение великого князя. Он подчеркивал, что Павел «не имеет никакого характера», легко подвержен влиянию других лиц, и этим пользуется императрица, которая выбирает из его окружения людей, способных в значительной степени внушить ему те мысли, которые она сочтет нужным»⁵⁰.

Особое внимание отношениям императрицы с сыном уделил посол Гаррис. Описывая характер великого князя, его образование и воспитание, он подчеркивал, что до первого своего брака Павел Петрович находился «в самом полном повиновении» у императрицы, был окружен теми лицами, которых она назначила, и «если он имел некоторую сыновнюю привязанность, то происходила она больше из страха, чем из сердечного чувства». Гаррис обращал внимание на то, что его первая супруга Наталья Алексеевна сумела «отыскать искусство управлять им». Явно под ее влиянием Павел удалил немногих друзей, которых до этого выбрал сам, и с тех пор «его общество, его развлечения, даже самые чувства, все вполне подчинилось его жене», но подобное подчинение супруге не принесло радости великому князю: «нрав его из живого и быстрого сделался грустным, тяжелым и апатичным». Завершая характеристику великого князя, Гаррис констатировал: Павел Петрович, «не будучи одарен высшими способностями... обладает достаточной долей понятливости, чтобы управлять страной»⁵¹. Однако, спустя полгода, Гаррис изменил свое мнение, полагая, что Павел Петрович «вследствие природной застенчивости и непостоянства нрава, которое не сглажива-

⁴⁹ Дипломатическая переписка 1876: 340-341.

⁵⁰ Дипломатическая переписка 1876: 409-410.

⁵¹ Лорд Мальмсбюри 1874, № 6: 1503-1505.

ется с годами, окажется неспособным управлять этой огромной и буйной империей»⁵². Видимо, подобного мнения придерживалась и императрица, когда решила сделать своим престолонаследником старшего внука Александра, о чем посол докладывал в Лондон в декабре 1782 г.⁵³

Отношения императрицы с сыном оставались сложными. В ряде своих депеш Гаррис обращал внимание на полную подчиненность, даже в мелочах, великокняжеского двора императрице, без ее разрешения «никто не имеет доступа к великокняжеской чете». Фавориты Екатерины относились к молодым супругам с высокомерием и равнодушием. «С великим князем и великой княгиней Потемкин и его партия обращаются, как с лицами, не имеющими никакого значения, – докладывал Гаррис в Лондон. – Великий князь чувствует это пренебрежение и имеет слабость говорить о нем, хотя не властен сделать ничего более»⁵⁴. Посол обращал внимание на «обидное равнодушие» Екатерины к сыну и невестке, которое подчас граничило «с презрением и ненавистью».

Справедливости ради стоит отметить, что при сложном характере отношений Екатерины с сыном она не скупилась в расходах на его содержание и на его прихоти. Как отмечал К. Валишевский, Павел получал 175 тыс. руб. в год для себя и 75 тыс. руб. для своей жены, не считая денег, отпускаемых на его двор. Таким образом, с материальной стороны Павел «был обставлен очень прилично». Тем не менее, он постоянно нуждался в деньгах и, чтобы раздобыть их, прибегал даже к таким «постыдным средствам, как соглашение с поставщиками императрицы»⁵⁵.

***

Итак, как показал анализ свидетельств британских послов о личной жизни Екатерины II, наибольшее внимание они уделяли ее взаимоотношениям с фаворитами, особенно тем из них, кто пользовался заметным на нее влиянием – графу Григорию Орлову и князю Григорию Потемкину. Особая склонность к английским порядкам (англофилия) позволяла дипломатам использовать их в качестве источника секретной информации, касающейся императрицы, а также для оказания влияния на принятие ее решений во внешней политике. Свидетельства послов не всегда отличались объективностью. Тем не менее, приведенные ими факты дают возможность составить более полное представление не только о внутренней и внешней политике, проводимой Екатериной II, но и о ее личной жизни, обогатив новыми деталями исторический портрет великой российской императрицы.

Источники

Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе// Сборник императорского русского исторического общества. Т. XII. СПб., 1873.

Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе// Сборник императорского русского исторического общества. Т. XIX. СПб., 1876.

⁵² Лорд Мальмсбюри 1874, № 7: 153-154.

⁵³ Лорд Мальмсбюри 1874, № 11: 876.

⁵⁴ Лорд Мальмсбюри 1874, № 7: 146.

⁵⁵ Валишевский 2003: 23.

- Лорд Мальмесбюри в России// Русский архив. М., 1866. Т. I, № 4.
 Лорд Мальмесбюри в России в царствование Екатерины II // Русский архив. М., 1874. Т. I, №№ 6-8, 11.
 Письма Екатерины к Понятовскому // Тайны и истории Екатерины II в воспоминаниях современников, оценках историков. М., 1998.
 Переписка великой княгини Екатерины Алексеевны и английского посла Чарльза Г. Уильямса. 1756 и 1757 гг. М., 1909.
 Секретные материалы, относящиеся к кабинету в Санкт-Петербурге // Вопросы истории. М., 1999, № 4-5.
 Memoires and Correspondence (Official and Familiar) of Sir Robert Murray Keith. L., 2011. Vol. 1.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Брикнер А. История Екатерины Второй. М., 1998 [Brikner A. Istoria Ekaterini Vtoroi. M., 1998]
 Валишевский К. Павел I. М., 2003 [Valishevskii K. Pavel I. M., 2003].
 Гельбиг Г. фон. Русские избранники. М, 1999 [Gelbig G. fon. Russkii izbranniki. M., 1999].
 Евгеньева М. Любovníки Екатерины. М., 1989 [Evgenieva M. Lubovniki Ekaterini. M., 1989]
 Екатерина II без ретуши. СПб., 2009 [Ekaterina II bez retushi. SPb, 2009].
 Екатерина II и её фавориты. Черты. Свидетельства. Случаи. Анекдоты. Шутки. М., 2004. [Ekaterina II i ee favoriti. Cherti. Svidetelstva. Sluchai. Anekdoti. Shutki. M., 2004].
 Елисеєва О.И. Молодая Екатерина. М. 2010 [Eliseeva. O.I. Molodaya Ekaterina. M., 2010].
 Крючкова М.А. Мемуары Екатерины II и их время. М., 2009 [Kruchkova M.A. Memuari Ekaterini II i ih vremya. M., 2009].
 Лабутина Т.Л. От Ивана Грозного до Екатерины II: Российские монархи в восприятии британцев// Новая и новейшая история. 2017, № 5 [Labutina T.L. Ot Ivana Groznogo do Ekaterini II. Rossiiskii Monarhi v vospriatii britananzev// Novaya i noveishaya istoria. 2017, №5]
 Лабутина Т.Л. Британские дипломаты и Екатерина II. Диалог и противостояние. СПб., 2019. [Labutina T.L. Britanskii diplomati i Ekaterina II. Dialog i protivostoyanie. SPb., 2019]
 Песков А.М. Павел I. М., 2017 [Peskov A.M. Pavel I. M., 2017].
 Терещук А.В. Павел I. Жизнь и царствование. М., 2011 [Tereshuk A.V. Pavel I. Shizn i zarstvovanie. M., 2011].
 De Madariaga I. Britain, Russia and the Armed Neutrality of 1780. New Haven, 1962.

Лабутина Татьяна Леонидовна, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН; tlabutina2007@yandex.ru

Private life of Catherine II in the descriptions of British ambassadors

The article analyzes the statements of the British ambassadors at the court of Catherine II about the private life of the Empress. Based on the secret correspondence of diplomats with the Secretary of state of Great Britain, as well as their memoirs, the author comes to the conclusion that the greatest attention they paid to her relationship with her son Grand Duke Paul Petrovich, as well as with favorites, especially those who enjoyed a noticeable influence on the Empress (count Grigory Orlov and Prince Grigory Potemkin). The special propensity of favorites to the English order (anglophilia) allowed diplomats to use them as carriers of classified information, as well as to influence the decisions of the Empress in matters of foreign policy in the interests of Great Britain. Although the evidence of the ambassadors was not always objective, nevertheless, the facts given by them allow us to form a more complete picture of the policy pursued by Catherine II and also of her personal life, thereby enriching with new details the historical portrait of the great Russian Empress.

Keywords: Russia, Great Britain, XVIII century, Catherine II, Grand Duke Pavel Petrovich, ambassadors, favorites, Grigory Orlov, Grigory Potemkin

Tatiana Labutina, Dr.Sc. (History), Professor, Leading Research Fellow, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; tlabutina2007@yandex.ru

**БЮРОКРАТИЧЕСКИЙ, НАУЧНЫЙ И ГЕНДЕРНЫЙ
ДИСКУРСЫ АРХИВНОГО «ДЕЛА ОБ УРОДЛИВОЙ КУРИЦЕ»**

В статье рассматривается исторический казус, отложившийся в архивном деле, хранящемся в РГИА, связанный с обнаружением в Тульской губернии уродливой курицы. Решение судьбы этой курицы потребовало вмешательства целого ряда лиц, включая чиновников самого высокого ранга, министров полиции и народного просвещения. По мнению автора, это свидетельствует об утвердившемся бюрократическом стиле рассмотрения любых вопросов. Характерной чертой этого стиля является неприятие ответственности решения нижестоящими служащими. Описание курицы, подготовленное профессором Московского университета, позволяет реконструировать научный дискурс, а представления об уродстве курицы дают основания для характеристики эстетических и гендерных представлений эпохи.

Ключевые слова: *бюрократический стиль управления, научный дискурс, эстетические представления, гендерные стереотипы, Российская империя*

В бюрократической системе индивиды взаимодействуют, с одной стороны, по формальным нормам служебных отношений, а с другой – согласно принципам неформальных межличностных контактов¹. Архивное дело Министерства народного просвещения с интригующим названием «Дело о доставлении уродливой курицы», датированное 1815 г.², позволяет реконструировать эти отношения и контакты на начальном этапе складывания российской бюрократической системы, а также охарактеризовать научный и гендерный дискурсы эпохи.

Хронологическая канва истории курицы очень проста: ее обнаружили в Тульской губернии в 1815 г., доставили в Московский университет для изучения, потом приняли решение об изготовлении из нее чучела и опубликовали книжку-описание с приложением изображений. Вся «куриная» эпопея заняла несколько месяцев лета-осени 1815 года, но она позволяет нам увидеть бюрократические практики, оценить стиль принятия решений, понять ценности чиновничьей элиты. Именно этими «боковыми» сюжетами и интересна история уродливой курицы.

Не то чтобы эта курица была как-то особенно страшна: век Просвещения оставил в наследство интерес к любым редкостям, и «уродами» называли живых существ, имевших серьезные отклонения от стандарта. Эта курица, среднего размера особь с жемчужно-серым оперением, обладала одной исключительной чертой, выделяющей ее на фоне остальных птиц: ее голова не имела клюва, а образовавшийся вместо него нарост делал ее похожей на старообразное лицо человека. Вот эта особенность и сделала ее «уродливой», а судьбу – столь примечательной, что ею занялись высшие чиновники Российской империи, включая двух министров (народного просвещения и полиции), хотя в их долж-

---

¹ Кунавин 2017: 14.

² РГИА. Ф. 733. Оп. 29. Д. 230.

ностные обязанности решение вопросов о курице (даже уродливой!), безусловно, не входило.

Курица была обнаружена в Тульской губернии. У какого-то крестьянина (имя его не зафиксировано в документах) ее приобрел Белевский городничий (имя его также не фигурирует в деле). Дальше курица (вернее, информация о ней) поднималась по ступенькам должностной лестницы все выше и выше. Белевский городничий сообщил своему начальнику, Тульскому гражданскому губернатору, о приобретении этой курицы как о значимом, достойном внимания начальства событии. С Тульским гражданским губернатором в 1815 г. ситуация была неоднозначной. В современной литературе указывается, что с 1814 г. должность тульского гражданского губернатора исполнял генерал-майор Иван Григорьевич Лагода³, но «дело об уродливой курице» неопровержимо свидетельствует, что для всех инстанций губернатором и в 1815 г. продолжал быть генерал-лейтенант Николай Иванович Богданов (1751–1829). Судя по архивным документам, информация о том, что в 1814 г. Богданов был отстранен от должности⁴ или вышел в отставку, является недостоверной. В прошлом военный (командир последовательно конно-артиллерийского батальона, артиллерийских бригад, инспектор конной артиллерии), затем Тульский гражданский губернатор (с 1811 г.), Богданов с 1815 г. был под проверкой Сената. Позднее, в 1818 г., Сенат признал его виновным в стяжательстве, объявил неблагонадежным чиновником, а Александр I лишил его звания генерал-лейтенанта и двух орденов, Св. Владимира большого креста 2-й степени и Анны 1 класса, полученных на гражданской службе в 1814–1815 гг.⁵ Возможно, находящийся под проверкой Сената Богданов решил использовать историю с курицей, чтобы напомнить о себе главе министерства полиции, также бывшему военному С.К. Вязмитинову (Главноуправляющий Министерством полиции Сергей Кузьмич Вязмитинов (1744–1819) был первым военным министром России (1802–1808), председателем Комитета министров (1812–1816), министром полиции (1812–1819), главнокомандующим в Санкт-Петербурге (1805, 1812), санкт-петербургским военным генерал-губернатором (1816–1818)). Не исключено, что таким изящным способом (отсылка информации о найденной диковинке) отстраненный от дел Богданов задействовал пружины корпоративной солидарности.

Возможно, история с природной редкостью была способом в целом привлечь внимание к собственной персоне, ведь в изданной профессором Московского университета Фишером монографии, посвященной описанию курицы, в самом начале сообщается, что курица прислана в университет «Его Превосходительством, Г-м Тульским Гражданским Губернатором, Тайным Советником, Ордена Святыя Анны 1-го класса и

³ Губернии Российской империи... 2003: 310.

⁴ Вальтер 2017.

⁵ Королёва, Морозова, Тихоненкова 1997: 37–40.

разных других Кавалером, Николаем Ивановичем Богдановым»⁶. Архивное дело свидетельствует, что лавры «отправителя курицы» Богданов получил незаслуженно, но пытаться «разыграть карту» любознательности было правильным ходом для той поры: Просвещение ориентировалось на идею о том, что «образцовый воспитанник – дворянин любознательный»⁷, и в этом смысле типичными продуктами Просвещения, любознательными дворянами, были все главные действующие лица «дела об уродливой курице».

Итак, мы не знаем истинных мотивов Богданова, но в послании Вязмитинову говорится, что из любопытства он приказал доставить эту птицу ему. Голова курицы произвела на находящегося под проверкой губернатора столь большое впечатление, что он приказал сделать с нее рисунок и 3 июня 1815 г. отправил донесение о появлении курицы, вместе с приложенным рисунком и информацией об ее питании, в Петербург, главноуправляющему министерством полиции С.К. Вязмитинову⁸. Богданов сообщал, что хотел бы отправить министру саму курицу, но из-за слабости ее состояния не решился этого сделать.

Вязмитинов рассмотрел рисунок и решил, что курица годится для собрания редкостей, а поместить ее в такое собрание и оценить «некоторую игру природы»⁹ сможет известный любитель натуральной истории министр народного просвещения граф А.К. Разумовский, занимавший этот пост в 1810–1816 гг. Граф Алексей Кириллович Разумовский (1748–1822), старший сын графа К.Г. Разумовского, последнего гетмана Запорожского войска, одного из богатейших людей России, получил исключительно качественное домашнее образование, при этом естественные науки всегда были его особой страстью. Как попечитель Московского учебного округа в 1807–1810 гг., А.К. Разумовский покровительствовал Обществу испытателей природы¹⁰.

20 июня 1815 г. Вязмитинов отправил рисунок курицы и копию донесения Тульского гражданского губернатора Разумовскому. Описание курицы произвело впечатление и на министра народного просвещения, а рисунок с ее изображением он оставил у себя. Разумовский принял решение организовать передачу курицы для исследования в Московский университет и сообщил об этом Вязмитинову¹¹. Так «сработали» горизонтальные связи между министрами, а затем «заработала» вертикальная лестница бюрократической иерархии от министра к подчиненным. Вязмитинов обязал подчиненных оказать всю возможную помощь в доставлении курицы, отправив по нижестоящим инстанциям

⁶ Описание курицы... 1815: 3.

⁷ Берелович 2004: 325.

⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 29. Д. 230. Л.2.

⁹ Там же. Л. 1.

¹⁰ Васильчиков 1880.

¹¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 29. Д. 230. Л. 3.

соответствующие указания¹². Одновременно (2 июля 1815 г.) Разумовский написал попечителю Московского учебного округа П.И. Голенищеву-Кутузову о чудесной находке и высказал пожелание, чтобы «курица сия могла быть привезена в Москву живая, дабы профессеры по части Естественной истории и Ветеринарной науки могли делать над нею свои наблюдения, а после можно будет или положить ее в спирт, или набить чучелу для хранения в университетском музее»¹³.

Управляющий Московским учебным округом в 1810–1816 гг., попечитель Московского университета Павел Иванович Голенищев-Кутузов (1767–1829), в прошлом был военным, но, как и полагается «продукту» века Просвещения, любознательным человеком. Именно Голенищев-Кутузов курировал работы по восстановлению университета, его библиотеки и различных коллекций после разорительного наполеоновского нашествия. С 1820 г. П.И. Голенищев-Кутузов состоял ординарным членом Императорского Общества испытателей природы при Московском университете¹⁴, но и ранее природные редкости и диковины представляли для него несомненный интерес.

Голенищев-Кутузов отдал подчиненным необходимые распоряжения по доставке курицы и уже 6 июля 1815 г. отчитался о своих действиях министру: «об успехе какой происходить будет в исполнении сего предписания вашего, буду доносить вашему сиятельству по мере того, как получатся мною будут сведения»¹⁵. Таким образом, информация о курице снова совершила стремительное (учитывая скорость почтовой связи той поры) путешествие вверх-вниз по всем должностным ступенькам чиновничьей иерархии как Министерства полиции, так и Министерства народного просвещения. Интересно, что любое решение, связанное с курицей, сразу производило волну документов, идущую как вверх (отчет о предпринятых действиях), так и вниз, причем в этом случае (указания о необходимости предпринять какие-либо действия) поток был расширяющимся, поскольку плавно спускался вниз по всем ступенькам бюрократической иерархии.

Непосредственно отправкой курицы в Москву занимался не Тульский гражданский губернатор, как это было сообщено в монографии Фишера, а Директор училищ Тульской губернии Егор Михайлович Крюков (1750–1816), в прошлом предводитель дворянства Тульской губернии, надворный советник, оставшийся в должности Директора училищ до конца своей жизни¹⁶. Крюков получил предписание о доставке курицы в Москву 23 июля 1815 г. Подготовительный этап занял некоторое время, поскольку пришлось переждать дождливую погоду. 29 июля курицу отправили с приставленным к ней письмоводителем,

¹² Там же. Л. 1.

¹³ Там же. Л. 4.

¹⁴ Кутузов... 1903: 695.

¹⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 29. Д. 230. Л. 5–5об.

¹⁶ Заидов, Ковшарь, Шебанин 2015. С.196–198.

которому Крюков наказал «в дождливую погоду и по ночам» не ехать, и ехать как можно тише, чтобы довести курицу живой¹⁷. Обо всех принятых мерах директор училищ Тульской губернии тут же отчитался своему непосредственному начальнику, попечителю Московского учебного округа Голенищеву-Кутузову. Курицу доставили в Москву 2 августа, и ректор университета Гейм 5 августа сообщил об этом факте и о состоянии курицы (маленький типун) попечителю Московского учебного округа, а тот 13 августа 1815 г. сообщил о благополучном прибытии курицы в Москву министру народного просвещения.

Ректором Московского университета в 1808–1819 гг. был Иван Андреевич Гейм (1759–1821), получивший образование в Гельмштедском и Геттингенском университетах, а с 1781 г. служивший в Московском университете. Гейм был хорошо известен министру народного просвещения Разумовскому, поскольку в свое время трудился над каталогом его личной библиотеки, находившейся в подмосковном имении Разумовского Горенки¹⁸.

По поручению ректора, курицей занялся профессор Московского университета Григорий Иванович Фишер фон Вальдгейм (1771–1853). Получивший образование в университетах Лейпцига, Йены, Галле и Геттингена, друг А. фон Гумбольдта, ученик и последователь Ж. Кювье, Г.И. Фишер фон Вальдгейм был приглашен в Москву на должность директора Музея натуральной истории и для занятия новой кафедры натуральной истории. С 1804 г. он читал в Московском университете лекции по зоологии, минералогии, натуральной истории. В послужном списке Г.И. Фишера фон Вальдгейма – служба ординарным профессором кафедры натуральной истории (1805–1832), деканом отделения физических и математических наук (1828–1830), директором Музея натуральной истории (1804–1832). Именно он был инициатором создания Императорского общества испытателей природы в Москве и руководил им; он состоял в 70 научных обществах, среди них: Королевское экономическое общество в Лейпциге (1807), Королевская академия в Мюнхене (1808), Американская академия наук (1816), Падуанская академия (1820), Туринская академия (1821), Королевское и Геологическое Линнеево общество в Швеции (1821), Азиатское общество в Калькутте (1823)¹⁹.

Очевидно, что курица попала в достойные руки профессионала. Фишер фон Вальдгейм поместил ее в собственном доме и кормил с руки, так что курица, как писал профессор, «меня отличала от других, подходила к тому месту, где сидел я за обеденным столом или за чайным столиком, и как будто чего-нибудь просила»²⁰. Такая близость позволила в краткие сроки подготовить описание курицы и на основании

¹⁷ РГИА. Ф. 733. Оп. 29. Д. 230. Л. 8.

¹⁸ Императорский Московский университет... 2010. С. 145–147; Иностранцы профессора... 2011: 57–60.

¹⁹ Фишер фон Вальдгейм... 1901: 155–157; Иностранцы профессора... 2011: 158–161.

²⁰ Описание курицы... 1815: 6.

цензурного разрешения ректора университета Гейма издать монографическое исследование ее. В подготовленной книге Фишер фон Вальдгейм сообщал о размерах курицы, ее окраске, состоянии перьев, питании, связанном с дефектом устройства клюва, поведении относительно людей и относительно других птиц. Очевидно, что он наблюдал за ней («как она смирна ни кажется, но на кухне дерется с другими курами, прогоняет их, а сама убегает от петуха»²¹) и провел ряд экспериментов («ежели принести другую курицу в комнату и подогнать к ней поближе, то она начинает сердиться, отпускать крылья наподобие обыкновенных или Индейских петухов, надувается, поднимает на себе перья и издает особый крик, подобный крику петуха, готовящегося к драке»²²), но сами слова «наблюдение» и «эксперимент» в научном дискурсе профессора Фишера фон Вальдгейма отсутствовали.

Характерно, что на долгих этапах, предшествующих доставке курицы в Московский университет, никто не удосужился выяснить и зафиксировать ее возраст. Фишер фон Вальдгейм также не считал нужным делать запрос по месту ее обнаружения (хотя Тульская губерния была недалеко от Москвы), а строил предположения о возрасте курицы на основе косвенных признаков: «хотя ноги ее и крепки и чешуйки на них толсты (так что я думаю, что ей уже второй год); однако нет на них некоторых ногтей, которые, как кажется, она отморозила»²³. То есть научный дискурс той поры рассматривал авторитетное мнение ученого как достаточное доказательство того или иного предположения.

Описание курицы, подготовленное Фишером фон Вальдгеймом для того, чтобы «услужить тем, которые любят размышлять об уклонениях Природы», включало в себя ответы «на некоторые вопросы, какие могли бы сделать мои Читатели»²⁴. Ответы на предполагаемые вопросы занимали почти половину текста книги и были составной частью научного дискурса той поры. Список вопросов, которые профессор ожидал от своих читателей, включал вопросы как вполне научные, так и уровня обыденного любопытства. Во-первых, профессор ответил утвердительно на вопрос «В самом ли деле эта курица имеет фигуру человека»²⁵, однако тут же оговорился, что схожесть фигур равным счетом ничего не означает. Второй вопрос касался происхождения уродства курицы: «Родилась ли так эта курица, или оторвали у нее нос, когда она была цыпленком?» Удивительно, но этот очевидный вопрос никто не задал на этапе «обретения» курицы в Белевском уезде, и профессор смело отвечал на него: «я думаю, что она так и родилась»²⁶. Научный дискурс той поры требовал логических рассуждений (что профессор и сделал), а не

²¹ Там же: 7.

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ Там же: 8.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же: 10.

поиска фактов информативного плана (например, распросов того крестьянина, которому курица принадлежала изначально).

Третий вопрос однозначно был ненаучным, но наиболее важным для любопытствующих читателей: «Особенная фигура этой курицы не предзнаменует ли чего-нибудь сверхъестественного?» Профессор давал сухо-оптимистичный ответ: «Совсем ничего»²⁷.

Строго научным в рамках научного дискурса той поры был последний вопрос: «Как рассуждают о сем явлении натуралисты?» Фишер фон Вальдгейм отвечал: «Натуралисты почитают оное *уклонением Природы или уродом*» и комментировал: «*Уродом, уродливостью* вообще называется в Натуральной Истории и в Анатомии всякое естественное органическое тело, в образовании своем показывающее что-нибудь противное общим законам образования для существ его рода. Уклонения Природы или уроды бывают по *излишеству* и по *недостатку*»²⁸.

Уродство курицы заключалось в отсутствии клюва, а потому было по недостатку: «Клюва или носа у нее нет; челюсти так коротки, что простираются только до ноздрей; оне покрыты мясом. Гребень, выдавшись вперед, образует род носа, который тем более кажется удивительным, что ноздри находятся между концом сего носа и челюстью. <...> На нижней челюсти есть мясистый нарост, которого у других куриц нет, и который образует род подбородка или бороды. Борода сия простирается до настоящего уха, как и у других кур»²⁹. Вид этой бесклювой курицы вызывал стойкие ассоциации с человеком: «Все сии обстоятельства, если только не принимать в рассмотрение перья на голове, производят удивительное сходство с профилею старухи, которое становится тем поразительнее, чем пристальнее и в продолжение нескольких секунд смотришь на сию странную профилею, особливо когда курица жует»³⁰.

Вот это сходство курицы с человеком и было причиной небывалого интереса к ней. Профессор начал описание курицы именно с этого рассуждения: «Никогда курица не обращала на себя такого всеобщего внимания, никогда животное, даже самое редкое, не возбуждало такого любопытства, как курица, имеющая в профиль фигуру человека»³¹. Здесь история курицы позволяет добавить штрих к гендерным представлениям эпохи. Курица, «имеющая в профиль фигуру человека», четко ассоциировалась со старухой, и сравнение со старухой не отменял даже именующийся у курицы нарост на нижней челюсти, похожий на бороду.

Поскольку были сделаны рисунки курицы, мы можем увидеть, как она выглядела. Максимум, что можно сказать, – в ней есть некоторое сходство с человеком. Но видеть в ней именно старуху могли только люди той эпохи, когда понятия «старая курица» и «старуха» были прак-

²⁷ Там же: 11.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же: 4.

³⁰ Там же: 5.

³¹ Там же: 3.

тически синонимами. Словарь Даля определял одно из значений слова «старуха»: старая птица³². Фишер фон Вальдгейм, оценивая рисунок головы курицы, писал: «Изображение курицы в профиль весьма верно и представляет старушку, так как она есть»³³.

Москвичи, узнав о появлении необычной диковины, стали требовать допустить их в университет и показать ее: они были любопытны и в то же время опасались возможных (связанных с вмешательством трансцендентных сил) последствий появления столь необычной птицы. Устав от настойчивых визитеров, профессор Фишер фон Вальдгейм попросил принять меры. Его непосредственный руководитель, ректор университета Гейм, также раздраженный неожиданным и неконтролируемым интересом публики, обратился за разъяснениями к попечителю учебного округа Голенищеву-Кутузову, спрашивая: «что... с курицею делать, кормить ли ее до тех пор, пока умрет, или убивши сделать из нее чучелу?»³⁴ Принять самостоятельное решение о дальнейшей судьбе курицы попечитель учебного округа не смог и, в свою очередь, написал своему начальнику, министру народного просвещения: «так как дело об одной курице началось по предписанию вашего сиятельства, то и не мог я без воли вашей дать какого-либо на изъясненные обстоятельства разрешения, а почел нужным предать оныя вашему благорассуждению»³⁵.

Разумовский взял небольшую паузу на размышления, а потом ответил: «Я согласен, чтобы привезенная в Московский университет из Тулы уродливая курица была убита, сделанное из нее чучело поставлено в университетский музей»³⁶.

Итак, история, потребовавшая нескольких месяцев переписки, донесений, рапортов, отчетов, запросов завершилась: курица канула в Лету. Но бюрократический стиль руководства, когда все действия совершаются строго по иерархической цепочке в рамках властной вертикали с вариантом горизонтальных связей двух министров, а нижестоящие не решаются взять на себя ответственность и о любом шаге информируют вышестоящих, выдержал и эту провокацию вторжения природной редкости, оставшись неизменно живым и действующим.

Подведем итоги «Делу об уродливой курице». Делопроизводственная документация представляется сухим источником, являющимся отражением традиций бюрократического стиля: циркуляры, запросы, отчеты. В этих бумагах сквозь строчки бюрократического канона с трудом пробивается живая мысль автора. Министерство народного просвещения – одно из первых, появившихся по результатам реформы системы управления в 1802 году, – было бастионом стабильности, порядка, делопроизводственного аккуратизма, хотя традиции бюрократического сти-

³² Даль 1999: 317.

³³ Описание курицы... 1815: 14.

³⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 29. Д. 230. Л. 6.

³⁵ Там же. Л. 6–7.

³⁶ Там же. Л. 11.

ля управления и в нем не могли сформироваться одновременно, как и в несколько более позднем образовании – Министерстве полиции. Дело «О доставлении в университет уродливой курицы», «взрывая» по существу размеренную бюрократическую ткань документов, тем не менее, по форме соответствует всем требованиям делопроизводства, что дало возможность реконструировать бюрократический канон применительно к 1815 г. Одновременно история уродливой курицы позволила проанализировать научный дискурс, реализуемый в тексте выпущенной в том же году монографии профессора Фишера, посвященной этой природной диковине. Очевидно, что научный текст той поры включал в себя только некоторую часть фактического материала, а основную часть занимали логические рассуждения ученого и ответы на возможные вопросы любопытствующих читателей. Наблюдение и эксперимент как научные методы имели место быть, но не обозначались как таковые. Изображения курицы, описания ее внешнего вида содержат оценки, позволившие реконструировать эстетический и гендерный дискурс той поры, когда нечто старообразное однозначно ассоциировалось с женским, феминным, а безобразное вызывало острое любопытство, жгучий интерес, сопровождаемый ноткой некоторого опасения. Так что, являясь уникальным, «дело об уродливой курице» в то же время говорит о типичном.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

РГИА. Ф. 733 (Министерство народного просвещения). Оп. 29. Д. 230.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Берелович В. Образовательные стратегии русских аристократов. Воспитание сирот Голицыных (1782–1790) // Европейское Просвещение и цивилизация России / Отв. ред. С.Я. Карп, С.А. Мезин. М.: Наука, 2004. С. 318–329. [Berelovich V. Obrazovatel'nyye strategii russkikh aristokratov. Vospitanie sirotd Golitsynnykh (1782–1790) // Yevropeyskoye Prosveshcheniye i tsivilizatsiya Rossii / Отв. ред. С.Я. Карп, С.А. Мезин. М.: Наука, 2004. S. 318–329].
- Вальтер А. Тульские губернаторы XVIII – начала XX веков [Val'ter A. Tul'skiye gubernatory XVIII – nachala XX vekov] URL: <https://www.proza.ru/2017/09/22/1960>
- Васильчиков А.А. Семейство Разумовских: В 5 т. Т. 2. Санкт-Петербург: тип. М.М. Стасюлевича, 1880. 558 с. [Vasil'chikov A.A. Semeystvo Razumovskikh: V 5 t. T. 2. Sankt-Peterburg : tip. M.M. Stasyulevicha, 1880. 558 s.].
- Губернии Российской империи: История и руководители 1708–1917: Ист. данные об образовании губерний, обл., градоначальств и др. частей Внутр. упр. империи с указанием высш. чинов этого Управления в хронол. порядке по 1 нояб. 1902 г / [Red.-sost. Ю.Н. Морук; Гл. ред. Н.Ф. Самохвалов]. М.: МВД России, 2003. 479 с. [Gubernii Rossiyskoy imperii : Istoriya i rukovoditeli 1708–1917 / Red.-sost. Yu.N. Moruk; Gl. red. N.F. Samokhvalov. M.: MVD Rossii, 2003. 479 s.].
- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 4. М.: Русский язык, 1999. 688 с. [Dal' V.I. Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: V 4 t. T. 4. M.: Russkiy yazyk, 1999. 688 s.].
- Зайдов О.Н., Ковшарь И.Г., Шебанин Г.А. О посвяtitельной надписи надгробия Е.М. Крюкова в с. Архангельское (1816 г.) // Тульский краеведческий альманах. 2015. Вып. 12. С.196–198. [Zaidov O.N., Kovshar' I.G., Shebanin G.A. O posvytitel'noy nadpisi nadgrob'iya Ye.M. Kryukova v s. Arkhangel'skoye (1816 g.) // Tul'skiy krayevedcheskiy al'manakh. 2015. Vyp. 12. S.196–198.].
- Императорский Московский университет: 1755–1917: энциклопедический словарь / сост. Андреев А. Ю., Цыганков Д. А. М.: РОССПЭН, 2010. 894 с. [Imperatorskiy

- Moskovskiy universitet: 1755–1917 : entsiklopedicheskiy slovar' / sost. Andreyev A. Yu., Tsygankov D. A. M.: ROSSPEN, 2010. 894 s.].
- Иностранные профессора российских университетов (вторая половина XVIII – первая треть XIX в.). Биографический словарь / под общ. ред. А.Ю. Андреева; сост. А.М. Феофанов. М.: РОССПЭН, 2011. 207 с. [Inostrannyye professora rossiyskiikh universitetov (vtoraya polovina XVIII – pervaya tret' XIX v.). Biograficheskiy slovar' / pod obshch. red. A.Yu. Andreyeva; sost. A.M. Feofanov. M.: ROSSPEN, 2011. 207 s.].
- Королева Л.И., Морозова Е.М., Тихоненкова Т.В. Тульские губернаторы / Под ред. Н.К. Попова. Тула: АОЗТ «Форус», 1997. 95 с. [Koroleva L.I., Morozova Ye.M., Tikhonenkova T.V. Tul'skiye gubernatory / Pod red. N.K. Popova. Tula: AOZT «Forus», 1997. 95 s.].
- Кунавин К.С. Факторы карьерного роста представителей высшей бюрократии Российской империи в 30-х – 80-х гг. XIX века: автореферат дис. ... к.и.н. Тамбов: Тамбовский гос. ун-т, 2017. 27 с. [Kunavin K.S. Faktory kar'yernogo rosta predstaviteley vysshey byurokratii Rossiyskoy imperii v 30-kh – 80-kh gg. XIX veka: avtoreferat dis. ... k.i.n. Tambov: Tambovskiy gos. un-t, 2017. 27 s.].
- Кутузов, Павел Иванович // Русский биографический словарь: в 25 томах. Т. 9. СПб.: Типография Главного Управления Уделов, 1903. С. 695 [Kutuzov, Pavel Ivanovich // Russkiy biograficheskiy slovar': v 25 tomakh. T. 9. SPb.: Tipografiya Glavnogo Upravleniya Udelov, 1903. S. 695.].
- Описание курицы, имеющей в профиль фигуру человека, с присовокуплением некоторых наблюдений и ее изображения, изданное профессором Фишером. М.: в Университетской типографии, 1815. 15 с. [Opisaniye kuritsy, imeyushchey v profil' figuru cheloveka, s prisovokupleniyem nekotorykh nablyudeniy i veyazobrazheniya, izdannoye professorom Fisherom. M.: v Universitetskoy tipografii, 1815. 15 s.].
- Фишер фон Вальдгейм, Григорий Иванович // Русский биографический словарь: в 25 томах. Т. 21. СПб.: Типография В. Безобразова и К^о, 1901. С. 155–157. [Fischer von Waldheim, Grigoriy Ivanovich // Russkiy biograficheskiy slovar': v 25 tomakh. T. 21. SPb.: Tipografiya V. Bezobrazova i Ko, 1901. S. 155–157.].

Солодянкина Ольга Юрьевна, доктор исторических наук, доцент, Череповецкий государственный университет, профессор, кафедра истории и философии, olga_solodiankin@mail.ru

Bureaucratic, scientific and gender discourses of the archival “case of ugly chicken”

The article deals with the historical incident, deposited in the archives filed in the RGIA, associated with the discovery of an ugly chicken in the Tula province. The decision of the fate of this chicken required the intervention of a number of individuals, including officials of the highest rank, ministers. According to the author, this indicates an established bureaucratic style of considering any issues. A characteristic feature of this style is the lack of responsibility of the decision of downstream employees. A description of a chicken prepared by a professor at Moscow University allows us to reconstruct the scientific discourse, and ideas about the ugliness of the chicken provide grounds for characterizing the aesthetic and gender representations of the era.

Keywords: *bureaucratic management style, scientific discourse, aesthetic ideas, gender stereotypes, Russian Empire, A.K. Razumovsky, S.K. Vyazmitinov, N.I. Bogdanov, P.I. Golenishchev-Kutuzov, E.M. Kryukov, G.I. Fischer von Waldheim.*

Olga Solodyankina, Dr.Sc. (History), Professor of the Department of History and Philosophy, Cherepovets State University; olga_solodiankin@mail.ru

А.Ю. ВОВК

«СОЮЗ ДРУЗЕЙ СОВЕТСКОЙ РОДИНЫ»
ПАРИЖ, УЛИЦА ДЕ БЮСИ, 12

В статье рассматривается деятельность малоизвестной организации российских эмигрантов во Франции – «Союза Друзей Советской Родины» (СДСР). В отличие от массы белоэмигрантов, члены СДСР были поддерживали Советский Союз, многие из них состояли в коммунистической партии. На основе выявленных документов автор установил структуру организации, цели, мотивы вступления эмигрантов в СДСР, рассмотрел историю Союза и судьбы отдельных членов.

Ключевые слова: *российская эмиграция, просоветские эмигранты, Союз Друзей Советской Родины, Франция, компартия, гражданская война в Испании.*

Покинувшие Россию после революции и Гражданской войны люди сформировали в изгнании особый мир – «русское зарубежье», который к середине 1930-х гг. переживал очередной раскол. Причина его заключалась в международной обстановке, которая убеждала многих в скором начале крупного конфликта. Одни, несмотря на претензии к коммунистическому режиму, предполагали защищать Советский Союз как свою родину («оборонцы»), а другие считали, что гражданская война не окончена и для борьбы против СССР необходимо использовать любую возможность («пораженцы»). Идеи «оборонцев» были сформулированы еще в 1920-е гг.: отрицательное отношение к Белому движению, военной эмиграции, к любому иностранному вмешательству в русские дела; примирение с советской властью и стремление вернуться в Россию (т.н. «возвращенчество»). Некоторые идеи с оговорками разделял ряд политических групп (младороссы, Республиканско-демократическое объединение) и отдельные публицисты, но наиболее четко и последовательно оборончеству и возвращенчеству следовал «Союз Друзей Советской Родины» (СДСР), созданный во Франции в мае 1937 года.

Изучение истории этой организации приводит к неточностям из-за ограниченности источниковой базы. Такая ситуация объясняется низкой численностью Союза; оторванностью его членов от общей массы эмиграции; невниманием к эмигрантской теме в целом и тенденциозным подходом к ее изучению в советской науке; слабым знанием зарубежными специалистами реалий эмигрантской политической жизни.

Разговор о «Союзе друзей...» невозможен без упоминания его предшественника – «Союза возвращения на Родину» («Совнарод»), отделения которого стали появляться с начала 1920-х во всех странах русского рассеяния, был такой «Союз» и во Франции. Через него, по разным сведениям, к 1928–1929 гг. прошли до 4,5 тыс. чел.¹ В подготовленной советскими дипломатами справке (май 1926 г.) была указана цель Союза – «пропаганда в пользу Советской власти и организация возвра-

---

¹ Приложение I 2012: 166; Бочарова 2014: 198.

щенческих групп из числа рабочих и солдат»². При этом основная задача, которая привлекала людей (репатриация) не выполнялась – просители получали отказы, в 1930-е гг. в СССР уехали единицы. Лидеры утешали молодых: «Отказывают, значит, нельзя по-другому. Значит, мы здесь нужнее» и, чтобы соответствовать реальному положению дел, сменили название на «Союз Друзей Советской Родины»³. Повышенное внимание к безопасности, идеологический пыл, стремление предотвратить растрату твердой валюты привели к тому, что к 1930-м гг. получить советское гражданство стало почти невозможно⁴.

Смена названия скорректировала цели организации с возвращения домой на обличение эмиграции, но не изменила сути: СДСР наследовал советофильские взгляды «Совнарода», в нем состояли те же самые люди, и членов нового Союза друзья и враги по-прежнему называли «возвращенцами», не разделяя организации. Во Франции силами «Совнарода» издавался журнал «Наш Союз», в августе 1937 г., вслед за организацией, сменивший название на «Нашу Родину». В уставе СДСР (май 1937 г.) обозначены ее цели: «объединение всех проживающих во Франции подданных бывшей Российской империи, признающих правительство СССР законным правительством своей страны. <...> культурная и воспитательная работа <...> для всестороннего ознакомления своих членов с экономическим и культурным строительством в СССР», юридическая и материальная помощь своим членам⁵. Французским журналистам в СДСР сообщили о задачах – подготовке к советской жизни. Это объяснялось тем, что в СССР возникла новая неизвестная цивилизация⁶.

Еще с начала 1920-х гг. возвращенцы призывали солдат белой армии и других эмигрантов «сомкнуть свои ряды под флагом нашей организации и газеты и вместе с нами начать дело исправления наших ошибок, сознательно или бессознательно нами совершенных, дело искупления наших грехов»⁷. Этот призыв не содержит прямого ответа на вопрос, в чем заключается цель работы Союза. Его можно найти в письме советского генконсула во Франции Ауссема руководству (02.02.1925), в котором отмечается успешная деятельность Союза по разложению зарубежья⁹. Дальнейшие события показали, что СДСР вел работу в этом направлении и преследовал врагов советской власти.

Кто же возглавлял «Совнарод»–СДСР в конце 1930-х гг.? Сведения противоречивы. В немногочисленной литературе приводятся данные о том, что Союз возглавлял Георгий Шибанов⁸. Хотя в досье префектуры

² Цит. по: Бочарова 2009: 245.

³ Кочетков 2013 (а): 47, 58. З.С. Бочарова, отмечая смену приоритетов с агитации за возврат на обличение эмиграции, полагает, что советские власти подозревали потенциальных репатриантов. – Бочарова 2014: 197, 198.

⁴ Лор 2017: 283.

⁵ Выдержки из устава Союза Друзей Советской Родины 1937: 16.

⁶ Rachart 1937 (а): 4.

⁷ Цит. по: Шкаренков 1987: 75.

⁸ Приложение I 2012: 191.

Парижа отмечено его членство в СДСР⁹, мы считаем утверждение о руководстве Шибанова Союзом ошибочным. Так, в дневнике сына С.Я. Эфрона, Георгия (тогда подростка), указано, что «Совнарод» возглавлял Ларин, а после его отъезда в СССР Александр Тверитинов¹⁰. Вопрос о перестановках в руководстве Союза и на местах остается открытым. Скорее всего управление было коллективным.

Обратимся к характеристикам заметных членов СДСР. Например, впечатление вылитого советского бюрократа из журнала «Крокодил» производил суетившийся Василий Ковалев; напротив, обстоятельно беседовал Ларин; не вмешиваясь в общую суету, в стороне мелькали Тверитинов и Лидле; Сергей Эфрон «прошмыгивал в задние комнаты»¹¹. Дополним эти характеристики впечатлениями Георгия Эфрона: «Ларин. <...> Человек солидный, серьезный, культурный. Впечатление — положительное». Тверитинов <...> в отличных отношениях с отцом. Честный человек (наверняка) и твердый. Ума не исключительного. <...> Впечатление — положительное»¹².

В Париже находился центр Союза, он описан во французской газете: «В доме 12 на улице Бюси дверь приоткрыта. Ее надо подтолкнуть, чтобы попасть в ветхий двор. Старинная деревянная лестница... 4-й этаж, направо, маленькая деревянная дверь. Картонная табличка с русскими буквами, ниже перевод. Электрический звонок. Звоню. Дверь немедленно открывается. Она ведет в большую комнату, где два или три человека курят в тишине. <...> Надо пересечь три комнаты, чтобы добраться до командного пункта в этой штаб-квартире. Я изучаю здешних посетителей. Почти все из них молоды. Они сидят молча вдоль стен на деревянных скамьях молча или беседуя вполголоса. Их внешний вид такой же, как у бедных интеллектуалов. Я не различаю среди них ни одного рабочего. <...> На стене главной комнаты, которая находится перед комнатой правления, висит гигантский портрет Сталина»¹³. Здесь на организационном собрании 23 мая 1937 г. был принят устав, выбраны распорядительные и контрольные органы: правление (Белоусов П.В. (казначей), Ковалев В.Е., Питум П.С., Тверитинов А.А. (секретарь), Хенкина Е.А.), ревизионная комиссия (Зарович И.Е., Писаренко С.А., Гиндин И.Н., запасные члены Ружин К.С., Жукова Н.А.). Филиалы СДСР были в Марселе, Лионе (ответственный Н. Качва), Лилле (П. Лисицын), Гренобле, Каннах (с февраля 1938 г.), Кнютанже, Лотарингии (И. Троян) и др.¹⁴ Всего во Франции насчитывалось 19 провинциальных отделов¹⁵.

⁹ Archives de la préfecture de police (Paris), 77 W 2427. Dossier 446919.

¹⁰ Эфрон 2007. Т. 1: 69.

¹¹ Хенкин 1984: 88-89.

¹² Эфрон 2007. Т.1: 69.

¹³ Rachart 1937(a): 4.

¹⁴ Кочетков 2013(a). С. 39; АДРЗ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 72. Л. 1, 1об., 2; РГАСПИ Ф.553. Оп. 1. Д. 5. Л. 55; Союз Друзей... 1937: 28; В Союзе Друзей... 1938 (b): 17.

¹⁵ Приложение I 2012: 166.

В советской литературе отмечалось, что оборонцами, как бы в противовес пораженцам, были в основном эмигрантские низы¹⁶. Это вроде бы подтверждается мемуарами: «А кругом — шоферы, рабочие, в плохонькой, но какой-то *живой* одежке, лица чаще всего небритые, руки — невымытые, табачный дым, гам»¹⁷. Но такая ситуация была типична не только для просоветских групп, а для всего зарубежья в целом – уровень жизни эмигрантов был низким. Как и в других организациях, в СДСР состояли бывшие подданные Российской империи тем или иным путем оказавшиеся за рубежом после революции, мировой или гражданской войны: солдаты Русского экспедиционного корпуса, уехавшие на заработки жители стран-лимитрофов, чины разбитых белых армий¹⁸.

Сведения о количестве членов СДСР разнятся. Алексей Эйсер, уезжая в Испанию, писал: «...набралось уже свыше ста записавшихся, что составляло не меньше десяти процентов общей численности Союза вместе с престарелыми, женщинами и детьми»¹⁹, т.е. примерно тысяча человек. Другой современник вспоминал, что в конце 1930-х в Париже проживало около 400 «возвращенцев» и свыше 1000 во всей Франции²⁰. Сегодня исследователи оценивают численность «Союза» в 300 чел.²¹ Вопрос о точном количестве членов СДСР остается открытым, можно утверждать, что оно было небольшим. Это объясняется тем, что по уставу в Союзе не могли быть лица, «состоящие в организациях, преследующих цели, противные целям Союза Друзей Советской Родины»²². То есть почти во всех остальных эмигрантских организациях зарубежья, так как последние в массе своей не разделяли просоветских взглядов.

Пути эмигрантов в Союз были разные, но всеми членами СДСР двигала «тоска по родине». Павел Пелехин вспоминал: СДСР – «единственная массовая советская организация, жившая советской культурой, традициями и законами <...> был остров родины»²³. Добавим к этому тяжелые условия жизни беженцев, неприязнь местного населения. В подобной ситуации некоторые эмигранты, которые всегда интересовались событиями в России, пытались найти возможность вернуться или узнать, что происходит дома «на самом деле». В этом им помогали журналы «Наш Союз» и «Наша Родина», предоставлявшие информацию из-за «железного занавеса». Студент Алексей Кочетков начинал свой путь в «Союз» именно со знакомства с журналом. «Чудесно. Это как раз то, что мне нужно. Я тоже возвращаюсь на Родину», – вспоминал Кочетков. После этого случая он включился в союзную работу²⁴.

¹⁶ Шкаренков 1987: 174.

¹⁷ Эфрон 2008. Т.2: 129.

¹⁸ Архив ДРЗ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 72. Л. 1, 1об., 2.

¹⁹ Эйсер 1990: 74.

²⁰ Любимов 1979: 229.

²¹ Приложение I 2012: 166.

²² Выдержки из устава Союза Друзей Советской Родины 1937: 16.

²³ Архив ДРЗ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 72. Л. 1, 1об., 2.

²⁴ Кочетков 2013 (а): 34.

Конечно, в замкнутой российской диаспоре вести об организации распространялись и по «сарафанному радио». Многие члены «Союза» были давно знакомы: Лидле, Пелехин, Роллер, Смирягин, Шибанов в гражданскую войну служили у белых гардемаринами на флоте, а за границей работали шоферами. Роль друзей в знакомстве с СДСР описал его член Кирилл Хенкин. Он вспоминал, что условный бывший «поручик» втягивался в «Союз» постепенно – сначала пел в хоре или играл в любительском спектакле, смотрел советские фильмы. Далее следовали мелкие просьбы распространить билеты на бал на своем заводе, потом предоставить о ком-то справку. «А потом мог появиться Сергей Эфрон или еще кто-нибудь»²⁵, – намек на работу на советские спецслужбы.

На примере капитана Беневоленского Хенкин рисует картину преобразования белого офицера, антисоветского активиста, нелегально побывавшего в СССР, в агента НКВД. Дело в том, что в СССР Беневоленский общался не с заговорщиками, а с сотрудниками советских органов, которые в душевных беседах убеждали эмиссара в крахе белой идеи. Таким образом человек постепенно осознавал, что народ «идет за большевиками!»²⁶ Значит, недовольных в России нет, а есть лишь брюзжащие злопыхатели – ретрограды, интеллигенты, фанатики». Далее Беневоленский оказывается на улице Бюси и параллельно предоставляет Эфрону сведения об антисоветской организации, в которой он состоит²⁷.

Хенкин не сгущает краски, взгляды надломленного поражением и беженством «поручика» менялись резко. Так, Александр Тверитинов молодым офицером принял участие в Первой мировой войне, в 1919 г. был мобилизован в Красную армию, принял участие в войне с поляками и попал в плен. В Польше он вступил в белогвардейскую 3-ю Русскую армию и, стремясь принести родине благо, принимал участие в антисоветских акциях. Оказавшись в Париже, Тверитинов включился в политическую жизнь, пройдя идейную эволюцию от «Республиканско-демократического объединения» и масонов до СДСР. При этом во всех организациях Тверитинов выбивался на ведущие роли. Летом 1939 г. как один из лидеров Союза Тверитинов был арестован и выслан в СССР, где тоже подвергся аресту по подозрению в шпионской и контрреволюционной деятельности. В 1942 г. А.А. Тверитинов умер в заключении²⁸.

Старшее поколение получало упреки от молодежи справа – за революцию и поражение в гражданской войне, и слева – за негативное отношение к СССР. Подруга Ариадны Эфрон вспоминала²⁹: «Хотелось нам иметь свою родину, и Россия нас очень влекла. Нам иногда казалось, что родители уж слишком перетягивают – «как было чудно до ре-

²⁵ Хенкин 1984: 89.

²⁶ Подобные настроения в среде возвращенцев – «Разве мы можем быть против своего народа?» – отмечал позднее член СДСР Эйснер. См. Лосская 1992: 183.

²⁷ Хенкин 1984: 89-91.

²⁸ Тверитинов А. URL: <http://www.history-ryazan.ru/node/5880>

²⁹ Соллогуб 1999: 12

волюции». Неудивительно, что эмигрантская молодежь, сформировавшаяся вне России, приходившие в условиях «железного занавеса» вести с родины невольно идеализировала.

Интересно мнение советского служащего во Франции А.Н. Рубакина, который выделял не симпатию эмигрантов к СССР, а их бытовую неустроенность и отсутствие перспектив³⁰. Зарубежье 1930-х сотрясали скандалы: убийство душевнобольным эмигрантом президента Франции; обвинение журналиста Алексеева в работе на немцев; похищение генерала Миллера; разоблачение сына генерала Абрамова как советского шпиона и т.д. Не добавляли симпатий к русским эмигрантам происшествия с советскими невозвращенцами: финансовые махинации и убийство Агабекова, убийство Рейсса, смерть сына Троцкого. В них местное население видело угрозу своей безопасности. Неприязнь местного населения влияла на интерес эмигранта к «Совнароду»–СДСР.

Георгий Эфрон вспоминал, что он с «возвращенцами» не общался, потому что они вечно заняты были «делами»³¹. Что же это были за «дела»? В первую очередь – издание журнала «Наша Родина». Вышедший на мелованной бумаге, он посылался в разные уголки мира³²; скорее всего во все страны, где были русские колонии. Сами издатели говорили о популярности журнала, о его востребованности и росте тиража³³. Вероятно, это преувеличение, сегодня журнал является библиографической редкостью, а утверждение о размере тиража должно было придать больше «веса». Окупался ли выпуск журнала – неизвестно; Ариадна Эфрон отмечала, что предшественник «Нашей Родины» выпускался советским полпредством³⁴. Основное содержание журнала – внутреннее положение СССР, его успехи в разных сферах. В номерах были статьи из центральной советской прессы, которые должны были осветить происходящие события в нужном ключе. Например, после того как в статье о Втором московском процессе был допущен «ряд досадных ошибок по недосмотру редакции», появился новый отчет с исправлениями³⁵. В каждом номере печатались материалы об одной из советских республик; выходили статьи, посвященные специальной теме – Красной армии, Конституции, положению женщин, челюскинцам, всемирной выставке. Тексты сопровождалась обилием фотографий. Конечно, несколько страниц отводились «кризису эмиграции». Poleмика (довольно низкого уровня) велась, как правило, с младороссами, «Последними новостями» и военной эмиграцией.

В СДСР также читались доклады о Ленине, партсъездах, индустриализации, международном положении; проводились балы, приурочен-

³⁰ Рубакин 1966: 120.

³¹ Эфрон 2007. Т. 1: 451.

³² Кочетков 2013 (а): 39.

³³ К двухлетию журнала «Наша Родина» 1939: 20.

³⁴ Эфрон 2008. Т. 1: 9

³⁵ От редакции 1937: 17.

ные к 7 ноября, утренники женотдела³⁶, отчетные собрания правления; шли занятия, направленные на повышение политической грамотности, сдавались годовые экзамены³⁷. Организовывали и неполитические мероприятия: елка для детей, празднование Нового года; работали струнный оркестр и хор; ставились спектакли; проводились вечера памяти А.С. Пушкина, балы, вечера журнала «с концертом, лотереей, буфетом и танцами». Объявления и отчеты об этих событиях с перечислением участвующих артистов (В.С. Бараш, Л.А. Гатова, М.А. Гида-Гонич, Нора Рубио, А.И. Мозжухин, Е.А. Хенкина) регулярно публиковались. Союзом устраивались выставки с участием художников (Ю. Анненков, Л. Воловик, Н. Гончарова, М. Ларионов, П. Мансуров, И. Пуни, Х. Сутин, Р. Фальк, М. Шагал и др.³⁸), но некоторые специалисты считают, что СДСР использовал нуждающихся художников, не упускавших случая выхода к широкой публике³⁹. В Союзе работала библиотека (ответственная В. Шпенглер), драматическая студия (Е. Нелидова-Хенкина), молодежный кружок⁴⁰ (создан по инициативе А. Эфрон⁴¹). Для знакомства с советской культурой по воскресеньям проводили закрытые кинопоказы («Аэроград», «Юность Максима», «Последняя ночь», «Дети капитана Гранта», «Броненосец Потемкин») и редкие встречи с приезжавшими из СССР артистами. Чаще устраивали чтение отрывков из произведений («Швамбрания», «Хлеб», «Тихий Дон», «Поднятая целина») ⁴².

Для поддержания членов Союза на улице Бюси была устроена дешевая столовая, не приносявшая прибыль. Здесь «кормили по себестоимости, за гроши – щи да каша. Длинные столы, скамьи, алюминиевые миски, ложки – серый хлеб большими ломтями – вкусно было и весело, ели да похваливали – шутили, шумели. ...кормили один раз в день»⁴³.

О похожей работе в филиалах в «Нашей Родине» временами появлялись заметки. Н.С. Качва вспоминал: «В Лионе в филиале СДСР изучали общественно-политический строй СССР, организовывали лекции, доклады, показы советских фильмов, библиотеки-читальни советской литературы»⁴⁴. В четырехкомнатном доме работавшего таксистом Качвы, по сути, был штаб местного отдела. Местные здесь собирались «на чашку чая», приезжающие из Парижа товарищи ночевали⁴⁵. Но перио-

³⁶ Хенкин 1984: 89

³⁷ В Союзе Друзей Советской Родины 1938 (d): 16.

³⁸ Анненков 1936: 22-23.

³⁹ Ваксберг, Герра 2010: 72.

⁴⁰ Кочетков 2013 (a): 36-37; Хенкин 1984: 88, 89.

⁴¹ Кудрова 2002: 522.

⁴² Союз Друзей Советской Родины 1937: 28; Хроника Союза Друзей 1937 (b): 21; В Союзе Друзей... 1937: 17; 1938 (a): 22; 1938 (b): 17; 1938 (c): 15; 1938. (d): 16; Хроника Союза 1939 (a): 24; Хроника Союза 1939 (b): 15; Хроника Союза 1939 (c): 15; Вечер журнала «Наша Родина» 1939: 15.

⁴³ Эфрон 2008. Т. 2: 129; Кочетков 2013 (a): 38.

⁴⁴ АДРЗ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 22. Л. 1.

⁴⁵ Архив ДРЗ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 21. Л. 10об.

дичность отчетов в журнале показывает, что группы СДСР в провинции серьезно уступали активности центра.

Еще одним направлением работы было участие в проводимых разными эмигрантскими организациями диспутах. Алексей Кочетков описывал дискуссию с участием «оборонцев» и «пораженцев», которая завершилась потасовкой с оппонентами из НСНП⁴⁶. Видимо, на таких мероприятиях рукоприкладство было обычным явлением, потому что о нем вспоминали и активисты НСНП⁴⁷. Часто драки проходили на студенческом Бульмише (бульвар Сен-Мишель), где левая эмигрантская и французская молодежь выступали вместе⁴⁸. «Иногда я приходил домой с подбитым глазом или рваной рубашкой», – вспоминал об этих днях анархист Сосенко. Он уточнял, что продававшие газеты молодые левые подвергались атакам правой молодежи и сами совершали нападения⁴⁹.

Помимо общественной работы СДСР вел еще и дополнительную – секретную. Недруги утверждали, что Союз отправлял добровольцев в Испанию, готовил явочные квартиры для агентов НКВД, устранял политических врагов⁵⁰. Мы не будем подробно описывать участие русских эмигрантов в целом в гражданской войне в Испании⁵¹, остановимся на поддержке Союзом республиканской армии. По данным белоэмигрантов и французской полиции добровольцами занимались отец и дочь Эфроны⁵², которым удалось отправить в Испанию несколько десятков человек⁵³. Впервые о значимой роли возвращенцев в вербовке волонтеров заговорила леволиберальная газета зарубежья «Последние новости», опубликовавшая цикл статей «Торговцы пушечным мясом», где писали, что вербовали эмигрантов «выссылаемых, безработных, завсегдаев бесплатных столовых и ночлежных домов. В среде этих голодных людей, не имеющих ни крова, ни куска хлеба, велась усиленная пропаганда, и не без успеха»⁵⁴. Похоже вербовщик Ариадна Эфрон описывала уехавшего в Испанию бывшего полковника Глиноецкого, который долго не мог найти постоянную работу и даже голодал. Получив разрешение на отъезд, Глиноецкий преобразился – «совсем другой, оживлённый, помолодевший, распахнутый, оживший, а не оживлённый!»⁵⁵.

Борьбе с фашизмом помогли и в провинции. В Лионе усилиями Николая Качвы и французской компартии был организован славянский сектор «Комитета помощи Республики Испания», который вербовал

⁴⁶ Кочетков 2013 (а): 51–52.

⁴⁷ «Даже если бы мы тогда могли заглянуть в будущее...» 1983: 39.

⁴⁸ Кочетков 2013 (а): 41.

⁴⁹ Sossenکو 2004: 64.

⁵⁰ Без подробностей о «секретной» работе писали и французы. См.: Rachart 1937(а): 4.

⁵¹ См. специальные работы. Напр., Семенов 2016.

⁵² Эфрон 2007. Т. 1: 254; Лосская В. 1992: 183, 313.

⁵³ Эфронами было отправлено до двух сотен человек. Всего на стороне республиканцев воевали около 300 белоэмигрантов. Подробнее см.: Семенов 2016: 116–117.

⁵⁴ Цит. по.: Семенов 2016: 114, 115.

⁵⁵ Эфрон 2008. Т. 2: 130.

добровольцев для интербригад, собирал средства на покупку оружия и продовольствия»⁵⁶. Правда, кроме отправки добровольцев СДСР, по воспоминаниям одного из членов, не ставил никаких других задач, – их определяло советское консульство⁵⁷.

Кроме бедственного положения белоэмигранты приводят и другие мотивы участия в войне: Эйсер отмечал борьбу «за правое дело»⁵⁸, а Роллер возможность «искупить свою невольную вину»⁵⁹. Перед отъездом Глиноецкий говорил, что, «согрешив оружием, оружием же и искупит»⁶⁰. Многие возвращенцы верили, что после войны в Испании будет открыт путь домой. Об этом говорило руководство: «руководители “Союза возвращения на родину” прямо обещали, что политически проверенные товарищи, которых организация допустит к участию в боях против фашизма в Испании, получат советский паспорт и визу в СССР»⁶¹. Добавим, что соответствующее решение было принято в начале 1937 г. в Москве: «На ваш 949 сообщаем — разрешается возвращение в СССР тем из бывших русских белогвардейцев, которые честно дрались на стороне республиканских войск в Испании и вследствие ранений или болезни сейчас не могут активно участвовать в дальнейшей борьбе. По поручению инстанции Хозяин»⁶². Однако эти надежды не оправдались.

Таким образом, можно сделать вывод о целом комплексе причин, побуждавших к отъезду на «чужую войну».

Если вербовка добровольцев привлекла внимание французских силовиков, то «прославился» СДСР причастностью к убийству невозвращенца Игнатия Рейсса. Экс-сотрудник НКВД за рубежом наладил контакты с троцкистами и был застрелен спецгруппой 4 сентября 1937 г. около Лозанны. Позднее эмигрантская пресса описала схему секретной деятельности: эмигранты (Тверитинов, Ковалев, Ларионов и «товарищ Мишель»), подчинявшиеся резиденту НКВД, вели «чекистскую работу», в т.ч. по устранению врагов⁶³. Эти обвинения находят подтверждение. Английский исследователь Кембалл, изучая в швейцарских архивах обстоятельства «дела Рейсса», пришел к выводу о руководящей роли в преступлении Сергея Эфрона и причастности СДСР⁶⁴.

Это убийство могло бы остаться малозаметным эпизодом, если бы не совпало с похищением лидера военной эмиграции генерала Миллера – между ними всего 18 дней! Швейцарские и французские СМИ бурно отреагировали. Так, правая «Le Matin» писала, что следы привели поли-

⁵⁶ Архив ДРЗ Ф. 25. Оп. 1. Д. 22. Л. 1.

⁵⁷ АДРЗ. Ф.25. Оп. 1. Д. 75. Лл. 2-3. О совместной работе с советскими спецслужбами пишут и современные историки. См.: Семенов 2019: 239.

⁵⁸ Эйсер 1990: 81.

⁵⁹ РГАСПИ Ф. 553. Оп. 1. Д. 5. Л. 19.

⁶⁰ Эфрон 2008. Т. 2: 130.

⁶¹ Эйсер 1990: 19.

⁶² Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД 2004: 41.

⁶³ Франсуа 1946: 188.

⁶⁴ Кембалл 1981: 47.

цию на улицу Бюси. По мнению газеты, под безвредной вывеской «клуба друзей советской Родины» эта организация отправляла бойцов в Испанию и сформировала в эмигрантской среде сеть информаторов⁶⁵. В та-ком же тоне писали «Le petit Parisien» и «Le petit journal» (последняя газета требовала от полиции активных действий). Запоздалый обыск, проведенный в СДСР только в середине октября, выявил связь в указанных преступлениях⁶⁶. Среди фигурантов устранения Рейсса были обнаружены сотрудники советского торгпредства, местные коммунисты и российские эмигранты – целая сеть! Однако медлительность французских силовиков позволила большинству подозреваемых скрыться⁶⁷.

Не все из группы убийц Рейсса и слежки за троцкистами (В. Кондратьев, супруги Клепинины, Д. Смиренский (Марсель Роллин), Р. Штейнер, М. Штранге) состояли в СДСР, но все были связаны с Эфроном, который был крупной фигурой советской разведки во Франции⁶⁸. Исследователь большевистской оппозиции В.З. Роговин, ссылаясь на допросы Эфрона в СССР, указывает, что им были завербованы 24 человека⁶⁹. Упомянутый выше член СДСР Хенкин тоже указывал на центральную роль Эфрона в создании диверсионно-разведывательной сети⁷⁰. На допросах во французской полиции эмигранты, агенты Эфрона, рассказывали, как получали от него задания, говорили о финансах, которыми он распоряжался⁷¹. Схожая информация содержится в документах швей-царской полиции⁷²; о предложении «работать для родины» свидетельствовал ведущий банковский специалист А.В. Соллогуб⁷³; председатель лионского отдела Качва вспоминал о вербовке эмигрантов «для работы по специальной линии»⁷⁴. Добавим, что зарубежье действительно было пронизано советскими агентами. Этому способствовал и естественный интерес советских спецслужб к белой эмиграции, и начавшееся сближение СССР и Франции. Последняя нуждалась в союзнике и зачастую закрывала глаза на некоторые эксцессы.

У СДСР были многогочисленные друзья. Прежде всего, коллеги по оборонческому лагерю – «Русское эмигрантское оборонческое движение» (РЭОД), которые, однако, не разделяли марксизма⁷⁵ и были союзниками лишь потому, что отрицали интервенцию⁷⁶. Французским МВД выделялись два течения в РЭОД: официальное – за Россию, но против

⁶⁵ L'enquête sur l'assassinat de Reiss et la perquisition rue de Buci 1937: 1, 2.

⁶⁶ Veran 1937: 1, 5; Rachart 1937 (b): 4.

⁶⁷ Подробнее см.: Зензинов В. 1938 (a), 1938 (b), 1938 (c).

⁶⁸ Подробнее см.: Kunzi, Huber 1991. Pp. 285 - 310.

⁶⁹ Роговин 1997.

⁷⁰ Продолжительность жизни. Беседа с Кириллом Хенкиным...

⁷¹ Kunzi, Huber 1991. Pp. 288-290.

⁷² Кембалл 1981: 47.

⁷³ Лосская 1992: 187.

⁷⁴ АДРЗ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 21. Л. 9.

⁷⁵ Цурганов 2001: 282.

⁷⁶ Кочетков 2013 (a): 49-50.

Сталина, ориентированное на западные демократии; и скрытое, сторонники которого были готовы работать на советскую разведку против эмигрантов⁷⁷. Тесные контакты у «Союза Друзей» были и с местными коммунистами (РС – SFIC), многие члены СДСР состояли во французской компартии. Но главным союзником СДСР было советское полпредство. На это указывают и отчеты французских полицейских, утверждавших, что советское правительство поощряло «создание организаций и ассоциаций в свою поддержку»⁷⁸, и сведения семьи Эфронов. Ариадна Эфрон писала, что журнал «Наш Союз», в котором она сотрудничала, издавался советским полпредством⁷⁹; ее брат Георгий вспоминал о «передаточном пункте» финансов от советских дипломатов⁸⁰. Сотрудничество СДСР и полпредства не было тайной, в белоэмигрантской прессе конца 1930-х гг. можно встретить неоднократные упоминания как вымышленных, так и реальных фактов сотрудничества.

Вернемся к одной из целей, которая манила эмигрантов – репатриации. Как мы говорили ранее, в предвоенный период членов «Совнарода» – СДСР, которым удалось уехать, немного: Балтер, Ларин, Тверитинов, мать и сын Хенкины, Эйснер, семья Эфронов. Почти у всех судьба сложилась трагично: через советские лагеря прошли Алексей Эйснер и Ариадна Эфрон, Павел Балтер и Сергей Эфрон были расстреляны, Алек-сандр Тверитинов умер в заключении, Георгий Эфрон погиб на фронте, Кирилл Хенкин эмигрировал вторично.

Рассмотрим судьбу других членов СДСР, воевавших в Испании. После поражений 1939 г. республиканцы отступили на территорию Франции, где были интернированы в лагерях (в основном Аржелес (Argelès), Верне (Vernet d'Ariège), Гюрс (Gurs) и Сен-Сиприен (Saint-Cyprien)). Весной – летом 1939 г. после того, как был налажен быт, интернированные смогли заниматься спортом, учебой, выходить за пределы лагерей. Но с началом мировой войны все изменилось – во Франции начались преследования коммунистов и им сочувствующих. Власти издали декрет об интернировании «подозрительных и нежелательных иностранцев», и в сентябре 1939 г. многие возвращенцы и оборонцы были арестованы. Дело в том, что после пакта Молотова – Риббентропа коммунистов и СССР считали союзниками гитлеровской Германии⁸¹. Записавшиеся было в армию иностранцы-коммунисты стали массово из нее выходить – руководство, расценив войну как «империалистическую», наложило запрет на этот шаг⁸². На наш взгляд, антивоенная линия компартий и Коминтерна привела к репрессиям в отношении членов СДСР. Именно с осени 1939 г. интернированные стали подвергаться давлению

⁷⁷ Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX века.... 2017. Т. 9: 871, 872.

⁷⁸ Там же: 856.

⁷⁹ Эфрон 2008. Т. 1: 9.

⁸⁰ Эфрон 2007. Т. 1; Эфрон 2007. Т. 2: 100.

⁸¹ Любопытно, что арестам подвергались как эмигранты-оборонцы, так и пораженцы. См.: Ковалев 2006: 309.

⁸² Байерляйн 2011: 151–153.

лагерной администрации, а остававшиеся на свободе активисты, несмотря на роспуск отделений Союза⁸³, также были арестованы⁸⁴.

Политически неблагонадежные в массе своей были сосредоточены в Верне. Условия в этом лагере вели к росту заболеваний и смертности⁸⁵, поэтому уместнее его назвать «концентрационным»⁸⁶. Тем не менее в Верне работала подпольная коммунистическая организация, в которую входили и члены СДСР. Подпольщики, наладив связь между кварталами лагеря, помогали другим узникам, распространяли информацию. В феврале 1941-го даже была организована массовая забастовка, правда, окончившаяся неудачей⁸⁷. Постепенно русский контингент в лагерях сокращался: кого-то увезли в Алжир, кого-то «изъяли» немецкие строительные службы. Что же было делать остальным? Об этом в лагерьном подполье велись споры. Мнения разделились: одни противились вербовке на работы, другие считали, что более свободные условия позволят принести пользу⁸⁸. В итоге члены СДСР стали записываться на работы и весной – летом 1941 г. уезжать в Германию. Этот шаг можно считать завершением существования организации.

Таким образом, за 4 года работы (1937–1941 гг.) СДСР, продолжив деятельность «Союза возвращения», стал заметным явлением в деле объединения просоветской эмиграции. А его члены в самом ближайшем будущем приняли активное участие в антинацистском Сопротивлении.

Архивные материалы

Архив Дома русского зарубежья им. А.И. Солженицына (АДРЗ). Ф 25. Оп. 1. Д. 21 Качва Н.С. Воспоминания..

АДРЗ. Ф 25. Оп. 1. Д. 22 Качва Н.С. Автобиография.

АДРЗ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 33 Качва Н.С. Документы.

АДРЗ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 72 Письмо П. Пелехина.

Архив ДРЗ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 75 Письмо Нечаева Г.А.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф.

545. Оп. 6. Д. 1555 Личные дела русских эмигрантов, добровольцев интербригад (Т).

РГАСПИ Ф. 553. Оп. 1. Д. 5 Автобиография и воспоминания Роллера Н.Н.

Archives de la préfecture de police (Paris), 77 W 2427. Dossier 446919 Chibanoff Georges

URL: <https://afr.t-n-v.com/chibanov/dossier-446919/1945>

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Анненков Ю. Выставка «Нашего Союза» // Наш Союз. 1936. №. 7-8. С. 22-23. [Annenkov Y. Vistavka "Nashego Soyuza" // Nash Soyuz. 1936. № 7-8. S. 22-23].

Байерляйн Б. «Предатель — ты, Сталин!». Коминтерн и коммунистические партии в начале Второй мировой войны (1939–1941). Утраченная солидарность левых сил / подгот. В. Леонхардом; предисл. Г. Вебера. М.: РОССПЭН: «Фонд Президентский

⁸³ Нам известно постановление лионского отдела СДСР, скорее всего оно было типичным для всех филиалов. См.: АДРЗ Ф. 25. Оп. 1. Д. 21. Лл. 7, 10об.

⁸⁴ Всего за полгода с начала войны во Франции было проведено 10 550 обысков и арестовано 3400 коммунистов См.: Peschanski 2000: 138.

⁸⁵ Точное число умерших русских эмигрантов установить невозможно. Известно, что в 1939–1944 гг. в Верне и окрестных госпиталях умерло 217 человек, напротив 32 фамилий указано «Russe», 2 – «Ukrain». См. Internées du Vernet décédés 1974: 23–27.

⁸⁶ Подробнее о российских эмигрантах в Верне см.: Вовк 2018; Вовк 2019.

⁸⁷ АДРЗ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 21. Лл. 6об.; АДРЗ Ф. 25. Оп. 1. Д. 33. Лл. 12; Peschanski 2000. P. 752; Le Vernet: intellectuels et résistants...

⁸⁸ РГАСПИ. Ф. 553. Оп. 1. Д. 5. Лл. 48.

- центр Б.Н. Ельцина», 2011. 679 с. [Bayerliayn B. "Predatel – ti, Stalin!" Komintern I kommunisticheskie partii v nachale Vtoroy mirovoy voyni (1939-1941). Utrachennaya solidarnost levih sil / podgot. V. Leonhardon; predisl. G. Vebera. M.: ROSSPEN: "Fond Prezidentskiy centr B.N. Elcina", 2011. 679 s.].
- Бочарова З.С. Русский мир 1930-х годов: от расцвета к увяданию зарубежной России. Том 3 // Русский мир в XX веке. В 6-ти томах. Под ред. Г.А. Бордюгова и А.Ч. Касаева. М.: АИРО-XXI, 2014. 334 с. [Bocharova Z.S. Russkiy mir 1930-h godov: ot rascveta k uvядaniyu zarubejnoj Rossii. Tom 3. // Russkiy mir v XX veke. V 6-ti tomah. Pod red. G.A. Bordiugova i A.Ch. Kasaeva. M.: AIRO-XXI, 2014. 334 s.].
- Бочарова З.С. Реализация советской политики по репатриации российских граждан в 1920-е гг. // Нансеновские чтения, 2008 / Ком. по внешним связям Санкт-Петербурга; [науч. ред. М. Н. Толстой]. СПб.: РОО ИКЦ "Русская эмиграция", 2009. С. 234-254. [Bocharova Z.S. Realizaciya sovetsoy politiki po repatriacii rossiyskih grajdan v 1920-e gg. // Nansenovskie chteniya, 2008 / Kom. Po vneshnim sviaziam Sankt-Peterburga. SPb.: ROO IKC "Russkaya emigraciya", 2009. S. 234-254].
- В Союзе Друзей Советской Родины // Наша Родина. 1937. № 5. С. 17. [V Soyuze Druzei Sovetskoj Rodini // Nasha Rodina. 1937 № 5. S. 17].
- В Союзе Друзей Советской Родины // Наша Родина. 1938 (а). № 1. С. 22. [V Soyuze Druzei Sovetskoj Rodini // Nasha Rodina. 1938 (a). № 1. S. 22].
- В Союзе Друзей Советской Родины // Наша Родина. 1938 (b). № 2-3. С. 17. [V Soyuze Druzei Sovetskoj Rodini // Nasha Rodina. 1938 (b). № 2-3. S. 17].
- В Союзе Друзей Советской Родины // Наша Родина. 1938 (c). № 4. С. 15. [V Soyuze Druzei Sovetskoj Rodini // Nasha Rodina. 1938 (c). № 4. S. 15].
- В Союзе Друзей Советской Родины // Наша Родина. 1938 (d). № 10. С. 16. [V Soyuze Druzei Sovetskoj Rodini // Nasha Rodina. 1938 (d). № 10. S. 16].
- Ваксберг А.И., Герра Р. Семь дней в марте. Беседы об эмиграции. СПб.: Русская культура, 2010. 492 с. [Vaksberg A.I., Gerra R. Sem dney v marte. Besedi ob emigracii. SPb.: Russkaya kultura, 2010. 492 s.].
- Вечер журнала «Наша Родина» // Наша Родина. 1939. № 6. С. 15. [Veчер jurnala "Nasha Rodina" // Nasha Rodina. 1939. № 6. S. 15].
- Выдержки из устава Союза Друзей Советской Родины // Наша Родина. 1937. № 2. С. 12. [Viderjki iz ustava Soyuza Druzei Sovetskoj Rodini // Nasha Rodina. 1937. № 2. S. 12].
- Вовк А.Ю. Русский эмигрант во французской тюрьме и лагере для "нежелательных иностранцев" Верне // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2018. № 3 (14). С. 119-130. [Vovk A.Y. Rysskiy emigrant vo francuzskoj turme I lagere dlia "neжелателnih inostrancev" Verne // Jurnal rossiyskih I vostochnoevropejskih istoricheskikh issledovaniy. 2018. № 3 (14). S. 119-130].
- Вовк А.Ю. Русские бойцы интернациональных бригад и члены эмигрантских организаций в лагерях Франции // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. Том 10. Выпуск 2 (76) [Vovk A.Y. Russkie boyci internacionalnih brigad i chleni emigrantskih organizacij v lageriah Francii // Elektronniy nauchno-obrazovatelniy jurnal "Istoriya". 2019. Tom 10. Vipysk 2 (76) <https://history.jes.su/s207987840004618-8-1>].
- «Даже если бы мы тогда могли заглянуть в будущее...». Рассказывает А.П. Столыпин // Посев. 1983. № 9. С. 39-43. ["Daje esli bi mi togda mogli zaglianut' v budushee...". Rasskazivaet A.P. Stolipin // Possev. 1983. № 9. S. 39-43].
- Зензинов В. «Мокрое дело» в Лозанне // Меч. 1938. № 21. С. 4-5 (a-b-c). [Zenzinov V. "Mokroe delo" v Lozanne // Mech. 1938. № 21. S. 4-5 (a-b-c)].
- К двухлетию журнала «Наша Родина» // Наша Родина. 1939. № 5. С. 20. [K dvuhletiyu jurnala "Nasha Rodina" // Nasaha Rodina. 1939. № 5. S. 20].
- Кембалл Р. «Ни с теми, ни с этими» – тернистый путь Марины Цветаевой // Одна или две русских литературы? Женева, 13-15 апреля, 1978. Лозанна, 1981. С. 41-51 [Kemball R. "Ni s temi, ni s etimi" – ternistiiy put' Marini Cvetaevoy // Odnа ili dve russkih literatyri? Mejdunarodnii simpozium, sozvaniiy fakultetom slovesnosti Jenevskogo universiteta I Shveyscarskoj Akademii Slavistiki. Geneva, 13-15 aprilia, 1978. Lozanna, 1981. S. 41-51].
- Ковалев М.В. Участие русской эмиграции во Франции в борьбе с фашизмом // Военно-исторические исследования в Поволжье. Саратов: Изд-во СГУ, 2006. С. 305-318. [Kovalev M.V. Uchastie russkoj emigracii vo Francii v borbe s fashizmom // Voенно-istoricheskie issledovaniya v Povoljje. Saratov: Izd-vo Saratovsk. gos. un-ta, 2006. S. 305-318].

- Кочетков А.Н. У нас в Латинском квартале // Иду к тебе. 1936-1945. Forest Hills: T&B Медиа, 2013 (a). 94 с. [Kochetkov A.N. Y nas v Latinskome kvartale // Idy k tebe. 1936-1945. Forest Hills: T&B Media, 2013. 94 s. (a)]
- Кочетков А.Н. За проволокой // Иду к тебе. 1936-1945. Forest Hills: T&B Медиа, 2013 (b). 104 с. [Kochetkov A.N. Za provolokoju // Idy k tebe. 1936-1945. Forest Hills: T&B Media, 2013. 104 s. (b)].
- Кудрова И. Путь комет: жизнь Марины Цветаевой. СПб.: Вита Нова, 2002. 766 с. [Kudrova I. Put' komet: jizn' Marini Cvetaevoj. SPb.: Vina Nova, 2002. 766 s.]
- Лор Э. Российское гражданство: от империи к Советскому Союзу. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 344 с. [Lor E. Rossiyskoe grajdanstvo: ot imperii k Sovetskomu Soyuzu. M. Novoe literaturnoe obozrenie, 2017. 344 s.]
- Лоская В. Марина Цветаева в жизни. Неизданные воспоминания современников. [М.]: Культура и традиции, 1992. 348 с. [Losskaja V. Marina Cvetaeva v jizni. Neizdannije vospominaniya sovremennikov. [M.]: Kultura i tradicii, 1992. 348 s.]
- Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937-1938. Под ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. В.Н. Хаустов, В.П. Наумов, Н.С. Плотникова. М.: МФД, 2004. 736 с. [Lubianka. Stalin i Glavnoe upravlenie gosbezopasnosti NKVD. Arhiv Stalina. Dokumenti vischih organov partijnoy i gosydarstvennoy vlasti. 1937-1938 / Pod. red. A.N. Yakovleva; sost. V.N. Haustov, V.P. Naumov, N.S. Plotnikova. M.: MFD, 2004. 736 s.]
- Любимов Л. На чужбине. Ташкент: Узбекистан, 1979. 384 с. [Liubimov L. Na chujbine. Tashkent: Uzbekistan, 1979. 384 s.]
- От редакции // Наш Союз. 1937. № 3-4. С. 17. [Ot redakcii // Nash Soyuz. 1937. S. 17].
- Приложение I. Биографические и исторические справки из комментариев к полицейскому отчету 1948 г. о русской колонии в Париже // Закат российской эмиграции во Франции в 1940-е годы: история и память; науч. ред. Д. Гузевич, сост., общ. ред. М. Якунин. Париж, Новосибирск, 2012. С. 163-221. [Prilozhenie I. Biograficheskie i istoricheskie spravki iz kommentarijev k policeyskomu otcetu 1948 g. o russkoy kolonii v Parizje // Zakat rossijskoy emigracii vo Francii v 1940-e godi: istoriya i pamiat'; nauch. red. D. Guzevich, sost. obsh. red. M. Yakynin. Parizj, Novosibirsk, 2012. S. 163-221].
- Продолжительность жизни. Беседа с Кириллом Хенкиным. [Prodoljitelnost' jizni. Beseda s Kirillom Henkinim]. URL: <https://www.svoboda.org/a/24203412.html>
- Роговин В.З. Партия расстрелянных. М., 1997. [Rogovin V.Z. Partiya rastreljannyh. M., 1997 URL: <https://stuff.mit.edu/people/fjk/Rogovin/volume5/xxxix.html>].
- Русская военная эмиграция 20-40-х годов XX века. Документы и материалы. Т. 9: Перед бурей. 1928-1939 гг. / сост.: В.А. Авдеев [и др.]. Курск, 2017. 964 с. [Russkaya voennata emigracija 20-40-h godov XX veka. Dokumenti i materiali. T. 9: Pered burej. 1928-1939 uu./ sost.: V.A. Avdeev [i dr.]. Kursk, 2017. 964 s.]
- Рубакин А.Н. Над рекою времени. М.: Международные отношения, 1966. 527 с. [Rubakin A.N. And rekoju vremeni. M.: Mejdunarodnie otnosheniya, 1966. 527 s.]
- Семенов К.К. Русская эмиграция и гражданская война в Испании 1936-1939 гг. М.: Алгоритм, 2016. 256 с. [Semenov K.K. Russkaya emigracija i grajdanskaja vojna v Ispanii 1936-1939 gg. M.: Algoritm, 2016. 256 s.]
- Семенов К.К. Русская армия на чужбине. Драма военной эмиграции 1920-1945. М.: Вече: Российское ист. о-во, 2019. 349 с. [Semionov K.K. Russkaja armija na chujbine. Drama voennoj emigracii 1920-1945. M.: Veche: Rossiyskoe ist. O-vo, 2019. 349 s.]
- Соллогуб Н.Б. Я вспоминаю // Зайцев Б.К. Собр. Соч. в 5 т. Т. 4. Путешествие Глеба: Автобиографическая тетралогия. М., 1999. С. 3-24. [Sollogub N.B. Ya vspominaju // Zajcev B.K. Sobr. Soch. V 5 t. T. 4. Puteshestvie Gleba: Avtobiograficeskaja tetralogija. M. 1999. S. 3-24].
- Союз Друзей Советской Родины // Наша Родина. 1937. № 1. С. 28. [Soyuz Druzej Sovetskoi Rodini // Nasha Rodina. 1937. № 1. S. 28].
- Тверитинов А. Александр Александрович Тверитинов. Крестный путь на Родину // История, культура и традиции Рязанского края [Tveritinov A. Aleksanr Aleksandrovich Tveritinov. Krestnij put' na Rodinu // Istoriya, kultura i tradicii Riazanskogo kraja] URL: <http://www.history-ryazan.ru/node/5880>
- Франсуа. «Советские патриоты» в Париже (Письмо из Парижа) // Социалистический Вестник. 1946. № 7-8. С. 187-188. [Fransua. "Sovetskie patrioti" v Parizje (Pismo iz Parija) // Socialisticheskiy vestnik. 1946. № 7-8. S. 187-188].

- Хенкин К. Русские пришли. Тель-Авив: «Москва – Иерусалим», 1984. 360 с. [Henkin K. Russkie prishli. Tel-Aviv: knigotovarishestvo “Moskva – Ierusalim”, 1984. 360 s.].
- Хроника Союза Друзей Советской Родины // Наша Родина. 1937 (a). № 3-4. С. 21. [Hronika Soyuzu Druzei Sovetskoi Rodini // Nasha Rodina. 1937 (a). № 3-4. S. 21].
- Хроника Союза Друзей Советской Родины // Наша Родина. 1937 (b). № 5. С. 17. [Hronika Soyuzu Druzei Sovetskoi Rodini // Nasha Rodina. 1937 (b). № 5. S. 17].
- Хроника Союза // Наша Родина. 1939 (a). № 1-2. С. 24. [Hronika Soyuzu // Nasha Rodina. 1939 (a). № 1-2. S. 24].
- Хроника Союза // Наша Родина. 1939 (b). № 3. С. 15. [Hronika Soyuzu // Nasha Rodina. 1939 (b). № 3. S. 15].
- Хроника Союза // Наша Родина. 1939 (c). № 6. С. 15. [Hronika Soyuzu // Nasha Rodina. 1939 (c). № 6. S. 15].
- Цурганов Ю.С. Русское эмигрантское оборонческое движение // Новый исторический вестник. 2001. № 1 (26). С. 279-285. [Curganov Y.S. Russkoe emigrantskoe oboroncheskoe dvizhenie // Novii istoricheskii vestnik. 2001. № 1 (26). S. 279-285].
- Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. М.: Мысль, 1987. 236 с. [Shkarenkov L.K. Agoniya beloy emigracii. M.: Mysl, 1987. 236 s.].
- Эйснер А.В. Двенадцатая интернациональная. М.: Советский писатель, 1990. 632 с. [Eysner A.V. Dvenadcataya internacionalnaya. M.: Sovetskiy pisatel, 1990. 632 s.].
- Эфрон А.С. История жизни, история души: В 3 т. / Сост., подгот. текста, подгот. ил., примеч. Р.Б. Вальбе. М.: Возвращение, 2008. [Efron A.S. Istoriya jizni, istoriya dushi: V 3 t. / Sost., podgot. Teksta, podgot. il., primech. R.B. Balbe. M.: Vozvrasheniye, 2008].
- Эфрон Г.С. Дневники: в 2 т. / Подгот. Е.Б. Коркина и В.К. Лосская. М.: Вагриус, 2007. [Efron G.S. Dnevniky: v 2 t. / Podgot. E.B. Korkina i V.K. Losskaya. M.: Vagrius, 2007].
- L'enquête sur l'assassinat de Reiss et la perquisition rue de Buci // Le Matin. 24.10.1937. № 19574. P. 1, 2.
- Le Vernet: intellectuels et résistants // Le camp de concentration du Vernet d'Arrière 1939—1944 URL: <http://www.campduvernet.eu/pages/histoire-du-camp.html#view-page>
- Internés du Vernet décédés // Le Vernet. Bulletin. № 4. 1974. P. 23-27.
- Kunzi D., Huber P. Paris dans les années 30: Sur Serge Efron et quelques agents du NKVD // Cahiers du monde russe et soviétique, vol. 32, n°2, Avril-juin 1991. P. 285-310.
- Peschanski D. Les camps français d'internement (1938–1946). Doctorat d'Etat. Histoire. Université Pantheon-Sorbonne. Paris I, 2000. 952 p.
- Rachart P. Une visite au siège de l'Union des Amis de la Patrie soviétique où règne le marasme et où le recrutement est tari // Le petit journal. 25.10.1937. № 273 Pl.4 (a).
- Rachart P. Les perquisitions rue de Buci mettent en relief l'activité soviétique en France // Le petit journal. 25.10.1937. № 27311. P. 4 (b).
- Sossenko George. Aventurero idealista. Cuenca: Ediciones de la Universidad de Castilla-La Mancha, 2004. 160 p.
- Veran Geo.-Ch. Skobline, Miller, Reiss, etc. conduisent aux même “témoins” // Le Petit Parisien. 24.10.1937. P. 1, 5.

Вовк Алексей Юрьевич, кандидат исторических наук, старший преподаватель, РГГУ. lewa84@mail.ru

The “Union of Friends of the Soviet Motherland”, 12, de Buci street, Paris

The article discusses the activities of a little-known organization of Russian emigrants in France – the “Union of Friends of the Soviet Motherland” (SDSR). Unlike the masses of emigrants, SDSR members supported the Soviet Union, many of them were members of the Communist Party. The author established the structure of the organization, goals, motives for the entry of emigrants into the SDSR, examined the history of the Union and the fate of individual members.

Key words: Russian emigration, pro-Soviet emigrants, Union of Friends of the Soviet Motherland, France, Communist Party, Spanish Civil War

Alexei Vovk, Ph.D, senior lecturer, Russian State University for the Humanities, lewa84@mail.ru

«ИРЛАНДСКАЯ ВОЙНА» И КОЛОНИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ (БРИТАНСКАЯ ВОЕННАЯ МЫСЛЬ ИНТЕРБЕЛЛУМА)¹

Историки и эксперты разделяют взгляд на Войну за независимость Ирландии как на первый и неудачный опыт британской армии по организации современной контрпартизанской борьбы. Между тем, некоторые важные аспекты участия британской армии в «Ирландской войне» все еще слабо изучены: стратегическое значение имперского контекста; пути, способы и масштаб трансфера опыта контрпартизанской борьбы, приобретенного британской армией в Ирландии. В статье эти проблемы анализируются сквозь призму теоретических и практических особенностей накопления, систематизации и распространения соответствующего опыта британских вооруженных сил во время Интербеллума, а также с учетом различий в понимании природы и характера «Ирландской войны» между военными чинами и правительством.

Ключевые слова: Британская империя, «Ирландская война», колониальный контроль, антиповстанчество

В 1968 г. накануне операции «Стяг», направленной на восстановление порядка и законности в Ольстере (самой продолжительной в истории британской армии и одной из наиболее противоречивых по замыслам, воплощению и результатам), единственный инициированный военными властями анализ контрпартизанской борьбы на «Изумрудном острове» во время войны за его независимость в 1919–1921 гг., 4-х томные «Записи о мятеже в Ирландии», извлекли из архивов Министерства обороны Великобритании, но затем вновь засекретили². Когда британская армия была отправлена в Ольстер в 1969 г. для «поддержки гражданских властей», опыт подавления антиколониальных восстаний после 1945 г. (а не ирландский опыт, приобретенный ею после Великой войны) рассматривался военными как подходящий пример восстановления порядка и законности в условиях протестных движений, сопряженных с вооруженным насилием. Однако в условиях «Беспорядков» в Северной Ирландии этот подход быстро провалился, а другого плана действий у британских служб безопасности не оказалось. В результате пришлось заново изобретать и постигать многое из того опыта, который нашел отражение в «Записях о мятеже» более полувека назад, однако накануне ввода войск в провинцию был в очередной раз засекречен³.

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта РНФ (проект № 17-78-20029).

² Historical Record of Rebellion in Ireland. 1920–1921 // The National Archives [далее TNA]. War Office [далее WO] 141/93; Record of the Rebellion in Ireland. 1922–1923 // TNA. WO 141/94. После того, как «Записи о мятеже» рассекретили, практически все тома этого коллективного труда были опубликованы: British Intelligence in Ireland... 2002; Fighting for Dublin... 2007; Hearts & Mines... 2009; Ground Truths... 2014.

³ Дж. Ньюсингер утверждает, что антиповстанческая стратегия, опиравшаяся на колониальный опыт, была отброшена властями в пользу стратегии внутренней безопасности, которая считалась более подходящей по политическим соображениям и более эффективной в условиях современной либеральной демократии: Newsinger

Труд был подготовлен в 1922 г. офицерами Генеральных штабов Дублинского округа, 5-й и 6-й пехотных дивизий и штаба Ирландского командования во взаимодействии с отделом военных операций и разведки Имперского генерального штаба. Для военных оказалось почти невозможным отделить политические соображения от комментариев по поводу стратегии и тактики – сотрудники Военного министерства даже изъяли из первого варианта работы некоторые пассажи с прямыми обвинениями в адрес правительства в связи с политикой, которую оно проводило в Ирландии⁴. Более того, лица, упомянутые в «Записях» в негативном ключе, еще занимали высокие посты в Ирландской республике годы спустя после окончания конфликта. Таким образом, информация, собранная и проанализированная офицерами ирландской службы в этой работе, в 1968 г. все еще оставалась политически чувствительной для Лондона (особенно в свете начавшихся «Беспорядков» на Севере) так же, как и в 1923 г., когда этот труд был засекречен впервые.

Имея в виду, что «Записи о мятеже» были засекречены вплоть до начала XXI в., не удивительно, что в историографии «Ирландской войны», ее понимании на уровне публичных и экспертных дискуссий, по-прежнему доминирует традиционный взгляд на природу, характер, содержание и исход этого конфликта. Сводится он, по сути, к тому, что изнурительная борьба Ирландской республиканской армии (ИРА) против британских сил безопасности на острове привела к патовой ситуации. В результате британское правительство под руководством Дэвида Ллойд-Джорджа было вынуждено последовательно пойти на заключение перемирия летом 1921 г., переговоры с представителями партии Шинн Фейн и предоставление Ирландии статуса доминиона (кроме шести графств на северо-востоке исторической провинции Ольстер)⁵.

Только в 2001 г. Министерство обороны Великобритании рассекретило «Записи о мятеже в Ирландии» и передало их в Национальный архив Великобритании в Кью. Открывшаяся таким образом возможность изучения этого исторического источника имеет большое значение для понимания характера и логики усилий британских сил безопасности в Ирландии, где после Великой войны порядок в империи оказался под угрозой раньше всего – во время Войны за независимость «Измурдного

1995: 85–111. О похожем подходе к проблеме см.: Mockaitis 1999: 40–57. Однако ясное и детальное представление об оптимальных формах и методах практической реализации новой стратегии у военного и политического руководства применительно к событиям в Ольстере отсутствовало: Edwards 2010: 303–330; Sanders 2013: 465–492.

⁴ Necessary Amendments. Vol. VII [In a letter from WO, Whitehall. 1 August 1922, to Lieut-Colonel D.J.C.K. Bernard. General Headquarters, The Forces in Ireland, Packgate, Dublin] // Historical Record of Rebellion in Ireland... [документ не пронумерован]; 6th Division Record. Points requiring editing before circulation. Vol. VI. M.O. 3 (c). 21.04.1922 // Historical Record of Rebellion in Ireland... [page not endorsed]; Record of the 5th Division [Points requiring editing before circulation. Vol. V]. M.O. 3 (c). 25.04.1922 // Historical Record of Rebellion in Ireland... [документ не пронумерован].

⁵ Например: Cremin 2015: 912–936.

острова» в 1919–1921 гг.⁶ Этот относительно небольшой, но уникальный комплекс документов, уже двадцать лет открытый для академических исследований, позволяет по-новому взглянуть не только на историю «Ирландской войны», но и на ее место в коллективном опыте и стратегическом мышлении британских военных в контексте кризиса лояльности в империи, обострившегося после Великой войны⁷.

Изучение особенностей партизанской войны как наиболее распространенной формы борьбы с британским правлением не только в колониях, но и в самом Соединенном королевстве после Великой войны породило различные формы дискуссий в рядах британской армии об «Ирландской войне». Перемирие с Ирландской республиканской армией послужило импульсом к изучению уроков ирландской кампании в рядах британских вооруженных сил, поскольку возобновление борьбы на «Изумрудном острове» не исключалось. Были организованы лекции и конференции, посвященные герилье в целом и отдельно разведке, как одной из ее центральных проблем: соответствующая конференция в Честере в ноябре 1921 г. и аналогичное мероприятие для офицеров разведки Вспомогательной дивизии в штаб-квартире 6-й дивизии в Корке, конференция об особенностях «Ирландской войны» в военном лагере в Каррэхе. Еще до перемирия в Англии была организована школа по подготовке агентов, специальные курсы для офицеров разведки Вспомогательной дивизии в штаб-квартире Дублинского округа и специальные дивизионные классы по изучению специфики партизанской войны⁸.

С другой стороны, систематически ирландский опыт во время Интербеллума не изучался. После завершения конфликта профессиональный интерес к нему быстро угас. Пара статей в профильных журналах являлась, скорее, исключением⁹. Даже многие авторы полковых историй

⁶ В юридическом смысле Ирландия являлась частью Соединенного Королевства в рамках унии. Однако у большинства исследователей не вызывает сомнений колониальный характер управления этой страной. О содержании основных дискуссий на эту тему см.: *The Oxford History of the British Empire...* 2004 [2006].

⁷ В рамках академических исследований к отдельным томам «Записей о мятеже» специалисты обращались и ранее, но труд, подготовленный офицерами Ирландского командования, не являлся прежде предметом системного изучения (исключением является комментированная публикация первого тома, подготовленная Уильямом Кауттом). Сама возможность такой работы отсутствовала до тех пор, пока документы не были рассекречены в 2001 г. и переданы в Национальный архив Великобритании, где содержится единственная полная коллекция всех сохранившихся томов.

⁸ *Record of the Rebellion in Ireland in 1920–1921, and of the Part played by the Army in dealing with it. Vol. IV. Part I: A History of the 5th Division in Ireland. November 1919 – March, 1922* // *Hearts & Mines* 2009: 128–130, 275–276, 278, 280–286; Sheehan 2011: 164.

⁹ Среди редких примеров: Lowe 1922: 51–54; Dening 1927: 347–354. Показательно, что о французском колониальном опыте 1920-х гг. статей в Великобритании публиковалось больше, чем по конфликту в Ирландии, практически все они были представлены в наиболее статусном специализированном военном печатном издании и вписаны в рамки определенной редакционной политики: *French Morocco...* 1925: 540–544; *French Morocco. Summary of Events...* 1925: 759–764; Fagalde 1926: 281–292; *Warfare in Morocco...* 1926: 572–579; *Tanks in Morocco...* 1926: 293–299.

проигнорировали «Ирландскую войну», затерявшуюся между мировыми войнами: «Для умов, приученных мыслить в терминах событий Великой войны, полицейские функции армии, даже в том случае, когда они принимают форму малых войн, не имеют большого значения»¹⁰.

В 1931–1932 гг. офицер Генерального штаба генерал-лейтенант Артур Эрнест Персиваль в должности инструктора штабного колледжа в Кэмберли вел курс лекций о своем опыте участия в «Ирландской войне» в качестве офицера разведки 1-го батальона Эссекского полка. Своей задачей он считал краткое знакомство слушателей с «лучшими методами, которые могут быть применены в войне этого рода»¹¹. Но несмотря на разбор некоторых тактических особенностей «Ирландской войны», этот учебный курс из двух лекций был совсем не тем набором знаний и практического опыта, на который могли бы рассчитывать слушатели Штабного колледжа в Кэмберли, если бы экземпляры «Записей о мятеже» поступили в его библиотеку, как и планировалось¹².

Таким образом, на первый взгляд «Ирландская война» не стала точкой сборки для военной мысли в вопросе организации антиповстанческой деятельности. В результате службы безопасности в Палестине в 1936–1939 гг. были вынуждены заново учить уроки герильи, уже пройденные армией в Ирландии в 1919–1921 гг.¹³ Отчасти такое положение дел было связано с тем, что для Ирландского командования «Записи» были попыткой оправдаться и объяснить, как и почему армии не позволили победить в «Ирландской войне»¹⁴. Кроме того, военным было непривычно и сложно рассматривать политическую проблему как объект военно-стратегического анализа, имея в виду их предыдущий опыт. Поэтому вместо структурного подхода к пониманию повстанческой активности они предложили нарративный, составив привычную историю «Ирландской войны», известную по другим конфликтам.

С другой стороны, «Записи о мятеже» представляли собой нечто большее, чем просто изложение событий ирландской кампании. Этот труд – уникальное по детализации видение того, как британская армия после Великой войны (со всеми ее международными, информационными и финансовыми последствиями для возможностей служб безопасно-

---

¹⁰ Gwynn 1939 [1934]: 7.

¹¹ Percival 2007 [2005]: 93.

¹² Distribution List. Volume I of Record of Rebellion in Ireland // Record of the Rebellion in Ireland... [документ не пронумерован]. В короткую эпоху Интербеллума «Малые войны» генерала Чарльза Колвелла и «Патрулируя империю» генерала Чарльза Гвинна входили в учебные планы штабных колледжей британской армии, чтобы познакомить слушателей с различными формами повстанческой активности. Но речь в наставлениях шла только ситуации в колониях и других зависимых территориях Британской империи, за пределами метрополии: Callwell 1896; Gwynn 1939 [1934].

¹³ Military Lessons of the Arab Rebellion in Palestine. 1936 / TNA. WO 191/70. Об отсутствии какого бы то ни было практического руководства в этом вопросе пишет и генерал Гвинн: Gwynn 1939 [1934]: 367–393.

¹⁴ Эта точка зрения уже высказалась ранее: Kaut 2014: 7–8.

сти вести борьбу с повстанческими движениями, как за морями, так и дома) интерпретировала свою роль в обеспечении колониального контроля в Британской империи. В этом смысле работа, проделанная офицерами Ирландского командования в 1922 г., предполагала использование «Записей о мятеже» еще и как наставление по организации контрпартизанской борьбы. Общая позиция авторов работы состояла в том, что благодаря ее публикации и распространению в армейских частях и военных учебных заведениях «этот опыт может быть всегда доступен, когда и если будут предприняты похожие операции, не обязательно в Ирландии, но в любой части империи»¹⁵.

Тем не менее «Записи о мятеже в Ирландии» было решено засекретить. Военные и политические власти страны имели причины полагать, что этот труд следует сохранить в тайне, помимо указанных соображений политического характера. Впервые «Записи» засекретили в 1923 г. В свете нестабильного развития военно-политической ситуации на «Изумрудном острове» (гражданская война 1922–1923 гг. и кампания террора, развязанная Ирландской республиканской армией на южных границах Ольстера), боевые действия против британских сил безопасности могли возобновиться в любой момент. Командование, разумеется, не желало, чтобы оппоненты имели даже малейшую возможность ознакомиться с содержанием «Записей». Кроме того, к тому времени не «военная помощь гражданским властям» (ассоциировавшаяся с неудачным, с точки зрения властей, ходом «Ирландской войны»), а «воздушный контроль» (успешно протестированный в рамках колониального опыта и активно поддерживаемый на правительственном уровне самим руководством Королевских военно-воздушных сил) Лондон считал наиболее подходящим для обеспечения внутренней безопасности Британской империи в условиях стремительного сокращения ее финансовых возможностей и массовой демобилизации после Великой войны¹⁶.

Таким образом, «Записи о мятеже в Ирландии» так и не стали общедоступным для британского офицерского корпуса теоретическим осмыслением практических мер противодействия повстанческой активности. С точки зрения последующего анализа этой проблемы отсутствие возможности в течение долгого времени изучать события «Ирландской войны» с другой стороны конфликта, с позиции сил безопасности, вело к ошибочному представлению о поражении Лондона в этой борьбе.

¹⁵ Record of the Rebellion in Ireland in 1920–1921, and of the Part played by the Army in dealing with it. Vol. I: Operations // Ground Truths... 2014: 16.

¹⁶ Например: Memorandum by the Air Staff. What Air Control means in War and Peace and what it had achieved. Air Staff. 20th June, 1930 / Air Control. Staff Papers, 1929–1938 (Use of Air Force for Imperial Policing). Official Papers of MRAF. Folder IVA // TNA. AIR 75/27; Our military strength in relation to our military commitments. Memorandum by the General Staff. 1923 // TNA. WO. CAB/24/159; Future size of our Regular Army. Memorandum by the Secretary of State for War. 1923 // TNA. WO. CAB/24/159. Подробнее о финансовых и институциональных трудностях, с которыми Имперский Генеральный штаб столкнулся после Великой войны, см.: Jeffrey 1984; Jeffrey 2006.

Другим следствием явилось отсутствие различия между военным и стратегическим поражением в историографических и экспертных дискуссиях об исходе Войны за независимость Ирландии. Между тем, в исторически более широком и важном контексте усилий Британской империи по сохранению колониального контроля в своих владениях во время Интербеллума необходимо принимать в расчет давление взаимосвязанных международных сил, в полной мере развернувшихся в этом качестве после Великой войны – национализма и коммунизма.

Великобритания фактически покинула Ирландию в 1921 г., но сохранила Ольстер и контроль над стратегически важными портами острова. Что при этом намного важнее – Лондон сохранил другие части империи, где пришлось иметь дело со схожими проблемами, вызванными необходимостью противодействовать революционным движениям в это же время. В актуальной для британского правительства логике эвакуация Ирландии не имела принципиального значения на стратегическом уровне, а вот ее сохранение в составе империи в качестве доминиона, напротив, являлось демонстративной мерой, призванной убедить местные национальные элиты в способности Лондона не только применять силу, но и вести диалог и искать взаимоприемлемые решения.

Документы из российских и британских архивов подтверждают, что не менее серьезную угрозу, чем национальные движения, для Британской империи после Великой войны в глазах правительства представляла высокая активность Коминтерна и Советской России/СССР на Ближнем и Среднем Востоке, попытки Москвы (далеко не всегда, впрочем, последовательные) открыть «афганский коридор» в Британскую Индию и спровоцировать новый «Индийский мятеж» в рамках реализации проекта Мировой революции¹⁷. Независимо от того, насколько эти планы были реальны (позиция Афганистана в этом вопросе носила двоякий характер – имелись небезосновательные опасения, что вооруженные Москвой пограничные пуштунские племена смогут угрожать не только Калькутте, но и Кабулу), на этом направлении Кремль предпринимал усилия до середины 1920-х гг. Именно комбинация национализма, коммунизма и панисламизма рассматривалась колониальными администрациями и метрополией как ключевая проблема сохранения имперского контроля в межвоенные годы и одна из самых противоречивых коллизий послевоенного миропорядка¹⁸. До предоставления Британской Индии независимости в 1947 г. колониальные власти были вынуждены постоянно держать в поле зрения переменчивую динамику развития военно-политической ситуации в зоне пуштунских племен¹⁹. В Ирландии пропаганда военных властей была весьма симптоматично направле-

¹⁷ См.: Советская Россия в борьбе за «афганский коридор»... 2017; Тихонов 2008; Норкirk 2006 [1984].

¹⁸ Причем такой взгляд на проблему сохранения колониального контроля разделяли и другие европейские державы, прежде всего, Франция: Thomas 2008: 73–106.

¹⁹ Подробнее см.: Moreman 1998.

на на то, чтобы в глазах общественности по обе стороны Ирландского моря сформировать представление о тесной связи между сторонниками республиканского строя на Эйре и большевиками в Советской России²⁰.

Стратегические приоритеты британского правительства в первые турбулентные годы межвоенной поры наглядно иллюстрирует тот факт, что четверть батальонов (10 из 40), расквартированных в Ирландии под началом ирландского командования, в августе-ноябре 1920 г. пребывали в состоянии постоянной готовности к возможной отправке в Англию для предотвращения беспорядков в связи с массовыми протестами шахтеров, а некоторые армейские части перебросили в это же время на Ближний Восток, а не в Ирландию (несмотря на просьбы местного командования) для восстановления колониального контроля, в то время, как борьба с Ирландской республиканской армией набирала обороты²¹.

Можно понять, почему авторы «Записей о мятеже» скептически оценивали решения Лондона, не говоря об историографической традиции в данном вопросе. Однако контрпартизанская борьба на Эйре не была ими проиграна с точки зрения сохранения империи в целом – в контексте британской колониальной политики этого периода она являлась лишь частью имперской мозаики. Разнородность конфигурации Британской империи и сложность ее внутренней организации, особенно после Великой войны, оказывала самое существенное влияние на отношение официальных властей к развитию военной и политической ситуации в Ирландии. В этом смысле «Записи» только еще раз подтверждают, что их авторы, несмотря на вполне резонные обобщения в вопросе противодействия повстанческой активности в империи, сохранили типичное для военных «туннельное видение» ситуации, рассматривая проблему колониального контроля в актуальных для ирландского командования, но узких для правительства рамках «Ирландской войны».

«Записи о мятеже» обнаруживают, что «Ирландская война», как и «Беспорядки» в Ольстере второй половины XX в., завершилась летом 1921 г. не из-за патовой ситуации, в которой оказались на «Изумрудном острове» британские вооруженные силы и их оппоненты. Перемирие, как результат переговоров британского правительства с представителями Шинн Фейн и ИРА, было обусловлено не только неприемлемой для

²⁰ В одной из пропагандистских брошюр, подготовленных по инициативе военного командования, вопрос о перспективах международных связей Шинн Фейн и ИРА был поставлен ребром: «Вашингтон не вмешается, Берлин не может. Доверитесь Москве?»: Sheehan 2011: 110.

²¹ В 1921 г. численность британских войск в Ирландии увеличилась, имелись планы нарастить ее до 80 тыс. чел., но на эти меры власти решились только после временной стабилизации ситуации на Ближнем и Среднем Востоке – завершения Англо-афганской войны 1919 г., подавления восстания в Месопотамии 1920 г. и прекращения операций в Вазиристане 1919–1920 гг. против пуштунских племен. О масштабах этих проблем говорит обсуждение в Королевском институте объединенных служб (старейшей британской «фабрике мысли» при Военном министерстве): Operations in Waziristan... 1921; Haldane 1923: 63–81; Third Afghan War... 1926.

Лондона перспективой затягивания конфликта, но и тем, что Королевская ирландская полиция, армия и вспомогательные отряды смогли достичь «приемлемого уровня насилия» в провинции, что в сумме обеспечило британским властям более прочную переговорную позицию²².

Основная задача сил безопасности заключалась не в разгроме ИРА, а в недопущении установления в Ирландии республики и ее полного выхода из состава империи²³. Как писали сами авторы «Записей о мятеже»: «Все, на что военные власти когда-либо претендовали, это то, что войска способны ограничить действия вооруженных мятежников в такой мере, которая была бы достаточной, чтобы создать ситуацию, в которой политическое решение имело бы шанс быть принятым»²⁴. В этом смысле британская армия, по сути, заменившая полицию на переднем крае борьбы с ИРА на острове уже к началу 1920 г., оказалась значительно более восприимчивой не только к тактике, но и, в известной мере, к стратегии противника, чем принято считать²⁵.

С другой стороны, такой ревизионизм хотя и помогает подойти к изучению проблемы, применяя обратную перспективу, то есть с учетом позиции британских сил безопасности, не позволяет вывести разговор о борьбе с восстанием за рамки собственно «Ирландской войны». Недостаточное внимание к имперскому контексту ирландской политики Лондона после Великой войны, принципиально важному при принятии стратегических решений, затрудняет понимание событий на «Изумрудном острове» во время Войны за независимость 1919–1921 гг.²⁶ Для воссоздания геополитической мозаики политики колониального контроля необходимо учитывать типологически схожие случаи повстанческой активности в других, не менее, а иногда и более беспокойных частях Британской империи – от Египта и Месопотамии до Северо-Западной Пограничной провинции Британской Индии в это же время.

Отсутствие ясности в этом вопросе мешает пониманию стратегического смысла успеха в борьбе с ИРА, каким он виделся руководству

---

²² Именно так военные власти характеризовали успех антиповстанческих операций против ИРА и ее ответвлений уже в Северной Ирландии во второй половине XX в. Несмотря на попытку Министерства обороны представить опыт армии по стабилизации положения в Северной Ирландии в 1969–2007 гг. в рамках операции «Стяг» как скорее положительный, почти все комментаторы обратили внимание на то, что в конечном итоге добиться поражения т.н. Временной Ирландской республиканской армии силам безопасности в Ольстере так и не удалось, несмотря на все усилия по снижению уровня насилия в провинции до «приемлемого»: Operation Banner... 2006.

²³ Townsend 1983: 344; Sheehan 2011: 175–176; Kautt 2014: 8. Билль о самоуправлении Ирландии был уже одобрен британским парламентом в 1914 г., и его основные положения фактически совпали с полномочиями Ирландского свободного государства в рамках статуса нового доминиона, признанного Лондоном и Дублином в 1922 г.

²⁴ Record of the Rebellion in Ireland in 1920–1921, and of the Part played by the Army in dealing with it. Vol. I: Operations // Ground Truths...:185.

²⁵ Sheehan 2011: 132–176.

²⁶ Лишь небольшое количество работ затрагивает этот сюжет: Jeffrey 1984; Jeffrey 2008: 243–256; Wiel 2010.

Великобритании в конкретном историческом контексте переопределения колониального миропорядка в рамках формировавшейся Версальско-Вашингтонской системы международных отношений. В результате недостаточной глубины и широты взгляда на проблему колониального контроля (характерной для республиканской историографической традиции) представление о том, что Лондон потерпел поражение в Ирландии к лету 1921 г., все еще является весьма распространенным даже в профессиональном историческом сообществе, хотя не соответствует реалиям Интербеллума – стратегическим приоритетам Британской империи после Великой войны²⁷. Соответственно и критика политики правительства в Ирландии военными в «Записях о мятеже» во многом была связана с тем, что формирование у них достаточно предметных представлений о специфике конфликта, путях и способах его урегулирования наталкивалось на сдержанную позицию Лондона, обусловленную необходимостью параллельно решать другие тесно взаимосвязанные финансовые и военно-политические задачи, в том числе по сохранению заморских владений Британской империи.

Наконец, содержание «Записей о мятеже в Ирландии» во многом противоречит принятым способам размышлений об этом конфликте. Рассекреченные документы из Национального архива, все еще недооцененные и пока довольно редко используемые в исторических исследованиях (контрастируя в этом смысле со свидетельствами о британских антиповстанческих операциях в эпоху деколонизации, известными как «мигрировавшие архивы» из Хэнслоуп-парка, рассекреченными Министерством иностранных дел в 2012 г.), демонстрируют, что «Ирландская война» не была фальстартом современного повстанчества, несмотря на распространенное представление, будто бы после Второй мировой войны повстанцы были вооружены современным оружием и националистическими идеями, в отличие от слабо и плохо вооруженных бунтарей против колониального правления в предыдущую эпоху. На самом деле известно, что «Ирландская война» стала прототипом для многих национально-освободительных войн в качестве символа и примера успешного восстания, несмотря на компромиссный характер соглашения о предоставлении южной Ирландии статуса доминиона Британской империи.

Вместе с тем партизанская война в Ирландии явилась транзитной кампанией не только для восставших, но и для британских сил безопасности. Как уже указывали некоторые эксперты, это был переход от традиционных форм колониального контроля к современным техникам антиповстанчества²⁸. В то же время это утверждение поднимает вопрос

²⁷ Среди недавних исследований на эту тему, полностью или частично воспроизводящих традиционную республиканскую историографическую традицию, см., напр.: MacMahon 2008; Cremin 2015: 912–936.

²⁸ С тактической точки зрения британские военные в Ирландии во время Войны за независимость апеллировали к еще более ранним примерам – Англо-бурской войне борьбе с террористическим подпольем в Бенгалии: Sheehan 2011: 94, 97, 103, 139, 174.

о специфике трансфера опыта и знаний среди британских сил безопасности применительно к антиповстанческой деятельности в свете многочисленных операций по поддержанию колониального порядка в межвоенный период. Совпадения во взглядах на принципиальные аспекты природы и характера герильи в наиболее влиятельной работе на эту тему во время Интербеллума, «Патрулируя империю» генерала Чарльза Гвинна, использовавшейся в учебном процессе при подготовке офицеров в штабных колледжах в 1930-е гг., и «Записями о мятеже», засекреченными в 1923 г., обнаруживают, что, помимо кадровых перемещений в пределах империи военных и полицейских чинов с ирландским опытом, трансфер приобретенных в Ирландии навыков контрпартизанской борьбы осуществлялся и на теоретическом уровне.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Советская Россия в борьбе за «афганский коридор» (1919–1925): Сб. документов / Ю.Н. Тихонов. Москва: Квадрига, 2017. 532 с. [Sovetskaya Rossiya v borbe za «afganskij koridor» (1919–1925): Sbornik dokumentov / Yu.N. Tihonov. Moskva: Kvadriga, 2017. 532 s.].
- Тихонов Ю.Н. Афганская война Сталина. Битва за Центральную Азию. М.: Эксмо, 2008. 704 с. [Tihonov Yu.N. Afganskaya vojna Stalina. Bitva za Central'nyuyu Aziyu. M.: Eksmo, 2008. 704 s.].
- British Intelligence in Ireland: The Final Reports (Irish narratives) / Ed. by P. Hart. Cork: Cork University Press, 2002. 96 p.
- British Voices from the Irish War of Independence 1918–1921. The words of british servicemen who were there / Ed. By W. Sheehan. Cork: The Collins Press, 2007 [2005]. 262 p.
- Callwell C.E. Small Wars. Their principles and practice. London: General Staff – War Office, 1896. 559 p.
- Cremin M.R. Fighting on Their Own Terms: The Tactics of the Irish Republican Army 1919–1921 // Small Wars & Insurgencies, 26:6. 2015. P. 912–936.
- Dening B.C. Modern Problems of Guerrilla Warfare // The Army Quarterly and Defence Journal. 12 January 1927. P. 347–354.
- Edwards A. Misapplying lessons learned? Analysing the utility of British counterinsurgency strategy in Northern Ireland, 1971–76 // Small Wars & Insurgencies. 21:2, 2010. P. 303–330.
- Fagalde A. French North Africa: With Special Reference to Morocco // RUSIJ. 71: 482, 1926. P. 281–292.
- Fighting for Dublin: The British Battle for Dublin 1919–1921 / Ed. by W. Sheehan. Cork: The Collins Press, 2007. 176 p.
- French Morocco. Summary of Events: Summer, 1925 // RUSIJ. 70: 480, 1925. P. 759–764.
- French Morocco: The Situation before the Outbreak of the Present Hostilities // Royal United Services Institution Journal [далее RUSIJ]. 70:479, 1925. P. 540–544.
- Future size of our Regular Army. Memorandum by the Secretary of State for War. 1923 // TNA. WO. CAB/24/159.
- Ground Truths: British Army Operations in the Irish War of Independence / Ed. by W.H. Kautt. Newbridge: Irish Academic Press, 2014. 288 p.
- Gwynn C.W. Imperial Policing. London: Macmillan and Co., 1939 [1934]. 417 p.
- Haldane A. The Arab Rising in Mesopotamia, 1920 // RUSIJ. 68 (469). 1923. P. 63–81.
- Hearts & Mines: The British 5th Division, Ireland, 1920–1922 / Ed. by W. Sheehan. Cork: The Collins Press, 2009. 336 p.
- Historical Record of Rebellion in Ireland. 1920–1921 // TNA. WO 141/93.
- Hopkirk P. Setting the East Ablaze: Lenin's Dream of an Empire in Asia. London: John Murray, 2006 [1984]. 272 p.
- Jeffrey K. Field Marshal Henry Wilson: A Political Soldier. Oxford: O.U.P., 2006. 348 p.
- Jeffrey K. The British Army and the Crisis of Empire, 1918–22. Manchester: U.P., 1984. 200 p.
- Jeffrey K. The road to Asia and the Grafton Hotel, Dublin: Ireland and the «British world» // Irish Historical Studies. Vol. xxxvi, no. 42. 2008. P. 243–256.

- Lowe T.A. Some reflections of a junior commander upon the campaign in Ireland, 1920 and 1921 // *The Army Quarterly and Defence Journal*. 5 October 1922. P. 51–54.
- MacMahon P. *British Spies and Irish Rebels: British Intelligence and Ireland 1916–45*. Suffolk: Boydell Press, 2008. 540 p.
- Memorandum by the Air Staff. What Air Control means in War and Peace and what it had achieved. Air Staff. 20th June, 1930 / Air Control. Staff Papers, 1929–1938 (Use of Air Force for Imperial Policing). Official Papers of MRAF. Folder IVA // TNA. AIR 75/27.
- Military Lessons of the Arab Rebellion in Palestine. 1936 / TNA. WO 191/70.
- Mockaitis T.R. From counterinsurgency to peace enforcement: New names for old games? // *Small Wars & Insurgencies*. 10:2. 1999. P. 40–57.
- Moreman T.R. *The Army in India and the Development of Frontier Warfare, 1849–1947*. London: Palgrave Macmillan, 1998. 258 p.
- Newsinger J. From Counter-Insurgency to Internal Security: Northern Ireland, 1969–1992 // *Small Wars & Insurgencies*. 6:1. 1995. P. 85–111.
- Operation Banner. An Analysis of Military Operations in Northern Ireland. Prepared under the direction of the Chief of the General Staff. Army Code 71842. 2006.
- Operations in Waziristan. 1919–1920. Compiled in the general Staff Branch, Army Head Quarters, India. Calcutta, 1921.
- Our military strength in relation to our military commitments. Memorandum by the General Staff. 1923 // TNA. WO. CAB/24/159.
- Record of the Rebellion in Ireland. 1922–1923 // TNA. WO 141/94.
- Sanders A. Operation Motorman (1972) and the search for a coherent British counterinsurgency strategy in Northern Ireland // *Small Wars & Insurgencies*. 24:3, 2013. P. 465–492.
- Sheehan W. *A Hard Local War. The British Army and the Guerrilla War in Cork, 1919–1921*. Stroud: The History Press, 2011.
- Tanks in Morocco in 1925 // *RUSIJ*. 71:482, 1926. P. 293–299.
- The Oxford History of the British Empire. Companion Series. Ireland and the British Empire* / Ed. By K. Kenny. Oxford: Oxford University Press, 2004 [2006].
- Third Afghan War 1919. Official Account. Compiled in the general Staff Branch, Army Head Quarters, India. Calcutta, 1926.
- Thomas M. *Empires of Intelligence. Security Services and Colonial Disorder after 1914*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 2008.
- Townsend C. *Political Violence in Ireland: Government and Resistance since 1848*. Oxford: Oxford University Press, 1983.
- Warfare in Morocco: 1925–26. Written by an officer of the French General Staff in Paris // *RUSIJ*. 71:483, 1926. P. 572–579.
- Wiel, aan de, J. *The Irish Factor 1899–1919: Ireland's Strategic and Diplomatic Importance for Foreign Powers*. Dublin: Irish Academic Press, 2010.

Малкин Станислав Геннадьевич, доктор исторических наук, доцент, зав.кафедрой всеобщей истории, права и методики обучения, исторический факультет, Самарский государственный социально-педагогический университет; s.g.malkin@mail.ru

The “Irish war” and Colonial Control (British Military Thought during the Interbellum)

Historians and experts share the view on the Irish war of Independence as the first and unsuccessful experience of the British army in modern counterinsurgency. Meanwhile, some important aspects of the British army involvement in the “Irish war” still are underestimated – these are the strategic importance of the imperial context; ways, means and scale of transfer of experience in counterinsurgency acquired by the British security forces in Ireland. All these problems analyzed in the article through the prism of theoretical and practical specifics of collection, systematization and distribution of mentioned experience among the British armed forces during the Interbellum, and in concern with the differences in understanding nature and character of the «Irish war» between the military and the government.

Keywords: British Empire, «Irish War», colonial control, counterinsurgency

Stanislav Malkin, Dr. Sc. (History), Associate Professor, Head of the Department of World History, Law and Methods of Education, Historical Faculty, Samara State University of Social Sciences and Education; s.g.malkin@mail.ru

Л.И. ИВОНИНА

ПРЕЗЕНТАЦИЯ ЕВРОПЫ

Статья представляет собой размышления по поводу книги Х. Духхардта «Миниатюры мира. К истории культуры и иконографии мира в раннее Новое время». Исследование мирных конгрессов во время Вестфальской системы сталкивает ученых не только с меняющимися концепциями международных отношений, но и с новыми практиками презентации дипломатии в Европе. Анализируя иконографию, публицистику и дипломатическую культуру мирных конгрессов, Духхардт дает импульс для новых исследований взаимодействия культуры и дипломатии. Автор статьи полагает, что перформативная природа и художественное оформление конгрессов подчеркивали как европейский характер мира, так и протопатриотические настроения, которые он вызывал. Репрезентативное и дипломатическое искусство примирило и объединяло противников даже в условиях жесткой конкуренции.

Ключевые слова: мир, международный конгресс, иконография, дипломатия, символика, живопись, публицистика

Проблематика мира всегда была актуальной, но, начиная с 1970-х она, как выразился известный немецкий историк Хайнц Духхардт, следуя «модной» тенденции, стала приобретать одухотворенность – в историографии стали все больше внимания уделять культурной репрезентации мира. При этом подавляющее большинство изданий на эту тематику являются результатом коллективной работы исследователей, что объясняется ее композитарным и междисциплинарным характером. Среди них – фундированные издания к юбилею Вестфальского мира, коллективные монографии «Созидание мира в Европе 1450–1815. Искусство дипломатии, дипломатия искусства» (Берлин-Мюнхен, 2013) и «Театр войны – театр мира» (Геттинген, 2018). Примечательны также работы, переосмысливающие значение отдельных конгрессов на основе исследования взаимосвязи между культурой и политикой. Кроме того, на рубеже XX–XXI вв. состоялось значительное количество международных научных форумов, приуроченных к юбилеям окончания европейских войн, на которых были ярко продемонстрированы трансляция и восприятие мирных Конгрессов в широких слоях общества. Обращение исследователей к публичной репрезентации европейских конгрессов весьма значимо в русле изучения оценки современниками и потомками ключевых событий Европы раннего Нового времени и коммеморативных практик. В культуре памяти той эпохи мирные переговоры играли не меньшую, а, возможно, даже большую роль, нежели сражения и войны¹.

В русле исследований репрезентации мира органично вписывается ряд книг Х. Духхардта, все научные изыскания которого, начиная с его

¹ Duchhardt 2019: 3; Kaulbach 2013: 11; Dingel, Paulmann, Schnettger, Wrede 2018; de Bruin, van der Haven, Jensen, Onnekin 2015; Duchhardt, Espenhorst 2013.

первой книги 1976 г., связаны с историей дипломатии от Вестфальского до Венского мирных конгресса. В последней из его работ, явившейся импульсом для написания данной статьи, проанализированы проблемы политической культуры и иконографии раннего Нового времени, причем каждый очерк представляет собой самостоятельное исследование мира в образном и публицистическом отражении на оригинальную тему: символические рамки от заключения до визуализации мира, коллективную память о провальных международных конгрессах, «теневые» фигуры конгрессов, особенности их отражения в живописи и т.д.²

Правовое оформление Вестфальской системы, начавшееся после заключения мирных договоров в Мюнстере и Оснабрюке, венчавших окончание Тридцатилетней войны (1618–1648), сопровождалось ее публичным восприятием и признанием. В первую очередь, это демонстрировали мирные конгрессы, которые являлись не только общим переговорным процессом, но и местом презентации значения и культуры каждого государства. С Вестфальского мира Европа, по меткому замечанию историка А. Шиндлинга из Тюбингена, стала «Европой конгрессов»³.

Системный характер международных отношений требовал строгого соблюдения развивавшегося международного права, что любому государству необходимо было публично демонстрировать. В рамках Вестфальской системы имела место эволюция многосторонней дипломатии, во многом обусловленная развитием гуманитарного права, на основе которого были выработаны правовые нормы, призванные регулировать правила ведения войны и стремиться к миру. В этом смысле конгрессы презентовали известную формулу Гуго Гроция о том, что целью справедливой войны, если она становится неизбежной, является заключение мира. «Мир лучше войны, когда неизвестно, за кем будет победа», – замечал еще в 1559 г. художник Михаэль Кирмер из Регенсбурга. «Мир – наилучшее из благ, война – наихудшее из зол», – писал французский мыслитель и математик XVII в. Блез Паскаль. В сущности, эти высказывания, как и положения Гроция, являются рецепцией из знаменитого сочинения римского историка Тита Ливия: «Лучше мир, чем надежда на победу, потому что мир – в твоих руках, победа же – в руках богов»; «Достигнутый мир лучше и надежнее ожидаемой победы»; «Война справедлива для тех, для кого она неизбежна»⁴. Как и многое другое, восприятие войны и мира в раннее Новое время во многом зиждилось на античных традициях. А мирные договоры, как и объявление войны, рассматривались в качестве ключевой категории фиксации границы между миром и войной, стабильностью и хаосом⁵.

Символическая сила особых «дней» – будь то христианский праздник или событие исключительного значения – давала людям раннего

² Duchhardt 2019.

³ Schild, Schindling 2009: 7.

⁴ Kaulbach 2013: 101; Ливий 2018. Кн. IX. 1, 10.

⁵ Гроций 1994. Кн. I, гл. I, п. 1; Кн. II, гл. XXIV; Klessman 2007: 2.

Модерна украшение их повседневной жизни и момент для выражения своего отношения к реальности и власти. А если и то, и другое совпадало? В очерке «День заключения – прагматизм или символика?» Духхардт анализирует выбор противниками в войне даты заключения мира. Им представлены два варианта последних, один из которых, казалось бы, выглядит прагматическим, а другой символическим. На примерах окончания войн между Османской империей и Европой (мир в Пассаровице между Священной Римской империей и Портой 21 июля 1718 г., мир в Кючук-Кайнарджи 21 июля 1774 г.) фигурирует одна и та же дата, повторяющая момент заключения Стамбулом Прутского мира с Петром I в 1711 г. Дата эта, показывает Духхардт, связана в одном случае, для Порты, с позитивной коннотацией, опорой на счастливый для турецкой дипломатии пример, надеждами на будущее, а в другом, для России – с желанием скорректировать результаты Прутского мира⁶. Другими словами, русская дипломатия стремилась превратить плохую дату в хорошую, подобно тому, как римляне в 275 г. до н.э. переименовали местечко Maleventum в Beneventum после разгрома эпирского царя Пирра.

С другой стороны, день Вестфальского мира, заключенного 24 декабря 1648 г., не повторялся на европейских конгрессах впоследствии, хотя сами документы договоров стали каноном международного права. Второй вариант – заключение мира в христианские праздники, «святые дни» – был более распространен в Европе. Так, мир в Раштатте между Францией и Империей был заключен 7 сентября, в день Рождения Марии, а на «танцующем» Венском конгрессе император Александр предложил заключить мир именно в рождественский вечер – 24 декабря⁷. Как бы то ни было, но противопоставлять прагматизм символическому, намечая день заключения мира, не имеет смысла, ибо вследствие публичности мирных конгрессов в двух вариантах присутствуют и то, и другое. Идеология и практика Классической Европы строились на рациональном подходе к внешней и внутренней политике, учитывавшем государственный интерес и менталитет подданных. Как представляется, анализ проблемы Х. Духхардтом подчеркивает именно этот аспект.

По сути, европейский конгресс был тщательно оформленным торжеством мира, требовавшим значительных средств, подробно освещавшимся в прессе и прославлявшимся в мероприятиях светского и религиозного характера, прессе, литературе, живописи, выпуске памятных медалей и монет, и даже моде. Праздником являлся сам конгресс – его открытие, ход и заключение договоров сопровождалось пирами, балами и фейерверками. Это был перформативный акт, как в культурном (мирные торжества), так и в дипломатическом плане (церемониальный характер переговоров). Театральная обстановка конгресса подчеркивала его перформативную природу, по форме он представлял собой пьесу в нескольких действиях, в которых актеры-дипломаты играли свои роли. Город,

⁶ Duchhardt 2019: 16-19.

⁷ Duchhardt 2019: 21-30.

где проходил международный форум, превращался в самое оживленное и дорогое место Европы. Миру радовались все стороны и выделяли финансовые средства, чтобы устроить торжественные мероприятия, а если какое-либо государство по условиям договоров получало коммерческие выгоды и расширяло свои границы, эти средства были еще больше⁸.

Мир был наивысшей целью и обязанностью государей раннего Нового времени, и его аллегории присутствовали в их репрезентации. Политический язык дипломатии был, в основном, разработан и контролировался социальной элитой, которая получила образование в классической культуре латинских школ и университетов. Поэтому символический язык греко-римской античности или реестр библейских ссылок составляли его основную систему отчета. Мир, например, всегда представлялся символической фигурой, относящейся либо к греко-римскому пантеону с его богами, либо к иудейско-христианскому миру с его библейскими фигурами, ангелами или раннехристианскими святыми.

На памятных медалях и монетах преобладали изображения аллегорий Мира. Примером служат гравюра Сэмюэла Боттшилда «Поцелуй Справедливости и Мира» по случаю мира в Нимвегене; образы мира на серебряной монете в честь договоров в Мюнстере Энгельберта Кеттлера и на медали к миру в Раштатте Георга Фридриха Нюрнбергера. На монете Кеттлера богиня Пакс на солнечной колеснице, которую мчат по небу два увенчанных коронами льва, несет весть о заключении мирных соглашений⁹. Но Духхардт обратил внимание и на другой аспект, игравший значимую роль в иконографии мира – образ собаки, как символ дружбы, справедливости, доверия и мудрости. Дискуссии о роли этого спутника человека имели место от античности до новейшего времени. Яков I Стюарт (1603–1625), который считал, что дьявол способен обернуться собакой, кошкой, обезьяной и «тому подобным существом», пускаясь на всевозможные уловки, чтобы обмануть простодушных христиан, даже прервал ученые споры в Кембриджском университете о логическом понимании образа собаки. Тем не менее, в символизме христианства собака означает верность, бдительность, охрану, а иногда даже становится аллегорией священника, «добротного пастыря». В представлениях того времени собака должна была являться посредником, словно Гермес в античном мире, между земным миром и божественным. Этот образ, еще отсутствуя в изображениях в Мюнстере и Оснабрюке, появляется именно во время правового оформления Вестфальской системы. Собака на первом плане присутствует на картинах Анри Гаскара «Подписание мира между Францией и Испанией в Нимвегене» (1678) и Иоганна Рудольфа Хубера «Делегаты Баденского мирного конгресса» (1714), портретах государей и известных дипломатов кисти Гольбейна, Рубенса, ван Дейка. Собака также подчеркивала суверенитет правителя¹⁰.

⁸ Duchhardt 2019: 13-14; de Bruin, van der Haven, Jensen, Onnekink 2015: 1.

⁹ Kaulbach 2013: 48-49.

¹⁰ Duchhardt 2019: 37-58.

Тему иконографии логично продолжает анализ уже упомянутой монументальной картины Нимвегенского конгресса французского художника Анри Гаскара. Несмотря на особенности ее создания, эта картина стала классическим полотном, изображающим мирный конгресс. На эти особенности и обратил внимание Духхардт, сравнивая художественное творение Гаскара со знаменитой картиной голландского художника тер Борха «Заключение мира в Мюнстере» (1648). Гаскар демонстрирует подписание мира между Францией и Испанией, тер Борх – между Нидерландами и Испанией. Объединяет художников мастерство изображения групп дипломатов и помещение испанской делегации на правой стороне картины. Различий гораздо больше. У тер Борха – миниатюрная картина (45,4×58,5 см), а у Гаскара (161×274,5 см) она занимает целую стену. Тер Борх писал маслом на меди, а Гаскар – на холсте. Городской музей Мюнстера имеет одну копию картины тер Борха, оригинал которой хранится в Лондонской национальной галерее, а полотно Гаскара находится в Музее Het Valkhof в Нимвегене. Но самое главное – по приглашению мэра Амстердама в свите испанского посла графа Пеньярады Герард тер Борх Младший присутствовал на подписании мира, который он изобразил. Гаскар же только через год после Нимвегенского конгресса прибыл в этот город и своими глазами церемонию заключения мира не видел. Именно поэтому, подчеркивает Духхардт, картина Гаскара, которая невероятно близко подошла к «исполнению очевидца», представляет большую ценность. На ней не только максимально точно отражены портреты дипломатов, прекрасно переданы взаимные политические претензии и торжество принципа равновесия сил – полотно Нимвегенского конгресса является реконструкцией истории¹¹.

Тематически связан с предыдущим, но, к сожалению, и не следует за ним в книге, очерк об иконографии Венского конгресса 1814-1815 г., воплощенной в творчестве французского художника Жана-Батиста Изабе. Фактически благодаря этому мастеру можно визуальнo представить образ этого международного форума, исполненный в классических традициях полотен мира. Прибывший на конгресс вместе с Талейраном, Изабе писал портреты позировавших ему поочередно дипломатов. Его «Венский конгресс» (1819) известен и по гравюре Жана Годфруа, выполненной с оригинала. По словам художника, «Мой дом был кулисами конгресса» – ведь в его мастерской для неофициальных бесед встречались полномочные послы и монархи. Сравнивая Изабе с тер Борхом, Духхардт отметил важную особенность его картины: тогда как голландец «фотографировал» акт конгресса, Изабе изобразил не реальное место действия, а искусственную композицию. То был конструкт предполагаемой паузы в дискуссиях протагонистов, которые подчеркнuto небрежно обозначают новую карту Европы и открывают новую фазу международной политики.

¹¹ Duchhardt 2019: 59-90.

Как придворный художник Наполеона, Изабе уже заранее был подготовлен к написанию группового портрета представителей государств, которые вместе не собирались нигде, кроме его картины. Будучи известным портретистом, он был знаком с политической элитой своего времени. Все персонажи на картине расположены по рангу и в подходящих позах. Художник проявил чудо композиционной изобретательности, поместив большую фигуру прославленного маршала Веллингтона к окну, а образы протагонистов – не против друг друга. Подчеркивал ли этим Изабе общность конгресса, примирение Европы? В любом случае, его картина призывала к миру¹².

Не менее интересен, чем «иконографические» исследования, очерк Духхардта о публицистике конгрессов на примере издания «*Friedens-Courier von Soisson*». Раннее Новое время считается первой вершиной мирной публицистики, а международные конгрессы были наивысшей точкой коммуникации. Еще задолго до их открытия, во время переговоров о мире в европейской прессе звучали голоса публицистов, а в ходе работы конгрессов в дело включались сами дипломаты, стараясь представить свои усилия в наилучшем свете. С начала XVIII века европейцы имели много возможностей быть проинформированными о войне, переговорах, встречах монархов и дипломатов, династических альянсах в специальных международных изданиях, где фигурировали понятия «Европа», «внешняя политика» и словосочетание «со всего мира». Информация содержалась в журналах высокого типографского качества – «*Mercurius Europae*» (*Europäische Mercurius*), «*Golos Европы*» (*Europäische Fama*), «*Курьер Мира*» (*Friedens-Courier*) и других, и дополнялась политическими памфлетами и выдержками из апробированных университетских диссертаций на актуальную тематику. Их общий вывод сводился к тому, что баланс сил на континенте должен иметь место между державами, а не между миром и войной.

«Европа не может прийти в себя скоро, когда мир и война в равновесии полно: одни королевства дружны добровольно, другие – друг против друга стоят», – писал анонимный автор стихотворения, помещенного в «*Friedens-Courier von Soisson*» в 1728 г. По сути, уже конгресс в Рисвике 1697 г., завершивший войну Аугсбургской лиги (иные названия этого общеевропейского конфликта – Десятилетняя война, или война за Пфальцское наследство), и конгресс в Утрехте генерировали новый «медиаальный тип», целью которого было периодически знакомить европейское общество с развитием переговорного процесса, и, конечно, комментировать происходящие события. Для ознакомления публики и ее международно-правового просвещения вскоре издавались подробные материалы этих конгрессов. Например, издание документов Рисвикского конгресса появилось уже в 1699 г.¹³

¹² Duchhardt 2019: 143-145.

¹³ Duchhardt 2019:91-92, 108-109; Actes et Memoires des Negotiations de la Paix de Ryswick 1699.

«Забытые» конгрессы и «неизвестные» имена дипломатов – могут ли исследователя международных отношений не заинтриговать эти проблемы? В двух очерках книги Духхардт обращается именно к ним. Казалось бы, что историки еще могут написать о провальном конгрессе в Немирове 1737 г. во дворце графа Юзефа Потоцкого, на котором представители России, монархии Габсбургов и Османской империи не смогли прийти к компромиссу? Немецкий ученый демонстрирует новый ракурс этого конгресса, сосредоточив внимание на причинах его забвения, и, прежде всего, на политической культуре дипломатов.

Немировский конгресс не был «большим» международным форумом в том смысле, что он не привел к определенным решениям, которые имели место на конгрессе в Белграде, завершившем русско-турецкую войну 1735-1739 годов. В Немирове не закончилась война, и не был заключен мир не только вследствие неопределенной ситуации после военной кампании 1736 года, но и из-за недостаточно высокого дипломатического умения, по выражению Духхардта, «тщеславных» представителей договаривавшихся государств. Ни с какой стороны не были сделаны решительные шаги к улучшению существующего положения, и в результате мирный конгресс провалился и стал «забытым»¹⁴. Собственно, и Белградский мирный договор, по сути, сводивший на нет результаты русско-турецкой войны, нельзя назвать успешным. Но, по крайней мере, он привел к миру и действовал фактически до заключения Кючук-Кайнарджийского договора 1774 г.

Духхардт полагает, что Венский конгресс только приблизительно отслежен, а в многочисленных исследованиях этого события имеются штампы, ориентирующиеся на ясные источниковые и визуальные следы. А если эти следы противоречивы? Поэтому в истории этого конгресса и фигурирует «неизвестный англичанин», «фантом», в жизни которого до сих пор имеются спорные моменты. Тем более, персоной, которую не запечатлел на своей знаменитой картине художник Изабе, являлся не кто иной, как Эдвард Гиббон Уэйкфилд (1796–1862) – английский авантюрист и экономист, представитель классической политической экономии. Духхардт попытался выяснить проблему Уэйкфилда на основе довольно скудных источников, отметив, что в биографических ссылках к работам по Венскому конгрессу о нем не найдено никакой информации, как и в классических справочниках дипломатических представителей всех стран, но в статье из Википедии (немецкая версия), послужившей стимулом для его исследования, в отличие от англоязычного варианта, указывается, что наряду с другими британскими послами Уэйкфилд был послан на конгресс королем Георгом III, но никакой значительной роли на нем не играл. Кстати, русскоязычная версия Википедии и вовсе не упоминает о дипломатической деятельности Уэйкфилда, сосредоточив внимание на его авантюрных мероприятиях.

¹⁴ Duchhardt 2019: 111-141.

Обратившись к корреспонденции лорда Карлсри в 12 томах (Венскому конгрессу посвящен том 10), Духхардт обнаружил, что упоминаемый об его присутствии в Вене нет, но время от времени в письмах членов посольства его имя всплывает, что может свидетельствовать о том, что Уэйкфилд все же присутствовал на конгрессе. Учитывая особенности почтовой службы в сложное для Европы время, необходимость сохранения тайны дипломатической и личной переписки членов конгресса, многие письма в то время не подписывались, что могло иметь место и в случае Уэйкфилда. Более того, образованный и ловкий молодой человек, на завершающей стадии Наполеоновских войн служивший королевским посыльным, ответственным за дипломатическую корреспонденцию со всей Европы, а в 1814 г. ставший личным секретарем британского посла в Турине, мог быть задействован на курьерской службе и совмещать ее со своими обязанностями в Италии. Правда, когда король Сардинии посещал конгресс, в составе савойской делегации Уэйкфилд не числился. Все может быть, но, несмотря на вполне логичные предположения, четких доказательств присутствия Уэйкфилда в Вене не обнаружено. И данные из Википедии о том, что он не играл особой роли на конгрессе, пишет Духхардт, можно расценивать в том смысле, что он вообще там отсутствовал¹⁵.

По сути, исследование, или, точнее, исследования Х. Духхардта можно разделить на три группы – иконография мирных Конгрессов, публицистика и дипломатическая культура, и поэтому некоторые очерки книги лучше бы смотрелись в проблемном, а не в хронологическом варианте расположения. При этом все группы исследований, презентуя главную ценность человечества – мир, являются самостоятельными, дискуссионными и относительно незавершенными темами. В этом плане значимость книги сложно переоценить: немецкий историк представляет свежие акценты в изучении международных отношений и дает импульс для новых рефлексий и исследований в области взаимодействия культуры и дипломатии.

Исследование мирных Конгрессов во время Вестфальской системы сталкивает ученых не только с меняющимися концепциями международных отношений, но также с новыми практиками презентации дипломатии в Европе. Переговоры между государствами и заключение мира внесли значительный вклад в цивилизационное наследие континента и в символическом плане являлись способом демонстрации политического единства, как европейских держав, так и государей и их подданных.

Долгие годы конфликтов, как это ни парадоксально, способствовали растущему восприятию «Европы» как международного сообщества, а перформативная природа и художественное оформление Конгрессов подчеркивали, как европейский характер мира, так и протопатриотические настроения, которые он вызывал. Любой мир служил цезурой, гра-

¹⁵ Duchhardt 2019: 153-166.

ницей конкретного исторического периода, и фактор перехода от войны к миру являлся сильнейшим стимулом трансформации государственного устройства в русле монополизации власти, развития торговли, банковской системы, производительных сил и культуры, что меняло отношение людей к собственной личности и к окружающей среде. Публичность международных конгрессов можно также рассматривать в русле развития права народов (*jus gentium*) и как акт гуманитарной дипломатии. Репрезентативное и дипломатическое искусство примиряло и объединяло противников даже в условиях жесткой конкуренции. Мирный Конгресс был также призван минимизировать тяжелое наследие конфликтов в исторической памяти.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Гроций Г. О праве войны и мира: Репринт. с изд. 1956 г. М.: Ладомир, 1994. 868 с. [Grozij G. O prave vojni i mira: Reprint. s izd. 1956 g. Moscow: Ladomir, 1994. 868 s.]
- Ливий Т. История Рима от основания города. М.: Litres, 2018. 2920 с. [Livij T. Istorija Rima ot osnovanija goroda. Moscow: Litres, 2018. 2920 s.]
- Actes et Memoires des Negotiations de la Paix de Ryswick. 4 v. La Haye: Adrian Moetiens, 1699.
- de Bruin R. E., van der Haven C., Jensen L., Onnekink D., ed. Performances of Peace: Utrecht 1713. Leiden: Brill, 2015. 304 p.
- Dingel I., Paulmann J., Schnettger M., Wrede M., hrsg. Theatrum Belli – Theatrum Pacis. Konflikte und Konfliktregelungen in fruehneuzeitlichen Europa. Goettingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2018. 320 S.
- Duchhardt H., Espenhorst M., hrsg. Utrecht-Rastatt-Baden 1712-1714. Ein europaeisches Friedenswerk am Ende des Zeitalters Ludwigs XIV. Goettingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 2013. 422 S.
- Duchhardt H. Friedens-Miniaturen. Zur Kulturgeschichte und Ikonographie des Friedens in der Vormoderne. Munster: Aschendorff Verlag, 2019. 184 S.
- Kaulbach H.M., hrsg. Friedensbilder in Europa 1450-1815. Kunst der Diplomatie, Diplomatie der Kunst. Berlin/Munchen: Deutscher Kunstverlag, 2013. 160 S.
- Klessman B. Bellum solemne. Formen und Funktionen europaeischer Kriegserklaerungen des 17. Jahrhunderts. Mainz: Philipp von Zabern, 2007. 275 S.
- Schild G., Schindling A., hrsg. Kriegserfahrungen. Krieg und Gesellschaft in der Neuzeit. Paderborn: Schoeningh, 2009. 207 S.

Ивоина Людмила Ивановна, доктор исторических наук, профессор, кафедра всеобщей истории, Смоленский государственный университет; ivonins@rambler.ru

Presentation of Europe

The article presents a reflection on the recent book by H. Duchhardt, "Friedens-Miniaturen. Zur Kulturgeschichte und Ikonographie des Friedens in der Vormoderne". A study of Peace Congresses during the Westphalian system confronts scholars not only with new concepts of international relations, but also with new practices in the presentation of European diplomacy. Analyzing the iconography, journalism and the diplomatic culture of peaceful Congresses, the German historian gives impetus to new reflections and researches in the field of the interaction of culture and diplomacy. The author of the article believes that the performative nature and decoration of the Congresses emphasized both the European character of the Peace and the proto-patriotic moods it evoked.

Keywords: Peace, International Congress, iconography, diplomacy, symbolism, painting, journalism

Ljudmila Ivonina, Dr. Sc., Professor, Department of History and Law, Smolensk State University; ivonins@rambler.ru

В.А. ГУТОРОВ, А.А. ШИРИНЯНЦ

О НОВОМ «ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОЧТЕНИИ» ЛИБЕРАЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ¹

Статья представляет критические размышления над книгой норвежского политолога Олы Иннсета «Открываем либерализм заново: политика, философия и политическая экономия раннего неоллиберализма (1920–1947)» (2020), в которой предпринята попытка исторической трактовки формирования и эволюции неоллиберальных идей, – от первых дебатов, связанных с социалистическими «медитативными прогнозами» в «Красной Вене» до учредительного собрания Общества «Мон Пелерин» в 1947 г. Авторы считают, что знакомство с основными идеями книги, аргументацией Иннсета, его оценками неоллиберальных концепций тоталитаризма, либеральных экономических теорий и интерпретаций государства, нередко вступающими в очевидное противоречие с другими многочисленными трактовками неоллиберализма, представленными в новейшей западной аналитической литературе, – все это принесет пользу не только специалистам, но и широкому кругу российских читателей.

Ключевые слова: политические идеологии, неоллиберализм, социализм, государство, историческая ретроспекция, национализм.

Книга «Открываем либерализм заново: политика, философия и политическая экономия раннего неоллиберализма» написана норвежским политологом Олой Иннсетом и опубликована в 2020 г. старейшим международным научным издательством.

Зародившись в Западной Европе в межвоенный период, неоллиберализм как экономическая теория и социальная философия стал интенсивно развиваться сразу после Второй мировой войны. В апреле 1947 г. группа правых интеллектуалов собралась в швейцарских Альпах на десятидневную конференцию с целью создания постоянной организации. Ее основатели, прозванные Фридрихом А. фон Хайеком «армией борцов за свободу», стали активно использовать возникшее несколькими десятилетиями ранее понятие «неоллиберализм» для описания философии, которую они разрабатывали. Позже многие из них станут отдавать предпочтение «классическому либерализму» или другим номинациям. Были ли их либерализм классическим или новым либерализмом? Возникающие новые идеи, как правило, основываются на идеях предшественников, но группа «неоллибералов» предприняла явную попытку изменить либерализм, выйдя за пределы как прежней многовековой либеральной традиции, так и весьма популярной в первой половине XX в. концепции социального либерализма. В книге Иннсета предпринята попытка контекстуальной, исторической трактовки формирования неоллиберальных идей, их истоков и эволюции – от первых дебатов, связанных с социали-

---

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ и Экспертного института социальных исследований, проект № 20-011-31349 «Либеральная традиция и ценности в современном мире: основные тенденции трансформации» / The article was prepared with the support of the Russian Foundation for Basic Research and the Expert Institute of Social Research, project No 20-011-31349 “Liberal tradition and values in the modern world: the main trends of transformation”.

стическими «медитативными прогнозами» в «Красной Вене» 1920-х гг. до учредительного собрания Общества «Мон Пелерин» в 1947 г. Основатели этого Общества – Морис Алле, Аарон Директор, Вальтер Ойкен, Милтон Фридман, Генри Хэзлитт, Бертран де Жувенель, Людвиг фон Мизес, Фрэнк Найт, Майкл Полани, Карл Поппер, Лайонел Роббинс, Джордж Стиглер – были крупнейшими экономистами, философами и политическими мыслителями XX века².

В XXI в. анализ новых версий либеральной теории и практики актуализируется в общественных науках регулярно. Вряд ли следует ожидать, что в ближайшее десятилетие принцип «чистого историзма» восторжествует над различными формами критической философской и идеологически окрашенной рефлексии. Крайне противоречивые результаты неолиберальных экспериментов в странах Центральной и Восточной Европы и в посткоммунистической России в 1990-е гг., а также постоянные попытки неолиберальных групп оказывать воздействие на политические и экономические процессы практически во всех регионах мира, вызывают ответную, далеко не всегда позитивную, реакцию, и по-прежнему стимулируют стремление специалистов разного профиля более глубоко осмыслить феномен неолиберализма, обращаясь к изучению его истоков, о чем свидетельствует обширная научная литература³.

Сразу же отметим, что после глобального экономического кризиса 2008 г. термин «неолиберализм» приобрел в научном и политическом дискурсах довольно негативную окраску. «Хотя термин “неолиберализм”, – отмечает Т. Полини, – используется преимущественно учеными и экономистами, понятия “неолиберал” или “неолиберализм” являются не только экономическими, но и культурными понятиями. Несмотря на эту кажущуюся неразличимость... за последние тридцать лет неолиберализм стал всеобъемлющей силой в повседневной жизни. Его словарь, включающий термины “самоконтроль”, “личная ответственность” и “индивидуальная свобода”, проник в различные культуры по всему земному шару, его можно встретить в таких разнообразных ракурсах, как дискуссии по экономической политике, где государственные мужи призывают к дерегулированию рынка, коммерческие ролики, рекламирующие рецептурные лекарственные средства, в которых потребителям вещают об их “праве” лечиться от любого количества заболеваний. Они появляются в спонсируемых Всемирным банком фильмах: в них потенциальное улучшение жизни людей с ограниченными возможностями увязывается, скорее, с их “личным упорством”, чем с внешними силами... Неолиберализм теперь понимается одновременно как экономиче-

² Восемь его участников стали лауреатами Нобелевской премии по экономике (Фридрих А. фон Хайек, Милтон Фридман, Джордж Стиглер, Морис Алле, Джеймс М. Бьюкенен, Рональд Коуз, Гэри С. Беккер и Вернон Смит).

³ См., например: Bonotti 2017; Luce 2017; Tirole 2017; Blackford 2018; Deneen 2018; Houck 2018; McManus 2018; Charvet 2019; Faria 2019; Mitchell 2019; Simpson 2019; McManus 2020 и др.

ская политика, система государственного управления и идеологическая сила. Он влияет и сам подвергается влиянию со стороны культурных практик, гендерной идеологии, публичной политики и... характерной взаимосвязи между национальными государствами, педагогическим потребительством и формированием современной субъективности»⁴.

Иннсет явно не склонен разделять такое критическое суждение. Его работа имеет преимущественно академический характер, а потому не выглядит чрезмерно ангажированной и почти лишена как публицистического налета, так и стремления вступать в идеологические споры с противниками неоллиберализма. Все эти тенденции проявляются, в том числе, и в характере обоснования довольно необычного названия книги. Речь идет об обозначенном автором намерении «заново открыть», или «изобрести» широко известное и уже основательно изученное направление политической и экономической мысли. «Дэвид Харви в *Краткой истории неоллиберализма*, – отмечает Иннсет, – приравнивает неоллиберализм к *laissez-faire*, и даже недавние исторические исследования утверждают, что неоллиберализм – это проект, связанный с переосмыслением «свободных рынков». В журналистике и публичных дебатах неудачное смешение неоллиберализма и *laissez-faire* все еще очень распространено. С другой стороны, некоторые ученые недавно начали приводить другие доводы: поскольку ясно, что ранний неоллиберализм не ориентировался на *laissez-faire*, но, напротив, представляет собой проект, направленный на использование современных государств в либеральных целях, ранний неоллиберализм должен рассматриваться как форма социального либерализма. По моему мнению, такой взгляд – явное недоразумение, и я попытаюсь доказать, что неоллиберализм был явной атакой как на *laissez-faire*, так и на социальный либерализм... Эта двойная атака как на *laissez-faire*, так и на социальный либерализм может быть четко суммирована в том, что я буду называть “двойным аргументом”... Таким образом, моя концепция “двойного аргумента” обозначает комбинацию утверждения, согласно которому “экономическое планирование” ведет к тоталитаризму, с одновременным доказательством того, что “*laissez-faire*” вряд ли является адекватной политической программой для победы над “тоталитаризмом”. Почти все ранние неоллибералы в какой-то момент между 1938 и 1944 гг. написали книгу или статью, включающую этот двойной аргумент. Я буду утверждать, что полное понимание напряженности, связанной с двойственным аргументом, является ключом к пониманию ранней неоллиберальной мысли»⁵.

Необходимость «повторного открытия» неоллиберализма Иннсет обосновывает следующим образом: «Слово “изобретение” предполагает, что появилось что-то совершенно новое, но префикс ‘re’ подразумевает, что это в некотором смысле также повторение. Я считаю, что неко-

⁴ Pauliny 2015: XVIII-XIX.

⁵ Innset 2020: 10-12.

торые из двусмысленностей, связанных с использованием и деконструкцией этой фразы, полезны для изучения неолиберализма. Мыслители, обсуждаемые в этой книге, иногда называют себя неолибералами, и я намерен показать, что они сознательно участвовали в проекте по изменению либерализма. Но тогда возникает вопрос: что нового было в их либерализме по сравнению с другими доступными им либерализмами, и почему эти мыслители в то время чувствовали необходимость в обновленном кредо? Чтобы ответить на эти вопросы, мы должны знать кое-что об истории либерализма до рассматриваемого периода (1920–1947)»⁶.

Знакомство с основными разделами, главами и параграфами книги вполне позволяет прийти к следующему заключению: вся ее логика и аргументация, так или иначе, вращается вокруг обозначенного выше «двойного аргумента». Первый раздел посвящен его «исторической контекстуализации» в 1920–1947 гг. Исходный момент, обозначивший в ретроспективном плане начало споров о «новом либерализме», связан с модификацией программных установок австрийских социал-демократов в 1920-е гг.: одержав победу на выборах в органы местного самоуправления, руководство партии пыталось реализовать в ставшей «красной» Вене – столице Австрийской республики – идею «муниципального социализма», в реализации которой, помимо самих социал-демократов, принимали активное участие коммунисты и социальные либералы. Концепция эксперимента включала в себя создание фабричных советов и разработку широкомасштабных культурных и образовательных программ, направленных на радикальное повышение уровня благосостояния рабочего класса. Лидеры австро-марксистов Отто Бауэр, Макс Адлер и Рудольф Гильфердинг активно проповедовали идею «третьего пути социализма» – между ортодоксальным «квиеетистским» парламентаризмом Карла Каутского и революционаристскими установками В.И. Ленина. В этой атмосфере реформ Людвиг фон Мизес, ставший впоследствии одним из наиболее ярких экономистов и либеральных теоретиков, начал разрабатывать на семинаре, организованном им в Венском университете, основные элементы антисоциалистической «контр-программы», которые в дальнейшем составили основу его знаменитой критической работы «Социализм» (1921)⁷.

Специальная глава посвящена парижскому коллоквиуму 26 августа 1938 г., инициатором которого был американский журналист и социальный философ Уолтер Липпман. Коллоквиум Липпмана многие современные исследователи справедливо называют «местом теоретического рождения неолиберализма»⁸. Не оспаривая прямо данную точку зрения, Иннсет соединяет в этой главе анализ проблемы генезиса неолиберализма с детальным рассмотрением вопроса о несовместимости венских

⁶ Ibid: 8.

⁷ Ibid: 25-27; Mises 1985; Dekker 2016; одним из постоянных участников семинара Мизеса был молодой Ф.А. фон Хайек.

⁸ Reinhoudt, Audier 2018: 3; Goodwin 2014.

социалистических дебатов с идеей социального либерализма и преимуществ теоретической позиции неолибералов, которые осознают в этот период, «что им нужна теория государства, а также теория рынков»⁹.

И, наконец, во втором разделе, как уверяет нас автор, «мы увидим двойной аргумент “в действии” на некоторых из самых важных сессий первой встречи, из которой в 1947 г. должно было возникнуть Общество “Мон-Пелерин”. В 5-й главе более подробно рассматриваются демография и исторический фон встречи участников, а глава 6 посвящена ключевой сессии Хайека, на которой рассматривался вопрос как использовать государства для повышения конкурентоспособности рынков. Здесь неолибералы вступили на практически неизведанную территорию, пытаясь примирить свою идею, согласно которой экономическое планирование ведет к тоталитаризму, с собственным утверждением о том, что либерализм *laissez-faire* является устаревшим убеждением, непригодным для современного мира. Неолибералы соглашались с тем, что действия государства необходимы для защиты и распространения рыночного порядка, но с предельным напряжением стремились определить его масштабы и характер, одновременно утверждая, что государственное “вмешательство” в экономику приводит к тоталитарной диктатуре»¹⁰.

В рамках небольшой по объему работы невозможно рассмотреть все нюансы рецензируемой книги. С учетом этого, представляется целесообразным рассмотреть некоторые ее аспекты, свидетельствующие, на наш взгляд, о том, что стремление автора объединить исторический и теоретический анализ раннего неолиберализма в рамках собственной концепции «двойного аргумента» неизбежно порождает аналитические aberrации и лакуны в аргументации. Об этом, например, свидетельствует явная недооценка автором «французского следа» в области анализа исторических корней и теоретического своеобразия неолиберальной теории. Иннсет фактически не ставит вопрос, почему У. Липпман избрал именно Париж для проведения организованного им colloquium, чтобы обсудить на нем проблему кризиса классического либерализма? Поиск ответа на этот вопрос не представляет особого труда, если вспомнить, что еще в 1930-е гг. и в последующие два десятилетия французские экономисты Ален Баррер и Гаэтан Пиру, развивавшие идеи, которые были весьма далеки от классического либерализма, отличали в своих сочинениях по истории экономической мысли, неолиберализм от либерализма *laissez-faire* XIX в.¹¹ Анализируя вклад Раймона Арона в аналитику неолиберализма, Иннсет ограничивается лишь несколькими замечаниями о том, что критика выдающимся французским социологом концепции рынка, разработанной Ф.А. фон Хайеком, не помешала ему в послевоенный период присоединиться в Обществе

⁹ Innset 2020: 12.

¹⁰ Ibid: 12.

¹¹ См.: Reinhoudt, Audier 2018: 3.

«Мон Пелерин»¹². При этом в стороне остается тот факт, что Р. Арон еще в 1930-е гг., продолжая идентифицировать свои теоретические позиции с социализмом, стал принимать активное участие на национальном и международном уровнях в разработке идей, близких к неолиберальным и тем самым оказывал определенное идейное воздействие на деятельность парижского коллоквиума У. Липпмана¹³.

Аналогичную ситуацию, свидетельствующую об отсутствии в книге должного внимания к французской составляющей неолиберальной теории, мы встречаем и в довольно поверхностном отношении к работам выдающегося историка и аналитика неолиберализма Сержа Ожье¹⁴. Такой подход, на наш взгляд, не является случайным, если учесть тот факт, что в книге Иннsetа практически не затрагивается такая важная проблема, как взаимодействие неолиберализма и современных версий национализма. Отсутствие внимания автора к данной проблематике выглядит довольно странным, поскольку ввиду ее постоянного присутствия в большинстве новейших исследований, посвященных эволюции либеральной теории и политики¹⁵.

Многообразие форм национализма, который может усиливаться в зависимости от различных исторических зигзагов европейской и мировой политики, в наши дни проявляется и в тех странах, правительства которых в свое время активно использовали неолиберальные рецепты экономического и политического регулирования. Например, в Великобритании начавшаяся в 2016 году кампания по выходу из Евросоюза (Brexit) значительно усилила националистические тенденции в Шотландии и Северной Ирландии¹⁶. Так, обсуждая проблемы эволюции культурного, языкового и политического национализма в странах ЕС, Д. Мак Джолла Криост и М. Бонотти открыто признают не только многочисленные его проявления, но, до известной степени, и универсальный характер: «В конце концов, на протяжении всей своей истории Евросоюз сталкивался с трудными формами наследия, прежде всего, с различными формами национализма, оставленными нацистской Германией и другими странами после второй мировой войны (что способствовало самому созданию ЕС, а затем и ЕЭС), и Советским Союзом после окончания холодной войны (которая в конечном итоге привела к расширению ЕС в 2004 г.). Что касается последнего, то политическое, экономическое и культурное наследие, оставленное Советским Союзом после его краха по всей Восточной Европе, является проблемой, за которую Евросоюзу пришлось платить прямо или косвенно»¹⁷.

¹² Innset 2020: 184.

¹³ См. подробнее: Stewart 2019: 122-123, 129-130, 237-238.

¹⁴ См.: Audier 2006; Audier 2012.

¹⁵ См., например: Mac Giolla Christ, Bonotti 2018; Reinhoudt, Audier 2018; Cetrà 2019; Simpson 2019; McManus 2020.

¹⁶ См.: Mac Giolla Christ, Bonotti 2018: 28, 39, 41, 46, 59.

¹⁷ Ibid: 59.

Мак Джолла Криост и Бонотти затронули крайне важную проблему, до сих пор являющуюся объектом исторической и философской дискуссии. Насколько новыми были те «интернационалистские интенции», которые социализм и либерализм демонстрировали на протяжении всего XX века? И в какой степени коммунистический и либеральный интернационализм были связаны с рожденным Великой французской революцией национализмом эпохи модерна – феноменом крайне своеобразным и амбивалентным в историческом плане? Не приходится сомневаться в том, что в советскую эпоху национализм, революционаризм и интернационализм практически всегда составляли некое «триединство». «Если говорить о наших “трех идеях”, – отмечал И.Р. Шафаревич, – то и “коммунистическая идея”, и русская “национальная идея” существовали в XX веке не в каких-то разных пространствах и даже, большую часть времени, не разделенные фронтом. Власть в России была коммунистической. Но национальная русская традиция имела за плечами тысячу или тысячи лет и не могла внезапно исчезнуть. Обе “идеи” влияли друг на друга и видоизменяли друг друга. Собственно, я думаю, привившийся термин “советская власть” подразумевает, конечно, не “власть Советов” – они были подчинены партии, – а ту именно реальную форму, которую “коммунистическая идея” приняла в России под влиянием многообразных воздействий жизни, и в частности русской национальной традиции»¹⁸. Не следует считать, что эти идеи являются «эндогамными» и могли прийти в голову только русскому мыслителю. Вот что, например, писал А. Вуд в книге «Сталин и сталинизм»: «Сталинская формула в определенном смысле была апелляцией, скорее, к базовым националистическим инстинктам, чем к интернационалистской догматике. Партийные интеллектуалы типа Троцкого и Зиновьева... вполне естественно обвинялись в недостатке веры в то, что Советский Союз может “идти один” без революционной поддержки извне. Их возражения против “социализма в одной стране”, основанные на представлении Маркса о мировой революции, были, однако, по словам одного американского историка, “идеологически безупречны и кастрофичны политически”...»¹⁹.

На рубеже XX–XXI вв. страны Западной Европы, где неолиберализм несколько десятилетий составлял идеологическую сердцевину политики правящих элит, столкнулись с аналогичной проблемой. «Триумф национализма в современной общественной и политической жизни, – отмечал Д. Сетра, – ставит перед либеральными демократиями несколько проблем. Некоторые из них являются концептуальными: могут ли две идеологии действительно сосуществовать, когда либерализм сосредоточен на личности, а национализм концентрирует внимание на груп-

¹⁸ Шафаревич 2004: 32.

¹⁹ Wood 2005:26-27.

пах? Другие – нормативными: когда политика защиты национальных интересов становится неприемлемым нарушением прав личности?»²⁰.

В этом плане характерно, что уже на инициированном У. Липпманом в 1938 г. парижском коллоквиуме сама идея, согласно которой «диалектическое взаимодействие» национализма и либерализма является важным стимулом для трансформации последнего, представлялась актуальной и злободневной. Об этом свидетельствуют, например, следующие суждения одного из участников коллоквиума, немецкого экономиста Вильгельма Рёнке: «Экономический национализм – очень сложное явление, которое обычно сопровождает политический национализм. Периоды экономической интеграции совпадают с периодами политической и социальной интеграции. Все примеры доказывают, что невозможно понять национальную интеграцию и дезинтеграцию, не перенося данную перспективу на все точки зрения, политические, социальные и т.д. Недостаточно сказать, что экономический национализм – это аберрация интеллекта у лидеров; существуют экономические интересы, профессиональные группы, проводящие националистическую политику; происходит разложение Государства особыми интересами. Озабоченность вызывает именно эта дезинтеграция самого государства партиями и интересами. Экономический национализм очень тесно связан с внутренними изменениями в экономической и социальной структуре. Философия международного либерализма основывалась на гибкости [*souplesse*] национальных экономических систем»²¹.

В рецензируемой книге большинство обозначенных выше идей по каким-то причинам не стали предметом теоретического анализа, что на наш взгляд, является существенным ее недостатком. Данное обстоятельство, разумеется, не может в целом нивелировать многие ценные качества и бесспорные научные достижения книги норвежского политолога. Знакомство с ее основными идеями, с особенностями авторской аргументации, нередко вступающей в очевидное противоречие с другими многочисленными трактовками неолиберализма, представленными в новейшей западной аналитической литературе, будет полезно и для специалистов, и для широкого круга читателей.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Шафаревич И.Р. Русский народ в битве цивилизаций. М.: Изд-во Эксмо; Изд-во Алгоритм, 2004. 448 с. [Shafarevich I.R. Russkii narod v bitve tsivilizatsii. M.: Izd-vo Ehksmo; Izd-vo Algoritm, 2004. 448 s.]
- Audier S. Le socialisme libéral. Paris: La Découverte, 2006. 121 p.
- Audier S. Néo-libéralisme(s). Une archéologie intellectuelle. P.: Bernard Grasset, 2012. 628 p.
- Blackford R. The Tyranny of Opinion: Conformity and the Future of Liberalism. Bloomsbury Academic, 2018. 240 p.
- Bonotti M. Partisanship and Political Liberalism in Diverse Societies. Oxford: U.P., 2017. 197 p.
- Cetrà D. Nationalism, Liberalism and Language in Catalonia and Flanders. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, 2019. 210 p.

²⁰ Cetrà 2019: 1.

²¹ Reinhoudt J., Audier 2018: 146.

- Charvet J. *Liberalism. The Basics*. London; New York: Routledge, 2019. 111 p.
- Dekker E. *The Viennese Students of Civilization: The Meaning and Context of Austrian Economics Reconsidered*. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. 232 p.
- Deneen P. J. *Why Liberalism Failed*. New Haven; London: Yale University Press, 2018. 225 p.
- Faria F.N. *The Evolutionary Limits of Liberalism: Democratic Problems, Market Solutions and The Ethics of Preference Satisfaction*. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan. 2019. 239 p.
- Goodwin C.D. *Walter Lippmann: Public Economist*. Harvard University Press, 2014. 414 p.
- Houck R. *Liberalism Unmasked*. London: Arktos Media Ltd. 2018. 442 p.
- Innset O. *Reinventing Liberalism: The Politics, Philosophy and Economics of Early Neoliberalism (1920-1947)*. Cham, Switzerland: Springer. 2020. 196 p.
- Luce E. *The Retreat of Western Liberalism*. New York: Atlantic Monthly Press, 2017. 226 p.
- Mac Giolla Christ D., Bonotti M. *Brexit, Language Policy and Linguistic Diversity*. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, 2018. 84 p.
- McManus M. *The Rise of Post-Modern Conservatism: Neoliberalism, Post-Modern Culture, and Reactionary Politics*. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, 2020. 252 p.
- Mises L. von. *Liberalism in the Classical Tradition*. N.Y.: The Foundation for Economic Education, Inc., 1985. 208 p.
- Mitchell M.T. *The Limits of Liberalism: Tradition, Individualism, and the Crisis of Freedom*. Notre Dame, Indiana: University of Notre Dame Press, 2019. 327 p.
- Pauliny T. *Neoliberal Rhetorics and Body Politics: Plastinate Exhibits as Infiltration*. Lanham; Boulder; New York; London: Lexington Books, 2015. 105 p.
- Reinhoudt J., Audier S. *The Walter Lippmann Colloquium: The Birth of Neo-Liberalism*. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, 2018. 212 p.
- Simpson J. *Permanent Revolution: The Reformation and the Illiberal Roots of Liberalism*. Belknap Press of Harvard University Press. Cambridge, Massachusetts; L., 2019. 445 p.
- Stewart I. *Raymond Aron and Liberal Thought in the XXth century*. Cambridge: U.P., 2020. 290 p.
- Tirole J. *Economics for the Common Good*. Princeton, New Jersey: Princeton U.P., 2017. 563 p.
- Wood A. *Stalin and Stalinism*. Second Edition. London; New York: Routledge, 2005. 105 p.

Гуторов Владимир Александрович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой теории и философии политики, факультет политологии СПбГУ; gut-50@mail.ru

Шириняц Александр Андреевич, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой истории социально-политических учений, факультет политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, jants@yandex.ru

On the new “historical reading” of the liberal tradition

The article presents reflections on the book by the Norwegian political scientist Ola Innset “Reinventing Liberalism: The Politics, Philosophy and Economics of Early Neoliberalism (1920-1947)” (2020). It presents an attempt of a contextual historical understanding of the formation of neoliberal ideas, their origins and evolution – from the first debates related to socialist “meditative forecasts” in “Red Vienna” to the constituent assembly of the Mon Pelerin Society in 1947. The article critically examines the key ideas of the book related to Innset’s assessments of neoliberal concepts of totalitarianism, liberal economic theories and interpretations of the state. The author actively uses the latest foreign studies devoted to the analysis of the history of liberalism, its political theory and political economy.

Keywords: *political ideologies, neoliberalism, socialism, state, historical retrospection, nationalism.*

Vladimir Gutorov, Dr. Sc. (Philosophy), Professor, Head of Department of Theory and Philosophy of Politics, Faculty of Political Science, Saint-Petersburg State University; gut-50@mail.ru

Aleksandr Shirinyants, Dr.Sc. (Political Sciences), Professor, Head of Department of History of Social and Political Doctrines, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, jants@yandex.ru

ПУБЛИКАЦИИ И ПЕРЕВОДЫ

К. В. ГЕРШ, А. И. КЛЮЕВ, А. В. СВЕШНИКОВ

НЕИЗВЕСТНАЯ СТАТЬЯ И. М. ГРЕВСА

Вниманию читателей предлагается текст не публиковавшейся ранее статьи профессора Санкт-Петербургского университета, основателя петербургской школы медиевистики Ивана Михайловича Гревса (1860–1941). Представляется, что данная публикация позволит более полно воссоздать творческую биографию историка, учитывая и такую грань его творчества как политическую публицистику, ранее находившуюся за пределами внимания историографов.

Ключевые слова: *Иван Михайлович Гревс, политическая публицистика, петербургская школа медиевистики, Церковь и Революция, либерализм в России*

Политическая публицистика профессора Санкт-Петербургского (Петроградского/Ленинградского) университета, основателя петербургской школы медиевистики Ивана Михайловича Гревса (1860–1941) практически не привлекала внимание ни исследователей истории русского либерализма¹, ни исследователей жизни и творчества ученого². Между тем, перу И. М. Гревса принадлежит несколько десятков публицистических статей, посвященных актуальным вопросам политики, опубликованных в разных изданиях на протяжении 1905–1918 гг. Кроме того, в различных архивах сохранились тексты нескольких политических статей, написанных Гревсом и не увидевших свет при жизни автора. Одну из таких статей мы и предлагаем сейчас вниманию читателей.

Блестящий педагог и создатель оригинальной концепции экскурсионной работы И. М. Гревс не был выдающимся политическим мыслителем или популярным журналистом, но изучение этого аспекта его творческого наследия позволит дополнить картину восприятия политических трансформаций, которые переживали в Российской империи начала XX в. различные группы академических интеллектуалов.

Публикуемая ниже статья И. М. Гревса «Церковь и интеллигенция» представляет, на наш взгляд, интерес по нескольким причинам.

Во-первых, в этой статье (и видимо, это стало одной из причин того, что она не была опубликована в то время) наиболее отчетливо выражено однозначно негативное отношение историка к советской власти. Февральскую революцию 1917 г. Гревс воспринял с одобрением. В состав Временного Правительства входили его близкие друзья и единомышленники (В. И. Вернадский и С. Ф. Ольденбург), а сам историк активно участвовал в подготовке реформ высшей школы³. А вот октябрьский переворот и захват власти большевиками И. М. Гревс воспринял

---

¹ Гайда 2003; Селезнев 2006; Шацилло 1985; Шелохаев 2019 и др.

² См., напр.: Скржинская 1946; Вахромеева 2005; Каганович 2007 и др.

³ См., напр., Сизова 2017.

однозначно негативно. В многочисленных письмах, адресованных близким людям, он описывал эти события как настоящую катастрофу. Своей ученице Е.Я. Рудинской Гревс писал: «Нам придется умереть среди мук...»⁴. Примерно то же настроение отражено в письме к давнему другу Д.И. Шаховскому: «Так тяжело, как никогда даже и не чаялось, что может быть так. Выхода не видно. Позор и ужас. Унижение и рабство»⁵.

Видимо, это отношение к советской власти сохранилось на протяжении всей последующей жизни историка, что сделало невозможной его дальнейшую деятельность в качестве публициста. «Церковь и интеллигенция» – одна из немногих статей, в которой он публично говорит о своем неприятии нового политического строя.

Во-вторых, в этой статье Гревс совершенно определенно позиционирует себя как человека «воцерковленного», интерпретируя революционные потрясения через призму религиозного, христианского дискурса. Крещенный в детстве в соответствии с семейными традициями, увлекшись в студенческие годы «демократическими» идеями и даже вновь, по собственным словам, вернувшись к Церкви после трагедии, связанной со смертью дочери, историк всегда определял религиозную веру как личное дело, отличное от профессии. В многочисленных текстах он одобрительно пишет об «историческом» христианстве, подчеркивая его большое положительное историческое значение, «извне», в рамках светского (академического) дискурса⁶. Как «светский» историк он оценивает историческое значение «религиозных гениев» Данте и Августина. Светский дискурс характерен и для политической публицистики Гревса.

А «Церковь и интеллигенция» – однозначно религиозный дискурс «политического идеализма» «веховской» традиции. Недаром Гревс интересовался в письме к Вяч. Иванову сборником «Из глубины», «веховским» ответом на победу большевиков⁷. И сам язык статьи, и ее «идейное» содержание, и круг авторов, на которых одобрительно ссылается историк в статье (С.Н. Булгаков, В.С. Соловьев, А.В. Карташев), и то, что он позиционирует себя в тексте как человек не просто религиозный, а «воцерковленный» – однозначно указывают на «ангажированность» церковной традицией. Видимо, связано, с одной стороны, проводимая большевиков политика (в т.ч. в отношении церкви) фактически подтолкнула Гревса и близких ему по взглядам людей к дальнейшему «воцерковлению»⁸. «Церковь дает утешение», – писал он той же Е.Я. Рудинской⁹. С другой стороны, не исключено, что в «горниле революционных потрясений» именно религиозный дискурс представлялся историку наиболее адекватным способом интерпретации происходящего. И, наконец,

⁴ Человек с открытым сердцем 2004: 297.

⁵ История и поэзия 2006: 257.

⁶ См. напр.: Гревс 1893. Этот же подход проявился и в рукописи неопубликованной работы И.М. Гревса о Данте. См.: СПбФ АРАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 211.

⁷ История и поэзия 2006: 256.

⁸ Каганович 2007: 47.

⁹ Человек с открытым сердцем 2004: 297.

статья «Церковь и интеллигенция» представляет особый интерес в контексте внутришкольных коммуникаций петербургских медиевистов.

Дело в том, что 1917–1918 гг. – это период резкого обострения взаимоотношений профессора с его некогда самым близким учеником, Л.П. Карсавиным¹⁰. А в публикуемой статье Гревс одобрительно ссылается на идеи и авторов, близких на тот момент Карсавину, например, на А.В. Карташева, скрывавшегося от большевиков в квартире Карсавина¹¹. Да и сам религиозный дискурс статьи в большей степени характерен для работ Карсавина, а не Гревса. Так что можно предположить, что в значительной степени конфликт двух историков вызван не столько идейными, сколько сугубо личными расхождениями.

История появления текста «Церковь и интеллигенция» не совсем ясна. По словам самого Гревса, эта статья родилась из подготовленного им доклада в июне 1918 г. «По этому вопросу я выступал с докладом на днях на одн[ом] публичном собрании, развивая тезис о сближении религиозной интеллигенции с церковью в связи с оценкой начала религии в культуре и ее обновления», – писал историк 8 июня 1918 г. редактору «Биржевых ведомостей» А.Л. Волынскому¹². Дело в том, что редакция предложила Гревсу написать статью на тему «Религия и политическая идеология», но эта тема ему представлялась «не ясно», и он предложил ответ на «близкую тему». Историк предлагал редактору закрытой на тот момент газеты очень быстро написать «большой фельетон» строк в 500–600: «Дать простор для освещения религиозных вопросов было бы очень необходимо... Теперь это надо бы еще усилить». Текст статьи Гревс все-таки отправил Волынскому в надежде на скорую публикацию: «Теперь такое время, что жаждешь голоса подать на ряд вопросов, глядящих в будущее и не можешь не радоваться, когда находится орган, к тому же зывающий»¹³. Кроме писем Гревс пытался несколько раз связаться с редакцией по телефону, но безуспешно. Видимо, историк очень рассчитывал на плодотворное сотрудничество с газетой, издание которой, в конце концов, так и не было возобновлено.

Скорее всего, доклад и статья «Церковь и интеллигенция» были откликом на еженедельник «Свободные голоса», вышедший в апреле 1918 г. под редакцией ученика И.М. Гревса Г.П. Федотова. «Размышление-рецензия» на журнал в июне 1918 г. – последняя опубликованная статья Гревса в оппозиционном издании¹⁴. Гревс приветствовал появление такого издания в новой России: «Его замыслила оч[ень] талантливая, хорошо известная мне группа, с которой я во мног[ом] не согласен, но которая, по-моему, составляет положительное явление»¹⁵. Он подерживал многие идеалистические положения, прозвучавшие в журна-

¹⁰ См.: Свешиников 2010.

¹¹ Карташев 1994: 472.

¹² РГАЛИ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 447. Л. 1.

¹³ Там же.

¹⁴ Гревс 1918: 2.

¹⁵ РГАЛИ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 447. Л. 1.

ле, но главным вопросом, отделившим его от группы авторов, был вопрос о пути спасения России. Социализм как «единственно возможное лекарство» был неприемлем для Гревса. «Правильно ли ставить так основную проблему?» – вот вопрос, вокруг которого разворачивается дискурс. Сделать социализм религиозным – для него задача неразрешимая. Тем не менее, он поддерживает и даже благословляет этих «особенных социалистов» и верит в их правду: «Пойдем все плечо с плечом через справедливое культурное строительство к высшей Божьей Правде»¹⁶.

13 июня 1918 г. в письме Вяч. Иванову Гревс делится планами подготовки вместе со своими учениками сборника, посвященного вопросам «грядущего возрождения России, ее культуры и религиозности»¹⁷. По его словам, к этому проекту кроме учеников были привлечены «немногие»: богослов А.В. Карташев, философ Н.О. Лосский, правовед И.А. Покровский. Об участии в проекте Гревс просил и Вяч. Иванова, также обращаясь к своему другу и за помощью в переговорах с московскими издательствами, так как петроградское издательство «Огни», с которым Гревс вел переговоры, было перегружено заказами. Религиозно-культурный идеалистический дискурс «свободных голосов» гревсовского сборника, по-видимому, должен был противостоять не только официальному «большевистскому» дискурсу, но и религиозно-социалистическому дискурсу «Свободных голосов» Г.П. Федотова.

Статья «Церковь и интеллигенция» была написана летом 1918 года. Рукопись сохранилась в двух экземплярах. Один находится в Санкт-Петербургском филиале архива РАН в личном фонде И.М. Гревса¹⁸, другой – в московском архивном хранилище в РГАЛИ в личном фонде А.Л. Вольнского¹⁹. Первая рукопись представляет собой черновик, написанный синими чернилами на семи листах писчей бумаги тетрадного формата с двух сторон быстрым не всегда разборчивым почерком с многочисленными исправлениями, вставками, добавлениями. Вторая – больше напоминает чистовик. Она написана хорошо читаемым почерком на 13-ти вырванных блокнотных листах, о чем свидетельствует перфорация по верхнему краю, синими чернилами с одной стороны. Рукопись тоже имеет некоторые сокращения, добавления и исправления, но они встречаются гораздо реже. Скорее всего, текст переписывался Гревсом с черновика на беловик за один раз, о чем говорит одинаковый цвет чернил и аккуратный почерк постепенно переходящий в более быстрый и менее разборчивый. Таким образом, «петербургский» вариант текста написан раньше и является черновиком «московского». С одной стороны, это видно по характеру письма и культуре оформления, а с другой – московская рукопись имеет ряд вставок-добавлений, которых мы не встречаем в первом варианте, и проработанный ссылочный аппарат.

¹⁶ Гревс 1918: 2.

¹⁷ История и поэзия 2006: 263.

¹⁸ СПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 65. Л. 1-13.

¹⁹ РГАЛИ. Ф. 95. Оп. 2. Д. 15. Л. 1-7.

Публикуемый ниже текст печатается по рукописному оригиналу, который хранится в РГАЛИ, с учетом всех исправлений и вставок автора. Все многоточия и подчеркивания принадлежат автору. Примечания самого И.М. Гревса вынесены в подстрочные сноски и отмечены звездочками. Примечания комментаторов отмечены цифрами. Текст печатается в соответствии с нормами современной русской орфографии при сохранении всех особенностей авторского стиля.

Церковь и Интеллигенция

«В жизни час вечереющий на небосклоне духовном тихо восходит «звезда светлая и утренняя», и дальний доносится благовест их храма Света Незаходимого. Но зноем палящим томит еще день, круто подымется в гору кремнистая стезя, трудный видится путь впереди.» (С.Н. Булгаков)²⁰

1

Наша революция началась вне всякой религиозности; она проходит без обращения к Богу, не просит Его благословения, не ищет закона в Его завете, не освещает путь своим словом. Это чувствовалось с самого начала даже в первые немногие светлые дни, когда могло еще вериться в добрый, мирный, братский исход. Может быть, это именно ясно доказывает безысходность стремления к благу путем насилия, осуждает вообще революционный путь. Что, действительно, общего между красным знаменем, зовущим к междоусобице, и бывшим строем, хвалящим правду и единение между ненавистью и любовью, Богом и мамоною, зловещим треском пулеметов и радостным звоном колоколов, кровавою Марсельезою и гимном «славы вышних Богу», призывающим к «миру на земле», «в человечках к благоволению?».

С каждым днем картина становилась мрачнее: безрелигиозность, безбожие русской революции 1917 года открывалась все безнадежнее. Не только о Боге не вспоминали, но забыли о лучших человеческих чаяниях, какие почерпали санкцию в слове Божьем, совпадали с «благою вестью». Религиозное не открылось, но и идеальное скоро выветрилось. – «Свобода, равенство, братство»²¹ – формула, классически революционная, где она? На месте служения ей царит тирания, угнетение, грубая, дикая сила. Иначе не может быть, потому что люди горят злым пламенем ненависти, а душу «великих принципов» составляет любовь. Наша революция, – мало того, что не вызывала идеалистического подъема: она, как никакая другая в прошлом человечества, погрузилась в материальное. Она вся – разлив воцелений.

Класс на класс. Человек человеку волк. Борьба даже внутри класса. Забвение великой истины «не хлебом одним жив человек». Народ, который в рабстве являл героизм и самоотвержение, в свободе будто сразу превратился в слепого хищного зверя. – Интеллигенция у нас всегда была безрелигиозна. Такова тяготеющая на ней печаль, ее обессиливающая. Со временем образования радикальных течений в русской мысли «атеизм» также как «социализм» признавались необходимыми основами передового мировоззрения. И первый умерщвлял второй. Также и обратно: официальное, лицемерное православие реакционных кругов – только подтверждает факт безбожия русского образованного класса. Ис-

²⁰ И.М. Гревс цитирует «Слово от автора» из книги С.Н. Булгакова (декабрь 1916). См.: Булгаков С. Н. Свет невечерний. Созерцания и умозрения. М.: Директ-Медиа, 2014: 10-11.

²¹ Лозунг «Liberté, Égalité, Fraternité» (фр.) родился в годы Великой французской революции и связывается с речью Максимилиана Робеспьера в Национальной ассамблее, произнесенной в 1790 г. В дальнейшем с этим лозунгом стали ассоциироваться демократические достижения Революции.

кренная и глубокая религиозность старого славянофильства, выдвинувшая такого замечательного богослова-мыслителя, как А.С. Хомяков, вырастившая и духовный гений Достоевского, – не развивалась, а худела. Вся озаренная высокою верою фигура Владимира Соловьева, связанного и с славянофильством, и с западничеством, но и выделяющаяся из того и из другого, стоит одиноко в ряду наших духовных вождей именно этим. Когда петербургские студенты стали (в начале 80-х годов) увлекаться его словом (лекциями о Богочеловечестве²²), прогрессивные журналы возмущались: как! русская молодежь берет во «властителей дум» проповедника религии! Тесная группа религиозных философов, его учеников и последователей, мыслителей – неохристиан, образуют малую семью, еще не достигшую влияния вширь на собратьев умственного труда. – Народ у нас до последнего времени считался верующим, как в политике он долго подразумевался «царистом». Но на деле он давно «теплохладен». Нет страны, думается, где бы Церковь так мало значила, как у нас: так была бы подчинена государству, так слабо авторитетна в массах и в образованных кругах. И такая особенность не вызывала ужаса, тревоги, даже внимания.

Февральский переворот 1917 г. первоначально не породил никакого интереса в обществе к религиозному началу, тем более к церковному вопросу. Мало двинулась и сама Церковь. Собрался под действием событий церковный собор в Москве²³ из иерархов Церкви и мирян. Восстановлено патриаршество. Но все это едва затрагивало и интеллигенцию, и массы. Внесло ли это уже семена обновления в самую Церковь? Во всяком случае, не ощущалось большой волны.

Революционная печать возглашает цель: год одни девизы настоящего дня, поражающие только размахом несбыточность, именно материальных, экономических требований, сбивших с толку всякое понимание в мало просвещенных трудовых классах: их инстинктам льстили неосуществимыми приманками неразумные или неискренние вожди. Пал труд. Разрушилось народное богатство. Столбцы крайних левых газет, склонявших во всех падежах слово «революция» и «революционный», пропитались низким пафосом фракционной злобы и клеветы. Руководители общественного мнения сеяли жестокою ненавистью, плодили разъединение, разжигали брата на брата.

Ни один взгляд не впирался в будущее, ни одной мысли не обращалось к России, ни одно чувство не волновалось родиной. Известный образ солдата, отвечавшего Керенскому на фронте, что он не пойдет воевать, потому что его убьют и тогда он не будет участвовать в дележе чужой земли, – представляет грозный символ русских революционных настроений. Не дорастали разум и совесть даже до сознания долга защищать отчужденную землю от врагов, чтобы она досталась сынам и братьям. Понятно было лишь собственное наслаждение вырванным куском. Оно исчерпывало искания. Душа соблазнялась страхом, как бы другой, свой же, сосед, не захватил добычи.

Не появилось ни одного внушительного и сильного идеалистического органа печати, который ставил бы религиозные вопросы на первый план. Идея вечности, стремление к абсолютному будто кануло в пропасть. Журналы, которые ставили такие проблемы, освещали грядущее, отрывали от ослепления злобою дня, влияли мало, читались лишь там, для кого не надо было доказывать истину о насущности духовного хлеба. – Революционная поэзия дышала не Богом истинным, а упивалась человеческою кровью. «Красный звон»²⁴ – так про-

²² «Чтения о Богочеловечестве» – одна из основных богословских работ Вл. Соловьева. Этот цикл публичных лекций был прочтен им в 1878 г. в Санкт-Петербурге. Текст «Чтений» связан с «Лекциями по истории философии», прочитанными им в 1880–1881 г.

²³ Речь идет о Поместном соборе Православной российской церкви, прошедшем в Москве с 15 (28) августа 1917 г. по 7 (20) сентября 1918 г.

²⁴ Красный звон. Сборник стихов С. Есенина, Н. Клюева, П. Орешина, А. Шириева со вступительной статьей Иванова-Разумника. Петроград, 1918.

звали крайние делатели «социалистического отечества» сборник, в котором соединили, по их мнению, лучшие произведения «народных певцов» российской революции, самозванно наделенной уже эпитетом «великой». Жалко и деревянно звучит здесь «творчество». Нет вдохновения. Все полно риторики. Начинается книга с переложения «Марсельезы», кончается воспеванием Стеньки Разина, темного героя «русского бунта, бессмысленного и беспощадного». Грустною бездарностью полна тощая книжка. В мертвые трафареты «красных слов» замкнулись, казалось, живые таланты. Если читаешь здесь слово – «Бог», «Спас» или «молитва», испытываешь жуткое чувство чего-то противоестественного, будто им придется какое-то иносказательное, оскорбляющее их святость значение.

Деятели искусства, которые заражались неизменным пониманием революции, как насилием массы над культурой, над личностью и традицией во имя острых appetitов сего дня и присоединились к торжеству победителей, обезглаживали или искажали в себе дарованный им созидющий гений. – Александр Бенуа, сразу перебросивший чуть ли не к большевикам, не сказал после февраля ни одного светлого, возвышенного слова. Когда революция говорит у нас об искусстве, получается бессмыслие, грубое лицемерие или бранное, разрушительное безвкусие. – Один из крупнейших, подлинных современных поэтов, Александр Блок, излил новое свое революционизировавшееся вдохновение в нашу самую поэму «Двенадцать»²⁵. Здесь искренний и добросовестный ценитель его таланта одновременно поражается удивительно яркостью изображения страшного революционного зла и негодует от кощунственного сближения сияющего кроткою любовью образа Христа с героями и толпою звериных деяний. Думаешь и не знаешь, что же тут осмысленный панегрик, или бессознательное обличение, вера, что Христос победит и это ужасное насилие высшего волей благодатного мира, или – это злое смещение в порыве безумия дьявольского с Божьим. Отглаголюющий ритм «частушки» ранит сердце, когда он практикуется в качестве художественного обличия рукою неподдельного таланта. Куда ушел несравненный поэт!

2

Сознание Церкви, голоса за Церковь поднялись только тогда, когда полилась черная струя гонения на нее и на религию со стороны торжествующего большевизма. Временное Правительство относилось к Церкви терпимо. Оно призывало к управлению ее делом одного из лучших верующих мыслителей и религиозных деятелей²⁶. Советские же комиссары сразу стали преследовать ее исключительными законами²⁷. Отделение Церкви от государства, проведенное ими помимо сознания и желания народного, явно направлялось к удушению Церкви. Воспрещение религиозного обучения в школах идет резко наперекор огромному большинству родителей учащихся детей. Угроза ограблений церковного достояния, насилия над служителями церкви – лишнее проявление хищничества новых господ.

Только тогда поднялся протест и духовенства, и мирян, послышался голос Церкви и нуждающихся в ней. До этого священство либо оставалось в прежней апатии, либо «демократическими союзами» поддавалось политической отраве, выставляя на своих программах – «вся власть советам», слабо радуя о чистом «обновлении церкви». Только теперь чувствуешь более проник-

²⁵ Первое самое известное издание поэмы «Двенадцать» с иллюстрациями Ю. Анненкова вышло в ноябре 1918 г. тиражом 300 экземпляров, который разошелся по предварительной подписке. См.: Блок 1918.

²⁶ Речь идет об Антоне Владимировиче Карташове (1875-1960) – российском государственном деятеле, последнем обер-прокуроре Святейшего синода, Министра созданного при Временном правительстве Министерстве исповеданий.

²⁷ См., прежде всего, Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви, вступивший в силу 23 января (5 февраля) 1918 г.

новенное растроганное богослужение, согретое страданием слово взволнованных проповедников. Видишь, что миряне вновь наполняют храмы в скорбной молитве, пробуждаются в людях религиозные запросы, признаки муки душевной о деле веры. Только теперь крестные ходы чередуются с демонстрациями революционных масс, может быть, начинают побеждать в их внутренних настроениях молитвенные призывы, отражая охватывающее всех ощущение ужаса. Но и то, смотришь и не знаешь, прямая ли это реакция на дальние бедствия, или истинно проснувшаяся жажда горячего озарения. В отчаянии взываем мы к Богу о «хлебе насущном» буквально, потому что мучимся физическим голодом и не видим, как его преодолеть человеческими средствами? Или мы наконец, в самом деле, увидели, что ни хлебом одним должны существовать, и пред очами нашими предстали далекие, еще закрытые двери царства Божия?

Не знаю еще! Сам чувствую в себе общую беду и великий грех русской интеллигенции. Могу говорить ни как ведающий и указывающий, а как смиренный и кающийся, но глубоко прочувствовавший зло в себе и кругом, в близких, друзьях и соратниках. – В нас политика заела умы и сердца, даже уже и хуже – близорукая партийность: настоящее задавило грядущее, тем более – вечное. Мы в рабстве у стихии переживаемого дня. Вдаль неспособны глядеть и видеть. «Партии» – у нас самая популярная, почти единственная форма объединения. А как относятся они к религии и той силе, которая религиозно сплавивает, к Церкви? – «Черносотенцы» – порабащают: и сама Церковь слабеет; она давно покорно служит полицейскому, самодержавному государству. – «Красносотенцы» – уничтожают: стремятся раздавить ее, как враг *écraiser l'infâme*²⁸ – Умеренные – равнодушны, самое большее, пассивно благожелательны. Но и здесь чему? Не положительному делу Церкви, а отрицательно – ее внешней свободе. В настоящий темный момент, когда торжествующие теснят Церковь, противники их бросаются (и то нерешительно) ее защищать, но только словесно. Какой вес может получить такая полувынужденная защита из уст политика, на каких-нибудь «эсэровских» столбцах!

От такой партийной обыденщины, интеллигентской закоснелости давно изжитого «псевдопозитивизма», от духовного неведения – настал час отрешиться всею душою, открыто и полно, поднять высоко религиозную хоругвь. Стоять за культуру, особенно за культуру народную, национальную, нельзя, отменяя религию. Она интегральная и высшая ее составная часть. Человек – существо врожденно религиозное также, как познающее и творческое, больше, чем общественное. Он становится общественным в мире исторического опыта; но религиозным он является на свет. Безрелигиозность (безбожие) такое же искажение человеческой природы, как неподвижность невежества, безпросвещенность (безумие), как потеря правительственного чувства (беспутьство). Это – жестокая горестная болезнь, опасная зараза. Религия – это душа культура и ее единство. Культура распадается, крошится, когда мертвеет религия. Необходимое условие сохранения, выздоровление культуры, потерявшей силу, – возрождение в ней религиозной души.

Картина нынешнего цивилизованного мира, в котором народы терзают друг друга в беспощадной войне, когда всякая святая цель потонула в море крови и разорения вещественных и духовных ценностей, – ужасающее последствие долгой безрелигиозности, векового самообмана человеческого разума, возмнившего себя всесильным. Позорное разрушение, в котором гибнет Россия, тоже несет печать великого греха безбожия: отсутствие религиозной санкции убивает высшие начала жизни, отравляет принцип и долг. Один наш чуткий поэт (Максим[илиан] Волошин) лучше всех других сумевший воплотить трагедию войны в проникновенных песнях, так говорит о неразрешимой смуте, какую охватывает сознание страшный катаклизм:

²⁸ Пер. с фр. «Раздавите гадину!» – знаменитая фраза Вольтера о католической церкви.

В эти дни нет ни врага, ни брата:
Все во мне, и я во всех; одной
И одна – тоскою плоть объята
И горит сама к себе враждой.
В эти дни безвольно мысль томится,
А молитва стелется, как дым.
В эти дни душа больна одним
Искушением – развоплотиться!²⁹

Это – тяжелое заблуждение, когда думают, что религия падает, становится ненужною иллюзией, при победоносном развитии науки*. Наука делает особое, великое, но иное и ограниченное дело; она не может заменить безграничного дела религии. Она осуществляет разумом исследование мира явлений; религией достигается в вере откровение абсолютного, «опознание Бога, ощущение Его реальности, непосредственной связи человека с Ним». Только религия открывает путь к вечному, а человеческое неиспорченное сердце неудержимо жаждет его.

3

А.В. Карташев, один из немногих вдохновенных носителей религиозной веры среди нас, светской интеллигенции, четко ставит** проблему строительства теократии. Мы боимся этого слова, ибо оно обращает нас назад, когда под таким именем действовала всевластная «обмирщенная» церковь католическая, налагавшая руку на людскую совесть и рукою государства принуждавшая к вере отпадающих, распоряжаясь его мечом; тогда зажигались костры во имя Христа. Но здесь возмущается теократия иная, новая и истинная; она выражается не в насильственном господстве Церкви над мирянами, а в свободном главенстве в душах людей, народов религиозного начала, потому и выдвигается ничем незаменимое духовное первенство Церкви среди человеческих установлений.

Когда я говорю о религии, я мыслю, без сомнения, христианство, как религию высшую и вечную, полную божественного света. И образ христианства открывается мне в православной, давно забытой и утерянной нами вере отцов. Я зову издревле родное исповедание русского большинства. Мне чуждо, оно особенно близко к делу и слову Христову; оно приемлет и объемлет космос и одухотворяет его, ведет к Божеству, раскрывая свободный вселенский путь к постижению смысла мира. Оно жарко горит духом высшей Божьей любви. В нем – духовная свобода и огромная мистическая глубина, объятие великой тайны.

Собраться, сгрудиться должны мы, религиозные люди из русской интеллигенции, друг друга утвердить, забывая вторичные разногласия, отрекаясь от худых взаимных чувств и дурных сомнений; – а потом должны другим говорить слово истины, нас спасающее, нас озарившее в трагическую годину катастрофы родины в страшный час кризиса нашего сознания.

Утверждаю: религия – индивидуальное дело. Только тогда, когда вера – вполне личное творчество, сильна и искренна она будто бы в людях. Пусть каж-

²⁹ М. Волошин. В эти дни (посв. И. Эренбургу, 1915). См.: Волошин 2013: 113.

* Мне еще недавно пришлось читать подписанное именем авторитетного историка утверждение, что не может иметь будущего религия в человеестве, ибо утеряна потребность, некогда вызвавшая ее к жизни в первобытные времена. Дикарь создал (выдумал) религию, потому что не знал и страшился природы, обоготворял ее и старался умилишить. Теперь цивилизованный человек знает природу и господствует над нею. Ему незачем больше молиться избретенным им же божествам. Для религии нет будущего. Это поразительная простота ложно-научного самоослепления. Это – наивная (отрицательная и бесплодная) вера, прикрытая плащом знания, в современном ученом гораздо более непростительная, чем в рационалистах XVIII-го века, воображавшем, что религия – корыстное размышление жрецов.

** В превосходной по богатству религиозного содержания брошюре своей – «Реформа, реформация и исполнение Церкви» (Петроград, изд. «Корабль», 1916 г.).

дый верует, как хочет, в сердце своем и сближается с единоверующими в свободную общину. Пусть таких будет много, сколько угодно (свободных личностей в свободных союзах), чем больше, тем пышнее станет расцвет. Нет, не так: религия – соборное, вселенское дело. Религия – истина, а истина – одна. Религия – это единство, она объединяет человечество. Она обвеет только всех вместе, когда они совьются в одно духом истины. Личность существует самостоятельно, и свобода ее реально и утвердительно осуществляется, когда она – живая часть живого целого. Такое целое – не только больше, выше, значительнее, чем часть, оно – раньше, чем она. Только какое это целое? Органическое, внутренне и постоянно единое, изначала живое, не механическое, временно, случайно сложившееся, всегда готовое к распылению. В организме все части уже заключаются в семени целого, все части теряют жизнь вместе с умиранием целого. Личность, брошенная в отдельности, не совершенна, немощна. Она погибает именно в отношении свободы и полноты, и смысла своего бытия. Достижение своей независимости и человечности личность совершает в собственной религиозности и в нераздельной связи с религиозным обществом, Церковью. «Личность – автономна, лишь когда она теонмна»: свобода личности – в Божьем законе, когда она живет в пронизанном Богом космосе, сознательно объединенная одухотворяющей его Церковью. «Лишь возвращаясь из глубокого колодца уединенной религиозности личности в плерому универсального бытия, бытия живого в космосе и Боге – можно по-новому понять мир...».

Слепые, либо своекорыстные руководители нынешней революции и их рабские последователи все хотят найти опору для строительства идеального общества будущего в классе, в прославленном «классовом самосознании пролетариата». Они попирают нацию, тем более Церковь, как органы единения. Но класс представляет плохое и слабое начало организации и воспитания солидарности, чтобы не говорила марксистская ортодоксия. Классовая группировка не только резко ставит друг против друга отдельные классы, но и внутри каждого одноименного производит непрочное и призрачное сплочение. Материальный интерес не соединяет, а разъединяет. Уже теперь у нас крестьяне и городские рабочие чувствуют друг друга скорее врагами, чем братьями. Между ними уже образовались противоположные «классовые интересы». А большевистская идеология, перелицевавшаяся у нас и в народническую – («рабоче-крестьянское правительство»), – подстрекает и теперь среди крестьян одних (бедняков) на других (богатеев) и наталкивает на крестьян вооруженных рабочих силою отнять у них хлеб. Внутри класса всегда будет возникать злой антагонизм из-за земных благ. Установление же равенства невозможно.

Точно так же социализм выдвигается революционными главарями не как план реформ общественного строя, а как вера в земной рай. Здесь опять опасное заблуждение. Социализм – исторически созданный экономический идеал, строящийся для разрешения социального вопроса в интересах трудящихся масс. Он не может стать цельным мировоззрением, охватывающим вечность. Когда же относительное отождествляется с абсолютным, тогда научная теория обращается в религию, но дурную, грубую и ложную. Родится новый вид фетишизма, обоготворения неподвижной, животной сытости. «Христианский же социализм» есть понятие противоречивое, ибо то, что в социализме выдвигается на первый план, как фундамент, как первопричина блага, – экономический интерес и его удовлетворение, то в христианстве отодвигается на последний: хозяйственное строительство в религиозном обществе – последствие веры, а не беда культуры.

Если мы от класса перейдем к нации, как орудию объединения людей, то в ней найдем силу гораздо более прочную, естественную, органическую. В ней скрывается внутренняя целостность, полнота жизни, долго, веками развивавшейся: народ объединяется великими связями языка, преданий, обычаев, учреждений, быта, склада мыслей и характера, легенды, поэзии, всего того, что

называется историей. Народ объединяется религией; в нем создается и Церковь. Будем же думать, как сплотить наш распавшийся народ! Не станем выступать на путь неразрешимых классовых разногласий!

Только внутри крепкой нации рождается настоящим образом личность ее сынов и дочерей. Сама нация, если она живая, жизнь получившая, – есть сложная личность: внутри свободной нации свободная личность. Но религия – душа нации; церковь же – плоть религии. Она тысячами невидимых нитей соединена с душою ее. Идя же назад, погружаясь в прошлое, мы шаг за шагом, убедимся в непрерывной и неразрывной связи Церкви с Богом, его откровением, заветом Христа – Богочеловека. Эта связь таится и раскрывается в ее Писании, таинствах, священной иерархии, сонмах и поколениях святых, в великой традиции почитаемых отцов... Церковь – хранительница нации в высших сферах вечного бытия. Она же – Церковь мировая, вселенская, – орган дальнейшего соединения между нациями, созидания единого человечества.

Мне вспоминается один рассказ Чехова, как студент говорил крестьянским женщинам о страстях Христовых и об отречении Петра. И он понял, что «если одна заплакала, а другая смутилась, то это не потому, что он умеет трогательно рассказывать, а потому, что то, что происходило 19 веков назад имеет отношение к настоящему... к нему, обычным женщинам, пустынной деревне, ко всем людям... Радость заволновалась в его душе... Прошлое связано с настоящим непрерывною цепью событий, вытекавших одно из другого. И ему казалось, что он только что видел оба конца цепи: дотронулся до одного, как дрогнул другой... И думал он, что правда и красота, направлявшие жизнь там, в саду (гефсиманском) и у первосвященника, продолжались непрерывно до сего дня и всегда составляла главное в человеческой жизни и на земле... и невыразимо сладкое ожидание счастья, неведомого, таинственного овладевало им... и жизнь казалась ему чудесной, полной высокого смысла...»³⁰.

Именно так: соборное благо всем в Церкви. – Классовый интернационализм! Какой иллюзорный, насильственный, туманящий разум, зловерный образ! Ведь им насильственно рассекаются в угоду доктринерской фикции великие исторические единства. Режут по живому телу наций, отбрасывают целые ее полновластные части, убивая их организм, выраставший тысячелетиями. Огрызки низов, «пролетариев всех стран» механически соединяют в международные классовые придуманные рамки и думают чудодейственно сплотить их, обвевая духом экономического инстинкта, безжалостно материализуют идею братства. Люди безумно надеются создать так единое человечество, отменяя почти все культурные слои народов под именем обездоливаемой «буржуазии», в высшем смысле трудовые и цивилизованные верхи. К чему же может повести насилие над природою, над историею кроме ужасающего краха, гибели нежестивенных строителей, а за ним соблазненных масс!

Братство же между народами – это желанное, реальное, реализуемое чаяние. Самое слово «интернациональный» именно и выражает такое единство, и нынешние социалисты исковеркали смысл понятия. Но такое «международное» – лучше: «всенародное» – братство возможно лишь тогда, когда каждый народ создает сначала братство внутри себя, отказавшись от антагонизма между классами, выработав между ними солидарный союз в новом демократическом строе. Достижение такого единства совершается силою возрожденной религии. Какая же другая сила действует превыше эгоизма, победоносно сливает сердца, вечным светом и любовью? Безрелигиозный народ – бездушный народ, и судьба его – рассыпается во прах. Так и международное братство осуществится только когда части его, одухотворенные народы, будут сплочены пламенем общей религии, вселенского христианства, воплощаемого на земле в храме вселенской Церкви.

³⁰ Видимо, И.М. Гревс воспроизводит рассказ А.П. Чехова «Студент» по памяти.

Высшая, абсолютная истина, разлившаяся на всех, дает рождение великой личности, и единого человечества. Государство, национальное, территориальное, частное – необходимо людям ныне, чтобы сдерживать в нации или комплексе наций человека-зверя. Надобность эта особенно ярко ощущается всеми страдающими – личностями, классами, массами теперь в утерявшей единство России. Надобность может исчезнуть вместе с очеловечением всех, или функции государства свестись до минимума. Но Церковь – организация и плот религии – вечна, пока живет человечество. Церковь же идеальная, когда она осуществится, будет предвять на земле «царство Божие», – и она перельется в Церковь небесную. Это – сосуд единого человечества, Вселенская Церковь, носительница высшей правды. Она вводит человечество во врата Божьего града. – Можно ли представить единое, обнимающее все человечество государство? – Едва ли. – Можно вообразить лишь федерацию отдельных государств, национальных или сложных. Единую же Церковь мировую легко принять, как духовную личность, объемлющую всех людей; слившихся в живое человечество и свободно приемлющих общую, духовную же власть, руководящую советами. Без этого ничто и не будет единства.

4

Один из высших гениев человечества, великий Данте в «Божественной комедии» толкует людям их мировые судьбы, конечный смысл их бытия. В первой части поэмы-драмы он с победной убедительностью грозно начертал «разъединение Ада» среди пылающих страстей, разжигающих ненависть, убивающих сообщество, фатально ведущих к безнадежному одиночеству вечного страдания. «Lasciate ogni speranza!»³¹ А в третьей части чудными красками, полными небывалого света высочайшего вдохновения, объявшего поэта и пророка, он несет братьям-людям евангелие «единства в Раю», жизни в Боге, жизни в вере, надежде и любви, жизни в мире.

К миру высокому надо идти твердою поступью, всюю силою всех. Это достижимо уже на земле. Но земной рай не есть неподвижное благосостояние в сыром равенстве материального обеспечения. Это – еще далекая цель, созидание единой, христианской, религией оправданной вселенской культуры. Предстоит долгое, страдное, многотрудное, но и глубокомысленное будущее. Христианству начертана еще огромная история впереди, где будет строиться в Боге истинная «humana civilitas»³². Самую религию еще ждут широкие откровения. То будет строительство правды Божьей на земле. Пронизывание мира «Софией», Премудростью Божьей. Она дана с неба, как благодать, но она должна раскрываться работою людей в мире, как душа человечества, – Беатриче земная воплотит Софию небесную.

Верующее человечество в единстве Церкви. Таково еще очень далекое будущее. Но мы, опираясь на свою русскую, православную Церковь (да оживет она!), с нею, в ней, в работе для духовного возрождения русского народа будем шествовать к этой вершине –

Туда, где на горе под новыми звездами
Весь пламенеющий победными огнями
Нас всех дождется наш заветный храм***³³.

³¹ Оригинал выражения Данте Алигьери – Lasciate ogni speranza, voi ch'entrate (Данте. Божественная комедия. Ад. III). Буквальный перевод с ит. «Оставьте все надежды!». В разных переводах эта фраза передается по-разному. Так, у Д. Минаева читаем: «За мной ни для кого надежды нет!» (М.: ЭКСМО, 2006: 54). У М.Л. Лозинского: «Входящие, оставьте упованья» (М.; Л.: Наука, 1967: 18). Или, например, у В.Г. Маранцмана: «Оставьте надежду всякую, входящий» (СПб.: Амфора, 2006: 44).

³² Пер. с лат. «человеческая цивилизация».

*** Я заменил в последнем стихе единственное число (Меня) множественным (нас): так благословил бы поэт-учитель.

Интеллигенция наша никогда не была верующею. Народ потерял веру отцов. Пусть проникнется интеллигенция религиозо, завещанную прошлым: установление связи с будущим чрез настоящее и будет шествием к вечности. Пусть отчетея также к вере народ. Вера будет органом нашего союза с ним. Мы – религиозная интеллигенция – должны сплотиться в братства любви, сначала в тесные содружества, потом в расширяющиеся ордена спасения. Войдем в Церковь. Приобщимся к сокровищам, которыми они искони обладают. Что же лежат они под спудом, пропадают втуне! Будем приливом веры ее укреплять и обновлять. Как верные сыны, будем следовать ее закону, но и, как работники будущего, лить влагу жизни в нее и в себя. Почувствуем Бога в себе и в братьях и тем объединимся.

Говорю: надобно нам не только, как политикам, защищать свободу Церкви от насилия извне, но входить в нее живыми членами и тружениками, созидать русское, а потом и вселенское религиозно-церковное, соборное дело. Оцерковление интеллигенции, религиозное возрождение народа – такова многотрудная задача; она налагается силою жизненной правды, озаряющей свыше.

Принятие церковной веры не есть стеснение духовной свободы личности. Это – истинное ее осуществление. Отказ Церкви от рабства государству, от служения ему в подчинении – есть ее освобождение. Свободная Церковь – это церковь, не утесняемая, но и не утесняющая, действующая не громами анафемы, а словом любви; это – Церковь, духовно глаголющая истину. Свободная личность – это человек, вольно вступивший во вселенский религиозный союз. Неверующий (безбожный), отказывающийся от пути к Богу, если он Его еще не обрел, – это порабощенный мирским страстям и суетным волнам слепой, несчастный человек.

Но свободная Церковь, это – Церковь, постоянно обновляющаяся, ищущая дальше, движущаяся и движущаяся вперед, всегда творческая, в ее иерархии, в отдельных подвижниках, мыслителях, пророках, в одушевленных личностях, верующих массах. Церковь осуществляется не в одном священстве, но во всех. Общим органом творчества да будет общий из духовенства и мирян созывающийся собор.

Поднимемся на защиту религии и Церкви верою, надеждою и любовью, деятельною работою для правды Божией. «Сердце чистое создай в нас, Боже!»³⁴. – «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят!»³⁵. – «Как хорошо, как радостно, братья, быть вместе!»³⁶. Эти слова древне-библейского псалма восторженно произносит Данте, призывая идти к общественному и религиозному единству чрез свободу и культуру. – Да будет так!

Вся в лазури сегодня явилась
Предо мною царица моя, –
Сердце сладким восторгом забилось,
И в лучах восходящего дня
Тихим светом душа засветилась,
А вдаль, догорая, дымилось
Злое пламя земного огня****³⁷.

³³ Вл. Соловьев. В тумане утреннем неверными шагами (1884). См.: Соловьёв 1974: 72.

³⁴ См.: Пс. 50: 12.

³⁵ См.: Мф 5: 8. См.: Чистилище. XVII. 7.

³⁶ См.: Пс. 132: 1.

**** Это обращение Владимира Соловьева к Софии, Премудрость Божьей. – Д. Мережковский недавно верно сказал («Наш век», [1918] №103): «Только тогда, когда о Христе вспомнят (и народ, и интеллигенция) и скажут во имя Христа да будет Россия! Россия будет».

³⁷ Вл. Соловьев. Вся в лазури сегодня явилась (1875). См.: Соловьёв 1974: 61.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Вахромеева О.Б. Духовное единение. К изучению творческой биографии И.М. Гревса. СПб.: «Знаменитые университеты», 2005. 166 с. [Вахромеева О.В. Духовное единение. К изучению творческой биографии И.М. Гревса. СПб.: «Знаменитые университеты», 2005. 166 с.].
- Гайда Ф.А. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 – весна 1917 г.). М.: РОС-СПЭН 2003. 432 с. [Gajda F.A. Liberal'naya oppozitsiya na putyax k vlasti (1914 – vesna 1917 g.). М.: ROSSPE'N 2003. 432 s.].
- Гревс И.М. История Средних веков. Лекции, читанные им на Санкт-Петербургских ВЖК в 1892–1893 гг. / Сост. слушательницами 3-го курса. СПб.: Лит. Руднева, 1893. Ч. 1-2. [Grevs I.M. Istoriya Srednix vekov. Lekcii, chitanny'e im na Sankt-Peterburgskix VZhK v 1892-1893 gg. / Sost. slushatel'nitsami 3-go kursa. SPb.: Lit. Rudneva, 1893. Ch. 1-2].
- Каганович Б.С. Русские медиевисты первой половины XX века. СПб.: Гиперион, 2007. 244 с. [Kaganovich B.S. Russkie medievisty' pervoj poloviny' XX v. SPb.: Giperion, 2007. 244 s.].
- Карташев А.В. Лев Платонович Карсавин (1882–1952) // Карсавин Л.П. Малые сочинения. СПб.: «Алетейя», 1994. С. 471-477 [Kartashev A.V. Lev Platonovich Karsavin (1882–1952) // Karsavin L.P. Maly'e sochineniya. SPb.: «Aletejya», 1994. S. 471-477].
- Свешников А.В. Петербургская школа медиевистов начала XX века. Попытка антропологического анализа научного сообщества. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2010. 408 с. [Sveshnikov A.V. Peterburgskaya shkola medievistov nachala XX veka. Popyt'ka antropologicheskogo analiza nauchnogo soobshhestva. Omsk: Izd-vo Om. gos. un-ta, 2010. 408 s.].
- Селезнев Ф.А. Конституционные демократы и буржуазия (1905–1917 гг.). Н.Новгород: ННГУ, 2006. 227 с. [Seleznnev F.A. Konstitucionny'e demokraty' i burzhuaziya (1905–1917 gg.). N.Novgorod: Izd-vo Nizhegorodskogo gos. un-ta im, 2006. 227 s.].
- Сизова А.Ю. Российская высшая школа в 1917 году: между самодержавием и большевизмом. М.: Проспект, 2017. 192 с. [Sizova A.Yu. Rossijskaya vysshaya shkola v 1917 godu: mezhdu samoderzhaviem i bol'shevizmom. М.: Prospekt, 2017. 192 s.].
- Скржинская Е.Ч. Иван Михайлович Гревс. Биографический очерк // Гревс И.М. Тацит. М.-Л.: Изд. АН СССР, 1946. С. 223-248. [Skurzinskaya E.Ch. Ivan Mixajlovich Grevs. Biograficheskij ocherk // Grevs I.M. Tacit. M.-L.: Izd. AN SSSR, 1946. S. 223-248.].
- Шацилло К.Ф. Русский либерализм накануне революции, 1905–1907 гг. М.: Наука, 1985. 347 с. [Shacillo K.F. Russkij liberalizm nakanune revolyucii, 1905–1907. М.: Nauka, 1985. 347 s.].
- Шелохаев В.В. Либерализм в России в начале XX века. М.: Политическая энциклопедия, 2019. 503 с. [Shelohaev V.V. Liberalizm v Rossii v nachale XX veka. М.: Politicheskaya e'nciklopediya, 2019. 503 s.].

Герш Ксения Вадимовна, кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории и обществознания, Новокузнецкий институт (филиал), Кемеровский государственный университет; bambizova@mail.ru

Клюев Артем Игоревич, преподаватель, кафедра всеобщей истории, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского; kluevartem@mail.ru

Свешников Антон Вадимович, доктор исторических наук, профессор, кафедра всеобщей истории, Омский государственный университет; pucholik@rambler.ru

An unknown article by Ivan M. Grevs

Readers are presented with the text of a previously unpublished article by Ivan Mikhailovich Grevs (1860–1941), professor at St. Petersburg University and the founder of the St. Petersburg School of Medieval Studies. This publication is expected to recreate the historian's artwork biography in its completeness, considering such element of his artwork as political journalism, which has been previously beyond the attention of historiographers.

Keywords: Ivan M. Grevs, political journalism, St. Petersburg School of Medieval Studies, the Church and the Revolution, liberalism in Russia

Ksenia Gersh, PhD in History, associate professor, Department of History and Social Studies, Novokuznetsk Institute (branch) of Kemerovo State University; bambizova@mail.ru

Artem Klyuev, Lecturer, Department of World History, Dostoevsky Omsk State University; kluevartem@mail.ru

Anton Sveshnikov, Dr. Sc., Professor, Department of World History, Dostoevsky Omsk State University; pucholik@rambler.ru

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Н.А. СЕЛУНСКАЯ, Н.Б. СЕЛУНСКАЯ

СВИДЕТЕЛИ, ЗАЛОЖНИКИ, НАСЛЕДНИКИ,
ИЗГНАННИКИ ИМПЕРИИ

PATH DEPENDENCE РУССКОЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Данный обзор посвящается описанию проекта, реализованного в форме круглого стола (под эгидой РОИИ), анализу проблемы “*path dependence*” в контексте изучения культуры последнего этапа существования и крушения Российской империи, а также судьбам и путям развития этого наследия. Особое внимание уделено самому концепту “*path dependence*”, его применению в исторической науке. Акцент также ставится на вопросах изучения взаимосвязей поля политики и поля культуры.

Ключевые слова: *историография, интеллектуальная история, Российская империя, path dependence, русская эмиграция, персональная история, Россия и Италия*

Концепт *path dependence* сегодня входит в арсенал науки и интеллектуальной культуры, а также используется в разных областях и гуманитарного, и естественнонаучного знания. К сожалению, в отечественных работах, эта идея чаще упоминается, чем развивается, несмотря на ее плодотворность и пригодность для описания сложных процессов и традиций развития не только культуры мысли, но и социально-политической сферы, и в т.ч. для объяснения¹ интеллектуальной и политической культуры России в исторической перспективе. Авторство концепта обычно приписывается Д. Норту², но его развитие обеспечили усилия нескольких ученых. В своей основополагающей работе по истории институтов (переведена на русский язык тогда же, в 1990-е гг.) Норт писал: «История имеет значение. Она имеет значение не просто потому, что мы можем извлечь уроки из прошлого, но и потому, что настоящее и будущее связаны с прошлым непрерывностью институтов общества. Выбор, который мы делаем сегодня или завтра, сформирован прошлым»³.

С теорией *path dependence* отечественная академическая и университетская культура была ознакомлена разными путями, но, в немалой степени это произошло благодаря деятельности ее популяризатора и пропагандиста – Пола Дэвида, который в 1985 г. опубликовал статью с анализом ментальных особенностей, связанных с инновациями и сохранением архаичных практик. В виде примера и запоминающейся метафоры использовался процесс формирования стандарта клавиатур печатающих устройств. Хорошо знакомая каждому раскладка QWERTY стала результатом сохранения и преобладания *менее* эффективного стандарта над альтернативными и *более* эффективными. Пол Дэвид приезжал в 1990-е в Россию по приглашению акад. И.Д. Ковальченко и вы-

---

¹ Чеканцева 2020.

² Дуглас Сесил Норт (Douglass Cecil North) – американский экономист, социальный философ, историк, лауреат Нобелевской премии по экономике 1993 года.

³ Норт 1997.

ступал на историческом факультете МГУ с докладом о познавательной функции и ценности концепта “зависимости пути” для исторического объяснения (доклад был переведен Н.Б. Селунской на русский язык). Пол Дэвид подчеркивал, что в случайной последовательности изменений или сохранений предшествующих моделей важное влияние на конечный результат оказывают отдельные отдаленные события прошлого.

После работ Д. Норта, П. Дэвида и других «отцов» теории было доказано широкое распространение QWERTY-эффектов в разных областях деятельности человека. Первоначальные работы по проблеме зависимости от прошлого опыта были связаны с историей техники и инноваций, экономической и институциональной историей, но в дальнейшем исследования ими не ограничивались. Сфера применения теории весьма широка, а ее потенциал явно недостаточно использован историками.

В своих исследовательских практиках сторонники этой теории акцентируют тезисы П. Дэвида о зависимости от предшествующего развития как последовательности изменений, при которой важное влияние на результат могут оказать отдаленные события прошлого, причем скорее случайные события, чем систематические закономерности, т.е. о выборе какой-либо одной возможности из веера альтернатив в условиях неопределенности и неустойчивости баланса социальных сил.

Насколько продуктивно может быть использована эта теория зависимости пути для объяснения особенностей развития интеллектуальной культуры, в целом, в пространстве империй, в частности, в Российской империи на переломе, в период «смены колеи»?

Предметное поле интеллектуальной истории имеет сложную структуру и подвижные границы⁴, так как складывалось из разнородных составляющих (в т.ч. представленных историей идей, общественной, политической, исторической, философской мысли), и в нем совмещаются традиции социальной и персональной истории. Вот почему представляется обоснованным при анализе феномена интеллектуальной культуры Российской империи в контексте теории «зависимости пути» обратить внимание на традиции политической культуры, носителями которой были представители «образованного общества», или «образованного класса» России, интеллектуалы, воспитанные в университетской среде.

Один из способов интерпретации концепта «зависимости пути» был предложен А.А. Аузаном при анализе модернизационных процессов в России и интерпретирован как некая «траектория движения» страны-социума. Если же страна делает регулярные попытки покинуть колею, как это было, по его мнению, с Россией неоднократно, то, как правило, она возвращается на прежнюю траекторию – в свою колею⁵.

В разработке проекта международной научной конференции «Пути империй: модели, практики, дискурсы наднациональных политий от

⁴ См.: Репина 2011.

⁵ Аузан 2007.

древности до современности», организованной в рамках XVII Чтений памяти проф. Н.П. Соколова в Институте международных отношений и мировой истории Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, принимали активное участие члены Общества интеллектуальной истории (РОИИ). Проект Конференции позволил организаторам каждой секции предложить свою оптику, под эгидой РОИИ была организована встреча по теме, связанной с метафорой “пути”, или “колеи”, а именно, с проблемой зависимости русской интеллектуальной культуры от собственного прошлого.

В фокусе обсуждения участников секции – проблема *path dependence*, т.е., именно, в буквальном смысле, пути русской интеллектуальной культуры – *ab Imperio* (после крушения Российской империи) и в изгнании, и на родине, но не в прежней стране, а в неузнаваемо изменившемся мире. Выступавшие анализировали и интерпретировали судьбы ставших свидетелями и современниками распада Российской империи отечественных интеллектуалов, творческое наследие которых в той или иной мере ассоциируется с традицией культуры заката Империи. Тема выражала стремление участников дискуссии рассматривать связи поля науки и поля политики, говоря языком социологии Пьера Бурдьё.

В выступлениях и дискуссии термином *path dependence* охватывалось сохранение или творческое переосмысление ориентиров интеллектуальной культуры силами мыслителей, оставшихся после крушения империи на изменившейся до неузнаваемости родине или же оказавшихся на не менее переменчивой чужбине. Осмысление зависимости от прошлого не равнозначно проблеме континуитета, но такая постановка вопроса применительно к постреволюционной стадии развития русской интеллектуальной культуры не совпадает и с точкой зрения, которая фокусирует признаки кризиса и упадка.

Устроителей и участников интересовала проблема позиционирования русской постреволюционной интеллектуальной культуры как наследницы или соперницы имперской российской и одновременно европейской культуры, частью которой стали интеллектуалы в изгнании. Русская культура в изгнании рассматривалась как немаловажная часть культуры Европы, более того, дискутировался вопрос о том, насколько таковой являлась сама русская интеллектуальная культура заката Империи, ведь, говоря о русской имперской культуре, мы разумеем все ее многообразие, связанное с интернациональным сообществом. Модераторами круглого стола выступили члены редакционной коллегии журнала «Диалог со временем» Надежда Селунская (ИВИ РАН) и Стефано Гардзонио. В работе секции приняли участие представители таких научных центров и вузов, как ИВИ РАН, МГУ, ИНИОН, ННГУ, Университет Пелопоннеса (Греция), Пизанский университет (Италия).

В докладе Н.А. Селунской анализировались проблемы «зависимости пути» и судьбы отечественной медиевистики в эпоху перемен. Медиевисты «Нового Средневековья» оказались у времени в плену:

между Закатом Запада и Русской Атлантидой Империи, стали свидетелями и заложниками эпохи, наступившей в результате цивилизационного кризиса, времени Мировых войн и революций. Русские образы Италии, русское воображение в его стремлении сделать своим и близким далекое и чуждое – основной мотив, прозвучавший в этом докладе⁶. Н.А. Селунская сконцентрировала внимание на жизни и трудах интеллектуалов, творивших век назад, в особенности двух юбиляров года, представителей двух разных поколений историков дореволюционного мира – И. Гревса и В. Забугина и героев их книг.

Доклад соведущего круглого стола проф. Стефано Гардзонио (Пизанский университет) продолжил тему встречи культур России и Италии, пересечения сфер политической и интеллектуальной культуры – на примере биографии Е.А. Ананьина. Один из ярких представителей русской эмиграции в Италии Ананьин был в прошлом активным деятелем русской социал-демократии. В эмиграции, уже после революции 1905 г., Ананьин жил в Париже, где окончил Сорбонну, в этот же период сошелся с Г.В. Плехановым. Сразу заняв анти-ленинскую позицию, он печатался под партийным псевдонимом Е. Чарский в социалистических изданиях, в частности, в итальянском «*Critica Sociale*» (переехал в Италию в 1913 г.). Ананьин имел контакты с Муссолини в 1914 г. После кратко пребывания в революционной России в 1920 г. Ананьин вернулся в Италию. О своей политической жизни он писал в мемуарных записках «Из воспоминаний революционера 1905–1921 гг.». В Италии Ананьин писал об итальянском Возрождении, о еретическом движении Треченто, о Ницше, Леопарди, Пушкине и Горьком. Он является также автором «Истории современной России» («*Storia della Russia moderna*», Roma, 1953) и «Истории русской литературы» («*Storia della letteratura russa*», Roma, 1954). В послевоенные годы Е.А. Ананьин стал основным итальянским корреспондентом парижской «Русской мысли».

Доклад представителя принимающей стороны, организатора конференции «Пути империй» А.М. Абидулина (ННГУ) «Имперское пространство в трудах отечественных востоковедов конца XIX – первой половины XX в.: от Османской империи к Турецкой Республике» продолжил линию исследований на пересечении интеллектуального поля и поля политики. В докладе была акцентирована роль геополитического фактора в развитии отечественного востоковедения. Говоря о развитии тюркологии, следует особо отметить период второй половины XIX — начала XX в., когда систематизировалась имевшаяся база источников, возникали новые научные центры по османистике. Отдельное внимание было уделено деятельности «Азиатской части» Генерального (с 1866 г. – Главного) штаба, представители которой под видом путешественников знакомились с географией, хозяйством, инфраструктурой, настроениями на территории Османской империи, но вопросы ее региональной специ-

⁶ Эта тема прежде развивалась Н.А. Селунской в контексте исследования идеи «Нового Средневековья». См.: Селунская 2016; 2018.

фики привлекали не только военных специалистов: интересным примером в этой связи видятся травелоги Лидии Пашковой, опубликованные во Франции и в России в последней трети XIX в. Освещая метаморфозы отечественной османистики в первой половине XX в., докладчик подчеркнул ключевую роль Февральской и Октябрьской революций в России и Кемалистской – в Турции. Показательно, что на формирование новой турецкой национальной идентичности существенно повлияли именно российские тюркологи, волею судеб вовлеченные в водовороты распада обеих империй и возникновения на их обломках новых государств.

Доклад профессора МГУ Н.Б. Селунской акцентировал взаимосвязь интеллектуального поля и поля политики в контексте отечественной истории начала XX в., автор также обозначила свою интерпретацию концепта «зависимости колеи». В докладе были представлены экземпляры такой устойчиво передаваемой из поколения в поколение российской традиции интеллектуальной культуры, как ответственность «образованного общества» перед народом. Была раскрыта специфика проявления названной традиции в поздней императорской России на основе прочтения персональных историй и политического дискурса о народном представительстве либерально настроенных интеллектуалов, тех депутатов Государственной Думы, большинство из которых сформировались как личности в университетской среде. Эти представители русской интеллектуальной элиты с разрушением Российской империи стали беженцами, эмигрантами первой волны, но запечатлели в изгнании свой опыт участия в народном представительстве. Соратники и коллеги авторов воспоминаний изображались как «лучшие люди земли Русской» в записках и мемуарах, созданных в изгнании.

В выступлении А.Н. Левандовского (аспирант МГУ) были проанализированы т.н. «дневники Александра II» – созданные Н.И. Марковым сборники документов, которые считаются подделкой, нацеленной на получение выгоды. Однако докладчик (на основе проекта исследований, совместно с С.А. Панкрашиным) скорректировал это утверждение, опираясь на ряд аргументов. Сам Марков в предисловии к изданию указал, что публикуется не собственноручный дневник императора, а скомпонованные в хронологическом порядке его письма и документы, проливающие свет на жизнь «царя освободителя». Немаловажен и ряд совпадений между материалами княгини Юрьевской и текстами «дневника». Если бы документы были проданы по отдельности, это принесло бы гораздо больше дохода, чем предполагаемая выручка за книжное издание при расходах на печать, так что корыстный мотив вряд ли был основным. Докладчик остановился на психологическом портрете и возможных целях Маркова, который писал об общем с княгиней Юрьевской стремлении воздать должное императору разрушенной страны, на возрождение которой монархисты надеялись и в годы издания «дневников». Было указано, что концепт path dependence помогает обосновать и конкретизировать позицию исследователя.

Центральная фигура доклада д.и.н. В.П. Любина (ИНИОН) – «беглец из империи» и «загостившийся поклонник» Италии, знаток итальянской культуры Н.А. Осоргин. В докладе проанализирована его деятельность во время первой (1906–1916) эмиграции, рассмотрены его «Очерки современной Италии» (1913) как выдающееся и остающееся актуальным творческое достижение. Докладчик сравнил подходы Осоргина и взгляды на итальянскую (в основном средневековую историю) автора изданной тогда же монографии искусствоведа П.П. Муратова «Образы Италии». Осоргин в отличие от Муратова постарался показать, чем и как живут итальянцы и современная Италия начала XX в. Для читателей предреволюционной России книга стала открытием. Осоргин внес важный вклад в создание русского образа Италии.

Доклад А.А. Кузнецова (ННГУ) «“Если выпало в Империи родиться...”: имперский поворот в исследованиях С.И. Архангельского и Н.П. Соколова» был посвящен эволюции профессиональных интересов двух советских историков, реконструируемой на основе архивных материалов. На формирование интереса Архангельского к имперской проблематике, видимо, серьезно повлияли штудии по истории Английской революции, события которой могли отчасти перекликаться с развернувшейся после 1917 г. трансформацией российской государственности и становления на территории бывшей империи новой державы – Советского Союза. Восприятие же имперской идеи Соколовым могло оформляться в связи с проблематикой краха Византийской империи и образованием венецианской колониальной империи. Показательно, что за несколько лет до обращения Н.П. Соколова к этой теме он, будучи подвергнут уголовному преследованию по «политической» статье, изложил в одном из документов следствия личный опыт рефлексии относительно преемственности между имперским и советским периодами в истории родной страны. Имперский характер отечественной государственности не был для Соколова явлением идеологического порядка и соотносился, скорее, с представлениями о мощи политических и экономических институтов, развитой бюрократии, высокой культуры, подкрепляемой сильными позициями образования и науки. В этом контексте переход историка от резкого неприятия Советской власти (в первые годы после революции) к ее одобрению и защите (с сер. 1930-х гг.) был опосредован ростом экономики, возрождением университетских и академических традиций, укреплением позиций страны на мировой политической арене.

Герой доклада Лины Позиду (Ун-т Пелопоннеса) «Н.П. Соколов как исследователь венециано-византийских отношений» представлен как последовательный противник упрощения событийной канвы сложных политико-экономических процессов в угоду конъюнктурным требованиям «единственно верного» марксистского подхода к истории. Так, он подверг жесткой критике не подкрепленные фактами построения Ф.И. Успенского и М.А. Заборова относительно организации IV Крестового похода, который закончился захватом Константинополя в 1204 г. и

началом периода франкократии на большей части Византии. Отдельное внимание в докладе было уделено публикациям Соколова в «Византийском временнике», а также его докторской диссертации, на основе которой позднее была подготовлена монография «Образование венецианской колониальной империи». Имеющиеся материалы позволяют говорить, что обращение уже немолодого историка к прошлому средиземноморских обществ состоялось во многом благодаря содействию крупных советских медиевистов С.И. Архангельского и Е.А. Косминского. Блестящее же образование, полученное Соколовым в царской России, и великолепное знание иностранных и древних языков способствовали очень быстрому (по меркам 1940–1950-х) погружению в обширную литературу предмета и освоению масштабного корпуса письменных источников.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Аузан А.А. «Колея» российской модернизации // Общественные науки и современность. 2007. № 6. С. 54–60 [Auzan A.A. «Koleya» Rossijskoj modernizacii // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. № 6. 2007. S. 54–60]
- Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономич. книги "Начала", 1997. 180 с. [Nort D. Instituty, institucional'nye izmeneniya i funkcionirovanie ekonomiki. M.: Fond ekonomicheskoy knigi "Nachala", 1997. 180 s.]
- Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Круг, 2011. 560 с. [Repina L.P. Istoricheskaya nauka na rubezhe XX–XXI vv.: social'nye teorii i istoriograficheskaya praktika. M.: Krug, 2011. 560 s.]
- Селунская Н.А. «Своя» и «чужая» история: историки-медиевисты между мировыми войнами и социальными потрясениями // Диалог со временем. 2016. Вып. 55. С. 62–90. [Selunskaya N.A. «Svoya» i «chuzhaya» istoriya: istoriki-medievisty mezhdru mirovymi voynami i social'nymi potrvaseniymi // Dialog so vremenem. 2016. S. 62–90]
- Селунская Н.А. Новое Средневековье – русская идея? Медиевистика Бицилли, средневековые общественные движения и актуализация истории // Диалог со временем. 2018. Вып. 64. С. 179–195 [Selunskaya N.A. Novoe Srednevekov'e – russkaya ideya? Medievistika Bicilli, srednevekovye obshchestvennye dvizheniya i aktualizaciya istorii // Dialog so vremenem. 2018. Vyp. 64. S. 179–195]
- Чеканцева З.А. Path dependence, политика времени и метаморфозы истории // Вестник Пермск. ун-та. История. 2020. Вып. 3 (50). С. 5–16 [Chekanceva Z.A. Path dependence, politika vremeni i metamorfozy istorii // Vestnik Permskogo un-ta. Istoriya. 3 (50) 2020. S. 5–16].

Селунская Надежда Андреевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН, liquidmodernity@gmail.com

Селунская Наталья Борисовна, доктор исторических наук, профессор, Исторический факультет, МГУ им. М.В. Ломоносова; selunsk@yandex.ru

Witnesses, hostages, heirs, exiles of the Empire Path dependence of Russian intellectual culture

This review is devoted to the description of the project, implemented in the form of a round table (under the auspices of the RSIH), the analysis of the problem of “path dependence” in the context of studying the culture of the last stage of the existence and collapse of the Russian Empire, as well as the fate and development of this heritage. Particular attention is paid to the concept of “path dependence”, its application to historical study. Emphasis is also placed on the issues of the relationship between the field of politics and the field of culture.

Keywords: historiography, intellectual culture, Russian Empire, path dependence, Russian emigration, personal history, Russia and Italy

Nadezhda Selunskaya, Senior Researcher, Center for Intellectual History, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; liquidmodernity@gmail.com

Natalya Selunskaya, Professor, Lomonosov Moscow State University; selunsk@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ

History and Theory

<i>Alexander A. Lukashevich</i> The principle of double historization in source studies.....	5
<i>Ivan Nokhrin</i> The Idea that Created Modernity: Liah Greenfeld's theory of Nationalism.....	19
<i>Sergey Zanin</i> Communicative function of utopia.....	33

Intellectual History Today

<i>Alexander Onosov</i> Ideological hyperspace of Russian cosmosophy: V.N. Karazin.....	47
<i>Aleksei Viazinkin</i> The Problem of sovereign personality in ideological heritage of N.K. Mikhaylovsky.....	62

Images, Myths, Symbols

<i>Andrei Smorchkov</i> Mythological tradition and sacral legitimation of Roman magistrates' power.....	78
<i>Natalya Bikeyeva</i> Rethinking an early medieval image of a saint St. Rade Gund's Life by Hildebert of Lavardin.....	89
<i>Svetlana Malysheva, Alla Salnikova</i> "Lenin's Myth" in the Historical Memory and Corporate Culture of Kazan University.....	101

History through Personality

<i>Ksenia Bepalova</i> "You haven't seen the communism in the yours eyes, and me, I not only seen and lived ten years at it, but I also build it!".....	116
<i>Dmitry Shmelev</i> François Mauriac, Russian revolution and communism.....	126
<i>Irina Krayneva</i> Isidor Borisovich Rumer: Pages of biography.....	140

History of Historiography

<i>Dmitry Martynov</i> Zhang Binglin, Gu Jiegang and the "Historiographic Revolution" in China.....	156
<i>Yervand Margaryan</i> An episode in the history of British Studies of the Hellenism.....	169
<i>Temurnalik Kholmatov</i> The Classicization of S.B. Veselovskiy's heritage.....	185

History of Science and Education

<i>Sofya Lim</i> The democratic movement at universities of Japan (1918–1932).....	197
<i>Ilya Sidorchuk</i> The establishment of late Stalinist science in the Lithuanian SSR (1945–1953).....	214
<i>Rafael Valeev, Rimma Valeeva</i> Formation of Kazan archaeological school and its role in the development of the system of historical and cultural heritage preservation of Russia and Tatarstan.....	229

Crossroads of Interdisciplinarity

Sergey Kondratiev
 Law, royal power, Magna Carta and legal routine in the reading of Robert Snagg (1581)... 240

Andrey Karagodin
 Books as an object of "conspicuous consumption" an exercise in comparative history..... 253

Lydia A. Sychenkova
 On the origins of iconographic method: artistic and scientific heritage
 of Russian cultural historians of the early 20th century..... 266

Ekaterina Viliatikina
 Unification of the norms of social behavior in the late Victorian period 278

Elena G. Oleynikova
 Stalingrad after the Second World War in the opinion
 of John Steinbeck: social reality and plans of development..... 286

Sergey Buranok
 Solutions to the "Japanese question" in the USA during the Japanese-Chinese conflict..... 298

Yaroslav Levin
 On the Way to Understanding:
 the Formation of the Perception of Decolonization of South-East Asia in the CIA..... 310

Historical Essays

Irina Boldyreva
 Anglo-Saxon Monastic Women in the 7–8th Centuries..... 321

Tatiana Labutina
 Private life of Catherine II in the descriptions of British ambassadors..... 338

Olga Solodyankina
 Bureaucratic, scientific and gender discourses of the archival "case of ugly chicken"..... 353

Alexei Vovk
 The "Union of Friends of the Soviet Motherland", 12, de Buci street, Paris..... 363

Stanislav Malkin
 «Irish war» and Colonial Control (British Military Thought during the Interbellum)..... 376

Reading books...

Liudmila Ivonina
 Presentation of Europe..... 389

Vladimir Gutorov, Aleksandr Shirinyants
 On the new "historical reading" of the liberal tradition..... 398

Publications and Translations

Ksenia Gersh, Artem Klyuev, Anton Sveshnikov
 An unknown article by Ivan M. Grevs..... 407

Events

Nadezhda Selunskaya, Natalya Selounskaya
 Witnesses, hostages, heirs, exiles of the Empire
 Path dependence of Russian intellectual culture..... 421

CONTENTS..... 428

СОДЕРЖАНИЕ

История и теория

<i>А.А. Лукашевич</i> Принцип двойной историзации в источниковедении.....	5
<i>И.М. Нохрин</i> Идея, которая создала современность: теория национализма Лири Гринфелд.....	19
<i>С.В. Занин</i> Коммуникативная функция утопии.....	33

Интеллектуальная история сегодня

<i>А.А. Оносов</i> Идейное гиперпространство русской космофилы: В.Н. Карзин.....	47
<i>А.Ю. Вязинкин</i> Проблема суверенной личности в идейном наследии Н.К. Михайловского.....	62

Образы, мифы, символы

<i>А.М. Сморгачев</i> Мифологическая традиция в сакральной легитимации римской магистратской власти.....	78
<i>Н.Ю. Бикеева</i> Переосмысление раннесредневекового образа святой Житие св. Радегунды Хильдеберта Лаварденского.....	89
<i>С.Ю. Мальшева, А.А. Сальникова</i> “Ленинский миф” в исторической памяти и корпоративной культуре Казанского университета.....	101

История через личность

<i>К.А. Беспалова</i> «Вы коммунизма в глаза не видели, а я не только видел и жил десять лет при нем, но я его еще и строил!»: Марсель Боди о пребывании в России.....	116
<i>Д.В. Шмелев</i> Франсуа Мориак, русская революция и коммунизм.....	126
<i>И.А. Крайнева</i> Исидор Борисович Румер: страницы биографии.....	140

История историографии

<i>Д.Е. Мартынов</i> Чжан Бин-Линь, Гу Цзе-Ган и “историографическая революция”.....	156
<i>Е.Г. Маргарян</i> Из истории британских исследований эллинизма.....	169
<i>Т.К. Холматов</i> Классикализация научного наследия С.Б. Веселовского.....	185

Из истории науки и образования

<i>С.Ч. Лим</i> Демократическое движение в университетах Японии (1918–1932).....	197
<i>И.В. Сидорчук</i> Утверждение позднесталинской науки в Литовской ССР (1945–1953).....	214
<i>Р.М. Валеев, Р.Р. Валеева-Хакимова</i> Формирование Казанской археологической школы и ее роль в развитии системы охраны историко-культурного наследия России и Татарстана.....	229

Перекрестки интердисциплинарности*С.В. Контратьев*Право, королевская власть, Великая хартия вольностей и правовая рутина
в лекциях Роберта Снегга (1581)..... 240*А.В. Карагодин*Книги как предмет «показательного потребления»
опыт сравнительной истории (на примере библиотек Н.С. Мальцова и И. Физия)..... 253*Л.А. Сыченкова*У истоков иконографического метода: художественное и научное наследие
российских историков культуры начала XX века..... 266*Е.Ю. Виляйкина*Унификация норм общественного поведения
в поздневикторианский период..... 278*Е.Г. Олейникова*Послевоенный Сталинград глазами Джона Стейнбека
социальная действительность и планы развития..... 286*С.О. Буранок*Модели решения «японского вопроса» в США
в период японо-китайского конфликта..... 298*Я.А. Левин*На пути к пониманию: формирование в ЦРУ
восприятия процесса деколонизации в Юго-Восточной Азии..... 310**Исторические этюды***И.И. Болдырева*

Англосаксонское женское монашество в VII–VIII вв..... 321

Т.Л. Лабутина

Частная жизнь Екатерины II в описаниях британских послов..... 338

*О.Ю. Солодянкина*Бюрократический, научный и гендерный дискурсы
архивного «дела об уродливой курице»..... 353*А.Ю. Вовк*

«Союз Друзей Советской Родины», Париж, улица де Бюси, 12..... 363

С.Г. Малкин«Ирландская война» и колониальный контроль
(британская военная мысль Интербеллума)..... 376**Читая книги...***Л.И. Ивонина*

Презентация Европы..... 389

В.А. Гуторов, А.А. Шириняни

О новом «историческом прочтении» либеральной традиции..... 398

Публикации и переводы*К.В. Герш, А.И. Клюев, А.В. Свешников*

Неизвестная статья И.М. Гревса..... 407

Научная жизнь*Н.А. Селунская, Н.Б. Селунская*Свидетели, заложники, наследники, изгнанники Империи
Path dependence русской интеллектуальной культуры..... 421

CONTENTS..... 428

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ 74 / 2020

Поиск DOI: <http://search.rads-doi.org/index.php/> ; <http://www.doi.org/>

- А.А. Лукашевич
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2021.74.74.033>
- И.М. Нохрин
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2021.74.74.034>
- С.В. Занин
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2021.74.74.001>
- А.А. Оносов
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2021.74.74.002>
- А.Ю. Вязинкин
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2021.74.74.003>
- А.М. Сморгчов
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2021.74.74.004>
- Н.Ю. Бикеева
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2021.74.74.005>
- С.Ю. Малышева, А.А. Сальникова
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2021.74.74.006>
- К.А. Беспалова
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2021.74.74.007>
- Д.В. Шмелев
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2021.74.74.008>
- И.А. Крайнева
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2021.74.74.009>
- Д.Е. Мартынов
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2021.74.74.010>
- Е.Г. Маргарян
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2021.74.74.011>
- Т.К. Холматов
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2021.74.74.012>
- С.Ч. Лим
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2021.74.74.013>
- И.В. Сидорчук
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2021.74.74.014>
- Р.М. Валеев, Р.Р. Валеева-Хакимова
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2021.74.74.015>
- С.В. Контратьев
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2021.74.74.016>
- А.В. Карагодин
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2021.74.74.017>
- Л.А. Сыченкова
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2021.74.74.018>
- Е.Ю. Виляйкина
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2021.74.74.019>
- Е.Г. Олейникова
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2021.74.74.020>
- С.О. Буранок
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2021.74.74.021>
- Я.А. Левин
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2021.74.74.022>
- И.И. Болдырева
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2021.74.74.023>
- Т.Л. Лабутина
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2021.74.74.024>
- О.Ю. Соколякина
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2021.74.74.025>
- А.Ю. Вовк
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2021.74.74.026>
- С.Г. Малкин
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2021.74.74.027>
- Л.И. Ивонова
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2021.74.74.028>
- В.А. Гуторов, А.А. Ширинянц
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2021.74.74.029>
- К.В. Герш, А.И. Клюев, А.В. Свешников
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2021.74.74.030>
- Н.А. Селунская, Н.Б. Селунская
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2021.74.74.031>

Адрес редакции: 119334, Москва, Ленинский проспект, д. 32-А, к. 1423

Тел. (495) 938-53-91 Web-стр.: <http://roii.ru/about> Эл. почта: dialogue.time@yandex.ru

Формат 60x90 / 16. Бумага офсетная № 1. Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 30.

Тираж 600. Отпечатано в типографии Onebook.ru ООО «Сам Полиграфист».

Москва, Волгоградский пр., д. 42, стр. 5. info@onebook.ru ; www.onebook.ru

Тел.: +7 (495) 545-37-10

ISSN 2073-7564

Журнал индексируется в Российском индексе научного Цитирования (РИНЦ);
включен в диссертационный перечень ВАК по специальности история;
в базы данных SCOPUS (с 2016 г.); WoS Core Collection (Emerging Sources Citation Index [ESCI])
(с декабря 2017 г.). Подписной индекс: 36030

Полные электронные версии статей представлены на сайте: <http://roii.ru/publications/dialogue>
Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в
сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия (Свидетельство ПИ № ФС
77-24798 от 29 июня 2006 г.). Электронная версия — Эл. № ФС 77-53624